ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

92

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2025 Issue 92

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2025 Выпуск 92

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 92

М.: Аквилон, 2025. — 464 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

АКВИЛОН

DIALOGUE WITH TIME 92

Moscow: Aquilo-Press, 2025. — 464 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2025
© Институт всеобщей истории, 2025
© Издательство «Аквилон», 2025
© Журнал «Диалог со временем», 2025
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

О.А. Власова

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ ГУМАНИТАРИИ В «ДИАЛОГЕ СО ВРЕМЕНЕМ» И СОБОЙ*

В статье анализируется стратегия проблематизации современности как особый тип исследования настоящего, который в последние годы развивается в философии, социологии, политологии, педагогике и психологии. Автор опирается на недавно открытую и изданную работу М. Фуко «Философский дискурс», социологическую концепцию настоящего Р. Кастеля, привлекает исследования К. Купман, И. Стенгерс, К. Бакки, Л. Фендлер и др. Анализируются понятия «проблематизация», «история настоящего», «стратегический презентизм». Автор доказывает, что постановка вопроса о современности открывает две перспективы: перспективу «онтологии себя», конститутивного опыта человека в эпохе; перспективу проблемных практик культуры, связывающих настоящее с прошлым. Философская проблематизация современности сопоставляется с методом истории и показывается, как первая помогает второй прояснить ее основания и границы дисциплинарного мышления. Уточняется значение проблематизации современности для схождения истории и социологии: проблематизация позволяет обратить их друг к другу, при этом социология выступает как исследование современных общественных практик, а история как прояснение их исторических форм. Сравнительную перспективу проблематизация дает и политологии, позволяя разработать сравнительные историю и политологию культур и традиций. Показана продуктивность проблематизации современности как стратегического презентизма для педагогики и философии образования и важность расширения в этой области исторической интерпретации. Делается вывод, что стратегия проблематизации современности позволяет культивировать критическую рефлексивную историю в междисциплинарном пространстве гуманитарных и социальных наук.

Ключевые слова: *современность, проблематизация, история настоящего, презентизм, история, прошлое, самосознание.*

Интенсивность мировых событий последних лет толкает философов к осмыслению того, что можно охарактеризовать как философскую концептуализацию современности. Она связана с погружением в контекст актуальной исторической ситуации и одновременным выходом из нее. Во всех ее условных моделях[1] – онтологической, антропологической, постмодернистской – необходимым оказывается вектор различения «свое-иное», «историческое-внеисторическое», «прошлое-настоящее», в любом случае, картезианский вектор самосознания. В самой современной исследовательской литературе, наравне с критикой презентистских тенденций, заметно акцентирование данной исследовательской области. Ее оформление есть следствие сразу нескольких факторов: во-первых, вполне закономерного развития дискуссий о презентизме и анти-презентизме, которые начинают уходить от крайних позиций и искать точки соприкосновения; во-вторых, с новыми тенденциями развития интел-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00895 «Концептуализация современности в философском дискурсе».

[1] Дьяков 2024.

лектуальной истории и культурной истории, которые перестают довольствоваться прошлым и выходят в горизонт настоящего, ища новую методологию; в-третьих, с нарастающей адаптацией генеалогического метода к различным полям гуманитарных наук и открытием ими стратегии «проблематизации» – как философского метода и одновременно метода работы в историческом пространстве гуманитарных и социальных наук.

Интеллектуальная история вносит в такое обращение самосознания особый вклад. Объединяя в своем междисциплинарном поле философию и историю[2], социологию и психологию[3], историю культуры[4] и научных, политических практик[5], интеллектуальная история соединяет концептуализацию современности и ее исторически ориентированную проблематизацию, что позволяет нам одновременно и говорить «сегодня», и спрашивать о «вчера».

Чуть больше года назад французским издательством «*Seuil*» опубликована ранее неизвестная рукопись Мишеля Фуко «Философский дискурс», в которой диагностика современности мыслится в качестве основной задачи философии и в которой сама философия рассматривается как «дискурс на границе других дискурсов», проблематизирующий современность в иных (по отношению к философии) проблемных и предметных полях. Пока мы видим только единичные исследования, привлекающие эту линию анализа, но они, безусловно, будут развиваться. Продемонстрировать, что может дать философии, гуманитарным и социальным наукам стратегия проблематизации современности и какое проблемное поле она может здесь развернуть, – задача настоящей статьи.

Современность «нас самих» и ее проблематизация в философии истории

Точнее всего философскую концептуализацию современности можно определить словами Фуко (сказанными о Канте) как «вопрос о настоящем, вопрос о современности: что происходит сегодня? Что происходит сейчас? Что такое “сейчас”, внутри которого мы так или иначе пребываем, и что это за место, та точка, [в которой] я пишу»[6]. В этом случае настоящее становится точкой самосознания, открывающей перспективу (вследствие человеческой историчности и внеисторичности, как сказал бы К. Ясперс) осмысления самой истории и человека в ней.

Дискурс современности, как показывают недавно опубликованные материалы Фуко, появляется в конфигурации его мысли довольно рано – в относительно завершенном виде между «Словами и вещами» и «Археологией знания». Его источником для Фуко становится Ф. Ницше, и опираясь на рецепцию его идей Фуко начинает говорить об основной функции философии, которая отличает ее не только от естественных наук, но и от истории. Эта функция – диагностика современности.

[2] Репина 2023.
[3] Родигина, Сабурова 2016.
[4] Чеканцева 2021.
[5] Гладышев 2022.
[6] Фуко 2011: 23–24.

Фуко начинает рукопись «Философский дискурс» следующими словами: «Уже какое-то время – со времен Ницше? или совсем недавно? – философия получила доселе незнакомую ей задачу: диагностировать то, что происходит вокруг. Осознать происходящее благодаря неким особым указателям. Обнаружить бурление событий в том шепоте, который мы больше не слышим, ибо уже к нему не восприимчивы. Сказать, что мы видим в том, что привыкли каждый день созерцать. Вывести наше смутное время под яркие лучи света. Схватить момент»[7]. В этой новой функции (утратив функцию поиска истины), по Фуко, философия, наконец, становится современной, актуальной, эмпирической наукой, поскольку просто описывает то, что происходит. «И философ будет свободен, если ему, наконец, удастся сделать так, чтобы в ткани его слов мы узрели отблеск “сегодня”. Теперь он лишь человек сегодняшнего дня, человек момента: тот пассажир, что к проходу сидит ближе всех»[8].

Вопрос о современности ставится на протяжении всего творчества мыслителя в двух перспективах: во-первых, как вопрос «онтологии себя», «нас самих», т.е. конститутивного опыта человека, делающего его тем, кто он есть, а во-вторых, как вопрос специфики этого опыта как современного в сопоставлении с подобными практиками прошлого. Первая перспектива обращает к опыту, в котором можно приблизиться к границе человеческой свободы: к безумию, сексуальности, правонарушению, ненормальности, мужественной речи. В поздних лекционных курсах онтологическая практика себя, сопряженная со свободой, выводится в так называемой «эстетике существования». Вторая перспектива приводит к тем практикам прошлого, которые отражают самые проблемные точки нашей современной «онтологии себя»: к попечению, монашеству, смертной казни и проч. Это предельно историчные конфигурации, складывающиеся вокруг отношения к разуму (и неразумию), душе (и телу), жизни (и смерти). Поэтому первый вопрос о «сейчас» нас самих для Фуко связан с тем, что он обозначает как генеалогию.

В этих двух измерениях Фуко задает перспективу иную, по сравнению с перспективой истории, однако, как он будет признаваться и сам, историками принятую не только с критикой, но и с почтением. Ее точка отсчета – не прошлое, история на своих собственных условиях и в своих собственных рамках, а настоящее. Такой взгляд он обозначит термином «проблематизация». В интервью 1984 г., данном Франсуа Эвальду, он скажет: «Идея, которая объединяет все мои работы, начиная с “Истории безумия”, – *проблематизация*»[9].

К. Купман в монографии, посвященной этому выведенному в позднем творчестве Фуко понятию, а также в ряде других работ подчеркивает две важные коннотации[10]: проблематизацию стоит рассматривать

[7] Foucault 2023: 13.
[8] Foucault 2023: 17.
[9] Foucault 2001: 1488
[10] Koopman 2013.

одновременно как глагол и как существительное. Проблематизация как глагол для Фуко есть способ исследовательской деятельности, ключевой момент его исследовательского инструментария. Продолжая можно сказать, что Фуко «проблематизирует» современность. Проблематизация как существительное есть объект исследования, исторический феномен, совокупность конкретно исторических практик. В этом смысле психиатрическая больница и ее появление в истории отражает проблематизацию специфического характерного для XVIII в. отношения к разуму и неразумному индивиду. Выходит, что проблематизация как существительное отражает генеалогию как историю современности.

Сосредоточенность на «нас самих» и «себе» обеспечивает своеобразие исторического взгляда Фуко: в кантианской манере он признает, что мы говорим только в определенных понятиях, замкнуты в современности, и всякая история оказывается здесь историей «себя» – единственным возможным различием, которое дает нам дистанцию исследования. История кантиански мыслится как история «для нас» и история «нас самих», что оказывается принципиально важным для гуманитарных наук после XIX в. И. Стенгерс фиксирует этот значимый момент следующим образом: «Обратите внимание на довольно примечательное появление “нас самих”, которое обозначает мыслителя, вовлеченного в своеобразный эксперимент и осознающего, что один из результатов есть постижение себя самого, самого среди других»[11]. Стенгерс подчеркивает, что в позднем творчестве Фуко акцентирует знак равенства между историческим исследованием и поверкой настоящего.

Таким образом, проблематизация современности позволяет обратить историю к самой истории, помыслить ее собственные границы как границы мышления и открыть историю как таковую. «Это было философское упражнение: его сверхзадачей было узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе»[12], – поясняет такую стратегию Фуко. При этом мысль есть «доконцептуальный, анонимный, социально санкционированный корпус правил, который определяет особенности восприятия, суждения, воображения и поведения человека»[13]. К. Бакки отмечает, что так Фуко «стремится вычленить пространство между реализмом и идеализмом»[14].

Некие имплицитные правила, анонимные установки предшествуют полю практик, в которых они становятся явными, концептуализируются и могут быть схвачены в исследовании. Такая стратегия проблематизации как проблематизации современности развивается в социологических, педагогических, психологических и политологических исследованиях.

[11] Stengers 2021: 72.
[12] Фуко 2004: 15.
[13] Flynn 2005: 31.
[14] Bacchi 2012: 3.

«История настоящего» в социологии и самосознание проблематизации в политологии

Первым полем для развития идей концептуализации современности становится социология, в рамках которой французский социолог Робер Кастель разрабатывает понятие «истории настоящего», основанной на проблематизации современности. Последняя понимается как обращение к дискурсивным практикам прошлого, которые конституируют некоторую совокупность явлений как объект мысли. «…Концепция “проблематизации”, которую Кастель заимствует у Фуко,.. служит для оправдания правомерности реституции далекого прошлого в свете современных проблем»[15], – подчеркивает Ф. Хулак.

Кастель определяет историю настоящего следующим образом: «Ее отправной пункт – это убеждение (которое я разделяю) в том, что настоящее представляет собой соединение, с одной стороны, элементов, наследуемых из прошлого, с другой – текущих новаций. Иными словами, настоящее несет на себе бремя, груз прошлого, и задача настоящего в том, чтобы сделать этот груз видимым и понять его нынешние следствия. Анализ той или иной современной практики означает рассмотрение ее с позиций исторического базиса, на котором она возникла. Это означает, что наше понимание существующей в настоящем структуры должно основываться на серии ее предшествующих трансформаций. Прошлое не повторяется в настоящем, но настоящее разыгрывается и порождает инновации с использованием наследия прошлого»[16]. История настоящего обращается к основанию современности как к сформировавшим ее «дискурсивным и недискурсивным практикам». Она опирается на «перечитывание», интерпретацию, «конституирование другого описания». «Нужно, – пишет Кастель, – обратиться к прошлому с нашим сегодняшним вопросом и написать рассказ о его появлении и его перипетиях. …Поскольку настоящее – не только современное. Есть еще эффект наследования, а память об этом наследстве нам необходима, чтобы понимать настоящее и действовать сегодня»[17].

Исторический подход здесь сочетается с социологическим, когда, пытаясь понять, что происходит в обществе сейчас, исследователь обращается к фактам и структурам прошлого. «Проблематичные конфигурации» настоящего, определяющие социологический срез современности, исследуются в отношении к прошлым конфигурациям и выясняются их особенности. Проблематизации не постоянны: они актуализируются и затушевываются, они оформляются в определенный период, при определенных условиях, по прошествии времени – на отдалении, и просматриваются в совершенно различных проблемах, за различными по своим формулировкам вопросами.

В одном из своих интервью Кастель на биографическом примере очень конкретизирует методологию проблематизации современности и,

[15] Hulak 2018: 388.
[16] Кастель 2001: 12.
[17] Кастель 2009: 8.

фактически, увязывает между собой проблематизацию как существительное, как практики проблематизации, и проблематизацию как глагол, как перспективу, метод исследования (два смысла термина, которые акцентирует И. Стенгерс). Поясняя истоки интереса к психиатрическим институтам, он рассказывает о своей жене, которая работала психиатром в больнице Вильжюифа, где сам он поэтому часто бывал. «…Я помню, – вспоминает он, – как пациенты ходили кругами во дворе больницы, точь-в-точь как описывает Гоффман. Я смотрел на реальность *тотальной институции*, но будучи дистанцирован от нее, не будучи вовлечен в нее как профессионал. (…) Я постоянно возвращаюсь к этому образу сумасшедшего из больницы Вильжюифа,.. потому что этот пациент выражал истину нашего общества. (…) Не за этой ситуацией, а в ее основе – исток как истории, так и социальных классов, отношений господства, которые придают ей особую напряженность…»[18].

В проблематизации (как методе) как истории настоящего (для Кастеля, например, в исследованиях психиатрической больницы или наемного труда) можно обнаружить проблематизации прошлого, проблематичные конфигурации, которые особенно заметны на историческом расстоянии, и которые до сих пор образуют узел социальных проблем. В этом плане Кастель говорит о своеобразном «этнографическом» подходе, который позволяет работать с конкретным историческим и социологическим материалом и показывает проблемные конфигурации. Одновременно этот метод позволяет, что важно для него, идти от «периферии» к «центру», от конкретных случаев к социальным отношениям господства. Изменение перспективы при таком подходе Кастель описывает, разделяя историю и генеалогию, где первая говорит от имени прошлого, а вторая от имени настоящего. Осмыслить современность, по его убеждению, можно исключительно этим подходом: «Методология – это не столько вопрос выбора, сколько вопрос позиции. В тот момент, когда я чем-то занимаюсь, я не могу действовать иначе, чем пытаться понять настоящее исходя из прошлого. Это не единственный путь социологии, но я считаю, что мы не можем заниматься настоящим и не выходить за его пределы. Речь идет о постоянной игре с дистанцией по отношению к прошлому…»[19]. История как таковая обращается к прошлому, социология проясняет современные конфигурации. История настоящего как проблематизация современности выводит их из замкнутых дисциплинарных перспектив и открывает друг другу.

Подобный путь сопоставления практик настоящего и прошлого в рамках политологии, по признанию К. Бакки, открывает новую перспективу сравнительного исследования, связывая ранее отмеченные уровни практик и онтологии «нас самих»[20]. Современные практики, например, практики, направленные на женскую эмансипацию, она, по собственному признанию, «разворачивает в обратном направлении» для того, что-

[18] Gardella, Souloumiac 2004: 105–106, 109, 112.
[19] Gardella, Souloumiac 2004: 106.
[20] Bacchi 1999.

бы понять, какие проблемы, в частности, проблемы управления, они позволяют увидеть. Она обращается к обширному корпусу исследований «govermentaté» и отмечает, что проблематизирующий подход позволяет сделать принципиально иные, новые срезы современности.

Традиционная сравнительная политология, по убеждению Бакки, работает в основном в рамках политических систем и практик отдельных, национальных государств и, как следствие, служат укреплению государства как политической реальности. Проблематизирующий подход позволяет делать срезы общих практик, проблематизируя, тем самым конкретные институциональные и культурные контексты. Обращаясь к особенностям сбора биометрических данных как вопросу сравнительной политологии, Бакки показывает, что практика оказывается проблемной в одной государственной ситуации и не является таковой в другой. Более того, обсуждая исследования индуистской практики сати, она сводит пласт традиционной культуры и колониальной политики и подчеркивает, что именно стратегия проблематизации позволяет обнаружить пласт сравнительной истории и политологии в исследовании оформления культур и традиций[21].

Таким образом, проблематизация современности оказывается, как подчеркивает П. Фрейре, стратегией развития критического сознания, в том числе и сознания культуры. И примечательно, что для последнего она есть, прежде всего, педагогическая практика, направленная на разрушение само собой разумеющихся истин[22]. Поэтому нет ничего удивительного, что в рамках педагогики проблематизация современности и история настоящего находят творческое развитие.

«Стратегический презентизм» в педагогике и психологии

Стратегия проблематизации современности как метод работы с материалом прошлого выходит за пределы теоретической работы и обращается к практикам: педагогической и психологической практикам обучения и заботы. Это, в общем-то, закономерно. Исследователи единодушно подчеркивают, что проблематизирующий современность подход как раз позволяет перейти от дискурсов к проблематичным практическим историческим конфигурациям и отношениям[23]. К. Фредериксен, К. Ломборга и К. Бидхолм пишут о проблематизации: «…Мы находим, что именно этот взгляд на мышление позволяет преодолеть дихотомию между теорией и практикой, поскольку и мышление, и действие понимаются как практики»[24]. Более того, путь проблематизации в принципе снимает противопоставление, уходит к полиперспективизму, к акцентированию нахождения «внутри» определенного способа мышления и практики. Проблематизирующий подход стремится отойти от подчиненности теории практике или практики теории, прошлого настоящему

[21] Bacchi 2012.
[22] Montero, Sonn 2009: 80.
[23] Dreyfus, Rabinow 1982: 103.
[24] Frederiksen, Lomborga, Beedholm 2015: 204.

или настоящего прошлому одновременно и через попытку равноправности позиций, и через их осознанность. В случае невозможности выхода за пределы приоритетности члена дихотомии активизируется стратегия проблематизации самой перспективы и ее границ.

Показательным является предметное поле педагогики. В его рамках Л. Фендлер связывает с концептуализацией современности характерную для истории проблематику презентизма и ставит вопрос о том, так ли отрицателен всякий презентизм для исторического знания. Опираясь на традицию новой истории, она пересматривает статус современности в философии, истории, социологии и (главным образом) педагогике и показывает, как умеренный (она называет его стратегическим) презентизм может продолжать развивать установки новой культурной истории. «Презентизм неизбежен, поэтому наши презентистские очки должны стать объектом критического исследования»[25], – подчеркивает Фендлер. Стремясь описать стратегическую форму презентизма, она противопоставляет ей рационалистический презентизм, определяя его следующими чертами: 1) эпистемологическая уста-новка на навязывание априорной интерпретации историческим феноменам в рамках презентистского (настоящее = прошлое) или историцистского (настоящее > прошлого) подходов; 2) эссенсиализация исторических понятий, связанная с опорой на идею прогресса; 3) интерпретация современности в категориях прошлого. Стратегический презентизм, в противоположность этому, она характеризует так: 1) эпистемологическое допущение похожести или отличия настоящего от прошлого; 2) допущение как прерывности, так и непрерывности истории, включение в нее внеисторических механизмов: причинности, линейности или цикличности; 3) признание множественности интерпретации фактов прошлого и настоящего.

Фендлер обобщает: «Рационалистические подходы к истории отыскивают феномены, высказывания, сюжетные линии и выводы, которые можно включать в различные исследовательские контексты. В рационалистических подходах к истории презентизм либо вовсе снимается как проблема благодаря методологической строгости, либо признается оправданным в качестве средства для достижения политически необходимых целей. (…) …Термином “стратегический” я обозначаю признание неизбежности презентизма и использование этой позиции с целью критического осмысления наших современных обстоятельств. Под критическим осмыслением… я имею в виду поиск множественных других и принципиально иных позиций в отношении изучаемого вопроса»[26].

Связывая стратегический презентизм с историко-культурным подходом, Фендлер показывает его продуктивность в педагогике и философии образования: осознании собственной истории и современных задач. Проблематизируя в том числе идею прогресса, стратегический презентизм в педагогике позволяет, на ее взгляд, понять постфордистскую мо-

[25] Fendler 2008: 689.
[26] Fendler 2008: 678.

дель современного образования, направленного на формирование навыков гибкости, многозадачности, внутренней мотивации у работника. Этот образ, как подчеркивает Фендлер, не является развитием фордистского идеала образования, напротив, мы фиксируем разрыв между этими образовательными моделями. Или же именно стратегический презентизм помогает уяснить, что формирование модели индивидуального или группового (в классах) образования исторически, политически, экономически детерминировано, что акцентирование той или иной формы связано с целями и спецификой образования в конкретной отрасли в данный исторический период.

Выбор пути стратегического презентизма, считает Фендлер, изменяет статус историка, делая его роль более гибкой. В традиционной исторической науке историк имеет статус автономного внеисторического агента, который, благодаря, выстраиванию четкой линии детерминации, может предсказать ее дальнейшее развитие. Роль историка оказывается сродни роли пророка. Историк в традиции стратегического презентизма отказывается от предикативных теоретических механизмов преемственности, телеологизма и прогрессизма, формализации и объективизации исторических отношений, вывода исторических законов, эссенциализма. Фендлер подчеркивает: «Стратегический презентизм толкует настоящее как изменчивое, а не как фиксированное. […] Выводы, которые казались объективными, растворяются в воздухе. …Историческая случайность избегает теоретической ловушки детерминизма»[27]. Историк перестает играть роль пророка и укротителя прошлого и, по мнению Фендлер, становится открытым новым интерпретациям, в т.ч. осознанию оснований современности, учету многочисленных факторов и путей будущего. Он на самом деле расширяет горизонт своей исторической интерпретации, делает ее более восприимчивой к случайности, многофакторности.

В завершении продуктивно будет вернуться к рукописи «Философский дискурс», в которой Фуко, отводя философу роль диагноста современности, указывает на две важнейшие особенности этой диагностической практики. Во-первых, лишившись истины как предмета вопрошания, философия утратила собственное содержание, и не может существовать внутри себя. Она разворачивается как практика лишь как «дискурс дискурсов», работает на границе с научным, художественным, религиозным, повседневным языком[28]. Это как раз и отражают проанализированные «истории настоящего». Прикладные дискурсы дают концептуализации современности тот язык, в котором философия может «поймать момент настоящего». Одновременно «история» этого настоящего дает ей вектор для сравнения. Мы видим здесь сосуществующими два поля философской речи: поле истории (с различием история / современность) и поле дискурса (с различием философия /наука). Во-вторых, как всячески подчеркивает Фуко, философская диагностика современ-

[27] Fendler 2008: 689.
[28] Foucault 2023: 21–56

ности есть диагностика без терапии. Ее задача не связана с поиском проблем и решения для них. Следуя своему проекту «Рождение клиники», Фуко говорит, что философская задача по отношению к современности есть задача обнаружения, введения в дискурс. Философия должна говорить о настоящем моменте, сделать его видимым в речи. И эта задача превращения «невидимого» настоящего в «видимую» современность есть не только теоретическая задача. В совсем недавней статье спецвыпуска «*Foucault Studies*» под названием «Наследие Фуко в современной мысли» М. Саар и Ф. Фогельманн разъясняют эту функцию философии: «Это отношение к своему собственному времени, ситуации и культуре – можно сказать, своеобразная рефлексивность – характеризует философию со времени ее зарождения, и оно определяет ее практическую функцию, которая выводит ее за рамки просто теории и фактически связывает ее с моментом настоящего»[29]. «…Проблематизировать реальность или написать историю настоящего, – как подчеркивает Р. Дикон, – означает одновременно и сделать настоящее объектом разума, и преобразовать себя»[30]. К. Бакки считает, что перспектива проблематизации позволяет вывести онтологию мышления как самосознания, и, обращаясь к недавним исследованиям проблематизирующего мышления, говорит об открытости посредством проблематизации к изменению. Бакки заключает, говоря о практике проблематизаций истории настоящего: «Такая практика побуждает исследователей критически относиться к своей собственной работе, которая может расцениваться лишь как часть проблематизации»[31]. Это подлинно кантианская задача прояснения границ мышления, осознания разума и его возможностей.

Важным в концептуализации современности оказывается, таким образом, постоянное осознание философа и исследователя в «сегодняшнем дне культуры», в современной «культурной ситуации», философская речь, о которой Фуко будет неустанно говорить в поздних курсах[32]. И здесь принципиально значимым оказывается выведение современности на свет, превращение ее из невидимой, но всегда сопутствующей, в видимую и зримую.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гладышев А.В. Эпидемиологический поворот в историографии – необъявленная данность // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 172–188 [Gladyshev A.V. Epidemiologicheskii povorot v istoriografii – neob'yavlennaya dannost' (The Epidemilogical Turn in Historiagraphy is an Undeclared Given) // Dialog so vremenem. 2022. № 80. P. 172–188].

Дьяков А.В. Современность: философская концептуализация // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 5–11 [Dyakov A.V. Sovremennost': filosofskaya kontseptualizatsiya (Modernity: Philosophical Conceptualization) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 4 (486). P. 5–11].

Кастель Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории. Пер. с англ. А. Маркова / Мишель Фуко и Россия. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2001. С. 10–32.

[29] Saar, Vogelmann 2024: 34.
[30] Deacon 2000: 137.
[31] Bacchi 2012: 7.
[32] Foucault 2023: 29–56

[Castel R. “Problematization” as a mode of reading history // Foucault and the writing of history / Ed. J. GoldsteinCambridge, Mass.: Blackwell, 1994. P. 237–252 (Russian Trans.)].

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Общ. ред. пер. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009 [Castel R. From Manual Workers to Wage Laborers: Transformation of the Social Question. Trans. R. Boyd. New Brunswick, London: 2003].

Репина Л.П. Интеллектуальная история в теории и на практике: сбылись ли прогнозы прошедшего тридцатилетия? // Слово, культура, история: теория и практика гуманитарного знания. Москва, 2023. С. 31–52 [Repina L.P. Intellektual'naya istoriya v teorii i na praktike: sbylis' li prognozy proshedshego tridtsatiletiya? (Intellectual history in theory and practice: have the predictions of the past thirty years come true?) // Slovo, kul'tura, istoriya: teoriya i praktika gumanitarnogo znaniya. Moskva, 2023. P. 31–52].

Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «Мы вдоволь наговорились о разных современностях…»: Дискурс о «современности» в русских эго-документах второй половины XIX – начала XX века // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 172–193 [Rodigina N.N., Saburova T.A. «My vdovol’ nagovorilis’ o raznykh sovremennostyakh…»: Diskurs o «sovremennosti» v russkikh ego-dokumentakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka (“We Have Talked about Various Modernities to our Hearts’ Contents...” The Discourse Of “Modernity” In The Russian Ego-Documents of The Second Half Of The 19th - Early 20th Centuries) // Dialog so vremenem. 2016. № 56. P. 172–193].

Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. Пер. В. Каплуна. М.: Академический проект, 2004 [Foucault M. The History of Sexuality Vol. 2. Trans. R. Hurley. New York: Vintage Books, 1990 (Russian Trans.)].

Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанный в Колледж де Франс в 1982–1983 учебном году. Пер. А.В. Дьякова. СПб: Наука, 2011 [Foucault M. The Government of Self and Others: Lectures at the Collège de France 1982–1983. Trans. G. Burchell. New York: Palgrave Macmillan, 2010 (Russian Trans.)].

Чеканцева З.А. Время и история в интеллектуальной культуре антропоцена // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 5–19 [Chekantseva Z.A. Vremya i istoriya v intellektual’noi kul/ture antropotsena (Time and History in the Intellectual Culture of the Anthropocene) // Dialog so vremenem. 2021. № 75. P. 5–19].

Bacchi C. Women, Policy and Politics: The Construction of Policy Problems. L.: Sage, 1999.

Bacchi C. Why Study Problematizations? Making Politics Visible // Open Journal of Political Science. 2012. № 1. P. 1–8.

Deacon R. Theory as practice: Foucault’s concept of problematization // Telos. 2000. № 118. P. 127–142.

Dreyfus H.L., Rabinow P. Michel Foucault. Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.

Fendler L. The Upside of Presentism // International Journal of the History of Education. 2008. № 44. P. 677–690.

Flynn T.R. Foucault’s Mapping of History // The Cambridge Companion to Foucault / Ed. G. Gutting. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 29–48.

Foucault M. «Le souci de la vérité» (entretien avec F. Ewald) / Dits et Ecrits. T. II, 1976-1988. Éd. D. Defert, F. Ewald. Paris: Gallimard, 2001. P. 1487–1497.

Foucault M. Le Discours philosophique. Paris: Seuil, 2023.

Frederiksen K., Lomborga K., Beedholm K. Foucault’s Notion of Problematization: a Methodological Discussion of the Application of Foucault’s Later Work to Nursing Research // Nursing Inquiry 2015. № 3. P. 202–220 .

Gardella É., Souloumiac J. Entretien avec Robert Castel // Tracés: Revue de Sciences humaines. 2004. № 6. P. 103–112.

Hulak F. Le social et l’historique Robert Castel face à Michel Foucault // Archives de Philosophie. 2018. № 81. P. 387–404.

Koopman C. Genealogy as Critique: Problematization and Transformation in Foucault and Others. Bloomington: Indiana University Press, 2013.

Montero M., Sonn C.C. Psychology of liberation: Theory and applications. N.Y.: Springer, 2009.

Saar M., Vogelmann F. Thinking and Unthinking the Present: Philosophy after Foucault // Foucault Studies. 2004. № 36. P. 31–54.

Stengers I. Putting Problematization to the Test of Our Present // Theory, Culture & Societ. Special issue ‘Problematizing the Problematic’. 2021. № 2. P. 71–92.

***Власова Ольга Александровна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, o.a.vlasova@gmail.com*

Problematization of modernity humanities in "dialogue with time" and themselves

The paper analyzes the strategy of problematization of modernity as a special type of study of the present, which develops in philosophy, sociology, political science, pedagogy and psychology in recent years. The author draws on the recently discovered and published work of M. Foucault "Philosophical Discourse", the sociological concept of the present (R. Castel), uses the actual papers by C. Coopman, I. Stengers, C. Bacchi, L. Fendler, and others. The concepts of "problematization", "history of the present", and "strategic presentism" are analyzed. It is demonstrated that posing the question of modernity opens up two perspectives for philosophy: the perspective of the "ontology of oneself", the constitutive experience of man in the epoch; the perspective of problematic cultural practices connecting the present with the past. The philosophical problematization of modernity is compared with the method of history and shows how the first helps the latter clarify its foundations and the boundaries of disciplinary thinking. The significance of the problematization of modernity for the convergence of history and sociology is clarified, it is emphasized that problematization allows them to turn to each other, while sociology acts as a study of modern social practices, and history as a clarification of their historical forms. It is demonstrated that problematization gives a similar comparative perspective to political science, allowing the development of comparative history and political science of cultures and traditions. It shows the productivity of problematization of modernity as a strategic presentation for pedagogy and philosophy of education and the importance of expanding historical interpretation in this field. In conclusion, it is concluded that the strategy of problematization of modernity makes it possible to cultivate critical reflective history in the interdisciplinary space of the humanities and social sciences.

***Keywords:** modernity, problematization, history of the present, presentism, history, past, self-consciousness.*

***Vlasova Olga A.**, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, leading researcher, Institute of Philosophy, St.-Petersburg University; o.a.vlasova@gmail.com*

П.А. Рязанов, М.Е. Лошкарева

КАРДИНАЛ ВИССАРИОН ПРОТИВ ГЕОРГИЯ ТРАПЕЗУНДСКОГО: ЗАЩИТА ПЛАТОНА ОТ ОБВИНЕНИЙ В БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются контраргументы кардинала Виссариона (1403–1472) в ответ на обвинения в аморальности платонизма, выдвинутые ученым Георгием Трапезундским. Его полемический трактат «Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis», написанный в 1458 г., на тот момент стал самой экспрессивной и дерзкой атакой на ренессансных неоплатоников. Почитая Платона как образец добродетели и мудрости, гуманисты старались обходить вниманием неудобные места в его сочинениях. Георгий же бросил вызов авторитету философа как благочестивого мудреца, обличая те идеи Платона, которые шли в разрез с христианской нравственностью и современной моралью. Особенно опасны были обвинения в гедонизме, в растлении молодежи, извращенном влечении к юношам, в обобществлении женщин и ниспровержении брака. При этом, будучи искусным памфлетистом, Георгий достаточно вольно обращался с первоисточником, что позволило Виссариону сделать акцент на умышленном искажении смысла или непонимании текста его оппонентом. Четвертую книгу своего труда «Против клеветника на Платона» (In calumniatorem Platonis, 1469) кардинал посвятил разоблачению доводов Георгия относительно безнравственности.
Ключевые слова: *Виссарион, Георгий Трапезундский, Платон, платонизм, итальянский гуманизм.*

Заметное место в философских дискуссиях кватроченто занял спор о достоинствах учений Платона и Аристотеля. Первые шаги в этом направлении были сделаны ренессансными платониками. В кругу Колюччо Салютати и Никколо Никколи величайшим философом древности почитался именно Платон, идеи которого признавались в большей степени соответствующими христианству[1]. В какой-то мере интерес гуманистов к платоновскому наследию был ответом на «сухость» и догматизм аристотелевской схоластики. Если схоласты смотрели на учение Платона через призму теологии, то гуманисты сместили акценты с богословских вопросов на моральную философию, политику и красноречие. Впрочем, у платонизма были и серьезные оппоненты в лице кардинала Джованни Доминичи, ученого греческого происхождения Георгия Трапезундского, флорентийского профессора Доменико да Фьяндра и проповедника Джироламо Савонаролы. С подозрением к платоникам относился и папа Павел II (Пьетро Барбо).

Атака на Платона, предпринятая Георгием Трапезундским, была самой яркой, экспрессивной и яростной. В 1458 г. он завершил трактат «Сопоставление философов Аристотеля и Платона» (Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis). До появления этого сочинения сравнение учений двух столпов греческой философии осуществил византийский ученый Гемист Плифон во время Флорентийского собора в 1439 г. В своей работе «О расхождениях Аристотеля с Платоном» он отстаивал

[1] Hankins 1990: 34.

превосходство последнего, выявляя противоречия и ошибки Стагирита. Трактат Плифона породил дискуссию между греческими учеными, в т.ч. проживавшими в Италии, но она была слабо знакома итальянцам, так как полемика велась на греческом языке в узком кругу интеллектуалов.

Георгий вывел спор на новый уровень. Его труд, написанный на латыни, был направлен против ренессансных платоников и всех тех, кто занимался изучением и переводами платоновского корпуса. Если учение Аристотеля он считал соответствующим христианской вере, то в платонизме видел причину морального разложения, разрушения государств, погибели Греции и трагедии восточного христианства. Среди выдвинутых им обвинений очень чувствительными были те, что касались несоответствия платонизма нормам христианской морали. Вкупе с платоновым многобожием, почитанием демонов и верой в переселение душ аморальность философа должна была показать, какую опасность он представляет для христиан и каким источником еретических идей является.

Этот удар был вовремя упрежден кардиналом Виссарионом, греческим эмигрантом, перешедшим в католицизм и занявшим видное положение в римской курии. Он дал обстоятельный ответ на обвинения в безнравственности в четвертой части своего труда «Против клеветника на Платона» (In calumniatorem Platonis, далее ICP). Виссарион не только изобличает инвективы Георгия как сознательную ложь, подлог или следствие ошибочного понимания текста, но, подробно разбирая и опровергая каждый его довод, предупреждает появление подобных работ в будущем. Изучение аргументов Виссариона, собранных в четвертой книге ICP, представляет большой интерес, так как кардиналу пришлось привести в согласие с христианским учением наиболее проблемные места платоновских диалогов. В отечественной науке этот вопрос рассматривался лишь отчасти. Из известных исследований, авторы которых обращались к «Comparatio» и ICP, стоит назвать работы З.В. Удальцовой[2], М.В. Семиколенных[3] и К.И. Лобовиковой[4]. Краткий обзор платоновско-аристотелевской контроверсии дается в нашей монографии, посвященной греческим интеллектуалам в ренессансной Италии[5]. Среди зарубежных трудов выделим работы Дж. Монфазани[6], Дж. Хэнкинса[7] и С. Мариева[8].

В отличие от Георгия, Виссарион добился большой известности своего произведения благодаря авторитету, связям и финансовым возможностям. Editio princeps латинской версии ICP, отредактированной Никколо Перотти, вышла в Риме в 1469 г. Этот текст вместе с греческим оригиналом вошел в критическое издание Л. Мёлера 1927 г.[9] В 1503 г.

[2] Удальцова 1976: 78–80.
[3] Семиколенных 2024: 248–269; Она же 2017: 137–159; Она же 2016: 423–433.
[4] Лобовикова 2005.
[5] Рязанов 2023: 316–338.
[6] Monfasani 2022; Idem 2016; Idem 2013; Idem 1976: 156-162, 201-229.
[7] Hankins 1990: 235-263.
[8] Mariev 2021.
[9] Mohler 1927.

книгу вновь выпустил Альд Мануций, а в 1516 г. переиздали его наследники. В 2023 г. Дж. Монфазани впервые опубликовал латинский перевод текста, выполненный самим Виссарионом[10]. Трактат же Георгия был почти неизвестен широкой аудитории: из одиннадцати сохранившихся рукописей только четыре покинули пределы узкого круга его учеников и товарищей (и ещё четыре были переписаны в следующем веке)[11]. Один экземпляр получил Виссарион. Он же, в значительной мере, и прославил «Comparatio», написав свой труд в её опровержение.

Неудача Георгия в популяризации своей работы может объясняться противодействием его оппонента, активно распространявшего копии ICP среди гуманистов. После выхода в печати труда Виссариона Георгий составил ответный трактат (Annotationes), в котором проанализировал ошибки кардинала. Он посвятил его папе Павлу II и через сына Андрея отправил для ознакомления парижским богословам. Узнав об этом, Виссарион в 1470 г. списался с профессором Сорбонны Гийомом Фише, приложил к письму опровержение «Annotationes» за авторством его протеже Никколо Перотти, а затем выслал экземпляр ICP[12]. Если верить свидетельству английского церковника Роберта Ридли, посетившего Париж в начале XVI в., Лефевр д'Этапль сообщил ему, что «Comparatio» была вывезена в Венгрию (по всей видимости, Vat. Lat. 3382) и сохраняется там от гибели, «чтобы недоброжелатели не похитили или не разорвали её из ненависти». Несмотря на то, что Лефевр д'Этапль не читал работу Георгия, он благодарил его от имени добрых аристотеликов за переводы христианских авторов и труд против Платона («гораздо более полезный и плодоносный», чем опус, вышедший под именем Виссариона). Он ознакомился с ICP в альдовском издании 1503 г. и считал коллективной компиляцией врагов Георгия[13].

Как видим, трактат Виссариона в течение полувека являлся главным источником сведений о сочинении его оппонента. Появление «Comparatio» в печати состоялось лишь в 1523 г. (Venetis: per Iacobum Pentium de Leuco), и до недавнего времени это была его единственная публикация. Только в 2021 г. Дж. Монфазани подготовил новое критическое издание текста[14]. К моменту выхода editio princeps работа Георгия была уже не столь актуальна, так как образованная публика имела возможность сама изучать Платона в переводе Марсилио Фичино, а труд Виссариона десятилетиями формировал у читателя специфическое восприятие доводов против платоновского учения. Показательно, что И.-Я. Брукер в «Критической истории философии» (1742–1744), по собственному признанию, получил информацию о «Comparatio» из ICP и сочинения Льва Алляция «De Georgiis» (1651)[15].

[10] Monfasani 2023.
[11] Monfasani 2008: 3-5.
[12] Рязанов 2023: 337; Monfasani 1976: 226-227.
[13] Monfasani 2008: 8.
[14] Monfasani 2021.
[15] Monfasani 2013: 360-361.

У Георгия были личные причины «бросить перчатку» окружению Виссариона. Если в 1440-е гг. кардинал оказывал ему покровительство, то к началу следующего десятилетия ученый, обладавший строптивым характером, нажил врагов в папской курии, лишился поддержки Виссариона, а его авторитет переводчика был поставлен под сомнение самим заказчиком – папой Николаем V. Как альтернатива переводам Георгия появились латинские версии аристотелевских сочинений (De animalibus и Problemata), выполненные другом и протеже Виссариона Феодором Газой. Это уязвило его самолюбие. В «Protectio Problematum Aristotelis» (1456) Георгий упрекал кардинала в том, что тот намеренно привез Газу в Рим, чтобы подорвать его репутацию, и благоволил другим соперникам ученого. Личные обиды Георгия переплелись с его апокалиптическими представлениями о некоем заговоре последователей Газы (Cagulei), направленном на подрыв схоластического аристотелизма (через критику средневековых переводов), а следом за ним и христианского богословия. Причем образцом для «кагулеев» он провозглашал платоника и неопаганиста Плифона, у которого в молодости учился сам Виссарион[16].

Своеобразное видение роли платонизма в мировой истории сложилось у Георгия Трапезундского в результате ряда факторов. Это неприятие противоречащих христианству платоновских идей, усугубленное его знакомством с Плифоном (который якобы публично выражал надежды на скорое торжество новой языческой религии); восхищение доминиканской схоластикой с её пиететом по отношению к аристотелизму; критическое отношение Георгия к исламу, пришедшему на греческие и римско-византийские земли; кампания по пересмотру его собственных и схоластических переводов Аристотеля, и, как следствие, враждебное отношение к окружению Виссариона, в котором, по слухам, были люди сомнительных нравственных качеств. Критика платонизма была частью эсхатологической картины, созданной в «Comparatio». Георгий считал, что платоновское учение, будучи источником многих ересей, породило Мухаммеда. Ему на замену явился третий Платон – Плифон, который сделал все возможное для появления четвертого. Монфазани выдвинул интересное предположение, что под этим последним ересиархом подразумевается не Антихрист, а сам Виссарион, который, хоть и уступил в борьбе за папский престол Каллисту III, но ещё мог победить в будущем[17]. Именно эсхатология придавала сочинению Георгия особую оригинальность среди других работ, посвященных критике Платона, но она же лишала «Comparatio» научной глубины, вынуждала отступать от первоисточника, приводя к вольному изложению платоновских взглядов, и, в конечном счете, была полностью проигнорирована Виссарионом.

В третьей книге «Comparatio» Георгий обратился к обличению порочности Платона и его учения. Он обвинил философа в гедонизме (в чем ему наследовал Эпикур), который привел к развращению и гибели

[16] Monfasani 1976: 155.
[17] Monfasani 1976: 159.

римского государства, в поощрении половой распущенности и сладострастии, в несправедливом и завистливом отношении, проявленном Платоном в «Горгии», к четырем спасителям Греции – Периклу, Кимону, Мильтиаду и Фемистоклу, в дозволении пьянства как средства воспитания граждан его идеального государства, в непомерном тщеславии, из-за которого он сам стал мнить себя богом. Критиковал Георгий и отдельные стороны его «Законов» – отрешение воинов от земледельческого труда, изгнание иноземных торговцев и ремесленников после двадцатилетнего периода их работы на благо государства и т.д. Виссарион последовательно ответил на каждый выпад Георгия, опираясь на самого Платона, сочинения христианских богословов и античных историков. Если Георгий отправлял читателей ad fontes (Legite, legite ipsum, qui non creditis), Виссарион приводил фрагменты платоновских текстов, предлагая наглядно убедиться в искажении или вульгаризации их смысла. Как выразился Дж. Хэнкинс, Георгию «удалось открыть доселе не замеченные стороны Платона только для того, чтобы опорочить свои прозрения безответственным неправильным цитированием и искажением»[18].

Остановимся на наиболее острых обвинениях против платонизма.

Особенно возмутительной и противоречащей природе Георгий считал идею общности жен и детей. В идеальном государстве, по его словам, все женщины должны были заниматься проституцией со всеми мужчинами. Платон пытается доказать с помощью различных аргументов, что от этого и люди будут сплоченными, и само государство станет могучим. «Он исторгает из себя сильным всхлипыванием самое неслыханное, самое невероятное и далекое от природы вещей!» Платон говорит, что публичные женщины должны все соединяться с мужчинами, а не сочетаться браком с кем-то одним. Им следует показывать свое тело всем, но в особенности тем, кому прикажет магистрат. Георгий с негодованием (proh pudor!) отмечал, что философ сделал доступными всех лучших женщин для всех лучших мужчин, подчеркнув, что они сочетались «nec singulis ad singulas, sed omnibus ad omnes». Посредственным по физическим данным мужчинам полагались посредственные же проститутки. «Оставшуюся массу женщин он постановил подчинить толпе остальных мужчин». Но при этом «наилучшим позволено запрыгивать (insilire) на всех женщин, также и средним – на всех, за исключением только первых красавиц, а прочим мужчинам не следует соблазнять ни выдающихся, ни посредственных по наружности женщин, если они не станут достойными, совершив какое-то славное деяние»[19]. Как видим, Георгий добавил многое от себя, чтобы произвести нужное впечатление на читателя. Его слова могли быть поняты так, что общность жен устанавливалась для всей общины, тогда как у Платона этот порядок вводился для стражей (Plato. Leg. V. 457d – 461e), а половые отношения (кроме выделения лучших, средних и худших) якобы не были никак упорядочены.

[18] Hankins 1990: 237.

[19] Georgius Trapezuntius 1523: Nvii^{v}.

Виссарион признал, что не считает написанное Платоном относительно общности жен совершенно верным. Однако мировоззрение античной эпохи отличалось от образа мысли христиан. Философ, не связанный никакой религией, устанавливал нравы и право по своему усмотрению. По общему согласию, писал Виссарион, в государстве лучше всего то, что объединяет, а хуже – то, что разъединяет и умножает различные желания и воли людей. Одно приносит всем общую пользу и высшую гармонию, другое порождает величайший раздор между гражданами. Платон полагал, что согласия нельзя достичь, если жены и дети не будут общими, поэтому и хотел, чтобы супружеский вопрос был общим делом, чтобы у граждан царило единодушие в мыслях, чувствах и действиях. Но он допускал общность жен и мужей при условии такого образования и воспитания, чтобы все эти мужи желали одного и того же блага и совершенствовали те же добродетели. «Ибо добродетель, хотя и не без труда, тем не менее, может привести к тому, что многие люди будут чувствовать одно и то же, желать и не желать одного и того же, короче говоря, многие будут жить так, как будто один живет в единении, согласии и мире с собою самим»[20].

Когда всякий действует, исходя из своих интересов, замечает Виссарион, он презирает общественные и считает их ничем. Поэтому часто случается, что благосостояние крупнейших городов приходит в упадок, пока граждане порознь стремятся приобрести, увеличить и сохранить для себя и своих детей почет, богатство и положение, не заботясь о благополучии родины, общественном благе и общем счастье. Так погибли Афины и Спарта, так постепенно разрушилась величественная Римская империя: «те, что некогда держали бразды всего мира, теперь, кажется, едва правят скромным краем Италии». Государство процветало, когда выдающиеся римляне (такие как Луций Юний Брут, отправивший на казнь своих сыновей-заговорщиков, или представители рода Дециев, погибшие в сражениях с врагом) ставили общее благо выше собственного, но оно начало разрушаться при Цезаре, который, преследуя собственные интересы, задумал сделаться царем города Рима, а Римскую империю оставить своему племяннику Октавиану. Внешняя угроза вынуждает людей поддерживать внутреннее согласие. Когда же она ослабевает, начинаются конфликты между согражданами, уничтожающие отечество кровавыми смутами и гражданскими войнами[21]. Отсюда и намерение Платона построить более благоприятное будущее без собственности, порождающей раздоры и преступления[22].

Как кажется, слабым местом в Виссарионовой защите был разбор критики политических проектов Платона во второй книге «Политики» Аристотеля. Кардинал не стал останавливаться на этом подробно, хотя аргументы Стагирита придавали вес выдвинутым Георгием обвинениям.

[20] Mohler 1927: 495-497.
[21] Mohler 1927: 497-499.
[22] Mohler 1927: 501.

Целью Виссариона было не противопоставление, а примирение учений двух философов. Впрочем, когда это было необходимо, он деликатно отдавал предпочтение одному или другому в различных областях знания. Здесь Виссарион указал на то, что суждения Аристотеля не кажутся ему совсем противоположными изложенному Платоном: оба хотели объединить государство, но Платон делал это в большей степени (предлагая сильнее сплотить гражданский коллектив), а Стагирит в меньшей. Точка зрения Аристотеля проще и ближе к чувственному восприятию, то есть опирается на реальный опыт, тогда как его учитель пришел к своей умозрительной концепции государства диалектическим путем[23].

Платон понимал сложность практического воплощения его идеи, поэтому, касаясь вопроса о правителях и стражах государства, он уделял пристальное внимание их отбору на основании способностей и совершенствования природы воспитанием. Платон не сомневался, что правителям-философам подобают такие же по духу и образованию стражи. Иначе без привития добродетелей и презрения к удовольствиям, без стремления к истине и справедливости эти исключительные по дарованию люди окажутся более порочны и опасны, чем остальные. Результатом продуманного воспитания станет и соответствующий подход к организации отношений между мужчинами и женщинами, когда общность семейных дел и имущества будет служить не собственным удовольствиям, а только деторождению и защите страны. В правильно устроенном сообществе, по мнению Платона, не меньше заботятся о делах, любят детей и почитают родителей, чем там, где каждый вступает по-отдельности в непостоянные брачные союзы[24].

Чтобы опровергнуть тех, кто считал предложенное Платоном невозможным с точки зрения человеческой природы, Виссарион собрал исторические свидетельства о совместном использовании жен и общности детей[25]. Практиковавшие подобные отношения народы, по его словам, жили в согласии, побеждали врагов, расширяли границы и сохраняли свои государства в благополучии. Геродот находил такой обычай у массагетов (Herod. Hist. I. 216), Цезарь – у кельтов Британских островов (Caes. De bell. V. 14.4–5), Аристотель – у ливийцев (Arist. Pol. II. 1262a), а Диодор – у эфиопов, троглодитов и островитян в Индии (Diod. Sic. II. 58.1; III. 24.4; III. 32.1). Согласно Плутарху, общность жен и детей наблюдалась у спартанцев и римлян. Виссарион привел его сообщение о царе Нуме Помпилии, который дозволил уступать бездетному мужчине жену, если она уже родила достаточно детей. К примеру, так поступил Катон Младший, согласившийся отдать свою супругу за Гортензия (Plut. Num. 25; Plut. Cat. 25)[26]. Кардинал указал на различие морали в разных странах: то, что у одних народов считается недопустимым, другие нахо-

[23] Mohler 1927: 499-501.
[24] Mohler 1927: 503-509.
[25] Mohler 1927: 511-513.
[26] Mohler 1927: 513.

дили вполне приемлемым и наоборот. Он заметил, что у католиков почетно и пристойно отцу жениться на матери, а его сыну на её дочери или двум сестрам сочетаться браком с двумя братьями, что теснее соединяет семьи и лучше сохраняет их имущество. У православных же греков это считается позорным и нечестивым[27].

Ещё одним доказательством безнравственности платоновского учения, по мнению Георгия, стали хоровые пляски и другие состязания, в которых должны были участвовать обнаженные молодые люди обоих полов. Достойной и истинной причиной для этого было заключение браков, «чтобы, как говорит Платон, нагие мужчины и нагие женщины танцевали вместе и могли познакомиться друг с другом. Разве познакомились бы они иначе, не предъявив друг другу свои голые тела, которые к тому же следовало и рассматривать чаще? О наихудший из всех и похотливейший старик! Многие соединенные узами брака живут скромно, проводят вместе всю жизнь и рожают друг от друга детей, и ни один не позволил другому когда-либо рассматривать себя обнаженным [таким способом], что мы можем доказать примерами древних греков и римлян. Так как ты не мог действовать [более активно] из-за старческого возраста, то подстроил под похотливые глаза законы, и лишь для того, чтобы усладить свои бесстыжие глаза, ты стремился (насколько это от тебя зависело) навеки погубить весь мир, и не устыдился демонстрировать на поругание нашей природы голые тела мужчин женщинам и женщин (нет ничего отвратительнее!) мужчинам. Что я могу сказать? У древних была такая стыдливость, что никогда не мылись отцы с маленькими сыновьями и матери с молоденькими дочками, ты же узакониваешь совместные хоровые игры нагих с нагими, а также повелеваешь, чтобы упражнения выполнялись в обнаженном виде!» (Plato. Rep. V. 452b)[28].

Георгий неоднократно обращался к этой теме, считая, что она лучше всего демонстрирует безнравственность Платона и его законов. Рассматривание голых тел, писал он, не способствует умеренности, но сильнее разжигает в юных душах сладострастие[29]. Георгий приводил в пример римского императора Гелиогабала, «сына греческой блудницы», известного своей распущенностью, который якобы «без смущения объявил в сенате, что люди тогда будут счастливы (как он сам всегда считал), когда публично будут жить по законам Платона». Гелиогабал устраивал игры, в которых участвовал сам, многие патриции, обнаженные матроны и девушки. «В то время арабы заняли Египет, удерживали Сирию и вторглись в Африку. И многие другие римские провинции, завоеванные италийской кровью, платоновские игры и упражнения отдали самым жалким варварам»[30]. Как видим, здесь Георгий нарушает хронологию событий в угоду поставленной цели. Его слова об отсутствии ис-

[27] Mohler 1927: 517.
[28] Georgius Trapezuntius 1523: Qiv^{v-r}.
[29] Georgius Trapezuntius 1523: QV^{r}.
[30] Georgius Trapezuntius 1523: Sviii^{r}-Ti^{v-r}.

торических примеров подобных состязаний, не связанных с растлением и упадком нравов, давали оппоненту все основания для критики.

Виссарион подходит к опровержению Георгия как историк. Он утверждает, что нагота была привычна многим народам как варварам, так и просвещенным эллинам: «я не вижу, чтобы женщины нашей эпохи были более целомудренными, чем спартанки, которые не только дома, но и за его пределами, обыкновенно ходили в туниках, ниспадающих до обнаженного бедра. И в наше время итальянские женщины, прогуливающиеся с открытым лицом, шеей и грудью, вызывают у сдержанного мужчины желание не больше, чем турецкие, которые выходят из дома полностью закутанные». И если прежде люди привыкли постоянно созерцать те части тела, что ныне обнажать непристойно, то, конечно, следует считать, что «увиденное возбуждало их тогда не более, чем нас сегодня, когда мы ничего подобного не видим»[31].

Спартанские обычаи были сильным доводом в аргументации Виссариона. Он доказывал, что ещё до Платона девушки в Спарте показывались голыми в присутствии молодых людей, сохраняя при этом стыдливость. По мнению Плутарха, которого Виссарион охотно цитирует, женский спорт и гимнастические упражнения способствовали деторождению. «Платон, который следовал за Ликургом, полагаясь на те же и даже более совершенные познания, без сомнения обнажал тела женщин и публично тренировал их»[32]. Возражая против суждения о бесполезности хореографии в воспитательных целях, Виссарион проводит параллель между обучением девушек и мальчиков пляскам у Платона (Plato. Leg. VII. 813b – 816d) и совместным танцем спартанских юношей и девушек, известным как «цепь» (Luc. De salt. 12). Далее кардинал приводит пространные цитаты о воспитании из «Законов», чтобы продемонстрировать, что философ прилагал большие усилия для сохранения добродетельности и воздержанности. «Но противник, кажется, не видит истины и не понимает аргументов Платона»[33].

Очень опасным для ренессансных платоников было выдвинутое Георгием обвинение в лояльности философа к гомосексуальным отношениям. Сравнивая Платона со Стагиритом, он вопрошает: «Где Аристотель сводит любовников с мальчиками? Где он побуждает и разжигает мужей, чтобы они льнули к цветку юного возраста, как большей частью делает тот [Платон]? Где Аристотель сочетает одного с другим, словно организовывая браки?» «Для чего Платон настаивает на том, чтобы сделать привлекательной эту гнуснейшую мерзость, начиная с ложного, как я считаю примера, прославленных мужей Ахилла и Патрокла?»[34] – вопрошает Георгий, подразумевая фрагмент из диалога «Пир». В нем оратор Федр утверждает, вопреки мнению Эсхила, что Ахилл был эроме-

[31] Mohler 1927: 523-525.
[32] Mohler 1927: 525.
[33] Mohler 1927: 527-531.
[34] Georgius Trapezuntius 1523: Tv^{v-r}.

ном, а Патрокл – эрастом, а не наоборот (Plato. Symp. 180a-b). Виссарион не очень убедительно возражает на это, что Федр (как если бы его речь и суждения были реальны) искажает благородную любовь Ахилла и Патрокла, воспринимает её с худшей стороны и такой восхваляет, однако ни Гомер, ни иной благородный автор не писал, что любовь этих героев была порочна[35]. Георгий многократно возвращается к теме нечестивой любви как одному из сильнейших аргументов против платонизма и не старается вуалировать свои обвинения. Он утверждает, что Платон превращал мальчиков в девочек[36], возмущается, что его, врага природы, разрушителя добрых нравов, питающего страсть к юношам (haerentem in puerorum clunibus), называют принцепсом философов[37], и обличает тех правителей, которые «platonicorum in clunibus puerorum turpiter inclusi»[38].

Виссарион специально посвятил одну главу проблеме любви в изложении Платона, где рассмотрел и выдвинутые против него обвинения. Кардинал писал, что под именем любви у языческих авторов скрывалась как достойная, благочестивая любовь, так и похоть. Первый род любви Платон называет «небесным и божественным». Эту любовь прославляет и священная литература, которую Виссарион охотно цитирует: например, «Песнь песней Соломона» и Дионисий Ареопагит в четвертой книге трактата «О Божественных именах». Если извратить и неправильно понять любовные слова из песен Соломона, пишет кардинал, то можно обнаружить в них не меньше похоти, чем у Платона[39]. Далее он обращается к диалогу «Федр», где Сократ (он же Платон) не только не одобряет приведенную Федром речь Лисия о позорной (однополой) любви (Plato. Phaedr. 230e – 234c), но «яростно атакует, порицает, обличает и ненавидит такого рода любовь. О, Иисусе Благий, с какой душевной честностью, с какой силой слов, с каким богатством речи критикует он это извращенное, преступное, нечестивое чувство и показывает, каким постыдным, гадким и губительным оно является как для любящего, так и для любимого!» (Plato. Phaedr. 237d – 238c)[40]. Взгляды Платона в объяснении природы нечестивой любви (amor turpis, amor nefandus) прекрасно согласуются с мнением «наших учителей, которые осуждают похоть и всякую порочную любовь, рекомендуют и проповедуют скромность, воздержанность и умеренность». Противник, пишет Виссарион, возразит, что Платон любит Федра. Но это не то преступное влечение, которое питает к юноше Лисий, а благочестивый, непорочный и счастливый вид любви[41].

Виссарион приводит слова Георгия о том, что Платон учит преступлениям под видом добрых дел. «Он отважился, – заявляет тот, – написать, что блаженной будет жизнь тех, кого некий бог из двух, любимого

[35] Mohler 1927: 479.
[36] Georgius Trapezuntius 1523: Tiii^{v}.
[37] Georgius Trapezuntius 1523: Nvi^{r}.
[38] Georgius Trapezuntius 1523: Tvii^{v}.
[39] Mohler 1927: 447.
[40] Mohler 1927: 449.
[41] Mohler 1927: 451-453; 465-467.

и любящего, соединенных и расплавленных, обратит в одного человека»[42]. Но, если бы Платон призывал к преступлению под видом добродетельности, возражает Виссарион, то, конечно, не обличал бы то же преступление столь явно в той же самой речи и не восхвалял бы открыто достойную любовь, ненавидя постыдную. Противник сам признает это, когда говорит, что Платон демонстрирует, что под видом добра скрывается обманчивое нагромождение злодеяний[43]. Георгий ссылается на Федра, афинского юношу, рассказывая, что у того было много нечестивых почитателей его красоты, словно это был общий порок в Афинах. И, тем не менее, он порицает Платона, величайшего философа и блюстителя добрых нравов, за то, что тот предупреждал того же Федра остерегаться нечестивых поклонников, и за то, что учил с величайшим одобрением и похвалой добродетели, какой должна быть благочестивая любовь к юношам. Но при этом он хвалит речь Лисия, которая побуждает юного Федра к этому отвратительному преступлению, каковое осуждается Платоном[44]. В «Сопоставлении» Георгий определил предмет этой речи (по его словам, oratio quasi divina mihique perutilis») таким образом: «о поклонниках, которых следует всеми силами избегать»[45]. Хотя доводы Лисия о предпочтительности отношений юношей с невлюбленными в них мужчинами могли толковаться как проявление дружбы, Виссарион в качестве контраргумента подчеркнул именно эротический аспект таких отношений: Лисий, преступную речь которого одобряет противник, кажется, советовал Федру, чтобы юноши вовсе не обращали внимания на тех, кто был охвачен любовью к ним, но всякий раз, когда им будет удобно, уступали похоти тех, которые не были в них влюблены[46].

Далее Виссарион подробно излагает и цитирует платоновские диалоги, в особенности «Федр», чтобы более явно продемонстрировать, что противник приписал Платону слова, которых тот не говорил[47]. Он обращается к образу души как упряжки из двух коней и возницы (Plato. Phaedr. 246b, 253d-256b), исключая из описания всякий эротизм: «Душа, которая лучше всего следует за богом-вождем, пусть не без сопротивления порочного коня и не без труда, наконец, вознесется в ту наднебесную область, где созерцаются истинно сущие вещи и наслаждаются истинным знанием, справедливостью, скромностью и умеренностью»[48]. Если Платон определил любовь, чтобы служить подлинной философии, пишет Виссарион, то, конечно, преступен тот, кто обвиняет Платона в преступлении, а не тот, кто учил любить достойно и целомудренно. Противнику же угодно определить объект любви под именем или девочки, или мальчика. И противник говорит: «Платон называет мальчика». Вис-

[42] Georgius Trapezuntius 1523: Nvi^{r}.
[43] Mohler 1927: 457.
[44] Mohler 1927: 459, 475-477.
[45] Georgius Trapezuntius. 1523: Nv^{r}.
[46] Mohler 1927: 465.
[47] Mohler 1927: 459.
[48] Mohler 1927: 463.

сарион возражает на это, что в «Федре» Платон обращается к теме любви мужчин к молодым людям не по прихоти, а исходя из логики опровержения речи Лисия. Таким образом, Платон говорит о юношах вполне уместно и справедливо: он критикует слова Лисия о позорной любви и после рассказывает, какой должна быть достойная любовь к юношам[49].

Переходя к разбору «Пира», Виссарион замечает, что противник приписывает Платону сказанное участниками его диалога «между питием и удовольствием», будь то поэт, оратор или молодой человек вроде Федра, и критикует так, словно это были слова философа. Но специфика платоновского диалога предполагает, что автор сначала представляет мнения собеседников, после чего разбирает и критикует их уже от имени Сократа или другого человека, отличающегося ученостью и авторитетом: обычно это Тимей, Парменид, безымянный афинянин (в «Законах») и чужеземец из Элеи (в «Софисте»)[50]. Наконец, Виссарион цитирует фрагмент восьмой книги «Законов», где говорится о необходимости установить, чтобы соитие, предназначенное для деторождения, происходило сообразно природе, так как однополые отношения губят человеческий род (Plato. Leg. VIII. 838e – 839a; 841 d-e). Платон, заключает кардинал, всегда ненавидел все плотские отношения, кроме тех, что дозволяются для рождения потомства, и был строгим судьей не столько другим, сколько себе. В подтверждение Виссарион привел слова Фомы Аквинского, что Платон один у древних воздерживался от любовных утех из-за стремления созерцать истину и из любви к самым высоким наукам (Thom. Aquin. ST. II.2. quaest. 152 art. 2)[51]. Кардинал не обошел стороной и свидетельство Диогена Лаэртского, сообщавшего, что у Платона было несколько юных любимцев, подкрепив это фрагментами любовных эпиграмм якобы его авторства. Виссарион подчеркнул, что это было мнение не Диогена: тот сам сослался на Аристиппа из Кирены, далеко не безупречный источник: «этот человек всегда легко предавался корыстолюбию и чревоугодию, всем непристойным удовольствиям, был льстиво угодлив с тиранами, особенно с Дионисием Сиракузским, у которого оказался в позорнейшем рабстве»[52].

Георгий также обращается к фрагменту из восьмой книги «Законов», где Платон затронул вопрос о возможности законодательного регулирования любовного влечения. Основной участник диалога предлагает допустить, что однополая связь мужчин с юношами (запрещенная некогда законом, существовавшим до фиванского царя Лая) разрешена как вполне пристойная, после чего задает вопрос, насколько это будет способствовать воспитанию добродетелей у вступающих в такие отношения лиц? (Plato. Leg. VIII. 836 c-e). Ответ Платона отрицательный, но Георгий представляет все иначе. По его мнению, философ отвергает «соответствующий природе, святой и божественный» закон Лая, кото-

[49] Mohler 1927: 465.
[50] Mohler 1927: 479-481.
[51] Mohler 1927: 491.
[52] Mohler 1927: 493.

рый карал огнем за противоестественные отношения, и при этом допускает незаконную связь с женщиной и «постыднейшую любовь к мальчикам» в том случае, если это скрыто от глаз. «Но ты не считаешь преступление позорным, если оно совершается тайно, – обличал он Платона, – так что твои божественные законы определяют добродетельность и безнравственность не по деянию, а по тому, происходит ли оно явно или скрытно»[53]. Примечательно, что в данном фрагменте «Законов» философ говорил именно о внебрачных связях с наложницами, однозначно запрещая мужеложество (Plato. Leg. VIII. 841 c-e). Это позволило оппоненту упрекнуть Георгия в клевете и неправильном понимании текста.

Возражения Виссариона строятся на том, что Платон не упразднил, а исправил закон Лая. По мнению античного философа, запрещая гомосексуальные отношения, этот закон следовал самой природе, ибо у животных немыслима столь нечестивая связь. По Платону, «оба участника греховны и достойны порицания: и который используется мужчиной вместо женщины, и который совершает этот гнуснейший акт; и тот, кто поддается нечестивому удовольствию, и тот, кто позволяет себе изменить свой пол и из мужчины сделаться подобием женщины»[54].

Выстраивая линию защиты, Виссарион опирается на размышления философа о видах любви – постыдном, заслуживающем позорного изгнания, и достойном, ведущем к добродетели. Тем самым, по мысли кардинала, Платон хотел сохранить закон Лая и в то же время не осудить случайно достойную любовь. Из двух видов любовного влечения (между людьми, схожими добродетелью и равными, и между непохожими и противоположными, когда один нуждается в другом) философ выводил третий вид. Он возникает из смешения обоих, когда «противоположная его часть влечет [человека] к вещам приятным и притягательным, а подобная всякий раз отговаривает от этого, так что душа тяготеет то туда, то сюда, и останавливается». Виссарион предпочел не приводить более откровенные разъяснения Платона относительно третьего вида любви, когда стремление к душе возлюбленного побеждается плотским вожделением к его телу, словно к созревшему плоду (Plato. Leg. VIII. 837 c-d). Виссарион заключает, что Платон предлагал законодательно отделить достойную любовь от двух других видов влечения, подлежащих запрещению (Plato. Leg. VIII. 837 d)[55]. Исторической параллелью для кардинала служит Лакедемон, где, по сообщению Ксенофонта, Ликург постановил, чтобы мужчины воздерживались от иной любви к юношам, кроме той, что проистекает из добродетели (Xen. Const. Lac. 2.13). Платон добавил к закону Лая и воспитательную составляющую, так как привитое с ранних лет представление о позорности плотских отношений между мужчинами будет способствовать его соблюдению. Более того, философ выступал поборником воздержания и целомудрия, приводя в пример

[53] Georgius Trapezuntius 1523: Siv[r].
[54] Mohler 1927: 531.
[55] Mohler 1927: 533.

древних атлетов Икка, Крисона, Астила, Диопомпа (Plato. Leg.VIII. 840 a): «хотя по физической мощи и хорошему сложению они были более склонны к похоти, нежели менее сильные, но из-за жажды победы, которой хотели стяжать благодаря тренировкам, жили в высшей степени воздержано, при том что души их были совершенно непросвещенными»[56].

Таким образом, первым законом, касающимся любовных вопросов, Платон предписал воздерживаться от любой противоестественной связи и того, что не ведет к деторождению. Вторым он запретил под угрозой лишения гражданской чести открытые проявления любовных отношений, дозволив те, что сокрыты от окружающих, и в которые вступают с законными женами (Plato. Leg. VIII. 838e-839b, 841 a-e). Но противник Платона, которого больше интересует клевета, чем истина, представляет сказанное философом об отношениях с женщинами так, как если бы это касалось отношений между мужчинами: якобы он дозволяет таковые, если они происходят тайно. «Ибо Платон сказал, что недопустимая связь с женщиной должна быть наказуема, если она не скроется от всех мужчин и женщин (Plato. Leg. VIII. 841e). Он же [Георгий] понимает это место так: кто по зову плоти вступает в связь с мужчиной или с женщиной, но делает это тайно, тот не запятнан. Это, конечно, не может произойти иначе, как вследствие незнания или испорченности души» [самого клеветника][57].

Можно заключить, что Виссарион действительно одержал убедительную победу над своим оппонентом. Отчасти она опиралась на авторитет самого кардинала и тот «административный ресурс», которым он располагал в распространении своего сочинения. Сильная сторона его защиты Платона заключалась в последовательности, системности и обстоятельности изложения взглядов философа с пространными цитатами из его произведений. Это было особенно важно в то время, когда не весь корпус платоновских сочинений был доступен в переводах на латынь. Георгий продемонстрировал несомненный талант памфлетиста, но его критика платонизма часто строилась на эмоциональных обвинениях («Читайте, читайте его самого, если не верите!» «Прочитайте книгу, которая озаглавлена “о влечении”. О, нечестие! О, говорю я, нечестие!» «Что мне сказать? К кому обратиться? Кто будет мне судьей?» «Я возмущаюсь от боли и негодования!»)[58]. Эти обвинения были достаточно болезненными, так как Георгий бил в уязвимые места платоновского учения, которые можно было интерпретировать как вызов и угрозу христианской вере и благочестию. Однако его сочинению не хватало обоснованности: оно не отличалось обилием цитат или подробных переложений текста, изучив которые читатель мог бы сам прийти к тем же выводам, что и обличитель Платона. По сравнению с Виссарионом аргументация Георгия казалась голословной, а его «Сопоставление» – злобным пасквилем в отношении философа. Иронизируя над призывами

[56] Mohler 1927: 533-535.
[57] Mohler 1927: 535-537.
[58] Georgius Trapezuntius 1523: Nvi^{v-r}.

Георгия к латинянам прочитать диалог «Федр» и самим убедиться в порочности платонизма, Виссарион замечает: «Если они не знают греческого языка, то кто сможет его прочитать? А если знают, то почему он не привлекает их в свидетели, а отправляет читать? В самом деле, это увиливание не свойственно ни ученому, ни праведному человеку»[59]. Сам Виссарион вполне ожидаемо подбирал для цитирования те фрагменты, которые выглядели более благочестиво и целомудренно с точки зрения христианской морали. Он также призывал подходить к оценке нравов античности исторически и не выносить строгих суждений, исходя из современных представлений. В иных случаях (когда размышления Платона о природе любви из «Федра» и «Пира» касались вопроса телесной и нетелесной связи между влюбленными) кардинал старался изложить мысли философа в более общих, нейтральных выражениях как осмысление любви вообще и избежать намеков на однополые, но при этом нетелесные отношения. Как христианский богослов он сближал взгляды Платона на истинную любовь с учением церкви, констатировал отрицательное отношение философа к «порочной любви» и исключал любой гомоэротический подтекст в его учении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Лобовикова К.И. Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского. Дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 276 с. [Lobovikova K.I. Problema turetskogo zavoevaniya i islama glazami Georgiya Trapezundskogo. (The problem of Turkish conquest and Islam through the eyes of George of Trebizond). Diss… kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2005. 276 s.]

Рязанов П.А. Греческие интеллектуалы и гуманистическая культура Италии конца XIV – начала XVI века. Нижний Новгород: Автор, 2023. 511 с. [Ryazanov P.A. Grecheskie intellektualy i gumanisticheskaya kul'tura Italii kontsa XIV – nachala XVI veka. (Greek Intellectuals and Italian Humanist Culture of the Late 14th Century – the Beginning of 16th Century) Nizhnii Novgorod: Avtor, 2023. 511 s.]

Семиколенных М.В. «Превосходно рассуждал о божественной Троице»: вопрос о триедином божестве в *In Calumniatorem Platonis* Виссариона Никейского // Платоновские исследования. 2024. Т. 20 (1). С. 248-269. [Semikolennykh M.V. «Prevoskhodno rassuzhdal o bozhestvennoi Troitse»: vopros o triedinom bozhestve v *In Calumniatorem Platonis* Vissariona Nikeiskogo («He beautifully spoke of the Holy Trinity»: The Problem of Triune God in Basilios Bessarion's *In Calumniatorem Platonis*) // Platonovskie issledovaniya. 2024. T. 20 (1). S. 248-269].

Семиколенных М.В. Апокалиптизм Георгия Трапезундского как стратегия маргинализации платоновского наследия // Studia Culturae. 2017. № 32. С. 137-159. [Semikolennykh M.V. Apokaliptizm Georgiya Trapezundskogo kak strategiya marginalizatsii platonovskogo naslediya (George of Trebizond's Apocalyptism as a Strategy for Marginalization of the Platonic Heritage) // Studia Culturae. 2017. № 32. S. 137-159].

Семиколенных М.В. Чем опасен Платон христианину? Критика платоновской философии в *Comparatio Aristotelis et Platonis* Георгия Трапезундского // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. СПб.: РХГА, 2015. С. 423-433. [Semikolennykh M.V. Chem opasen Platon khristianinu? Kritika platonovskoi filosofii v *Comparatio Aristotelis et Platonis* Georgiya Trapezundskogo (Why is Plato Dangerous to a Christian? Criticism on Plato's Philosophy in Comparatio Aristotelis et Platonis by George of Trebizond) // Universum Platonovskoj mysli: Platon i sovremennost'. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2015. S. 423-433].

Удальцова З.В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 75-88. [Udal'tsova Z.V. Filosofskie trudy Vissariona Nikeiskogo i ego gumanisticheskaya deyatel'nost' v Italii (Philosophical writings of Bessarion of Nicaea and his humanist activities in Italy) // Vizantiiskii vremennik. 1973. T. 35. S. 75-88].

[59] Mohler 1927: 453-455.

Georgius Trapezuntius. Comparationes phylosophorum Aristotelis et Platonis a Georgio Trapezuntio viro clarissimo. Venetis: per Iacobum Pentium de Leuco, 1523. [336] p.
Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden: E.J. Brill, 1990. Vol. I. XXXI p., 367 p.
Mariev S. (ed.) Bessarion's Treasure: Editing, Translating and Interpreting Bessarion's Literary Heritage. Berlin/Boston: de Gruyter, 2021. 286 p.
Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schoningh, 1927. Bd. II. Bessarionis In Calumniatorem Platonis Libri IV. VIII, 637.
Monfasani J. A tale of two books: Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* and George of Trebizond's *Comparatio Philosophorum Platonis et Aristotelis* // Renaissance studies. 2008. 22. P. 1-15.
Monfasani J. Cardinal Bessarion as a Translator of Plato, Aristotle, and Other Prose Authors in the *In Calumniatorem Platonis* // Translation Activity in the Late Byzantine World / Ed. P.Ch. Athanasopoulos. Berlin/ Boston. de Gruyter. 2022. P. 465-474.
Monfasani J. Cardinal Bessarion's won translation of the *In Calumniatorem Platonis* // Idem. Greek Scholars between East and West in the Fifteenth Century. London, New York: Routledge, 2016. Pt. VII. P. 7-21.
Monfasani J. (ed.) Bessarion. Liber Defensionum contra Obiectiones in Platonem. Cardinal Bessarion's Own Latin Translation of His Greek Defense of Plato against George of Trebizond. Berlin/Boston: de Gruyter, 2023. XXVIII, 242 p.
Monfasani J. George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic. Leiden: E.J. Brill, 1976. XI, 414.
Monfasani J. The Pre- and Post-History of Cardinal Bessarions 1469 In Calumniatorem Platonis // «Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus»: Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Kaiser, C. Märtl, T. Ricklin. Berlin: de Gruyter, 2013. P. 347-366.
Monfasani J. (ed. and tr.) Vindicatio Aristotelis: Two Works of George of Trebizond in the Plato-Aristotle Controversy of the Fifteenth Century. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2021. XIV, 1085 p.

Рязанов Павел Александрович, *к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», pryazanov@hse.ru*

Лошкарева Мария Евгеньевна, *к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», mloshkareva@hse.ru*

Cardinal Bessarion versus George of Trebizond Plato's Accusations from Charges of Immorality

The article examines the counterarguments of Cardinal Bessarion (1403-1472) in response to accusations of the immorality of Platonism made by the scholar George of Trebizond. George's sharply polemical treatise "Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis", written in 1458, was at that time the most expressive and defiant attack on the Renaissance Neoplatonists. Honoring Plato as a paragon of virtue and wisdom, humanists tried to ignore inconvenient parts of his writings. George, on the other hand, challenged the authority and status of the philosopher as a pious sage, expressively denouncing those parts of Plato's teachings that were at odds with Christian morality and modern mores. The accusations of such things as hedonism, corruption of youth, perverted attraction to boys, sharing of women in common and the overthrow of marriage were especially dangerous. At the same time, being a skilled pamphleteer, George handled the original source quite freely, which allowed Bessarion to focus on the deliberate distortion of the meaning or misunderstanding of the text by his opponent. The cardinal devoted the 4th book of his work "Against the Slanderer of Plato" (In calumniatorem Platonis, 1469) to exposing George's arguments regarding immorality.

Keywords: *Bessarion, George of Trebizond, Plato, Platonism, Italian humanism.*

Pavel A. Riazanov*, PhD in History, Associate Professor, Theory and History of Law and State Department, HSE University, Nizhny Novgorod; pryazanov@hse.ru*

Maria Ev. Loshkareva*, PhD in History, Associate Professor, Theory and History of Law and State Department, HSE University, Nizhny Novgorod; mloshkareva@hse.ru*

А.В. Журавлев

БОССЮЭ КАК КРИТИК ГОББСА: К СТАНОВЛЕНИЮ ТРАДИЦИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Практически все исследователи политической мысли Жака Бениня Боссюэ отмечали значительное влияние теоретических идей Томаса Гоббса на концепцию французского богослова. В литературе, однако, редко отмечается критика, высказанная Боссюэ в адрес Гоббса и, в частности, стремление опровергнуть один из его ключевых тезисов, согласно которому только сила внешнего принуждения может заставить людей соблюдать заключенные ими соглашения и, таким образом, поддерживать общественный мир и согласие. Боссюэ верно идентифицировал ключевую компоненту теории Гоббса – концепцию политических обязательств, т.е. механизма, заставляющего людей выполнять свои обязанности по договору. В своем главном политическом сочинении – «Политике, извлеченной из слов Священного писания» – Боссюэ дает альтернативный взгляд на то, что заставляет людей выполнять свои обязательства, развивая концепцию «святости клятвы» (фр. – religion du sermon). В этой идее Боссюэ находит ключ к обоснованию прочного места религии в жизни общества и возможности эффективной реализации религиозно-нравственных ограничителей как индивидуального эгоизма, так и власти абсолютного монарха, выдвигая тем самым консервативную альтернативу механическому деспотизму «Левиафана» Гоббса.

Ключевые слова: *Жак Бенинь Боссюэ, Томас Гоббс, общественный договор, теория политических обязательств, религия, консерватизм, абсолютизм.*

С ноября 1640 г. по февраль 1652 г. Томас Гоббс жил во Франции, в которой он побывал до этого уже трижды, сопровождая отпрысков аристократических фамилий в образовательных поездках по странам Европы. В 1642 г. в Париже выходит первое издание одной из ключевых политических работ Гоббса «О гражданине» (De Cive), за которым последовало еще одно латинское издание в Амстердаме (1647) и его репринт в том же году[1]. Французский перевод первого масштабного изложения естественно-правовой теории философа появится в 1649 г., на два года раньше английского (1651). Этот перевод будет переиздан в 1651 г. и в несколько сокращенном виде в 1652 и 1653 гг.[2] С 1635 г. Т. Гоббс встречается и поддерживает тесные отношения с французскими учеными и философами М. Мерсеном, П. Гассенди, П. Ферма, Б. Паскалем и др.[3]. Во Франции же Гоббс напишет «Левиафана» – свое главное политическое сочинение. Его французское изгнание можно по праву назвать «интеллектуально самым плодотворным периодом его жизни»[4]. В важнейшее для истории обеих стран десятилетие Гоббс может считаться французским философом не в меньшей степени, чем английским.

Популярность Гоббса во Франции была заметно выше, чем на родине. Его идеи здесь окажут более непосредственное воздействие на развитие политической мысли. Пьер Гассенди в письме издателю и пе-

[1] Warrender 1983: 1; Tuck 1998: viii.
[2] Lacour-Gayet 1923: 281.
[3] Sorel 1996: 24; Skinner 1966: 155.
[4] Skinner 1966: 153.

реводчику работ Гоббса на французский Самюэлю Сорбьеру восторженно отзывался о «De Cive», назвав эту работу «экстраординарной», «достойной быть прочитанной каждым человеком, чей вкус не склонен к вульгарности»[5]. М. Мерсен назвал «Гражданина» «сокровищем» и высказал пожелание о скорейшем выходе в печати других философских работ его автора. Сам же Сорбьер считал Гоббса, наряду с Гассенди и Декартом, величайшим философом своего века, выдерживающим сравнение с прославленными мыслителями античности[6]. В 1660 г. во Франции выходит уже второй перевод «De Cive» с посвящением Людовику XIV и предложением сделать преподавание «элементов политики» Гоббса обязательным для всех молодых людей королевства[7]. Франсуа Бонно, Сьер де Вердю, автор нового перевода, утверждал, что Гоббс является «единственным автором, полностью постигшим природу морали и потому сумевшим выстроить истинную и точную политическую теорию, а также продемонстрировать природу взаимных обязательств людей и, следовательно, обязанностей подданного по отношению к суверену»[8]. На родине же Гоббсу было отказано в членстве в учрежденном осенью 1660 г. Королевском обществе[9], а в 1665 г. парламент предпринял попытку подвергнуть его судебному преследованию за «ересь и атеизм»[10]. И, наконец, в 1683 г. Оксфордский университет включил политические работы Гоббса в список книг, приговоренных к публичному сожжению, так как они ведут к «ниспровержению государств…, мятежу, убийству государей и даже атеизму»[11]. К 1700 г. в Англии имя Гоббса станет синонимом «атеизма, аморализма и целого набора неприемлемых политических взглядов»[12]. Во Франции же его идеи продолжат «оказывать соблазнительное воздействие на общественное мнение»[13].

Не избежал этого соблазна и французский богослов, проповедник и философ Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704). Его основное политическое произведение «Политика, извлеченная из слов Священного Писания» (*Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte)*, было написано в качестве учебника для Людовика, «Великого дофина» (1661–1711), сына и наследника короля Франции Людовика XIV. Практически все отечественные исследователи, так или иначе затрагивавшие политические идеи Боссюэ, отмечали значительное влияние на его концепцию теории Гоббса[14]. Отмечает это влияние и большинство зарубежных ученых[15]. Как

[5] Hobbes 1651: SNP.
[6] Ibidem.
[7] Hobbes 1660: SNP.
[8] Skinner 1966: 160.
[9] Parkin 2007: 215-216.
[10] Parkin 2013: 433-442.
[11] The Judgement and Decree… 1683: 5, 7.
[12] Parkin 2007: I.
[13] Lacour-Gayet 1923: 284.
[14] Рейснер 1905: 279; Савин 1930: 15; Федорова 2001: 139; Кулешова 2006: 6, 48, 58-78; Подольский 2022: 101.
[15] Rébelliau 1900: 97-100; Lacour-Gayet 1923: 302; Plongeron 1986: 286; Kelly 1986: 8-9.

признавал его французский биограф Гюстав Лансон, «чтение Гоббса в большей степени, чем Аристотель, больше, чем изучение истории Франции и конституции королевства, больше, чем галликанизм и стремление опровергнуть Беллармина, определило выбор и расположение материалов, из которых Боссюэ построил здание Политики»[16]. «И не от Гоббса ли, скорее, чем от Аристотеля, заимствовал Боссюэ свою руководящую идею о том, что "интерес" лежит в основе происхождения всякого государства?» – вторит ему А. Ребельо[17]. Лансон полагает даже, что как и Гоббс, Боссюэ основывает всю свою политическую науку на формуле «человек человеку волк» – «из нее все исходит, от нее все зависит»[18]. Действительно, Боссюэ был хорошо знаком с работами Гоббса, а в его библиотеке имелись изданные в разное время сочинения английского философа[19]. Однако в «Политике» Боссюэ не упоминает Гоббса напрямую – это было бы не совсем уместно в сочинении, в значительной своей части состоящем из библейских цитат, – уверен Дж. Келли[20].

К сюжетам общим для политической мысли Гоббса и Боссюэ относятся идея конфликтности существования человека вне рамок государственной власти, представление о страстях («испорченности» – фр. corruption) как причины конфликта, трактовка государства как способа разрешения противоречий и средства «обуздания страстей», собственности как отказа от права силового захвата, понятие «истинного разума» (droite raison) и естественного закона, и даже концепция общественного договора. Все эти положения нашли место в «Политике, извлеченной из слов Священного Писания». От внимания исследователей ускользнула, однако, очевидная полемическая нота, содержащаяся в этом же сочинении и направленная как на более фундаментальное обоснование исходных положений концепции французского мыслителя, так и на прямое опровержение одного из ключевых тезисов Гоббса – о том, что только сила внешнего принуждения может заставить людей соблюдать заключенные ими соглашения и, следовательно, поддерживать общественный мир и согласие. Джон Локк так резюмировал эту особенность гоббсовской социальной философии: «если спросить, почему человек должен держать свое слово… у последователя Гоббса, он скажет: "Потому что… Левиафан накажет тебя, если ты этого не сделаешь"»[21]. Во многом, подобный пессимизм был связан с тем, что Гоббс не считал религию эффективным средством обеспечения традиционных морально-этических ограничителей индивидуального эгоизма.

Джон Гоуф отмечал, что любая концепция общественного договора включает в себя две компоненты: во-первых, историческое объясне-

[16] Lanson 1891: 198.
[17] Rébelliau 1900: 100.
[18] Lanson 1891: 200.
[19] Rébelliau 1900: 97.
[20] Kelly 1986: 9.
[21] Локк 1985: 118.

ние происхождения общества и государства и, во-вторых, теорию политических обязательств (theory of political obligation), которая должна объяснить «природу и границы лояльности», которую граждане обязаны выказывать государству, а также право государственной власти контролировать поведение граждан[22]. А. Шевченко полагает, что проблема политических обязательств вообще является центральной во всех концепциях общественного договора, а тем или иным образом выраженное согласие, т.е. договор, служит лишь «механизмом обязывания и самообязывания, т.е. одним из способов рациональной легитимации – либо перспективной, либо ретроспективной»[23]. Мыслители XVII в. остро осознавали эту проблему. Если естественное право претендует на статус универсального основания общественной жизни человека, что может обеспечить его обязательность в ситуации отсутствия принудительных государственных институтов? Что заставляет людей придерживаться однажды заключенного соглашения уже после учреждения общества и государства? Гуго Гроций полагал, что подобная обязательность может быть обусловлена рациональностью природы как человека, так и естественного закона, и хотя данная концепция может обойтись без «гипотезы Бога», именно рациональность божественного начала служит финальной гарантией исконной склонности человека к общежитию[24].

Гоббс существенно проблематизировал это отношение. Его материалистическая философия превращает человека в механизм, фактически лишенный свободы воли, а, следовательно, и возможности разумного выбора. Свобода в трактовке Гоббса состоит лишь в отсутствии препятствия или сопротивления к совершению того, к чему человека влекут «его воля, желание или склонность». Воля сама по себе есть не более, чем «последнее желание в процессе обдумывания, непосредственно примыкающее к действию». Она при этом не является «разумным желанием», поскольку это бы исключало возможность человеческих действий, противоречащих разуму. В основе активности человека лежат движения материальных объектов, поэтому все названия, даваемые людьми своим действиям («влечение», «отвращение», «воля» и т.п.) могут быть сведены к движению материальных частиц внутри организма. По этой же причине моральные понятия «добра» и «зла» лишаются онтологического статуса, превращаясь лишь в «направления» хаотического движения частиц материи и «имена», даваемые людям объектам своего желания или отвращения[25]. Счастье человека состоит поэтому «в непрерывном движении желания от одного объекта к другому», а рациональной целью является обеспечение «удовлетворения своих будущих желаний». Такую гарантию Гоббс называет словом «power». Через понятие «власти» мыслитель задает возможность перехода от антропологического к полити-

[22] Gough 1936: 224
[23] Шевченко 2007: 74.
[24] Гроций 1956: 46–47.
[25] Гоббс 1991: 123.

ческому описанию человека. В качестве «общей склонности» всего человечества Гоббс указывает «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»[26].

Это «power after power», стремление ко все большей мощи – если точнее перевести с английского слово *power* – наталкивается на аналогичные склонности других людей и приводит к состоянию «войны всех против всех». Индивид в естественном состоянии лишен привычных эмпирических характеристик – пола, возраста, семьи и т. п. – и идентичен своим оппонентам в стремлении к захвату ресурсов, увеличивающих его индивидуальную силу. Но есть и ограничители этого увеличения, заключающиеся в естественном равенстве людей от природы по своим «физическим и умственным способностям», препятствующем установлению продолжительного доминирования одного над другим[27].

Разум в концепции Гоббса не более чем слуга – слуга страстей и желаний, толкающих индивидов к завоеванию большей власти. Большинство страстей носят асоциальный характер и лишь способствуют продлению состояния «войны всех против всех». Тем не менее существует одна страсть, потенциально способствующая принятию рациональных решений, ключевое из которых – объединиться в общество с целью прекращения состояния перманентной войны. Эта страсть «на которую можно положиться» – страх, самой общей формой которого является страх смерти. Только страх смерти способен удержать людей от преследования эгоистических целей и заставить следовать рациональному самоограничению. Именно страх может направить разум по верному пути к формулировке фундаментального закона природы – добиваться мира и вступить с другими людьми в соглашение, этот мир обеспечивающее. Нужно ограничить свои притязания «на все», даруемые естественным правом, и заключить договор, гарантирующий взаимное самоограничение.

В «Левиафане» Гоббс обосновывает рационально-утилитарную природу морали: морально то, что ведет к миру, а к миру ведет соглашение о прекращении перманентной войны. Поэтому моральными добродетелями, и, следовательно, «добром», являются «пути или средства к миру» и они же являются базовыми предписаниями естественного закона. Главная среди моральных ценностей – справедливость, которую Гоббс толкует как требование исполнять заключенные соглашения[28]. Соответственно, морально предосудительными являются деяния и поступки, препятствующие сохранению мира, т.е. ведущие к нарушению соглашения. Это то, что люди называют «злом»[29].

Таким образом, сама природа политической власти трактуется Гоббсом в форме реализации договорных отношений, зависящих от исполнения гражданами своих обязательств по договору. Но, поскольку

[26] Гоббс 1991: 78.
[27] Гоббс 1991: 93.
[28] Там же: 110.
[29] Там же: 123.

человеческая натура непостоянна, а страсти неизменно одерживают верх, единственным гарантом соблюдения соглашения может быть только страх максимального для человека зла, т.е. смерти. Власть над жизнью и смертью вручается Гоббсом неограниченному суверену – «Левиафану», своей мощью способному раздавить любого индивида и тем удерживающего его от нарушения взятых на себя обязательств. Роль религии в этой модели сугубо функциональна: она должна деактуализировать необходимость применения прямого насилия со стороны носителя власти, способствуя интериоризации подданными механизмов страха, выводя их за пределы земной жизни. Хотя Гоббс и находит в своей схеме место для религии, Богу здесь места нет.

Боссюэ согласен с Гоббсом в том, что основой возможности социальной организации является ответственность, которую люди несут за соблюдение заключенных ими соглашений. В случае Гоббса эта ответственность вменяется гражданам силовой машиной подавления, поскольку философ исходит из представления о бессилии естественного закона в ситуации отсутствия источников физического принуждения к его исполнению. Именно по этой причине в XVII столетии Гоббс многими считался атеистом: хотя он нигде не отрицает существование Бога, но исходит из его практического невмешательства в дела людей. Подобный взгляд, очевидно, не мог быть приемлем для разработки политической концепции католического богослова.

Боссюэ был не единственным кто не соглашался с Гоббсом, он скорее следовал общей для XVII в. тенденции – критиковать Гоббса как с консервативных, так и либеральных позиций, причем обе эти позиции сходились в признании важности религии для самой возможности общественной жизни. Во втором трактате «О правлении» Локк, не называя Гоббса по имени, все же вступает с ним в полемику. Выстраивая собственную политическую концепцию следуя методологии, разработанной своим старшим соотечественником, Локк тем не менее, стремится опровергнуть его фундаментальный «атеистический» тезис, заключающийся в том, что основное предписание закона природы в естественном состоянии ограничивается лишь индивидуальным самосохранением. Из утверждения естественного равенства людей Локк делает прямо противоположный вывод: «поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого». Но гарантировать подобный альтруизм может только Бог, «всемогущий и бесконечно мудрый творец», создавший людей, и предписавший каждому стремиться не только к собственному сохранению, но и к сохранению его божественного творения, т.е. «остальной части человечества». Локк, однако, оговаривается, что это предписание имеет силу лишь после обеспечения собственного выживания, когда «жизни не угрожает опасность» и «по мере возможности», ставя все же индивидуальное самосохранение на первое место[30].

[30] Локк 1988: 265.

Композиционно и стилистически трактат Боссюэ состоит из двух разнородных частей, написанных ввиду разных целей: первая (главы 1–6) сочинена менее чем за год как учебник политики для дофина Людовика в 1677–1678 гг.[31] Изучение «Политики» должно было стать завершением всей программы образования наследника французского престола. По признанию самого Боссюэ, подход к воспитанию был организован таким образом, чтобы внушить дофину три главных принципа: *Pieté, Bonté, Justice* (благочестие, добродетель, справедливость)[32]. Религиозный компонент занимал при этом существенное место на всех этапах обучения и определил необходимость «извлекать» политические принципы непосредственно из Священного писания. Тем не менее, в первой части своей «Политики» Боссюэ в значительной мере опирается на произведения Гоббса, используя ряд его установок в качестве аксиом собственной политической методологии, а также формулируя фундаментальные политические принципы в виде своего рода «теорем» (propositions), выносимых в заглавие разделов и в дальнейшем доказываемых в основном тексте с помощью библейских цитат. Боссюэ вернется к своей работе ненадолго в 1693 г. и снова уже в 1700–1703 гг.[33] в целях превратить ее в фундаментальное теоретическое сочинение по политической проблематике. К этому периоду относятся последние четыре книги «Политики». Болезнь и смерть не дали Боссюэ закончить весь труд. Во второй части французский богослов занимает уже более критическую по отношению к теории Гоббса позицию и стремится выдвинуть альтернативную и в целом опровергающую гоббсовскую концепцию социальных обязательств в качестве основы собственной политической теории. Изданный по высочайшему повелению на русском языке в 1802 г. перевод трактата ограничивается только первыми шестью главами[34].

Современники могли сделать два противоположных по эмоциональной окраске вывода из рассуждений Гоббса. Позитивный вывод заключался в осознании необходимости подчинения существующим властям и предписывал безоговорочное повиновение правящим монархам как единственную гарантию от возвращения анархии естественного состояния. Признавая гипотетичность описания *status naturae* в «Левиафане», Гоббс и его читатели легко могли разглядеть его проявления в гражданских междоусобицах 1640–1650-х гг. как в Англии, так и во Франции. «Левиафан» предложил наилучшую возможную гарантию от возвращения в подобное состояние. Именно к такому выводу приходит дю Вердю, автор изданного в 1660 г. французского перевода «De Cive»[35]. Негативный вывод проистекал из пессимистического взгляда на природу человека, убежденности Гоббса в неспособности морали и религии

[31] Nourrisson 1867: 65.
[32] Bossuet 1709: 26.
[33] Lanson 1891: 186.
[34] Боссюэ 1802.
[35] Hobbes 1660: SNP.

служить ограничителями естественного эгоизма «необщительных» индивидов, а также неизбежности «тирании», как единственной узды для своенравных себялюбцев. Именно к такой оценке теории Гоббса придет, хотя и не сразу, Джон Локк.

Как и Локк, Боссюэ не мог разделить пессимизм подхода «малмсберийского чудовища» и, тем более, основать на нем преподавание основ политической науки наследнику французского престола. К тому же французская традиция политической мысли, хотя и признавала власть королей «абсолютной», тем не менее не считала возможным допускать ее неограниченность. От Сейсселя до Монтескье французские писатели всегда находили различные ограничители произвола монархического правления во Франции, будь то закон или обычай, привилегии знати или хорошо устроенная система государственной власти, способствующая достижению общественного блага[36]. Боссюэ противопоставлял власть «абсолютную» (absolu) власти «произвольной» (arbitroire). Для «произвольной» власти все подданные являются рабами, они могут быть лишены не только собственности, но и жизни, а законом является лишь то, что угодно государю. «Абсолютная» же власть стремится оградить подданных от угнетения и насилия, которым они подвергаются в состоянии безвластия, хранит их «неприкосновенную» собственность, право которой обеспечено законом, «щадит» кровь подданных, жизни которых можно отнимать лишь по закону и суду и вообще основывается на фундаментальных «конституционных» законах, в принципе отвергаемых властью «произвольной»[37]. Боссюэ предпочитает так выстраивать основание своей политической теории, чтобы заложить возможность функционирования ограничителей монархического деспотизма, в его варианте в основном нравственного характера, а главным «противовесом» (contrepoids) власти государя выступает страх Божий[38]. Боссюэ в принципе предусматривает значительное количество ограничений королевской власти, восходящих к религии, естественному праву, обычаям и законам королевства, и другим источникам[39].

Боссюэ начинает свои рассуждения с утверждения естественной «общительности» человека, следуя традиции Гроция, а не Гоббса: первая же глава его трактата утверждает, что «люди созданы для того, чтобы жить в обществе». Главная библейская заповедь требует любить Бога, а из любви к Богу следует необходимость любить других людей, «возлюбить ближнего как самого себя». «Мы потому должны любить друг друга, – убежден Боссюэ, – что мы все вместе должны любить одного Бога, нашего общего отца, источник нашей связи»[40]. Развивая эту мысль, Боссюэ утверждает, что поскольку, человек создан по образу и подобию Бога, заповедь любви к нему предписывает любить и его об-

[36] Малов 2005: 129–130; Монтескье 1999: 31–32.
[37] Bossuet 1709: 395–398.
[38] Ibid.: 145–147.
[39] Чудинов 2005: 278–281.
[40] Bossuet 1709: 6.

раз. Естественно для любящего Бога, любить и то, что создано по его подобию. Кроме того, все люди братья поскольку дважды происходят и от одного естественного отца – Адама, а после потопа и от Ноя – и должны проявлять «заботу» по отношению друг к другу. Боссюэ все же считает необходимым подкрепить религиозно-этические аргументы в пользу естественной общительности также утверждением того, что и личный интерес ей не противоречит. Желая установить общество, Господь пожелал, чтобы каждый мог извлекать из него свой интерес: «люди утешают друг друга, помогают друг другу, защищают друг друга»[41]. Разность талантов и способностей усиливает эту взаимозависимость. Таким образом формируется то, что Боссюэ называет «общностью человеческого рода» (société general du genre human), которая первична по отношению к «гражданскому обществу». По сути, данная первичная «общность» аналогична «естественному состоянию» в концепции Гоббса, но отличается от него изначально царящим здесь миром и согласием. Эта идиллия разрушается грехом, но, что характерно, грехом не Адама, а Каина, приводящего к «разделению» и «разложению» (corruption) первоначального единения. Данная «испорченность» становится всеобщей и делает людей «необщительными» (insociable, «не общежительными» – в русском переводе 1802 года[42]): все страсти становятся ненасытными и каждый «желает всего только для себя»[43].

В другом сочинении, направленном против политических идей протестанта Пьера Журье, Боссюэ дает гораздо более пессимистичную, истинно «гоббсовскую» картину изначального состояния человечества: «Если взглянуть на людей в их естественном состоянии до установления государственной власти, то мы не увидим ничего кроме анархии, то есть яростной и дикой свободы, где каждый претендует на все; где каждый на страже и, как следствие, в состоянии постоянной войны против всех; где разум не способен ни к чему, поскольку всякий зовет *разумом* ту страсть, которой наиболее подвержен; где бессильно даже естественное право, поскольку бессилен разум; где, как следствие, нет ни собственности, ни владения, ни имущества, ни гарантированного покоя, ни в самом деле никакого права, кроме права сильного: однако, даже определить кто самый сильный невозможно, поскольку любой может им стать, объединив в порыве страсти вокруг себя несколько других людей»[44]. Боссюэ практически цитирует описание тягот естественного состояния в «Левиафане» и, кроме того, добавляет сходное с данным Гоббсом обоснование естественного равенства людей в «отношении их физических способностей», гарантирующего бесконечность притязаний «всех на всё»[45].

В первой части трактата Боссюэ, следуя за общей тенденцией мыслителей XVII в., признает наличие договорного начала государственной

[41] Ibid.: 11.
[42] Боссюэ 1802: 16.
[43] Bossuet 1709: 14.
[44] Bossuet 1863: 464–465.
[45] Гоббс 1991: 93–96.

жизни, хотя оно и не является для его концепции определяющим. «Для полнейшего понимания природы закона, – уверяет автор «Политики», – следует отметить, что все, кто в нем хорошо разбирался, отмечали его происхождение в виде пакта или договора (un pacte & un traité), посредством которого люди договариваются под властью государя о том, что необходимо для основания общества»[46]. Как и Гоббс, Боссюэ ссылается на 29 главу Второзакония, описывающую принятие народом Израиля десяти заповедей в качестве основополагающего закона. Бог и Моисей созывают народ на собрание и требуют принесения клятвы соблюдать законы. Данную процедуру Боссюэ и представляет как заключение договора: «Вы все собрались здесь перед вашим Господом… с тем, чтобы все вместе вы дали обязательство о союзе с Господом и клятве, которую Господь заключит с вами. И вы будете его народом, а он вашим Богом». Моисей заключает этот «договор» от имени всего народа, а весь народ дает на него «ясно выраженное согласие» (consent expressément au traité). Как и у Гоббса мы видим, что тем или иным образом выраженное народом согласие трактуется как очевидный признак договора. Боссюэ добавляет сюда еще один важный элемент – клятвенное заверение, скрепляющее соглашение и делающее его обязательным к исполнению. «Проклят будет тот, кто не будет твердо придерживаться каждого слова этого закона» – такова цена нарушения клятвы, с чем народ также соглашается[47]. Как и Гоббс, Боссюэ допускает два способа образования государства: посредством соглашения и завоеванием. В первом случае патриархальная власть отца разросшегося семейства принимается добровольно в качестве власти государя, во втором власть государя устанавливается силовым захватом, но обе они являются легитимными.

Уже во второй части трактата, написанной после 1700 г., Боссюэ переходит к подробному рассмотрению обязанностей государя, опираясь на традиционную для Франции формулу «la religion, la police, la justice», но отводя на второй план ее среднюю часть. Цель правления он определяет как благо и сохранение государства (conservation de l'état), для чего необходимо поддерживать правильную «конституцию политического тела», заключающуюся в двух вещах – религии и правосудии[48].

Боссюэ подчеркивает безусловную необходимость религии для того, чтобы начала общественной жизни были возможны. У всех народов с признаками общественной организации (quelque espece de police) можно заметить также и следы религии (tradition de la divinité). Если и возможен народ без религии, то только «абсолютно варварский, бескультурный и неорганизованный» (sans civilité et sans police)[49]. О необходимости религии для начала общественной жизни Боссюэ говорит как об эмпирическом факте.

[46] Bossuet 1709: 32.
[47] Bossuet 1709: 33.
[48] Ibid.: 285.
[49] Ibid.: 287–288.

Согласно Боссюэ, приверженцы даже ложной религии считают ее принципы ненарушимыми (inviolable), вот почему даже на ложной (нехристианской) религии может быть основана стабильная конституция (une constitution stable de l'état). В противном случае основание государственной власти было бы невозможным без истинной религии и истинной церкви, что опять-таки опровергается опытом. Более того, Писание указывает, что власть даже в «идолопоклоннических» государствах является «священной, неприкосновенной, богоустановленной и по совести обязательной» (obligatoire en conscience)[50]. Хотя Боссюэ и воздерживается от этого вывода, он таким образом фактически выделяет общую и истинную компоненту любой религии.

Еще одним общим для всех религий моментом является признание всеми народами т.н. «religion du sermon» – «религии клятвы». «Religion du sermon» можно перевести с французского и как «святость» или «нерушимость» клятвы («sanctity of the oath» – «сакральность», «святость» клятвы в английском переводе П. Рили[51]). Согласно Боссюэ, гарантия соблюдения людьми договоров дается не внешней принудительной силой, *in foro externo*, как сказал бы Томас Гоббс, а *in foro interno*, в силу внутренней ответственности человека перед необходимостью соблюдения клятвы, данной во имя «чего-то большего, чем сам человек», «чего-то неизменного» и «проникающего в самое сокровенное совести». Поскольку люди клянутся во имя божества (вне зависимости от того, какую религию исповедует тот или иной человек), превосходящего ценность и значение индивидуальности, клятва является нерушимой и обязательной к исполнению. «Клятва составляет последнее скрепление (affermissment), финальное и окончательное решение дела», – цитирует Боссюэ апостола Павла. Принцип «святости клятвы», признаваемый всеми народами, дает «наибольшую гарантию, какая только может быть между людьми, ручающимися друг другу тем, что они полагают наивысшим (le plus souverain), самым устойчивым (stable) и ощущаемым только совестью (qui seul se fait sentir à la conscience)»[52].

Поэтому Боссюэ приходит к выводу, что в отсутствие религии никакая социальная жизнь невозможна, а все существовавшие общества исповедовали хотя бы какую-то из форм религии. Необходимость соблюдения клятвы и ответственность за ее нарушение обязательны, независимо от того является ли религия того, кто дает клятву, истинной или нет. Клятва гарантируется истинностью веры, а не истинностью бога, во имя которого клянутся. Можно клясться языческими богами, если клянущийся принимает их за истинных; в таком случае клятва является священной и для истинного Бога, и он карает за ее нарушение. В данном случае клятва признается добросовестной (bonne foi du serment). Именно добросовестность клятвы рождает доверие между людьми в обществе и

[50] Ibid.: 289.
[51] Bossuet 1990: 193–194.
[52] Bossuet 1709: 289.

дает им взаимные гарантии безопасности. Совесть же выступает основой соблюдения клятвы и фундаментом общественного объединения: «Люди, не связанные совестью, не могут дать друг другу никаких гарантий»[53]. Саму мысль о том, что можно найти общество, не основанное на религии, Боссюэ называет «химерической», однако он допускает, что даже гипотетически такое общество было бы лучше состояния полной анархии, которое есть не что иное, как «война всех против всех».

Сила клятвы создает связь между людьми и Богом и является фундаментом сакрализации политических форм бытия человека. При этом религия может быть любой, клятва во имя любого бога священна сама по себе и ставит общество, которое ее соблюдает под защиту «истинного» Бога. В трактовке Боссюэ, опирающегося во многом на методологию и аксиомы Гоббса, религия тем не менее из механизма, использование которого желательно, но не необходимо для обеспечения лучшего функционирования государства, превращается в силу, устанавливающую и сакрализующую общественные отношения.

Так примиряется идея изначального договора и божественного права, поскольку без силы религии ни один договор не имеет силы и, следовательно, нуждается в ней для того, чтобы длиться, как нуждается в ней и общество для поддержания своего существования. Боссюэ таким образом пытается модернизировать традиционные религиозные установки, сакрализующие общественные отношения, и рациональное понимание генезиса и функционирования общества, и государства, развиваемое мыслителями нового времени и особенно XVII в.

В описании традиции «святости клятвы» как универсального механизма, делающего вообще возможной любое общественное состояние, католический богослов Боссюэ подходит опасно близко к идее того, что столетием раньше другой французский мыслитель – Жан Боден – окрестил «естественной религией», т.е. общей и истинной компонентой любой религии, следующей не из истинности предмета веры, а из истинности и искренности чувства, испытываемого верующим. В силу этого исполнение обязательств, т.е. общественного договора, становится необходимым и неотменимым даже без внешнего принуждения. Действенность данного механизма справедлива и по отношению к монарху, что делает возможным также монархию, хотя и абсолютную, но основанную на законе, т.е. на добровольном самоограничении «доброго» монарха, в отличие от неограниченного и произвольного суверена, выведенного в «Левиафане», а также предлагает логически связную и «научную» альтернативу практическому атеизму Гоббса.

В отличие от Гоббса, обнажающего рациональный и утилитарный характер как естественного права, так и основанной на нем морали, Боссюэ стремится показать, что мораль и религия имеют общую природу и обе необходимы для существования общества. По этой же причине чисто моральные ограничения власти «абсолютного» – в противополож-

[53] Ibid.: 291.

ность «произвольному» – суверена могут быть действенными и обязательными к исполнению монархом, какой бы неограниченной и абсолютной ни была бы его власть в теории.

В целом, абсолютюзм Боссюэ можно назвать нравственным, то есть ограниченным моральными механизмами, эффективность которых французский богослов пытается продемонстрировать, указывая на ключевую роль религии в создании предпосылок возможности любой социальной организации. Акцент на религиозно-нравственные механизмы ограничения индивидуалистической и эгоистичной природы человека свидетельствует также о начале формирования традиции консервативной политической мысли, одним из основоположников которой Боссюэ, безусловно, являлся.

Как отмечал Гюстав Лансон еще в конце XIX века: «В политике Боссюэ дал наилучшую формулу консервативной доктрины: он показал силу и эффективность социального организма, его часто малоизвестных и отрицаемых принципов, традиции и авторитета; он обнажил бессилие законов и конституций в отсутствие доброй воли со стороны правителя и управляемых»[54].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Боссюэ Ж.Б. Политика из самых слов Священного писания почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом. СПб.: В императорской типографии, 1802. 299 с. [Politika iz samykh slov Svyashchennogo pisaniya pocherpnutaya Iakovom Benignom Bossyuetom. (Politics drawn from the very words of Holy Scripture). SPb.: V imperatorskoi tipografii, 1802. 299 p.]

Гоббс Т. Сочинения в 2-х тт.: Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с. [Hobbes T. Sochineniya v 2-kh tt. (Works in 2 volumes). M.: Mysl', 1991. 731 p.]

Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Гос'юриздат, 1956. 868 с. [Grotius H. O prave voiny i mira (On the right of war and peace). M.: Gos'yurizdat, 1956. 868 p.]

Кулешова Е.В. Жак-Бенинь Боссюэ и его время: из истории общественно-политической мысли Франции второй половины XVII века: дисс. канд. истор. наук. СПб., 2006. 153 с. [Kuleshova E.V. Zhak-Benin' Bossyue i ego vremya: iz istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli Frantsii vtoroi poloviny XVII veka (Jacques-Bénigne Bossuet and his time: from the history of the French social and political thought of the XVII century): dissertatsiya… kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03. SPb., 2006. 153 p.]

Локк Дж. Сочинения в 3-х тт.: Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с. [Locke J. Sochineniya v 3-kh tt.: T. 1. (Works in 3 volumes. Vol. 1.) M.: Mysl' 1985. 621 p.]

Локк Дж. Сочинения в 3-х тт.: Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с. [Locke J. Sochineniya v 3-kh tt. (Works in 3 volumes. Vol. 3.) M.: Mysl' 1988. 668 p.]

Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 86–128. [Malov V.N. Tri etapa i dva puti razvitiya frantsuzskogo absolyutizma (The three stages and two paths in the development of the French absolutism) // Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B.F. Porshneva (1905 – 1972). M. Editorial URSS, 2005. P. 86 – 128]

Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с. [Montesquieu Ch.L. O dukhe zakonov (On the spirit of laws). M.: Mysl', 1999. 672 p.]

Подольский В.А. Социальная политика и патернализм в традиционалистской политической философии Франции XVII века // Социум и власть. 2022. 3 (93). С. 95–105. [Podolskii V.A. Sotsial'naya politika i paternalizm v traditsionalistskoi politicheskoi filosofii Frantsii XVII veka (Social politics and paternalism in the French conservative political philosophy of the XVII century) // Sotsium i vlast'. 2022. 3 (93). P. 95 – 105]

[54] Lanson 1891: 516.

Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб.: 1905. С. 278–389. [Reisner M.A. Obshchestvennoe blago i absolyutnoe gosudarstvo (Public good and the absolute state) // Reisner M.A. Gosudarstvo i veruyushchaya lichnost'. SPb.: 1905. P. 278 – 389]

Савин А.Н. Век Людовика XIV. М.: ГИЗ, 1930. 247 с. [Savin A.N. Vek Lyudovika XIV (The age of Louis XIV). M.: GIZ, 1930. 247 p.]

Федорова М.М. Классическая политическая философия. М.: Весь мир, 2001. 223 с. [Fedorova M.M. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya (The classical political philosophy). M.: Ves' mir, 2001. 223 p.]

Чудинов А.В. «Королевское самодержавие во Франции»: история одного мифа // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 259–293. [Chudinov A.V. «Korolevskoe samoderzhavie vo Frantsii»: istoriya odnogo mifa ("The royal autocracy in France": story of a myth) // Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B.F. Porshneva (1905 – 1972). M. Editorial URSS, 2005. P. 259 – 293]

Шевченко А.А. Политические обязательства: в поисках справедливости // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. 1. С. 74–78. [Shevchenko A.A. Politicheskie ob'yazatelstva : v poiskakh spravedlivosti (Political obligations: in search of justice) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2007. 1. S. 74–78]

Bossuet J.B. Avertissment aux protestants sur les lettres du ministre Jurieu contre l'Histoire des variations // Oeuvres compl. de Bossuet. Vol. XV. P.: Librairie de Louis Vivès, 1863. P. 181–488.

Bossuet J.B. Politics drawn from the very Words of Holy Scripture. Translated and edited by Patrick Riley. Cambridge University Press, 1990. 415 p.

Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte a Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume. Paris: Chez Pierre Cot, 1709. 614 p.

Gough J.W. The Social Contract. A Critical Study of its Development. Oxford: Clarendon Press, 1936. 234 p.

Hobbes T. Elemens philosophiques du citoyen, traicté politique, où les fondemens de la societé civile sont descouverts, par Thomas Hobbes, et traduicts en françois par un de ses amis. Paris: de l'imprimerie de la Veufue Theodore Pepingué, 1651. 448 p.

Hobbes T. Les elemens de la politique de monsieur Hobbes de la traduction du sieur du Verdus. Paris: chez Henry le Gras, 1660. 226 p.

Kelly G.A. Mortal Politics in Eighteenth Century France. Waterloo: University of Waterloo Press, 1986. Xxiii, 334 p.

Lacour-Gayet G. L'éducation politique de Louis XIV. Paris: Librairie Hachette, 1923. 358 p.

Lanson G. Bossuet. Paris: Lecén, Ouden et Cie, 1891. 522 p.

Nourrisson J.F. La Politique de Bossuet. Paris: Didier et Cie, 1867. 305 p.

Parkin J. Baiting the Bear: the Anglican Attack on Hobbes in the later 1660s // History of Political Thought. 2013. 34 (3). P. 421 – 458.

Parkin J. Taming the Leviathan: The Reception of the Political and Religious Ideas of Thomas Hobbes in England, 1640 – 1700. New York: Cambridge University Press, 2007. 449 p.

Plongeron B. Entre Bossuet et Lamennais: quelques équivoques historiques de «politique chrétienne» // Studies in Religion / Sciences Religieuses. 1986. 15/3. P. 277–301.

Rébelliau A. Bossuet. Paris: Librairie Hachette, 1900. 208 p.

Skinner Q. Thomas Hobbes and his Disciples in France and England // Comparative Studies in Society and History. 1966. 8/2. P. 153 – 167.

Sorel T. Cambridge Companion to Hobbes. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 398 p.

The judgment and decree of the University of Oxford past in their convocation July 21, 1683, against certain pernicious books and damnable doctrines... Oxford: Printed at the Theater, 1683. 9 p.

Tuck R. Introduction // Hobbes T. On the Citizen. Ed. and transl. by R. Tuck and M. Silverthorne. Cambridge University Press, 1998. P. xviii – xxxiii.

Warrender H. Editor's Introduction // Hobbes T. De Cive. Latin Version. A Critical Edition by Howard Warrender. Oxford: At the Clarendon Press, 1983. P. 1 – 67.

***Журавлев Александр Викторович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Новосибирский государственный университет, a.zhuravlev@g.nsu.ru*

Bossuet as the critic of Hobbes: the foundations of conservative tradition

Almost everyone who studied the political ideas of Jacques-Bénigne Bossuet have noted the significant influence of Thomas Hobbes on the thought of the French theologian. However, the research literature rarely tackles the problem of Bossuet criticizing Hobbes and in particular his intention to refute one of Hobbes's key statements according to which only the external coercive force can make people abide by the agreements they have made and thereby maintain social peace and harmony. Bossuet correctly identifies the key component of Hobbes's theory – the concept of political obligations, that is, the mechanism that forces people to fulfill their obligations under the contract. Bossuet's chief political work, "Politics Extracted from the Words of Holy Scripture", gives an alternative view of what makes people fulfill their contract obligations, developing the concept of the "sanctity of the oath" (French – religion du sermon). According to Bossuet, this idea provides the basis for safeguarding religion a crucial place in social life, as well as the possibility of effectively implementing religious and moral constraints on both individual egoism and on the power of an absolute monarch. Bossuet thus puts forward a conservative alternative to the mechanical despotism of Thomas Hobbes's "Leviathan".

Keywords: *Jacques-Bénigne Bossuet, Thomas Hobbes, social contract, theory of political obligations, religion, conservatism, absolutism.*

Zhuravlev Alexander*, PhD (History), Senior lecturer, faculty of World History, Novosibirsk State University, a.zhuravlev@g.nsu.ru*

М.Д. Горбунов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ГЕРБЕРТА ХАРТА PRO ET CONTRA

Подвергаются комплексному анализу и осмыслению философско-правовые воззрения одного из наиболее выдающихся правоведов XX века – Герберта Харта. В статье утверждается, что значимость взглядов британского правоведа и степень оказанного им влияния на правовую науку позволяют говорить о формировании сегодня широкого правового наследия, находящегося в поле интереса и активной рефлексии как зарубежной, так и отечественной правовой науки. Оригинальность методологии Харта, воспринятой из аналитической философии, позволила сформировать собственную исследовательскую программу, в центре которой находятся ключевые проблемы правоведения в сфере гносеологии, онтологии и аксиологии права. Ответы на заданные правоведом вопросы оформились в цельную неопозитивистскую концепцию и привели Харта к пониманию права как многоаспектного явления, существующего в контексте социальных фактов. Идеи Харта о внутренней и внешней точках зрения на право, системе первичных и вторичных правил, открытой структуре юридического языка и рациональной связи права и морали не только породили масштабную научную дискуссию, но и фактически задали точку отсчета современного этапа развития целого направления в правопонимании – аналитической юриспруденции. Вместе с тем авангардный, основополагающий характер концепции правоведа обусловил также общую незавершенность и определенную степень недосказанности в его собственных правовых взглядах. Тем не менее в исследовании формулируется вывод о значительном масштабе хартовского наследия и его влиянии на современный философско-правовой дискурс.

Ключевые слова*:** *философия права, англо-американская правовая мысль, аналитическая философия, аналитическая юриспруденция, правопонимание.**

Герберт Лайонел Адольфус Харт (1907–1992) – один из наиболее выдающихся правоведов XX в., чьи взгляды до сих пор находятся в поле научной рефлексии и критики. Это обусловлено не только оригинальностью научных взглядов правоведа, но также тем, что с Г. Харта фактически начался современный этап научного дискурса в доминирующем для англо-американской правовой мысли направлении – аналитической юриспруденции. Представляя ее позитивистское крыло, он оказал значительное влияние на эволюцию мировой правовой науки, обновив правовую гносеологию и онтологию и обозначив направление развития правовой теории в рамках родной ему британской правовой традиции.

В числе исследователей, предпринявших анализ научного творчества Г. Харта, можно назвать М. Сингера, Т. Бендита, Дж. Постему и др. Их труды посвящены рассмотрению различных положений теории юридического языка Герберта Харта и его неопозитивистской концепции касательно как онтологических, так и методологических тезисов[1]. Заслуги Харта отмечены и на уровне философско-правового дискурса. В 2001 г. издательство Blackwell Publishers опубликовало список выдающихся аналитических философов XX в., где среди наиболее авторитетных ана-

[1] Postema 2012: 31–48; Benditt 1974: 422–423; Singer 1963: 197–220.

литических философов – Л. Витгенштейна, Дж.Л. Остина, Г. Райла, значился и Г. Харт[2]. Как отмечено в литературе: «Харт был наиболее читаемым британским философом права двадцатого столетия, а его творчество продолжает оставаться в центре научных дискуссий»[3].

Несмотря на то, что в отечественной теории права Г. Харт известен довольно давно, отношение к правоведу было предвзятым, что во многом связано с его британским происхождением, значительным скептицизмом в отношении англо-американской правовой традиции и неприятием буржуазной правовой мысли в советской науке. Тем не менее заслуживают внимание работы таких авторитетных отечественных правоведов, как И.Н. Грязин, В.А. Туманов, А.А. Старченко и ряд других[4].

Сегодня же можно отметить переход к принципиально новому этапу осмысления творчества Харта в отечественной науке, что связано как с публикацией перевода на русский язык его ключевого труда «Понятие права» (Concept of Law)[5], так и с общим ростом интереса к аналитической философии и юриспруденции, с которыми правовед связан.

Среди значимых работ по хартовской теории можно назвать труды Е.А. Баженовой, А.Б. Дидикина, С.Н. Касаткина, В.В. Оглезнева, С.Р. Решетняка, а также других философов и правоведов[6]. Тем не менее, приходится констатировать, что системно взгляды Г. Харта не рассмотрены, а критическое осмысление не произведено. Существующие работы либо касаются отдельных аспектов его теории, либо затрагивают взгляды Харта в контексте истории аналитической философии и юриспруденции[7]. Отечественные исследования по хартовской теории концентрируются преимущественно на раннем этапе его творчества и не дают целостного представления об исследовательской философско-правовой программе британского правоведа и его научном наследии.

Данные обстоятельства обуславливают актуальность задачи по представлению хартовской теории в развернутом виде в рамках системного исследования. Представляется, что особую ценность может иметь оценка хартовской исследовательской программы и критических аспектов ее рефлексии на основе актуального научного дискурса. Отечественные исследования нуждаются в дополнении и финализации через комплексную оценку ключевых положений хартовской теории в контексте сформулированной им проблемной области актуального правопонимания, ставшей гносеологической основой современной аналитической юриспруденции. Данная работа способствует решению названной познавательной задачи посредством обзорного критического осмысления исследовательской программы Герберта Харта с выделением значимых проблемных аспектов теории.

[2] Martinich 2001: 169.
[3] Оглезнев 2010: 138.
[4] См.: Туманов 1971; Грязин 1983; Старченко 1969.
[5] См.: Харт 2007.
[6] См.: 2012; Дидикин 2016; Касаткин 2014; Баженова 2016; Решетняк 2010.
[7] Пищулин 2010: 98–107.

Научная биография

В отечественных исследованиях выделены периоды научного творчества Г. Харта: ранний – философский и поздний – собственно правовой[8]. Такое деление является о условным, поскольку уже в ряде ранних работ автора отмечается формирование его собственной исследовательской программы, а на позднем этапе можно отметить как фазу активной научной работы, так и последующие слабые попытки критического ответа на выявленные проблемы теории.

Герберт Харт родился в еврейской семье предпринимателя Симеона Харта и Роуз (Самсон) Харт 18 июля 1907 г. в Великобритании (Харрогейт), а его юридическая и научная практика была прервана катастрофой Второй мировой войны. В результате, как отмечают биографы, собственная идентичность автора как очевидца главной гуманитарной катастрофы истории человечеств во многом повлияла на его творчество[9].

Другими значимыми факторами стали сложившаяся к середине XX в. особая атмосфера академической среды оксфордской философской школы и личное знакомство Харта с выдающимися философами и правоведами той эпохи – С. Гемпширом, Дж.Л. Остином, Г. Райлом, приверженцами активно развивавшейся школы аналитической философии[10]. Аналитическая философия стала новым направлением, оформившимся в условиях кризиса формального логико-философского анализа. В рамках нее было признано, что мир человеческой культуры контекстуален, а социальные факты несводимы к фактическим референтам. Центральным познавательным средством направления стал язык, а объектом исследования – его понятия, в т.ч. относящиеся к нормативной сфере жизни общества[11]. Такая среда, безусловно, повлияла на взгляды Харта и определила его пристальное внимание к проблематике юридического языка и социальных фактов в начале его научного пути. В результате в первых работах ученого формируется авторская теория юридического языка, ставшая основой его правовых взглядов. Среди основных работ раннего периода – статьи: «Приписывание ответственности и прав» (The Ascription of Responsibility and Rights, 1949), предложившая теорию аскриптивных понятий, от которой Харт позже отказался; «Логическая сказка» (A Logician's Fairy Tale, 1951), посвященная логике высказываний, «Определение и теория в юриспруденции» (Definition and Theory in Jurisprudence, 1953) о проблемах юридического языка.

Поскольку аналитико-философская сторона научного творчества Харта достаточно подробно представлена в отечественных историко-философских исследованиях[12], тезисно обратимся к ключевым аспектам его языковой теории. Харт обозначил, что правовые понятия являются

[8] Оглезнев 2010: 138.
[9] Mikhail: 747; Lacey 2004: 33–35, 313–314.
[10] Оглезнев 2010: 139; Sugarman 2005: 274–275.
[11] Hart 1953b: 355–364.
[12] См.: Оглезнев 2012; Дидикин 2016; Касаткин 2014.

контекстуальными, несводимыми к фактическим референтам, существующими в особом поле употребления и направленными на производство нормативного вывода. Потому они требуют особого подхода и не могут быть изучены лишь средствами формальной логики[13]. Как итог лингвистических исследований Харта сформировался мощный методологический импульс, позволивший по-новому взглянуть на право как социальный факт и заново определить проблемную область юриспруденции. Именно здесь формируется исследовательская программа Герберта Харта, ставшая основой для его правовых взглядов и последующей научной рефлексии в рамках аналитической юриспруденции[14].

В научных трудах правоведа, завершающих ранний период его творчества, формируются общие проблемы современной автору правовой теории и три ключевых исследовательских вопроса его собственной научной программы. Здесь можно выделить масштабную статью «Философия права и юриспруденция в Британии (1945–1952)» (Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952), 1953), в которой был дан общий обзор ситуации в современной Харту британской философии права, и которая обозначила переход к собственно правовым темам. Критике юснатурализма и реализма были посвящены статьи «Существуют ли какие-либо естественные права?» (Are There Any Natural Rights? 1955), «Позитивизм и разграничение права и морали» (Positivism and the Separation of Law and Morals, 1958) и рецензия на книгу Алекса Хагерстрома «Вопросы природы права и нравственности» (Inquiries into the Nature of Law and Morals, 1954). В итоге Харт формирует исследовательскую программу, в основу которой была положена новая аналитическая методология. Учитывая особый контекст существования права, он рассмотрел его как набор центральных и пограничных случаев, требующих плюралистических установок при отказе от традиционных ошибочных затруднений, с которыми сталкивались классические теории. К числу тем, составивших предметную область программы, следует отнести:

- вопрос критики позиции классического правового позитивизма об отождествлении права и императивного приказа в условиях существования иных непринудительных нормативных практик;
- вопрос определения сущности правил и практики их действия в правовой системе, порядка их формальной и неформальной фиксации на стыке с правовым реализмом;
- вопрос оценки метафизического тезиса юснатурализма о связи права и морали и принципиального контраргумента со стороны позитивизма[15].

Поиск взвешенных ответов на них на основе новой методологии привел Герберта Харта к формированию собственной позитивистской (неопозитивистской) аналитической правовой теории. Назначение на должность декана юридического факультета Оксфордского университе-

[13] Hart 1949: 171–194; Hart, Cohen 1955b: 247–253.
[14] Hart, Cohen 1955b: 213–264.
[15] Харт 2007: 14–21.

та в 1952 г. во многом позволило воплотить его задумки в жизнь и пробудить всю англо-американскую правовую доктрину[16]. В результате в 1961 г. выходит ключевой труд Харта «Понятие права», объединивший его ранние методологические наработки и авторские ответы на поставленные вопросы исследовательской программы в единую правовую теорию. Последующие труды лишь развивали и уточняли положения данной книги. Так, Харт публикует сборники «Наказание и ответственность: эссе по философии права» (Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law, 1968) и «Эссе по юриспруденции и философии (Essays on Jurisprudence and Philosophy, 1983), в которых он подтвердил общую линию «Понятия права».

Вскоре после того, как Харт завершил свою административную работу в 1968 г., его научная активность пошла на спад. Впоследствии большую часть своих исследовательских усилий Харт посвятил проекту по изучению трудов Иеремии Бентама, завершившемуся публикацией «Эссе по Бентаму: работы по юриспруденции и политической теории» (Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory, 1982).

При этом, как отмечают биографы автора, фактически Харт оставил без ответа ряд значимых вопросов собственной теории, а новые актуальные исследования в сфере аналитической философии, в частности учения Дж. Серля, Элизабет Энском и Н. Хомского, остались вне поля внимания[17]. В итоге, творческий потенциал Харта был практически исчерпан к концу 1960–х гг.[18] Вместе с тем в научной среде росла и расширялась полемика вокруг резонансной работы Харта как среди последователей, так и среди его наиболее яростных критиков, что вынудило правоведа прервать свое молчание и выступить с ответом на ряд наиболее значимых замечаний, которые были отражены в «Постскриптуме» (Postscript), вышедшем в 1994 г., через два года после его смерти[19].

Критика классического позитивизма

Первоочередной задачей исследовательской программы Харта стала модификация правового позитивизма и приведение его в жизнеспособное состояние. Объектом жесткой критики Харта стала классическая теория Джона Остина. Здесь Харт начинает поиск ответа на первый вопрос собственной исследовательской программы. Ключевые положения теории Остина можно свести к следующему тезису: «главным свойством права, обеспечивающим его действие, выступает наличие суверена, которому обычно подчиняются индивиды в конкретном обществе, но который сам не подчиняется никому»[20]. Право отождествляется с приказами суверена и обеспечивается привычкой подчиняться императивам, а потому строго принудительно. Подобные взгляды были опре-

[16] Honore 1994: 302.
[17] Mikhail: 755.
[18] Mikhail: 765; Lacey: 136–137, 260–262, 281–283.
[19] Касаткин 2008: 3–27.
[20] Austin 1995: 166.

делены как редукционистские, поскольку они упрощают понимание права до команд, что не отображает, по убеждению Харта, реальное положение права в системе социальных отношений[21]. Собственные лингвистические наработки в рамках теории юридического языка позволили Харту взглянуть на право более широко, сохраняя общую аналитическую установку Остина на изучение правовых явлений. Ключевой же модификацией Харта стало утверждение, что право существует в сложной системе социальных фактов. В итоге на основе критики классического правого позитивизма Харт строит свою модель правовой системы, ставшую своеобразным ответом позитивизму от позитивизма на основе более широкой методологической базы.

Право, как система первичных и вторичных норм

В качестве альтернативы концепции императивов, лежащих в основе подчинения правилам, Харт предлагает значительно более сложную и комплексную категорию обязанности, имеющую внутренний и внешний аспекты действия. Обязанность существует в ином социальном контексте, чем простые формы императивов, а именно в рамках социальных правил. Харт указывает, что «существование каждого отдельного социального правила предполагает соединение правильного поведения и особого отношения к этому поведению как образцовому»[22].

Важнейшим аспектом, обеспечивающим функционирование обязанности в нормативной системе, является центральная идея всей хартовской теории – концепция внутренней и внешней точек зрения. Внешняя точка зрения вызвана внешним аспектом правил и заключается в их восприятии извне как наблюдателя. Обязательность правил в данном случае не осознается субъектами лично, а лишь подтверждается для них соответствующей наблюдаемой практикой. Внутренняя же точка зрения порождена внутренним аспектом правил и заключается в осознанном восприятии субъектами права норм как обязательных с их включением правовую систему[23]. Таким образом, в основе права лежит не команда, а сложные отношения внутренней и внешней точек зрения на правила.

Формирование норм в обществе является для Харта естественным процессом. При этом система нормативных отношений претерпевает изменения вместе с развитием материальной сферы жизни общества. Системе взаимоотношений в раннем обществе свойственно существование простых правил поведения, определяющих непосредственно материальные и нематериальные отношения между людьми. Такие нормы Харт называет первичными, и для них достаточно обеспечения лишь внешней точки зрения. Характер данных норм во многом схож с приказами в остиновской концепции. Однако здесь важно отметить, что Харт не повторяет фундаментальную ошибку своего предшественника и не пытается уравнять такую простую модель нормативной системы с кон-

[21] Postema 2012: 40–41.
[22] Харт 2007: 91.
[23] Харт 2007: 94–96; Hart, Cohen 1955b: 247–250.

цепцией права как такового. Для права характерна сложная взаимосвязанная система первичных и вторичных правил, где вторичные направлены на обеспечение соблюдения первичных и определяют их действительность, порядок принятия и изменения, а также компетенцию официальных лиц по их обеспечению и реализации[24].

Принципиальным для Харта является не только формирование модели правовой системы, в основе которой лежит обеспечение иерархии и согласованности правовых норм, но и объяснение процесса ее функционирования. При поверхностном взгляде кажется, что Харт повторяет многие тезисы теории права Ганса Кельзена, но такое представление является ошибочным не только потому, что сам Харт критиковал «чистое учение о праве» как редукционистское, но и потому, что его собственное объяснение функционирования права учитывает более тонкие пограничные аспекты. Если первичные правила определяются вторичными, то вторичные, как утверждает Харт, существуют в правовой системе. Для вторичных правил устанавливается строгая система иерархии, в основе которой лежит «окончательное правило признания», действующее в отношении других как утверждение «это закон». Специфика данного правила заключается в том, что оно не фиксируется в правовой системе, а является недекларируемым, воспринимаемым субъектами как обязательное, исходя из сложившейся практики его применения[25]. Однако в конечном счете такое утверждение о фактическом характере окончательного правила признания свидетельствует о том, что Харт повторяет метафизический тезис Кельзена о базовой норме, являющийся значительной проблемой для раннего позитивизма[26]. Харт, безусловно, предпринимает попытку преодолеть данную проблему через концепцию внутренней и внешней точек зрения, однако оказывается успешен в своих аргументах только лишь частично, поскольку природа нормативной силы вторичного правила признания остается без объяснения.

В итоге Харт делает вывод, что правовая система существует тогда, когда складывается дуализм внутренней и внешней точек зрения на систему правил, при котором нормы фактически внешне соблюдаются индивидами независимо от их мотивов, с ориентацией лишь на внешний аспект формального подчинения, а сама система воспринимается официальными лицами как обязательная с внутренней точки зрения[27]. Здесь же усматривается другая проблема хартовского объяснения основ существования правовой системы, связанная с тем, что правовед не считает необходимым, чтобы индивиды рассматривали и принимали право с внутренней точки зрения. Практика существования современных правовых систем показывает, что принятие правил индивидами обуславливается широким перечнем факторов социополитического характера, а ле-

[24] Харт 2007: 96–97, 103–104.
[25] Там же: 110–115.
[26] См.: Kelsen 1945.
[27] Харт 2007: 120–121.

гитимация системы правовых отношений должна производиться со стороны не только официальных лиц, но и граждан. Такое объяснение было сформировано только в трудах учеников Харта, в частности в работах Джозефа Раза и Нейла МакКормика[28]. Однако сделано это было в рамках общего методологического вектора, заданного самим Хартом.

Формализм права и прецедент

Описывая реальную практику существования правовой системы, Харт не ограничивается указанием на обеспечение ее иерархичности и согласованности, но поднимает также вопрос о механизме фиксации и применения норм, стремясь решить тем самым второй вопрос своей программы. Он в значительной степени поддерживает позицию, что любая правовая система нуждается в качественном законодательстве, которое является первичным средством выражения нормативных предписаний. Харт указывает, что «общие правила, образцы и принципы должны быть основным инструментом социального контроля, а не частными указаниями, даваемыми каждому индивиду отдельно»[29].

Вместе с тем правовед обращает внимание на неспособность законодательства урегулировать все ситуации, требующие правоприменения. Харт определяет необходимость преодоления данной проблемы дополнительными средствами. Опираясь на богатый методологический аппарат аналитической философии, в частности теорию Людвига Витгенштейна и работы Фридриха Вайсмана, а также собственную теорию юридического языка, Харт пришел к выводу об открытой структуре юридического языка и всех включаемых в него концептов и понятий.

Открытая структура по Харту – это «общее свойство человеческого языка; неопределенность в пограничных случаях (употребления правовых понятий, когда конкретное обстоятельство не может быть прямо соотнесено с общим классифицирующим термином)»[30]. Ключом в преодолении такой неопределенности Харт видит прецедентные практики в сочетании с действующим законодательством. При этом Харт осознает значительные риски в использовании прецедента, поскольку превалирование правоприменительной, и в первую очередь судебной, практики над законодательной может привести к тому, что право в практике его действия превратится в фактические предсказания о том, что решат судьи по конкретному делу, на что указывает, в частности, критикуемая им Скандинавская школа правового реализма[31]. В данной связи судебная деятельность должна опираться на действующее законодательство, правила суда и сложившуюся иерархию норм[32].

Более того, Харт признает эту проблему до определенной степени непреодолимой, поскольку в правовой системе может возникнуть ситу-

[28] Raz 1979: 13–21; MacCormick, Weinberger 1986: 49–58.
[29] Харт 2007: 128.
[30] Там же: 131.
[31] Hagerstrom 1953: 377.
[32] Hart 1953b: 355–364.

ация, когда неопределенность касается ядра правовой системы, в т.ч. окончательного правила признания[33]. В таком случае решение суда юридически будет выходить за пределы собственных полномочий и должно признаваться «постфактум в случае достижения успеха»[34]. Такое, казалось бы, изящное решение проблемы заложило значительные противоречия в теорию Харта. В стремлении примирить правовой формализм и реализм Харт не предоставил достаточно последовательных аргументов в пользу признания практики суда неправовой при требовании законодательной согласованности. В результате позиция правоведа кажется противоречивой с точки зрения как правового позитивизма, так и конкурирующих направлений, в частности реализма.

Данная проблема уже при жизни Харта стала предметом яростной критики со стороны ряда его преемников – аналитических юристов, в частности Рональда Дворкина, по мнению которого экстраординарность деятельности суда вполне встраивается в правоприменительную практику, поскольку никакого выхода за пределы правовой системы нет и суд всегда ограничивается существующими в праве принципами[35]. Однако многие критические замечания в отношении хартовской теории основываются на довольно узком понимании правовой системы и опираются на практику англо-саксонского права. В свою очередь Харт исходил из гораздо более широкого понимания правовых явлений.

Аксиология права

Третий завершающий вопрос хартовской исследовательской программы касается наиболее принципиального утверждения правовой философии, послужившего разделительной чертой между позитивистскими и антипозитивистскими теориями, – тезиса о разделении права и морали. Здесь Харт поставил перед собой амбициозную задачу найти рациональные аргументы в пользу построения диалога между конкурирующими доктринами по теме аксиологии права.

Свои рассуждения Харт начинает с анализа свойств моральных норм и ключевых моральных императивов, в частности справедливости. Важным для него является не столько признание некого метафизического всеобщего блага, сколько то, как оно трансформируется и претворяется в конкретной правовой системе. Существующие риски кажутся ему критичными, поскольку морализаторство не только порождает правовую неопределенность, но само по себе способно творить большое зло. Как указывает Харт: «различие между законом и моралью связано с противопоставлением “внешнего характера” одного “внутреннему характеру” другого»[36]. Мораль субъективна по своей природе и включает в себя значительно больше, чем требование формального подчинения, отсылая к чувству долга перед нравственными идеалами[37], что не позволяет вклю-

[33] Харт 2007: 151–152.
[34] Там же: 157.
[35] Дворкин 2004: 41–54; Дидикин 2016: 145.
[36] Харт 2007: 176.
[37] Там же: 183–187.

чить моральные категории в право. При этом Харт идет значительно дальше правоведов-позитивистов и признает ограниченную связь права и морали как составляющих широкой нормативной системы общества[38].

Необходимо отметить общий контекст рассмотрения данного вопроса в середине XX в. Тема связи моральной оценки права и юридической действительности была поднята в научном творчестве Г. Харта еще до опубликования «Понятия права» и, в частности, широко представлена в его дискуссии с Л. Фуллером на страницах Harward Law Review[39]. Преступления нацистского режима заставили многих философов и правоведов по-новому отнестись к идеям естественных прав человека и правового закона. Решения Нюрнбергского трибунала еще больше подтвердили необходимость не только практического, но и теоретического разведения моральных и аморальных античеловечных правовых систем, что подняло ряд проблем с точки зрения формальной юриспруденции. Для юснатуралистов это стало решительным аргументом в пользу радикального отказа признавать такие нормативные системы правовыми. Харт же, будучи позитивистом, указал, что к изучению права необходимо подходить широко и подвергать анализу и безнравственные правовые системы[40]. Харт отмечает, что «нет причины, по которой те, кто принимает авторитет системы, не могут … решить, что морально они не должны принимать систему … это, однако, не показывает, что ничто не может быть признано юридически обязательным, если оно не принято в качестве морально обязательного»[41]. Нравственное непринятие правила не обуславливает само по себе его юридическую недействительность.

Харт говорит, что закон действительно может быть несправедлив по сути, но применяться справедливо и правильно в формальных рамках. Оттого вопросы о том, что есть право, и о том, каково его содержание, – это разные проблемы. Харт в итоге стремится занять прагматическую позицию, указывая, что даже всеобщее осуждение норм правовой системы и их негативная моральная оценка не являются условием их делегализации. Вместе с тем выдвинутая самим Хартом идея внутренней и внешней точек зрения в определенной степени моралистична и провоцирует продолжение линии аргументации о проблеме легитимации и принятия норм системы гражданами и официальными лицами.

В итоге занятая Хартом промежуточная между классическим позитивизмом и антипозитивизмом позиция по аксиологическому вопросу породила широкую дискуссию в англо-американской правовой мысли, затрагивающую проблемы связи моральной аргументации, эффективности права и его действительности среди критиков и последователей правоведа. Нерешенным для Харта остался вопрос о том, равную ли ценность имеют правовые системы и должны ли они зависеть от содержа-

[38] Харт 2007: 175; Hart 1958: 606–615.
[39] Fuller 1958: 644–661; Hart 1958: 606–615.
[40] Харт 2007: 212–213.
[41] Там же: 205.

тельных качеств и собственной эффективности. Вслед за Фуллером другой критик Харта – Дж. Финнис – призвал к учету «внутренней перспективы» субъектов права, без понимания которой невозможно понять сущность права и его связи с человеческими интересами[42].

Научное наследие

Хартовская теория, таким образом, воплотила в себе ключевые положения исследовательской программы, предложив ответы на заявленные вопросы. Концептуально правовые взгляды Герберта Хата можно представить в рамках следующих положений:

1. Право представляет собой систему первичных и вторичных правил, где первичные непосредственно регулируют поведение людей, а вторичные определяют действительность первичных.
2. Правовая система принимается индивидами с внешней точки зрения как наблюдаемая сложившаяся социальная практика и официальными лицами с внутренней точки зрения как действительная и рационально необходимая.
3. Правовые нормы фиксируются в законодательстве, которое необходимо дополняется прецедентом, ввиду неизбежно возникающих пробелов и частных случаев правоприменения. Прецедент является экстраординарным средством преодоления неопределенности в праве и может выходить за пределы существующих правил системы в случае эффективности его применения.
4. Право отличается от морали, которая иррациональна и субъективна по своей природе, поэтому вопрос о содержании права не может подменять собой вопрос о его действительности. Однако и право, и мораль существуют в рамках широкой системы нормативных отношений, поэтому связаны между собой на уровне целеполагания.

Прогрессивный характер хартовского взгляда на право стал возможен благодаря принципиально новой методологической базе, позволившей сделать значительный рывок по отношению к классическому правопониманию. В основе хартовского исследования – антиредукционистский импульс к преодолению общей тенденции упрощенного понимания права, которая была характерна для правового позитивизма, сужавшего понимание права до неполного ряда сущностных свойств принудительности, игнорируя ряд более динамичных компонентов[43].

Другим методологическим средством, позаимствованным из аналитической философии, стал концептуальный анализ[44]. Данный метод предполагает анализ социальных понятий, в т.ч. права, как носителей определенных смыслов в контексте их употребления. Такой подход дал возможность Харту определить право как набор центральных и пограничных случаев, не отбрасывая сложные ситуации его практического употребления из поля исследования. Во многом это позволило преодо-

[42] См.: Финнис 2012.
[43] Оглезнев 2012: 63–64; Hart 1957: 959.
[44] Summers 1966: 866.

леть значительное число искажений, упрощений и ограничений прежних интерпретаций правовых явлений, за счет рационализации всего процесса философско-юридического анализа.

Все сказанное выше сделало возможным уже в середине XX в. признать Харта «новым правоведом»[45]. Отмечено, что с Г. Харта начался «герменевтический поворот в аналитической юридической философии в целом и в юридическом позитивизме в частности… он подчеркнул важность внутренней точки зрения участника … социальных фактов и конвенций, лежащих в основе функционирования правовой системы»[46].

Методологически первопроходческий статус концепции Харта неизбежно определил и ее особенности: обладая высоким познавательным потенциалом, она имеет обобщенный характер. Анализ ключевых положений хартовской теории в рамках сформулированных им исследовательских вопросов позволил выделить следующие проблемные аспекты:

- объяснение права как системы первичных и вторичных правил хоть и разрешило основные противоречия классического правового позитивизма, но содержит ощутимые пробелы. Харт недостаточно четко объясняет природу окончательного правила признания, лежащего в основе правовой системы. Указание на его фактический характер должно дополняться аргументами о связи системы правовых норм со сложившейся нормативной общественной практикой, иначе ядро правовой системы воспринимается метафизически;

- идея о внутренней и внешней точках зрения подтвердила новую методологическую установку на понимание права как конвенционально принятой системы. Однако обозначенные критерии ее принятия выглядят неполными. Утверждение о необходимости признания правил в качестве обязательных только со стороны официальных лиц не отвечает практике действия права в современных обществах. Условие обеспечения лишь формального соблюдения правовых норм со стороны граждан не сильно отличается от идеи императивных приказов, критикуемой самим Хартом. Правовые нормы воспринимаются с внутренней точки зрения также гражданами, а степень такого принятия оказывает значительное влияние на результативность нормативного воздействия;

- утверждение об экстраординарном характере судебной деятельности препятствует признанию значимой роли правовой аргументации и фиксации правил посредством прецедента. Такая практика воспринимается как неправовая. Во многом это обусловлено тем, что Харт не признает иных форм фиксации права, кроме как в виде правовых норм, и отрицает роль принципов и недекларированных правил в праве. В итоге теория не вырабатывает целостного понимания интерпретационной деятельности и судебного толкования как правовых явлений и допускает крайнюю форму судебного волюнтаризма;

[45] Ibid: 863.
[46] Bix 2009: 102.

- тезис о моральной нейтральности права, с одной стороны, продолжает традицию позитивизма, с другой – не учитывает существующие тенденции включения в концептуальную модель правовой системы идей либерального конституционализма и фундаментальных прав человека. Подход Харта нацелен на построение описательной, а не оценочной концепции и потому не чувствителен к критериям эффективности и нравственной приемлемости в праве. При этом сама ключевая идея хартовской теории о принятии окончательного правила признания с внутренней точки зрения моралистична, поскольку подразумевает оценку правовой системы со стороны как минимум официальных лиц.

Названные пробелы и упущения хартовской исследовательской программы обусловили то, что наследие британского правоведа стало предметом масштабной критической рефлексии как позитивистов, так и антипозитивистов. В дискуссию оказались вовлечены многие ведущие философы и правоведы – представители разных направлений в правопонимании, объединенных Хартом общей методологической базой аналитической юриспруденции. В числе критиков Харта можно назвать его учеников – Джозефа Раза и Нейла МакКормика, сформировавших наиболее авторитетные позитивистские концепции в англо-американской правовой мысли, – и прямых оппонентов-антипозитивистов, таких как Лон Фуллер, Джон Финнис и Рональд Дворкин. Таким образом, хотя Герберт Харт не дал однозначных ответов на все поставленные вопросы, он сформировал мощный импульс для развития правовой теории, и прежде всего – аналитической юриспруденции. Масштабная рефлексия в последние годы о недостатках его теории привела к тому, что в иностранной литературе звучат довольно категоричные заявления, что Харт не справился с задачами своей исследовательской программы[47].

С таким выводом можно согласиться лишь частично. Исследовательская программа Харта в его собственном научном творчестве действительно осталась незавершенной, что во многом связано с его нежеланием и невозможностью продолжать активную научную деятельность в поздние годы жизни. Вместе с тем, программа Харта была рассчитана на длительное и глубокое научное осмысление, которое правовед не мог совершить лишь собственными усилиями. Как отмечается в литературе: «если вкратце описать исследовательскую программу Харта, то широкий спектр выводов, которые мы можем извлечь из этой программы, еще не полностью учтен или исследован до его дальних границ»[48].

По большому счету, хартовская теория предложила новый подход к философско-правовым исследованиям, повлиявшим на развитие науки на современном этапе:

- слом доктринальных противоречий между позитивизмом и антипозитивизмом и стремление к построению научного диалога по концептуальным вопросам;

[47] La Torre 2008: 21–36.
[48] Ibid: 22–25.

- либерализация правовой теории на основе критики абсолютизации принудительного аспекта в праве и тезиса о верховенстве суверена, с одной стороны, и осуждения антигуманных аспектов консервативной морали – с другой;

- формирование интегративной методологии на основе аналитической традиции, стремящейся к комплексному многоаспектному рассмотрению права как контекстуального гибкого понятия;

- рационализация ценностного компонента в праве и попытка найти объяснение подчинения индивида нормативной системе через ее осознанное рациональное принятие.

Действительно, та дискуссия, которая сложилась еще при жизни Харта между его учениками и критиками и продолжается до сих пор, свидетельствует не только о широком влиянии хартовского наследия, но и о его актуальности в современной научной дискуссии. В литературе утверждается, что «Харт… посеял семена, из которых неопозитивизм окончательно окреп»[49]. Герберт Харт не только стал в свое время новым правоведом-неопозитивистом, но и по большому счету является основоположником современного дискурса в аналитической юриспруденции[50]. Именно с его теории берет начало диалог между позитивизмом и антипозитивизмом в англо-американской правовой мысли, который повлиял на мировую правовую науку в целом. Продолжателями идей Герберта Харта являются его ученики и ярые критики, которых во многом объединила сформулированная им исследовательская программа.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. 92 с. [Bazhenova E.A. Filosofiya prava G.L.A. Harta: ucheb. posobie. (Philosophy of Law by H. L. A. Hart: a textbook). Vladimir: Izd-vo VlGU, 2016. 92 p.].

Грязин И.Н. Текст права: Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин: Ээсти Раамат, 1983. 187 с. [Gryazin I.N. Tekst prava: Opyt metodologicheskogo analiza konkuriruyushchih teorij. (Text of Law: An Experience of Methodological Analysis of Competing Theories). Tallin: Eesti Raamat, 1983. 187 p.].

Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин; Пер. с англ.; Ред. Л.Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с. [Dvorkin R. O pravah vser'ez (Taking Rights Seriously) / Engl. trans.; Ed. by L.B. Makeeva. Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p.].

Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с. [Didikin A.B. Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura. (Analytical Philosophy of Law: Origins, Genesis, and Structure). Tomsk, 2016. 244 p.].

Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. 472 с. [Kasatkin S.N. Kak opredelyat' social'nye ponyatiya? Koncepciya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Harta. (How to Define Social Concepts? Herbert Hart's Concept of Ascriptivism and Cancellability of Legal Language). Samara: Prajm, 2014. 472 p.].

Касаткин С.Н. Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л.А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. 1. С. 3–27. [Kasatkin S.N. Osnovnye idei «Postskriptuma» Gerberta L.A. Harta (The Main Ideas of the "Postscript" by Herbert L.A. Hart) // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2008. 1. P. 3–27].

Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Г.Л.А. Харта и Р. Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора // Известия вузов. Правоведение. 2012. 3. С. 11–34. [Kasatkin S.N. Problema sudejskogo usmotreniya v polemike G. L. A. Harta

[49] Bertea 2008: 103.

[50] Honore 1994: 300.

i R. Dvorkina: linii argumentacii i metodologicheskie istoki spora (The Problem of Judicial Discretion in the Controversy between G.L.A. Hart and R. Dworkin: Lines of Argumentation and Methodological Origins of the Dispute) // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2012. 3. P. 11–34].

Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с. [Ogleznev V.V. G.L.A. Hart i formirovanie analiticheskoj filosofii prava. (H.L.A. Hart and the Formation of Analytical Philosophy of Law). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012. 216 p.].

Оглезнев В.В. Онтоэпистемологические основания философии права Герберта Харта // Scholae. 2010. 1. С. 137–148. [Ogleznev V.V. Ontoepistemologicheskie osnovaniya filosofii prava Gerberta Harta (ntoepistemological Foundations of Herbert Hart's Philosophy of Law) // Scholae. 2010. 1. P. 137–148].

Пищулин А.В. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. 4. С. 98–107. [Pishchulin A.V. Sovremennyj yuridicheskij pozitivizm v anglosaksonskoj pravovoj sem'e (Modern legal positivism in the Anglo-Saxon legal family) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2010. 4. P. 98–107].

Решетняк С.Р. Моральный контекст в концепции права Г.Л.А. Харта: опыт анализа // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2010. 70. С. 84–88. [Reshetnyak S.R. Moral'nyj kontekst v koncepcii prava G.L.A. Harta: opyt analiza (Moral context in the concept of law of H.L.A. Hart: an attempt at analysis) // Vestnik Stavropol'skogo gos. un-ta. 2010. 70. P. 84–88].

Старченко А.А. Философия права и принципы правосудия в США. М.: Высшая школа, 1969. 120 с. [Starchenko A.A. Filosofiya prava i principy pravosudiya v SSHA. (Philosophy of law and principles of justice in the USA). Moscow: Vysshaya shkola, 1969. 120 p.].

Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с. [Tumanov V.A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike uchenij o prave. (Bourgeois legal ideology. To the criticism of the doctrines of law). Moscow: Nauka, 1971. 381 p.].

Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака. М.: ИРИСЭН, 2012. 554 с. [Finnis Dzh. Estestvennoe pravo i estestvennye prava (Natural law and natural rights) / Engl. trans. by V.P. Gajdamak. Moscow: IRISEN, 2012. 554 p.].

Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 304 с. [Hart G.L.A. Ponyatie prava (The concept of law) / G.L.A. Hart; Engl. trans. by E.V. Afonasin, M.V. Babak, A.B. Didikin, S.V. Moiseev. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2007. 304 p.].

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin; Ed. by W. Rumble. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 344 p.

Benditt Th.M. On «Levels of Rules» and Hart's Concept of Law // Mind. 1974. 83. P. 422–423.

Bertea S. MacCormick's Latest Views on Legal Reasoning and Positivism // The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law / Eds. by J.E. Fossum, A.J. Menendez. Oslo: ARENA, 2008. P. 87–108.

Bix B. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy // On Philosophy in American Law / Ed. by J.M. Francis. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99–105.

Fuller L. Positivism and Fidelity to Law A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. 71. P. 630–672.

Hagerstrom A. Inquiries into the Nature of Law and Morals. Stockholm: Almqvist & Wicksell, 1953. 377 p.

Hart H.L.A. A Logician's Fairy Tale // The Philosophical Review. 1951. 60. P. 198–212.

Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1957. 105. P. 953–975.

Hart H.L.A. Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. 1955a. 64. P. 175–191.

Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1953a. 28 p.

Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983. 396 p.

Hart H.L.A. Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982. 272 p.

Hart H.L.A. Legal Positivism and The Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593–629.

Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // The American Journal of Comparative Law. 1953b. 2. P. 355–364.

Hart H.L.A. Punishment and Responsibility. Essays in the Philosophy of Law. Oxford: Clarendon Press, 1968. 271 p.

Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. 49. P. 171–194.
Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights // Tulane Law Review. 1979. 53. P. 663–680.
Hart H.L.A., Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence // The Aristotelian society. 1955b. 29. P. 213–264.
Honore A.M. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // Proceedings of the British Academy. 1994. 84. P. 295–321.
Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge: Harvard University Press, 1945. 516 p.
La Torre M. Changes and Continuities in MacCormick's Concept of Law // The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law / Eds. by J.E. Fossum, A.J. Menendez. Oslo: ARENA, 2008. P. 21–36.
Lacey N. A Live of H.L.A. Hart: The Nightmare and The Noble Dreams. Oxford: Oxford University Press, 2004. 422 p.
MacCormick N., Weinberger O. An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1986. 229 p.
Martinich A.P. Introduction // A Companion to Analytic Philosophy / Eds. by A.P. Martinich, D. Sosa. Malden: Blackwell Publishers, 2001. P. 1–5.
Michail J. Plucking the Mask of Mystery from its Face: Jurisprudence and H.L.A. Hart // The Georgetown Law Journal. 95. P. 733–779.
Postema G. Legal Positivism: Early Foundations // The Routledge Companion to Philosophy of Law / Ed. by A. Marmor. New York: Routledge, 2012. P. 31–48.
Raz J. The Authority of Law. Essays in Law and Morality. Hong Kong: Clarendon Press, 1979. 245 p.
Singer M.G. Hart's Concept of Law // The Journal of Philosophy. 1963. 60/8. P. 197–220.
Sugarman D. Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. 32. P. 267–293.
Summers R.S. The New Analytical Jurists // New York Un-ty Law Review. 1966. 41. P. 861–896.

***Горбунов Максим Дмитриевич**, кандидат юридических наук, доцент, юридический факультет ННГУ им. Н. И. Лобачевского, maxandgor@gmail.com*

Herbert Hart's Research Program: Pro et Contra

The article provides a comprehensive analysis and understanding of the philosophical and legal views of one of the most outstanding legal scholars of the 20th century, Herbert Hart. The article argues that the innovativeness of the British lawyer and the extent to which he views legal science allow us to speak of a decline in today's broad legal heritage, which is entering the field of interest and active scientific reflection of both foreign and domestic legal science. The originality of Hart's methodology, adopted by analytical philosophy, is a unique research program, in the center of which the problems of legal behavior in the field of epistemology, ontology and axiology of law are identified. The answers to the legal questions asked were formed into a holistic neopositivist formulation and led Hart to an understanding of rights as a multifaceted phenomenon existing in the twentieth social fact. Hart's ideas about internal and external points of view on law, the system of primary and secondary rules, open legal formulation and reasonable connection of rights and morality not only gave rise to large-scale scientific discussion but set the starting point for modern stages of development of the whole direction in legal understanding – analytical jurisprudence. At the same time, the avant-garde, fundamental character of the legal scholar's concept also determined the general incompleteness and a certain degree of understatement in his natural legal views. Nevertheless, during the educational process, a conclusion is made about the significant scale of Hart's legacy and its influence on modern philosophical and legal discourse.

Keywords: *history of philosophy, legal philosophy, Anglo-American legal thought, analytical philosophy, analytical jurisprudence, legal understanding, social facts*

***Gorbunov Maksim Dmitrievich**, PhD in Law, Associate Professor at The Law Faculty, Lobachevsky State University, maxandgor@gmail.com*

А.В. Антошин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛИМАТ И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В РУССКОМ ЭМИГРАНТСКОМ СООБЩЕСТВЕ МАРОККО КОНЦА 1940-х –1950-х гг.

Статья посвящена истории русской эмиграции в Марокко после Второй мировой войны. В центре внимания – интеллектуальный климат и морально-психологическая атмосфера, существовавшая в русском сообществе в конце 1940-х – 1950-е гг. Источниковой базой послужили эго-документы, в т.ч. хранящиеся в архивах России, США, Германии. Послевоенное русское сообщество в Марокко, как и во многих других странах, состояло из представителей «старой» и «новой» эмиграции. Среди последних сплоченной группой были члены Национально-трудового союза (НТС) – самой известной антикоммунистической эмигрантской организации эпохи холодной войны. Именно вокруг групп НТС в Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи объединялись наиболее активные представители русской эмигрантской молодежи. Автором установлено, что морально-психологическая атмосфера в русской колонии в Марокко была весьма противоречивой. С одной стороны, лишь часть состоявших в эмигрантских организациях людей активно участвовали в их деятельности, существовала проблема неуплаты членских взносов. С другой стороны, многие деятели НТС стремились к трудно достижимому идеалу, мечтая о том, чтобы Союз существовал как сообщество, основанное на принципах товарищества и взаимовыручки. Интеллектуальный климат в эмигрантском сообществе Марокко определялся различными вариантами русского консерватизма и солидаризма. Автор приходит к выводу о том, что конец истории русской эмигрантской колонии связан с развитием национально-освободительного движения в Марокко в 1950-е гг.

Ключевые слова: *русская эмиграция, Северная Африка, Марокко, Национально-трудовой союз (НТС), солидаризм, холодная война*

Русская община в Марокко начала формироваться в 1920–1930-е гг., прежде всего, за счет иммигрантов, переезжавших из Туниса, Турции, Египта и других стран. Однако их численность была невелика: к концу 1930-х гг. в стране жило всего несколько сотен россиян. Непостоянной частью русского сообщества в Марокко были те наши бывшие соотечественники, которые служили во французском Иностранном легионе.

Значимым феноменом русское эмигрантское сообщество в Марокко стало после Второй мировой войны, когда поток новых иммигрантов превысил две тысячи человек. Однако культурное и политическое значение русской колонии в Марокко превышало ее количественные показатели. Страна стала важнейшим центром русской диаспоры в Северной Африке, именно здесь находилась одна из наиболее заметных групп Национально-трудового союза (НТС) – ведущей эмигрантской антикоммунистической организации эпохи холодной войны, что обусловило внимание исследователей к данной проблематике. Один из первых очерков истории русской эмиграции в Марокко был написан Ю.В. Лукониным[1]. Специальное исследование феномена русского эмигрантского сообщества в Марокко было предпринято в трудах Н. В. Сухова[2]. Историками

[1] Луконин 2001.

[2] Сухов 2015: 216-232; 2019 и др.

реконструированы основные вехи истории русской иммиграции в эту страну, показаны закономерности ее эволюции, уделено внимание ключевым персоналиям[3]. Однако вопрос об интеллектуальном климате и морально-психологической атмосфере в этом эмигрантском сообществе требует специального изучения с привлечением новых источников.

Особое место здесь, бесспорно, занимают эго-документы. Большой массив мемуаров эмигрантов, оказавшихся в Марокко, опубликован в сборнике «Судьбы поколения 1920-х – 1930-х гг. в эмиграции». Среди них, в частности, воспоминания Е.К. Болдыревой-Семлер, дочери известного эмигрантского политика К.В. Болдырева[4]. Весьма интересны мемуары И.В. Короленко (урожденной Брунст), активистки молодежных организаций конца 1940-х – начала 1950-х гг.[5] Одним из авторов данного сборника стал известный общественный деятель, сотрудник русской службы Радио «Свобода» Г.А. Рар. Полная версия его мемуаров вышла в виде отдельной книги[6]. Значительная их часть уделена пребыванию автора в Марокко. Особое место среди эго-документов, посвященных данной теме, занимает труд епископа Митрофана (Зноско-Боровского), в котором содержится обстоятельный рассказ о ситуации в православных приходах на территории Марокко после Второй мировой войны[7]. Интересную информацию о ситуации в Марокко содержит также интервью Н.Х. Драгомирецкого, данное им автору данной статьи в 2011 г.

Важную группу исторических источников по теме составляет личная переписка эмигрантов, проживавших в Марокко. Письма А.И. Русина, Е.И. Гаранина, Е.В. Каликина, Б.С. Брюно, Ю.П. и В.И. Жедилягиных и др. хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Архиве войны, революции и мира Института Гувера (Стэнфорд, США), Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, Отделе специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США), Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (ФРГ). Они показывают чувства, эмоции, настроения россиян, оказавшихся в Северной Африке после Второй мировой войны.

Кроме того, нами использованы протоколы съездов существовавших в Марокко групп НТС, хранящиеся в Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена, а также материалы журнала «Африканские записки», который издавался в начале 1950-х гг. русскими эмигрантами в Касабланке. Эти источники дают богатый материал для характеристики духовной атмосферы, существовавшей в указанный период внутри русской эмигрантской колонии в Марокко.

Своеобразным патриархом этой колонии, одной из наиболее уважаемых среди русских марокканцев фигур был адмирал А.И. Русин (1861, Тверь – 1956, Касабланка) – председатель Совета старейшин Всезару-

[3] См., напр.: Хохлова 2007; Базанов 2018 и др.
[4] Болдырева-Семлер 2006.
[5] Короленко 2006.
[6] Рар 2011.
[7] Митрофан 1995.

бежного объединения морских организаций, почетный председатель Общества бывших русских морских офицеров в Америке и Морского собрания в Париже. В годы Первой мировой войны он был начальником Морского Генерального штаба Российской империи. Убежденный монархист, глубоко почитавший Николая II, он олицетворял в Марокко ту часть русской эмиграции, которая духовно была неотделима от старой России. Адмирал поддерживал контакты с одной из наиболее ярких фигур правой эмиграции тех лет, известным публицистом, главой Пушкинского общества в Америке Б.Л. Бразолем. Патриотические и остро-полемичные статьи последнего нравились А.И. Русину, он признавался, что с «удовольствием» их читает[8]. По его словам, содержание речей Бразоля «выявляло и возбуждало чувства большой религиозности, морали, патриотизма, государственности»[9]. Эти чувства разделял сам А.И. Русин.

Число его ближайших друзей в Марокко, очевидно, было не очень велико: в Северной Африке оказалось не так много людей, принадлежавших к тому же кругу, что и он. А.И. Русин признавался, что книги Б.Л. Бразоля он давал почитать двум «наиболее просвещенным» представителям местной русской колонии. Одной из них была И.Г. Берхман – дочь генерала Русской армии Г.Э. Берхмана, командующего 1-м Кавказским армейским корпусом, одержавшего победу в Сарыкамышской операции Первой мировой войны. По словам А.И. Русина, это была «высококультурная особа, лично владеющая, несмотря на скромные средства, лучшими литературными произведениями на русском, английском и французском языках»[10]. Ее библиотека была важным культурным очагом русской эмигрантской колонии в Марокко.

Вторым исключительно авторитетным для адмирала человеком был протоиерей (впоследствии – епископ) Митрофан (М.К. Зноско-Боровский, 1909, Брест-Литовск – 2002, Си-Клифф, штат Нью-Йорк, США), который являлся благочинным Марокканского округа Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ). Выпускник Белградского университета, магистр богословия Варшавского университета, настоятель православных храмов в Европе, Африке и Америке, Митрофан был яркой, но весьма противоречивой личностью, вызывавшей разные оценки современников и историков. А.И. Русин так характеризовал протоиерея Митрофана: «Человек, в совершенстве владеющий русским литературным языком, высоко талантливый проповедник и молитвенник, привлекающий своими молитвами и Церковными службами к Церкви и к Молитве даже некоторых давно стоявших раньше вдали от Церкви и Молитвы»[11].

Однако высказывание известного историка Русской православной церкви игумена Ростислава (Колупаева) о том, что появление «второй волны» эмиграции из СССР принесло в Марокко «политизированных

[8] Library of Congress. Manuscript Division (LoC MD). The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder "Political correspondence. 1950-1952". А.И. Русин – Б.Л. Бразолю. 12.02.1951.
[9] Там же. А.И. Русин – Б.Л. Бразолю. 29.04.1951.
[10] Там же.
[11] Там же.

церковников»[12] относится именно к протоиерею Митрофану. В своих мемуарах он сам признавался, что его назначению в Северную Африку способствовали его бывшие прихожане по послевоенному лагерю перемещенных лиц Менхегоф в Германии[13]. Менхегоф был в то время одним из ключевых центров антикоммунистической деятельности НТС.

Прибытие большой группы деятелей НТС в Марокко было акцией, специально организованной руководством Союза. Оказавшиеся после Второй мировой войны в лагерях для перемещенных лиц антикоммунисты, чья организация в годы войны сотрудничала с нацистами, стремились уехать из Европы, где продолжали действовать советские репатриационные комиссии. Марокко было одной из стран, заинтересованных в технических специалистах, землемерах, способных помочь в освоении региона Атласских гор и пустыни Сахара. Причем этот французский протекторат находился недалеко от Европы, которая воспринималась как главный «фронт» холодной войны. В случае обострения международной напряженности из Марокко можно было относительно легко добраться до Германии, где находился центр деятельности НТС.

В результате в североафриканской стране оказалось немало членов НТС. Одна из них, И.В. Короленко, вспоминает первые впечатления от Марокко: «Марокко нас встретил неприветливо: моросил дождь, было холодно и неуютно. Наши говорили: разве хорошую страну так назовут? Повезли нас на окраину Касабланки в лагерь Бурназель, где американцы во время войны держали пленных итальянцев. Нас поместили в длинных бараках, которые мы как-то разделили поначалу одеялами… Воды в бараках не было, приходилось ходить с ведром к общему крану на улице… В дождливую погоду было холодно, и мы мерзли в наших продувных бараках. Варили на примусах. Мылись в тазах»[14]. Тем не менее, и в таких условиях довольно быстро возникли различные общественные организации. И.В. Короленко, Г.А. Рар и др. подробно характеризуют деятельность Организации российских юных разведчиков (ОРЮР), которая развернулась в Марокко благодаря усилиям эмигрантской молодежи. Действовал русский хор, который, наряду с церковными песнями, исполнял и светские произведения, преимущественно из русской классики. В целом, как отметил Г.А. Рар, в Касабланке (где проживала наиболее значительная группа русских) «процветала эмигрантская жизнь»[15].

Именно в Касабланке проходили и съезды Северо-Африканского отдела НТС, который объединял наиболее активную часть антикоммунистически настроенной эмигрантской молодежи. Всего, по данным руководства Союза, в начале 1950-х гг. в Марокко проживало более 50 солидаристов[16]. Одним из наиболее авторитетных среди них был участник

[12] Ростислав 2004: 156.
[13] Митрофан, епископ (Зноско-Боровский). Хроника одной жизни…
[14] Короленко 2006: 74.
[15] Рар 2011: 225.
[16] Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г.

Белого движения ветеран НТС Е.В. Каликин. Именно он являлся главным редактором и основным публицистом журнала «Африканские записки», который начал выходить в Касабланке в 1952 г. Это периодическое издание должно было внушить своим читателям-русским эмигрантам веру в скорое падение коммунистического режима в СССР. «Что революция в России – реальная возможность, мы можем говорить теперь на основании нашего опыта»[17], – заявляли публицисты журнала. Заметно было и стремление преувеличить антисоветские настроения населения СССР: «В наши ряды включаются люди на Родине. В Москве, Саратове, Ленинграде появились наши знаки»[18]. Под знаками имелся в виду, очевидно, символ НТС – трезуб Владимира Святого.

Материалы такого рода, бесспорно, носили пропагандистский характер и были нацелены на то, чтобы укрепить веру в успех среди членов НТС. Деятели Союза стремились «проникнуть» в СССР, создать там ячейки своих сторонников. Для достижения этой цели одним из лидеров НТС В.Д. Поремским была придумана специальная теория, которая получила название «молекулярной». Поремский полагал, что пропаганда идей НТС, которая осуществлялась посредством переброски в СССР журнала «Посев», различных брошюр и листовок могла привести к тому, что среди советских граждан появились бы люди, разделявшие антикоммунистические взгляды. Эти люди могли становиться членами НТС путем самоприема, заочно, без соблюдения каких-либо формальностей. В результате возникала организация «массово-молекулярного типа, приспособленного к специфике тоталитаризма»[19].

Однако, как показывают протоколы съездов Северо-Африканского отдела Союза, в реальности ни рядовые солидаристы, ни приезжавшие к ним из Европы лидеры организации не были убеждены в абсолютной эффективности своей деятельности. «Мы сегодня еще слишком слабы, чтобы определить час восстания, – откровенно признавался на заседании 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС в августе 1953 г. видный деятель Союза Е.И. Гаранин. – Мы посылаем людей, создаем молекулы, как революционный запал. Еще мало людей, мало сил, но они все увеличиваются»[20]. У тех рядовых солидаристов, которые слушали его в Касабланке, было много сомнений в успехе их дела. Гаранин упомянул о том, что советская молодежь тяжелее откликалась на антикоммунистическую пропаганду, чем представители старшего поколения. «Не кажется ли Вам, что чем дальше, тем положение это будет хуже?»[21] – задал ему нелегкий вопрос М.В. Геккер. Конечно, Е.И. Гаранин не мог дать ему утвердительный ответ: это бы уничтожило всякую веру в победу у эмигрантской молодежи, связанной с НТС. Он попытался найти достойный выход из создавшегося положения: «Молодежь – ма-

[17] Африканские записки. Касабланка, 1952. № 1. С. 6.
[18] Там же.
[19] Поремский 1998: 111.
[20] FSOUB. HA. F. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС.
[21] Там же.

териал самый горячий и ценный, но тут должно быть особое направление нашей пропаганды. Им надо говорить и против кого, и почему надо бороться. У этой молодежи не слишком развито отвлеченное мышление. Им нужна пропаганда, основанная на фактах»[22]. Удовлетворил ли такой ответ слушателей Е.И. Гаранина, трудно сказать.

Атмосферу внутри русской эмигрантской колонии в Марокко характеризует и то, что постоянной проблемой для НТС являлся низкий уровень уплаты членских взносов и посещаемости собраний. Один из руководителей молодежного звена организации В.С. Кобылин признавал, что иногда явка на собрания составляла не более 30%[23]. Пытаясь понять причины этой ситуации, И.М. Кузьменко находил их именно в психологии: «Главное заключается в отсутствии среди союзников спайки и дружбы, в исчезновении у нашей среды союзного духа. Есть отдельные группки союзников, спаянные между собой личной дружбой, но нет дружного союзного коллектива, общесоюзной семьи. Если кто попадет в беду, то он не находит дружной помощи союзников». При проведении благотворительных акций (например, при сборе вещей для отправки в Германию) он призывал не забывать, что «одежду должны носить люди» и просил «не давать тряпки, годные только для мойки полов»[24].

Заметим, что обращение деятелей НТС к морально-этическим вопросам являлось отнюдь не случайным. Следует учитывать, что данная организация декларировала приверженность идеологии русского солидаризма. Истоки идеологических установок НТС виделись его членам во взглядах Л. Буржуа, Э. Дюркгейма, Г. Пеша, О. Нелль-Бройнинга, которые дополнялись учениями Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.А. Левицкого, С.Л. Франка. НТС всегда стремился культивировать атмосферу сотрудничества и взаимопомощи среди своих членов. Тот факт, что этот дух исчезал из практики работы местных групп Союза, являлся очень серьезным сигналом.

Впрочем, предпринимались и попытки разделить вопросы поддержания «союзного духа» и уплаты членских взносов, подойти к последней проблеме более прагматично. Так, Е.В. Каликин, заметил: «Главный вопрос – вопрос о регулярной уплате членских взносов. Членские взносы – самое важное для обеспечения независимости политической организации. Самое страшное явление в нашей эмиграции то, что иностранцы всегда стараются купить наши национальные организации. Одной из наших главных целей является та, что мы работаем для себя, для нашего народа. Для этого нужны, хотя самые минимальные, свободные средства»[25]. Наиболее четко прагматический подход к этому вопросу выразил председатель Марокканского отдела НТС В.З. Сорокин: «Союзный дух мы поддерживаем, но к вопросу членских взносов это не относится.

[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.

Не любя, или любя отдельных членов Союза – членские взносы платить все же надо»[26]. На наш взгляд, такая постановка вопроса свидетельствовала о кризисных явлениях внутри наиболее значительной эмигрантской антикоммунистической организации, вокруг которой объединялась самая активная часть русской молодежи в Марокко.

Как свидетельствуют источники, данная проблема продолжала сохранять свою актуальность на всем протяжении существования значительной русской эмигрантской колонии в Марокко. Она активно обсуждалась, например, на съезде членов Марокканского отдела НТС в сентябре 1954 г. На нем В.З. Сорокин признал: «Третий год мы безрезультатно обсуждаем работу звеньев… Работает действительно 10-15 из 39 человек, а остальные платят членские взносы»[27]. Вопрос о том, как «заинтересовать людей работой», поднимали и некоторые другие члены НТС[28]. Через год, в 1955 г., ситуация принципиально не изменилась. «Считается в Марокко около 50 членов, а на собраниях бывает половина»[29], – замечал Е. В. Каликин. Тот факт, что морально-психологическая атмосфера внутри Марокканской организации НТС была далека от идеала, ощущался и некоторыми приезжавшими для ее «инспектирования» из Франкфурта-на-Майне лидерами Союза. Пожалуй, наиболее ярко это выразил многолетний председатель НТС В. М. Байдалаков, заметивший в январе 1952 г.: «Когда вернулся из Марокко, то на вопрос о состоянии кадра я мог бы полностью ответить четверостишием Гофмана:

Я пью за стаканом стаканами виски
И глухо роняю слова.
И вижу, как клонится к столику низко
Любимая мной голова»[30].

На этом же съезде Совета НТС в январе 1952 года В.М. Байдалаков представил и более развернутый анализ ситуации внутри Марокканской организации Союза: «Внутренняя работа возможна лишь в Касабланке – постоянно в ней живущие и приезжающие на праздники и летом землемеры… Марокко оказалось глубокой провинцией. Режим оккупации не позволяет выступлений вовне. Творческая работа очень затруднительна из-за разбросанности и отрыва от культурных центров»[31].

Впрочем, другие приезжавшие из союзного центра руководители НТС иначе, чем В.М. Байдалаков, воспринимали ситуацию в Марокко. Вернувшийся в марте 1953 г. из Марокко А.Н. Артемов указывал: «Общее впечатление – очень хорошее»[32]. Через месяц после этого тот же

[26] Там же.
[27] FSOUB. HA. F. 98. Общий съезд членов Марокканского отдела Союза. 5 сентября 1954 г.
[28] Там же.
[29] Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor Baydalakoff collection. Box 9. Folder 4. Е. В. Каликин – В. М. Байдалакову. 20.03.1955.
[30] FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г.
[31] Тамже.
[32] GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. А. Н. Артемов – В. М. Байдалакову. 27.03.1953.

А.Н. Артемов замечал: «В воскресенье приехал Гаранин из Марокко, а вчера встретили Рудина. Тот и другой сделали доклады на ИБ (Исполнительном бюро Совета НТС – *А.А.*). Разительная разница: Марокко – захолустье, а такой крепкий дух, спайка; США – передовая страна, но, Боже, что там творится у наших…»[33]. Сам Е.И. Гаранин писал, что его выступления перед членами НТС в Марокко вызвали такое «смятение в душах молодежи», что несколько человек обратились к нему с просьбой послать их в «Центр» на «революционную работу». «Общее настроение в отделе вполне здоровое и единое»[34], – подчеркивал он.

Как объяснить такие разные оценки морально-психологической атмосферы внутри одной и той же Марокканской организации НТС, сделанные примерно в одно время? Возможно, этот вопрос стал одной из тем, по которым в начале 1950-х гг. развернулась ожесточенная полемика, результатом которой стал раскол НТС. Однако, очевидно, следовало учитывать и то обстоятельство, что на фоне некоторых других региональных групп НТС ситуация в Марокко выглядела не столь плачевно. Проживавшие в этой североафриканской стране молодые эмигранты ощущали определенный дефицит «союзного духа» именно потому, что ценности солидаризма не были для них пустым звуком. Они так болезненно относились к тому, что некоторые их товарищи не посещали собрания и вовремя не платили членские взносы, поскольку в качестве ориентира видели перед собой, очевидно, недостижимый идеал спаянной духом товарищества и взаимовыручки организации. Многие из них еще не были заражены той атмосферой равнодушия, которая была характерна для ряда других местных отделов НТС.

Оказавшись в Марокко, некоторые из этих людей болезненно переживали атмосферу «провинциального захолустья», которое, по их мнению, отличало эту североафриканскую страну от ведущих центров мировой политики тех лет. Ю.П. Жедилягин, например, указывал в 1954 г., что и он, и его жена очень жалели, что им пришлось осесть в Марокко. «Я лично себя чувствую теперь, как в ссылке – заметил он в личном письме. – Особенно теперь, когда все больше обостряется борьба (между Советским и Западным блоками – *А.А.*) и от Союза требуются все новые усилия, сидеть тут – мучение»[35].

Своеобразным проявлением «провинциальности» были сплетни, доносы, скандалы, которых было немало на всем протяжении истории русской эмигрантской колонии. Одним из наиболее громких дел стало объявление французскими властями о высылке из Марокко пяти русских эмигрантов, самым заметным из которых был член НТС Е.И. Гаранин. Как объяснял ситуацию сам Е.И. Гаранин, «формальным основанием для высылки являются ложные показания перед въездом в Марокко о своем советском прошлом. Фактически же нам просто не доверяют и не

[33] Там же.
[34] Там же. Е.И. Гаранин – В.М. Байдалакову. 19.08.1953.
[35] Там же. Folder 2. В.И. и Ю.П. Жедилягины – А.Н. и В.М. Байдалаковым. 23.04.1954.

желают иметь в Марокко людей, занимающихся не только политической, но и общественной работой»[36]. Е.И. Гаранин указывал, что в основе решения французских властей протектората лежали «доносы, инспирируемые советской агентурой»[37]. Более подробно ситуация раскрывалась в «Памятной записке», составленной НТС по данному вопросу. Выясняется, что доносы прошли через бывшего капитана Белой армии К.А. Фосса, в годы войны сотрудничавшего с нацистами (и даже награжденного Железным крестом 1-й степени), а после войны начавшего работать с американскими спецслужбами. Сам Фосс проживал в Мюнхене, но с ним активно сотрудничал живший в Марокко Н.П. Полторацкий, который, по мнению НТС, помог распространению в протекторате информации, содержавшейся в доносах. Резюмируя эту ситуацию, деятели Союза указывали: возможно, К.А. Фосс и Н.П. Полторацкий «даже не сознают, что являются направляемой игрушкой в руках советской агентуры»[38]. Впрочем, позднее видный солидарист Г.А. Рар с сожалением писал о том, что избегал в Марокко общения с Н.П. Полторацким, который впоследствии проявил себя как «хранитель духовного и литературного наследства И.А. Ильина»: «Если говорить о долге старой эмиграции со-хранить и вновь вернуть на родину русскую национальную идею, то Николай Петрович выполнил этот свой долг в большей степени, чем очень многие другие»[39].

Тот факт, что морально-психологическая атмосфера в русском эмигрантском сообществе Марокко была не слишком здоровой, подтверждают и мемуары протоиерея Митрофана, представлявшего в Северной Африке Русскую Православную Церковь заграницей. Они показывают, что практически на всем протяжении его деятельности в Марокко ему приходилось выдерживать нелегкую борьбу, преодолевать сопротивление различных групп внутри православных приходов. Даже адмирал А.И. Русин, давший впоследствии такую позитивную характеристику протоиерею Митрофану, первоначально выступал против предоставления ему больших прав при управлении приходом в Касабланке. Сложно складывались отношения Митрофана с руководством местного отдела Национальной организации русских разведчиков (НОРР) – эмигрантской молодежной структуры, выступавшей против того, чтобы ее члены находились, по выражению Митрофана, «под церковной крышей»[40]. Наконец, Русский общевоинский союз (РОВС) – главное объединение русской военной эмиграции – считал, что протоиерей в своих литургиях

[36] Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 480. Folder 6. Е. И. Гаранин – Б. И. Николаевскому. 05.08.1949.
[37] Там же.
[38] FSOUB. HA. F. 98. Памятная записка.
[39] Рар 2011: 223.
[40] Митрофан, епископ (Зноско-Боровский). Хроника одной жизни. Воспоминания, проповеди.https://azbyka.ru/otechnik/Mitrofan_Znosko_Borovskij/hronika-odnoj-zhizni-vospominanija-propovedi/ (дата обращения: 12.02.2025).

уделяет недостаточное внимание поминовению вождей Белого движения. Митрофан вспоминал также о «клеветнических доносах» в полицию, о «шептунах», советовавших ему не общаться с некоторыми эмигрантами, которых обвиняли в просоветских настроениях[41].

Интеллектуальный климат внутри Марокканского отдела НТС был весьма противоречивым. Так, еще в декабре 1950 г. находившийся во Франкфурте-на-Майне А.Н. Артемов указывал, что отклики из Марокко показывают склонность местных членов НТС к «мистицизму»[42]. Вероятно, в такой форме относительно недавно оказавшийся за рубежом эмигрант «второй волны» А.Н. Артемов выразил то чувство отторжения, которое вызывали у него психологические и ценностные установки многих старых эмигрантов, продолжавших традицию довоенного НТС как национал-патриотической организации. Среди последних был, например Б.С. Брюно (Брюно де ла Форж) – выпускник кадетского корпуса, член НТС с 1930 г., работавший в Марокко в бригаде топографов. В январе 1953 г. в личном письме он выражал опасения, как бы из Союза «не вытравилось все ценное», «не опростился бы он, низведя до уровня активной политической партии зарубежья»[43]. Для многих старых членов НТС Союз был не просто политической организацией, а воплощением на практике их солидаристского идеала. Здесь проявлялись и отголоски негативного отношения к самой идее партийности как к элементу западной политической традиции, которое еще до революции было характерно для многих русских правых общественных деятелей. Являвшиеся наследниками идеологии Белого движения, эти люди воспринимали НТС как морально-этическую альтернативу модели политических партий, существовавших в странах Запада.

Ярким пример – Е.В. Каликин, который в декабре 1952 г. в письме В.М. Байдалакову указывал: «У меня создалось впечатление, что понятие “национальный” в имени Союза ставится под вопрос… Все это чрезвычайно дорого, реально дорого… Слово “национальный» для основоположников Союза означало также и то, что Россия должна, прежде всего, устроить, как следует, свой собственный дом, свою собственную жизнь, и таким образом, если угодно, выполнять свою общечеловеческую миссию, давая пример другим»[44]. Именно поэтому эмигранты, подобные Е.В. Каликину, выступили против переименования НТС в Народно-Трудовой Союз: по их мнению, отказ от слова «национальный» в названии организации означал игнорирование особого пути России как морально-этического ориентира для всего остального мира. В мировоззренческих установках таких людей, как Е.В. Каликин, идея патриотизма была ключевой. «Существовала, существует и будет существовать

[41] Там же.
[42] FSOUB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в декабре 1950 г.
[43] GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. Б. С. Брюно – В. М. Байдалакову. 31.01.1953.
[44] Там же. Е. В. Каликин – В. М. Байдалакову. 28.12.1952.

Россия, которую мы называем вечной»[45], – писал он на страницах одного из эмигрантских изданий. Данная установка ставила перед русскими эмигрантами нелегкий выбор: допустимо ли по морально-этическим соображениям брать деньги у тех сил, которые были заинтересованы в ослаблении российской государственности, даже если это необходимо для продолжения антикоммунистической деятельности? Эта проблема актуализировалась в связи с тем, что НТС зависел от финансовой помощи со стороны спецслужб стран Запада (прежде всего, ЦРУ). В 1957 г. Е.В. Каликин размышлял в письме своему другу, старому эмигранту Б.В. Прянишникову: «Эти деньги для “Посева”… Кто их дает? Не те ли же круги, что раньше давали Троцкому с Лениным?»[46].

Дополнительным фактором, осложнявшим пребывание русских эмигрантов в Северной Африке, стала активизация в странах региона национально-освободительного движения. Исторические источники свидетельствуют о том, что к середине 1950-х гг. в Марокко произошло обострение социально-политической напряженности, жертвами которой зачастую становились проживавшие в стране европейцы. В частности, как показывают хранящиеся в Нанте документы архива французской колониальной полиции, с августа 1953 г., после вынужденной эмиграции султана Мухаммада V, в стране поднялась мощная волна националистического насилия. Ее участниками были, прежде всего, молодые люди из бедных кварталов. Уже в феврале 1954 г. один из французских чиновников представил отчет о ситуации в Марокко, в котором предупреждал: «Если ничего не предпринять, в Марокко начнется гражданская война»[47]. По данным Министерства внутренних дел Франции, за два с половиной года волна насилия унесла жизни 839 человек[48].

Информация колониальных властей подтверждается свидетельствами проживавших в стране русских эмигрантов. По словам И. В. Короленко, «борьба за независимость Марокко от французского протектората под влиянием экстремистов сопровождалась взрывом бомб и убийством европейцев»[49]. О том, какая ситуация в стране сложилась уже к середине 1950-х гг., ярко свидетельствуют письма Е. В. Каликина. «Как, может быть, это ни покажется Вам странным, но мы тут и, в частности, я сам, очутились вроде как бы «на фронте», – писал он В. М. Байдалакову летом 1954 г. – Из окон моей квартиры за последние два-три месяца я слышу постоянно выстрелы, вижу бегание туда-сюда разных убегающих и ловящих, пожары, слышу (и даже иногда вижу) взрывы бомб и т.п. Постоянно у нас тут торговые забастовки – т.е. закрытие всех лавоч-

[45] Каликин 1956: 34.
[46] ГАРФ) Ф. 10032. Оп. 1. Д. 46. Л. 37.
[47] De Gastines 2009.
[48] Badier 2023.
[49] Короленко 2006: 78.

ек на время до недели то, частично, по приказанию полиции, то целиком (всей медины) по приказу террористов. В общем, чем не фронт?»[50].

В чем виделись старому эмигранту причины обострения напряженности в Марокко? В своих личных письмах он рисовал довольно сложную картину переплетения различных факторов, доказывая, что эти беспорядки являлись результатом деятельности ряда акторов мировой политики. С одной стороны, Е. В. Каликин заявлял, что данные события были «началом энергичного наступления коммунизма под маской арабского национализма на эту страну»[51]. С другой стороны, однако, он полагал, что необходимо было учитывать еще один мощный фактор – политику США, стремившихся вытеснить Францию из данного региона. «Американцы из чисто коммерческих интересов стремятся к тому, что Северная Африка стала «самостоятельной» и могла открыть свои двери сразу американцам без посредников»[52], – указывал он.

Аналогичное мнение – «США хотели выбить французов из колоний»[53] – высказывал в разговоре с автором этой статьи и проживавший в Марокко в 1950-е гг. Н.Х. Драгомирецкий. При этом он отмечал, что отношения между русскими эмигрантами и коренными жителями Марокко долгое время складывались нормально: «В строительстве я заведовал постройками (прораб), с арабами имел дело. Надо знать их менталитет. Особых проблем не было... Многое зависело от отношения к ним. Если по-человечески, то они это ценили... Мне приходилось оставлять постройку на день, на два. И доверял. Приходилось одалживать деньги (на покупку баранов). И ни разу не обманывали»[54]. Но, когда начались беспорядки, то, конечно, от них стали страдать и русские. Н.Х. Драгомирецкий вспоминал, как ему приходилось проезжать на машине под градом камней, как арабы устроили «резню» в одном из госпиталей, убив многих представителей европейского персонала[55]. Заметим, что, как показывают архивы колониальной администрации, именно в условиях французского господства в Марокко были сформированы основы системы здравоохранения, построены больницы в ключевых городах страны, что позволило существенно снизить смертность населения[56]. Охватившие Марокко беспорядки, сопровождавшиеся насилием над европейцами, привели к тому, что во второй половине 1950-х гг. русские стали разъезжаться из страны. Многие из них в итоге оказались в США.

Таким образом, морально-психологическая атмосфера внутри русского эмигрантского сообщества в Марокко была крайне противоречи-

[50] GUL. SC. The Victor Baydalakoff collection. Box 9. Folder 3. Е.В. Каликин – В.М. Байдалакову. 25.07.1954.
[51] Там же.
[52] ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.
[53] Личный архив А.В. Антошина. Интервью с Н.Х. Драгомирецким. Сан-Франциско, июль 2011.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Moussaoui, Battas, Chakib 1992.

вой. Деятелями НТС эта североафриканская страна воспринималась в качестве своеобразной «запасной базы», где можно было готовить кадры на случай обострения международной напряженности. Однако ожидания начала глобального военного конфликта, характерные в те годы для многих антикоммунистов, затянулись, и русские эмигранты оказались в глубокой «провинции», «захолустье», что порождало апатию, распространение слухов и сплетен (иногда в форме доносов), конфликты внутри сообщества. Эта ситуация болезненно воспринималась той частью эмигрантов, которые были нацелены на активную политическую борьбу. Дополнительным фактором стала активизация арабского национально-освободительного движения, победа которого в итоге привела к отъезду большинства россиян из Марокко.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018 [Bazanov P. N. "Petropolsky Tazit" v izgnanii: zhizn i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaja Ulyanova ("Petropolitan Tacitus" in Exile: The Life and Work of Russian Historian Nikolai Ulyanov). Saint-Petersburg: Vladimi Dal, 2018].

Болдырева-Семлер Е.К. Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920-1930-х гг. в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006. С. 66-71 [Boldyreva-Semler E.K. Dan otsy-Konstantinu Boldyrevu (Tribute to father – Konstantin Boldyrev) // Flam L.S. (ed.). Sudby pokolenija 1920-1930-h gg. v emigratsii. Ocherki i vospominanija (The Fates of the Generation of the 1920s-1930s in Emigration: Essays and Memories). M: Russky put', 2006. S. 66-71].

Каликин Е.В. О глубинных причинах, вызвавших к жизни НТС // Трибуна свободных солидаристов. Нью-Йорк, 1956. № 2. С. 32-34. [Kalikin E.V. O glubinnyh prichinah, vyzvavshih k zhizni NTS (About the underlying reasons that brought NTS to life). N.Y., 1956. Num. 2. S. 32-34].

Короленко И.В. Марокко // Судьбы поколения 1920-1930-х гг. в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006. С. 72-79 [Korolenko I.V. Marokko (Morocco) // Flam L.S. (ed.). Sudby pokolenija 1920-1930-h gg. v emigratsii. Ocherki i vospominanija (The Fates of the Generation of the 1920s-1930s in Emigration: Essays and Memories). M: Russkyput, 2006. S. 72-79].

Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. М.: Восточная литература, 2001. С. 47–69 [Lukonin Ju.V. Marokkanskie budni izgnannikov (Moroccan everyday life of exiles) // Rossiskaya diaspora v Afrike. 20-50-e gg. M.: Vos-tochnaja literature, 2001. S. 47-69].

Митрофан, епископ (Зноско-Боровский). Хроника одной жизни. Воспоминания, проповеди [Mitrofan. Hronika odnoy zhizni. Vospominanija, propovedi (Chronicle of one life. Memories, sermons)].https://azbyka.ru/otechnik/Mitrofan_Znosko_Borovskij/hronika-odnoj-zhizni-vospominanija-propovedi/

Поремский В.Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции: избранные статьи 1934-1997 гг. М.: Посев, 1998 [Poremsky V.D. Strategija antobolshevistskoy emigratsii: izbrannye statyi 1934-1997 gg. (Strategy of Anti-Bolshevik Emigration: Selected Articles 1934-1997). M.: Posev, 1998].

Рар Г.А. «…И будет наше поколенье давать истории отчет»: Воспоминания. М.: Русский путь, 2011 [Rar. G.A. "…I budet nashe pokolenie davat istorii otchet". Vospominanija («And our generation will give an account to history": Memories). M: Russky put', 2011].

Ростислав, игумен (Колупаев). Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. [Rostislav (Kolupaev). Russkie v Severnoy Afrike (Russians in Northern Africa). Obninsk, 2004.

Сухов Н.В. История русской эмиграции в Марокко в XXв. М.: ИВРАН, 2019 [Sukhov N.V. Istorija russkoy emigratsii v Marokko v XX v. (History of Russian emigration to Morocco in the 20th century). M.: IVRAN, 2019].

Сухов Н.В. Эмиграция из России в Марокко в XX в. // Уральское востоковедение: международный альманах. 2015. Вып. 6. С. 216–232 [Sukhov N.V. Emigratsia iz Rossii v Ma-

rokko v XX v. (Emigration from Russia to Morocco in the 20th century) // Uralskoe vostokovedenie. 2015. Vol. 6. S. 216-232].

Хохлова В.П. Душой с Россией // Восточный архив. 2007. № 16. С. 40-50 [Hohlova V.P. Dushoi s Rossiey (With Russia in spirit) // Vostochny arhiv. 2007. Num. 16. S. 40-50].

Badier B. De la police coloniale française à la police nationale marocaine: décolonisation et héritages policiers (1953-1960) // L`Annee du Maghreb [Badier B. From the French colonial police to the Moroccan national police: decolonization and police legacies (1953-1960) // L`Annee du Maghreb].https://journals.openedition.org/anneemaghreb/12466.

De Gastines C. La conversion libérale de Jacques Lemaigre Dubreuil au Maroc (1950-1955) // Outre-mers. 2009. Tome 96. № 364-365. P. 345-365 [De Gastines C. The liberal conversion of Jacques Lemaigre Dubreuil in Morocco (1950-1955) // Outre-mers. 2009. Num. 96. P. 345-365]. https://www.persee.fr/doc/outre_1631-0438_2009_num_96_364_4428.

Moussaoui D., Battas O., Chakib A. Histoire de la médecine au Maroc pendant le Protectorat // Histoire des Sciences Medicales. 1992. T. XXVI. № 4. https://numerabilis.u-paris.fr/ressources/pdf/sfhm/hsm/HSMx1992x026x004/HSMx1992x026x004x0291.pdf.

***Антошин Алексей Валерьевич**, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра востоковедения, Уральский федеральный университет; alex_antoshin@mail.ru*

The intellectual climate and moral-psychological atmosphere in the Russian émigré community of Morocco in the late 1940s – 1950s

The article is devoted to the history of Russian emigration to Morocco after World War II. The focus is on the intellectual climate and the moral and psychological atmosphere that existed in the Russian community in the late 1940s–1950s. The source base of the article was ego-documents, including those stored in the archives of Russia, the USA, and Germany. The author proves that the post-war Russian community in Morocco, as in many other countries, consisted of representatives of the "old" and "new" emigration. Among the latter, a close-knit group were members of the National Labor Union (NTU), the most famous anti-communist emigrant organization of the Cold War era. It was around the NTU groups in Casablanca, Rabat, Marrakesh, and Safi that the most active representatives of Russian emigrant youth united. Based on historical sources, it has been established that the moral and psychological atmosphere inside the Russian colony in Morocco was very contradictory. On the one hand, only a part of the people who were members of the émigré organizations actively participated in their activities, and there was a problem of non-payment of membership fees. On the other hand, many NTS activists strove for an ideal that was difficult to achieve, dreaming of the Union existing as a community based on the principles of comradeship and mutual assistance. The intellectual climate in the émigré community of Morocco was determined by various versions of Russian conservatism and solidarity. The author concludes that the end of the history of the Russian colony relates to the development of the national liberation movement in Morocco in the 1950s.

***Keywords:** Russian emigration, North Africa, Morocco, National Labor Union (NTS), solidarity, Cold War.*

***Antoshin Aleksey V.**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University. E-mail: alex_antoshin@mail.ru*

А.И. Клюев, О.В. Метель

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТРУДАХ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА ЛАВРОВСКОГО

Статья посвящена изучению методологических воззрений известного советского исследователя аграрной истории Англии Владимира Михайловича Лавровского (1891–1971). Опираясь на опубликованные труды историка и архивные материалы, отложившиеся преимущественно в личном фонде В.М. Лавровского в Архиве РАН, авторы рассматривают его взгляды на историческую науку и ремесло историка. Интерес к методологии исторического исследования был характерен для всех этапов научной биографии ученого, и еще в 1918 г., откликаясь на требования времени, он попытался осмыслить идеи неокантианства и взаимоотношения истории и социологии. Но наибольшее внимание методологическим проблемам он уделил в 1960-е гг., когда эта проблематика оказалась в фокусе многих советских историков, видевших свою задачу в том, чтобы преодолеть недостатки предшествующего периода развития отечественной исследовательской традиции. Базовая установка В.М. Лавровского в этот период мало изменилась по сравнению с 1918–1920 гг., он также настаивал на том, что история должна изучать закономерности исторического развития, однако теперь он призывал активнее использовать количественные методы анализа материала.

Ключевые слова: *методология истории, советская историческая наука, В.М. Лавровский, структурализм, позитивизм, количественные методы в исторических исследованиях, советский марксизм.*

> История лишь тогда достигнет совершенства, когда ее методы приблизятся к математике, когда ей удастся уточнить предмет своего научного исследования и, изменив тот аспект, под которым она исследует, будет изучать не «царей и генералов», но определит, что является «дифференциалом» историко-социологического исследования, и как возможно в истории, как в науке, «интегрирование» «бесконечно малых» величин.
>
> *В.М. Лавровский*[1]

Еще в конце 1970-х гг., начиная свою статью о В.М. Лавровском, его близкий коллега М.А. Барг выражал твердую уверенность в том, что «со временем о Владимире Михайловиче Лавровском – одном из выдающихся представителей московской аграрно-исторической школы, о его вкладе в сокровищницу исторических знаний, будет написана монография»[2]. Но и сегодня, спустя более сорока лет с момента выхода той статьи, прогноз М.А. Барга оказывается все еще несбывшимся. И хотя отдельные работы о В.М. Лавровском, опубликованные в 1990–2010-е гг., позволяют пролить свет на некоторые этапы его научной биографии, многие аспекты его творческой деятельности практически не попадают в поле зрения современных отечественных специалистов[3].

[1] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 129. Л. 69.

[2] Барг 1981: 181.

[3] Винокурова 1991; Барг 2000; Мягков 2003; Левин 2013; Земляков, Селиванова 2021. В 1971 г. К. Такахаси, японский историк-медиевист, ранее сотрудничавший с Е.А. Косминским и другими советскими специалистами по истории Средневековья, опубликовал в Токио небольшую заметку о В.М.Лавровском. – АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 258.

В полной мере сказанное относится к вопросу о методологических исканиях В.М. Лавровского, исчезающих из ключевых биографических нарративов о нем. Так, в частности, авторы подобных текстов фиксируют внимание читателей на исследованиях ученого в области аграрной истории Англии, не упоминая о его размышлениях о природе исторического познания. И хотя на первый взгляд подобный подход может показаться оправданным, ведь общее число ***опубликованных*** статей методологического характера, вышедших из-под пера В.М. Лавровского, было невелико (рис. 1–2)[4], все же исключение этой составляющей из творческого наследия ученого создает известные сложности для понимания его профессиональной эволюции. Более того, невнимание к методологическим поискам таких историков, как В.М. Лавровский, т.е. тех, кто не может быть однозначно отнесен в рамках научного сообщества советских ученых к числу «консерваторов» или «новаторов»[5], существенно обедняет общую картину историографического процесса, не позволяя увидеть за фасадом устоявшихся объяснительных моделей реальных людей с их взглядами и суждениями. В рамках данной статьи мы видели свою задачу в том, чтобы реконструировать методологические взгляды В.М. Лавровского и показать, как специалист по аграрной истории Англии откликался на общие методологические вызовы 1910–1960-х гг.

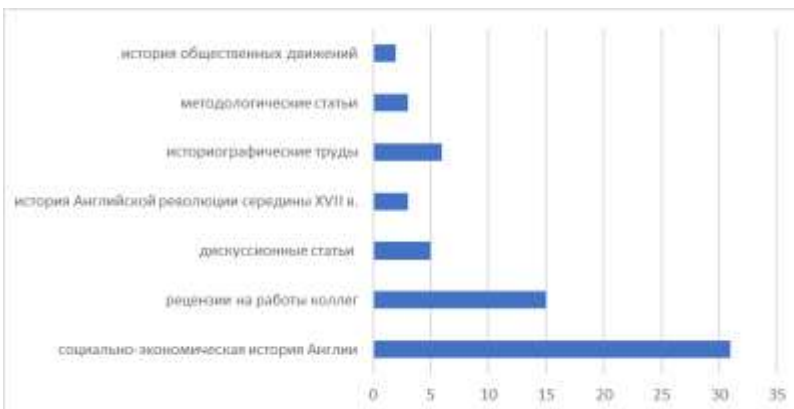


Рис. 1. Тематический анализ опубликованных трудов В.М. Лавровского[6]

Для решения данной задачи мы обратились к изучению широкого комплекса письменных источников: опубликованным трудам В.М. Лавровского, неопубликованным материалам, отложившимся в его личном фонде в Архиве РАН, кадровой документации, связанной с его научно-образовательной деятельностью, сохранившейся в фондах Архива РАН и Государственного архива Российской Федерации, и др. документам.

[4] Лавровский 1966; 1967; 1969.
[5] Неретина 1990; Markwick 2001; Очерки истории отечественной исторической науки 2005 и др.
[6] Составлено по: Ускова 1980: 410–414.

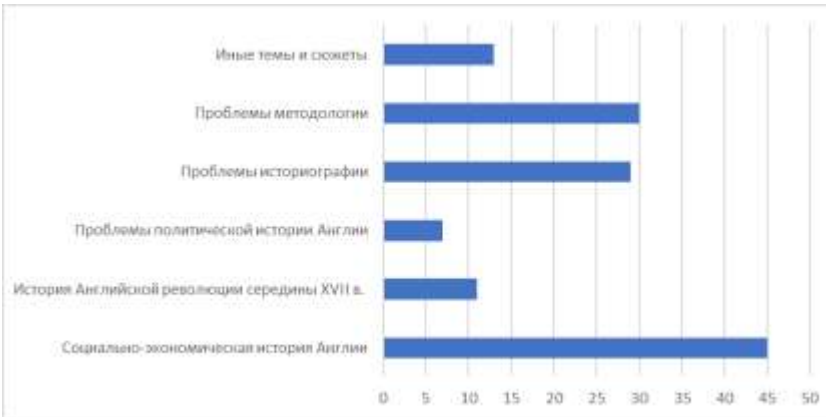


Рис. 2. Тематический анализ неопубликованных трудов В.М. Лавровского[7]

Как традиционно указывают биографы, В.М. Лавровский родился в 1891 г. в Пскове в семье преподавателя духовной семинарии[8]. В 1910 г., окончив с золотой медалью губернскую мужскую гимназию[9], будущий ученый покинул родной город и поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета. В качестве предмета своих специальных занятий в период обучения в университете Лавровский избрал аграрную историю Европы, к изучению которой он приступил под руководством известного отечественного медиевиста А.Н. Савина. В 1914 г. В.М. Лавровский окончил университет с дипломом 2-ой степени, а год спустя, подготовив выпускное сочинение «Фермерское хозяйство в Norfolk'e во второй половине XVIII в.», признанное А.Н. Савиным «весьма удовлетворительным»[10], был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию[11]. Причем, как сообщал в своем дневнике его учитель, Министерство народного просвещения удовлетворило ходатайство университета, и В.М. Лавровский был даже удостоен стипендии[12].

В апреле 1917 г. В.М. Лавровский успешно сдал магистерский экзамен по новой истории[13]. Но Октябрьская революция и Гражданская война сделали невозможным последующее прохождение привычных ступеней университетской карьеры, и только в 1919 г. он был избран препо-

[7] Составлено по описи фонда В.М. Лавровского в Архиве РАН. Ф. 1676. Оп. 1. URL: https://isaran.ru/?q=ru/opis&guid=82F23914-E9B9-3BBD-2BE1-CAEF72B350AF&ida=1.

[8] Левин 2013: 81–83. Этот факт Лавровский отмечал и в личных листках по учету кадров, отложившихся в фондах Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры (далее – МО ГАИМК) и Коммунистической академии. См.: АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 300. Л. 10.

[9] Левин 2013: 84.

[10] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 2; Винокурова 1991: 187.

[11] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

[12] Савин 2015: 417.

[13] Там же: 446.

давателем факультета общественных наук (ФОН) Первого Московского университета[14], созданного в бывшем Императорском университете путем объединения прежних гуманитарных факультетов[15]. Эту должность он занимал до реорганизации ФОНа в 1925 г., одновременно участвуя в работе двух столичных гуманитарных научно-исследовательских институтов, а именно Института социологии и Института истории[16].

В 1925–1926 гг. В.М. Лавровский вместе с Е.А. Косминским находился в научной командировке в Англии, работая с материалами Британского музея[17]. После возвращения в СССР, в 1927–1929 гг. Лавровский, как он сам указывал в одной из своих автобиографий, «преподавал в провинциальных вузах»[18], и только в начале 1930-х возобновил работу в столице, приступив к чтению курсов по истории эпохи промышленного капитализма, истории экономических учений в связи с развитием хозяйственных форм и марксистской истории техники в высших учебных заведениях Москвы: Московский финансово-экономический институт, Текстильный институт и др.[19] В 1932 г. В.М. Лавровский стал главным библиографом Института истории Коммунистической академии, а год спустя был приглашен на работу в МО ГАИМК – учреждение, являвшееся в те годы ключевым московским центром изучения древней и средневековой истории[20]. Во второй половине 1930-х гг., в условиях формирования в СССР сети научно-образовательных центров исторического профиля, Лавровский стал сотрудником Московского института философии, литературы и истории, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института истории Академии наук СССР и др.

Несмотря на серьезную педагогическую занятость, В.М. Лавровский не оставил научную работу и продолжил изучение парламентских огораживаний общинных земель, активно привлекая для реконструкции данного процесса те материалы, которые ему удалось собрать в Англии. Результатом напряженной работы ученого стала докторская диссертация «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX в.», защищенная им в 1937 г. и опубликованная в виде отдельной монографии три года спустя[21].

---

[14] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

[15] Очерки истории отечественной исторической науки XX века 2005: 324.

[16] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

[17] См. об этом, напр.: Земляков, Селиванова 2021: 117–139.

[18] В личных листках по учету кадров и в автобиографиях 1930-х гг. В.М. Лавровский отмечал, что в 1927–1929 гг. он являлся доцентом одного из нижегородских вузов. См.: АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об., 7; АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 350. Л. 10 об. Однако Э.И. Ускова, составившая первую библиографию опубликованных трудов В.М. Лавровского, указывала, что в те годы он также сотрудничал с Ярославским педагогическим институтом. См.: Ускова 1980: 410.

[19] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об.

[20] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об., 5.

[21] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 9; Лавровский 1940. Заметим, что в 1935 г., т.е. еще в период работы в МО ГАИМК, В.М. Лавровский добивался получения степени доктора наук без защиты диссертации. См.: АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.

В годы Великой Отечественной войны В.М. Лавровский находился в эвакуации в Фергане, а после возвращения в Москву продолжил преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность в академических и вузовских центрах столицы, работая над изучением истории Английской революции середины XVII в., истории английской деревни и некоторыми другими сюжетами.

Казалось бы, карьера ученого складывалась весьма успешно. Однако все изменилось в 1948–1949 гг., когда, на волне кампаний по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом, В.М. Лавровский был не только обвинен в «приверженности порочным идеологическим концепциям» и «методологической беспомощности»[22], но и еще раньше, в марте 1949 г., как не справившийся с порученной работой, уволен из Института истории АН СССР[23]. Более того, в августе 1949 г. был рассыпан уже готовый набор его монографии «Очерки по истории английского манора в XVI–XVIII вв.»[24]. Формальная причина решения дирекции Института истории АН СССР заключалась в том, что с точки зрения рецензентов, которым летом 1949 г. эта работа была направлена на дополнительную экспертизу, монография не соответствовала требованиям, предъявляемым к трудам советских историков-марксистов: в ее основе лежал формально-юридический метод, а подлинный марксистский анализ был подменен статистическим[25]. Все попытки ученого опровергнуть обвинения и восстановить свое доброе имя, в т.ч. при помощи обращения лично к И.В. Сталину, успеха не имели, и на рубеже 1940–1950-х гг. положение В.М. Лавровского, в целом, оставалось непрочным.

В данной связи любопытно отметить, что главным виновником всех своих несчастий, особенно тех, что были связаны с публикацией «Очерков по истории английского манора в XVI–XVIII вв.», В.М. Лавровский считал С.Д. Сказкина, с которым они были знакомы со времен обучения в Императорском Московском университете, когда, если верить воспоминаниям А.Н. Савина, будущий англовед лучше справлялся с программой подготовки к профессорскому званию, чем будущий исследователь средневековой культуры[26]. Теперь же, как писал Лавровский в письме к Сталину, Сказкин, пользуясь своим административным положением (летом 1949 г. он являлся заместителем директора Института истории АН СССР), пытался помешать публикации трудов своего коллеги[27]. Причиной подобного поведения, если верить Лавровскому, был конфликт между учеными, вызванный разногласиями относительно взглядов на перспективы развития советской медиевистики[28]. Если для В.М. Лавровского было очевидно, что отечественные марксисты долж-

[22] Стенограмма объединенного заседания 2007: 275.
[23] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 190.
[24] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. 238. Л. 21–22.
[25] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. 238. Л. 119.
[26] Савин 2015: 446.
[27] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 238. Л. 116–122.
[28] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 238. Л. 26.

ны сосредоточить внимание на сюжетах социально-экономического характера, то для С.Д. Сказкина и его учеников приоритетными были проблемы религиозной и культурной жизни Средневековья[29].

Новый этап активной научной деятельности В.М. Лавровского пришелся на период «оттепели». Именно тогда ученый, вновь оказавшийся в числе сотрудников Института истории АН СССР, не только наметил ряд перспективных направлений в изучении аграрной истории Англии, но и получил возможность представить результаты своей научной работы на международной арене[30]. Именно вторая половина 1950-х – 1960-е годы стали периодом наибольшей публикационной активности Лавровского, издавшего за короткий срок не менее 39 трудов (рис. 3), оказавшихся, впрочем, лишь частью наследия ученого, оставшегося в его личном архиве в виде набросков, этюдов, планов и иных незаконченных рукописей[31]. Завершению работы над ними помешала смерть В.М. Лавровского, скончавшегося, как гласил один из официальных некрологов, «25 января 1971 г. после тяжелой и продолжительной болезни»[32].

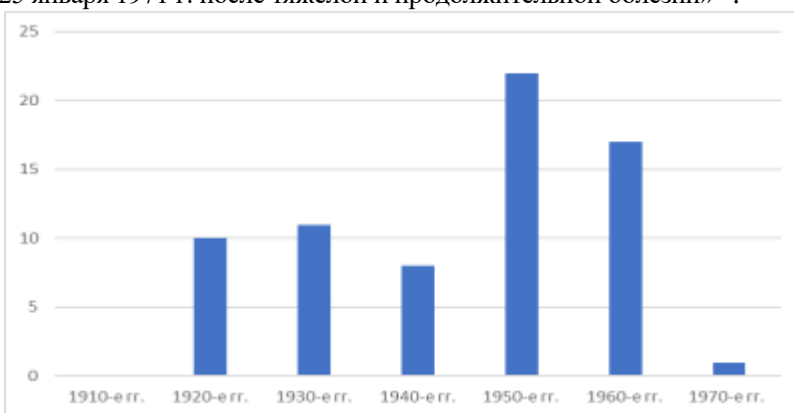


Рис. 3. Публикационная активность В.М. Лавровского[33]

Таким образом, научный путь В.М. Лавровского был вполне типичен для представителей его поколения советских историков, столкнувшихся в период своего вхождения в корпорацию с «институциональными экспериментами» большевиков и вынужденных строить научную карьеру в условиях постоянных «колебаний» партийного курса, весьма существенно влиявших на общие условия работы специалистов.

Как мы отметили ранее, интерес В.М. Лавровского к методологии исторического познания проявился уже на заре научной карьеры отечественного медиевиста. Его первые опыты в данной области пришлись на 1910-е гг., когда московский ученый, изучавший, казалось бы, весьма

[29] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 26.
[30] См., напр.: Лавровский 1959.
[31] См., напр.: АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 99, 103, 110 и др.
[32] Владимир Михайлович Лавровский 1971: 237.
[33] Сост. по: Ускова 1980: 410-414.

узкие сюжеты, связанные с аграрной историей Англии, попытался сформулировать свое мнение относительно новейших методологических исканий отечественных и зарубежных специалистов. Такой поворот к общим вопросам теории исторического познания вряд ли можно назвать случайным. Ведь как полагают современные историографы, именно в первые десятилетия XX в., в условиях разочарования в прежних моделях исторического письма, в отечественной историографии начались поиски новых методологических основ[34]. Если одни авторы стремились найти ответ на мучивший их вопрос о статусе истории как науки в русле неокантианской парадигмы, отводившей истории особую роль в системе научного познания (А.С. Лаппо-Данилевский)[35], то для других кризис историзма XIX в., напротив, открывал дорогу к признанию единства всех областей научного знания и делал возможным поиск тех черт, которые были общими для *всех* наук и сближали историю с различными «отделами естествознания» (Н.И. Кареев[36], Д.М. Петрушевский[37]).

В.М. Лавровский в споре о статусе исторического познания разделял точку зрения вторых и готов был пойти по пути сближения истории с точными и естественнонаучными дисциплинами еще дальше, чем многие его коллеги, все-таки признававшие, что история имеет дело с предметами особого рода, а значит не может быть полностью скроена по лекалам биологии или математики. Как писал в этой связи Н.И. Кареев, историческую науку от других отличает именно принцип историзма[38].

Свое методологическое кредо Лавровский обозначил уже в первых публичных выступлениях: инаугурационной лекции, состоявшейся на факультете общественных наук Московского государственного университета в 1919 г., и серии публичных лекций «теоретико-познавательного характера», прочитанных в феврале 1920 г. в родном Пскове. Главной темой была проблема взаимодействия истории и социологии[39], являвшаяся составной частью вопроса о статусе исторического познания, и хотя материалы этих лекций не сохранились, благодаря рукописи статьи «Этюды по вопросам исторического познания и социологии», отложившейся в фонде ученого в Архиве РАН, мы можем получить представление о том, как на рубеже 1910–1920-х гг. Лавровский воспринимал и специфику взаимодействия этих дисциплин, и общие перспективы научного изучения прошлого человечества[40].

Выступая против воззрений Г. Риккерта и полагая, что его теоретические построения чужды «теоретическим запросам» историков[41], В.М. Лавровский утверждал, что тот этап, который историческая наука

[34] Очерки истории отечественной исторической науки XX века: 24.
[35] Лаппо-Данилевский 2006.
[36] Кареев 2010: 373, 375–376
[37] Петрушевский 1915: 14.
[38] Долгова 2019: 26.
[39] Петрушевский 1898: 5–8.
[40] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 6.
[41] Там же. С. 6.

переживала в начале XX в., заключался в поиске способов применения к историческому материалу общенаучных методов[42]. «История может быть наукой лишь в том случае, – настаивал он в 1918 г., – если историки будут обрабатывать историческую действительность согласно принципам общенаучного метода»[43]. Для этого, по словам Лавровского, его коллегам стоит, во-первых, перейти к изучению закономерностей, т.к. «признание наличности особых, присущих социальным явлениям, законов есть основная предпосылка возможности существования истории, как науки»[44], а, во-вторых, призвать на помощь социологию[45]. Конкретная методика подобного анализа, с точки зрения ученого, оказывалась весьма проста – специалисту было необходимо сравнивать социальные явления (которые он понимал, как своеобразный вид действительности, отличный от явлений индвидуально-психологической жизни[46]) и, отбрасывая случайное и несущественное, выделять их типичные черты[47]. Иными словами, для Лавровского, научное историческое исследование было связано с «преодолением исторического многообразия при помощи социологических понятий»[48]. Причем, в отличие от своих старших коллег, настаивавших на том, что «не дело какой бы то ни было чистой науки кого-либо чему-либо учить в практическом смысле слова»[49], Лавровский полагал, что решение данной задачи имеет вполне конкретные практические последствия: история сможет лечь в основу практической политики, что, в свою очередь, поможет «избавиться от власти политических фантазий и общественных иллюзий, [...] действовать в общественно-политической жизни не наощупь»[50].

Таким образом, в начале творческого пути, В.М. Лавровский находился в русле методологических тенденций отечественной историографии и, выступая против неокантианского подхода, стремился представить историческое исследование как поиск закономерностей в развитии прошлых эпох. Однако дальнейшее развитие данной линии методологических поисков в Советской России оказалось невозможным: с одной стороны, уже в начале 1920-х гг. социология была заменена комплексом обществоведческих дисциплин марксистского толка[51], с другой, в историографии стал утверждаться тезис о том, что кризис буржуазной исторической науки может быть разрешен только на путях перехода к марксизму как к единственному *научному способу* постижения прошлого[52].

[42] Там же. С. 9.
[43] Там же. С. 10.
[44] Там же. С. 12.
[45] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[46] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
[47] Там же. Л. 15.
[48] Там же. Л. 18.
[49] Кареев 2010: 372.
[50] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.
[51] Новикова 2002.
[52] Покровский 1967: 438.

Правда, конкретное содержание марксистской исторической теории советским ученым еще предстояло сформулировать[53], как, впрочем, и предложить марксистское прочтение исторических проблем, в т.ч. в области аграрной истории Англии.

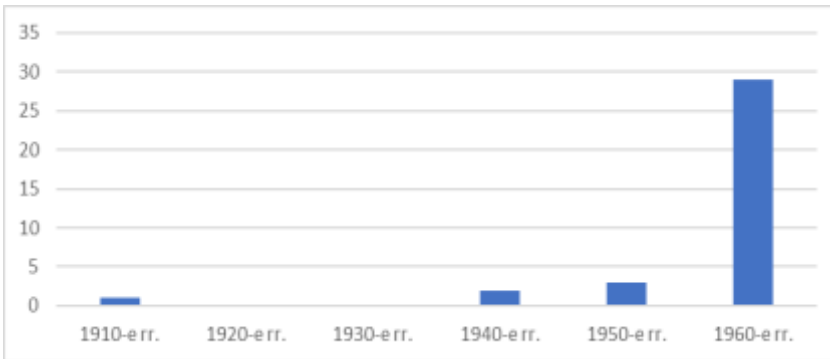


Рис. 4. Динамика обращения В.М. Лавровского к вопросам методологии исторического исследования[54]

Новый поворот В.М. Лавровского к размышлениям о природе исторического познания произошел во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (рис. 4), когда в советской историографии, с одной стороны, проходили кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом[55], а, с другой, начинали разворачиваться дискуссии о самом понимании истории как научной дисциплины[56]. Вероятно, именно поэтому, откликаясь на требования текущего момента, ученый подготовил две статьи теоретико-методологического характера, которым, правда, так и не суждено было появиться в печати. Однако ознакомиться с их содержанием и сделать вывод о том, как изменились взгляды ученого за три десятилетия, все же можно, так как машинописи этих работ отложились в личном фонде историка в Архиве РАН[57]. Обращаясь к этим документам, стоит отметить, что и во второй половине 1940-х гг. ядро теоретических воззрений Лавровского осталось неизменным: как и в 1918 г. он настаивал на том, что основной задачей истории как науки является отыскание исторических закономерностей. Причем, как пояснял он в одном из своих публичных выступлений первой половины 1950-х гг., подобные исторические законы представляли собой отнюдь не абстракции, предложенные учеными для понимания прошлых эпох, но Naturgesetze, или естественные закономерности исторического развития, сопоставимые с теми, какие специалисты находили в развитии природы[58].

[53] Дмитриев 2002.
[54] Составлено по: Ускова 1980: 410–414; https://isaran.ru/?q=ru/opis&guid=82F23914-E9B9-3BBD-2BE1-CAEF72B350AF&ida=1
[55] Об участии советских медиевистов в этих спорах, см.: Шарова 2003: 256–296.
[56] Филиппов 2008: 94.
[57] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 27; АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 22.
[58] Краткий обзор статей об основном экономическом законе феодализма 1955: 61.

Впрочем, сохранив часть исходного теоретико-методологического багажа, В.М. Лавровский все же пересмотрел ряд своих прежних тезисов и, отчетливо выступая с позиций советского марксизма, утверждал, что все эти исторические законы уже были открыты классиками марксистской мысли. Так, в тексте статьи 1949 г. он указывал, что открытый И.В. Сталиным закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил проявлял себя в период революционных событий Нового времени, и, следовательно, задача историка должна заключаться в том, чтобы этот закон обнаружить[59]. Иными словами, если ранее будущее исторической науки виделось Лавровскому в сближении истории с социологией, то во второй половине 1940-х гг. он заявлял, что методологический кризис, который переживала историческая наука три десятилетия назад, был разрешен на путях марксизма. Недаром, в машинописи статьи «К вопросу о логическом стиле советской исторической науки (проблема исторической закономерности)» он попытался смоделировать общий путь развития мировой исторической мысли, утверждая, что буржуазная историография вступила в полосу кризиса еще во второй половине XIX в., после поражения революции 1848 г., и так и не смогла его преодолеть[60]. Не получилось сделать это и у его старших коллег, в частности у Д.М. Петрушевского, который, по словам В.М. Лавровского, будучи весьма талантливым исследователем конкретных исторических проблем, не смог верно разрешить мучившие его теоретические вопросы[61]. И только учение К. Маркса и Ф. Энгельса сделало возможным окончательное обоснование истории как науки[62].

Последний этап развития теоретико-методологических взглядов В.М. Лавровского пришелся на 1960-е гг., когда проблемы методологии исторического познания в целом оказались в фокусе внимания и научной общественности, и партийных структур. В годы «оттепели» в результате реализации нового партийного курса, направленного, согласно официальной трактовке, на борьбу с «культом личности», партийное руководство поставило перед историками задачу выработки новых объяснительных моделей прошлого, что предполагало уточнение методологического инструментария, при помощи которого эта задача должна была быть решена[63]. Эта инициатива нашла широкую поддержку и привела к появлению научных сообществ, созданных как самими учеными, так и руководителями «исторического фронта». Наиболее заметным среди них, безусловно, оказался сектор методологии истории, образованный в 1964 г. в Институте истории АН СССР для обсуждения назревших теоретических проблем исторического познания[64]. Одновременно в региональных университетских центрах стали складываться свои школы изу-

[59] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 27. Л. 94.
[60] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.
[61] Там же. Л. 29.
[62] Там же. Л. 6.
[63] См. об этом, напр.: Античность в императорской и советской России 2024: 349–408.
[64] См. об этом более подробно: Алымов 2024: 45–60.

чения историографии и методологии истории, наиболее заметными из которых в 1960-е гг. стали научные школы Казани и Томска.

Именно в этой атмосфере теоретического поиска В.М. Лавровский выступил перед коллегами со своими идеями, представив их как в виде устных докладов, прозвучавших на различных заседаниях (сектор методологии истории Института истории АН СССР[65], семинар, организованный А.А. Гулыгой в Институте философии АН СССР[66], конференция, прошедшая в 1967 г. в Казанском государственном педагогическом институте, и др.), так и в форме научных статей, опубликованных на страницах специализированных журналов и сборников[67]. При этом итоговый труд ученого, посвященный проблемам исторического познания, завершен не был, и варианты набросков данного сочинения, объединенные в две самостоятельных папки, остались в личном архиве историка[68].

В целом, и в 1960-е гг. Лавровский сохранил свои базовые методологические установки. Отправной точкой всех его рассуждений оставался тот факт, что история изучает реальные, существующие независимо от воли человека явления социальной жизни и одновременно является наукой о законах развития человеческого общества, и если она хочет и дальше оставаться на позициях сциентизма, на которые встала в 40-е годы XIX в., то она не должна забывать о единстве исторического и естественнонаучного методов познания и не переходить от анализа общих исторических закономерностей к эмпирическому описанию частных фактов[69]. Причем, советским историкам, по мнению Лавровского, не составляло труда решить эту задачу, ведь они были вооружены марксистской методологией и опирались на базовые постулаты исторического материализма. Более того, свою помощь историкам на этом пути могла предложить социология, вернувшаяся в число изучаемых и преподаваемых дисциплин и привлёкшая внимание членов советского исторического сообщества[70]. В одной из статей Лавровский прямо утверждал, что «история как наука о законах развития общества, и марксистская социология – это по существу одна наука, предметом которой является человеческое общество в его настоящем, прошлом и будущем»[71].

Хотя общие методологические основания взглядов В.М. Лавровского в 1960-е гг. оставались неизменными, определенная новизна в его выводах все же присутствовала. Она была связана с его стремлением обратить внимание коллег на количественные методы анализа исторического материала, которые должны были быть дополнены системным и структурным подходами. Подобный поворот к математическому инструментарию возник в творчестве ученого не случайно: с одной стороны,

[65] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294. Л. 186–207.
[66] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 99. Л. 69.
[67] Лавровский 1966: 72–77; Лавровский 1967: 35–48; Лавровский 1969: 436–445.
[68] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 99; Ф. 1676. Оп. 1. Д. 127.
[69] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 99. Л. 54.
[70] История и социология 1964.
[71] Лавровский 1967: 7.

он очевидно был связан с его прежними штудиями в области аграрной истории Англии, когда сам материал источников требовал аккуратных подсчетов, а, с другой, он был обусловлен специфическими условиями «Больших шестидесятых», отмеченных успехами точных наук и развитием кибернетики[72]. В результате, Лавровский прямо призывал коллег активно использовать вычислительную технику и математические методы анализа материала[73], аргументируя это в т.ч. тем, что по такому пути десятилетия назад уже пошли классики марксизма: В.И. Ленин в работах по истории России опирался на земскую статистику[74], а К. Маркс не только мечтал о математической истории[75], но и применял метод моделирования для анализа развития английского общества[76]. Иными словами, В.М. Лавровский продолжал настаивать на том, что историческая наука должна быть скроена по лекалам точных наук и оперировать точными данными для открытия основных законов развития общества.

Если попытаться систематизировать взгляды В.М. Лавровского и представить их в виде некоторого целостного проекта, окончательно сформулированного автором в 1960-е гг., то он будет включать в себя следующие основные постулаты:

1. единство *научного метода* познания природы и общества;
2. история *как наука* должна изучать *законы* развития человеческого общества (в этом отношении она близка социологии);
3. научным методом познания прошлого является только *исторический материализм*;
4. конкретное историческое исследование должно быть направлено на анализ количественных и качественных изменений явлений социальной действительности;
5. решающую роль в изучении прошлого должны сыграть *математические методы* исследования, а также системный анализ и моделирование.

Размышляя сегодня о методологических взглядах В.М. Лавровского, мы очевидно ощущаем, что в них в полной мере отразились основные изломы развития отечественной исследовательской традиции первой половины – середины XX в. Так, вступив на научное поприще в 1910-е гг. и столкнувшись с кризисом прежней модели исторического письма, он, как и многие его коллеги увидел решение назревших методологических проблем в ориентации на принципы точных наук. Этому базовому постулату В.М. Лавровский оказался верен до конца своих дней, особенно настаивая на математизации истории в 1960-е гг., когда ученые, реагируя и на властный заказ, и на потребности развития своей дисциплины, вновь заговорили о необходимости поиска более твердых

[72] См. об этом, напр.: Фрумкин, 2022: 101.
[73] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 91.
[74] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.
[75] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 99. Л. 43.
[76] АРАН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 129. Л. 58.

оснований исторических построений. Причина, по которой он выбрал именно этот путь выхода из кризиса историзма, а именно путь изучения не индивидуальных феноменов, но общих процессов, на наш взгляд, была связана с его общим восприятием прошлого человечества. Последнее ученый определял как объективную историческую реальность, развивавшуюся по собственным законам, и именно эти законы предстояло обнаружить и проанализировать историкам-исследователям, используя для этого как базовые постулаты марксизма, так и инструменты смежных дисциплин, прежде всего, социологии. Оказался В.М. Лавровский и в числе тех, кто в 1960-е гг. настаивал на эвристическом потенциале системно-структурного подхода. И хотя целостный труд по теории исторического познания он так и не завершил, его взгляды на этот предмет позволяют современным историографам вполне твердо утверждать, что развитие советской историографии в 1960–1970-е гг. было более вариативным, чем противостояния «ревизионистов» с «ортодоксами».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алымов С.С. Второй марксизм: история сборника «Проблемы истории докапиталистических обществ» в письмах и документах // Новое литературное обозрение. 2024. № 5. С. 45–60 [Alymov S.S. Vtoroi marksizm: istoriya sbornika «Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv» v pis'makh i dokumentakh (The Second Marxism: The History of the Edited Volume «Problems of the History of Pre-Capitalist Societies» in Letters and Documents) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. № 5. S. 45–60].

Античность в императорской и советской России: актуальность наследия и традиции изучения / под ред. С.Г. Карпюка. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024 [Antichnost' v imperatorskoi i sovetskoi Rossii: aktual'nost' naslediya i traditsii izucheniya (Antiquity in Imperial and Soviet Russia: Relevance of Heritage and Traditions of Study) / pod red. S.G. Karpyuka. M.: Institut vseobshchei istorii RAN, 2024].

Барг М.А. Владимир Михайлович Лавровский (человек и ученый) // История и историки: историографический ежегодник. 1978. М.: Наука, 1981. С. 181–199 [Barg M.A. Vladimir Mikhailovich Lavrovskii (chelovek i uchenyi) (Vladimir Mikhailovich Lavrovsky (man and scientist)) // Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik. 1978. M.: Nauka, 1981. S. 181–199].

Барг В.М. Владимир Михайлович Лавровский // Портреты историков: время и судьбы: в 2 т. Т. 2. Всеобщая история. М.: Иерусалим: Университетсткая библиотека; Gesharim, 2000. С. 217–227 [Barg V.M. Vladimir Mikhailovich Lavrovskii (Vladimir Mikhailovich Lavrovsky) // Portrety istorikov: vremya i sud'by: v 2 t. T. 2. Vseobshchaya istoriya. M.: Ierusalim: Universitetstkaya biblioteka; Gesharim, 2000. S. 217–227].

Винокурова М.В. К 100-летию В.М. Лавровского // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 188–201 [Vinokurova M.V. K 100-letiyu V.M. Lavrovskogo (To the 100th anniversary of V.M. Lavrovsky) // Srednie veka. M., 1991. Vyp. 54. S. 188–201].

Владимир Михайлович Лавровский. Некролог // Новая и новейшая история. 1971. № 3. С. 237 [Vladimir Mikhailovich Lavrovskii. Nekrolog (Vladimir Mikhailovich Lavrovsky. Obituary) // Novaya i noveishaya istoriya. 1971. № 3. S. 237].

Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 29–60 [Dmitriev A. «Akademicheskij marksizm» 1920–1930-x gg. i istoriya Akademii: sluchaj A.N. Shebunina («Academic Marxism» 1920–1930s and the history of the Academy: the case of A.N. Shebunin) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 54. S. 29–60].

Долгова Е.А. О неопубликованной работе Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М. Политическая энциклопедия, 2019. С. 14–45 [Dolgova E.A. O neopublikovannoj rabote N.I. Kareeva «Obshhaya metodologiya gumanitarny`x nauk» (1922) (About the unpublished

work of N.I. Kareev «General Methodology of Humanities» (1922)) // Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevskij, D.M. Petrushevskij, V.M. Xvostov / pod red. T.G. Shhedrinoj, B.I. Pruzhinina. M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 2019. S. 14–45].

Земляков М.В., Селиванова О.В. «Аграрную историю надо изучать не по книгам, но ногами»: воспоминания В.М. Лавровского о Е.А. Косминском и их научной командировке в Англию 1925–1926 годов // Средние века. 2021. Т. 82. № 1. С. 117–139 [Zemlyakov M.V., Selivanova O.V. «Agrarnuyu istoriyu nado izuchat' ne po knigam, no nogami»: vospominaniya V.M. Lavrovskogo o E.A. Kosminskom i ikh nauchno komandirovke v Angliyu 1925–1926 godov («Agrarian history should be studied not by books, but by feet»: Memories of Vladimir M. Lavrovsky of E.A. Kosminsky, and their scientific trip to England in 1925–1926) // Srednie veka. 2021. T. 82. № 1. S. 117–139].

История и социология. М.: Наука, 1964 [Istoriya i sociologiya (History and Sociology). M.: Nauka, 1964].

Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избр. труды / сост., вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352–548 [Kareev N.I. Istorika. Teoriya istoricheskogo znaniya (Theory of historical knowledge) // Kareev N.I. Izbranny'e trudy' / sost., vstup. st. i komment. K.A. Solov'ev. M.: ROSSPE'N, 2010. S. 352–548].

Краткий обзор статей об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 76–90 [Kratkii obzor statei ob osnovnom ekonomicheskom zakone feodalizma (A brief review of articles on the basic economic law of feudalism) // Voprosy istorii. 1955. № 2. S. 76–90].

Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940 [Lavrovskii V.M. Parlamentskie ogorazhivaniya obshchinnykh zemel' v Anglii kontsa XVIII – nachala XIX vv. (Parliamentary enclosures of communal land in late eighteenth- and early nineteenth-century England). M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1940].

Лавровский В.М. Некоторые спорные вопросы первоначального накопления // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 96–105 [Lavrovskii V.M. Nekotorye spornye voprosy pervonachal'nogo nakopleniya (Some controversial issues of initial accumulation) // Voprosy istorii. 1959. № 9. S. 96–105].

Лавровский В.М. К вопросу о предмете и методе истории как науки // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 72–77 [Lavrovskii V.M. K voprosu o predmete i metode istorii kak nauki (On the subject and method of history as a science)// Voprosy istorii. 1966. № 4. S. 72–77].

Лавровский В.М. Проблема единства метода исторического и естественнонаучного познания // Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967. Вып. 1. С. 35–48 [Lavrovskii V.M. Problema edinstva metoda istoricheskogo i estestvennonauchnogo poznaniya (The problem of the unity of the method of historical and natural science cognition) // Problemy vseobshchei istorii. Kazan', 1967. Vyp. 1. S. 35–48.].

Лавровский В.М. К вопросу о методе аграрно-исторического исследования // Ученые записки Казанского педагогического института. 1969. Вып. 70. С. 436–445 [Lavrovskii V.M. K voprosu o metode agrarno-istoricheskogo issledovaniya (To the question of the method of agrarian-historical research) // Uchenye zapiski Kazanskogo pedagogicheskogo instituta. 1969. Vyp. 70. S. 436–445].

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006 [Lappo-Danilevskij A.S. Metodologiya istorii (Methodology of History). M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», 2006].

Левин Н.Ф. Лавровский // Псков. 2013. № 38. С. 81–88 [Levin N.F. Lavrovskii (Lavrovsky) // Pskov. 2013. № 38. S. 81–88].

Мягков Г.П. Структурализм и постмодернизм в дискурсивном поле советского и российского историознания 60–90-х гг. XX в.: специфика «встречи» и восприятия // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XX в.) / под ред. В.П. Корзун и др. Омск: ОмГУ, 2003. С. 78–80 [Myagkov G.P. Strukturalizm i postmodernizm v diskursivnom pole sovetskogo i rossijskogo istorioznaniya 60–90-x gg. XX v.: specifika «vstrechi» i vospriyatiya (Structuralism and postmodernism in the discursive field of Soviet and Russian historiography 1960-1990s: the specifics of «meeting» and perception) // Kul'tura i intelligenciya Rossii mezhdu rubezhami vekov: Metamorfozy' tvorchestva. Intellektual'ny'e landshafty' (konecz XIX – nachalo XX v.) / pod red. V.P. Korzun i dr. Omsk: OmGU, 2003. S. 78–80].

Новикова С.С. Особенности развития социологической мысли в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 122–130 [Novikova S. S. Osobennosti razvitiya socio-

logicheskoj my'sli v Rossii (Features of the development of sociological thought in Russia) // Sociologicheskie issledovaniya. 2002. № 10. S. 122–130].

Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 143–151 [Neretina S.S. Istoriya s metodologiej istorii (History with the methodology of history) // Voprosy' filosofii. 1990. № 9. S. 143–151].

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005 [Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka (Essays on the history of domestic historical science of the XX c.) / Pod red. V.P. Korzun. Omsk: OmGU, 2005].

Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг.: Тип. Р.Г. Шредера, 1915 [Petrushevskij D.M. K voprosu o logicheskom stile istoricheskoj nauki (Toward a question about the logical style of historical science). Pg.: Tipografiya R. G. Shredera, 1915].

Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. Педагогический и научно-популярный журнал. 1898. № 2. С. 1–10 [Petrushevskij D.M. O zadachax vseobshhej istorii kak nauki (On the tasks of universal history as a science) // Obrazovanie. Pedagogicheskij i nauchno-populyarny'j zhurnal. 1898. № 2. S. 1–10].

Покровский М.Н. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Мысль, 1967. Кн. 4: Лекции, статьи, речи. С. 426–439 [Pokrovskij M.N. Razvitie sovremennoj istoricheskoj nauki i zadachi istorikov-marksistov (Development of modern historical science and the tasks of Marxist historians) // Pokrovskij M.N. Izbranny'e proizvedeniya: v 4 kn. / pod red. M.N. Tixomirova. M.: My'sl', 1967. Kn. 4: Lekcii, stat'i, rechi. S. 426–439].

Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112 [Ryzhkovskii V. Sovetskaya medievistika and Beyond (k istorii odnoi diskussii) (Soviet Medievistics and Beyond (to the history of one discussion)) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 90. S. 86–112].

Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015 [Savin A.N. Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 (University Affairs. Diary 1908-1917) / Publ., vstup. st. A.V. Sharovoi. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015].

Стенограмма объединенного заседания Сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры Истории средних веков МГУ 23 марта 1949 г. // Одиссей. Человек в истории. 2007: История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 253–340 [Stenogramma ob"edinennogo zasedaniya Sektora istorii srednikh vekov Instituta istorii AN SSSR i kafedry Istorii srednikh vekov MGU 23 marta 1949 g. (Transcript of the joint meeting of the Branch of the History of the Middle Ages of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences and the Department of History of the Middle Ages of Moscow State University, March 23, 1949) // Odissei. Chelovek v istorii. 2007: Istoriya kak igra metafor: metafory istorii, obshchestva i politiki. M.: Nauka, 2007. S. 253–340].

Ускова Э.И. Научные труды В.М. Лавровского // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С. 410–414 [Uskova E.I. Nauchnye trudy V.M. Lavrovskogo (Scientific works of V.M. Lavrovsky) // Srednie veka. M., 1980. Vyp. 43. S. 410–414].

Филиппов И.С. Б.Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении: 20–80-е годы XX века. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 87–129 [Filippov I.S. B.F. Porshnev i politicheskaya ekonomiya feodalizma (B.F. Porshnev and the political economy of feudalism) // Frantsuzskii ezhegodnik. 2007: Sovetskaya i frantsuzskaya istoriografii v zerkal'nom otrazhenii: 20–80-e gody XX veka. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. S. 87–129].

Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022 [Frumkin K.G. Lyubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial'noi istorii sovetskoi nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike (Loving the Scientific Class: reflection of social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric). M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2022].

Шарова А.В. Историк средневековой Англии в Советской России: компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 256–296 [Sharova A.V. Istorik srednevekovoi Anglii v Sovetskoi Rossii: kompromissy akademika E.A. Kosminskogo (Historian of Medieval England in Soviet Russia: Compromises of Academician E.A. Kosminsky) // Odissei. Chelovek v istorii. 2003. M., 2003. S. 256–296].

Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia: The politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Basingstoke; New York: Palgrave, 2001.

***Клюев Артем Игоревич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ, kluevartem@mail.ru*
***Метель Ольга Вадимовна,** кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедра истории Древнего мира, Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, olgametel@yandex.ru*

The Questions of Methodology of Historical Research in the works of Vladimir M. Lavrovsky

The article is devoted to the study of the methodological views of Vladimir Mikhailovich Lavrovsky (1891–1971), a famous Soviet researcher of English agrarian history. Relying both on the historian's published works and archival materials, mainly in the personal fund of V.M. Lavrovsky in the Archive of the Russian Academy of Sciences, the authors of this article examine the views of the scientist on historical science and the historian's craft. In general, the authors believe that interest in the methodology of historical research was characteristic of all stages of the Soviet scientist's scientific biography, and as early as 1918, responding to the demands of the time, he tried to comprehend the ideas of neo-Kantianism and the peculiarities of the relationship between history and sociology. However, V.M. Lavrovsky paid the greatest attention to methodological problems of historical science in the 1960s, when these problems became the focus of many Soviet historians who saw their task in overcoming the shortcomings of the previous period of development of the national research tradition. The basic attitude of V.M. Lavrovsky in this period of time did not change much in comparison with 1918–1920; he also insisted that history should study the regularities of historical development, but now he called for a more active use of quantitative methods of analyzing the material.

***Keywords:** methodology of history, soviet historiography, Vladimir Lavrovsky, structuralism, positivism, soviet marxism, quantitative methods in history.*

***Klyuev Artem I.**, PhD in Historical Sciences, Research Fellow, School of History, Faculty of Humanities, HSE University; kluevartem@mail.ru*

***Metel Olga V.,** PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ancient History of Institute of Russian State University for the Humanities, olgametel@yandex.ru*

И.Н. Филимонов

В ПОИСКАХ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНТРФАКТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТРУДАХ РОБЕРТА ФОГЕЛЯ*

Статья посвящена анализу контрфактического моделирования исторических процессов в изложении историка-экономиста Роберта Фогеля. В современной российской историографии «контрфактической» принято называть любую модель альтернативного исторического развития, а понятия «контрфактический», «поливариантный» и «альтернативный» могут восприниматься как синонимы. Однако контрфактическое моделирование представляет собой отдельный метод исторического исследования, являющийся частью научной традиции, известной как «Новая экономическая история». Первой монографией, построенной на этом методе, была работа Фогеля "Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History" (1964). Он был призван показать соотношение конкурирующих сил, их возможность заменить друг друга в поддержании общего равновесия системы. Предметом исследования был железнодорожный транспорт и его «незаменимость» относительно других видов транспорта как в вопросе научно-технического прогресса, так и в деле грузоперевозок, взаимовлияния смежных областей экономики. Целью статьи является систематизация разрозненного знания о контрфактическом моделировании, содержащегося в трудах его главного апологета. Это могло бы способствовать более осознанному использованию учеными контрфактического моделирования в дальнейшем.

Ключевые слова: *Р.У. Фогель, экономическая история, контрфактическое моделирование, альтернативность, гипотетико-дедуктивный метод, институты.*

Контрфактическое моделирование, привнесенное однажды в историческую науку, продолжает жить в ней как самостоятельный интеллектуальный продукт, но, как и прежде – прямо или опосредованно – ассоциируется с именем историка-экономиста Роберта Фогеля. На протяжении многих лет с 1960 г. данный метод подвергался обстоятельному анализу и оценке. Однако зачастую историографическая критика либо стирает грани между контрфактическим моделированием и анализом альтернативных ситуаций, помещая интенции Фогеля в один ряд с поисками альтернатив исторического развития[1]; либо проблематизирует отдельные составляющие данного метода, акцентируя внимание на важности выбора предмета исследования[2], возможности применения количественных методов на конкретном материале[3], вероятных ошибках в инструментарии[4]. При всем многообразии критики контрфактического моделирования, в историографическом корпусе отсутствует детальный анализ его теоретико-методологических оснований. Наиболее близко к решению этой проблемы подошла И.М. Промахина в своей работе «Коли-

*Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

[1] Бочаров 2000; Нехамкин 2017: 7-10.

[2] Ковальченко 1987: 406-416; Промахина 1975.

[3] Бородкин, Свищев 1992; Малов, Тимошенко 2014; Хвостова 1980: 3-11.

[4] Desai 1968; Liu 1960.

чественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» (США)»[5], проанализировав работу Фогеля "Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History"[6] и сопутствующую концептуальную критику, отдельно остановившись на конкретно-исторических сюжетах. И тем не менее ряд сюжетов остался в тени и не привлек внимания исследователей. Как обобщающая, так и индивидуализирующая критики контрфактического моделирования не позволяют составить полного представления о нем. Данная статья призвана заполнить обозначенную историографическую лакуну.

Роберт Уильям Фогель, автор концепции контрфактического моделирования исторических процессов, родился в 1926 г. в Нью-Йорке, США. Был выходцем из семьи иммигрантов первого поколения. В школе увлекался физикой и химией, однако во время учебы в университете его интересы сместились в сторону экономики и истории. Степень бакалавра (Bachelor of Arts) получил в Корнельском университете в 1948 г., степень магистра (Master of Arts) в Колумбийском университете в 1960 г., а степень доктора (Doctor of Philosophy) в университете Джонса Хопкинса в 1963 г. Руководителем докторской диссертации являлся американский экономист Саймон С. Кузнец, автор концепции внутреннего валового продукта и лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г.[7] Фогель – представитель школы Новой экономической истории, возникшей на рубеже 1950-1960 гг. В одном ряду с американским историком-экономистом Дугласом С. Нортом является апологетом данной школы, стоявшим у ее истоков, а также лицом указанного направления. Контрфактическое моделирование представляло собой одно из главных нововведений школы в рамках формализации экономической истории и борьбы за влияние в академическом мире[8].

Наиболее известной работой Фогеля, вызвавшей определенного рода ажиотаж в научном мире[9], являлась монография "Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery"[10], написанная в соавторстве со Стэнли Л. Энгерманом. Она была посвящена вопросам рентабельности рабовладельческой системы Юга Соединенных Штатов в первой половине XIX в. и строилась на количественных методах с частичным привлечением контрфактического моделирования, описанного в монографии "Railroads and American Economic Growth…"[11].

Несмотря на то, что монография 1974 г. пользовалась большей известностью, именно работа 1964 г. является опорой и онтологическим оплотом концепции контрфактического моделирования. "Railroads and American Economic Growth…" изначально позиционировалась автором

[5] Промахина 1975.
[6] Fogel 1964.
[7] Фоуджел 2009: 257-258.
[8] Goldin 1995:193-195.
[9] Плющев 1982: 29; David at al. 1976: V-VI.
[10] Fogel, Engerman 1974.
[11] Fogel 1964.

как труд, содержащий критическую оценку предположения о том, что железные дороги являлись, необходимым элементом экономического роста США в XIX в. Теоретико-методологический блок не позиционировался в качестве нововведения. При этом отмечалось, что работа основана на общепринятых представлениях об американской транспортной системе с ограниченным их пересмотром при помощи аналитических и количественных методов современной экономики[12].

Фогеля главным образом смущала аксиоматическая установка о важности и незаменимости железных дорог, бытовавшая в ту пору. Речь идет о том, что высказывание в аксиоматической форме, не опирающееся на эмпирические данные, не является описанием характеристики конкретной инновации, предмета исследования. В частности, аксиомой незаменимости железнодорожного транспорта утверждается, что американская экономика XIX в. не имела эффективной альтернативы для данного вида транспорта и была не в состоянии ее создать. При этом оценка данной аксиомы, ее проверка, требует не только изучения того, что сделал железнодорожный вид транспорта для экономики, но и того, что могло бы послужить его заменой, и в каких масштабах это было возможно[13]. Данное положение является основополагающим для контрфактической концепции. Речь не идет об альтернативной истории как таковой; не подразумевается эффекта замены или дополнения события, изменения его пространственно-временных характеристик. В данном конкретном случае речь идет об изучении потенциала определенных видов транспортной инфраструктуры в общем контексте американской экономики XIX в. К этой картине добавляется ниша, возникшая бы в отсутствие предмета исследования, т.е. экономическое пространство, которое он занимал в исследуемый момент времени. Необходимо было ответить на вопрос о возможности прочих видов транспорта выполнять ту же функцию, которая лежала в основе железнодорожного транспорта, в тех же объемах. Это позволило бы сделать выводы об эффектах, оказываемых данным видом транспорта на экономику, будь то решающая роль в экономическом росте страны или же в его ускорении[14].

Автор приходит к выводу, что ни одна инновация не была жизненно важной для экономического роста в XIX в.[15]: если и существовал претендент на данное звание, то это был железнодорожный транспорт[16]. Экономический рост в представлении автора был следствием приобретенных знаний в период научной революции XVII–XIX вв., начавшейся задолго до железнодорожного строительства. Железнодорожный транспорт, как суть развитие и усовершенствование парового двигателя, не являлся основным источником или проводником экономического роста, а влился в общую тенденцию, удовлетворяя определенную часть по-

[12] Ibid: VII.
[13] Ibid: 9-10.
[14] Fogel 1964: 207-208.
[15] Ibid: 234-235.
[16] Ibid: 208-224.

требности в удешевлении транспортных услуг. Сам рост является следствием широкого спектра возможностей, предоставленных совокупностью полученных знаний. Множественные инновации, изменения в областях экономии и спроса в совокупности с определенного рода удачей в широком спектре возможностей позволили железнодорожной отрасли занять свое место в американском экономическом росте. При этом акцент на множественности возможностей не должен умалять значение железнодорожного транспорта как такого. Дешевизна внутреннего транспорта являлась необходимым условием экономического роста[17]. Подразумевается, что железнодорожный транспорт ответил на данную потребность, представлявшую собой некоторую константу, наилучшим образом. Это утверждение приводит к одному из основных положений концепции, согласно которому целью исследования должно являться выявление эмпирических закономерностей. Фактически речь идет об институтах и/или издержках – неких правилах, лежащих в основании тех или иных социально-экономических явлений; как потребность в дешевом транспорте лежит в основании железнодорожной инфраструктуры.

В эпиграфе к первой главе монографии Фогель приводит цитату из статьи «Функция общих законов истории» (1942)[18] американского философа Карла Г. Гемпеля. Отсылки на его воззрения носят эпизодический характер и сосредотачиваются ближе к концу монографии, но именно их использует автор для легитимации и объяснения теоретических оснований своего исследования. Эпиграф работы, взятый у Гемпеля, сводится к мысли о том, что историческая наука является частью общей эмпирической науки, задача которой заключается в объяснении явлений с позиции подведения их к общим эмпирическим законам. Критерием обоснованности тех или иных объяснительных конструкций является опора на эмпирически подтвержденные предположения, относящиеся к начальным условиям и общим законам[19]. Фогель делает теоретические выводы о возможности и необходимости поиска правил – законов и/или законоподобных оснований исторических процессов[20], противопоставляя свой труд предпосылке о непригодности общих научных методов для изучения истории[21]. При этом законоподобия не тождественны законам. Они не являются универсальными обобщениями и могут быть ограниченны временны́ми или иными показателями[22]. И так как существенная часть информации может быть скрыта от прямого взгляда исследователя, то ему предстоит воспользоваться теми способами работы, которые позволили бы взаимодействовать с количественной информацией. Эти методы, определенные формулы и рабочие решения, позволили бы количественно оценить значение изучаемого предмета, потери в случае его

[17] Ibid: 235-237.
[18] Гемпель 1998.
[19] Там же: 27-28.
[20] Fogel 1964: 1, 248.
[21] Ibid: 238.
[22] Ibid: 246-248.

утраты. Одни и те же методы работы могут не подойти для решения задач исследований разных объектов по каким-либо отдельным критериям, но концептуально важен сам принцип поиска законоподобий, как в случае с запросом на дешевизну транспортных услуг.

Вдохновляясь статьей Гемпеля, Фогель избирает для своей работы гипотетико-дедуктивную систему[23], представляющую собой вариант исследовательской работы, который наряду с аксиоматико-дедуктивным методом является одним из общенаучных способов конструирования теоретических систем и упорядочивания информации. Суть гипотетико-дедуктивного метода заключается в дедукции из проверяемых утверждений, используемых в качестве объяснительных принципов. Этими утверждениями являются универсальные эмпирические гипотезы, выдвигаемые на начальном этапе исследования[24]. Для Фогеля гипотезой являлась аксиома незаменимости железных дорог, которая была опровергнута в ходе дедуктивных рассуждений, краеугольным камнем которых выступило контрфактическое моделирование.

Противоположные гипотетико-дедуктивным историческим системам объяснительные конструкции Гемпель называет набросками объяснений, т.е. они не являются объяснениями как таковыми, лишь смутно указывая на законы и исходные условия, рассматриваемые в качестве важных. Для того, чтобы стать законченными объяснениями, они должны быть дополнены дальнейшими эмпирическими исследованиями. Набросок же лишь определяет направление. Для того, чтобы оценить правильность подобных объяснений, следует сначала реконструировать рассуждения, лежащие в их фундаменте. Важно осознавать, на каких гипотезах и эмпирической базе они зиждутся. Слабо обоснованные объяснения скрываются за словами «следовательно», «потому что», «поэтому» и т.д. Может выясниться, что на первый взгляд хорошо объясненному событию дана лишь некая общая характеристика[25].

Существует мнение[26], что помимо Гемпеля на Фогеля оказала влияние работа У. Ростоу “The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto”[27], с его теорией об определяющей роли технического прогресса в развитии общества. Концентрируя внимание на технологическом развитии, данная теория позволяет абстрагироваться от социальных факторов развития. Для Фогеля монография Ростоу является одним из оплотов дискуссии о значении железнодорожного транспорта. Он задает Ростоу, стороннику идеи об исторической важности роли железно-

[23] У Роберта Фогеля встречаются наименования «гипотетико-дедуктивные системы», «гипотетико-дедуктивные модели», «гипотетико-дедуктивные конструкции», «гипотетико-дедуктивные методы». Дефиниция или какое-либо четкое распределение ролей для данных понятий не приводится, что дает основания сделать предположение о синонимичности данных словосочетаний в работе.
[24] Гемпель 1998: 19.
[25] Там же: 24-25.
[26] Левчик 1989: 182-185.
[27] Rostow 1960.

дорожного транспорта в экономическом росте Соединенных Штатов[28], ряд вопросов и проверяет некоторые положения, указанные в его работе[29]. В дальнейшем исследовательский энтузиазм теории Ростоу был разрушен упорством критиков[30]. На рубеже 1960–1970 гг. сформировалась группа историков-экономистов, считавших бесперспективным соединение идей Ростоу и количественных методов[31], но это происходило уже после выхода работы Фогеля "Railroads and American Economic Growth", где дискуссия с Ростоу ведется на основаниях, которые могут быть обозначены как «технологический детерминизм». Но такая формулировка может нести в себе ряд коннотаций, связанных с ограниченностью и предзаданностью результатов. Контрфактическое моделирование подразумевает дедуктивную проверку первоначальной гипотезы, но поиск либо подтверждение законоподобных оснований осуществляется в процессе исследования. Акцент на роли технологических инноваций в развитии общества является спецификой объекта исследования Фогеля – транспортной инфраструктуры. Сам автор относит свою работу к группе исследований технологий и инноваций, которые пытаются оценить чистую социальную выгоду, общественное сбережение от конкретных инноваций. Построение гипотетико-дедуктивной модели на основе наблюдавшихся условий, институтов и отношений выводит иной набор условий, никогда не происходивших, что дает возможность сравнить фактический уровень национального дохода с уровнем, который мог бы быть при определенных изменениях. Отличительной чертой Новой экономической истории вообще и работы Фогеля, в частности, является акцент на измерениях и признании тесной связи между ними и теорией в процессе исследования жизненно важных инноваций, институтов и процессов прошлого. Фогель утверждает, что под измерением могут подразумеваться и простые статистические процедуры, а сложные модели и статистические методы часто применяются там, где прослеживается острая нехватка данных. Подчас их может быть так мало, что стандартные статистические процедуры становятся невозможными[32]. Но во многом качество работы зависит не от сложности используемых методов, продолжает ученый, а от содержательности вопроса и ловкости исследователя при сопоставлении статистических методов и имеющихся данных[33]. Английский экономист Мегхнад Десаи указывает, что создателю модели следует проявлять осторожность в определении связей внутри нее. Большие явления могут состоять из множества частей, которые находятся в сложной, не всегда последовательной и однонаправленной причинно-следственной связи[34].

[28] Ibid: 55.
[29] Fogel 1964: 111-114.
[30] Блауг 2005: 248.
[31] Левчик 1989: 185.
[32] Fogel 1966: 650-653.
[33] Fogel 1972: 2.
[34] Desai 1968: 10-11, 15-16.

Еще одной отличительной чертой контрфактического моделирования является акцент на всеобъемлющем применении таких построений в среде экономических историков. Американский историк Фриц Редлих выражает сомнение относительно попытки ответить на контрфактические вопросы при помощи гипотетико-дедуктивного метода, а также возможности проверки данных построений[35]. Он объединяет деятелей Новой экономической истории не только ввиду их мировоззренческих позиций, но и в качестве феномена поколения. Перечисляя ряд историков-экономистов, среди которых и Фогель, Редлих видит в новом подходе преемственность относительно позитивизма и антиэмпирической экономической теории, находя это сочетание странным[36]. Он утверждает, что работа Фогеля основана на вымыслах ("figments"), и может быть охарактеризована как квазиисторическая, так как ее автор исследует то, что произошло бы, если бы произошло что-то другое, что не могло произойти. Для Редлиха появление железнодорожного транспорта является предопределенным с момента возникновения пароходов[37]. Он выступает принципиально против того, чтобы называть исследование Фогеля историей, даже если его труд может быть в чем-то полезным, так как он не пишет историю, а создает историческую модель[38]. Основанные на выдумке, исторические модели требуют не проверки, а оправдания, считает Редлих[39]. Для историка же выбор лежит не между теорией и ее отсутствием, а между сознательно и профессионально сформулированной теорией и бессознательным дилетантским теоретизированием[40]. Фогель парирует утверждением, что старая и новая экономические истории отличаются не частотой противоречивых утверждений, а степенью рефлексии касательно данных утверждений. Во многих работах встречаются аргументы, включающие неявные сравнения между реальным состоянием дел и состоянием, которое могло бы преобладать в отсутствие каких-либо обстоятельств. Новая экономическая история же зачастую занималась проверкой уже сделанных традиционной историей утверждений.

Контрфактическое суждение представляет собой вывод из гипотетико-дедуктивных моделей, и его проверка может осуществляться либо через определение того, следует ли оно логически из предпосылок, либо на основании проверки эмпирической обоснованности модели[41]. Контрфактическое моделирование может быть воспринято как угроза эмпирическому знанию и целостности экономической истории, основанной на этом знании. Эмпирический характер дисциплины определяется здесь тщательным сбором и представлением фактов, которые защищаются сообществом от спекулятивных вмешательств. Данная пози-

[35] Redlich 1965: 486-487.
[36] Ibid: 480-481.
[37] Ibid: 486.
[38] Ibid: 491.
[39] Ibid: 486-487.
[40] Ibid: 494-495.
[41] Fogel 1966: 652-656.

ция может основываться на восприятии контрфактической концепции в качестве варианта альтернативной истории. При этом альтернативность трактуется в негативном ключе, как подход полный условностей и непроверяемых утверждений – выдумок. Традиционной экономической истории дается кредит доверия, позволяющий воспринимать ее в качестве образца научности и доказательности[42]. Концептуальным уточнением здесь является то, что контрфактические суждения – некоторая ненаблюдаемая альтернатива, с которой можно сравнивать действительность – должны обладать уместностью, что и отличает их от фантазий. Качественно исследование зависит от того, в какой степени контрфактическая модель описывает скрытые тенденции изучаемой системы. И так как экономика обладает развитым эконометрическим аппаратом, она может позволить себе подобное моделирование. При этом сама модель, как и выдвинутое гипотетическое положение, может быть ошибочной, потерпеть неудачу в каком-либо отдельно взятом исследовании или на определенном материале, его характеристиках[43].

В данном контексте можно обратить внимание не только на требование уместности суждений и/или на параметры качества контрфактических моделей, но и на язык выражения смыслов. Американский экономист Дейдра Макклоски анализирует работу “Railroads and American Economic Growth…” с позиции риторических приемов ее автора. По ее мнению, Фогель привнес в довольно правую по своим взглядам среду американских историков-экономистов традицию пылкой талмудической дискуссии, характерной для левых нью-йоркских еврейских интеллектуалов. Он использует риторические приемы, среди которых индигнация – оскорбление, произносимое в возмущении; диасирм – опровержение при помощи нелепого сравнения; усвоение и диаллага, как сведение воедино различных точек зрения[44]. Фогель здесь выступает не просто автором, эксплуатирующим определенный жанр, а предстает создателем новой манеры говорить[45]. Это позволяет взглянуть на контрфактическое моделирование не только как на историко-экономический метод, но и как на риторическую фигуру, определяемую рядом стилистических приемов историописания, практикуемых автором. Необходимо осознавать, что практика контрфактического моделирования требует не только последовательного соблюдения ряда теоретико-методологических и методических рекомендаций, но и погружения в определенные стилистические нюансы, «этос Проницательного Экономиста»[46].

Можно обобщить концепцию контрфактического моделирования как некоторый набор теоретико-методологических установок.

---

[42] Fogel 1967: 283-285.
[43] Fishlow, Fogel 1971: 15-17.
[44] Макклоски 2015: 105-108.
[45] Там же: 118.
[46] Макклоски 2015: 107.

Во-первых, контрфактическое моделирование не является альтернативной историей и не подразумевает построения параллельной ветки событийного ряда истории, отличной от действительной, расходящейся с ней в некой точке бифуркации – нестабильности. Исследование, базирующееся на контрфактической концепции, имеет целью сопоставление реально существовавших условий и возможностей конкурирующих сил, их потенциала в деле частичного или полного замещения предмета исследования, что позволяет дать характеристику ситуации, заключающейся в превосходстве одних сил над другими, оппонирующими им[47].

Во-вторых, важен законоподобный характер построений. Само моделирование и контрфактические суждения, его сопровождающие, имеют целью выявление некоторых закономерностей, институтов лежащих в основе инноваций и процессов прошлого, их качественных и количественных характеристик[48].

В-третьих, делается акцент на измерениях и их взаимосвязи с теорией. Подразумевается, что автор должен выстроить работу по схеме гипотетико-дедуктивного метода, согласно которой исследователь исходит из предположения о том, что существенная часть информации изначально скрыта. На начальном этапе исследования выдвигается гипотеза, которая будет подвергнута эмпирической проверке, включающей сравнение реального и потенциального. Автору предстоит заранее выработать определенные способы работы с информацией, которые могли бы позволить говорить о предмете исследования через количественную информацию, переходящую в качественную оценку[49].

В-четвертых, необходим акцент на осознанном применении методов, так как существенная часть работ по экономической истории строится на оценочных характеристиках, приобретаемых посредством контрфактических суждений. Однако исследователь может не обладать должной рефлексией относительно собственных методов исследования, отождествляя свои предположения с исследуемым материалом без самого процесса контрфактического моделирования[50].

В-пятых, контрфактическое исследование должно быть уместным. Оно отличается постановкой проблемы, которая может быть решена при помощи имеющегося материала и контрфактического моделирования. Речь идет о поиске скрытых тенденций, характеристик и институтов[51].

Процедуру контрфактического исследования – метода, зиждущегося на теоретико-методологических основаниях, описанных выше, можно представить в виде шести последовательных шагов:

1) Выбор аксиоматического поля исследования;
2) Выбор предмета исследования и объекта моделирования;

[47] Fogel 1964: 9-10, 207-208.
[48] Fogel 1964: 235-237; Fishlow, Fogel 1971: 15-17.
[49] Fogel 1966: 651-653.
[50] Fogel 1966: 652-656.
[51] Fishlow, Fogel 1971: 15-17.

3) Определение состава действующих конкурирующих сил и поля их взаимодействия;
4) Изъятие из момента истории предмета исследования;
5) Анализ расстановки сил после изъятия. Описание потенциальных потерь и/или приобретений;
6) Характеристика предмета исследования через описание потерь и/или приобретений. Определение места изучаемого предмета относительно конкурирующих сил.

Первые два пункта являются выдвижением гипотезы. Под выбором аксиоматического поля исследования понимается определение тех категорий законоподобных обобщений, на поиск которых будет направлена работа. Выбор предмета исследования и объекта моделирования может определяться как рабочей необходимостью, так и научными интересами автора. Третий пункт является переходным, а три последующих представляют собой эмпирическую проверку гипотезы. Определение конкурирующих сил и поля их взаимодействия является уточнением изначальной гипотезы. Также следует помнить, что контрфактические суждения должны обладать умеренностью, отличающей их от фантазий, а качество исследования будет зависеть от того, в какой степени контрфактическая модель сможет описать скрытые тенденции изучаемой системы. Но при этом и сама модель, и выдвинутая гипотеза могут оказаться не слишком удачными, ошибочными[52]. Шестой пункт предполагает переход от количественных утверждений к сделанным на их основе качественным. После данной процедуры характеристика предмета исследования становится эмпирически апробированной объяснительной конструкцией.

Следующей научной проблемой, разрабатывавшейся Фогелем, является рентабельность рабовладельческой системы Юга США первой половины XIX в. Она меньше связана с контрфактическим моделированием, но в ней есть несколько показательных примеров. В монографии “Time on the Cross…” среди прочих тем поднимается вопрос о составе стоимости раба. В частности, речь идет о том, какая часть цены соответствует детородной способности рабыни[53]. Цена, формирующаяся совокупностью факторов, может не делиться на отдельные составляющие естественным образом. Чтобы понять долю половой эксплуатации в общей сумме цены, авторы конструируют модель, которая позволила бы им оставить за скобками возможность деторождения у рабынь. Это делается при помощи определенной формулы, использующей прочие известные показатели и вероятности[54]. Для концепции контрфактического моделирования это является подтверждением принципа работы с существующей ситуацией, ее скрытыми характеристиками. Никакой альтернативности в данном случае не подразумевается. Детородная функция закладывалась в цене изначально, однако ее часть в общем итоге остава-

[52] Ibid.
[53] Fogel, Engerman (Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery) 1974: 78-86; Fogel, Engerman (Time on the Cross… A Supplement) 1974: 83-85.
[54] Более подробный анализ см.: Левчик 1993:142-143.

лась неизвестной, как оставалась неизвестной роль железнодорожной инфраструктуры в экономическом росте Соединенных Штатов в XIX в.

Монография "Without Consent or Contract…"[55] была посвящена вопросу отмены рабства, причины которой лежали вне экономической плоскости. Среди прочего в работе рассмотрен потенциал ситуации президентских выборов в США 1860 г. Авраам Линкольн и Ганнибал Гэмлин набрали менее 40% голосов избирателей, и небольшой сдвиг в нескольких штатах мог бы перенести вопрос о выборе президента в Палату представителей или, что вполне было возможно, в Сенат, т.е. автор рассматривает потенциал сторон, проигравших в президентской гонке. Линкольн и Гэмлин набрали 180 при 152 необходимых голосов выборщиков. Сдвиг в 25 069 голосов избирателей в Нью-Йорке от Линкольна к Стивену А. Дугласу, кандидату от Демократической партии, сократил бы число выборщиков антирабовладельческой коалиции до 145. Еще меньший сдвиг в 18239 голосов избирателей в штатах Калифорния, Иллинойс, Индиана, Нью-Джерси также лишил бы Линкольна необходимого большинства выборщиков. Если бы вопрос о выборе президента был передан в Палату представителей, то он бы решался на голосовании, где каждый штат имеет один голос. Республиканцы в тот момент контролировали лишь 15 из 34 делегаций штатов, в то время как для победы необходимо было бы набрать не менее 18 голосов. Если бы ни одна из сторон не набрала необходимое число голосов, то вопрос был бы передан в Сенат, где каждый сенатор имеет один голос. В тот момент в Сенате было 38 демократов, 26 республиканцев и 2 «незнайки» (Движение "Know-Nothing"). Известный результат выборов 1860 г. был определен 0,5% голосов избирателей-северян, поданных за Линкольна[56]. Данное рассуждение не является контрфактическим моделированием в полной мере, так как не занимается выявлением эмпирических закономерностей. Однако оно оценивает потенциал конкурирующих сторон в моменте времени, сопоставляя его с имеющейся ситуацией. Эта исследовательская зарисовка лежит в плоскости социально-политической истории, что до некоторой степени является не только экспансией Новой экономической истории за рамки историко-экономических исследований, но и демонстрацией возможностей рассуждений в стиле контрфактического моделирования на материале результатов выборов президента США 1860 г.

В 1993 г. Фогель и Норт стали лауреатами Нобелевской премии по экономике за свой вклад в области экономической истории, достигнутый путем применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений. Пресс-релиз о данном решении Шведской королевской академии наук также сообщает, что мотивом к награждению послужила та роль, которую сыграла Новая экономическая история в современной экономической науке. Она заключалась в объединении теории с количественными

[55] Fogel 1989.
[56] Ibid: 381-387.

методами, а также в создании, построении и реконструкции баз данных. Сами же исследования долговременных проблем также требовали интеграции экономики, социологии, статистики и истории. Пионерами данного направления научной мысли являлись Фогель и Норт[57].

Однако в научной литературе можно встретить попытку сепарации общего вклада историков-экономистов. Российский экономист А.П. Заостровцев пишет, что в отличие от Норта, проделавшего интеллектуальный путь к институционализму, имя Фогеля прочно ассоциируется со словом «клиометрика», подразумевающем математизацию исторической науки[58]. Это мнение солидаризируется с оценкой, данной Фогелю и Норту американским экономистом Клаудией Д. Голдин. Она пишет, что изначально их методологии и предметные области находились в одном русле, однако позднее пути ученых разошлись – Норт ассоциируется с изучением роли институтов и структур в экономическом росте, тогда как Фогель стал эмпириком, который стремится установить факт; он пытается установить его снова и снова, пока не сможет убедить самого решительного скептика в своей правоте[59]. И тем не менее можно обнаружить, что Фогель рассуждает и о важности научно-технического прогресса, и о технологической вариативности, и об институтах как таковых – о законоподобных основаниях, являющихся фундаментом исторических процессов. Его вклад в экономическую историю базируется не только на «открытии фактов», реставрации событийных рядов прошлого, но и на теоретико-методологических сентенциях, предвосхищающих современную моду неоинституциональной теории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса / Пер. с англ. под ред. М.А. Сторчевого. СПб.: Экономическая школа, 2005. 352 с. [Blaug M. 100 velikih ekonomistov posle Kejnsa (Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past) / Transl. ed. by M.A. Storchevoj. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2005. 352 p.].

Бородкин Л.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. Сб. статей. М.: Наука, 1992. С. 348-365 [Borodkin L.I., Svishchev M.A. Retroprognozirovanie sotsial'noi dinamiki dokolkhoznogo krest'yanstva: ispol'zovanie imitatsionno-al'ternativnykh modelei (Retro-forecasting of social dynamics of pre-kolkhoz peasantry: the use of imitation-alternative models) // Rossiya i SShA na rubezhe XIX-XX vv. Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh. Sbornik statei. Moscow: Nauka, 1992. P. 348-365].

Бочаров А.В. Проблема адекватности контрфактического моделирования истории (на примере работы Р. Фогеля) // Американские исследования в Сибири. Выпуск 4. Материалы региональной научной конференции 10-11 декабря 1999 г. Томск: Издательство Томского университета, 2000. С. 135-139 [Bocharov A.V. Problema adekvatnosti kontrfaktich-eskogo modelirovaniya istorii (na primere raboty R. Fogelya) (The problem of the adequacy of counterfactual modeling of history (using the example of the Robert Fogel's study)) // Amerikanskie issledovaniya v Sibiri. Vypusk 4. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii 10-11 dekabrya 1999 g. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2000. P. 135-139].

[57] The Prize in Economics 1993.
[58] Заостровцев 2013: 142.
[59] Goldin 1995: 195.

Гемпель К.Г. Функция общих законов истории // Логика объяснения / Сост. и пер. О.А. Назаровой. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. С. 16-31 [Hempel C.G. Funkciya obshchih zakonov istorii (The Function of General Laws in History) // Logika ob"yasneniya / Translation from English; Ed. by O.A. Nazarova. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998. P. 16-31].

Заостровцев А.П. Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима // Общественные науки и современность. 2013. 4. С. 140-150 [Zaostrovcev A.P. Douglass North: begstvo ot neoklassicheskogo mejnstrima (Douglass North: escape from the neoclassical mainstream) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2013. 4. P. 140-150].

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 439 с. [Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya (Methods of historical research). Moscow: Nauka, 1987. 439 p.].

Левчик Д.А. Историко-демографические сюжеты в «новой экономической истории» в США (70-90-е годы XX в.) // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. С.140-150 [Levchik D.A. Istoriko-demograficheskie syuzhety v «novoj ekonomicheskoj istorii» v SShA (70-90-e gody XX v.) (Historical and demographic subjects in the New Economic History in the USA (70-90s of the 20 century)) // ZHenshchina, brak, sem'ya do nachala novogo vremeni: Demograficheskie i sociokul'turnye aspekty / Ed. by Yu.L. Bessmertnyj. Moscow: Nauka, 1993. P. 140-150].

Левчик Д.А. Роберт Уильям Фогел и "новая экономическая история" // Новая и новейшая история. 1989. 6. С. 181-192 [Levchik D.A. Robert William Fogel i "novaya ekonomicheskaya istoriya" (Robert William Fogel and the New Economic History) // Novaya i novejshaya istoriya. 1989. 6. P. 181-192].

Макклоски Д. Риторика экономической науки / Пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с. [McCloskey D. Ritorika ekonomicheskoj nauki (The Rhetoric of Economics) / Translation by O. YAkimenko; Ed. by D. Raskov. Moscow, St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gajdara; Izdatel'stvo «Mezhdunarodnye otnosheniya», Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2015. 328 p.].

Малов В.Ю., Тимошенко А.И. Возможности контрфактического моделирования в изучении экономической истории Азиатской части России // Историко-экономические исследования. 2014. 15/1. С. 117-142 [Malov V.Yu., Timoshenko A.I. Vozmozhnosti kontrfakticheskogo modelirovaniya v izuchenii ekonomicheskoi istorii Aziatskoi chasti Rossii (Possibilities of counterfactual modeling in the study of the economic history of the Asian part of Russia) // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2014. 15/1. P. 117-142].

Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование исторического процесса: философские и методологические основания. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2017. 99 с. [Nekhamkin V.A. Kontrfakticheskoe modelirovanie istoricheskogo protsessa: filosofskie i metodologicheskie osnovaniya (Counterfactual modeling of the historical process: philosophical and methodological foundations). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017. 99 p.].

Плющев В.И. Современные тенденции клиометрического анализа экономической истории США. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 44 с. [Plyushchev V.I. Sovremennye tendencii kilometricheskogo analiza ekonomicheskoj istorii SShA (Modern trends in cliometric analysis of US economic history). Moscow: INION AN SSSR, 1982. 44 p.].

Промахина И.М. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1975. С. 283-319 [Promakhina I.M. Kolichestvennye metody issledovaniya v rabotakh predstavitelei «novoi ekonomicheskoi istorii» (SShA) (Quantitative research methods in the works of representatives of the “new economic history” (USA)) // Matematicheskie metody v issledovaniyakh po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Nauka, 1975. P. 283-319].

Фоуджел Р.У. Автобиография / Пер. А.Ф. Новикова // Лауреаты Нобелевской премии по экономике: Автобиографии, лекции, комментарии. Т. 2. 1983-1996. СПб.: Наука, 2009. С. 257-264 [Fogel R.W. Avtobiografiya (Biographical) / Transl. by A.F. Novikov // Laureaty Nobelevskoj premii po ekonomike: Avtobiografii, lekcii, kommentarii / Ed. by V.V. Okrepilov. Vol. 2. 1983-1996. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 257-264].

Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М.: Наука, 1980. 205 с. [Khvostova K.V. Kolichestvennyi podkhod v srednevekovoi

sotsial'no-ekonomicheskoi istorii (Quantitative approach in medieval socio-economic history). Moscow: Nauka, 1980. 205 p.].
David P.A. at al. Reckoning with slavery. New York: Oxford University Press, 1976. XVI, 398 p.
Desai M. Some Issues in Econometric History // The Economic History Review. 1968. 21/1. P. 1-16.
Fishlow A., Fogel R.W. Quantitative Economic History. An Interim Evaluation. Past Trends and Present Tendencies // The Journal of Economic History. 1971. 31/1. P. 15-42.
Fogel R.W. Current Directions in Economic History // The Journal of Economic History. 1972. 32/1. P. 1-2.
Fogel R.W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1964. XV, 296 p.
Fogel R.W. The New Economic History: Its Findings and Methods // The Economic History Review. 1966. XIX/3. P. 642-656.
Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: Evidence and Methods. A Supplement. Boston: Little, Brown and Co., 1974. XI, 267 p.
Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston: Little, Brown and Co., 1974. XVIII, 286 p.
Fogel R.W. The Specification Problem in Economic History // The Journal of Economic History. 1967. 27/3. P. 283-308.
Fogel R.W. Without consent or contract: The rise and fall of American slavery. New York, London: W.W. Norton & Co., 1989. 539 p.
Goldin C. Cliometrics and the Nobel // Journal of Economic Perspectives. 1995. 9/2. P. 191-208.
Liu T.-C. Underidentification, Structural Estimation, and Forecasting // Econometrica. 1960. 28/4. P. 855-865.
Redlich F. "New" and Traditional Approaches to Economic History and Their Interdependence // The Journal of Economic History. 1965. 25/4. P. 480-495.
Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: U.P., 1960. X, 178 p.
The Prize in Economics 1993 – Press release // The official website of the Nobel Prize – NobelPrize.org. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/press-release/.

***Филимонов Илья Николаевич**, аспирант, исторический факультет, РГГУ, младший научный сотрудник, Институт российской истории РАН; filimonovilyan@gmail.com*

In search of reality: theoretical and methodological foundations of counterfactual propositions of historical science by Robert Fogel

This article is devoted to the analysis of counterfactual propositions of historical processes as presented by the historian-economist Robert Fogel. In modern Russian historiography, any model of alternate historical development is usually called “counterfactual”; and the concepts “counterfactual”, “multivariate” and “alternative” are perceived as synonyms. However, upon closer examination, manipulating counterfactual propositions is a distinct method of historical research that is a part of the scientific tradition known as New Economic History. The first monograph deliberately built on this method was Fogel's work of 1964 entitled “Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History”. It was intended to show the relationship between competing forces and their ability to replace each other in maintaining the overall balance of the system or general equilibrium. In this work, the subject of research is railway transport and its “indispensability” in relation to other modes of transport, both in the matter of scientific and technological progress, and on the subject of transportation and the mutual influence of related economic areas. The purpose of this article is to systematize the scattered knowledge about counterfactual propositions contained in the works of its main apologist. This action could contribute to the popularization of transdisciplinary methods of scientific knowledge, as well as a more conscious and detailed usage of counterfactual propositions by scientists in the future.

***Keywords:** Robert William Fogel, economic history, counterfactual propositions, alternativity, hypothetico-deductive method, institutions.*

***Filimonov Ilya N.**, Postgraduate Student, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, Moscow; Junior Researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow; filimonovilyan@gmail.com*

И.В. Крючков, А.Ю. Перетятько, Н.А. Трапш

«… НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ НЕ ДОПУСКАТЬ ЛЖИ… НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ БОЯТЬСЯ ПРАВДЫ… НЕ ДОПУСКАТЬ НИ ТЕНИ ПРИСТРАСТИЯ, НИ ТЕНИ ЗЛОБЫ»: ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МИНИНКОВЕ

Статья посвящена исследовательской деятельности доктора исторических наук, профессора Южного федерального университета Николая Александровича Мининкова. Авторы раскрывают реальный вклад ростовского ученого в комплексное изучение ранней истории донского казачества, системный анализ провинциальной историописательной традиции в дореволюционный и советский период, публичную презентацию теоретических и методологических проблем современного гуманитарного знания. Творческая деятельность Н.А. Мининкова рассматривается в контексте социокультурных условий, оказывавших непосредственное влияние на последовательное формирование личных эпистемологических приоритетов, интеллектуальную коммуникацию в локальной профессиональной среде и осознанное принятие определенных принципов научной этики. Особое внимание уделяется биографическим реконструкциям ростовского ученого, связанным с исследовательской деятельностью донских историков-любителей (Е.П. Савельева, Е.А. Кательникова, И.В. Тимощенкова, Ф.К. Траилина), создавших оригинальные концепции предшествующего развития региональных социумов. Согласно авторским представлениям, Н.А. Мининков является авторитетным представителем локальной профессиональной корпорации, успешно реализующим эпистемологические проекты, связанные с актуальными теоретическими и практическими проблемами современной исторической науки.

Ключевые слова: *историописание, нарратив, эпистемология, концепция, казачество, ученый, историк, локальный, наука, юбилей.*

Последовательное формирование эпистемологического менталитета конкретного историка не всегда может быть охарактеризовано в четкой последовательности рационалистических оценок, опирающихся на верифицированные причинно-следственные связи. Социокультурный контекст, неизменно привлекаемый для системного анализа историописательных конструкций, не должен сводиться к творческой интерпретации официальной биографии. Внутренний мир познающего субъекта не доступен механическому изучению, в котором каждое действие имеет шаблонное значение. Приведенные суждения отражают доминирующие интеллектуальные установки современной исторической науки, однако, предлагаемое исследование в очередной раз позволяет понять реальную важность обозначенных приоритетов.

Действительно, будущие историки, опирающиеся на классические принципы позитивистской или марксистской эпистемологических парадигм, могут прийти к обоснованному выводу, что к Николаю Александровичу Мининкову применима известная английская поговорка: «родился с серебряной ложкой во рту». Ближайший сегмент родословного древа донского историка свидетельствует о прекрасных стартовых по-

зициях для стремительной научной карьеры, как и статусного социального роста. Дед – блестящий кавказовед, первый декан историко-филологического факультета Ростовского университета Н.И. Покровский, отец – выдающийся историк с общесоюзным признанием, интеллектуальный лидер региональной профессиональной корпорации А.П. Пронштейн, дядя – знаменитый археограф и источниковед, замечательный исследователь многогранного прошлого Сибири, действительный член Российской академии наук Н.Н. Покровский. Более того, при определенном стечении жизненных обстоятельств новым исследовательским поколениям достались бы и письменные свидетельства, закрепляющие поверхностную оценку «социального лифта» Н.А. Мининкова. В частности, одному из авторов данной статьи довелось ознакомиться с обширным содержанием неприметной серой папки, которая в течение нескольких десятилетий передавалась по наследству новым деканам исторического факультета Ростовского университета. В классическом стиле верноподданных доносов неприметный лаборант подробно информировал партийные, советские и университетские власти о том, как известные факультетские профессора продвигают собственных детей на дефицитные аспирантские места, игнорируя по-настоящему талантливых молодых исследователей. В числе привилегированных аспирантов значился и Н.А. Мининков, которому «особо покровительствовал» многолетний декан и одновременно научный руководитель В.А. Золотов (разумеется, в силу «дружеских отношений» с А.П. Пронштейном). Для подавляющего большинства донских историков, лично знавших всех причастных лиц, подобные оценки имели сюрреалистический характер, но трудно реконструировать возможные суждения далеких потомков, если бы упомянутые документы попали на постоянное хранение.

Характеризуя реальную биографию сложившегося ученого, следует признать, что семейные связи оказали существенное влияние на последовательное формирование творческой личности, но оно определялось как очевидными обстоятельствами, так и латентными факторами. Жизненный и научный путь Н.И. Покровского был сопряжен не только с интеллектуальными достижениями, но и с постоянным и опасным вниманием «бдительных» органов государственной безопасности. Ростовский поворот в личной судьбе А.П. Пронштейна являлся фактической ссылкой, определявшейся для талантливого ученика М.Н. Тихомирова отнюдь не перспективными карьерными планами. Безжалостная школа советских лагерей не сломила Н.Н. Покровского, но существенно скорректировала последующую научную деятельность выдающегося историка. Вероятно, тяжелые моменты семейной истории сформировали в Н.А. Мининкове такие значимые личные черты, как полное неприятие социального и интеллектуального насилия, осознанное равнодушие к любым титулам и наградам, глубокое уважение к творческим личностям с сильным характером. Выделенные особенности отразились и в научных интересах состоявшегося ученого, когда он обратился к исследова-

тельским сюжетам, связанным с комплексным изучением научного наследия донских историков П.П. Сахарова и Н.Л. Янчевского[1].

Отдельного внимания, несомненно, заслуживает и еще один значимый образ, стоящий у истоков личностного формирования будущего профессионального историка. Татьяна Андреевна Прасолова, бабушка Н.А. Мининкова, не была облечена высокими научными и социальными статусами, но внесла важный вклад в детскую душу, сохранившийся на долгие годы. Она показала юному внуку не только реальную сложность окружающего мира и человеческих отношений, но и прекрасную возможность любить повседневную жизнь в самых простых проявлениях. Глубокое понимание советской повседневности 1920-1940-х гг., которое Н.А. Мининков продемонстрировал в отдельных аспектах собственной исследовательской практики, невозможно сформировать только ретроспективным анализом исторических свидетельств. Своеобразная внутренняя адаптация к исследуемому периоду стала успешной благодаря включенному наблюдению духовно близкого человека, простые выводы которого органично дополняли сухие строки официальных документов и вербальную неопределенность многочисленных источников личного происхождения. Как представляется, естественным влиянием Т.А. Прасоловой определяется и простота в личном общении, столь свойственная Н.А. Мининкову, и осознанный интерес профессионального историка к незначительным деталям, традиционно играющим значимую роль в комплексном изучении повседневности независимо от избранной эпохи.

В студенческие годы молодой ученый обратился к ранней истории донского казачества, которая в советский период редко становилась значимым объектом исследовательской практики, оставаясь периферийным сегментом магистральной темы, связанной с комплексным исследованием социальных движений в России XVII–XVIII вв. Отметим, что научным руководителем увлеченного студента стал не один из ведущих профессоров исторического факультета РГУ, а внешне неприметный доцент Б.В. Чеботарев, являвшийся глубоким знатоком донской истории и культуры, талантливым краеведом и опытным специалистом в области музейного дела. Исследовательский тренд, избранный Н.А. Мининковым и связанный со сложными отношениями донского казачества и Московского государства, несомненно, формировался и шлифовался под чутким влиянием вдумчивого наставника, способного не только понять начинающего исследователя с непростым характером, но и направить студенческую энергию в созидательное русло. Личный пример научного руководителя, не боявшегося отстаивать собственные взгляды без ложного пиетета перед авторитетными оппонентами, также был воспринят талантливым учеником, для которого реальное значение научной концепции неизменно определяется качественной верификацией исследовательских выводов, а не титулами познающего субъекта.

[1] Мининков 2002: 216-320; Мининков 2007.

Сложившийся специалист закономерно оказался в факультетской аспирантуре, в которой получил нового наставника в лице блестящего ученого и авторитетного администратора В.А. Золотова. Научные интересы многолетнего декана исторического факультета РГУ, который в длинной череде студенческих поколений неизменно и уважительно именовался «папа», лежали в области экономического развития Дона в XIX в. Однако, опытный руководитель не стал менять сложившееся направление исследовательской практики Н.А. Мининкова, умело продвигая увлеченного аспиранта к последовательному достижению значимой цели. Фундаментальным итогом совместной работы стала кандидатская диссертация «Политика Московского правительства на Дону в XVI–XVII вв.», которая позволила профессиональному сообществу увидеть эмпирически выверенную и теоретически обоснованную модель, описывающую последовательное подчинение донского казачества развивающемуся российскому самодержавию[2]. Характеризуя политические реалии XVII столетия, тонкий знаток рассматриваемой эпохи А.С. Лаппо-Данилевский справедливо отмечал, что «…правительство... требовало от служилых людей и тяглецов жертвы их частных, личных интересов на пользу государства»[3]. Как представляется, Н.А. Мининков подтвердил указанную оценку на примере донского казачества, для которого социальная и ментальная трансформация из вольного сообщества в своеобразное военное сословие имела весьма болезненный характер. Последующая многолетняя эвристическая работа, связанная с системной консолидацией источниковой базы, характеризующей ранние этапы казачьей истории, получила органичное воплощение в докторской диссертации и фундаментальной монографии «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года)»[4]. Проведенный анализ позволил сформировать целостную картину исторической жизни самобытного общества, сформировавшегося в особых географических, экономических, социокультурных и политических условиях. Талантливый историк отчетливо продемонстрировал, что институциональные особенности регионального развития определялись синхронным воздействием дифференцированных факторов, среди которых необходимо выделить специфический хозяйственный уклад, имманентные особенности общественной структуры и постоянную военную угрозу, детерминировавшую внутреннюю мобилизацию. В исследовательской картине Н.А. Мининкова донское казачество оказалось органично вписанным в социально-экономическое, политическое и культурное пространство Восточной Европы и Черноморско-Каспийского региона, выступая одним из значимых субъектов локального исторического процесса.

Казачья проблематика доминировала в исследовательской деятельности ростовского ученого до конца XX столетия и остается значи-

[2] Агафонов 1993: 34-47
[3] Лаппо-Данилевский 1890: 315.
[4] Мининков 1998.

мым элементом научных устремлений и в настоящее время, приобретая в новом веке преимущественно историографические контуры. Целенаправленное обращение Н.А. Мининкова к интеллектуальным истокам регионального историописания не являлось случайным эпистемологическим поворотом и было продиктовано внутренним пониманием имманентной природы познавательной деятельности, в рамках которой, по справедливому замечанию Б.Н. Миронова, необходимо «анализировать мнения предшественников, искать свое место в ряду исследователей вопроса» [5]. Однако, следует отметить и то существенное обстоятельство, что комплексная реконструкция историописательной традиции, связанной с системным изучением донского казачества, оказалось интеллектуальной задачей повышенной сложности. В частности, принципиальный вопрос о реальной принадлежности отдельных авторов региональных нарративов к исследовательским сообществам и направлениям, формировавшимся с конца XVIII столетия, сохраняет дискуссионный характер и в настоящее время.

В дореволюционный период системное изучение истории донского казачества не привлекало специального внимания исследователей, рассматривавших отдельные сюжеты, имеющие особое значение для общероссийских процессов (например, восстания С.Т. Разина или К.А. Булавина). По справедливому замечанию В.О. Ключевского, содержащемуся в личном письме войсковому наказному атаману А.В. Самсонову, выявленном в Государственном архиве Ростовской области А.А. Волвенко, «Прошлое Земли Войска Донского так богато преданиями, своеобразными особенностями своего быта и культурными задатками, способными к особенному развитию, что отсутствие хорошо обработанной ее истории нельзя не признать прискорбным пробелом русской историографии»[6]. В результате историческое прошлое донского казачества длительный период было исключительно объектом изучения местных авторов-любителей, обладавших различным уровнем общей эрудиции и тематических знаний. Указанное явление оказалось в эпистемологическом ракурсе Н.А. Мининкова, который отметил, что многочисленные работы донских дореволюционных историков принципиально различны по целому ряду значимых параметров, включая научный уровень, но, существует концептуальная задача, предполагающая «принятие обобщающего термина, который позволил бы представить письменные сочинения по истории Дона как единый культурно-исторический феномен и анализировать его как в целом, так и в отдельных и качественно различных его проявлениях» [7]. Терминологическое решение ростовский ученый видит в универсальном понятии «историописание», которое он считает интегрирующей характеристикой для дифференцированных нарра-

[5] Миронов 2020: 665.
[6] Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 622. Л. 52-53 об.; Волвенко 2006: 119.
[7] Мининков 2010: 285.

тивов донских авторов, поскольку «все они имели письменную форму»[8]. Подобный подход позволяет отразить реальное существование особого феномена донской дореволюционной казачьей историописательной традиции, которая не тождественна профессиональной исследовательской практике и научной историографии.

В советский период сформировалась локальная модель комплексной оценки регионального историописания, в рамках которой основным объектом авторского внимания становился эмпирический материал, выявленный дореволюционными авторами-любителями. Концептуальные построения донских нарративов оставались за пределами базового исследовательского ракурса, а в качестве научного результата предлагалась обобщающая конструкция, в которой интеллектуальные тренды редуцировались до упрощенного уровня неизменных идей, получавших дифференцированную интерпретацию. В частности, в масштабной монографии И.П. Хлыстова, посвященной донским реалиям второй половины XIX в., в качестве «типичного» образца дореволюционной казачьей историографии позиционируется «книга белоэмигранта С.Г. Сватикова», которая, якобы, «рассматривает Дон вне связи со всей страной, как какое-то сепаратное государство»[9]. Современный исследователь И.Ю. Юрченко, напротив, утверждает, что до 1917 г. в комплексном описании российского казачества господствовала «официальная православно-самодержавная историография», в рамках которой предпринималось «все для искоренения самой мысли о былых казачьих вольностях, «бунтовстве» и военной демократии ранних казачьих войск-республик»[10].

Однако подобная «индифферентность к истории изучения вопроса» (удачная формулировка Б.Н. Миронова) совершенно нехарактерна для исследовательского подхода Н.А. Мининкова. В 1990-е гг. в России начали активно распространяться ранее малодоступные работы донских дореволюционных и эмигрантских авторов, в т.ч. нарративы Е.П. Савельева, который в 1910-е гг. был одним из первых казачьих националистов и попытался создать то, что Б.С. Корниенко назвал «национальным казачьим мифом»[11]. Савельев не просто доказывал, что донские казаки являются отдельным народом, но и пытался найти древних арийских предков сконструированного этноса, используя не верифицированные концепции, а также применяя недостаточно научные методологические подходы[12]. Следует признать, что указанные нарративы не имеют фактической ценности, но Мининков, написавший критическое предисловие к сборнику отдельных работ Савельева, попытался выявить естественную роль соответствующих текстов в рамках эволюционного развития исторических представлений о донском казачестве. Интеллекту-

[8] Там же.
[9] Хлыстов 1962: 9-10.
[10] Юрченко 2013: 83, 88.
[11] Корниенко 2013: 131-135.
[12] Там же: 135-136.

альная критика Н.А. Мининков была направлена не на ожидаемое разоблачение несостоятельных идей, а на комплексную реконструкцию эпистемологического менталитета конкретного автора-любителя.

Благодаря такому подходу стало очевидным, что одиозные труды Е.П. Савельева, неоднократно переиздающиеся с привлекательным подзаголовком «Арийские корни казачества», были связаны с особенностями регионального исторического процесса и духовной жизни донского казачества[13]. Н.А. Мининков указал на то, что рассматриваемый автор вполне «справедливо отмечал» недостаточную изученность ранней казачьей истории, в которой до настоящего времени остается много «белых пятен». Он подчеркивал, что Е.П. Савельев пытался ответить на принципиальные вопросы ранней донской истории (прежде всего, о хронологических границах и институциональных особенностях системного генезиса казачьих сообществ), качественный анализ которых выглядит «крайне затруднительно» даже в современных исследовательских реалиях. Не предлагая собственную интерпретацию выделенных проблем, Н.А. Мининков попытался проследить основные вехи эволюции раннего историописания о Войске Донском, убедительно показав, что в сохранившихся текстах донских казаков, отражающих глубинную самоидентификацию социума, позиционировалось русское происхождение казачества в XVI в., а теории о более раннем происхождении от других народов возникли не ранее XVIII в. Н.А. Мининков обратил внимание и на значимый для понимания региональной общественной мысли конфликт между «российскими и местными историками» XIX в., в рамках которого донские авторы боролись с «попытками хоть чем-то «принизить» казачество»[14]. Ему удалось органично вписать труды Е.П. Савельева в общий контекст эволюционного развития местного историописания, которое неразрывно связано с более ранними работами, направленными на публичную презентацию древнего и высокого происхождения донских казаков, и одновременно показать глубокую архаичность рассматриваемых нарративов даже в рамках локальной эпистемологической традиции, обретающей к концу XIX в. видимый научный образ.

Следует признать, что некоторые оценки биографии и творческого наследия Е.П. Савельева, сформулированные Н.А. Мининковым в начале 1990-х гг., не соответствуют современным представлениям. В частности, в то время он, вероятно, не владел достаточной информацией о реальном участии изучаемого персонажа в казачьем национальном движении. Естественно, что «советский историк» не использовал и обобщающее понятие «историописание», введенное в научный дискурс в постсоветскую эпоху. Однако, в данном случае принципиальное значение имеют не локальные расхождения с современными трендами, а последовательное формирование нового подхода к системной оценке донской дореволюционной историографии, осуществленное Н.А. Мининковым,

[13] Савельев 2007.
[14] Мининков 1991: 300-306.

который рассматривал историографическую традицию не как статичную конструкцию, а в качестве динамичного эволюционного феномена, для которого в различные периоды были характерны разные идеи и методологические подходы, что позволило выявить реальную архаичность творческой лаборатории Е.П. Савельева даже применительно к казачьему любительскому историописанию начала XX столетия, не говоря уже о профессиональной исследовательской практике. Кроме того, Н.А. Мининков акцентировал внимание не только на реальной ошибочности эмпирических и теоретических построений Е.П. Савельева, но и на объективных причинах, определивших последовательное формирование исторической концепции, предложенной донским националистом.

В последующий период Н.А. Мининков продолжил изучение творческого наследия донских историков-любителей XIX – начала XX столетия, результатом чего стали две монографии. Если первый труд был связан с анализом жизненного пути и оригинальной концепции Е.А. Кательникова, достаточно известной личности и значимого субъекта локального историописания, то вторая работа является фактически единственным современным исследованием (не считая профильной статьи самого Мининкова) индивидуальных биографий и интеллектуального творчества двух интересных авторов – И.В. Тимощенкова и Ф.К. Траилина, относившихся к очевидным персонажам второго плана в локальной эпистемологической иерархии [15]. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что в рассматриваемых монографических исследованиях были опубликованы архивные материалы, связанные с донскими историками-любителями (например, уцелевшие выписки из религиозно-мистической рукописи «Начатки с Богом острого серпа в золотом венце» Кательникова)[16]. Н.А. Мининков сумел создать комплексную картину практической деятельности избранных героев, коснувшись, в частности, даже поэтического творчества Траилина, и убедительно показав, что оно представляет собой «реакционную утопию»[17]. Рассмотренные монографии Н.А. Мининкова отчетливо характеризуют его творческую лабораторию. Своеобразным ключом к интеллектуальной реконструкции у Н.А. Мининкова становится осознанный поиск реального места конкретного персонажа в региональной исследовательской традиции, дополненное объективным признанием имманентного авторского права не только на эмпирические открытия, но и целенаправленное выражение определенных идей, заслуживающих системного анализа.

Предварительным итогом комплексного изучения Н.А. Мининковым донского историописания необходимо признать обобщающую статью «Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века», в которой он предпринял успешную попытку интегрировать выводы, полученные им в результате

[15] Мининков 2011; Мининков 2016.
[16] Мининков 2011: 135-140.
[17] Мининков 2016: 134.

анализа творческого наследия отдельных дореволюционных казачьих авторов[18]. В указанной работе Н.А. Мининков предлагает рассматривать историю «как одну из важных отраслей духовной культуры», причем одноименная отрасль научного знания при подобном подходе оказывается не обязательной частью более широкого явления; культурная рецепция исторического прошлого начинается гораздо раньше, чем появляется соответствующая наука[19]. В интерпретации Н.А. Мининкова дифференцированное историописание не охватывает весь спектр разнообразных форм человеческой истории как значимого и органичного сегмента мировой культуры, поскольку включает только сохраненные нарративы, тогда как профильная форма индивидуального и массового сознания может выражаться посредством синхронного музыкального творчества, изобразительных средств и устной коммуникативной традиции[20].

Н.А. Мининков выстраивает оригинальную модель научной характеристики историописательных концепций, центральным элементом которой является реальное наличие авторской методологии и специального внимания к предшествующей историографической традиции. Однако он не придает приведенным критериям абсолютного и универсального статуса в эпистемологической ретроспективе, обращая соответствующие требования только к познающему субъекту современной эпохи. Н.А. Мининков справедливо полагает, что развитие исторической науки определяет последовательное изменение базовых требований к исследовательской практике, определяемых общими мировоззренческими установками и доминирующей проблематикой творческой деятельности. Так, для Нового времени он рассматривает как сложившегося историка любого автора, значимые труды которого обладают «некоторыми сущностными чертами научной историографии», но одновременно еще не могут считаться «научными историческими исследованиями»[21].

Изложенные принципы определяют подход Н.А. Мининкова к анализу дореволюционной историописательной традиции, развивавшейся в донском интеллектуальном пространстве. Он полагает, что специфические особенности регионального историописания в рассматриваемый период формировались под непосредственным воздействием казачьей среды, интересовавшейся местной историей, но не способной оценить реальный научный уровень профильных текстов[22]. Как представляется, другой исследователь увидел бы в указанном факторе принципиальное основание для обобщающего вывода о том, что ранние историописательные концепции, созданные донскими авторами, носили идентичный характер, а интеллектуальное сообщество являлось монолитным спла-

[18] Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266.
[19] Там же. С. 268.
[20] Мининков 2010: 267.
[21] Там же: 268.
[22] Там же: 269.

вом убежденных единомышленников. Н.А. Мининков, напротив, показал, что в первой половине XIX века существовало несколько «разновидностей историописания» (возможно, следует говорить о «структурных моделях авторского нарратива»), не связанных единым подходом к исследуемому объекту [23]. Предложенный модельный спектр может быть структурирован по четырем основным концепциям:

1) Интеллектуальная модель, созданная директором Новочеркасской гимназии А.Г. Поповым. Н.А. Мининков не предлагает специальной характеристики, но указывает на псевдонаучный характер авторских идей, вызывавших саркастические оценки даже у других местных историков-любителей. В частности, А.Г. Попов считал историческими предками донских казаков легендарных амазонок, размещаемых в рассматриваемом регионе отдельными античными авторами[24]. В данном случае можно констатировать, что фантастический характер предлагаемой историописательной модели осознавался даже социальной средой, формировавшей ментальный запрос на эпистемологические практики.

2) Синкретическая концепция, предложенная Е.Н. Кательниковым. Согласно обоснованному мнению Н.А. Мининкова, она интегрирует значимые элементы научного знания и массовых исторических представлений. Оригинальный нарратив Е.Н. Кательникова можно отнести одновременно и к верифицированным результатам профессиональной науки, и к любительскому историописанию[25].

3) Нарративная модель, созданная В.Д. Сухоруковым. По мнению Н.А. Мининкова, автор осознанно ориентировался на базовые принципы исследовательской практики Н.М. Карамзина. В результате пространный текст, созданный региональным автором-любителем, фактически соответствует профессиональному уровню синхронной эпохи (1820-е гг.), а потому, безусловно, может быть отнесен к научной историографии[26].

4) Историософская концепция, предложенная В.М. Пудавовым. Согласно обоснованной оценке Н.А. Мининкова, донской писатель, основываясь на собственных умозрительных построениях, представил масштабную картину «будущих судеб человечества вообще и России вместе с казачьим Доном, в частности», в которой пытался определить имманентное место донского казачества[27]. Н.А. Мининков резонно отмечает, что данная историописательная модель не имеет прямого отношения к исторической науке, но порождена «философской метатеорией, отводившей казачеству решающее место в мировой истории»[28].

Как представляется, Н.А. Мининков отчетливо продемонстрировал то существенное обстоятельство, что в раннем донском казачьем исто-

[23] Там же: 267.
[24] Там же: 285.
[25] Там же: 284.
[26] Там же: 282.
[27] Там же: 281.
[28] Там же: 283.

риописании, не подверженном интеллектуальной или социальной унификации, сложился уникальный конгломерат оригинальных идей, авторских мнений и самобытных концепций. Общественный запрос, сформированный донским казачеством, определялся очевидной целью, связанной с последовательным конструированием славной истории Войска Донского. Но если В.Д. Сухоруков пытался встроить региональный исторический процесс в общероссийские рамки, очерченные Н.М. Карамзиным, то Е.Н. Кательников следовал коллективной памяти своих одностаничников, В.М. Пудавов опирался на оригинальную метатеорию, не соотносящуюся с реальным эмпирическим материалом, а А.Г. Попов творчески эксплуатировал архаичные концепции. Вместе с тем, следует признать, что в творческом хаосе зарождалось научное знание о предшествующей истории донского казачества, а потому лучшие работы местных авторов-любителей XIX – начала XX в. можно отнести к формирующейся профессиональной историографии.

Осознанный интерес Н.А. Мининкова к теоретическим вопросам исторической науки проявился не только в содержательных фрагментах отдельных исследований, но и в образовательных практиках высшей школы. Многолетний педагогический труд, связанный с успешным преподаванием «Философии истории», «Теории и методологии истории», «Источниковедения», «Историографии», отразился как в последовательном создании качественных учебных пособий[29], так и в концептуальном осмыслении накопленного опыта[30]. Отличительная черта этого сегмента творчества Н.А. Мининкова – редкая способность, связанная с выработанным умением характеризовать сложные научные понятия простым и понятным языком. Но, как и в научном творчестве, картезианская простота применяемых вербальных оборотов способствует дополнительной аргументации авторских размышлений, сохраняя плюралистическое взаимодействие дифференцированных смысловых конструкций. Обозначенным критериям полностью соответствует и недавнее монографическое исследование Н.А. Мининкова (в соавторстве с Л.В. Мининковой) «"История историка": труды об историках в российской науке (XIX – начало XX в.)», посвященное проблеме внутренней саморефлексии корпоративного сообщества профессиональных историков[31].

18 января 2025 года Николаю Александровичу Мининкову исполнилось 75 лет, из которых более 50 лет отданы исследовательской и педагогической деятельности. Талантливым историком создано более 300 научных и учебно-методических работ, подготовлены научные кадры высшей квалификации, представлены десятки докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях. В рамках одной статьи невозможно оценить реальное многообразие интеллектуальных результатов исследовательской практики Н.А. Мининкова, поэтому реко-

[29] Мининков 1999; 2004; Мининков, Мининкова 2011; Мининков, Шандулин 2020.
[30] Мининков 2024: 118–128.
[31] Мининков, Мининкова 2024.

мендуем заинтересованным читателям ознакомиться с рецензиями на его монографические труды, а также обратить внимание на концептуальную статью М.Е. Шалака и Д.П. Исаева, вышедшую к предыдущему юбилею и содержащую интересные оценки различных аспектов научного и педагогического творчества замечательного профессионала и прекрасного человека[32]. Авторы уверены, что Николай Александрович готов к новым научным свершениям, и желает учителю, коллеге и другу крепкого здоровья и долгих лет жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Агафонов А.И. Советская историография Донского края эпохи феодализма в начальный период становления и развития (1917 – первая половина 30-х годов) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1993. № 1-2. С. 34-47. [Agafonov A.I. Sovetskaya istoriografiya Donskogo kraya epokhi feodalizma v nachal'nyi period stanovleniya i razvitiya (1917 – pervaya polovina 30-kh godov) // Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki. (Proceedings of the North Caucasian Scientific Center of Higher Education. Social sciences). 1993. № 1-2. P. 34-47.].

Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать… Официальный заказ, историк и местная администрация (1902-1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 119. [Volvenko A.A. Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'… Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902-1912 gg.) // Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka. (Historical consciousness and power in the mirror of 20th century Russia). SPb., 2006. P. 119.].

Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 622. Л. 52-53 об. [Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. F. 55. Op. 1. D. 622. L. 52-53 ob.].

Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 131-135. [Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914). (The Right Don: Cossacks and the ideology of Nationalism (1909-1914). SPb., 2013. P. 131-135.].

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 315. [Lappo-Danilevskii A.S. Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovanii. (The organization of direct taxation in the Moscow state from the time of Troubles to the era of transformations.). SPb., 1890. P. 315.].

Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // Савельев Е.П. Казаки. История. Ростов-на-Дону, 1991. С. 300-309. [Mininkov N.A. Al'ternativnyi vzglyad sovetskogo istorika // Savel'ev E.P. Kazaki. Istoriya. (Savelyev E.P. Cossacks. History). Rostov-on-Don, 1991. P. 300-309.].

Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, издательство РГУ, 1998. 512 с. [Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.). (The Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671). Rostov-on-Don, izdatel'stvo RGU, 1998. 512 p.].

Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, издательство ЮФУ, 2011. 170 с. [Mininkov N.A. Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov. (The Don historian, esaul Evlampy Nikiforovich Katelnikov.). Rostov-on-Don, izdatel'stvo YuFU, 2011. 170 p.].

Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенков и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ 2016. С. 134. [Mininkov N.A. Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin. (Don researchers Ivan Vasilyevich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin.). Rostov-on-Don, Izd-vo YuFU 2016. P. 134.].

Мининков Н.А. Методология истории. Пособие для начинающего исследователя. Ростов-на-Дону, издательство РГУ, 2004. 252 с. [Mininkov N.A. Metodologiya istorii. Posobie dlya nachinayushchego issledovatelya. (Methodology of history. A handbook for a novice researcher Rostov-on-Don, izdatel'stvo RGU, 2004. 252 p.].

[32] Шалак, Исаев 2020: 306-314.

Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов-на-Дону, издательство ЮФУ, 2007. 272 с. [Mininkov N.A. Nikolai Leonardovich Yanchevskii: istorik, pisatel', revolyutsioner. (Nikolai Leonardovich Yanchevsky: historian, writer, revolutionary.). Rostov-on-Don, izdatel'stvo YuFU, 2007. 272 p.].

Мининков Н.А. Об историческом подходе к преподаванию теоретических дисциплин // Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко: взгляд из XXI века (к 100-летию со дня рождения ученого). VII Научные чтения памяти академика И.Д. Ковальченко. СПб., Алетейя, 2024. С. 118-128. [Mininkov N.A. Ob istoricheskom podkhode k prepodavaniyu teoreticheskikh distsiplin // Tvorcheskoe nasledie akademika I.D. Koval'chenko: vzglyad iz XXI veka (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo). VII Nauchnye chteniya pamyati akademika I.D. Koval'chenko. (The creative legacy of Academician I.D. Kovalchenko: a view from the 21st century (on the occasion of the 100th anniversary of the scientist's birth). Scientific collection. VII Scientific Readings in memory of Academician I.D. Kovalchenko.). SPb., Aleteiya, 2024. P. 118-128.].

Мининков Н.А. Павел Петрович Сахаров – историк донского казачества // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов-на-Дону, ДЮИ, 2002. С. 216-320. [Mininkov N.A. Pavel Petrovich Sakharov – istorik donskogo kazachestva // Kazachii sbornik. (The Cossack collection.). Vyp. 3. Rostov-on-Don, DYuI, 2002. P. 216-320.].

Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. Москва, 2010. С. 266-285. [Mininkov N.A. Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka // Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie. (Terminology of historical science. Historical writing.). M., 2010. P. 266-285.].

Мининков Н.А. Философия истории. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, издательство РГУ, 1999. 164 с. [Mininkov N.A. Filosofiya istorii. Uchebnoe posobie. (Philosophy of history. Training manual). Rostov-on-Don, izdatel'stvo RGU, 1999. 164 p.].

Мининков Н.А., Мининкова Л.В. "История историка": труды об историках в российской науке (XIX – начало XX вв.). Ростов-на-Дону-Таганрог, 2024. 224 с. [Mininkov N.A., Mininkova L.V. "Istoriya istorika": trudy ob istorikakh v rossiiskoi nauke (XIX – nachalo XX vv.). ("The History of the Historian": works on historians in Russian science (XIX – early XX centuries). Rostov-on-Don-Taganrog, 2024. 224 p.].

Мининков Н.А., Мининкова Л.В. Теория истории. Курс лекций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. 176 с. [Mininkov N.A., Mininkova L.V. Teoriya istorii. Kurs lektsii. (Theory of history. A course of lectures.). Rostov-on-Don, izdatel'stvo YuFU, 2011. 176 p.].

Мининков Н.А., Шандулин Е.В. Источниковедение истории России. Учеб. пособ. Ростов-на-Дону-Таганрог, Изд-во ЮФУ, 2020. В 3-х ч. Ч.1. X-XVIII вв. 114 с. Ч.2. XVIII – н. XX вв. 116 с. [Mininkov N.A., Shandulin E.V. Istochnikovedenie istorii Rossii. Uchebnoe posobie. (Source studies of the history of Russia. The training manual.). Rostov-on-Don-Tagan-rog, izdatel'stvo YuFU, 2020. V 3-kh ch. Ch.1. X-XVIII vv. 114 s. Ch.2. XVIII – n. KhKh vv. 116 p.].

Миронов Б.Н. Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 665. [Mironov B.N. Tserkov' i gosudarstvo do i posle Rossiiskoi revolyutsii 1917 goda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. History.). 2020. T. 65. Vyp. 2. P. 665.]

Савельев Е.П. Древняя история казачества. Москва: Вече, 2007. 480 с. [Savel'ev E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva. (The ancient history of the Cossacks.). Moscow: Veche, 2007. 480 p.]

Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. [Khlystov I.P. Don v epokhu kapitalizma. 60-e – seredina 90-kh godov XIX v. (Don in the era of capitalism. 60s – mid-90s of the XIX century.). Rostov-on-Don, 1962. P. 9-10.]

Шалак М.Е., Исаев Д.П. Прекрасно быть скромным (к 70-летию Н.А. Мининкова) // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 306-314. [Shalak M.E., Isaev D.P. Prekrasno byt' skromnym (k 70-letiyu N.A. Mininkova) // Novoe proshloe. (The new past). 2020. № 1. P. 306-314.]

Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013. С. 83, 88. [Yurchenko I.Yu. Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoi i emigrantskoi istoriografii XV–XX stoletii: Istoriografiya kazachestva. (The history of the study of the Cossacks in the Russian and emigrant historiography of the XV–XX cc.: Historiography of the Cossacks.). Kn. 1. Moscow, 2013. P. 83, 88.]

Игорь Владимирович Крючков, *доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Северо-Кавказский федеральный университет, igory5@yandex.ru*

Артем Юрьевич Перетятько, *кандидат исторических наук, Институт социологии и регионоведения Южного Федерального университета, artperetatko@yandex.ru*

Николай Алексеевич Трапш, *кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного архива Ростовской области, Институт социологии и регионоведения ЮФУ; Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, tirpizn@sfedu.ru*

"... Under no circumstances should one allow a lie ... in no case should one be afraid of the truth ... not a shadow of bias, not a shadow of malice" Jubilee reflections on Nikolai Alexandrovich Mininkov

The article is devoted to the research activities of Nikolai Alexandrovich Mininkov, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Southern Federal University. The author's research reveals his real contribution to a comprehensive study of the early history of the Don Cossacks, a systematic analysis of the provincial historical tradition in the pre-revolutionary and Soviet periods, and a public presentation of theoretical and methodological problems of modern humanitarian knowledge. Creative activity of N.A. Mininkov is considered in the context of socio-cultural conditions that had a direct impact on the consistent formation of personal epistemological priorities, intellectual communication in the local professional environment and the conscious adoption of certain principles of scientific ethics. Special attention is paid to biographical reconstructions of the Rostov scientist related to the research activities of amateur Don historians (E.P. Savelyev, E.A. Katelnikov, I.V. Timoshenkov, F.K. Trailin), who created original concepts of the previous development of regional societies. According to the author's ideas, N.A. Mininkov is an authoritative representative of a local professional corporation that successfully implements epistemological projects related to current theoretical and practical problems of modern historical science.

Keywords: *historiography, narrative, epistemology, concept, Cossacks, scientist, historian, local, science, jubilee.*

Igor Vladimirovich Kryuchkov, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History, Institute of the Humanities, North Caucasus Federal University, member of the Russian Society of Intellectual History (2001), igory5@yandex.ru*

Artyom Yuryevich Peretyatko, *PhD in History, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, artperetatko@yandex.ru*

Nikolai Alekseevich Trapsh, *PhD in History, Associate Professor, Southern Federal University, South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", tirpizn@sfedu.ru*

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ПРАКТИКАХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Л.П. Репина

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В конце XX века понятие «научная школа» стало самым широко распространенным среди понятий, определяющих организационные формы научной деятельности. Отражая тенденции развития науки как социокультурного феномена, научные школы и другие научные сообщества ученых являются одним из важнейших условий производства и трансляции знания. Понятие «научная школа» характеризуется как «размытое», хотя в центре разнообразных определения непременно оказываются такие общие характеристики, как более или менее единая теоретическая основа, общность проблематики (в широком понимании) и методов исследования. В статье проблема идентификации научных школ рассматривается в контексте современных подходов к изучению различных форм научных сообществ, сформировавшихся в интеллектуальной истории и социологии знания. «Научная школа» представлена как неформальное объединение людей науки, особый тип организации интеллектуальной деятельности и межличностных коммуникаций. Современная историография науки сохраняет устойчивый интерес к проблеме научных школ, а в истории исторической науки в первые десятилетия XXI века можно наблюдать его существенный рост как в отношении становления и развития университетских научных школ в дореволюционной России (в сравнении с опытом западных стран), так и в связи с освоением новых подходов к анализу и оценке сложного пути советской историографии.
Ключевые слова: *интеллектуальная история, научная школа, критерии идентификации, межличностные коммуникации, историография, дисциплинарная история*

В современной историографии история формирования и развития научных сообществ, одной из форм которых выступает научная школа, определяется как важная часть широко понимаемой интеллектуальной истории, которая изучает не только результаты интеллектуальной деятельности, но и все ее условия[1].

Проблемы идентификации и изучения сообществ ученых и школ в исторической науке неоднократно обсуждались на конференциях, организованных Обществом интеллектуальной истории и некоторыми его региональными отделениями[2]. В апреле 2024 года по инициативе кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ, с привлечением ведущих отечественных специалистов, был проведен Круглый стол «Научно-педагогические школы как интеллектуальные сообщества». Статьи, опубликованные в настоящей рубрике, представляют собой

[1] Подробнее об этом см.: Репина 2008, 2023.

[2] См., напр., опубликованные материалы некоторых конференций: Наука и власть… 2002; Политические и интеллектуальные сообщества… 2007; Сообщество историков высшей школы… 2009; История и историки в пространстве национальной и мировой культуры… 2011. Университетская корпорация… 2014; Парадигмы университетской истории… 2017; Всеобщая история и историческая наука…2020; и др.

переработанные версии представленных на Круглом столе докладов. Содержание этих статей отражает как «вечные вопросы», так и новые тенденции в данном исследовательском поле.

К «вечным вопросам», как это чаще всего бывает, относится проблема дефиниций. «Размытость», точнее – многозначность термина, констатируется практически всеми авторами. Тем не менее, обнаруживается некая общая платформа, восходящая к более ранним попыткам определения понятия «научная школа» в его наиболее значимых аспектах и функциях, которые – в отношении лидерских школ[3] – можно условно разделить на две большие группы: 1) когнитивный аспект – знания, концепции, категории, методы (причем, представление об использовании общего метода как основной составляющей понятия «научная школа» разделяют большинство исследователей); 2) коммуникативный аспект – прямой контакт лидера школы и последователей, фактор непосредственного общения в трансляции исследовательского опыта (возможность передачи неформализованного знания), жизнь коллектива ученых в пределах активной деятельности лидера школы и создаваемого им поля непосредственного общения – как способ циркуляции идей, усвоения стиля мышления, «школообразующих» практик и сложившегося этоса научного сообщества. Значительно возросшее внимание к внутришкольным межличностным коммуникациям было связано, в первую очередь, с успехами антропологического подхода в исследованиях по истории исторической науки.

Схоларная проблематика с ее историко-научным концептуальным аппаратом обрела свое законное место в историко-историографических исследованиях двух последних десятилетий, в первую очередь благодаря работам Г.П. Мягкова, который, определяя гуманитарную научную школу как особую исследовательскую проблему, предложил следующую структуру ее рассмотрения: а) анализ научной школы с точки зрения ее парадигмальных, «философско-методологических» установок, которые могут оставаться «скрытыми от субъекта познания», и политических установок, б) анализ научной школы с точки зрения конкретной исследовательской практики. При этом Г.П. Мягков отметил сложность феномена гуманитарной научной школы в том, что ученые могут принадлежать к данной школе, даже если они не разделяют целиком идеи друг друга, хотя образуют одну интеллектуальную традицию («школу мысли»). Г.П. Мягковым был поставлен очень важный вопрос о соотношении универсальных традиций («школы мысли», общей парадигмы) и индивидуальных особенностей школы как «малого коммуникативного коллектива». В соответствии с четко сформулированной программой анализ школы в исторической науке был проведен с точки зре-

[3] Н.Н. Алеврас выделяет два основных типа научного лидерства – коммуникативный, направленный на формирование и поддержание деятельности научной школы, и интеллектуальный, проявляющий себя в выдвижения инновационных идей и концепций. – Алеврас 2006: 118. См. также: Алеврас 2011.

ния их состава, коммуникации, внутренней структуры, наличия или отсутствия лидера, отношений с другими школами, психологии внутришкольных отношений, роли политических компонентов в воззрениях представителей данной школы, особенностей конкретной методики исследований ученых данной школы, тематика и результаты исследований, этапы и фазы развития данной школы, ее возникновение, расцвет, упадок, перерастание школы в феномен, подобный незримому колледжу, или в научное направление; образование дочерних школ, значение данной школы для развития исторической науки, гуманитарного знания вообще и для социальной практики[4]. Основные положения программы нашли развитие в работах коллег, придерживающихся социокультурного, или антропологического подходов к изучению научных и научно-педагогических школ исторических школ[5].

Наряду с многочисленными исследованиями отдельных научных и научно-педагогических исторических школ разного уровня и в различных ракурсах[6], в последние годы была проделана и основательная работа по анализу и обобщению опыта историографического осмысления научных школ в российской исторической науке, прослежен путь исследований схоларной проблематики в течение полувека от «“встречи” историографии и науковедения» до «создания и перехода в начале XXI в. к новой модели, ориентирующей на изучение научных сообществ в системе координат антропологической парадигмы»[7].

Развитие науки в современном обществе характеризуется явлениями интеграции и дифференциации, междисциплинарного синтеза и межнаучного взаимодействия[8]. Ускоренное развитие конкретно-исторических исследований и интенсивная диверсификация научных направлений в течение XX – начале XXI в. серьезно осложнили условия существования и функционирования научных школ. В особой общественной ситуации сложился своеобразный парадокс: с одной стороны, заметны падение влияния и распад складывавшихся многими десятилетиями научных школ, а с другой – все растущий размах краткосрочных проектов, поддерживаемых грантами и выполняемых временными научными коллективами на основе общей исследовательской программы. Всеохватывающая ориентация на краткосрочные проекты размывает саму основу существования научной школы – преемственность в развитии научной программы и сдерживает формирование новых школ.

В период смены исследовательских парадигм, антропологического поворота, открытия новых концептуальных и проблемных полей, адаптации историками эвристических моделей социальных и гуманитарных наук происходят важные изменения в конфигурации научных сооб-

[4] Мягков 2000. 2011. См. также: Мягков, Репина 2014.
[5] См.: Корзун 2012; Корзун, Рыженко 2011.
[6] Леонтьева 2004, Ростовцев 2004; Киреева 2004; Умбрашко 2006; Гришина 2010; Свешников 2010, Иванова 2010; Иванова, Мягков 2014; Корзун 2017; и мн. др.
[7] Корзун, Мягков 2013; Мягков, Репина 2014; Корзун 2017.
[8] См.: Тоштендаль 2013; Репина 2013(а).

ществ. С конца XX века формируются научные сообщества иной конфигурации – преодолевающие национальные и дисциплинарные границы. Конечно, самые общие цели, критерии и формы организации сохраняют свое значение, но меняется их соотношение, а также средства общения и распространения результатов научных исследований, эффективность и «зона влияния». Процесс становления и развития полидисциплинарных сообществ ученых на рубеже веков, их коммуникативные ресурсы в новую информационную эру имеют существенные отличия, включая изменения в корпоративных нормах и ценностях. Союз ученых, которые объединяют свои усилия, знания и ресурсы для развития той отрасли знания, в которой они *специализируются*, – не может быть не только исчерпывающим, но и в целом адекватным определением такого сообщества, а проблема межличностных и межгрупповых научных коммуникаций в эпоху электронных средств информации и развитой сети "Интернет" приобретает совершенно иное звучание. Новые технологии резко повышают скорость обмена научной информацией, электронными публикациями, актуализируя неформальную структуру «незримого колледжа», членство в котором определялось исключительно стилем мышления, духовной и интеллектуальной близостью ученых, внутренней потребностью в контактах с единомышленниками.

Среди условий интеллектуального творчества структура и функционирование неформальных сообществ, в т.ч. научных школ, занимает важное место – речь идет о взаимодействии субъектов, которое охватывает разные аспекты: контакты, основанные на общих интересах, обмен информацией и культурным капиталом, использование когнитивных ресурсов, обсуждение, заимствование и распространение идей, взаимная поддержка, создание и поддержание научных репутаций и академического статуса, воспроизводство школы в образовательном процессе и др. Функция «взаимопризнания» является одной из центральных: из этих отношений слагаются связи, простирающиеся и в прошлое, и в будущее школы, поскольку ее члены «признают одних и тех же лиц в качестве своих учителей, на верности им основывают общую традицию и каждый развивает в ее пределах свою собственную линию…»[9].

В целом научная школа рассматривается как совокупность лиц, связанных генетически, формальным или неформальным ученичеством, и объединенных общей научной идеологией (совокупностью идей, которые определяют подход к выбору проблемы исследования, способы постановки задач и их решения). Как правило, школы формируются вокруг Лидера/Учителя, а непосредственные ученики, в свою очередь, могут продолжать эту систему связей, в которой передаются фундаментальные идеи и концепции, знания и опыт, способ постановки проблем, стиль научного мышления, приемы и методы исследования («ремесло историка»), нормы и ценности. Изучается эволюция школы, ее возможная внутренняя дифференциация, изменения в научной про-

[9] Полани 1985: 234-235.

грамме или ее консервация, рождение «дочерних школ», которое, в общем, оценивается позитивно – как факт приращения в науке.

Критические тенденции в состоянии исторической науки на рубеже веков обострили интерес исследователей к проблемам научных школ, сыгравших конституирующую роль в период становления истории как академической дисциплины в российских университетах. При этом в общей перспективе внимание историков было бы целесообразно в большей степени привлечь не только к школам состоявшимся и признанным, но и к нетривиальной проблеме отсутствия школы у некоторых выдающихся ученых, к специфике формирования и функционирования школ с различными типами лидерства или вообще «безлидерным», к школам классическим и современным, «дисциплинарным» и «проблемным», «открытым» и «закрытым», «линейным» и «разветвляющимся», школам «кафедральным», институциональным и национальным и т.д. Что касается проблемы формирования и функционирования научных школ (в историческом прошлом и в современном мире) то она, как правило, рассматривается в институциональной, дисциплинарной и национальной перспективах. Вопрос о более широкой сети внешних коммуникаций, даже вокруг лидера школы, как правило, не ставится[10].

Бурный рост числа исследований, так или иначе связанных с изучением разных аспектов научных школ, позволяет сегодня констатировать наличие в отечественной историографии собственных науковедческих школ, как столичных, так и региональных (казанская, омская, челябинская и др.), а также – в характерном для информационной эпохи формате – сетевых и рассредоточенных. Значительная часть новейших публикаций по научно-историческим школам посвящена спорным теоретическим вопросам их идентификации и типологизации. При этом понятийный аппарат науковедения в применении к исторической науке используется как в национальной и глобальной перспективах (процессы возникновения, развития и смены научных школ), так и на микроуровне, в анализе межличностных отношений в рамках научной школы, включая вопрос об отношениях между генерациями ученых[11] (в разных обстоятельствах их формирования, особенно при смене научных парадигм, познавательных установок, а также внешних – социальных и политических условий профессиональной деятельности).

Еще одна важная проблема состоит в понимании того, как именно выстраивается интеллектуальная генеалогия и создается образ научной школы и ее «отца-основателя» (и других авторитетных «предков») членами сообщества и/или историками науки, как происходит ретроспективная реификация этого понятия[12].

[10] Необходимо, впрочем, указать, в качестве исключения на одно развернутое именно в этом «внешнем» направлении исследование: Филимонов 2014.

[11] Т.н. генерационный подход к изучению истории научных школ представляется весьма перспективным. См., напр.: Сидорова 2002(а); 2002(б).

[12] Так именуется аналогичная процедура ретроспективного школостроительства в социологии науки, включающая конструирование традиций и генеалогий, создание

Научно-образовательная (научно-педагогическая) школа остается наиболее эффективным институтом, обеспечивающим трансляцию дисциплинарных норм (в т.ч. этических) и стандартов профессиональной деятельности. Однако структурные изменения в когнитивной и коммуникативной системах современной науки, связанные с фрагментацией, трансформацией и возникновением новых предметных полей, новых форм координации исследований и организации научного сотрудничества в «интеллектуальном пространстве без дисциплинарных границ», с повышением академической мобильности, распространением новых информационных технологий, приводят к усложнению конфигурации горизонтальных и вертикальных связей между «птенцами» разных научно-педагогических школ и стимулируют обновление социокультурных практик трансляции идей и исследовательского опыта. Текущая ситуация ставит перед аналитиками новые задачи, включая изучение сетевых полидисциплинарных и трансдисциплинарных ассоциаций и проблемы множественности схоларных идентификаций.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аlevрас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 117–127. [Alevras N.N. Problema liderstva v nauchnom soobshchestve istorikov XIX – nachala XX v/ (The Problem of leadership in the academic community of historians in the 19–early 20th c.) // Istorik v menyayushchemsya prostranstve rossijskoj kul'tury. Chelyabinsk, 2006. S. 117–127]

Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»? // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / ред. Л.П. Репина. М., 2011. С. 516-534. Alevras N.N. Chto takoe «istoriograficheskij byt»? (What is "historiographic everyday life"?) // Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / red. L.P. Repina. M.: LKI, 2011. C. 516-534].

Александров Д.А. Научные школы в историко-социологической перспективе // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. М.: ИВИ, 2002 [Aleksandrov D.A. Nauchnye shkoly v istoriko-sociologicheskoj perspektive (Schools of Science in a Historical and Sociological Perspective) // Nauka i vlast': nauchnye shkoly i professional'nye soobshchestva v istoricheskom izmerenii. M.: IVI RAN, 2002].

Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2020. [Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka (General History and Historical Science in the 20th – early 21st c.) T. 1 / Sost. i otv. red. G.P. Myagkov, E.A. CHiglincev. Kazan': Izd. Kazan. un-ta, 2020].

Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. [Grishina N.V. «SHkola V.O. Klyuchevskogo» v istoricheskoj nauke i rossijskoj kul'ture ("The School of V.O. Klyuchevsky" in Historical Science and Russian Culture). CHelyabinsk: Enciklopediya, 2010].

Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 6. С. 364–370. [Zvereva G.I., Repina L.P. Nauchnye shkoly v istoricheskom kontekste: novaya kniga o «russkoj istoricheskoj shkole» (Schools in Historical Context: A New Book on the "Russian Historical School") // Dialog so vremenem. M., 2001. Vyp. 6. S. 364–370].

Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Чебоксары, 2010. [Ivanova T.N. Nauchnoe nasledie V.I. Ger'e i formirovanie nauki vseobshchej istorii v Rossii (The Scientific Legacy of V.I. Guerrie and the Formation of the Science of General History in Russia. CHeboksary, 2010].

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 572-644. [Ivanova T.N.,

особых «мест памяти» и т.п., представляющая способ укоренить себя в истории науки, обосновать претензии на позиции в научной иерархии. – Александров 2002.

Myagkov G.P. Fenomen shkoly V.I. Ger'e: kommunikativnye praktiki v prostranstve nauchnogo znaniya (The Phenomenon of the School of V.I. Guerrier: Communicative Practices in the Space of Scientific Knowledge) // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya: Monografiya / red. L.P. Repina. M.: Akvilon, 2014. S. 572-644].

История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI века. М.: ИВИ РАН, 2011. [Istoriya i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII – nachala XXI veka (History and Historians in the Space of National and World Culture from the 18th to the early 21st c.). M.: IVI RAN, 2011].

История и историки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. 400 с. [Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem (History and Historians in the Past and the Present) / pod obshchej red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2013. 400 s.]

Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004. [Kireeva R.A. Gosudarstvennaya shkola: istoricheskaya koncepciya K.D. Kavelina i B.N. CHicherina (The State School: The Historical Concept of K.D. Kavelin and B.N. Chicherin). M., 2004].

Корзун В.П. Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX века // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. [Korzun V.P. Peterburgskaya shkola russkih istorikov v konce XIX – nachale XX veka (The St. Petersburg School of Russian Historians in the Late 19th – Early 20th Century) // Ocherki istorii otechestvennoj istoricheskoj nauki XX veka. Omsk, 2005].

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания // Вестник Челябинского гос. университета. 2012. № 16. С. 99-109. [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisaniya (Scholarly Communities of Historians in Russia: Practices of Anthropological Description) // Vestnik CHelyabinskogo gos. universiteta. 2012. № 16. S. 99-109].

Корзун В.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) (Schools of Science in Russian Historical Science (An Attempt at Historiographic Understanding of Recent Decades) // Профессия – историк. К юбилею Л.П. Репиной. М: Аквилон, 2017. С. 364-409. [Korzun V.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoj nauke (opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednih desyatiletij) // Professiya – istorik. K yubileyu L.P. Repinoj. M: Akvilon, 2017. S. 364-409].

Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24-44. [Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Kommunikativnoe pole sovremennoj istoricheskoj nauki (The Communicative Field of Contemporary Historical Science) // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 37. S. 24-44].

Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004. [Leont'eva O.B. «Sub"ektivnaya shkola» v russkoj mysli: Problemy teorii i metodologii istorii (The "Subjective School" in Russian Thought: Problems of the Theory and Methodology of History). Samara, 2004].

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» (The Scientific Community in Historical Science: The Experience of the "Russian Historical School"). Казань, 2000. [Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoj nauke: opyt «russkoj istoricheskoj shkoly». Kazan', 2000].

Мягков Г.П. Гуманитарная научная школа как исследовательская проблема (The Humanities Scientific School as a Research Problem) // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 9-11. [Myagkov G.P. Gumanitarnaya nauchnaya shkola kak issledovatel'skaya problema // Nauka i vlast': nauchnye shkoly i professional'nye soobshchestva v istoricheskom izmerenii / otv. red. L.P. Repina. M.: IVI RAN, 2002. S. 9-11].

Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 206–214. [Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo istorikov dorevolyucionnoj Rossii v svete «staroj» i «novoj» modeli istoriograficheskogo issledovaniya (The Scientific Community of Historians of Prerevolutionary Russia in Light of the "Old" and "New" Models of Historiographic Research) // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 34. S. 206–214].

Мягков Г.П., Репина Л.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137-142. [Myagkov G.P., Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura i nauchnye kommunikacii (Intellectual Culture and Scientific Communications) // Vestnik Udmurt. un-ta. Ser. Istoriya i filologiya. 2014. Vyp. 3. S. 137-142].

Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. Материалы научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2002. [Nauka i vlast': nauchnye shkoly i professional'nye soobshchestva v istoricheskom izmerenii. (Science and Power: Scientific Schools and Professional Communities in the Historical Dimension) / otv. red. L.P. Repina. M.: IVI RAN, 2002].

Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. Т. 1 / отв. ред. О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары: «Среда», 2017. [Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (Paradigms of University History and Prospects of University Studies). T. 1 / otv. red . O.N. SHirokov, T.N. Ivanova, N.N. Ageeva, M.N. Krasnova. CHeboksary: «Sreda», 2017].

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. 344 с. [Polani M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii (Personal Knowledge. Toward a Postcritical Philosophy). M., 1985. 344 s.]

Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе. М.: ИВИ РАН, 2007 [Politicheskie i intellektual'nye soobshchestva v sravnitel'no-istoricheskoj perspective (Political and Intellectual Communities in Comparative Historical Perspective). M.: IVI RAN, 2007].

Репина Л.П. Интеллектуальные традиции и научные школы: к методологии исследования // Историк и его дело: Судьбы ученых и научных школ. Ижевск, 2008. [Repina L.P. Intellektual'nye tradicii i nauchnye shkoly: k metodologii issledovaniya (Intellectual Traditions and Academic Schools: Toward a Research Methodology) // Istorik i ego delo: Sud'by uchenyh i nauchnyh shkol. Izhevsk, 2008].

Репина Л.П. (а) Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // В поисках истины. Сборник к юбилею акад. А.О. Чубарьяна. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 327-349. [Repina L.P. (a) Perspektivy istoricheskoj nauki v nachale novogo tysyacheletiya (Prospects of Historical Science at the Beginning of the New Millennium) // V poiskah istiny. Sbornik k yubileyu akad. A.O. CHubar'yana. M.: IVI RAN, 2013. S. 327-349].

Репина Л.П. (б) Традиции всеобщей истории в «русской исторической школе» и новый российский проект «Всемирной истории» // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сборник научных статей / под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 4-16. [Repina L.P. (b) Tradicii vseobshchej istorii v «russkoj istoricheskoj shkole» i no-vyj rossijskij proekt «Vsemirnoj istorii» (Traditions of General History in the "Russian Historical School" and the New Russian "World History" Project) // Smena paradigm v istoriografii vseobshchej istorii v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh statej / Pod nauch. red. prof. A.N. Nechuhrina. Grodno: GrGU, 2013. S. 4-16].

Репина Л.П. Интеллектуальная история в теории и на практике: Сбылись ли прогнозы прошедшего тридцатилетия? // Слово, культура, история: Теория и практика гуманитарного знания / под ред. Т.А. Салычевой. М.: РГГУ, 2023. С. 23-42. [Repina L.P. Intellektual'naya istoriya v teorii i na praktike: Sbylis' li prognozy proshedshego tridcatiletiya? (Intellectual History in Theory and Practice: Have the Predictions of the Past Thirty Years Come True?) // Slovo, kul'tura, istoriya: Teoriya i praktika gumanitarnogo znaniya / pod red. T.A. Salychevoj. M.: RGGU, 2023. S. 23-42].

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. [Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaya istoricheskaya shkola (A.S. Lappo-Danilevsky and the St. Petersburg Historical School). Rya-zan', 2004].

Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. [Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka: popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva (The St. Petersburg School of Medievalists of the Early 20th Century: An Attempt at an Anthropological Analysis of the Scientific Community). Omsk, 2010].

Сидорова Л.А. (а) Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М., 2002. [Sidorova L.A. (a) Pokolenie kak smena subkul'tur istorikov (Generation as a Shift in Historian Subcultures) // Mir istorika. XX vek. M., 2002].

Сидорова Л.А. (б) Проблемы «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки, 2002: Историографический вестник. М., 2002. [Sidorova L.A. (b) Problemy «otcov i detej» v istoricheskom soobshchestve (Problems of "Fathers and Sons" in the Historical Community) // Istoriya i istoriki, 2002: Istoriograficheskij vestnik. M., 2002].

Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. [Soobshchestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya (The Community of Historians of Higher Education in Russia: Scientific Practice and Educational Mission). M.: IVI RAN, 2009].

Тоштендаль Р. «Новые результаты» и «научные революции» в истории // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 5-23. [Toshtendal' R. «Novye rezul'taty» i «nauchnye revolyucii» v istorii ("New Results" and "Scientific Revolutions" in History) // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 43. S. 5-23].

Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века. В 2-х т. М., 2006. [Umbrashko K.B. «Skepticheskaya shkola» v istoricheskoj nauke Rossii pervoj poloviny XIX veka (The "Skeptical School" in Russian Historical Science in the First Half of the 19th Century). V 2-h t. M., 2006].

Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Казань, 2014. [Universitetskaya korporaciya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidacii (University Corporation: Memory, Identity, and Consolidation Practices). Kazan', 2014].

Филимонов В.А. Российские антиковеды в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время: Монография / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 645-710. [Filimonov V.A. Rossijskie antikovedy v kommunikativnom prostranstve N.I. Kareeva (Russian Classical Scholars in the Communicative Space of N.I. Kareev) // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya / red. L.P. Repina. M.: Akvilon, 2014. S. 645-710].

Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. [SHahanov A.N. Russkaya istoricheskaya nauka vtoroj poloviny XIX – nachala HKH veka: Moskovskij i Peterburgskij universitety (Russian Historical Science of the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Moscow and St. Petersburg Universities). M., 2003].

***Репина Лорина Петровна**, доктор исторических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН; профессор ИФИ РГГУ; lorinarepina@yandex.ru*

The problem of identification of scientific schools in the transdisciplinary space of modern science

At the end of the 20th century, the concept of "scientific school" became the most widely used definition of organizational forms of scientific activity. Reflecting the development of science as a sociocultural phenomenon, scientific schools and other communities of researchers are among the most important conditions for the production and dissemination of knowledge. The concept of "scientific school" is characterized as "blurred," although at the center of various definitions are invariably such common characteristics as a more or less unified theoretical foundation, common problems (in the broad sense), and research methods. This article examines the problem of identifying scientific schools in the context of contemporary approaches to the study of various forms of scientific communities formed in intellectual history and the sociology of knowledge. A "scientific school" is presented as an informal association of scholars, a special type of organization of intellectual activity and interpersonal communication. Modern historiography of science maintains a steady interest in the problem of schools, and in the history of historical science in the first decades of the 21st century, one can observe its significant growth both in relation to the formation and development of university scientific schools in pre-revolutionary Russia (in comparison with the experience of Western countries), and in connection with the development of new approaches to the analysis and evaluation of the complex path of Soviet historiography.

***Key words:** intellectual history, scientific school, community of historians, identification criteria, historiography, disciplinary history*

***Lorina Repina,** Dr. Sc. (History), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; Professor, Institute of Philology and History, Russian State University for Humanities; lorinarepina@yandex.ru*

Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова

ПЕРВЫЕ УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ, ИХ СТАТУС И ПРОЦЕДУРА ОБРЕТЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (по материалам Петербургского университета)

В статье рассматривается система научной аттестации в российских университетах 1800–1840-х гг., распространенная на студентов и начинающих преподавателей, применение законодательных норм и важные индивидуальные кейсы студенческих, кандидатских и магистерских испытаний. Сделан вывод о том, что процесс институционализации первых ученых степеней и выстраивания их иерархии начался еще до выработки Положения 1819 г. и занял около полутора десятилетий. Практики научной аттестации выпускников, а также тех, кто был оставлен для преподавания в статусе кандидатов и магистров показывают, что в это время университет формировался не только как центр обучения и науки, но и как центр академического лицензирования новой просвещенной бюрократии. Комплекс диссертаций, сохранившихся в фонде Петербургского университета в ЦГИА СПб, отражает трансформацию структуры и научного содержания кандидатских сочинений. Анализ личных академических «историй» показывает, что ученые степени, кроме докторской, в рассматриваемое время могли быть получены соискателями в течение двух-трех лет после окончании курса в университете. Не только кандидатская, но и магистерская степень были востребованы чиновниками вне «ученой» службы, их социальная ценность возрастала.
Ключевые слова: *научная аттестация, ученые степени, диссертация, история образования, Санкт-Петербургский университет, действительный студент, кандидат, магистр.*

История научной аттестации в России как формы трансфера европейской науки и одновременно – элемента регулирования квалификации бюрократической элиты ныне активно изучается. Изданы исследования, посвященные российскому законодательству об ученых степенях, истории его выработки и адаптации в привязке к системе российских чинов и ступеней академической службы[1]. Историю выработки университетским сообществом в координации с администраторами просвещения форм и ритуалов научной аттестации отражает цикл работ, посвященных «диссертационной культуре» в дореволюционной России[2].

Важно учесть европейский контекст упорядочения номенклатуры научных специальностей и иерархии ученых степеней. В центре европейской системы ученого лицензирования в начале XIX в. была докторская степень, которая достигалась сравнительно быстро; в российской системе утвердились три ступени ученой иерархии: кандидат, магистр, доктор. Изучение академической аттестации как комплекса корпоративных ритуалов и как государственной политики по управлению учеными сообществами практически не затрагивало историю оформления и практического бытования низшей ученой степени кандидата, ее соотношения с позицией «действительного студента» (последняя до 1837 г. также

[1] Иванов 2016; Андреев 2015; Вишленкова, Ильина 2013; Жарова 2012; Климов 2004; Артемова 2002

[2] Диссертационная культура 2022.

считалась ученой степенью), переход от нее к позиции магистра. Для кандидатов, оставленных в университете для преподавания, он был довольно быстрым: уже через минимальный промежуток в два года, оговоренный законодателем, многие из них становились магистрами.

Внимание историков было обращено, прежде всего, на две высшие ученые степени: магистра и доктора, корпоративные ритуалы и процедуры их обретения. Вне поля зрения осталось большое число универсантов, обладателей низших ученых степеней, которые оказались вне академической службы. Социальные выгоды получения первых ученых степеней для людей, не ищущих «ученой» должности, служивших в различных государственных и образовательных учреждениях, не обратили на себя внимание и историков госучреждений. Мы намерены рассказать о первых ученых степенях действительного студента, кандидата и магистра, их социальной ценности и складывании академической культуры в этом интеллектуальном горизонте. Нами исследованы академические траектории молодых преподавателей Петербургского университета и его предшественника, Главного педагогического института в 1810–1830-х гг. по материалам университетского архива. Среди них документы об испытаниях на степень кандидата и магистра, протоколы испытательных комиссий, личные дела соискателей, журналы Конференции Главного педагогического института / Совета университета, а также комплекс кандидатских сочинений студентов.

Разработка законодательства об ученых степенях и его адаптация

А.Е. Иванов в своем классическом труде прослеживает историю присвоения российских ученых степеней и званий, начиная с XVIII в. для Московского университета, – еще при отсутствии четких нормативных рамок. Эти процедуры имели место и в первые полтора десятилетия XIX в., на основании университетского устава 1804 г., в Дерптском и Виленском университетах корректировались местными корпоративными традициями. Устав 1804 г. кратко излагал порядок приобретения и иерархию ученых степеней. Ученая степень кандидата называлась «первоначальной» и ассоциировалась с правом занимать учительские должности (§ 72)[3]. Процедура ее получения предусматривала ответы в факультетском собрании по жребию на устные вопросы и выполнение письменных задач «из основных предметов факультета» (§ 99). § 120 устава говорит о том, что лучшие из окончивших студентов могут быть оставлены в университете, «продолжать учение в звании кандидатов и отправлять должность повторителей по надлежащем испытании»[4]. Тем самым звание кандидата объединялось с университетской должностью.

Российская академическая иерархия, в отличие от старой европейской системы корпоративной аттестации, складывалась как строгая градация степеней, которые сразу были соотнесены не только с должностями в ученой службе, но и с классными чинами Табели о рангах, т.е.

[3] Сборник постановлений 1864: 138.
[4] Сборник постановлений 1864: 288.

система ученых степеней имела не корпоративное, а общегосударственное применение, связывалась с бюрократической лестницей в государственной службе, родом которой считалась и служба академическая.

При наличии в российских университетах большого числа ученых иностранцев был неизбежен конфликт между законодательно определенным применением института ученых степеней и европейской традицией их раздачи, которая возвышала и обогащала конкретный университет и считалась его внутренним делом. К скорейшей выработке единых строгих норм научного лицензирования подтолкнул в 1816 г. казус Вальтера и Вебера в Дерптском университета, в разборе которого в Главном правлении училищ участвовал попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров[5]. Этот инцидент в видах назидания был широко оглашен во всех университетах, вызвал временный запрет на присвоение степеней и возмутил общественное мнение. В последующие два года Уваров принял активное участие в разработке Положения об ученых степенях[6], в апробации оптимальных процедур лицензирования, таких как устные ответы соискателя в присутствии комиссии специалистов, письменные ответы на основные вопросы данной отрасли науки (предложенные за несколько дней до испытания), чтение пробных лекций. Этот набор процедур был использован в виде опыта еще в 1814–1816 гг. в подведомственном Уварову Педагогическом институте (далее – ПИ) в отношении кандидатов Д.П. Попова, Т.О. Рогова, Н.П. Щеглова при получении ими степеней магистра, а затем должности адъюнкта. Так, в сентябре-октябре 1814 г. были экзаменованы на степень магистра в специальной комиссии, устно и письменно, по основным и дополнительным вопросам их предметов Николай Щеглов и Дмитрий Попов, «первый по части физико-математических наук и естественной истории, а второй по филологии». Затем они прочли пробные лекции[7]. Экзамены и лекции проходили в присутствии попечителя, им утверждался регламент каждого экзамена, список основных и дополнительных вопросов соискателям. Испытания проводились в Главном педагогическом инсти-

[5] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1791: О присылке в институт «Объяснения» Дерптского университета о незаконном присвоении докторского звания Вальтеру и Веберу. Суть инцидента заключалась в том, что юридический факультет присвоил степень доктора прав портному Вальтеру и фабриканту Веберу, произведя им неполный экзамен и не требуя от них диссертаций. Докторство названных лиц было отозвано, ректор университета Штельцер и декан Кехи лишены должностей. Эта история повредила репутации Дерптского университета как в российском обществе, так и за границей (Петухов 1902: 271–275).

[6] 29 марта 1818 г. Главное правление училищ поручило Уварову составить «подробнейшее начертание правил для производства в ученые степени» (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 17. Л. 249). В редактировании первоначальной краткой редакции Положения 1816 г. Уварову содействовали профессора ГПИ М.А. Балугьянский, К.Ф. Герман, А.П. Куницын, Ф.Б. Грефе, Н.И. Бутырский. Эта работа была закончена к осени 1818 года. Еще ранее С.С. Уваров внес важные новации о получении ученых степеней, в сравнении с уставами 1804 г., в Устав ГПИ. (Благодарим И.С. Пустовойта за сведения о степени участия С.С. Уварова в этом проекте).

[7] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1483

туте (далее – ГПИ) и в 1817 г., несмотря на приостановку по высочайшему повелению производства в ученые степени, ввиду реформы преподавания и нехватки преподавателей.

Положение об ученых степенях, разработанное на основании положения Комитета министров, утвержденного императором в ноябре 1816 г., было издано 20 января 1819 г. Оно предусматривало четыре позиции: действительный студент (в делопроизводстве часто именуется просто «студент») – кандидат – магистр – доктор (§ 9). Данный акт положил конец множественности ученых достоинств, фигурировавших в XVIII в. в Московском университете и университете при Академии наук[8], блокировал академическую коррупцию, четко описал процедуры научной аттестации и критерии присвоения того или иного ученого достоинства.

По Положению 1837 г. из лестницы степеней исключалась степень «действительного студента», в то же время была повышена планка соответствующих ученым степеням классных чинов. Кандидат университета принимался в службу уже не XII, а X чином (коллежский секретарь). К тому времени степень кандидата перестала ассоциироваться с оставленным при университете младшим преподавателем, ищущим магистерской степени, а воспринималась только как университетский диплом высшей квалификации.

Практическая реализация Положения об ученых степенях в 1820-х гг., исключения из правил и промежуточные формы

В первые годы после вступления в силу Положения 1819 г. университет имел дело с разными кейсами, к которым приходилось применять довольно лаконичные параграфы закона. В Петербургский университет обращались иностранцы и выпускники других университетов для подтверждения степени кандидата. Так, в феврале 1823 г. кандидат юридических наук Харьковского университета Александр Дыздарев обратился с прошением об экзаменовании его на степень кандидата и представил свое сочинение. Он держал экзамены 28 марта и 4 июня, ответы его и сочинение найдены удовлетворительными, и юридико-философский факультет Петербургского университета присвоил Дыздареву искомую степень кандидата[9]. Однако поданное им в начале 1825 г. прошение об испытаниях на степень магистра Советом университета было отклонено, поскольку с момента получения предыдущей степени не прошло еще двух лет, предусмотренных § 18 Положения об ученых степенях[10]. Было предложено «учинить» ему испытание по прошествии законного срока.

По нашим подсчетам, в переходное для Петербургского университета десятилетие с 1817 по 1827 гг. в статусе кандидата, не тождественном ученой степени, но ассоциировавшимся с должностью младшего преподавателя, готовящегося к магистерским испытаниям, в универси-

[8] Иванов 2016: 24 – 56.
[9] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 6: Журнал Совета университета за 1823 г. Л. 177об.-178, 217.
[10] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 27. Д. 6. Л. 9-9об.

тете и его Благородном пансионе служили 20 молодых преподавателей из числа недавних студентов. Это математик В.А. Анкудович, филолог А.И. Брут, ориенталист М.Г. Волков, правовед В.К. Елпатьевский, историк А.Л. Крылов, натуралисты братья А.Ф. и М.Ф. Постельсы, филолог-классик И.Я. Соколов, юрист Н.Ф. Рождественский, астроном П.В. Тихомиров, математик К.А. Шелейховский и др. В документах они называются по-разному: студентами, кандидатами, исправляющими должность магистра, старшими учителями IX класса (статус, полученный при окончании института). Большинство из них со временем успешно выдержали магистерские испытания, затем получили звание адъюнкт-профессоров. Траектории этих молодых людей определены были не Положением 1819 г., а еще уставом ГПИ 1817 г., который предусматривал штатные должности кандидатов и магистров и порядок их замещения.

В течение полутора лет в статусе кандидатов оставались при университете Петр Сергеев, Николай Филиппов, Павел Максимович, предназначенные С.С. Уваровым в феврале 1819 г. к отправке в Германию «для усовершенствования в правах», а также Александр Максимович, который должен был отправиться в Париж для углубленной подготовки «в естественной истории и особенно в зоологии», но их заграничная стажировка не состоялась. В 1821 г. П.С. Сергеев держал магистерские экзамены по философии права, римскому и гражданскому праву на месте, преподавал в университетском Благородном пансионе, а в 1823 г. согласился занять место адъюнкт-профессора в Казанском университете[11]. В 1824 г. он был уже ординарным профессором. Н. Филиппов покинул университет в декабре 1820 г., поступив преподавателем в Главное инженерное училище, как и Павел Максимович. Александр Максимович был принят преподавателем математики в Военно-сиротский дом[12].

Штатная должность кандидата в переходные годы (1817–1827) не подкреплялась ученой степенью. Однако высокий уровень подготовки питомцев ГПИ / университета, оставленных «кандидатами» и участвовавших в преподавании (на примере П.С. Сергеева), несомненен. В мае 1823 г. кандидат Михаил Волков, специализировавшийся по восточному разряду, был определен в Академию наук «воспитанником», не прекращая преподавания в университете[13]. Среди студентов, окончивших университет в 1823 г., было несколько оставленных в нем «кандидатами», т.е. именно для преподавания. Поступив в 1817 г. в ГПИ молодые люди проучились в нем, а затем в университете не три года, а шесть лет, при этом ГПИ воспринимался как заведение аналогичное профессорскому институту. Для лучших его выпускников было сделано исключение из Положения 1819 г. Для Петербургского университета это была вторая

[11] ЦГИА СПб., Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232: Журнал Конференции Главного педагогического института за 1819–1820 г. Лл. 14-14об, 147–147об, 156об.-157, Л. 225; Ф. 14. Оп. 27. Д. 4: Журнал Конференции Петербургского университета за 1821–1822 гг. Л. 42об.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 4. Л. 3, 188, 190, 235 об.

[13] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 27. Д. 6: Журналы Совета за 1823–1824 гг. Лл. 35об.-36.

(после 12-ти европейских стипендиатов первого выпуска ПИ) когорта собственных «питомцев», благодаря которой кадровая ротация после «дела профессоров» не стала для него губительной, а преподавание, в т.ч. ориенталистики, права, естественных наук, сохранило приемлемый уровень. Эти молодые люди производились сразу в степень магистра, поскольку кандидатство они получили уже при выпуске, а через непродолжительное время становились адъюнктами, как, например, Иван Андриевский, осенью 1825 г. державшим экзамены на степень магистра политической экономии. Комиссией были рассмотрены и его «записки», т.е. диссертация «по части политической экономии в духе Адама Смита»[14]. Сочинение получило хороший отзыв рецензента – преподающего политическую экономию экстраординарного профессора Н.И. Бутырского.

Необходимые этапы научной экспертизы и последовательность при производстве в степени соблюдались. 12 октября 1825 г. Совет рассмотрел ходатайство кандидата А.Л. Брута о присвоении ему магистерской степени на основании представленного сочинение «Латинская грамматика», напечатанного тиражом 1200 экз. и отложил присвоение степени до сдачи соискателем установленных магистерских испытаний и представления диссертации, но это произошло лишь через три года[15].

По примеру товарищей и другие выпускники 1823 года выдержали в течение последующих лет магистерские испытания, причем для некоторых они прошли в упрощенной форме. 16 октября 1825 г. Совет рассматривал представление об испытаниях кандидата Н.Ф. Рождественского на степень магистра юридических наук по отделению нравственных и политических наук и рекомендовал соискателю ограничиться представлением диссертации и ее публичной защитой, равно как кандидатам Елпатьевскому и Андриевскому. Устные и письменные испытания для них были сочтены излишними. Совет заключил, что каждый из них уже «выслушал в Санкт-Петербургском университете 6-летний курс учения, равняющийся по уставу Московского и других университетов, двум студенческим курсам» и в течение этого времени мог бы «по отличным успехам в науках… приобресть ученую степень магистра». Кроме того, выпускники 1823 г. в свое время получили звание старших учителей гимназии, соответствовавшее тому же гражданскому чину, что и степень магистра. Совет обратил внимание, что молодые люди уже третий год преподают в университете «наставления студентам», и по силе § 130 устава Московского университета имеют перед прочими предпочтение на присвоение степени адъюнкта, которая «превышает степень магистра как в ученом, так и в гражданском отношении». Совет вынес общее решение по Рождественскому, Елпатьевскому и Андриевскому, чтобы каждый из них объявил тему своей диссертации, «о позволении защищения» которой собирался ходатайствовать перед «высшим начальством»[16].

[14] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1. Л. 99об.
[15] ЦГИА. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1. Л. 114; Там же. Д. 4: Журнал Совета за 1828 г. Л. 222.
[16] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1. Л. 132, 132об.

Как до 1819 г., так и в следующее десятилетие в системе академической аттестации проводились испытания на ученую степень (звание) адъюнкта по процедурам, которые позволяют приблизить ее, скорее, к докторской позиции. Звание адъюнкта предполагало написание диссертации (если она прежде не была написана и защищена для получения магистерской степени) и чтение пробной лекции. Так экзаменовались еще в 1811–1812 гг. стипендиаты ПИ, которые учились в течение трех лет за границей. В 1820 г. К.Ф. Радлов по постановлению факультета, утвержденному Советом и попечителем, должен был для получения степени адъюнкта латинской словесности написать и публично защитить диссертацию по избранной им теме[17]. Но от других устных и письменных экзаменов он был избавлен. Диссертация Радлова «De studio linguarum antiquarum saepe neglecto coque melius distituendo» [О раздельном изучении древних языков] в том же году была успешно защищена[18]. В 1832 г. держал испытания на степень адъюнкта А.В. Никитенко.

Упорядочение академических процедур в конце 1820–1830-х гг.

Присвоение кандидатской степени студентам при выпуске или в течение ближайшего года по результатам итоговых экзаменов и представления диссертаций в 1825–1826 гг. превращается в Петербургском университете в обычную практику.

20 апреля 1825 г. Совет университета рассмотрел прошение Николая Устрялова, в 1824 г. окончившего студентом историко-словесное отделение, о допущении к экзамену на степень кандидата философии по этико-филологическому отделению[19]. Прошение было удовлетворено, и Н.Г. Устрялов, тогда служивший в министерстве финансов, прошел четыре испытания (28 апреля, 13 мая, 27 мая, 30 мая 1825 г.) на степень кандидата. Все условия кандидатского экзамена были соблюдены: Устрялов, «избрав историю главнейшим предметом, экзаменован был устно из истории всеобщей и российской, из географии всеобщей и российской, из статистики всеобщей и российской, из российской словесности, философии и языка немецкого; и письменно: из языков латинского и французского. Также он представил краткое рассуждение из приготовленных предварительно предметов под названием «Следствие феодального правления». Все члены историко-филологического факультета «по прочтении вышеозначенного рассуждения и по соображении устных ответов по разным предметам признали студента Николая Устрялова достойным степени кандидата философского факультета по этико-филологическому отделению», о чем было доложено попечителю учебного округа, а Устрялов снабжен соответствующим свидетельством[20]. Устрялов пишет в мемуарах: «По окончании курса в университете со степенью действительного студента, я не знал, куда приклонить свою го-

[17] ЦГИА СПб., Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232. Л. 3-3об.
[18] Биографика 2012–2025.
[19] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1: Журнал Совета за 1825 г. Л. 39об-40.
[20] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1. Л 66об. - 67.

лову. …Чрез год с небольшим, уже быв на службе, после довольно трудного испытания, я получил 15 июня 1825 г. степень кандидата. Мои родители были очень обрадованы, когда я послал им список с диплома»[21]. Можно заметить, что тема кандидатского сочинения Устрялова была уже вполне специальной для историка, но его кандидатура на две имевшиеся кафедры истории даже в качестве адъюнкта тогда не рассматривалась, так как многие претендовали на эту вакансию. Магистерскую же диссертацию «Обозрение источников русской истории до конца XVII столетия» Устрялов представит и защитит только спустя семь лет, в 1832 г.

На заседании Совета 12 февраля 1826 г. было утверждено представление историко-филологического факультета со списком студентов, окончивших полный курс учения с наивысшим общим баллом. Имели: «Андреев 24 с половиной, Коростовцев 24 с половиной, Устрялов 24 с половиной (речь идет о брате Н.Г. Устрялова Федоре. – *Т.Ж., К.К.*)». На основании § 24 Положения о производстве в ученые степени все трое были признаны «достойными второй степени, т.е. кандидата»[22]. На торжественном акте 20 мая 1826 г. в присутствии министра народного просвещения были торжественно оглашены имена этих студентов и вручены им соответствующие дипломы[23]. Кандидат Федор Устрялов на Акте прочел свое «Рассуждение о свойствах римской словесности и качествах римских писателей». Названия «диссертаций» Андреева и Коростовцева не упоминались и не известно, были ли они представлены.

Кандидатские и магистерские диссертации посторонних университету лиц, поданные к рассмотрению, но содержащие неточности и ошибки, могли обратить на себя внимание и стать предметом разбора. Так, на Совете 24 августа 1826 г. рассматривалось заключение физико-математического факультета на магистерскую диссертацию о шерстяных и суконных фабриках, кандидата Московского университета Кочергина, в котором были усмотрены «некоторые погрешности против наук физико-математического отделения», например, утверждение, что «летучая соляная кислота, соединяясь с сальностию, производит мыло, … глинистые земли, например, квасцы, щелочные соли, из коих лучшая оловянная». Подчеркнув сомнительные в научном отношении выражения, эксперт, в качестве которого выступал профессор химии М.Ф. Соловьев, предложил донести о том министру и вернуть документы соискателю[24]. Однако способности соискателя «в письменных упражнениях» были отмечены и он, вероятно, был произведен в магистры.

Разумеется, практика аттестаций в рамках этих норм, как и «диссертационная культура» университетских сообществ не оставались неизменными. Особенно интересно наблюдать как упорядочивается цепь аттестационных процедур, как все более детализированной и независи-

[21] СПб. университет в воспоминаниях и дневниках… Т. 1. Кн. 1: 176.
[22] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 2: Журнал Совета за 1826 г. Л. 29.
[23] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 2. Л. 72.
[24] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 2. Л. 115об; Ф. 14. Оп. 1. Д. 755.

мой становится экспертиза знаний соискателя. Как, сама диссертация, в т.ч. студенческое исследование, приобретает привычный нам вид.

А.Е. Иванов полагал, что в первой половине XIX в. даже докторские и магистерские работы еще не выходили за уровень рефератов или небольших докладов[25]. По нашим наблюдениям, в начале 1840-х гг. многие кандидатские работы по истории и праву уже представляют собой вполне самостоятельные сочинения, с четкой постановкой проблемы, критическим отношением к научным авторитетам, источникам, четко сформулированными выводами, написанные хорошим литературным языком. Причем сам процесс их написания был осложнен тем, что текст писался от руки, набело, с минимально допускаемыми исправлениями.

Через процедуру получения первых ученых степеней проходило гораздо больше молодых людей, чем обучалось в том или ином университете – за счет вольнослушателей, представителей других университетов, иностранцев, желавших подтверждения диплома, обретенного в европейских университетах, или вовсе не имевших диплома. § 16 Положения об ученых степенях 1819 г., предполагал, что к испытанию на ученые степени допускаются все желающие «без исключения, где бы ни обучались»[26]. Некоторые соискатели слушали приватные лекции петербургских профессоров или свободно посещали профессорские лекции на «внешнем» курсе, иные вообще прибывали со стороны, но многим удавалось выдержать испытание на первые ученые степени. Так, в марте 1825 г. Совет Петербургского университета рассматривал прошение выпускника Волынского лицея Василия Харченко о проведении ему испытаний на степень студента философского факультета по отделению наук физико-математических[27]. Ни дня не пробыв в Петербургском университете, Харченко в апреле-мае того же года был испытан по основным дисциплинам физико-математического факультета, «экзаменован был устно из алгебры, геометрии, тригонометрии, приложения алгебры к геометрии, дифференцированного и интегрального исчисления, из статистики, динамики, гидродинамики, из химии, физики, зоологии, ботаники, минералогии, философии и языков латинского и французского». Факультет счел успехи дворянина Харченко соответствующими степени *кандидата*, но поскольку он не обучался в университете, то на основании § 24 Положения о производстве в ученые степени факультет представил Совету об утверждении Харченко в степени *студента* философского факультета по физико-математическому отделению, с правами сей степени присвоенными»[28]. Действительно, §15 Положения об ученых степенях, оговаривал присвоение степеней в строгой иерархии, исключение составляли люди уже «известные в ученом свете» (§ 17). В то же время на основании §24 Положения 1819 г. студентов, «кои по испытанию призна-

[25] Иванов 2016: 427–428.
[26] Сборник постановлений: … Т. 1. 1873: 1252.
[27] ЦГИА СПб. Оп. 25. Д. 1. Л. 26
[28] ЦГИА СПб. Оп. 25. Д. 1. Л. 67об.

ются отличнейшими по знаниям своим и способностям», можно было сразу производить в кандидаты[29]. Харченко не претендовал на степень кандидата и был произведен в действительные студенты. Кейс Харченко говорит, во-первых, о прекрасном уровне преподавания точных наук в Волынском лицее, не уступавшем университетскому, а во-вторых, о том, что комиссия, экзаменовавшая Харченко, была довольно снисходительна и не вспомнила о необходимости для получения кандидатской степени представить письменное сочинение (§§ 11 и 25 Положения 1819 г.).

Истории производства гражданских чиновников, не обучавшихся в университете, в степень действительного студента и даже кандидата, нередко встречаются в 1820-х – начале 1830-х гг. По той же схеме экзаменовался, например, канцелярист Дмитрий Богданович «на степень студента философского факультета по отделению наук этико-филологических»[30]. Для успеха испытания, помимо знаний, стороннему соискателю полагалось иметь «похвальное засвидетельствование от начальства в нравственных качествах» и поведении (§§ 22 и 23 Положения об ученых степенях). Упомянутые Харченко и Богданович таковые свидетельства представили, первый – от Волынского лицея, вместе с аттестатом, второй – от предводителя дворянства Царскосельского уезда.

Таким же образом экзаменовался и получил в 1840 г. степень кандидата вольнослушатель Медушевский, представив на суд философско-юридического факультета диссертацию «Об опеке и попечительстве»[31]. Отметим, что для окончивших университетские благородные пансионы получение даже первых ученых степеней было осложнено недостатком специальных знаний по «разрядам наук».

Сторонних соискателей кандидатской и магистерской степени на рубеже 1820-х и 1830-х гг. через Совет Петербургского университета проходило немало. Кандидаты Виленского университета Осип Громович в 1829 г. Антон Лемкевич в 1832, кандидат Московского университета Заблоцкий в 1831 г., кандидат Харьковского университета Василий Якимов в 1833 г. и др., представив свои диссертации, проходили соответствующие испытания, становились магистрами[32]. Осенью 1832 г. уже после закрытия Виленского университета, в Совет Петербургского университета препровождена была диссертация Иеронима Малоцкого на соискание степени магистра по физико-математическому отделению, со сведениями о сданных им экзаменах. Работа называлась «De imperioris organizationis animalibus faunac Lithuanica nonnullac observations» [О необходимой организации некоторых наблюдений за представителями животного мира Литвы]. Запросы об экспертизе «сторонних» диссертаций направлялись также через Ученый комитет Главного правления училищ.

[29] Сборник постановлений: … Т. 1. 1873: 1254.
[30] ЦГИА СПб. Оп. 25. Д. 1. л. 27об. – 28.
[31] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 7.
[32] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Дд. 1789, 1867, 2566, 2745, 3007, 3151, 3372, 3412, 3647, 3886.

К концу 1830-х гг. уже все российские университеты реализуют нормы Положения об ученых степенях на месте, зафиксировав собственный экспертный уровень, совершенствуя корпоративные ритуалы и практики. Диффузия соискателей первых ученых степеней между университетами заканчивается. Повышается научное содержание магистерских диссертаций, ритуал их защиты становится публичным. Увеличивается количество диссертационных «дел» собственных магистрантов Петербургского университета, которые в будущем стали известными учеными, за 1835–1849 гг. их около двух десятков. Это «дела» О. Богушевича, В.Я. Струве, И.О. Ценковского, Н.А. Варнека, В.М. Ведрова, В.А. Милютина, П.Л. Чебышева, В.Д. Стасюлевича и др.

Сами процедуры экзамена и критерии оценивания в первое десятилетие после принятия Положения об ученых степенях 1819 г. еще не устоялись, не стали единообразными для всех университетов и отраслей знания. Разнообразному толкованию подвергались и параграфы Положения 1819 г., причем решения, принятые профессорской коллегией в том или ином персональном случае, могли быть опротестованы на уровне попечителя или министра. Министр мог настоять на «особом» режиме испытаний на ученую степень для отдельного просителя, которому лично покровительствовал. Так, например, поступал далекий от академических традиций и реалий А.С. Шишков.

Содержание и уровень кандидатских диссертаций студентов

Уже § 11 Положения 1819 г. устанавливал требования не только к объему знаний соискателя, но и к уровню самостоятельного критического мышления: «Испытание студента, готовящегося получить кандидатскую степень, не должно состоять в одном энциклопедическом обозрении всех наук известного факультета, по показывать и приобретенную им некоторую *способность к суждению* о предметах, коим он преимущественно обучался»[33]. Соискатель кандидатской степени должен был оказать при испытании «отличные сведения и особливые способности по какой-либо части» свидетельством которых было бы «письменное сочинение»[34]. Свое «краткое рассуждение» соискатель представлял в присутствии экзаменаторов по их заданию на одну из заранее подготовленных тем (§ 27). По Положению 1837 г. (§ 10), повторенному в § 28 1844 г.. это должно было быть «рассуждение по одному из главных предметов факультета или отделения», уже по самостоятельному выбору[35]. Присвоение кандидатской степени с 1819 г. предполагало оценивание краткого письменного рассуждения по заданной теме, написанного в день испытания, а с 1837 г. – самостоятельного исследовательского труда, диссертации, которая соответствовала бы специализации.

В университетском фонде в ЦГИА СПб сохранился обширный комплекс студенческих сочинений за 1808–1849 гг., насчитывающий

[33] Сб. постановлений… Т. 1. 1873: 1254.
[34] Сб. постановлений… Т. 1. 1873: 1251.
[35] Сб. постановлений…Т. 2. 1864: 985.

около 200 названий. Самая ранняя работа студента Педагогического института Всеволода Игнатьева «Рассуждения по геологии» датирована 1808 годом. Она представляет собой компиляцию материала на 20 листах, реферативного характера[36] и, естественно, не является кандидатским сочинением. Студенты Педагогического института получали аттестаты на основании только результатов итоговых испытаний, но известны их сочинения. В 1806 г. были изданы написанные в жанре свободных эссе работы студентов первого выпуска института, которые занимались под руководством профессора эстетики И.И. Мартынова[37]. Среди них сочинения будущих профессоров А.П. Куницына, Н.И. Бутырского, эссе «История словесности в Греции и Риме» студента Румского, вскоре чуть было не исключенного из института за буйный нрав.

Кандидатские диссертации студентов конца 1830–1840-х гг. по своему содержанию эволюционируют от формата школьных сочинений реферативного жанра на 15–20 листах до настоящих исследовательских работ, основанных на широком круге литературы и источников. Это происходит по мере конкретизации представлений о научной работе как таковой, при появлении условий для естественников работать в лабораториях, для историков – с историческими источниками. Внутри комплекса студенческих диссертаций заметно преобладание работ юристов, особенно много их по русскому праву, церковному праву, но достаточно и сочинений, написанных по российской и всеобщей истории, истории литературы, классическим древностям. В то же время диссертаций по естественным и точным наукам непропорционально мало. Вероятно, дело в том, что студентов, оканчивавших кандидатами физико-математическое отделение философского факультета, было значительно меньше, чем кандидатов-юристов и кандидатов историко-филологов. На историко-филологическом отделении философского факультета диплом кандидата при выпуске получали около половины студентов, на юридическом факультете – сравнительно немногие.

Темы студенческих кандидатских сочинений разнообразны, некоторые звучат вполне современно. Так в 1840 г. кандидатское сочинение «О гражданском законодательстве Петра Великого» защитил Я.А. Соловьев[38], впоследствии сенатор, организатор аграрной реформы в Царстве Польском. Серьезным источниковедческим исследованием можно считать кандидатское сочинение Алексея Уварова, единственного сына министра народного просвещения, под названием «Исследования, в какой степени дополняются сведения о первом самозванце актами, изданными Археографической комиссиею»[39]. Эта работа была подана 7 апреля 1845 г. по 1-му (историко-филологическому) отделению философско-

[36] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 1.
[37] Сочинения студентов Санкт-Петербургского Педагогического института по части эстетики. СПб., 1806. 255 с.
[38] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 11.
[39] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 57.

го факультета. Текст, переписанный набело писарским почерком, довольно объемен (50 листов, 99 стр.). Прямо на титульном листе и обороте диссертации, по сложившейся традиции, оставил свой комплиментарный отзыв ее рецензент – профессор Н.Г. Устрялов. Он отметил, что «молодой автор, … приняв на себя нелегкий труд рассмотреть и сообразить современные доказательства, доступные единственно зрелой опытности, исполнил свое намерение с необыкновенным старанием, похвальной внимательностью и строгою отчетливостью… Слова свои и предположения он подкрепляет ссылками, … многие замечания и выводы его сделали бы честь и более опытному писателю» Рецензент заключил, что студент Уваров «в полной мере заслуживает ученой степени кандидата как самим трудом, так и любовью к наукам»[40].

Алексей Уваров в своей кандидатской работе воспользовался только что изданными под патронажем его отца, президента Академии наук, источниками о Смутном времени, а именно двумя томами «Актов исторических, собранных Археографическою Комиссиею». Автор получил возможность сравнить сообщения этих документов с источниками Н.М. Карамзина, записками Маржерета и других современников, демонстрируя критический подход и хороший слог. По «Актам…» Алексей Уваров уточняет, например, время прибытия Григория Отрепьева в Краков и, в частности, пишет: «Эти акты уничтожают всякое сомнение о Самозванце; смерть Димитрия Иоанновича явно доказывается; но они нисколько не объясняют, кто был первый Самозванец»[41]. Уваров полемизирует с Н.М. Карамзиным, корректно интерпретирует актовые материалы. При большом объеме текста стиль молодого Уварова весьма емкий, лишенный обычных для того времени длинных периодов и красивостей, автора отличают внимательное прочтение и объективная интерпретация источников, достаточно зрелые и глубокие выводы.

Существенно уступает диссертации Алексея Уварова с точки зрения исследовательских процедур и стиля работа А.М. Дондукова-Корсакова, сына попечителя Петербургского учебного округа, закончившего университет тремя годами ранее и также принадлежавшего к числу студентов-«аристократов». Оканчивая камеральный разряд юридического факультета в 1842 г., будущий герой Кавказа представил кандидатское сочинение, демонстрирующее интерес не только к истории права, но и истории и культуре Востока. Оно было названо: «О причинах, по которым Мугаммед мог иметь столь большое влияние на народ свой как человек и как законодатель». Автор понимает под «законодательством» религиозные преобразования – «водворение единобожия, правил Корана», противоположные «прежнему варварству»[42]. Рецензентом этой диссертации стал профессор А.О. Мухлинский, ему же принадлежит стилистическая и грамматическая правка текста.

[40] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 57. Л. 2
[41] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 57. Л. 3, 3об.
[42] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 32. Л. 11, 14об.

Встречаются кандидатские сочинения весьма остроумно названные и выполненные. Такова диссертация студента К. Закржевского, «Приложение теории вероятностей к судейским приговорам» (1848). Это работа не юриста, как можно было бы полагать по названию, а студента-математика[43]. На титульном листе зафиксирован благоприятный отзыв профессора и академика В.Я. Буняковского.

В 1840-х гг. формы и практики испытаний, соответствующие иерархии ученых степеней, окончательно сложились. Для получения кандидатской степени стали обязательны написание студентом самостоятельной работы, соответствующей его «разряду наук», и ее экспертиза. С 1837 г. лучшие студенческие работы представлялись на соискание золотых и серебряных медалей. По мере углубления методологической и теоретической составляющих преподавания, организации экспериментальных занятий студентов их диссертации приобретают исследовательский характер, усложняется их структура, унифицируется оформление.

Для тех, кто решил посвятить себя ученой службе, начал преподавание и состоял в штате университета, гимназий и других училищ движение от кандидатской степени к магистерской занимало в среднем около пяти лет. Академическая траектория честолюбивого правоведа Тадеуша Бобровского была более стремительной. Окончив Петербургский университет кандидатом в 1848 г., он в течение двух лет сдал магистерские экзамены, подготовил и представил публичную лекцию, написал и защитил магистерскую работу, несмотря на сложные семейные обстоятельства. Бобровский-мемуарист отразил процесс работы над магистерской диссертацией, ее публикацию, организацию защиты и диспута, который обычно проходил в присутствии попечителя, привлекал постороннюю публику, нередко вызывал серьезную научную полемику[44].

Российская ученая степень магистра не имела аналогов в немецких университетах. Профессора-иностранцы, приглашенные в Россию, писали, как правило, лишь одну диссертацию – докторскую, причем готовили и защищали ее в начале своей карьеры, в возрасте 22–25 лет (Христиан фон Шлецер, Э.-Б. Раупах, Л.И. Панснер). Европейская докторская степень в российском законодательстве сразу соотносилась с докторской позицией, а ее обладатели, как в случае с О.И. Сенковским, а до него с Ф. Шармуа и Ш. Деманжем, становились ординарными профессорами, несмотря на молодость и отсутствие серьезных трудов.

***

В 1810 – 1840-х гг. российский университет развивается не только как учебный, но и как научно-исследовательский институт – по мере упрощения иерархии ученых степеней и более жесткого соотнесения ученой степени со штатной должностью в университете. Сами университетские сообщества обсуждали детали процедуры испытаний и присуждения ученых степеней, определяли объем и структуру необходи-

[43] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 75. Д. 1848

[44] СПб. университет в воспоминаниях и дневниках… Т. 1. Кн. 1: 364 – 380.

мых соискателю знаний. В Петербурге эта работа шла уже в 1814–1817 гг. под руководством попечителя С.С. Уварова, ему же Главным правлением училищ было поручено доработать первоначальный проект Положения об ученых степенях. В ходе координации усилий профессуры и администраторов просвещения локальные положения становились универсальными, обретали силу закона и адаптировались к повседневной практике. В 1830-е гг. происходит дифференциация разрядов наук и, соответственно, специализация проводимых испытаний, в том числе на уровне кандидатских экзаменов и «диссертаций». Факультеты становятся более самостоятельными в оценке компетентности соискателей, вырабатывается порядок и стиль рецензирования кандидатских диссертаций студентов и соискателей.

Анализ сохранившихся в архиве Петербургского университета кандидатских диссертаций обнаруживает усложнение этой процедуры научной аттестации. Структура диссертаций на протяжении первой половины XIX в. сохраняет достаточно вольное построение частей, наибольшее число работ было написано юристами и историками. По мере конкретизации представлений об исследовательской работе и углубления научной специализации кандидатские сочинения становятся все более оригинальными в научном отношении.

Ученая степень приобретает социальное значение в силу своей привязки к системе чинов. Лицам, не принадлежавшим университету и не состоявшим в ученой службе, обладание одной из первых ученых степеней обещало ускоренное чинопроизводство, так как уже в начале XIX в. действительный студент вступал в службу XIV, а кандидат XII классом. Повышение в 1837 г. для магистров классных чинов с X до IX класса мотивировало лучших выпускников университета, окончивших его кандидатами, для упрочения своего статуса стремиться к следующей, магистерской степени, достижимой с интервалом в два года. Востребованность магистерской степени для гражданских чиновников вне «ученой» службы подтверждает карьера Тадеуша Бобровского, впоследствии авторитетного земского судьи, участника земельной реформы в Киевской и Подольской губерниях.

Что касается социальной проекции линейки ученых степеней, можно заметить, что степень кандидата выполняла несколько функций: в отношении выпускников университета она была окончательной, маркируя высокий уровень их познаний; в отношении оставленных в университете для преподавания – промежуточной, совпадающей со штатной должностью – до завершения ими магистерских испытаний и обретения следующей степени. Для последовательно выстраивавших научную карьеру – стартовым условием ее успешного развития.

Таким образом, социальное и административное влияние российского университета уже в первые десятилетия XIX в. было шире, чем еще недавно представляли себе университетские историки. Оно осу-

ществлялось не только через подготовку дипломированных специалистов «для разных родов государственной службы», через кураторство над всеми училищами округа, через экзаменование и наделение университетскими аттестатами чиновников по указу 1809 г., через систему публичных лекций и коммемораций, но и через социально привлекательную систему присвоения ученых степеней.

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 732. Оп. 1.
ЦГИА (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 13. Оп. 1.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Оп. 9. Оп. 25. Оп. 27

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62). С. 62–89. [Andreyev A.YU. Vozniknoveniye sistemy rossiyskikh uchenykh stepeney v nachale XIX v. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2015. Vyp. 1(62). p. 62–89].

Артёмова Л.В. Роль университетов Российской империи в становлении и развитии института разрядов наук и испытаний на ученые степени: Дис. ... канд. ист. наук. Невинномысск, 2002. 260 с. [Artomova L.V. Rol' universitetov Rossiyskoy imperii v stanovlenii i razvitii instituta razryadov nauk i ispytaniy na uchenyye stepeni: Dis. ... kand. ist. nauk. Nevinnomyssk, 2002. 260 p.]

Биографика профессоров Санкт-Петербургского университета. Режим доступа: https:// bioslovhist.spbu.ru [Biografika professorov Sankt-Peterburgskogo universiteta. Rezhim dostupa: https:// bioslovhist.spbu.ru]

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // НЛО. 2013. № 4 (122). С. 84–107. [Vishlenkova Ye.A., Il'ina K.A. Ob uchenykh stepenyakh i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala nauchnuyu i prakticheskuyu znachimost' // NLO. 2013. № 4 (122). pp. 84–107].

Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – нач. XX в.) / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с. [Dissertatsionnaya kul'tura rossiyskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertatsiy (XIX – nachalo XX v.) / pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. 464 p.].

Жарова Е.Ю. Положения о присуждении ученых степеней в Российской империи как отражение дифференциации биологических наук // NB: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 236–272. [Zharova Ye.YU. Polozheniya o prisuzhdenii uchenykh stepeney v Rossiyskoy imperii kak otrazheniye differentsiatsii biologicheskikh nauk // NB: Istoricheskiye issledovaniya. 2012. № 2. p. 236–272].

Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX в. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с. [Ivanov A.Ye. Uchenoye dostoinstvo v Rossiyskoy imperii XVIII – nachalo XX v. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly. M.: Novyy khronograf, 2016. 656 p.].

Климов А.Ю. История кандидатских экзаменов в нормативно-правовых актах России (1802–2004): Дис… канд. ист.наук. Пятигорск, 2004 221 с. [Klimov A.YU. Istoriya kandidatskikh ekzamenov v normativno-pravovykh aktakh Rossii (1802–2004): Dis… kand. ist.nauk. Pyatigorsk, 2004 221 p.].

Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): Ист. очерк. Т. 1. Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев: Тип. Маттисена, 1902. 4, 605, 39 с. [Petukhov E.V. Imperatorskii Iur'evskii, byvshii Derptskii, universitet za sto let ego sushchestvovaniia (1802–1902): Ist. ocherk. T. 1. Pervyi i vtoroi periody (1802–1865). Iur'ev, 1902. 4, 605, 39 p.].

Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках. В 3 т. Т. 1. 1807 – 1861: в 2 кн. Сост. и отв. ред. Т.Н. Жуковская. Вст. статья Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова, О.А. Любезников; подг. текстов и коммент. Т.Н. Жуковская, С.С. Курочкин, С.А. Курылев, А.В. Ашихмин. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. Кн. 1. 1807–1854. 598 с.

[Sankt-Peterburgskiy universitet v vospominaniyakh i dnevnikakh. V 3 t. T. 1. 1807–1861: v 2 kn. Sost. i otv. red. T.N. Zhukovskaya. Vst. Stat'ya T.N. Zhukovskaya, K.S. Kazakova, O.A. Lyubeznikov; podg. teksty i kommentatory. T.N. Zhukovskaya, S.S. Kurochkin, S.A. Kurylev, A.V. Ashikhmin. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2024. Kn. 1. 1807–1854. 598 p.].

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873, 1869 с. [Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 1. SPb., 1873, 1869 p.].

Жуковская Татьяна Николаевна, *кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник tzhukovskaya@yandex.ru*

Казакова Ксения Сергеевна, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский центр РАН, k.kazakova@ksc.ru*

The first degrees, their status and the procedure of awarding in the first half of the 19th century (on materials of St. Petersburg University)

The article examines the system of scientific certification in Russian universities in the 1800s–1840s, extended to students and beginning teachers, the application of legislative norms and important individual cases, using student, candidate and master's examinations as an example. It is concluded that the institutionalization of the first academic degrees and the construction of their hierarchy began even before the development of the Regulation of 1819 and took about one and a half decades. The demand for the candidate's degree outside of academic service gave it social value. Analysis of the practices of scientific certification of university graduates, as well as those left in it for teaching with the status of candidates and masters, allows us to say that already in the first decades of the 19th century the university was formed not only as a center of education and science, but also as a center of academic licensing of the new enlightened bureaucracy. Based on the analysis of student dissertations preserved in the collection of the St. Petersburg University in the Central State Historical Archives of St. Petersburg, the transformation of the structure of students' candidate theses is traced over the period under consideration. The analysis of personal academic "histories" shows that academic degrees, except for doctoral degrees, could be obtained by applicants within two years of completing their studies at the university.

Keywords: *scientific certification, academic degrees, dissertation, current student, candidate, master, history of St. Petersburg University, history of education*

Tatyana N. Zhukovskaya, *Candidate of Sciences in History,* ***St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences***

Ksenia S. Kazakova, *Candidate of Sciences in History,* ***Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences***

А.В. Антощенко

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЮБИЛЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ

В статье анализируются образы научных школ Московского университета, сконструированные в воспоминаниях его выпускников-эмигрантов в связи с празднованием 175-летия alma mater. Научные школы рассматриваются как результат двойной социальной структурации – сначала учителями, создававшими их, а потом учениками, осмысливающими их значение. Автор раскрывает обусловленность формирования представления о школах приверженностью мемуаристов принципу аполитизма и стремлением показать их значение для развития мировой науки. Разделение интерналистского и экстерналистского подходов к характеристике научных школ позволяет, с одной стороны, показать общее и особенное в становлении и развитии школ у представителей различных наук, придерживавшихся научного этоса, свойственного классической эпистеме. С другой – раскрыть ограничивающее влияние восприятия экстрагенного фактора, не позволявшего позитивно оценивать образовательную и научную политику большевиков. В итоге авторы воспоминаний характеризовали научные школы прежде всего как эмигранты, а потом уже как ученые.

Ключевые слова: *Московской университет, научная школа, мемуары, юбилей, российская пореволюционная эмиграция.*

Предмет исследования, результаты которого представлены в данной статье, сформировался на пересечении двух трендов, интенсивно развивающихся в исторических исследованиях последних лет. С одной стороны, это – изучение истории университетов как социокультурного явления, в институциональных рамках которых складываются научные школы как самостоятельно существующие, вырабатывающие нормы своей деятельности и подчиняющиеся им коммуникативные сообщества[1]. С другой, – исследования исторической памяти и коммеморативных практик, которыми обусловлены процессы оформления исторических образов событий и явлений, выступающих предметом совместных и, прежде всего, праздничных (как правило, юбилейных) воспоминаний. Причем последние, как справедливо отмечается в исследовательской литературе, служат не столько следствием, сколько катализатором первых[2]. Таким образом, при первом приближении предметом исследования являются образы научных школ Московского университета и принципы их формирования в воспоминаниях его выпускников в связи с празднованием 175-летия alma mater в русском зарубежье.

Отправные методологические принципы изучения материала определяются обращением к идеям Э. Гидденса о двойной герменевтике как результате двойной структурации социальной действительности, т.е. научная школа рассматривается как социокультурный конструкт. Он первоначально создается сознательно-неосознанной деятельностью учителей, в результате которой происходит структурация научной школы в

[1] Подробно об этом применительно к историческим школам: Корзун, Мягков 2013.
[2] Иванова, Мягков 2015: 384, 388. Ср.: Посохов 2015.

прошлой реальности. Потом происходит вторичная структурация школы учениками, что предполагает вторичную герменевтику, т.е. понимание значения школы для них (учеников). Такой подход комплементарен с некоторыми положениями социологии «академического поля» Пьера Бурдье, в рамках которого происходит осмысление и рационализация школьного габитуса. Как наследники конструируемых традиций учителей ученики определяют свое положение и повышают свой статус, используя принадлежность к школе как символический капитал. Наконец, немаловажными для исследования оказываются методологические принципы, связанные с «идеальными типами» Макса Вебера. Образ научной школы «идеализируется» не только в буквальном, но и в метафорическом смысле: он становится логическим конструктом, с которым можно соотносить прошлые реалии, делая их историческими (то есть о*смысл*ивая их). Помимо этого, учитывалась динамика методологии изучения научных школ при переходе от классической к неклассической и постнеклассической парадигмам познавательной деятельности[3].

После краткого методологического экскурса можно уточнить предмет исследования данной статьи, который создается методом в духе рассматриваемого материала: осмысление значения научных школ в образах, создаваемых в воспоминаниях выпускников-эмигрантов.

Теперь можно перейти к особенностям источников и конкретно-исторической ситуации (контекста), когда формируются образы. Воспоминания были написаны в конце 1929 г. – самом начале 1930 г., в связи с подготовкой и празднованием в Татьянин день, 25 января 1930 г., 175-летнего юбилея Московского университета, инициированного Обществом выпускников университета, конституированным в апреле 1929 г. в Париже. Парижский комитет, созданный на базе Общества выпускников для подготовки этого юбилея, вместе с образованным вскоре Пражским комитетом решили ознаменовать это событие выпуском сборника статей и воспоминаний о Московском университете, что и было реализовано, хотя с некоторым запозданием[4]. Помимо сборника в эмигрантской периодической печати появилось множество материалов и воспоминаний, которые совсем недавно были собраны нами в электронное издание «Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье»[5]. Эти издания стали источниковой базой для проведения исследования.

Уже характер и время проведения юбилейных мероприятий и создания воспоминаний накладывают ограничения на рассмотрение условий формирования научных школ. Они ограничивались университетскими стенами, что латентно предполагало институциональную рамку, определяющую место их возникновения. В ходе обсуждения характера празднования выявились еще два важные условия, которые нужно учи-

[3] Бурганова, Мягков 2017.
[4] Московский университет: 1755–1930.
[5] Празднование 2024.

тывать для понимания принципов и адекватности представлений образа университета и его научных школ в воспоминаниях.

Во-первых, аполитизм празднования, который провозглашался и подчеркивался, чтобы избежать возможных разногласий и расколов по политическим мотивам в ходе проведения юбилейных мероприятий. Этот принцип не распространялся на большевиков и их режим отношения к университету. Тем самым акцент при рассмотрении истории научных школ делался на интернализме, хотя это понятие и не использовалось. В эталонных версиях образа юбиляра университет рассматривался как центр научных исследований, а наука становилась основой просвещения и центром культурного развития[6], что предполагало важную роль научных школ в реализации этой его миссии. Как только в повествовании главным становился иной взгляд, предполагающий рассмотрение влияния царского правительства на развитие университета, как это было у П.Н. Милюкова, или сотрудничества государства и общества в деле развития университетского образования, как характеризовал этот процесс П.Б. Струве, или, наконец, даже в случае подчеркивания роли юбиляра в формировании политических и культурных элит возникших после Первой мировой войны государств или тех стран, которые опирались на поддержку России в своей борьбе за независимость, сразу же научные школы как предмет специального внимания практически исчезали из повествований[7]. В отношении же большевистского режима, напротив, превалировал экстернализм, что стало основой для коллизий при оценке роли тех ученых из поколения учеников, которые остались после революций 1917 г. в Советской России.

Во-вторых, следует учитывать ущемленность положения эмигрантов, особенно отчетливо проявлявшуюся в условиях начавшегося мирового экономического кризиса. При таких обстоятельствах для образованной части российских диаспор международный авторитет научных школ Московского университета играл компенсаторную роль, подпитывая порой ресентимент, связанный с утратой былого величия их родины. Вследствие этого можно говорить об амбивалентности влияния этого условия. С одной стороны, международное признание достижений создателей школ предполагало универсализм науки, так как в основе его лежало представление о единстве прогрессивного развития научного познания. С другой, – организация научной деятельности в пределах государственных границ и в рамках национальных культур создавала соблазн указания на особенности *русской* науки. Правда, попытка подчеркнуть эти непонятые на Западе особенности в докладе И.А. Ильина на торжествах по случаю 175-летия Московского университета в Берлине встретило критику со стороны корреспондента газеты «Сегодня»[8].

[6] Московский университет: 1755–1930: 9–140; Празднование 2024: 41–47; Горелова 2005.
[7] Ср.: Празднование 2024: 48–65; 72–77; 248–249; 250–251. Ганфман 1930.
[8] Юрьев 1930.

Однако практически все выступающие на торжественных актах в столичных городах многочисленных стран-реципиентов обращались к собравшимся по-русски. Исключения составили выступление В.А. Маклакова, обратившегося по-французски к гостям торжеств в Париже[9] и поместившего возникновение alma mater в европейскую историю развития университетского образования, а также доклад А.Р. Ледницкого «Московский университет и западная культура», произнесенный на юбилейном собрании в Варшаве по-польски[10]. Впрочем, практически все выступавшие по-русски на торжественных собраниях в разных уголках трех континентов, хотя и подчеркивали особое значение родного университета для развития мировой науки и культуры, не были склонны противопоставлять им заслуги русских ученых или указывать на их превосходство. В.А. Маклаков, признавая значительное отставание университетского образования в России, превращал этот недостаток в достоинство: отечественные ученые смогли достичь международных высот научного знания за значительно более короткий период времени. Эту тенденцию признания успехов русских ученых международным научным сообществом, а значит и включенности их в него, подчеркивали многочисленные поздравительные адреса от иностранных университетов, зачитываемые на торжественных актах.

Локализация исторической памяти в юбилейных мемуарах выпускников была четко задана – Москва, в пространствах которой выделялись «старое» и «новое» здание университета, Девичье поле, с возведенными на нем зданиями медицинских клиник, Козиха, где по частным квартирам селилась значительная часть студентов, и т.д. В газетных публикациях мемориальный локус зачастую визуализировался фотографией здания Московского университета на Моховой, вынесенной и на форзац юбилейного сборника. Такая концентрированность символически отражала восприятие роли Московского университета в развитии российского образования и просвещения. Он представал не только как старейший, но и как центральный университет в системе высшего образования страны практически во всех воспоминаниях. Пожалуй, наиболее полно это выразил П.Б. Струве, отметивший, что правительство, обосновывая выбор места устройства университета, принимало во внимание «положение Москвы в сердце государства»[11]. Центральная роль Московского университета, в его представлении, сохранялась и в последующем, несмотря на увеличение числа университетских городов. Отмечая значительный вклад всех российских университетов «в научную культуру своей страны и всего человечества», он все же особо выделял Московский университет: «И вот, да позволено будет мне, как историку науки, высказать мысль, что, с одной стороны, по массе произведенной коллективной научной работы и, с другой стороны, в смысле внедрения

[9] Юбилей И[мператорского] М[осковского] университета 1930.
[10] Татьянин день. В Варшаве 1930: 3.
[11] Празднование 2024: 74.

научной культуры в окружающую общественную среду, Московскому университету принадлежит среди русских университетов не только возрастное старшинство, но и реальное первенство»[12]. Тем самым он воспроизводил характерное для второй половины XIX в. мнение министерства народного просвещения о том, что Московский университет является «рассадником» профессорских кадров для российского высшего образования. При таком взгляде, свойственном и для других мемуаристов, формирование научных школ в России в значительной степени шло методом «отпочкования» их от московских.

Переходя от условий вторичной структурации к условиям первичной, стоит отметить, что они непосредственно влияли друг на друга. Возраст мемуаристов предполагал, что они в своих воспоминаниях могли охватывать только период с 1860-х гг. Самые ранние из опубликованных воспоминаний принадлежали кн. Д.Д. Оболенскому, выпускнику 1865 г.[13], что подчеркивалось даже в названии мемуарий. В воспоминаниях С.В. Завадского содержались данные о более раннем времени, но это был пересказ слышанного от его дедов и отца[14], ничего не дающий для понимания той проблемы, которая находится в центре внимания в данной статье. Можно утверждать, что практически все мемуаристы в той или иной мере пережили или стали свидетелями мировоззренческого перехода от романтического и метафизического отношения к науке к реалистическому (позитивистскому или материалистическому), сменившемуся затем возвратом к метафизике. Для большинства из них именно на первый переход приходилось время становления их как ученых, но в условиях, когда они оказались вынуждены покинуть родину из-за угрозы большевистских преследований, философский реванш метафизики оказывался для них не только понятным, но и приемлемым.

Знакомство с большим массивом воспоминаний представителей разных наук и, соответственно, факультетов (по уставам 1863 и 1884 гг. их было четыре: историко-филологический, юридический, медицинский и физико-математический, число же кафедр, которые тогда отождествлялись с научными дисциплинами, значительно увеличилось) позволило выделить две крайние позиции, которые отличались восприятием науки. На одном фланге можно разместить не только воспоминания, но и характеристики сербским академиком А.И. Беличем московской лингвистической школы, созданной Ф.Ф. Фортунатовым[15]. На другом – описание Д.П. Рябушинским деятельности Московского математического общества[16], из которого выросло несколько научных школ. Они интересны тем, что выражают различия двух подходов к восприятию условий и содержания формирования научного знания – гуманитарного и

[12] Празднование 2024: 76–77.
[13] Московский университет: 1755–1930: 245–261.
[14] Московский университет: 1755–1930: 320–337.
[15] Празднование 2024: 157–161.
[16] Празднование 2024: 189–192.

естественнонаучного, но также, как представляется, и двух этапов процесса изменения школообразующих практик.

Для сербского лингвиста было свойственно скорее романтическое представление о науке филологии, которое основывалось на «любви к слову», что предполагало единство личностного отношения к предмету исследования и общепринятости его результатов. Поэтому достоинство Фортунатова он видел в способности «соединить в себе *человека* и мыслителя-*ученого*», а также объединить вокруг себя «людей, *живших* лингвистической наукой» (курсивы мои. – *А. А.*). Лежащее в основе такого подхода единение «души» (или «сердца») и «холодного ума» (или «разума»), с первенством того или другого в зависимости от личностных особенностей ученого, создавало своеобразную научную атмосферу, выражавшуюся в неразрывности жизненного быта и научного исследования. Научная школа при этом становилась большой семьей: характерная для нее близость исследовательских идей и подходов воспринималась как душевное родство. Не случайно для характеристики условий формирования школы А.И. Белич использовал образ «дома-академии»: «В атмосфере, созданной перенесением науки из университета в дом, из дома в жизнь многих и многих других людей, научный интерес как бы становился первой потребностью обыденной жизни. Дом становился академией в античном смысле слова, а хозяин или хозяева учителями или первоучителями»[17].

У Д.П. Рябушинского отчетливо проявлялось строго позитивистское отношение к науке как получению и распространению новых знаний, когда именно их новизна и общепринятая обязательность становились главным мерилом достижений (при этом личностные характеристики учителей утрачивали свое особое значение). Вполне логично при таком подходе специализация выступала как показатель развития научного знания и условие новых достижений, что выражалось в их конкретности, но порождало известного рода «сухость» характеристик успехов, обеспечивавших первенство тех или иных российских научных школ в мировом масштабе науки. Хотя Московское математическое общество выросло из домашних встреч у вышедшего в отставку профессора Н.Д. Брашмана, для Д.П. Рябушинского важным являлось не это обстоятельство, а утверждение устава общества, то есть формальное конституирование его деятельности.

Сравнивая гуманитариев и естествоиспытателей следует отметить и еще одну существенную разницу. Принцип экстернализма при характеристике послереволюционных условий работы ученых оценивался негативно лишь применительно к представителям гуманитарных наук, которые либо были изгнаны из страны, либо вынуждены были подчиниться идеологическому диктату большевиков. Такой ограничительный подход, когда казалось, что естественнонаучное познание по своим методам, а главное – по результатам исследовательской деятельности, не

[17] Празднование 2024: 159.

зависит от идеологии, позволял Д.П. Рябушинскому не исключать из числа упоминаемых ученых тех, кто оставался в СССР. В этом он был близок с П.Н. Милюковым, который характеризовал университет как центр общественной оппозиции консервативной политике правительства, а юбилей – как праздник интеллигенции[18]. Центральное для его нарратива противопоставление отстаивающих свои академические свободы профессоров и доцентов университета, с одной стороны, и представителей власти – с другой (независимо от ее характера: будь то самодержавие в прошлом или репрессивно-подавляющий режим большевиков в конце 1920-х гг.) являлось залогом возможности для сохранения в условиях советского режима независимости и свободы исследования для естествоиспытателей, как представителей «нейтральных наук», и, соответственно, той традиции, которая позволит возродить российскую науку после падения власти большевиков. Тем самым, можно было говорить, что дореволюционные школы в естествознании сохраняются и при советской власти. Это положение, как и акцент в выступлении П.Н. Милюкова на оппозиционном характере деятельности интеллигенции, вызвали неприятие значительной части присутствующей на торжествах аудитории, что чуть не породило скандал[19].

Иную позицию в этом вопросе заняли митрополит Евлогий[20], возглавлявший русские православные приходы в Западной Европе, а также представители «школы парижского богословия» о. Сергий Булгаков и А.В. Карташев[21]. Их позиция отчасти обусловливалась российской особенностью: отделение высшего религиозного образования в форме духовных академий от светского в университетах создавало почву для довольно скептического отношения позитивистки ориентированных профессоров к религии и православной церкви. К этому можно добавить и особенности личных судеб авторов. Митрополит Евлогий учился в Московской духовной академии в то время, когда в ней преподавал известный историк и профессор Московского университета В.О. Ключевский. С.Н. Булгаков, выпускник юридического факультета Московского университета, проделал сложную мировоззренческую эволюцию от марксизма через идеализм и религию к православию. Не менее зигзагообразным был путь А.В. Карташева, с детства глубоко погруженного в литургию православия с юношеским уклоном в сторону нового религиозного сознания, взлетом до поста министра вероисповеданий Временного правительства и, наконец, возвращением к научно-педагогической деятельности в Свято-Сергиевском православном институте в Париже.

Митрополит Евлогий, ссылаясь на свой образовательный опыт и авторитет В.О. Ключевского, отстаивал единство научного знания, поддерживал реабилитацию православия и выступал в защиту религии от обвинений позитивистов. Христианство, в его интерпретации, не только

[18] Празднование 2024: 48–65.
[19] Юбилей И[мператорского] М[осковского] университета… Ср.: Гутнов 2005: 95–97.
[20] Празднование 2024: 82–84.
[21] Там же: 85–91.

не противоречило научному познанию мира. Наоборот, он подчеркивал христианские основы науки. Эту идею развивал о. Сергий Булгаков, опираясь на свое учение о Софии Премудрости Божией, которое предполагало не только единство мироздания, но и единство научного познания. В его интерпретации богословская метафизика вновь становилась основой единства физического мироздания.

А.В. Карташев сосредоточил внимание на социальных последствиях научной деятельности, разделяя «благое» и «злое» просвещение. В его интерпретации процесса распространения результатов научного знания путем просвещения народных масс принцип экстернализма в равной мере распространялся на все науки, в т.ч. на естественные, результаты которых могут быть использованы как «во благо», так и «во зло». Тем самым им ставилась проблема не только социальной обусловленности научной деятельности, но также общественной ответственности ученых за последствия этой деятельности и снималось ограничение для использования принципа экстернализма только применительно к представителям гуманитарных дисциплин. Наконец, такой взгляд, поддержанный писателем И.С. Шмелевым[22], предполагал не только ответственность за произошедшее на родине, но и вынужденный разрыв с предшествующим развитием, что превращало юбилейное торжество в поминки.

Вернемся к пространству между двумя отмеченными подходами – романтическим (условно гуманитарным) и позитивистским (условно естественнонаучным) восприятиями – для характеристики своеобразного места в нем медицинских школ. По признаку специализации научного познания медики оказывались ближе к математикам. Имеющиеся воспоминания не позволяют определить принципы выделения школ у т.н. врачей-«теоретиков», но они отчетливо видны у практиков, или «клиницистов». Университетские клиники со второй половины XIX в. воспринимаются мемуаристами как центры формирования практически ориентированных специалистов, т.е. как материально-техническая база и организационная структура для складывания школ. Не удивительно, что С.С. Абрамов и М.С. Зёрнов в своих мемуарах[23] очень конкретны при определении достижений международного уровня тех профессоров-медиков, которые стали основателями школ, базировавшихся в клиниках. Они определяли направления будущих исследований своих учеников не только своими знаниями и опытом, но и всей атмосферой, создаваемой в стенах клиник. Но в то же время у медиков заметны черты сходства с гуманитариями в плане образовательных компонент формирования школ в университете. В первую очередь медиками отмечалось влияние лекций на формирование интереса к научной деятельности. Особое значение имели лекции «клиницистов», которые строились на основе разбора конкретных случаев заболеваний, т.е. объединяли теоретический и практический аспект обучения. На фоне признанного всеми

[22] Празднование 2024: 95,
[23] Московский университет: 1755–1930: 365–404; Празднование 2024: 133–137.

мемуаристами лекторского мастерства историка В.О. Ключевского и значения умения «подать материал», характерного, прежде всего, для гуманитариев, лекции некоторых профессоров-медиков оценивались не только с точки зрения содержательности и логики, но и с эстетической точки зрения. М.С. Зёрнов вспоминал: «Лекции знаменитого Бабухина в особенности были популярны среди студенчества. Его слушали студенты всех факультетов. Аудитории наши всегда были переполнены, и для того, чтобы попасть на лекцию, часто приходилось занимать места в аудиториях заранее. Блестящий лекторский талант Бабухина был явлением совершенно исключительным. В его изложении, скучный, казалось бы, очень специальный предмет, гистология – микроскопическая анатомия превращался в чрезвычайно привлекательную научную дисциплину. Он умел в свое изложение вводить интереснейшие экскурсы в область других наук, философии, истории и даже литературы… Обычно студенты-медики не пропускали ни одной его лекции. Впрочем, это можно сказать и относительно курсов и других наших профессоров»[24].

К этому можно добавить важную для медиков образовательную практику – создание учебных пособий и руководств, которые ценились, а потому и отмечались в воспоминаниях учениками. Впрочем, создание учебных пособий было характерно для представителей всех факультетов. А вот профессиональной этикой, возведенной в ранг клятвы, могли похвастаться только медики. Приводимая по памяти С.С. Абрамовым в завершении мемориального очерка о медицинском факультете Московского университета 1890-х гг. эта клятва, произносимая после защиты диссертации[25], напоминала клятву Гиппократа. Правда, мемуарист возводил связанное с этим подчинение «личных и сословных интересов интересам больного» в исключительно русскую добродетель[26], тогда как речь должна была идти о предполагавшемся бескорыстии всех «настоящих» ученых, работавших в стенах Московского университета, что было одним из элементов научного этоса. Не случайно, извлечение выгоды из научных знаний если не осуждалось открыто, как у медиков, то игнорировалось в воспоминаниях представителей других дисциплин.

Наиболее близкими к гуманитариям оказывались медики-психологи, что не удивительно в силу специфики их предмета. Н.Е. Осипов при характеристике формирования школы С.С. Корсакова – В.П. Сербского вписал ее в общие тенденции развития мировой психиатрии, отметив внедрение сначала английской системы «нестеснения» («no-restraint», – уточнял он по-английски, даже не пытаясь найти более привычный для медиков латинский эквивалент) в клинике, а потом и системы патронажа (или «домашнего призрения», patronage familial) душевных больных в создаваемых в деревнях ремесленных мастерских или земледельче-

[24] Празднование 2024: 134.
[25] Московский университет: 1755–1930: 403–404.
[26] В этом с ним был солидарен писатель И.С. Шмелев, ратовавший если не за русскую науку, то за русское просвещение. См.: Празднование 2024: 97.

ских артелях. Для мемуариста важно было подчеркнуть гуманизм врача, что проявлялось даже в определении «предмета исследования»: «Сумасшедший есть несчастный, больной человек, душевно-больной»[27]. Этим обосновывался принцип морального влияния на него, положенный в основу деятельности руководителей психиатрической клиники.

Отметим парадоксальность определений мемуариста: в *метафизике* С.С. Корсаков – материалист[28]. Дело в том, что метафизику Н.Е. Осипов воспринимал как синоним философского мировоззрения, что позволяло ему подчеркнуть *методологический* характер материализма основателя школы. Так же *методологическим* мемуарист называл позитивизм ученика С.С. Корсакова – В.П. Сербского. Тем самым он связывал воедино две тенденции: во-первых, поворот к метафизике, характерный в конце XIX в. для философов-«москвичей», который он оценивал положительно, как оппозицию материализму и позитивизму; во-вторых, возрастающее значение методологии, т.е. роли метода, на котором основывалась научная школа, для единства подхода к изучаемому больному.

Еще одна важная деталь: при личностной характеристике своих учи-телей (особенно Сербского) Осипов использовал не бытовой язык, который в воспоминаниях его коллег-медиков зачастую оказывался выспренним, но «пустым» (можно привести определения в воспоминаниях С.С. Абрамова: «грозноблестящий» А.Г. Столетов, «маститый» А.А. Богданов, «самобытный» А.Д. Булыгинский, «великий» И.М. Сеченов), но профессиональный язык психолога. Особенно это проявилось при характеристике смены лидера школы в связи со смертью С.С. Корсакова. Психологической особенностью В.П. Сербского мемуарист назвал «заторможенность», основу которой составляла «верность не только своим убеждениям, но и своим чувствам», и «цельность» характера «меланхолика». Исходя из этого Н.Е. Осипов характеризовал особенности действий В.П. Сербского уже как главы психиатрической клиники, используя при этом достаточно своеобразную метафору «вдова». Важным являлось и упоминание о «малых пятницах» в психиатрической клинике как *междисциплинарных собраниях* с участием историков, педагогов, богословов и др., т.е. стирающих привычные дисциплинарные границы.

Перейдем к историкам. Помещенные в сборнике воспоминания П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова, уже неоднократно анализировались исследователями «московской исторической школы»[29]. В них четко просматривается система формирования школы, возглавляемой В.О. Ключевским и П. Г. Виноградовым. Если первый пробуждал интерес к истории и вдохновлял на исследования своими лекциями, то второй – учил методике работы с историческими источниками на семинарах. Объединяющим началом школы был, по признанию мемуаристов, социологи-

[27] Московский университет: 1755–1930: 414.
[28] Там же.
[29] Назову лишь итоговую на данный момент докторскую диссертацию Д. А. Цыганкова, в которой содержится и историографический экскурс. – Цыганков 2023: 52–69.

ческий подход к изучению прошлого. Организационные аспекты, связанные с формированием школы в стенах университета (патронаж, стипендии, медальные сочинения и т.д.) также рассматривались исследователями, но они не нашли отражения в воспоминаниях, как не соответствующие высоким представлениям об университетском учительстве.

В целом для формирования научных школ Московского университета в конце XIX в. все более характерным становилось именно методологическое единство, которое предполагало сначала выработку строго научного метода, а потом разработку с его помощью конкретного материала. Другой намечающейся общей тенденцией можно назвать междисциплинарность. Она уже отмечалось у психологов, но ее можно заметить и у правоведов в воспоминаниях М.М. Ковалевского[30], соединявшего в своих исследованиях право с социологией и историей. Хотя позитивная оценка этой тенденции у правоведов была едва ли возможна из-за трансформации историко-филологических факультетов российских университетов большевиками, создавшими вместо них факультеты общественных наук в целях утверждения и развития марксистской идеологии.

Однако это не должно заслонять собой те условия подготовки на юридическом факультете, которые препятствовали созданию научных школ в его рамках. Они скорее угадываются сейчас, нежели открыто прокламировались в воспоминаниях выпускников-юристов. Во многом это определялось, с одной стороны, эндогенными, а, с другой – экзогенными факторами. К первым можно отнести, прежде всего, многочисленность студентов на факультете, затрудняющую установление личной связи между учителями и учениками. Отмечавший это И.К. Перетрухин задавался резонными вопросами: «Как же нас будут знать профессора? Как они смогут наставить нас, направить нас, действительно подготовить нас в знание юриспруденции?»[31]. Судя по воспоминаниям, для лекционных курсов большинства профессоров факультета была характерна установка на подготовку студентов в первую очередь к сдаче экзаменов или к будущей деятельности в качестве практикующих правоведов, а не ученых. Их усилия воспринимались как сухой педантизм, порождающий у слушателей скуку[32]. Способные же заинтересовать обучающихся своим предметом профессора, среди которых выделялись А.И. Чупров и И. И. Янжул, отличались общественной ангажированностью, что отвлекало их от организации научной деятельности[33]. Семинары в воспоминаниях выпускников юридического факультета были больше похожи на идеологические баталии, а не на научные споры, а Юридическое общество, возглавляемое С.А. Муромцевым, больше готовило к общественной и политической деятельности, а не к исследовательской работе[34].

[30] Московский университет: 1755–1930: 275–293.
[31] Празднование 2024: 219.
[32] Там же: 193, 197.
[33] Там же: 194–195, 198, 199.
[34] Там же: 198–199.

Влияние экзогенного фактора, выражавшегося в тесной взаимосвязи юридической науки с государственной властью, также было скорее негативным. Оно препятствовало формированию научных школ и в случае, если видные правоведы находились в оппозиции к правительству и оказывались вне университета вследствие увольнения за выражение недопустимых мыслей, и в случае, если они активно включались («уходили с головой») в допустимую общественную деятельность. Наконец, стремление потрафить власть предержащим создавало благоприятные условия для карьеры, но не приветствовалось в рамках научного этоса, что определяло достаточно прохладные оценки тех, кто этим пользовался. И совершенно неприемлемой для эмигрантов была поддержка новой советской власти, о сотрудничавших с которой юристах или историках, окончивших Московский университет, в юбилейных материалах и воспоминаниях даже не упоминалось.

Можно также заметить смягчение критицизма в отношении некоторых коллег дореволюционного времени, что было результатом не столько понимания общественно-политической обусловленности оценок «консервативных» деятелей в общественных науках, сколько уяснения возможности изменения позиции наблюдателя в результате его собственной идейной эволюции. У С.Л. Франка, прошедшего сложный путь от марксизма к идеализму, эта мысль выразилась в форме предложения об объективном и справедливом признании заслуг таких ученых, как М.П. Погодин, которого ранее нередко клеймили как выразителя «казенного патриотизма»[35]. В речи на торжественном собрании в Белграде П.Б. Струве, эволюционировавшего от радикального западнического либерализма к антиреволюционному национализму государственнического толка, отчетливо прозвучало такого рода предложение в отношении С.П. Шевырева, человека, «которого теперь не только можно, но даже обязательно поставить и ставить рядом с Грановским, а в некоторых отношениях и выше его»[36]. В воспоминаниях психолога Н.Е. Осипова возвращение к метафизике, как реакция на материализм и марксизм, не представлялось торжеством консерватизма, т.е. не нарушало принципа поступательного, прогрессивного развития научного познания.

Таким образом, в воспоминаниях выпускников-эмигрантов были заметны классические элементы научного этоса – универсализм и общедоступность вырабатываемых знаний, бескорыстие и, отчасти, организационный критицизм, что вполне естественно, так как они характери-

[35] Татьянин день 1930: 2.

[36] Празднование 2024: 77 Ср. с «традиционной» либеральной «западнической» оценкой П.Н. Милюкова, не различавшего негативное влияние экзогенного фактора в лице государства (все равно: царского или большевистского) на научное сообщество (там же: 58). Позицию П.Н. Милюкова разделяли А.А. Кизеветтер и В.К. Абданк-Косинский (там же: 45, 120). Напротив, характеризовавший деятельность «Общества истории и древностей российских» и видевший в обращении к истории славянских народов благодаря славянофильству положительное явление Л.М. Сухотин был, скорее, солидарен с П.Б. Струве (там же: 154).

зовали научные сообщества, формировавшиеся в рамках классической модели российских университетов. Однако эта внутренне логически непротиворечивая модель напоминала скорее «идеальный тип» М. Вебера, приложение которого к эмпирическому материалу позволяло конкретизировать контекст выявления этого этоса. Он приходился на пореволюционный период изменений не только в российской науке, но и в России в целом, что повлияло на положение самих мемуаристов, оказавшихся за границей не в силу эндогенных, а в результате экзогенных факторов – прихода к власти большевиков, вынудивших эмигрировать тех, кто в изгнании осмысливал развитие научных школ и университетской науки в юбилейный год. Такое влияние экзогенного фактора на их судьбу само требовало понимания и объяснения произошедшего разрыва научной традиции, но возможности незаинтересованного его осмысления были ограничены именно эмигрантским положением. Специфика их положения не позволяла обратиться к отстраненному рассмотрению влияния экзогенного фактора, т.е. власти большевиков, на изменения условий существования научных сообществ (образовательная и научная политика большевиков a priori оценивалась ими отрицательно, так как была основой для построения их негативной идентичности). В силу этого эмигранты не видели каких-либо позитивных революционных преобразований в научном познании. Скорее, наоборот, стремились к возвращению прошлого, в котором отчасти оправдывались даже консервативные тенденции. Тем самым для них был закрыт переход к неклассической модели восприятия характера научного познания, потому что они в первую очередь были эмигранты, а потом уже ученые, принадлежавшие к той или иной научной школе.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 139–146. [Burganova L.A., Myagkov G.P. Obraz nauchnogo soobshchestva: evolyutsiya metodologicheskikh reprezentatsij (The Image of the Scientific Community: The Evolution of Methodological Representations) // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2017. № 2. S. 139–146.]

Ганфман М.И. Вечная связь // Сегодня. 1930. 25 января. С. 1. [Ganfman M.I. Vechnaya svyaz' (Eternal connection) // Segodnya. 1930. 25 yanvarya. S. 1.]

Горелова С.И. Русская эмиграция о 175-летии Московского университета // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 104–112. [Gorelova S.I. Russkaya emigratsiya o 175-letii Moskovskogo universiteta (Russian emigration on the 175th anniversary of Moscow University) // Voprosy istorii. 2005. № 8. S. 104–112.]

Гутнов Д.А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. 2004. № 3. С. 88–101. [Gutnov D. A. Prazdnovanie 175-letiya so dnya osnovaniya Moskovskogo universiteta v Parizhe 24–26 yanvarya 1930 g. (Celebration of the 175th anniversary of the founding of Moscow University in Paris, January 24–26, 1930.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. 2004. № 3. S. 88–101.]

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии» // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 384–389. [Ivanova T.N., Myagkov G.P. Yubilejnye daty kak stimul razvitiya "universitetologii" (Anniversary dates as a stimulus for the development of "university studies") // Dialog so vremenem. 2015. № 52. S. 384–389.]

Московский университет: 1755–1930. Юбилейный сборник / под ред. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М. М. Новикова. Париж: Современные записки, 1930. 466 с. [Mos-

kovskij universitet: 1755–1930. Yubilejnyj sbornik / pod red. V.B. El'yashevicha, A.A. Kizevettera i M.M. Novikova. Parizh: Sovremenye zapiski, 1930. 466 s.]

Мягков Г.П., Корзун В.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Т. 6. № 1. С. 158–201. [Myagkov G.P., Korzun V.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoj nauke (opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednikh desyatiletij) (Scientific schools in Russian historical science (an experience of historiographic understanding of the last decades)) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. T. 6. № 1. S. 158–201.]

Посохов С. Университетская юбилейная культура на востоке Европы // Res Historica. 2015. № 39. С. 171–189. [Posokhov S. Universitetskaya yubilejnaya kul'tura na vostoke Evropy (Culture anniversaries university in Eastern Europe) // Res Historica. 2015. № 39. S. 171–189.]

Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник воспоминаний и материалов) / Сост., введ., комм. А.В. Антощенко, аннот. имен. указ-ль А.Ф. Кривоноженко. Электрон. дан. Петрозаводск: Версо, 2024. 336 с. [Prazdnovanie 175-letiya Moskovskogo universiteta v russkom zarubezh'e (sbornik vospominanij i materialov) (Celebration of the 175th Anniversary of Moscow University in the Russian Diaspora (collection of memoirs and materials) / Sost., vved., komm. A.V. Antoshchenko, annot. imen. ukaz-l' A.F. Krivonozhenko. Elektron. dan. Petrozavodsk: Verso, 2024. 336 s.]

Татьянин день // Руль. 1930. 28 января. С. 2. [Tat'yanin den' (St. Tat'yana's day) // Rul'. 1930. 28 yanvarya. S. 2.]

Татьянин день. В Варшаве // Руль. 1930. 30 января. С. 3. [Tat'yanin den'. V Varshave (St. Tat'yana's day. In Warsaw) // Rul'. 1930. 30 yanvarya. S. 3.]

Цыганков Д.А. Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века. Дисс… доктора ист. наук. М., 2023. Т. 1–3. [Tsygankov D.A. Formirovanie soobshchestva professional`nykh istorikov v Moskovskom universitete vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX veka (Formation of a community of professional historians at Moscow University in the second half of the 18th – early 20th centuries). Dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora ist. nauk. M., 2023. T. 1–3.]

Юбилей И[мператорского] М[осковского] университета // Возрождение. 1930. 25 января. С. 2. [Yubilej Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta (Anniversary of the Imperial Moscow University) // Vozrozhdenie. 1930. 25 yanvarya. S. 2.]

Юрьев К. Татьянин день в Берлине // Сегодня. 1930. 29 января. С. 3. [Yur'ev K. Tat'yanin den' v Berline (St. Tat'yana's Day in Berlin) // Segodnya. 1930. 29 yanvarya. S. 3.]

***Антощенко Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; antoshchenko@yandex.ru*

Scientific Schools of Moscow University in the Anniversary Memoirs of its Emigrated Graduates

The article examines the images of scientific schools of Moscow University, constructed in the memoirs of its emigrant graduates in connection with the celebration of the 175th anniversary of their alma mater. Scientific schools are considered as a result of double social structuring – first by the teachers who created them, and then by the disciples who understood their significance. The author reveals the determinacy of 'schools' representations by the memoirists' commitment to the principle of apoliticality and the desire to show their significance for the development of world science. Identification of the internalist and externalist approaches to the characterization of scientific schools allows, on the one hand, to show the general and the specific in the formation and development of schools among different scientists who adhered to the scientific ethos inherent in the classical episteme. On the other hand, to reveal the limiting influence of the perception of the exogenous factor, which did not allow a positive assessment of the educational and scientific policy of the Bolsheviks. As a result, the authors of the memoirs characterized scientific schools primarily as emigrants, and only then as scientists.

***Keywords:** Moscow University, scientific school, memoirs, anniversary, Russian post-revolutionary emigration*

***Aleksandr V. Antoshchenko**, Doctor of History, Professor, Institute of History, Political and Social Sciences at Petrozavodsk State University, antoshchenko@yandex.ru*

Н.И. Недашковская, Г.П. Мягков

СХОЛАРНЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАНСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ 1850-Х ГГ.: КАЗУС В.И. ГРИГОРОВИЧА

В статье рассматриваются схоларные практики славистики в эпоху ее становления как опыт возникновения локального научного сообщества. Проблематизируются структура и границы дискурса школы казанского славяноведения, который в больших историографических нарративах конца XIX – начала XXI в. оказался упрощен и редуцирован по основному месту работы ее основателя, представителя первого поколения университетских славистов в России, профессора В.И. Григоровича (1815–1876) в Казанском Императорском университете. Реконструируется сюжет зарождения научного сообщества славистов на материале сотрудничества В.И. Григоровича с Казанской духовной академией в 1855–1856 гг. Результатом этого краткого и интенсивного взаимодействия стало создание в КДА кафедры текстологии, формирование условий для текстологических исследований и введения в научный оборот памятников библиотеки Соловецкого монастыря. Авторы описывают условия и факторы складывания основ научного сообщества, формы учебных (схоларных) практик, созданных В.И. Григоровичем.

Ключевые слова: *научная школа, историография, славяноведение, текстология, В.И. Григорович, Казанская духовная академия, библиотека Соловецкого монастыря, интеллектуальная история, казус*

> *«Почти двадцать пять лет проработал Григорович в Казани: в университете, в духовной академии и в обществе любителей словесности, и* ***образовал там целую школу ученых****...»*[1]
>
> «*…В.И. Григорович заложил основы* ***казанской школы славистики***»[2].
>
> *«...в Казанском университете ...действовал на славянском поприще только один ученый – Григорович. Несмотря на высокую образованность и на обладание уникальными источниками, ему* ***не удалось создать школу своих последователей*** *и воспитать большое число учеников, как первым славистам Московского и Петербургского университетов»*[3].

В условиях четвертой научной революции, в контексте современных процессов деинституционализации и реантропологизации профессионального знания и образования высшая школа испытывает *кризис традиций наследования интеллектуального капитала и формирования научной смены*, в связи с чем особое значение сейчас имеет изучение опыта формирования и функционирования научных сообществ, создания научных школ в самых разнообразных условиях, особенно в переломные, критические периоды истории, в первую очередь – в ситуации зарождения школ в истории той или иной научной дисциплины. Большие нарративы историографии славяноведения, создававшиеся в контексте эпистемологических представлений классического этапа историографии (в т.ч. советской модели историописания), нередко редуци-

[1] Кирпичников 1892: 771.
[2] История Казанского университета 2004: 92.
[3] Лаптева 2005: 230.

ровали процессы начального этапа его становления, искусственно ограничивая дискурсивное поле и прочитывая историю научных сообществ преимущественно в контексте доминирующих теоретико-методологических учений, политических теорий и процессов.

Такова по сути историографическая судьба зарождавшихся (складывавшихся) в Казани в формирующемся славяноведении в 1840 – начале 1860-х гг. интеллектуальных групп, возникавших вокруг и под влиянием деятельности одного из основоположников российского славяноведения В.И. Григоровича (1815–1876). Независимо от признания или непризнания наличия / состоятельности самой научной школы В.И. Григоровича[4] историографы славяноведения, говоря о казанском периоде деятельности ученого, анализируя труды его университетских учеников, обошли вниманием историю ускоренного создания в ходе двухлетнего (1855–1856) сотрудничества Григоровича с Казанской духовной академией (КДА) в известном смысле альтернативной по отношению к университетской, акцентированной на языковедческих, палеографических и текстологических славянских исследованиях ветви научной школы.

Факт преподавания В.И. Григоровича в КДА и влияния его предмета на ход научной работы в академии не обойден вниманием. Впервые он отмечен А.В. Сергеевым и Б.М. Ягудиным[5]. В статье А.А. Турилова о Григоровиче в «Православной энциклопедии» освещена хронология его деятельности в КДА, курс славянской палеографии, прочитанный славистом для академических слушателей, отмечен как один из первых в России[6]. Авторы данной статьи уже проблематизировали этот сюжет как значимую часть истории казанской школы славяноведения и в связи с историей метода этой науки в середине – второй половине XIX в.[7] Позднее в связи с историей становления научных исследований в учреждениях высшей духовной школы в России XIX в. останавливалась на истории сотрудничества В.И. Григоровича с КДА историк духовного образования Н.Ю. Сухова[8]. Данный сюжет нашел отражение в работах П.В. Георгиева. В подготовленном им библиографическом указателе «Казанский период научной деятельности В.И. Григоровича (1839–1864)» выделен специальный раздел о деятельности Григоровича в КДА[9].

Однако остались открытыми вопросы: 1) как вследствие столь краткого взаимодействия Григоровича с молодым академическим сообществом стало возможным: а) развертывание научных исследований по славяноведческой специализации группой студентов КДА, многие из которых стали известными исследователями, б) создание кафедры текстологии; 2) каковы содержание, пути влияния ученого на подготовку

[4] Кирпичников 1892: 771; Лаптева 2005: 211–229, 230; 2012: 752–753; История 2004: 92 и т.д.
[5] Сергеев 1979: 13; Сергеев, Ягудин 1995.
[6] Турилов 2006.
[7] Макарова (Недашковская), Мягков 2006: 430–441; Макарова (Недашковская) 2007.
[8] Сухова 2013; 2014.
[9] Георгиев 2019: 141–148; 2020; 2021: 53–56.

поколения академических специалистов, опубликовавших значительные в своей области труды, а главное, механизм формирования масштабного направления текстологических исследований памятников переведенной в Академию библиотеки Соловецкого монастыря. Важным результатом стало превращение издаваемого академией «Православного собеседника» в научно-богословское издание, опубликовавшее массив научных описаний и исследований памятников Соловецкого собрания[10].

Мы предлагаем отказаться от сведения дискурса казанской школы В.И. Григоровича к формальным институциональным признакам и проанализировать его преподавание в Казанской духовной академии в контексте: 1) научно-педагогической деятельности и коммуникаций казанского периода; 2) методологических идей ученого, развивавшего подходы академика А.Х. Востокова[11] к разработке сравнительно-исторического славяноведения; 3) условий жизни и деятельности студенчества Казани, связанного с университетом и духовной академией.

Перспективы такого исследования связаны и обеспечиваются методологически, во-первых, формирующейся *новой биографической историей* с ее стремлением к максимальному расширению источниковой базы за счет источников личного происхождения, запечатлевших интеллектуальный мир, самосознание, жизненный опыт субъектов изучаемого историографического процесса, повышению внимания к т.н. фигурам второго плана, во-вторых, активно разрабатываемыми современной историографией *антропологическими моделями* анализа историографического процесса, потеснившими модели описания научных школ, основанные на методиках проблемного или институционального подходов[12]. Осмысливая исторического субъекта в качестве «внешнего» объекта[13], последние фактически господствовали до рубежа 1980–1990-х гг.

Выскажем гипотезу: казус В.И. Григоровича представляется «экспериментальной площадкой», на которой актуализируется интерес к «человеческому измерению», обращающему взоры исследователя к субъективным переживаниям членами научных сообществ смысла их деятельности, к психологическим характеристикам личности, ее внутреннему миру, исканиям, убеждениям, представлениям и ценностям. Разумеется, при актуализации «экзистенциальной», платформы необходимо – об этом предупреждает Л.П. Репина – не упускать из виду другую, «социальную», и обращаться к проблемам «социальной институционализации»[14]. Полагаем, что именно эпистемологические трудности разрешения альтернативы социального и культурного детерминизма в периоды господства и перехода от классического к не- и постнеклассическому этапам развития науки во многом определяли непримиримость позиций авторов,

[10] Знаменский 1892: 377–402; Знаменский 1890: 51–54.
[11] А.Х. Востоков (1781–1864) – академик, основоположник сравнительного изучения славянских языков, славянской текстологии и палеографии.
[12] Корзун 2012.
[13] Корзун 2013: 10–33.
[14] Репина 2005: 12, 16.

вступавших в дискуссии по поводу наличия или отсутствия научных школ у многих ученых прошлого; в т.ч. и в случае с В.И. Григоровичем[15].

***

На момент приглашения в КДА В.И. Григорович – профессор «уваровского призыва», получивший образование в Харьковском и Дерптском университетах. И.В. Ягич отметил, что «ни один из кандидатов» на занятие новооткрытых в соответствие с Уставом 1835 г. кафедр истории и литературы славянских наречий в российских университетах (О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский), по сравнению с Григоровичем, «не дал с самого начала столь хороших доказательств способности к ученой деятельности, ни один из них не был филологически столь хорошо подготовлен, не только по латинскому и греческому языку, но также и по истории славянских литератур»[16].

---

[15] Так, реализованный институциональный подход привел авторитетнейшего исследователя истории российского славяноведения Л.П. Лаптеву к безапелляционному выводу: «…в Казанском университете “школа славяноведения” не только не существовала, но и не могла быть создана в принципе. Славистические дисциплины здесь преподавались нерегулярно. Особенно это касалось курса истории славян, который не читался студентам многие годы… Исторических сочинений казанских профессоров крайне мало. Студенты редко избирали своей специализацией славяноведение. В Казанском университете отсутствовали условия для занятий славяноведением ввиду крайней бедности университетской библиотеки литературой по славяноведению. Не существовало и стимулов для занятий этим предметом ввиду равнодушия к нему со стороны общества, косности и консервативности профессорской корпорации. Наблюдалась большая текучесть кадров славистов... Все эти обстоятельства не способствовали воспитанию славистов и как результат – созданию научной школы. Таким образом, “казанская школа славяноведения” – это очередной миф, выросший на почве локального патриотизма» (Лаптева 2012: 752–753). Представленная картина, сделанный на ее основе вывод, возможно, безупречны в свете институциональной модели школы. Однако расширение исследовательского поля и источниковой базы позволяет сегодня сформировать новый «вопросник», ответы на который ведут к признанию ограниченности «классической» концепции научной школы. Следуя одному из главных постулатов институционального подхода к научной школе о роли ее основателя, в обеспечение которой он должен был обладать соответствующими качествами, Л.П. Лаптева сочла важным на основе изучения значительной массы воспоминаний современников о Григоровиче как учителе отметить лишь то, что он «…не отличался большими ораторскими способностями. Его личные психологические качества – робость, застенчивость, самоуничижение, скрытность – не располагали к общению…» (Лаптева 2005: 583), а потому объяснить «…непопулярность лекций Григоровича …не только малым интересом общества Казани к славянским предметам, но и личными качествами ученого, не располагавшими к тому, чтобы он мог иметь много учеников» (там же). Этот же прием был использован и в итожащей изучение жизни, творчества и наследия Григоровича статье (Лаптева 2015), в которой утверждается тезис о том, что Григорович «не был особо удачлив… на педагогическом поприще» (Лаптева 2015: 71).

[16] Ягич 1910: 340. Данное свидетельство принципиально важно, оно заступает дорогу точке зрения С.Б. Бернштейна, усматривавшего причины «неудач» В.И. Григоровича на научном, педагогическом, издательском поприще в том, что «ни в Харькове, ни в Дерпте он не интересовался филологией и языкознанием», что у него «…не было серьезных ученых, под руководством которых он мог бы приобрести не только знания в новой для него области, но и овладеть методом, получить школу» (Бернштейн

Приехав в Казань в 1839 г., в 1840 г. В.И. Григорович представил кандидатское сочинение «Исследование о церковно-славянском наречии» (не сохранилось), посвященное историографии ключевого для славяноведения вопроса о происхождении феномена церковно-славянского языка[17]. В магистерской диссертации «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (1841) Григорович, исходя из выявленной им и сформулированной еще в 1840 г. в Отчете попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину важнейшей «потребности» славистики найти «…некоторую опору, на которой можно было бы основать весь ряд исследований и придать им последовательность», разрабатывает методологию сравнительно-исторического изучения славянского мира, стержнем которого определяет славянское Просвещение[18], и формирует модель изучения славянской культуры на основе представлений об их типологическом родстве.

Затем, после длительной подготовки в столичных библиотеках и консультаций с московскими и петербургскими славистами, в 1844–1847 гг. ученый совершил свое знаменитое научное путешествие[19], которое стало значимым этапом не только в его подготовке к ученой и педагогической деятельности, но позволило открыть для научного сообщества целые массивы источников, среди которых – ключевые для становления славяноведения памятники (Мариинское глаголическое Евангелие, Рильские глаголические листки XI в., Хиландарские листки XI в., Охридские глаголические листки XI в. и др.). В вышедшем уже в 1848 г. «Очерке путешествия по Европейской Турции»[20] ученым были систематизированы собранные данные, и по сути, как писал М.П. Петровский, В.И. Григорович открыл этим трудом для славистов «...новый материк с его неведомыми дотоле обитателями... Книга Григоровича дала новую работу всем адептам славянской науки, и во главе их был Шафарик, торжественно приветствовавший вскоре затем труды Григоровича, подъятые на разработку собранного и описанного им материала»[21]. Собранные материалы создавали возможность полного преобразования всей системы исследований древнеславянской письменности, языков и культуры славян, исходя из новых обширных данных. По возвращении из путешествия Григорович много и подробно писал о своих планах исследований, публикации уникальных памятников славянской письменности, *о создаваемой им в Казанском университете системе преподавания славистики* Шафарику, с которым подружился во время заграничного путешествия[22].

1979: 133–134). О подготовке ученого в Дерптском университете см.: Сергеев 1978: 7–8; Сергеев А.В., Ягудин Б.М 1995: 82.

[17] Петровский 1892.

[18] Григорович 1843; Петровский 1893; Макарова (Недашковская) 2007.

[19] Лаптева 2005; Недашковская 2012; В.И. Григорович 2015: 108–118, 119–127.

[20] Григорович 1848.

[21] Петровский 1892: 263–264.

[22] Лаптева 2016: 150–151. Кочубинский 1893: 46-49, 29-56.

Однако ситуация в Казанском университете на рубеже 1840–1850-х годов, ставшая напряженной для Григоровича еще на этапе представления диссертаций, не позволяет ученому развернуть преподавание, исследования и публикацию источников в соответствии с задуманным масштабным планом. Настороженность старшего поколения профессоров, малочисленность студентов[23], тем более избиравших специализацию по славистике, недоступность преподаваемого Григоровичем материала для студентов при их незнании языков, отсутствие научного периодического или специализированного издания, духовная цензура – все это не ускользнуло ни от современников[24], ни от историографов, которые справедливо в этом усмотрели «отсутствие благоприятной почвы» для плодотворной деятельности В.И. Григоровича[25]. Тем не менее требуется более глубокий анализ причин, почему эти внешние обстоятельства негативно влияют на интенсивность работы подающего большие надежды ученого.

Начиная с середины 1830-х гг., профессора «уваровского призыва» по проекту и при поддержке министра, развивая новую науку, осуществили не только кадровую экспансию, но и трансформацию карьерной модели, своеобразную принудительную модернизацию системы профессионализации (порядок экспертизы, получения степеней и должностей и т.д.)[26]. Этим объясняется негативный прием некоторых «уваровских» профессоров в университетах, столкновения при «скоропалительной» подготовке диссертаций и программ путешествий в славянские земли (обретение новых источников означало и ранние открытия, и быструю славу), а также парадоксы репутаций этих профессоров в последующей историографии. Достаточно вспомнить противоречия в оценках современниками трудов практически всех первых университетских славистов – О.М. Бодянского, П.И. Прейса, И.И. Срезневского, В.И. Григоровича[27]. Именно в этот период пассивного сопротивления университетской среды «варягу», когда «патриарх» европейского славяноведения П.Й. Шафарик все чаще начинает посылать через общих знакомых прямые либо косвенные запросы о причинах «бездействия» Григоровича[28], последнего приглашают в Казанскую духовную академию для чтения славянской палеографии и текстологии. Приглашение было обусловлено открытием противораскольнического миссионерского отделения под покровительством архиепископа Казанского и Свияжского Григория (Постникова)[29] и

[23] В Казанском университете в 1840–1850-е гг. численность студентов колебалась «в пределах от 300 (1849 г.) до 411 (1860 г.) человек» (История 2004: 82).
[24] А.С. 1877: 78.
[25] Лаптева 2005: 228–230.
[26] Вишленкова, Ильина 2013.
[27] Мягков, Недашковская 2021.
[28] Кочубинский 1893: 48–49; Лаптева 2005: 228.
[29] Архиепископ Казанский и Свияжский Григорий (Постников) был инициатором и автором проекта создания миссионерских отделений против раскола при семинарии и академии. Представленный в Святейший Синод, он бы одобрен его «определением от 18 мая» 1854 г. В нем постановлялось: «…1) ныне же привести в действие предположение его – преосвященного – об открытии миссионерских отделений против

под руководством тогдашнего ректора КДА Агафангела (Соловьева), переводом в академию по протекции того же преосв. Григория библиотеки Соловецкого монастыря и, соответственно, необходимостью обучить молодых богословов и вольных слушателей из числа священников работе с древними памятниками славянской письменности[30].

Последовательное усиление в николаевскую эпоху исследовательской базы и научно-богословской деятельности духовных академий, особенно находящихся на территориях, где империя имела значительную заинтересованность в серьезной и глубокой миссионерской деятельности, отнюдь не случайно. Еще П.В. Знаменский в своем труде «История Казанской духовной академии» определил эпистемологический сдвиг рассматриваемого периода как движение к историзму[31]. Среди важных составляющих этого движения – обращение к библейской критике и патристике, отказ от преподавания на латыни и, как следствие, разработка самостоятельных догматических систем и вовлечение в сферу исследований объектов широко понимаемой истории духовной культуры (словесности, искусства, этнографии). По мнению Н.Ю. Суховой, в духовных школах «...с 1840-х гг. начался постепенный переход от богословского "рассуждения" к исследованию как таковому, причем сопрягалось это прежде всего с изучением вопроса в историческом отношении»[32]. Закономерно, что миссионерские отделения «молодой» КДА в связи с ее особым территориальным положением, объективно расширенными миссионерскими задачами и одновременно при отсутствии инерции предшествующих традиций мысли остро нуждались в дополнительных шагах для постановки исследований на научную основу. И именно в это время становится актуальной и с успехом реализуется задача воспитания «своих» исследовательских кадров в академии. Также важно, что на смену учености-эрудиции старого проекта академии в связи с общим «курсом» духовного образования в империи приходит потребность в учености спе-

раскола при академии и Казанской семинарии…; 2) разрешить академии издание духовного журнала под названием «Православный собеседник» по представленной программе…; 3) …иметь при академии собрание древних славянских книг и рукописей предоставить ему выбрать таковые, которые он признает полезными для академии, из библиотек Ниловой пустыни и Соловецкого монастыря» (цит. по: Знаменский 1892: 372). Следующим определением Синода от 24 мая учреждалось миссионерское отделение при Казанской академии для подготовки «наставников для семинарий и миссионеров для Казанской епархии». Во исполнение этих распоряжений правление академии в июле 1854 года постановило: «1) Относительно противораскольнического отделения: а) открыть его в начале учебного года из студентов обоих курсов…; в) преподавать им историю раскола, полемику против него, миссионерскую педагогику, *славянскую палеографию и славянский язык;* г) преподавание предоставить ректору и одному при нем бакалавру, а *на палеографию пригласить профессора университета Григоровича*» (цит. по: Знаменский 1892: 373–374; курсив наш – *Н.Н., Г.М.*). В августе 1856 г. архиепископ Казанский и Свияжский Григорий (Постников) был возведен в сан митрополита.

[30] Знаменский 1892: 377–402.

[31] Знаменский 1892: 377–378.

[32] Сухова 2013: 142.

циалистов, в специальных научных исследованиях по отраслям знаний, ориентированных на реализацию конкретных научных проектов (исторических обозрений, описаний памятников, переводов и т.д.).

О приглашении знаменитого университетского профессора в КДА в 1855 г. и чтении им лекций, о работе со студентами подробно рассказали: 1) в 1877 г. автор некролога В.И. Григоровичу[33], на тот момент – уже профессор по кафедре словесности КДА *И.Я. Порфирьев* (1823–1890), автор крупных научных трудов, основанных на изучении соловецкого собрания, который был в 1855–1858 гг. помощником библиотекаря, хранителем библиотеки Соловецкого монастыря, поступившей в КДА, а позднее возглавивший проект описания её рукописей[34]; 2) в 1882 г. в завершенных воспоминаниях о товарище по учебе в КДА А.П. Щапове выпускник КДА 1858 г. *Н.Я. Аристов* (1834–1882)[35]; 3) в начале 1890-х гг. ученик ученика В.И. Григоровича, историка А.П. Щапова, историк церкви, профессор КДА *П.В. Знаменский* (1836–1917, время учебы в КДА – 1856–1860 гг.) в своем обширном труде «История Казанской духовной академии» (1892). Он, как и И.Я. Порфирьев, имел прямое отношение к разбору Соловецкой коллекции и вместе с ним возглавлял научную комиссию по ее описанию. Названные источники, дополняя весьма значительный круг мемуарной литературы о Григоровиче[36], сообщают, что руководство КДА полагало, что для подготовки специалистов противораскольнического направления необходимо было привлекать древние славянские рукописи и старопечатные книги, с этой целью в академию и была прислана библиотека Соловецкого монастыря.

В.И. Григорович принял приглашение читать в Академии курс славянской палеографии и в течение почти двух лет, с сентября 1855 года (акад. годы 1855/1856 и 1856/1857), преподавал в КДА палеографию безвозмездно. Его воодушевляла возможность работать с достаточно большой аудиторией слушателей (порядка 30 чел.[37]), притом, по оценке со-

---

[33] Порфирьев 1977: 78-83.

[34] Макарова (Недашковская) 2000.

[35] Аристов 1883: 44. Автор воспоминаний – слушатель В.И. Григоровича в 1855–1856 гг., защитил в 1871 г. в Казанском университете докторскую диссертацию, был профессором Варшавского, Харьковского университетов, Нежинского историко-филологического института.

[36] О научных взглядах, своеобразии педагогической деятельности, научных контактах, стиле общения В.И. Григоровича в *казанский период* вспоминали А.И. Соколов (А.С.), А.Н. Пыпин, И.И. Срезневский, Н.Н. Булич, М.П. Петровский, А.И. Овсянников, Н.Н. Овсянников, А.С. Гацисский, Е.А. Белов, И.Е. Красноперов, К.В. Лаврский, В.В. Лаврский, И.А. Худяков, А.А. Бирюков, В.И. Модестов, Д.А. Корсаков, И.Я. Порфирьев, П.Д. Боборыкина, И.И. Михайлов, С.В. Смоленский и др.; в *одесский период* – Г.Е. Афанасьев, Ф.И. Успенский, А.А. Котляревский, А.И. Маркевич, Д.Н. Овсянико-Куликовский, П.Н. Полевой, И.В. Ягич и др.

[37] Знаменский 1892: 384. Надо учитывать, что у В.И. Григоровича не было административного ресурса, как, например, у преосвящ. Георгия, который в 1856 году, как сообщает П. Знаменский, «…заставил записаться на раскол и студентов закрывшегося тогда чувашско-черемисского отделения, и бывших студентов математиков, так

временника, «избранных, привычных к труду и научно-развитых»[38]. Перед ученым открывались новые возможности продолжения своего дела. По свидетельству того же источника, В.И. Григорович «своим одушевлением с первой же лекции завоевал себе полное внимание академической аудитории…»[39] . Теперь перед студентами выступал совсем не тот «молодой магистр», лекции которого, по словам слушавшего их в «докомандировочный период», в 1843/1844 акад. году А.И. Соколова, «не представляли ничего привлекательного для тех, которые не интересовались его предметом», хотя и читались они «с искренней любовью к своему предмету»[40]. Авторитетный биограф зафиксировал, что «теперь (т.е. «после поездки в славянские земли» – *Н.Н., Г.М.*) слушатели его [Григоровича] и сослуживцы увидели в нем уже не начинающего ученого, а вполне авторитетного представителя новой науки»[41].

Для самого Григоровича сотрудничество с Академией приобретало особое значение, так как он в процессе преподавания в первой половине 1850-х гг. в университете, по наблюдению его ученика Н.Н. Афанасьева, «*любимым занятием*» сделал «*изучение рукописей*» – славянских, греческих, румынских. Поученные им на основе выявления «палеографических особенностей» результаты – «новое мнение» Григоровича было, фиксирует Афанасьев, «принято потом Востоковым и Срезневским». Приглашенный в Академию, ученый получил доступ к рукописям Соловецкой библиотеки и возможность «руководить студентов (так в тексте – *Н.Н., Г.М.*) Академии в палеографическом изучении рукописей» [42].

Слушатели в академии заинтересованно приняли «новую науку». Знаменский свидетельствует: лекции Григоровича «послужили к развитию среди них интереса и вкуса к изучению памятников славянской

что у него собралось 22 слушателя из VII курса и 10 слушателей из VIII курса» [Знаменский 1892: 380]. Он и курсы соединял для «слушания вместе».

[38] Знаменский 1892: 384.

[39] Знаменский 1892: 384–385.

[40] А.С.: 77. Автором воспоминаний, скрывшимся под псевдонимом А.С., был *Авдий Иванович Соколов* (1824–1893) (см.: В.И. Григорович 2015: 146). Выпускник Казанского университета 1845 г., он под влиянием В.И. Григоровича успешно занимался славянскими наречиями, увлекался славянской поэзией. Именно его имел в виду В.И. Григорович, когда сообщал Шафарику в письме 22 ноября 1847 г.: «…и в Казани нашлись уже молодые люди, посвящающие труды свои изучению истории некоторых народов по отношению к средним векам… Кандид[ат] Соколов перевел и напечатал стихотворения известной Könighofer Handschrift…» [цит. по: Лаптева 2016: 151]. С 17 ноября 1849 г. по 20 февраля 1850 г., во время исполнения Григоровичем должности ординарного профессора Московского университета, читал лекции по славянским наречиям на историко-филологическом факультете Казанского университета. К сожалению, образ Григоровича-преподавателя, нарисованный А.С., в силу «расширительного» прочтения его текста повлиял на формирование представлений о нем как профессоре (см.: Лаптева 2005: 225; 2015: 71).

[41] Петровский 1892: 38.

[42] Овсянников 1909: 500. Ср.: Знаменский 1892: 529.

письменности и славянства вообще»[43]. Каждая лекция Григоровича заключала массу любопытных сведений из совершенно новой для академии научной области – сравнительного изучения славянских наречий. С ведома и при поддержке руководства Академии (а не в силу увлеченности романтической натуры) Григорович вышел за рамки узкоспециальной темы, которую он должен был преследовать в своем преподавании[44].

И.Я. Порфирьев и П.В. Знаменский приводят программу, которая кратко отражает содержание курса. Хотя она составлялась ученым постфактум, перед экзаменом, для истории научной школы – это репрезентативное свидетельство его авторской концепции трансфера основополагающих методологических идей славяноведения в научно-педагогическую и исследовательскую практику. В.И. Григорович знакомил слушателей с «замечаниями» о письменности славянских народов, изучалась история и историография глаголицы и кириллицы как базовых структур христианского просвещения славян, создавшего основу развития общеславянской духовной культуры и в дальнейшем единого интеллектуального пространства Slavia Orthodoxa. В лекциях делался акцент на спорные и актуальные вопросы славяноведения того времени, которым посвящал свои труды и сам Григорович, – происхождение и историко-грамматические особенности церковнославянского языка, генетические взаимосвязи живых славянских языков с церковно-славянским языком, феномен переводов и особенности функционирования переводной словесности в общеславянском контексте. Уделялось особое внимание ключевым для складывающейся методологии славяноведения глаголическим и кириллическим памятникам, некоторые из которых были открыты и спасены для науки Григоровичем лично.

Что же привело к описанной ситуации, новым обстоятельством которой, повторим, было наличие «*избранных, привычных к труду и научно-развитых*» слушателей? Именно того, чего, по общему мнению, на всем протяжении профессорства Григоровича в университетах ни в Казани, ни в Одессе не случалось. Источники, освещающие рассматриваемый казус, особо фиксируют, что академическая и студенческая жизнь в университете и академии в 1850-х гг. значительно отличались, и у нас нет оснований не исходить из многочисленных свидетельств современников, хотя вопрос заслуживает специального анализа[45]. Наиболее ра-

[43] Знаменский 1892: 385.

[44] Этому способствовало то, что вместо планировавшихся 5–6 часов на славянскую палеографию «в течение целого акад. года» преосв. Григорий «распорядился, чтобы эта наука читалась пространнее в течение целого года по одной лекции в неделю для младшего курса» (Знаменский 1892: 383–384).

[45] Наиболее полно картина повседневной жизни университета и студенчества описана в [Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005: 194–205]. О «кутежно-повестнической» жизни студентов см.: Боборыкин 1929: 63–73; Корсаков 1899: 24–26; История 2004: 83 и др. Необходимо заметить, что проблема уровня и качества учебы студентов в университете в рассматриваемы период породила полемику в мемуарной литературе. В защиту университета выступил Н.Н. Овсян-

дикально отличал их Н.Я. Аристов[46]. Описав в своих воспоминаниях наблюдавшуюся им в первой половине 1850-х гг. картину, он поставил и вопрос о причинах различий. Истоки «разворота» студентов КДА к науке он усмотрел в смене их интересов, перешедших от чтения русской и иностранной художественной литературы к изучению русской истории, особенно «истории народной бытовой жизни, развитию раскольнических учений, отношения к ним церкви и государства». В такой обстановке, когда в КДА доставили Соловецкую библиотеку, «студенты с жадностью набросились на рукописи»: «мы с удовольствием исполнили работу (описание “Сборников” соловецкой библиотеки, выполняемое по поручению ректора, – *Н.Н., Г.М.*), которая познакомила нас с содержанием этих неизвестных прежде рукописей»[47]. Все интересные отрывки становились «общим достоянием». Но главным, подчеркивает Аристов, стало то, что «с перемещением соловецкой библиотеки в Казань тесно связано введение изучения славянских наречий и литератур в академии», совершенно нового, прежде не читавшегося предмета[48].

В свете описанного можно полагать, что решение начать преподавание в Академии курса славянской палеографии и пригласить для его чтения В.И. Григоровича не было исключительно связано с задачами государственного и церковного строительства, а вызывалось обнаружившимися научными целями и формирующимися интересами студентов. В реальной ситуации 1850-х гг., по свидетельству современника и участника событий, дело выглядело так: «Славянский элемент выступал у нас на видный план, благодаря профессору университета В.И. Григоровичу, который *действительно оказал большую услугу студентам, когда приглашен был читать лекции в академию*»[49] [курсив наш – *Н.Н., Г.М.*]. «Когда студенты казанского университета редко заглядывали на скучные лекции профессора Григоровича, – свидетельствует Аристов, – мы с глубоким уважением относились к нему, как к прекрасному человеку и превосходному профессору, и отлично понимали, что мы многим ему обязаны в своем развитии». В ответ профессор «часто приглашал… нас

ников (годы его студенчества 1851–1855), писавший: «Казанский университет в мое время добросовестно и честно вел свое дело… Ученые и профессора были развиты по-европейски, знали последнее слово Западной науки… На первом плане был у нас (студентов – *Н.Н., Г.М.*) не кутеж, а дело» и т.п. [Овсянников 1909: 471, 472, 474]. Он сообщает что в эти годы на курсе, на котором он учился, было 5 студентов, среди них был и будущий чл.-корр. Петербургской академии наук, ученик и преемник В.И. Григоровича по кафедре истории и литературы славянских наречий М.П. Петровский (1833–1912) [Овсянников 1909: 493–502].

[46] Мемуарист пишет: «Казанский университет, особенно филологический факультет представлял из себя руину, когда переведен был в Петербург его восточный факультет… Когда в университете по наукам филологическим и историческим лекции держались на пышных фразах, в духовной академии читались большею частью лекции, исполненные прекрасного содержания, в строгом научном виде…» [Аристов 1883: 24, 25].

[47] Аристов 1883: 22.

[48] Аристов 1883: 23.

[49] Аристов 1883: 24.

к себе на квартиру и руководил нашими работами, наделял сочинениями, каких не было в нашей библиотеке; он не скрывая делал предпочтение студентам академии сравнительно с студентами университета и превозносил их за труды и добросовестные занятия»[50].

Преподавание В.И. Григоровича, по отзывам современников, открыло новую главу научных исследований в Академии, а главное – у него появилось много учеников. Среди них – *Александр Ильич Лилова* (1832–1890), *Иван Михайлович Добротворский* (1832–1883), *Афанасий Петрович Щапов* (1831–1876) (курс VI, выпускники КДА 1856 г.), *Николай Яковлевич Аристов* (1834–1882), *Валериан Викторович Лаврский* (1835–1918), *Александр Степанович Троянский* (1835–1905) (курс VII, выпускники 1858 г.) и др. Позже многие из них стали крупными специалистами в области славяноведения, русской и славянской истории, гомилетики, патристики и т.д. Имеющиеся свидетельства, хотя и немногочисленные, позволяют заглянуть в педагогическую лабораторию Григоровича и понять траекторию последующих событий в судьбах учеников. Так, «…студент Лилов сделался усерднейшим его [Григоровича] слушателем и в течение года успел приобрести такие обширные сведения не только в палеографии, но и по сравнительному изучению славянских наречий, что профессор сам рекомендовал его на кафедру палеографии, как своего достойного преемника»[51]. По итогам распределения (решение от 14 ноября 1856 г.) А.И. Лилов был оставлен при Академии бакалавром греческого языка и палеографии. В результате «Академия приобрела в нем замечательного и незаурядного слависта», а молодой ученый «чувствовал себя совершенно на своем месте»[52]. Казалось, возникла благоприятная ситуация для продолжения дела Григоровича в области славистики и палеографии, но вмешался субъективный фактор: смена ректора Академии (новым ректором стал Иоанн Соколов, известный знаток церковного законоведения), его новое видение задач обучения привели к неожиданному переводу А.И. Лилова на другую кафедру, который «сразу и грубо выбил его из избранной им ученой колеи и заставил устремиться к выходу из академии»[53]. Добавим, что новый ректор, о. Иоанн, и преподавание В.И. Григоровича признал «нежелательным и вредным для студентов»[54].

Другим учеником В.И. Григоровича по КДА оказался А.П. Щапов. Все биографы этого известного историка, публициста, философа сообщают, что его магистерская диссертация «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним строением русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII в.» (1858)

[50] Аристов 1883: 24. Ср.: Знаменский 1892: 384, 385; Порфирьев 1977: 78.
[51] Знаменский 1892: 34, см. также: 385.
[52] Знаменский 1892: 34–35. Став преподавателем, Лилов, «как и во дни студенчества, продолжал пользоваться ученым руководством В.И. Григоровича» (там же: 389).
[53] Знаменский 1883. К слову, новый ректор сыграл совершенно иную роль в судьбе А.П. Щапова (см.: Аристов 1883: 44).
[54] Порфирьев 1877: 81.

написана на основе собрания соловецких рукописей. Знаменский сообщает: «…Соловецкая библиотека… всецело поглотила его внимание. Он постоянно возился с ее рукописями, особенно житиями и сборниками, и делал из них большие выписки, которыми в обилии воспользовался для своего курсового сочинения и которые много пригодились ему и после, на кафедре и по увольнении из академии». Тогда-то он познакомился «с известным знатоком славянских рукописей В.И. Григоровичем», начавшим свой курс в Академии. Знаменский подчеркивает, что «Виктор Иванович много с ним беседовал и любезно позволял ему пользоваться рукописями своего собственного рукописного собрания. Одна из рукописей В.И. Григоровича – Беседа трех святителей – потом особенно часто фигурировала в исторических работах Щапова»[55].

Деятельность ученого в КДА была замечена и оценена по достоинству. В «Формулярном списке ординарного профессора В.И. Григоровича», подписанном ректором университета Е.Г. Осокиным 23 декабря 1863 г., читаем: «Определением Правительствующего Сената за преподавание палеографии в Казанской духовной академии награжден единовременной выдачей 357 рублей из сумм академии. 28 октября 1857 г.»[56].

О взрывном росте интереса к славистическим исследованиям и продуктивности развернутых исследований говорят изменившаяся с 1855 г. проблематика всего комплекса квалификационных работ Академии, публикации памятников и статей в академическом журнале и отложенный за неимением средств и по причине внутриинституционального кризиса (смена митрополита и ректора), но развернувшийся позже и обусловленный преподаванием и влиянием В.И. Григоровича проект Описания рукописей Соловецкой библиотеки[57].

Сохранились свидетельства научной повседневности и стиля общения Григоровича с младшими коллегами. По свидетельству И.Я. Порфирьева и других учеников, Григорович полюбил академических студентов больше своих университетских слушателей, большинство которых мало интересовались его лекциями в силу неподготовленности, хотя некоторые его университетские ученики, посвятившие себя славистике, в это время осуществляли под его руководством целенаправленное продвижение в избранном научном направлении. Более того, будущий преемник по университетской кафедре, М.П. Петровский, впоследствии продолжил курировать Академию и преподавать по ее запросу славянские языки; позднее так же был приглашен уже его ученик И.А. Снегирев. Порфирьев в некрологе памяти Григоровича, пишет и о его неформальных учениках, причисляя к ним и себя: «Кроме настоящих учеников, бывших университетскими и академическими слушателями, у В.И. Григоровича было много еще таких учеников, которые хотя не были слушателя-

[55] Знаменский 1892: 117.
[56] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4675. Л. 10-25об. Документ введен в научный оборот Ш.С. Хамматовым. См.: В.И. Григорович 2015: 150-153.
[57] Знаменский 1892: 525-555; Макарова (Недашковская), Мягков 2006: 430-440.

ми его лекций, однако же так много от него слышали и так много обязаны ему своим развитием, что вместе с настоящими его учениками с благоговейною признательностию всегда будут чтить его память»[58]. Своих академических и университетских учеников Григорович помнил всю жизнь. По свидетельству посетившего Одессу незадолго до его кончины в 1876 г. Н.Я. Аристова, профессор с участием вспоминал о них, расспрашивая того «о судьбе каждого»[59].

Таким образом, можно заключить, что в деятельности В.И. Григоровича в период его сотрудничества с КДА сформировались и обрели известную целостность практики, которые современная историография описывает как схоларные[60]. Этот феноменальный по срокам и продуктивности взлет научного текстологического изучения славянских памятников в среде студентов и бакалавров КДА невозможно объяснить лишь подключением властного ресурса (открытие противораскольнического отделения под патронажем и непосредственным руководством ректора Академии), обаянием высокой учености и знания предмета лектором, его педагогическим мастерством, совпадением духовных ценностей и интересов профессора и его слушателей или воодушевляющим событием прибытия в КДА ценной коллекции. Значимо сопряжение всех упомянутых факторов школообразования, среди которых уникальным и, очевидно, системообразующим оказался метод сравнительного изучения языков и культур – метод славяноведения романтической эпохи, унаследованный от А.Х. Востокова и развитый В.И. Григоровичем в его работах 1840–1850-х гг.[61] Реализация этого метода в научном сообществе оказалась возможна именно в КДА, где соединились все указанные обстоятельства, включая журнал, который был открыт именно для противораскольнического отделения. Это подтверждает не только приведенная И.Я. Порфирьевым и П.В. Знаменским программа курса лекций В.И. Григоровича, но также последующая критика нового руководства, ревностно отнесшегося к чрезвычайным успехам отделения[62].

Главным проектом школы стало описание рукописей Соловецкой библиотеки. Оно реализовалось поэтапно непосредственно с момента прихода В.И. Григоровича в Академию – с разбора, первых описаний отдельных памятников, обозрений их групп, формирования культуры публикации, написания первых кандидатских и магистерских диссертаций и монографий, а затем под руководством И.Я. Порфирьева и П.В. Знаменского был завершен масштабным коллективным трудом описания рукописей Соловецкого монастыря[63].

[58] Порфирьев 1877: 83. А.В. Сергеев свидетельствует, что занятия со студентами академии, проводимые Григоровичем на своей квартире, посещали П.А. Ровинский, И.А. Худяков, К.В. Лаврский и др. См.: Сергеев 1978: 13.
[59] Аристов 1883: 24.
[60] Корзун 2013: 13–26.
[61] Макарова (Недашковская) 2007: 24–35.
[62] Знаменский 1892: 387–391.
[63] Описание 1881–1898.

Осуществленная иллюстрация полного цикла возникшей в Казани интеллектуальной сети в области славяноведческих исследований, связанных с деятельностью Григоровича, выросла и обеспечивается обращением к практикам современной антропологизированной историографии. И все же наблюдаемый процесс производства знания в его дискурсивной плотности и противоречивости не может считаться полным без учета того, что В.И. Григорович при отсутствие или наличии благоприятных условий, при невозможности работать с мотивированной аудиторией, тем не менее с успехом «школил» студентов и Казанского, и Новороссийского университетов, подготовив плеяду известных славистов, историков.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

А.С. [Соколов А.И.]. Воспоминания о профессоре В. И. Григоровиче (Из записок казанского студента) // Древняя и Новая Россия. 1877. № 5. С. 75-78. [A.S. [Sokolov A.I.]. Vospominaniya o professore V.I. Grigoroviche (Iz zapisok kazanskogo studenta) // Drevnyaya i Novaya Rossiya. 1877. № 5. S. 75–78].

Агафонов Н.Н. Из казанской истории. Казань, 1906. [Agafonov N.N. Iz kazanskoi istorii. Kazan', 1906].

Аристов Н.Я. Афанасий Прокофьевич Щапов (жизнь и сочинения). СПб., 1883. [Aristov N.Ya. Afanasii Prokof'evich Shchapov (zhizn' i sochineniya). SPb., 1883].

Боборыкин П. За полвека. Из воспоминаний. М., 2002. [Boborykin P. Za polveka. Iz vospominanii]. M. 2002.

Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848. 216 с. [Grigorovich V. Ocherk puteshestviya po Evropeiskoi Turtsii. Kazan', 1848. 216 s.].

Григорович В.И. Опыт изложения литературы Словен в главнейших эпохах. Часть 1. 1 и 2 эпохи. Казань, 1843. [Grigorovich V.I. Opyt izlozheniya literatury Sloven v glavneishikh epokhakh. Chast' 1. 1 i 2 epokhi. Kazan', 1843].

Овсянников Н.Н. Записки студента Казанского университета (1851–1855) // Русский архив. 1909. Кн. 3, № 12. С. 469–518. [Ovsyannikov N.N. Zapiski studenta Kazanskogo universiteta (1851–1855) // Russkij arhiv. 1909. Kn. 3, № 12. S. 469–518].

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. В 3-х част. Казань, 1881–1898. Ч. 1. 1881. 755 с.; ч. 2. 1885. 581 с.; ч. 3. 1898. [Opisanie rukopisej Soloveckogo monastyrya, nahodyashchihsya v biblioteke Kazanskoj duhovnoj akademii. V 3-h chast. Kazan', 1881–1898. CH. 1. 1881. 755 s.; ch. 2. 1885. 581 s.; ch. 3. 1898].

Порфирьев И.Я. Памяти В.И. Григоровича // Православный Собеседник. Казань, 1977. Ч. I. С. 78-83. [Porfir'ev I.Ya. Pamyati V.I. Grigorovicha // Pravoslavnyi Sobesednik. Kazan', 1977. Ch. I. S. 78–83].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бернштейн С.Б. Григорович Виктор Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 131–134. [Bernshtein S.B. Grigorovich Viktor Ivanovich (Grigorovich Viktor Ivanovich) // Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoi Rossii. Biobibliograficheskii slovar'. M., 1979. S. 131–134].

В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 2015. [V.I. Grigorovich i razvitie slavyanovedeniya v Rossii: materialy «kruglogo stola» s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo (V.I. Grigorovich and the development of Slavic studies in Russia: materials of the ‘round table’ with international participation, dedicated to the 200th anniversary of the researcher’s birth). Kazan', 2015].

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления Опыт России первой половины XIX в. // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–256. [Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Universitetskoe deloproizvodstvo kak praktika upravleniya. Opyt Rossii pervoi poloviny XIX v. (University office work as a management

practice. The experience of Russia in the first half of the 19th century) // Voprosy obrazovaniya. 2013. № 1. S. 232–256].

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 500 с. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis. Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani (Terra Universitatis. Two centuries of university culture in Kazan). Kazan', 2005. 500 s.].

Георгиев П.В. Университетская наука и духовное образование: из опыта слависта В.И. Григоровича // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сб. науч. статей. Казань, 2019. С. 141–148. [Georgiev P.V. Universitetskaya nauka i dukhovnoe obrazovanie: iz opyta slavista V.I. Grigorovicha (University research and spiritual education: from the experience of the Slavist V.I. Grigorovich) // V.K. Piskorskii i razvitie nauki vseobshchei istorii v Rossii: sb. nauch. statei. Kazan', 2019. S. 141–148].

Георгиев П.В. В.И. Григорович – преподаватель Казанской духовной академии // Православный собеседник. 2020. № 1–2 (25–26). С. 108-112. [Georgiev P.V. V.I. Grigorovich – prepodavatel' Kazanskoi dukhovnoi akademii (V.I. Grigorovich – lecturer of the Kazan Theological Academy) // Pravoslavnyi sobesednik. 2020. № 1–2 (25–26). S. 108–112].

Знаменский П.В. История Казанской духовной академии в первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань, 1892. 655 с. [Znamenskii P.V. Istoriya Kazanskoi dukhovnoi akademii v pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniya (1842–1870 gody) (History of the Kazan Theological Academy for the first (prereform) period of its existence (1842-1870)). Vyp. 2. Kazan', 1892].

История Казанского университета. Казань, 2004. 656 с. [Istoriya Kazanskogo universiteta (History of Kazan University). Kazan', 2004. 656 s.]

Казанский период научной деятельности В.И. Григоровича (1839–1864): библиографический указатель / Сост. П.В. Георгиев. Казань, 2021. [Kazanskii period nauchnoi deyatel'nosti V.I. Grigorovicha (1839–1864) (Kazan period of research activity of V.I. Grigorovich (1839–1864) / Sost. P.V. Georgiev. Kazan', 2021. URL: https://kiemi-kazan.ru/content/515/files/vi-grigorovich-bibl-ukaz.docx].

Кирпичников А.И. В.И. Григорович и его значение в истории русской науки // Исторический вестник. 1892. Т. 50. № 12. С. 764-775. [Kirpichnikov A.I. V.I. Grigorovich i ego znachenie v istorii russkoi nauki (V.I. Grigorovich and its significance in the history of Russian research) // Istoricheskii vestnik. 1892. T. 50. № 12. S. 764-775].

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского ун-та. 2012. № 16 (270). С. 99–109. [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisaniya (iz lektsionnogo opyta) (Research communities of historians of Russia: practices of anthropological description (from lecture experience)) // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. 2012. № 16 (270). S. 99–109].

Корзун В.П. Антропологическая модель научной школы: современные исследовательские практики // Esse quam videri. Вып. 2: К 90-летию Ю.И. Серого (1922–1986). Ростов-на-Дону, 2013. С. 10–33. [Korzun V.P. Antropologicheskaya model' nauchnoi shkoly: sovremennye issledovatel'skie praktiki (Anthropological model of the research school: modern research practices) // Esse quam videri. Vyp. 2. Rostov-na-Donu, 2013. S. 10–33.]

Кочубинский А. В.И. Григорович // Кочубинский А. Ян Амос Коменский. В.И. Григорович. Две речи. Одесса, 1893. С. 46-49. С. 29–56. [Kochubinskii A. V.I. Grigorovich (V.I. Grigorovich) // Kochubinskii A. Yan Amos Komenskii. V.I. Grigorovich. Dve rechi. Odessa, 1893. S. 46-49. S. 29–56].

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. 848 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v. (History of Slavic studies in Russia in the 19th century) M., 2005. 848 s.]

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. 840 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v. (History of Slavic studies in Russia at the end of the 19th – the first third of the 20th century) M., 2012. 840 s.].

Лаптева Л.П. Виктор Иванович Григорович (1815–1879). К 200-летию со дня рождения // Славяноведение. 2015. № 5. С. 65–74. [Lapteva L.P. Viktor Ivanovich Grigorovich (1815–1879). K 200-letiyu so dnya rozhdeniya (Victor Ivanovich Grigorovich (1815–1879). To the 200th anniversary of the birth) // Slavyanovedenie. 2015. № 5. S. 65–74].

Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М., 2016. 652 с. [Lapteva L.P. Russko-cheshskie nauchnye svyazi vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po dannym perepiski) (Russian-Czech research relations in the second half of the 19th – early 20th c. (according to correspondence)). M., 2016. 652 s.].

Макарова (Недашковская) Н.И. И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы. Дисс. …канд. филол. наук. Казань. 2000. 180 с. [Makarova (Nedashkovskaya) N.I. I.Ya Porfir'ev kak issledovatel' russkoi literatury (I.Ya Porfir'ev as a researcher of Russian literature). Diss. …kand. filol. nauk. Kazan'. 2000. 180 s.].

Макарова (Недашковская) Н.И. Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович // Мир историка. Омск, 2007. С. 169-180. [Makarova (Nedashkovskaya) N.I. Opyt dekonstruktsii istoriograficheskogo obraza uchenogo: V.I. Grigorovich (Experience in deconstructing the historiographic image of a researcher: V.I. Grigorovich) // Mir istorika. Omsk, 2007. S. 169–180].

Макарова (Недашковская) Н.И., Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 430–440. [Makarova (Nedashkovskaya) N.I., Myagkov G.P. Solovetskaya biblioteka kak faktor razvitiya slavyanovedeniya v Kazani (Solovetskaya library as a factor in the development of Slavic studies in Kazan) // Issledovaniya po Russkoi istorii i kul'ture. Sbornik statei k 70-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova. M., 2006. S. 430–440].

Мягков Г.П., Макарова Н.И. (Недашковская Н.И.) Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения. Учен. зап. Казан. ун-та. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 62–76. [Myagkov G.P., Makarova N.I. (Nedashkovskaya N.I.) Otets i syn Petrovskie: dva pokoleniya kazanskoi shkoly slavyanovedeniya (Father and son Petrovsky: two classes of the Kazan school of Slavic studies). Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. T. 148. Kn. 4. S. 62–76].

Петровский М.П. Виктор Иванович Григорович в Казани: Библиогр. очерк. СПб., 1892. 57 с. [Petrovskii M.P. Viktor Ivanovich Grigorovich v Kazani: Bibliogr. Ocherk (Victor Ivanovich Grigorovich in Kazan: Bibliographic essay). SPb., 1892. 57 s.].

Петровский М.П. Первый ученый труд В.И. Григоровича. Варшава, 1893. 21 с. [Petrovskii M.P. Pervyi uchenyi trud V.I. Grigorovicha (The first research work of V.I. Grigorovich). Varshava, 1893. 21 s.].

Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 5–16. [Repina L.P. Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh (vmesto predisloviya) (Personality and society, or History in biographies (instead of a preface)) // Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya / Pod red. L.P. Repinoi. M., 2005. S. 5–16].

Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. М., 2012. С. 9-19. [Repina L.P. «Natsional'nyi kharakter» i «obraz Drugogo» ('National character' and 'image of the Other') // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 9–19].

Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978. [Sergeev A.V. Istoricheskie vzglyady V.I. Grigorovicha (Historical views of V.I. Grigorovich). Kazan', 1979].

Сергеев А.В., Ягудин Б.М. Научная и педагогическая деятельность В.И. Григоровича в Казанском университете // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 81-87. Sergeev A.V., Yagudin B.M. Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' V.I. Grigorovicha v Kazanskom universitete (Research and pedagogical activity of V.I. Grigorovich at Kazan University) // Pol'skie professora i studenty v universitetakh Rossii (XIX – nachalo XX v.). Varshava, 1995. S. 81–87].

Сухова Н.Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013. С. 135–169. [Sukhova N.Yu. «Istoriko-bogoslovskaya revolyutsiya» v vysshei dukhovnoi shkole Rossii ('Historical and Theological Revolution' in the Higher Theological School of Russia) // Filaretovskii al'manakh. Vyp. 9. M., 2013. S. 135–169].

Сухова Н.Ю. Духовная академия как «университет исследования» (реформа российских духовных академий 1869 г.: идеи и результаты) // Религиозное образование в России и Европе в XIX веке / под ред. Е. Токаревой, М.; СПб., 2014. С. 46–63. [Sukhova N.Yu. Dukhovnaya akademiya kak «universitet issledovaniya» (reforma rossiiskikh dukhovnykh

akademii 1869 g.: idei i rezul'taty) (Theological Academy as a 'university of research' (reform of Russian theological academies in 1869: ideas and results)) // Religioznoe obrazovanie v Rossii i Evrope v XIX veke. M.; SPb., 2014. S. 46–63].

Турилов А.А. Григорович Виктор Иванович // Православная энциклопедия. Т. 13. 2006. С. 102–104. [Turilov A.A. Grigorovich Viktor Ivanovich (Grigorovich Viktor Ivanovich) // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 13. 2006. S. 102–104].

Ягич И.В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. ИОРЯС. СПб., 1910. Вып. 1. [Yagich I.V. Istoriya slavyanskoi filologii (History of Slavic Philology) // Entsiklopediya slavyanskoi filologii. – IORYaS. SPb., 1910. Vyp. 1].

***Недашковская Надежда Игоревна**, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии и истории РГГУ; N.Nedashkovskaya@yandex.ru*

***Мягков Герман Пантелеймонович**, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова; профессор, Казанский федеральный университет; gmyagkov@yandex.ru*

Scholar practices of Kazan Slavic studies of 1850s the case of V.I. Grigorovich

The article examines the scholar practices of Slavic studies in the era of its formation as an experience of the emergence of a local research community. The structure and boundaries of the discourse of the school of Kazan Slavic studies are problematized, which in large historiographic narratives of the late XIX – early XXI cc. was turned out to be simplified and reduced at the main place of work of its founder, a representative of the first generation of university Slavists in Russia, Professor V.I. Grigorovich (1815–1876) at Kazan Imperial University. The plot of the origin of the research community of Slavists is being reconstructed based on the material of cooperation between V.I. Grigorovich and the Kazan Theological Academy in 1855–1856. The result of this brief and intense interaction was the creation of a Department of textology in the Kazan Theological Academy, the formation of conditions for textological researches and the introduction of monuments of the Solovetsky Monastery library into research circulation. The authors describe the conditions and factors of composition of the foundations of the research community, the forms of educational (scholar) practices created by V.I. Grigorovich.

***Keywords:** research school, historiography, Slavic studies, textology, V.I. Grigorovich, Kazan Theological Academy, Solovetsky Monastery library, intellectual history, case*

***Nadezhda I. Nedashkovskaya**, PhD in Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow); N.Nedashkovskaya@yandex.ru*

***German P. Myagkov,** Dr. Sc. (History), Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Professor, Kazan Federal University; gmyagkov@yandex.ru*

Н.В. Ростиславлева

НЕМЕЦКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ XIX–XX ВЕКОВ ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ И АТРИБУТЫ СХОЛАРНОСТИ

В статье рассматриваются типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX–XX вв., показан вектор эволюции и трансформации исторических школ от множественных и сегментированных научных сообществ раздробленной Германии до монолитного и относительно догматического исторического сообщества Германской империи, от ностальгирующих и превозносящих легендарное немецкое прошлое в духе ранкеанской парадигмы до кардинальной трансформации типов коммуникации в XX в. До создания Германской империи в 1871 г. существовало множество исторических школ, в основе которых лежали как политические, так философские пристрастия историков. После 1830 г. в Германском союзе выделяются Гейдельбергская школа Ф. Шлоссера и Берлинская историческая школа Л. фон Ранке, которые во многом обязаны своему этаблированию лидерам. Школы отличались особенностями коммуникации – разные тематические представления, отличные сети цитирования, особый методологический инструментарий. Нерешенный «германский вопрос» заставил практически всех немецких историков встать на национально-патриотические позиции: школа Шлоссера рассеялась, а приверженцы Ранке стали монолитной группой, которая отождествлялась с официальным историческим сообществом. Попытки изменить тематические предпочтения и внести в историческое знание элементы столь популярной во второй половине XIX в. позитивистской философии вызывали резкое неприятие, пример тому – дискуссия по поводу публикаций К. Лампрехта, что заставляет нас признать критику фактором схоларности. Политический и национальный фактор стал основой коммуникации историков-неоранкеанцев в Веймарской Германии. В годы национал-социализма наука превратилась в историческую политику, и научные школы историков выделить сложно. После Второй мировой войны историки ФРГ начали осознавать роль социальных факторов и использовать типологические конструкции. В ФРГ образовалось несколько исторических школ, которых объединял приоритет социальной истории, ставшей основой коммуникации Гейдельбергской школы В. Конце, Марбургской и Билефельдской школ. Локальное пространство, макроподходы, междисциплинарность и тематические предпочтения явились школообразующими факторами во второй половине XX века.

Ключевые слова: *Немецкое историческое знание XIX -XX вв., Гейдельбергская и Берлинская исторические школы XIX в., Ф. Шлоссер, Л. фон Ранке, социальная история ФРГ, В. Абендрот, В. Конце, Ю. Кокка, Х.-У. Велер.*

В XIX в. центром исторической науки становятся германские земли. История неслучайно превратилась там в главное научное направление, так как именно Германия была родиной романтизма, провозгласившего ценность прошлого как преддверия настоящего. Именно немецкий историк Л. фон Ранке вознес на пьедестал ценность факта и архивного источника, именно он, организовав свой исторический семинар в Берлинском университете Фридриха Вильгельма, выстроил новую модель университетского исторического образования. До создания в 1871 г. Германской империи в раздробленной стране существовали различные исторические школы, в основе которых лежали как политические, так и философские пристрастия историков. М.Н. Петров выделял морально-прагматическую школу (Шлоссер, Гервинус, Циммерман, Роттек), исто-

рическую школу права (Гуго, Пухта, Эйхгорн, Савиньи) критическую или объективно-историческую школу (Ранке и его ученики).

В 1830-е гг. в германских землях выделились две крупные исторические школы – Гейдельбергская (школа Ф. Шлоссера) и Берлинская, или историческая школа Ранке. Они обязаны во многом своему этаблированию лидерам и университетам, вокруг которых группировались ученые. Каждой школе присущи свои типы коммуникации, в рамках которых отражаются особенности формирования и функционирования школ в германских землях. Как отмечает Георг Иггерс этаблирование исторической науки и формирование исторических школ связано во многом с университетской реформой Ф. фон Гумбольдта[1]. Создание немецкого классического университета сформировало новые подходы к историческому образованию, появились знаменитые исторические семинары, в рамках которых стали формироваться исторические школы.

Гейдельбергская школа была создана Ф. Шлоссером (1776–1861), который в 1817 г. получил место ординарного профессора университета в Гейдельберге. В современной зарубежной историографии не принято выделять эту школу. Так, Иггерс в своих критических заметках о развитии историографии в XX в. о Шлоссере не упоминает. В советской историографии об этой школе всегда писали в контексте противопоставления школе Ранке, которую объявляли консервативной, тогда как школу Шлоссера называли демократической[2]. В современной отечественной историографии эта школа вызывает интерес именно с точки зрения изучения особенностей схоларности и типов коммуникаций[3].

Формальный тип коммуникации исторической школы – тематика исторических сочинений. У историков Гейдельбергской школы – интерес к хронологически близким периодам. Так, Шлоссер был автором «Истории восемнадцатого столетия», в рамках которой уделялось пристальное внимание французскому просвещению и Французской революции[4]. Тема революций поднималась в трудах Л. Гейссера и Ф. Дальмана[5]. Г. Гервинус уделял внимание наследию Французской революции, посвятив свой труд истории девятнадцатого века от времени Венского конгресса[6]. Перу Гейссера принадлежит «История Германии от смерти Фридриха Великого до создания Германского союза»[7]. В. Циммерман опубликовал историю Крестьянской войны и истории германской революции 1848-1849 г.[8], Дройзен – «Историю освободительных войн»[9]. Но были у этой школы и общие тематические предпочтения с историками-

[1] Iggers 2007: 22.
[2] СИЭ. Т 4, 1962: 174; Вебер 1974: 93.
[3] Ростиславлева 2003: 311-318.
[4] Шлоссер 1868-1871.
[5] Dahlmann 1845; Dahlmann 1848; Häusser 1851.
[6] Гервинус 1863.
[7] Häusser 1854-1857.
[8] Zimmerman 1840; Zimmerman 1841-1843.
[9] Droysen 1846.

ранкеанцами. Например, Шлоссер и Гейссер писали о реформации[10], которая была популярнейшей темой у самого великого Ранке[11]. Однако это только на первый взгляд, выглядит как совпадение, так как, например, Гейссер, размышляя о Реформации, всегда обращался к современности. Поэтому ключевой момент в определении коммуникативного тематического вектора – «…подвинуть историю настоящего времени в даль прошедшего, быть судьей не только прошедшего, но и настоящего, принять и обсудить с безошибочную верностью неоконченные еще политические отношения, которые еще существуют и действуют в наши дни и еще будут продолжаться…»[12].

Сложно обозначить однозначно философскую основу Гейдельбергской школы, так как Кант, на чью философию отчасти опирался Шлоссер[13], не может быть назван приоритетным философом этой школы, поскольку этический подход не преобладал, например, в сочинениях Дальмана и Циммермана.

Анализ сетей цитирования, ссылочного аппарата позволяет увидеть среди приверженцев Шлоссера огромный интерес к сочинениям и методам Ранке. Шлоссер в сносках анализировал цитаты с позиций критического метода. Подобного подхода придерживались Гервинус и Гейссер. Аналогична позиция Дальмана в «Истории Дании», где он анализировал источники по методу Нибура–Ранке. Исключение – книги Дальмана по истории английской и французской революций, которые уместнее отнести к жанру исторической публицистики. Очень скудным является взаимное цитирование, хотя довольно обильно, например Гейссер, цитирует Ранке[14]. Таким образом, Гейдельбергская и Берлинская школы имели много общего.

Гейдельбергская школа носит генетический характер (учитель-ученик), одновременно можно признать ее и лидерской школой Шлоссера. Лекции Шлоссера и их обсуждение – вот главная основа коммуникации, в ее социально-организационной модели преобладают неформальные связи с учителем. Участие в политической жизни Германии также присуще членам этой школы. Исключение – сам Шлоссер, который не скрывал своей либеральной политической ориентации, но, в отличие от Дальмана, Гейссера, Гервинуса и Циммермана, дистанцировался от участия в политике. В 1861 г. Шлоссер ушел из жизни. Гейдельбергский университет сохранил склонность к либеральным и этическим принципам, но его школа прекратила свое существование.

Историческая школа Ранке или Берлинская школа продолжает вызывать интерес современных исследователей[15], прежде всего, в контек-

[10] Гейссер 1882.
[11] Ranke 1839-1843.
[12] Гервинус 1863: III.
[13] Gottlob 1989: 222-226.
[14] Ростиславлева 2003: 315-316.
[15] Савельева, Полетаев 2007: 70-96; Черноперов, Усманов 2021; Мягков 2001: 40-79; Iggers 2007: 25-31.

сте становления классического историзма. Леопольд фон Ранке (1795–1886) был родом из Тюрингии, изучал богословие в университетах Лейпцига и Гале, его профессиональная деятельность с 1825 г. связана с Берлинским университетом, где он произвел в качестве профессора «революцию» в историческом образовании. Таким образом генетическая коммуникация (учитель –ученик) в рамках Берлинской школы также налицо. Абсолютно правомерно Я. Буркхардт замечал, что в семинаре Ранке в смысле каких-то результатов ничего не выходило, но «при этом было огромное преимущество, мы постигали исторический метод»[16].

В 1841 г. Ранке был назначен придворным историографом. Его историческое наследие состоит из более чем 50 томов. В русских переводах выходили только некоторые сочинения Ранке: «Об эпохах новой истории», «Три Габсбурга», «Государи и народы Южной Европы», «История Сербии», «Римские папы в последние четыре столетия». Из семинара Ранке вышли такие известные историки как Г. Зибель, Г. Вайтц, Ф. Гизебрехт, Г. Гирш и др. Испытал определенное влияние Ранке и профессор Московского университета Т.Н. Грановский. Будучи на стажировке в Берлине, он посещал семинар Ранке и настолько проникся идеей изучения всеобщей истории, что стал первым российским историком, прочитавшим с университетской кафедры курс по всеобщей истории.

Тематика сочинений Ранке и его учеников связана со Средними веками, прежде всего с религиозностью. В фокусе историков Берлинской школы – Реформация[17], история римских пап[18], романских и германских народов[19], крестовых походов[20] и, конечно, Священная Римская империя, в эпоху которой имя немцев было у всех на слуху, т.е. тематическая коммуникация просматривается. Но есть и совпадения со школой Шлоссера: написание всеобщих историй, многотомность сочинений, но главное практически все немецкие историки XIX в., за исключением Роттека, обращались к методу Ранке, который стал коммуникативным каналом не только его школы, но немецкого сообщества историков в целом, хотя Зибель прославился своей многотомной «Историей Французской революции»[21] и, на первый взгляд, выпадает из коммуникативных рамок.

Нерешенный «германский вопрос» заставил в дальнейшем практически всех немецких историков встать на национально-патриотические позиции. Приверженцы Ранке стали сплоченной группой, которая отождествлялась с официальным историческим сообществом Германии.

Попытки изменить тематические предпочтения и внести в исторические исследования популярные в конце века элементы позитивистской философии вызывали резкое неприятие официального исторического сообщества. Пример тому – развернувшаяся на страницах осно-

[16] Цит. по: Berg 1968: 51-55.
[17] Ranke 1839-1843.
[18] Ранке 2022.
[19] Ranke 1824.
[20] Sybel 1841.
[21] Зибель 1863-1867.

ванного в 1859 г. учеником Ранке Генрихом Зибелем исторического журнала Historische Zeitschrift дискуссия вокруг «Истории Германии» К. Лампрехта, завершившаяся торжеством ранкеанства, которое преобладало в Германии вплоть до середины XX в.

К Лампрехт тяготел к экономической и культурной, а не политической истории. Ученый прославился тем, что, создавая свой многотомный труд «История Германии» стремился показать материальные и культурные факторы как единую основу прогресса, представить историю Германии как процесс, в котором для каждого времени материальные и духовные предпосылки имели бы определенное значение[22].

Немецкая история описывалась Лампрехтом как последовательная смена культурно-исторических эпох. Основой этого процесса являлись, по его мнению, народная душа, национальное сознание, которые динамично развиваются в ходе исторического процесса, а решение проблемы национального единства он искал в общности культурной и хозяйственной жизни. Историк писал: «Нация вышла из бесконечной борьбы без государственного идеала, без силы какого-либо политического убеждения, и только национальное сознание более ранних времен действовало объединяюще и успокоительно на культурную и духовную жизнь»[23]. Позиции автора определяли принципы философского позитивизма и культурно-исторического синтеза, что кардинально противоречило ранкеанству с его преклонением перед государством и политической историей в целом. Критикуя «Историю Германии» Лампрехта и самого историка, школа Ранке становилась более сплоченной и сильной. Таким образом, коллективная агрессивная критика – еще один фактор схоларности. Против Лампрехта выступили ученики Ранке, как Зибель, неоранкеанцы (М. Ленц, Ф. Рахвал, Г. Онкен, Ф. Майнеке, О. Хинтце), католические историки (Г. Финке), историки права (Г. фон Белов)[24]. Критика была связана как с отстаиванием роли наследия Ранке, так и с фактическими ошибками и с упреками в материализме. Конструктивно выступил только Ф. Мейнеке, который понял, что Лампрехт утверждает в историческом знании новую методологию. Последний, обратившись к позитивистской методологии, попытался дать возможность этаблироваться в Германии еще одной исторической школе, но официальное историческое сообщество воспротивилось этому и сделало из него изгоя.

Спор продолжался несколько лет Лампрехт вел себя очень достойно и стойко, параллельно помогая конституироваться новым направлениям – региональной истории, исторической географии, культурологии, которые опирались на синтез наук и лишь отчасти вписывались в приоритетные для школы Ранке политические и национальные факторы.

Г. Риккерт, В. Дильтей, В. Виндельбанд выступали на стороне официального исторического сообщества и в ходе спора сформулирова-

[22] Viikari 1977: 206-208.
[23] Лампрехт 1894: 17.
[24] Ростиславлева 2005: 179-181; Ростиславлева 2014: 118-127.

ли новые принципы понимания истории, которые отличались от школы Ранке. Их кредо – не «собственно как это было», а иррациональные, прежде всего этические факторы[25]. Таким образом, критика не только укрепляла школу Ранке, но она же стала важным импульсом создания новой школы – Баденской школы неокантианства. Исторический процесс эта школа рассматривала как процесс осознания ценностей. С Баденской школой неокантианства связано расширение предмета исторического исследования. Культура и теория научного исторического знания в частности стали темами исследования членов школы[26]. Однако, безусловно, главное, это моральная оценка прошлого. В. Виндельбанд писал: «Этическая функция, как и функция логическая и эстетическая, социальна по своей природе. […] Этическая жизнь полностью коренится в отношении индивида к обществу. Все наша нравственность коренится в нравах», называя индивида, а не общество высшей ценностью[27].

В данной ситуации локальность, лидерство и новая основа исторического знания выступают как атрибуты схоларности. Для XIX в. приоритетным атрибутом остаются лидеры. Были, безусловно, особенности в типах коммуникации (разные тематические предпочтения, несовпадающие сети цитирования, иной методологический инструментарий), но сопоставительный анализ школ Шлоссера и Ранке показывает, что эти различия были несколько размыты. Конечно, Лампрехт и Баденская школа неокантианства – это совсем другие тематические предпочтения. Однако Лампрехт не обрел последователей, а баденцы больше тяготели к философии истории, а не к собственно историческим исследованиям.

Господство ранкеанства и его победа в споре с Лампрехтом привели к долгому приоритету политической истории в Германии. Впрочем, уже в конце XIX в. состоялось выступление сторонников социальной истории, что во многом связано с бурной индустриализацией Германской империи. Они объединились под эгидой Г. Шмоллера и заявили о себе как историческая школа национал-экономии. От классического историзма, который утверждали Ранке, Шлоссер с последователями, их отличали убеждения, что хозяйство тоже исторично и должно интерпретироваться в рамках ценностей и институциональных основ народа. Однако с ранкеанцами школу Шмоллера объединяло признание центральной роли государства и метода Ранке. Также не способствовало этаблированию этого сообщества как школы и то, что Шмоллер и его последователи с систематических позиций не объяснили теоретические и методологические предпосылки своей школы[28].

В условиях Веймарской республики, когда в духовном плане необходимо было преодолевать травму после поражения в Первой мировой войне, особой реинтерпретации исторических событий не произошло.

[25] Iggers 2007: 35.
[26] Коллингвуд 1980: 158-163.
[27] Виндельбанд 1995: 299.
[28] Iggers 2007: 37-38.

Значительная часть общества связывала прошлое величие Германии с прусским государством, поэтому отказа от ранкеанской парадигмы не случилось. Бисмарк оставался героем германской истории[29].

Ситуация в годы национал-социализма не вписывается в научную парадигму, так как наука превратилась в историческую политику[30] .

После Второй мировой войны историки ФРГ начали «отходить» от ужаса катастрофы. Ф. Мейнеке, сыгравший огромную роль в создании Свободного университета Берлина, до конца жизни был предан ранкеанству и оставался в плену стереотипов прошлой эпохи, рассматривая поражение Германии во Второй мировой войне и ее оккупацию как позор. Он писал: «Космополитическое культурное сообщество христианского Запада – в том виде, в каком оно существовало и в каком мы страстно желали бы видеть его новый расцвет – было создано не только благодаря высшим, универсальным по своей сути идеям и идеалам, но и совершенно неподражаемым вкладом отдельных народных душ. […] Нам не нужно какое-то радикальное переучивание, чтобы вновь стать действительным членом западного сообщества. Исчезнуть без остатка должна только нацистская мания величия…»[31].

В конце 1950-х гг. новое поколение историков начало осознавать значение массовых социально-экономических факторов, использовать типологические конструкции, например, теорию идеальных типов Макса Вебера, который испытал сильное влияние Баденской школы неокантианства и школы Шмоллера[32]. Вебер попытался вновь объединить социологию и историю, предложив логическую конструкцию, которая выражает теоретический «интерес эпохи»[33]. В 1960-1970-е гг. в ФРГ сформировалось несколько школ, которых объединял приоритет социальной истории, ставшей основой коммуникации для Гейдельбергской школы В. Конце, Марбургской и Билефельдской школ. В данном перечне локальное пространство, тематические предпочтения и отчасти лидеры явились школообразующими факторами.

Активным членом Марбургской школы был историк, социолог, юрист В. Абендрот (1906–1985), который изучал прежде всего германский рабочий класс и роль Коммунистической партии, профсоюзного движения, настаивал на демократическом развитии западных зон оккупации. Коллектив историков под его руководством издал труд «История германской социал-демократии», где отмечалась «внутренняя противоречивость социал-демократической политики»[34] и предлагалась альтернатива политике социального партнерства. Историк много внимания уделял решению социального вопроса в ГДР. Важной в плане этаблирования Марбургской школы стала работа В. Абендрота «Хозяйство, об-

[29] Ростиславлева 2022: 94.
[30] Хряков 2005: 47–66; Бурашников 2015: 140-147.
[31] Майнеке 2024: 229-230.
[32] Давыдов 1996: 71-77.
[33] Ростиславлева 2015: 123.
[34] Скаковский 2014: 54.

щество и демократия в Федеративной республике», в которой автор рассматривал структуру сельского хозяйства, число граждан, чье существование зависит от наличия работы, их структурную организацию, характеризуя служащих, чиновников, рабочих с позиции власти в экономике и ее вклад в развитие демократии. Историк подчеркивал: сознание общественных классов определяет социальная ситуация, а не идеология[35].

Автор прослеживал зависимость партийно-политической борьбы от социально-экономического развития, поднял вопрос о финансировании партий, выражая определенный скепсис в отношении финансирования партий за счет средств налогоплательщиков и настаивая на том, чтобы функционирование партий принимало во внимание их помощь в плане социального развития, которое должно рассматриваться ими как инструмент демократии[36]. Лидер Марбургской школы настаивал на приоритете социальных структур в развитии партийно-политической борьбы. Показательна его работа «Антогонистическое общество и политическая демократия», которая включает его сочинения по политической социологии[37]. Абендрот – тот лидер, который известен большому числу профессоров, журналистов, учителей и профессиональных политиков, которых можно считать его учениками, т.е. Марбургская школа по своему влиянию вышла за рамки исторической профессии и была междисциплинарной не только по тематике, но и по составу.

Гейдельбергская школа В. Конце (1910–1986) сформировалась и выступила раньше Марбургской. Среди ее членов были О. Бруннер и Р. Козеллек, которые позже обретут известность благодаря обоснованной ими методологии истории понятий. В 1962 г. был опубликован коллективный труд «Государство и общество в немецкий предмартовский период», который состоит из семи очерков[38]. Т. Шидер в главе о связи партикуляризма и развития немецкого национального сознания, подчеркивал его плюралистичность, а также гетерогенность политики из-за раздробленности, что предопределяло разные коннотации в отношении общества и государства[39]. В этом же издании авторы – приверженцы Гейдельбергской школы рассматривали взаимоотношения общества и государства в разных локальных пространствах Германского союза: О. Бруннер – в Австрии, Р. Козеллек – в Пруссии, В. Цорн – в Баварии, В. Фишер – в Бадене, что следует признать очень удачной формой коммуникации внутри школы. Теоретическими являются главы этого коллективного труда Э. Ангерманна и самого В. Конце, поднявшего проблему соотношения понятий общества и государства. Он отмечал: поле их напряжения – конституционно-политическое движение, «лицо которого способен изменить социальный вопрос», поскольку население мигрировало в индустриальные районы, и благодаря этому немецкое соци-

[35] Abendroth 1965: 45-73.
[36] Abendroth 1965: 108-109.
[37] Abendroth 1967.
[38] Staat und Gesellschaft 1962.
[39] Staat und Gesellschaft 1962: 9-38.

альное устройство вступило в новую эпоху. В. Конце писал: «В освободительном движении, вызванном инициированной властью индустриальной революцией, начался процесс выравнивания диспропорций общественного развития, и пауперизм исчезал»[40]. В последующих работах Конце затрагивал вопросы либерального рабочего движения в Германии, подчеркивая, что либерализм «упустил» свой шанс среди рабочих, что стало, по его мнению, «трагедией германского либерализма»[41].

Ярче всего особенности Гейдельбергской школы проявились на страницах посмертно изданной книги В. Конце «Общество – государство – нация»[42]. Ее издатели – ученики Конце У. Энгельгардт, Р. Козеллек включили в монографию написанные учителем очерки о соотношении истории и социальной истории с точки зрения методологии истории понятий, а также опубликованные в разные годы его труды по проблемам государства и общества, нации и общества. Ученики отмечали: жизненный путь Конце состоит не только из его книг, статей и редакторской работы, он – один из немногих историков проявил себя как учитель, организатор, стратег в области проблематизации своих исследований. Ученики и коллеги выбрали для публикации самые важные. с их точки зрения, тексты учителя[43]. Эта книга – яркое свидетельство устойчивости Гейдельбергской школы социальной истории, подтверждение ее лидерского характера и наличие глубоких коммуникативных связей.

Билефельдская школа сыграла основополагающую роль в плане выхода германской исторической науки из кризиса, охватившего ее после Второй мировой войны. Она была тесно связана с Билефельдским университетом, основанным в 1969 г. как университет «нового типа». Он формировался в основном людьми науки, а не чиновниками. Много сделал для открытия университета Г. Шельски, который обрел известность как сторонник междисциплинарного подхода в научных исследованиях[44]. Школа образовалась в начале 1970-х гг. Ее признанными лидерами принято считать Х.-У. Велера (1931–2014), получившего в Билефельдском университете кафедру всеобщей истории, и Ю. Кокку (род. 1941), возглавившего в нем же кафедру социальной истории. К Билефельдской школе тяготели Г.-Ю. Пуле, К. Клессман, В. Моммзен. Опора на междисциплинарность – главный стержень этой школы. Таким образом, коммуникация вышла не только за рамки тематических предпочтений, но и самого исторического знания. Более того она вышла за пределы страны, так как в университет приглашались специалисты, получившие образование не в ФРГ. Для этой школы характерна открытость для дискуссий как в научных исследованиях, так и в преподавании.

В основе коммуникации этого научного сообщества историков лежит социально-историческая проблематика, т.е. история структур, про-

[40] Staat und Gesellschaft 1962: 268-269.
[41] Conze 1968: 27-28.
[42] Conze 1992.
[43] Conze 1992: 9.
[44] Турыгин 2013: 71.

цессов и коллективных действий, а также классов, сословий и социальных слоев. Репрезентативна в этом отношении многотомная «История германского общества» Х.-У. Велера, ориентированная на представление структурных процессов, что выражает одну из центральных идей школы. Так, второй том этого труда, охватывающий период Vormärz (1815–1845/49), обозначает его как время «германской двойной революции» (Deutsche Doppelrevolution), имея в виду индустриальную революцию и Революцию 1848-1849 гг.[45] В третьем томе рассматриваются долговременные процессы от «двойной революции» до начала Первой мировой войны, показано, как вторая фаза «двойной революции» повлияла на демографический рост, процессы урбанизации, какие структурные условия определили цикличное развитие экономики. Автор продемонстрировал, как развивались структурные процессы в социальной и политических сферах[46]. Завершающая глава посвящена месту Германии в контексте «долгого XIX века», когда страна напоминала двуликого Януса, разрываясь между модерном и традицией[47]. Социальная история понималась Велером как история общества во всем его политическом, социальном, экономическом, культурном и духовном многообразии.

В теоретическом плане много сделал для этаблирования Билефельдской школы Ю. Кокка. В 1977 г. им была опубликована книга «Социальная история», на страницах которой показана роль теорий К. Маркса и М. Вебера для социальных исследований. Основой коммуникации Билефельдской школы стала теория Вебера о рационализации всех сфер. Кокка показывает, каким образом Вебер примиряет противоречие между структурностью и гетерогенностью (хаотичностью) действительности, уточняя как «гетерогенная продолжительность» несет в себе причинно-следственные связи и как на нее влияют ценности, разделяемые индивидуумом[48]. Вебер был настроен резко отрицательно в отношении исторического материализма, но в методологическом плане марксизм оказал влияние, по мнению Ю. Кокки, на становление социальной истории и Билефельдской школы в частности. По Марксу, «сознание – носитель отчужденных экономических отношений», однако объект в познавательной практике связан с субъектом, и поэтому общество становится субъектом и рассматривается как предпосылка для представлений о нем[49].

Не менее важными основами коммуникации, как уже отмечалось, стало изучение долговременных социальных структур, определявших жизнь рабочих и культуру труда. Кокка – автор книг по истории «долгого XIX века»[50], его проявлений в Германии в контексте модернизации[51]. Так автор остается верен принципам школы социальной истории, рас-

[45] Wehler 1996: Bd.2: 547-583.
[46] Wehler 1995, Bd. 3.
[47] Wehler 1995, Bd. 3, 1250-1293.
[48] Kocka 1977: 17-18.
[49] Kocka 1977: 21.
[50] Kocka 2004.
[51] Kocka 2022.

сматривая XIX в. как предысторию ФРГ и актуализируя такие его аспекты как устойчивое развитие услуг и достижений «долгого XIX века»[52]. Не менее важным вкладом в развитие социальной истории в духе Билефельда можно считать его труд по истории капитализма[53], который стал настоящим бестселлером и переведен на английский и французский языки. Перед автором встала амбициозная задача – не только прояснить понятие «капитализм», которое, как известно, отличается плюрализмом, но и в сжатой форме рассмотреть его историю в разных регионах мира от торгового капитализма, эпохи экспансии до индустриального и глобального развития этого феномена[54].

Другое тематическое направление Ю. Кокки – формирование рабочего класса в контексте его повседневной жизни, проблема бедности и культура труда[55]. Автор уделяет внимание не только экономическим условиям возникновения рабочего класса, но и феномену «рабочей семьи», характеру и границам социальной мобильности рабочих в эпоху индустриализации, показывает гетерогенность этой социальной группы и значение такого фактора, как «профессиональная наследственность»[56].

Заслуги Ю. Кокки как социального историка были в должной мере оценены. С 1988 г. он являлся профессором кафедры индустриального мира в Свободном университете Берлина, а с 2001 по 2009 г. – президентом Берлинского научного центра по социальным исследованиям (Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung). В рамках Билефельдской школы, которая переросла свое локальное пространство благодаря лидерам, прежде всего Кокке, в качестве нового тематического предпочтения появляется компаративная история, которая активно развивалась в Свободном университете Берлина и была ориентирована на изучение долговременных структур в сравнительном ракурсе[57].

Члены Билефельдской школы подвергались критике прежде всего со стороны историков повседневности и исследователей, ориентированных на изучение прошлого с позиций культуры[58].

Важным и не в полной мере изученным направлением коммуникации можно назвать роль каждой из этих школ в процессе реинтерпретации событий и выдающихся личностей, например, Бисмарка, ставшего антигероем с точки зрения социальной истории. Единственной его заслугой социальные историки считают активные действия канцлера по созданию социального государства в Германской империи в 1880-е гг.[59] Осмысление нацистского прошлого и проблема ответственности за содеянное их предками нашли отражение в разгоревшемся в 1986 г. споре

[52] Kocka 2022: 145.
[53] Kocka 2014.
[54] Ростиславлева 2017: 208-210.
[55] Kocka 2015.
[56] Kocka 2015: 143-152, 225-245.
[57] Geschichte und Vergleich 1996.
[58] Iggers 2007: 100-101; Турыгин 2013: 75-76.
[59] Кокка 2015

историков[60]. В нем принимали участие ученые разных убеждений и научных позиций, но социальные историки, например Ю. Кокка, однозначно встали на позиции ответственности ФРГ за содеянное.

В рамках конструирования исторической памяти в ФРГ и объединенной Германии произошло переосмысление созданной Бисмарком Германской империи[61]. Приверженцы социальной истории осуждают бисмарковский рейх как основу этого конструкта. Все это уже выводит нас на новый виток в истории схоларности в XXI в.

Уровень и характер организации историков в Германии за два века претерпел большие трансформации. Прежде всего они проявились в выборе приоритетов и в интерпретации событий, ответах на господствующие политические вызовы Германии, в изменении методологического инструментария. Безусловно, немецкое историческое знание не могло остаться в стороне от европейских подходов к изучению прошлого. Во второй половине XX в. в исторической науке ФРГ и объединенной Германии можно увидеть глубокую трансформацию типов коммуникации, тяготение историков к междисциплинарности, макроподходам, изучению долговременных структур и различных социальных слоев. Именно эти приоритеты и яркие лидеры стали основами схоларности трех крупнейших исторических школ ФРГ второй половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бурашников Д.А. Историческая комиссия рейхсфюрера СС // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. №. 9. С. 140-147. [Burashnikov D.A. Istoricheskaya komissiya rejhsfyurera SS (The historical commission of the reichsfuhrer SS) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya. 2015. №. 9. P. 140-147].

Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М.: Наука, 1974. 336 с. [Veber B.G. Istoriograficheskie problemy (Historiographical problems). Moscow: Nauka, 2012. 336 p.].

Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М: Юрист, 1995. 687 с. [Windelband W. Izbrannoye. Dukh i istoriya.(Selected. Spirit and History). Moscow: Yurist, 1995. 687 p.].

Гейссер Л. История Реформации. М.: Тип. Лисснера и Ю. Роман, 1882. 724 с. [Häusser L. Istoriya Reformacii.(History of the Reformation). M.: Tip. Lissnera i Yu. Roman, 1882. 724 p.]

Гервинус Г. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса. В 7 т. Т.1. СПб.: О. Бакст, 1863. 431 с. [Gervinus G. Istoriya devyatnadcatogo veka ot vremeni Venskogo kongressa. In 7 vol. Vol. 1.(History of the nineteenth century from the time of the Congress of Vienna). Saint-Petersburg: O. Bakst, 1863. 431 p.]

Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии, 1996. №. 6. С. 71-77. [Davydov Yu.N. M. Veber i problema interpretacii racional'nosti (Weber and the problem of interpreting rationality) // Voprosy sociologii, 1996. №. 6. P.71-77].

Зибель Г. История Французской революции и ее времени (1789-1795). В 4 т. СПб.: О. Бакст, 1863-1867. [Sybel H. Istoriya Francuzskoj revolyucii i ee vremeni (1789–1795). (History of the French Revolution and its times (1789–1795). In 4 v.). Saint-Petersburg, 1863-1867].

Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1-2 (9-10). С. 5-11 [Kocka Yu. Bismark i vozniknovenie social'nogo gosudarstva v Germanii (Bismarck and the emergence of the social state in Germany) // Rossiya i Germaniya: Nauchnyj gumbol'dtovskij zhurnal. 2015. № 1-2 (9-10). P. 5-11].

Лампрехт К. История германского народа. Т.1. М.: К.Т. Солдатенков, 1894. 632 с. [Lamprecht K. Istoriya germanskogo naroda. V. 1 (History of the German people. V.1). Moscow: K.T. Soldatenkov, 1894. 632 p.].

[60] Херстер-Филлипс 1988: 48-55; Рулинский 2013: 46-56.

[61] Conze 2020; Faber K.-G. 1971: 178-180.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с. [Collingwood R.J. Ideya istorii. Avtobiografiya (Idea of history. Autobiography). Moscow: Nauka, 1980. 486 p.].

Мейнеке Ф. Немецкая катастрофа. Размышления и воспоминания. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2024. 288 с. [Meinecke F. Nemeckaya katastrofa. Razmyshleniya i vospominaniya (German Catastrophe. Reflections and memories). Saint-Petersburg: Izd. Ivana Limbaha, 2024. 288 p.]

Мягков Г.П. "Нестор немецкой историографии" или "камердинер истории"? Историки России в спорах о Л. Ранке // Диалог со временем. № 6. 2001. С. 40-79. [Myagkov G.P. "Nestor nemeckoj istoriografii" ili "kamerdiner istorii"? Istoriki Rossii v sporah o L. Ranke ("Nestor of German historiography" or the "valet of history?" Russian historians' debates on L. Ranke // Dialog so vremenem. 2001. № 6. P. 40-79].

Ранке Л. фон. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях. В 2-х томах. М.: Ленанд, 2022. [Ranke L. von. Rimskie papy, ih cerkov' i gosudarstvo v XVI i XVII stoletiyah. In 2 v. (Popes, their church and state in the 16th and 17th cc. In 2 vols). Moscow: Lenand, 2022].

Ростиславлева Н.В. Концепция "идеальных типов" Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 9. С. 122-129. [Rostislavleva N.V. Koncepciya "ideal'nyh tipov" Maksa Vebera kak polidisciplinarnyj proekt (Concept of "ideal types" of Max Weber as the multidisciplinary project)) // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2015. № 9. P. 122-129].

Ростиславлева Н.В. Полидисциплинарность. Ответ К. Лампрехта // "СТЕНЫ И МОСТЫ – II": междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М.: Издательство "Академический проект", 2014. С. 118-127. [Rostislavleva N.V. Polidisciplinarnost'. Otvet K. Lamprekhta (Polydisciplinarity. The answer of K. Lamprecht) // "STENY I MOSTY – II": mezhdisciplinarnye i polidisciplinarnye issledovaniya v istorii. Moscow: Izdatel'stvo "Akademicheskij proekt", 2014. P. 118-127].

Ростиславлева Н.В. Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и в России // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 177-189. [Rostislavleva N.V. Recepciya tvorchestva K. Lamprekhta v Germanii i v Rossii (Reception of K. Lamprecht's works in Germany and in Russia) // Dialog so vremenem. 2005. № 14. P. 177-189].

Ростиславлева Н.В. Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX века. Гейдельбергская школа // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 311-318. [Rostislavleva N.V. Tipy kommunikacii v istoricheskih soobshchestvah Germanii XIX veka. Gejdel'bergskaya shkola (Types of communication in German communities of historians in the 19th c.: Heidelberg school) // Dialog so vremenem. 2003. № 10. P. 311-318].

Ростиславлева Н.В. Ю. Кокка. История капитализма. Бонн, 2015. Рецензия // Новая и Новейшая история. 2017. №2. С. 208-210. [Rostislavleva N.V. Yu. Kokka. Istoriya kapitalizma. Bonn, 2015. Recenziya (Y. Kocka. A history of capitalism. Bonn, 2015. Review) // Novaya i Novejshaya istoriya. 2017. №2. P. 208-210.]

Ростиславлева, Н.В. Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 91-100. [Rostislavleva, N.V. Recepciya temy Germanskoj imperii v yubilejnyh istoricheskih narrativah Rossii i Germanii v XX veke (Reception of the Theme of the German Empire in the Anniversary Historical Narratives of the XX c.) // Novaya i novejshaya istoriya. 2022. № 3. P. 91-100]

Рулинский В.В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. №1 (27). С. 46-56. [Rulinskij V.V. «Spor istorikov» v Germanii: problema otvetstvennosti za nacistskie prestupleniya (The "historians' dispute" in Germany: the problem of responsibility for Nazi crimes) // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2013. №1 (27). P. 46-56].

Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. №. 18. С. 70-96 [Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. Stanovleniye istoricheskogo metods: Ranke, Mrks< Droyzen (The Formation of Historical Method: Ranke, Marx, Droysen) // Dialog so vremenem. 2007. № 18. P. 70-96].

Скаковский А.А Проблема социалистического строительства в СССР и ГДР в трудах В. Абендрота // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2014. №. 4. С. 53-58. [Skakovskij A.A. Problema socialisticheskogo stroitel'stva v SSSR i GDR v trudah V. Abendrota (The Problem of Socialist Construction in the USSR and the GDR in the Works of W. Abendroth) // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. №. 4. P. 53-58].

Советская историческая энциклопедия. Т.4. В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1962. 542 с. [Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. V. 4 .(Soviet historical encyclopedia. Vol. 4). Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1962. 542 p.]

Турыгин А.А. Билефельдская школа и проблема преемственности в немецкой историографии // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 68-79. [Turygin A.A. Bilefel'dskaya shkola i problema preemstvennosti v nemeckoj istoriografii (Bielefeld school and the problem of continuity in German historiography) // Dialog so vremenem. 2013. № 42. P. 68-79].

Херстер-Филиппс У. «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история. 1988. №3. С. 48-55. [Herster- Philips U. «Spor istorikov» v FRG (The "historians' dispute" in the FRG) // Novaya i novejshaya istoriya. 1988. №3. P. 48-55.]

Хряков А.В. Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники? (К оценке современных дебатов в немецкой исторической науке) // НЛО. 2005. № 74. С. 47–66. [Hryakov A.V. Istoriki pri nacional-socializme: zhertvy, poputchiki ili prestupniki? (K ocenke sovremennyh debatov v nemeckoj istoricheskoj nauke) (Historians under National Socialism: victims, passengers or criminals? (Toward an assessment of contemporary debates in German historical scholarship)) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 74. P. 47–66.]

Черноперов В.Л., Усманов С. М. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. 364 С. [Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Leopol'd fon Ranke-zhizn' i tvorcheskoe nasledie. (Leopold von Ranke - life and creative heritage). Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet", 2021. 364 p.]

Шлоссер Ф.К. История восемнадцатаго столетия и девятнадцатаго до падения Французской империи. В 8 т. СПб.: Изд. книжнаго магазина Черкесова, 1868-1871. [Schlosser F.K. Istoriya vosemnadcatago stoletiya i devyatnadcatago do padeniya Francuzskoj imperii. In 8 vol.(History of the eighteenth century and the nineteenth until the fall of the French Empire). Saint-Petersburg: Izdanie knizhnago magazina CHerkesova, 1868-1871].

Abendroth W. Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie in der Bundesrepublik.1 2 Antworten. Frankfurt am Main: Stimme-Verlag, 1965. 150 S.

Abendroth W. Antagonistische Gesellschaft und politische Demokratie. Neuwied und Berlin: Hermann Luchterhand Verlag, 1967. 578 S.

Berg G. Leopold von Ranke als akademischer Lehrer. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. S. 249.

Conze W. Das Spannung von Staat und Gesellschaft im Vormärz // Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz. 1815–1848 / Hg. v. W. Conze. Stuttgart: Ernst Klett Vg, 1962. S. 268-269.

Conze W. Gesellschaft – Staat – Nation. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992. 504 S.

Conze W. Möglichkeiten und Grenzen der liberalen Arbeiterbewegung in Deutschland. Das Beispiel Schulze-Delitzschs. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 28 S.

Conze E. Schatten des Kaiserreichs. Die Reichsgründung von 1871 und ihr schwieriges Erbe. München, Deutschen Taschenbuch Verlag, 2020. 288 S.

Dahlmann F.C. Geschichte der englischen Revolution. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1848. 383 S.

Dahlmann F.C. Geschichte der französischen Revolution bis auf die Stiftung der Republick. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1845. 488 S:

Droysen I.G. Vorlesungen über die Freiheitskriege. 2 Bde. Kiel: Universitäts-Buchhandlung, 1846.

Faber K.-G. Europa und der Norddeutsche Bund. Hg. von Richard Dietrich. Berlin, 1968. Buchbesprechungen // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H.1. S. 178-180.

Geschichte und Vergleich: Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung / H.-G. Haupt, J. Kocka (Hrsg.). Frankfurt/M.: Campus, 1996. 338 S.

Gottlob M. Geschichtsschreibung zwischen Aufklärung und Historismus: Johannes von Müller und Friedrich Christoph Schlosser. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 1989. 359 S.

Häusser L. Denkwürdigkeiten zur Geschichte der Badischen Revolution. Heidelberg: Winter, 1851. 678 S.

Häusser L. Deutsche Geschichte: vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des Deutschen Bundes. 4 Bände. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1854-1857.

Iggers G.G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 175 S.

Kocka J. Das lange 19. Jahrhundert: Arbeit, Nation und bürgerliche Gesellschaft. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 13. Stuttgart: Klett-Cotta, 2004.

Kocka J. Kampf um die Moderne. Das lange 19. Jahrhundert in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2022. 240 S.

Kocka J. Sozialgeschichte: Begriff, Entwicklung, Probleme. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. 175 S.
Kocka J. Arbeiterleben und Arbeiterkultur. Die Entstehung einer sozialen Klasse. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf. 509 S.
Kocka J. Geschichte des Kapitalismus. München: Verlag C.H. Beck, 2014. 144 S.
Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bde. Berlin: Duncker & Humblot, 1839-1840.
Ranke L. von. Geschichten der romanischen und germanischen Völker: von 1494 bis 1535. Leipzig: Reimer, 1824. 423 S.
Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz. 1815-1848 / Hg. von W. Conze. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1962. 272 S.
Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Düsseldorf: J.H.C. Schreiner, 1841. 550 S.
Viikari M. Die Krise der "historischen" Geschichtsschreibung und die Geschichtsmethodologie Karl Lamprechts. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1977. 483 S.
Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der Deutschen Doppelrevolution bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849-1914. München: Verlag C.H. Beck, 1996. 1515 S.
Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd.2. 1815-1845/49. München: Verlag C.H. Beck, 1995. 914 S.
Zimmerman W. Die deutsche Revolution. Karlsruhe: Kunstverlag, 1848. 958 S.
Zimmermann W. Allgemeine Geschichte des großen Bauernkrieges. 3 Bände. Stuttgart: Köhler, 1841-1843.

***Ростиславлева Наталья Васильевна**, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры всеобщей истории; ranw@mail.ru.*

German historical knowledge of the 19th-20th centuries types of communication and attributes of scholarism

The article considers the types of communication in historical circles of Germany in the 19–20th cc. and the vector of evolution and transformation of the of historical schools from multiple and segmented circles of divided Germany to a monolithic and relatively dogmatic historical community of the German Empire, from Rankean nostalgia and extolment of the legendary German past to a radical transformation of communication types in the 20th c. Before the creation of the German Empire in 1871, there were many historical schools, based on both political and philosophical preferences of historians. After 1830, the Heidelberg School of F. Schlosser and the Berlin Historical School of L. von Ranke stood out in the German Confederation, which largely owed their establishment to their leaders. The schools were distinguished by their communication features – different thematic areas and citation networks, special methodological tools. The unresolved "German question" forced almost all German historians to take national-patriotic positions: the Schlosser school dispersed, and the followers of Ranke became a monolithic group that identified with the official historical community. Attempts to change thematic preferences and introduce elements of positivistic philosophy, so popular in the second half of the 19th c., caused sharp rejection: an example of this is the discussion on the publications of K. Lamprecht, which demonstrated critics as a factor of scholarity. The political and national factor became the basis of communication of neo-Rankean historians during the Weimar period. In the years of National Socialism, science turned into historical policy and it is difficult to single out scientific schools of historians. After World War II, historians of the West Germany began to realize the importance of social factors and use typological constructions. Several historical schools were formed in the West Germany, which were united by the priority of social history, which became the basis of communication of the Heidelberg School of W. Konze, the Marburg and the Bielefeld school. Local space, macro approaches, interdisciplinarity and thematic preferences were the school-forming factors in the second half of the 20th c.

***Keywords:** Heidelberg and Berlin historical schools F. Schlosser, L. von Ranke, social history, W. Abendroth, W. Conze, J. Kocka, H.-U. Wehler.*

***Natalia V. Rostislavleva**, Dr. in History, professor, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru*

Т.А. Сидорова

«НЕКЛАССИЧЕСКАЯ» ЛИДЕРСКАЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ПРАКТИКЕ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. ОПЫТ Ф.У. МЕЙТЛЕНДА

Исследование посвящено научно-педагогической школе Ф.У. Мейтленда, одного из крупнейших британских историков XIX в., в контексте Кембриджской исторической школы. «Неклассическая» школа Мейтленда представлена как интеллектуальное междисциплинарное сообщество профессоров, лекторов, тьюторов, донов Кембриджского университета, объединенных общностью методологических позиций, близостью научной тематики, наличием коммуникативных связей между учителем и учениками и тяготевшее к формату «невидимого колледжа» как традиционной форме интеграции британских ученых-гуманитариев. Школа Мейтленда синтезировала несколько типов научных школ – научно-образовательную, исследовательскую и направленческую. Раскрыта специфика этой школы, функционировавшей на основе парадигмы сетевого обучения, «сети Мейтленда», создававшей эффект плюралистической когнитивной платформы становления ученого-исследователя при сохранении основных позиций, восходящих к лидеру школы. Отмечено значение личного опыта «ученичества» Мейтленда, послужившего примером для многих его учеников.

Ключевые слова: *Ф.У. Мейтленд, Кембриджская историческая школа, парадигма сетевого обучения, междисциплинарное сообщество интеллектуалов.*

Фредерик Уильям Мейтленд (F.W. Maitland, 1850–1906) – один из крупнейших британских историков XIX в. европейского масштаба, выдающийся исследователь идей и институтов англосаксонского мира.

Историческая память запечатлела высочайшие оценки его научных достижений и заслуг как ученого-историка, историка права, юриста, палеографа, методолога, университетского профессора. В век великих историков он был признан величайшим английским историком; одним из лучших историков; святым покровителем историков и оракулом; больше, чем великим профессиональным историком современности, но и философом, который оставил видение того, как создавался наш мир; отцом истории; современным отцом истории английского права; самым талантливым историком в Англии, в то время, когда Стаббс и Гардинер были еще живы; великим; величайшим английским юристом своего времени; величайшим историком права всех времен, равного которому не знала Англия; выдающимся современным юристом, признанным судьями Суда Лорда-канцлера; одним из бессмертных; не имеющим себе равных среди английских историков; всё еще живым авторитетом; ученым, которые приходят раз в два или три поколения; его называли великаном, который вместе с М. Блоком является одним из величайших историков последнего времени; сравнивали с недосягаемой горной вершиной; считали человеком выдающейся учености, истинных стандартов и безупречных манер; одним из нас[1]. Мно-

[1] См.: Hexter 1979: 156; Schuyler 1952: 322; Collingwood 1961: 127; Elton 1985: 97-98, 34; Macfarlane 2002: 82; Савин 1907: 105-106; Encyclopædia Britannica: 446;

гогранное научное наследие Ф.У. Мейтленда-ученого (scientific historian) стало достоянием интернационального профессионального сообщества историков и вошло в золотой фонд мировой историографии.

Академическая биография Ф.У. Мейтленда была связана с Кембриджским университетом, где он, как его дед и отец, обучался юриспруденции в Trinity College, в 1884 г. стал лектором английского права Christ's College, а в 1888 г. – профессором позитивного права Downing College. Работая в Кембриджском университете, Мейтленд написал свои знаменитые труды (164) и обрел известность в своей стране и за ее пределами. В Кембридже он создал свою научно-педагогическую школу, получившую неоднозначную оценку в историографии[2].

В «простой» биографии[3] Мейтленда много, на первый взгляд, «нетрадиционного» и даже парадоксального: профессиональный юрист, он стал выдающимся историком-медиевистом, историком английского права, новистом и конституционалистом; будучи профессором юридического факультета Кембриджского университета, он принимал активное и непосредственное участие в научно-педагогической жизни коллег исторического факультета; специально не занимаясь методологией истории, он внес значительный вклад в разработку проблемы методологического синтеза, опередив свое время; викторианский либерал, он открыто критиковал либерализм; протестант по воспитанию, ставший агностиком, он сознательно сохранил христианскую сущность в своем поведении и убеждениях[4]; дистанцировавшийся от всех церквей[5], он восстановил экуменическое право Рима за счет Англиканской Экклесии[6]; ему, чей профессиональный статус историка подвергался сомнению, в южном трансепте Вестминстерского Аббатства была установлена напольная плита как единственному английскому историку[7]; в течение двадцати двух лет он преподавал десятки лекционных курсов в области права, в т.ч. историю английского права и историю конституционного права Англии, но не стал Regius Professor of Modern History, удостоившись должности Downing Professor of the Laws of England, высокой, но уступающей по значимости Regius Professor; профессор права, не читавший «чисто исторических» курсов, он создал «юридическую школу», воспитавшую плеяду блестящих историков, работавших в разных странах «под знаком Мейтленда» в XIX и XX вв.

Ф.У. Мейтленд был «великим исключением», и именно уникальное сочетание научной эрудиции с интуитивными познаниями велико-

Gooch 1952: 372; Bloch 1962: I, XXI; Schuyler 1952: 322; Wormald 1999: XI, 17; Hollond 1953: 4; Cam 1962: XXIX; Wormald 1999: XI, 17; Macfarlane 2002: 82; Pollock 1907: 403; Hay 1977: 169; McFarlane 1965: 882-883; Elton 1985: 102-103, 97–98, 34.

[2] См.: Сидорова 2014(а): 249-260.

[3] Савин 1907: 81.

[4] Elton 1985: 15.

[5] Maitland 1897: Preface. P. VI.

[6] White 1950-1951.

[7] Jones 2001: 5.

го художника сделало его лучшим специалистом по истории, которого когда-либо создавал англоязычный мир[8].

Научно-педагогическая лидерская «неклассическая» школа Мейтленда, конфигурация которой не имеет однозначного определения, возникла и развивалась в недрах Кембриджской исторической школы, которая сложилась в 1870–1880-е гг. и являлась крупным центром исторической науки и образования, наряду с Оксфордской. В Оксбридже XIX века были сконцентрированы ведущие интеллектуальные элиты Великобритании. Деление Кембриджской и Оксфордской школ на две школы является условным, но объединяющие принципы общими: междисциплинарный характер интеграции ученых и схожие методологические позиции викторианской эпохи – либеральные взгляды и ценности, германистские подходы, национальные традиции историописания и общеевропейские позитивистские установки.

Кембриджская историческая школа второй половины XIX – начала XX в. представляла собой открытое интеллектуальное академическое сообщество профессоров, лекторов, тьюторов, донов (наставников) под эгидой Кембриджского университета по изучению и преподаванию истории[9], с широкой коммуникативной сетью, в рамках которого формировались персональные исторические школы, воспроизводившие ее контуры, структуру, традиции. Это была трансдисциплинарная кооперация ученых-исследователей и преподавателей-наставников студентов, в которой принадлежность к Кембриджскому университету, историческому факультету, определенной кафедре (Новой истории), профессорская специализация в научной сфере, несомненно, были очень важны, принимались во внимание и подчеркивались, но, как представляется, не являлись решающими факторами при определении принадлежности историка к этой исторической школе. Фактически модель Кембриджской исторической школы укладывалась в рамки неформальной школы невидимого колледжа, с присущими ему характерными признаками.

Становление Кембриджской исторической школы как центра консолидации интеллектуалов и дисциплинарной университетской истории проходило параллельно, с XIII в. до 70–80-х гг. XIX в. Ключевые факторы и вехи этого процесса: «вырастание» университетской истории из истории церковной, практиковавшейся в Кембридже в течение пяти веков до обособления истории как академической дисциплины[10], что объяснялось статусом Кембриджского университета как церковного учебного заведения, вначале – римско-католической церкви, а затем – Англиканской[11]; учреждение королем Георгом I должности Королевского профессора Новой истории (Regius Professor in Modern History) в Оксфорде и

[8] White 1950-1951.
[9] Kitson Klark 1973: 537.
[10] Maitland 1911 Vol. 3: 187; Barton 2014: 6; Inman 2014; Neill 1988: 5,9; Сидорова 2018: 17-21.
[11] Annan 2000: Chapter 2.

Кембридже в мае 1724 г. и создание кафедры Новой истории[12]; введение в 1873 г. выпускных экзаменов по истории (Tripos), реформа Tripos 1885 г.; основание в 1886 г. первого национального исторического журнала "The English Historical Review" (Оксфорд) и в 1887 г. научного общества "Selden Society"[13] для издания источников[14]; создание лордом Актоном в 1896 г. исторического общества в Тринити колледже (Trinity Historical Society)[15]; основание Британской академии в 1902 г. и образование Исторической Ассоциации (Historical Association) в 1906 г. в Лондоне.

Особое значение учреждения в 1873 г. специальных Tripos по истории, проходившее в Кембриджском университете в обстановке бурной дискуссии в 1870–1890-е гг., состояло в проявлении междисциплинарной и межуниверситетской кооперации британских историков под эгидой Кембриджской исторической школы: ее участниками были профессора Новой истории, церковной истории, экономической истории, права, истории и английской литературы, преобладали кембриджцы[16]. Еще более значимым было содержание этой дискуссии, сводившейся по сути к обсуждению структуры учебного плана подготовки историков (о соотношении разделов всеобщей в составе ее триады, национальной, европейской, конституционной, политической истории[17]), которая сохраняла актуальность и в пору профессорства Мейтленда, что подтверждало всё еще неустойчивое положение исторической науки в Кембри-

[12] Первым профессором стал С. Харрис (S. Harris, 1682–1733). Dictionary of National Biography 1891.Vol. 25.

[13] Ф.У. Мейтленд принял деятельное участие в организации общества, был его первым редактором и издал 8 томов.

[14] Британские историки отмечали большой вклад Ф.У. Мейтленда в создание Selden Society. См.: Fisher 1910: 55-56. О значении публикации источников для развития исторической науки в Англии см.: Riordan 2017.

[15] Figgis, Laurence. Acton as a Professor 1906. Introduction: XIII.

[16] Лорд Актон (J.E.E. Dalberg-Acton, 1834–1902), королевский профессор Новой истории, заведующий кафедрой Новой истории (1895-1902), глава Кембриджской исторической школы; М. Крейтон (M. Creighton, 1843–1901), заведующий кафедрой церковной истории Кембриджского университета, первый профессор церковной истории (Dixie Professor of Ecclesiastical History) и епископ Англиканской церкви; Дж.П. Уитни (J.P. Whitney, 1857–1939,), профессор церковной истории Кембриджского университета (Dixie Professor of Ecclesiastical History); Г.М. Гваткин (H.M. Gwatkin, 1844–1916), профессор церковной истории Кембриджского университета (Dixie Professor of Ecclesiastical History), У. Каннингем (W. Cunningham, 1849–1919), внештатный сотрудник Кембриджского университета, лектор истории в Кембридже, заведующий кафедрой экономики в Королевском колледже Лондона; Ф.У. Мейтленд (F.W. Maitland, 1850–1906), профессор права Кембриджского университета, юридического факультета; А. Уорд (A. Ward, 1911–1913), лектор Оксфордского университета, профессор истории и английской литературы в Оуэнс-колледже (Манчестер); Дж.В. Протеро (G.W. Prothero, 1848–1922), лектор Кингс колледжа Кембриджского университета, первый профессор Новой истории Эдинбургского университета; Дж.Р. Сили (J. R. Seeley, 1834–1895), Королевский профессор Новой истории, заведующий кафедрой Новой истории (1869-1895) Кембриджского университета и др. – Kitson Clark 1973: 536-550.

[17] McLachlan 1947: 78-105; Kitson Clark 1973: 535-553.

дже. Накал дискуссии 1894–1897 гг. был так высок, а результаты столь незначительны, что Мейтленд, с присущей ему иронией, отметил, что результат скорее напоминает «программу развлекательного шоу, чем серьезную программу исторической школы»[18].

Вклад самого Ф.У. Мейтленда, наряду с Г. Галламом (H. Hallam, 1777–1859), А.В. Дайси (A.V. Dicey, 1835–1922), У.С. Холдсвортом (W.S. Holdsworth, 1871–1944), У.А. Дженнингсом (W.A. Jennings, 1903–1965) в становление и развитие исторической науки в Кембридже состоял в преподавании конституционной истории: Ф.У. Мейтленд укрепил «хорошую и правильную традицию», согласно которой история Англии, преподаваемая в университетах, так долго приравнивалась к конституционной истории[19].

Характеристика Кембриджской исторической школы как «неклассической» объясняется историографической традицией, признающей «классическими», неким стандартом/эталоном, немецкие исторические школы Л. фон Ранке, Ф.К. Шлоссера, Ф.К. фон Савиньи, которые почитались британскими историками и юристами и высоко котировались в Европе XIX в., наряду с немецкими университетами. Школы истории в Великобритании были «классическими» по-английски, что подтверждается историческим характером их возникновения и развития. Но «великие немцы» стали учителями великих англичан (Дж. Актона, Ф.У. Мейтленда и др.) и великих русских (П.Г. Виноградова, А.Н. Савина и др.).

Лидерство в Кембриджской исторической школе принадлежало Королевскому профессору Новой истории, лорду Актону (J.E. Edward Dalberg-Acton, 1834–1902), что обеспечивалось его должностью заведующего кафедрой Новой истории (1895–1902) и бесспорным международным авторитетом ученого, оказавшего огромное влияние на развитие школы истории в университете за шесть лет пребывания в Кембридже[20].

До Дж. Актона кафедрой Новой истории почти четверть века заведовал известный историк Дж.Р. Сили (J.R. Seeley, 1834–1895), который формально считался и лидером Кембриджской исторической школы, но в традиции университета этот статус за ним не закрепился. Преемником Актона в должности королевского профессора Новой истории, главы кафедры и, следовательно, лидера Кембриджской исторической школы, мог стать и Ф.У. Мейтленд, получивший в 1902 г. после смерти Актона такое предложение от премьер-министра Великобритании Артура Бальфура (A.J. Balfour, 1848–1930), но он его отклонил в силу ряда причин[21].

Дж. Актон и Ф.У. Мейтленд – сопоставимые по масштабам фигуры в Кембриджской исторической школе, ученые европейского уровня и космополиты. Дж. Китсон Кларк (G.S.R. Kitson Clark, 1900–1975) счи-

[18] Цит. по: Kitson Clark 1973: 539.
[19] White 1950-1951.
[20] «Из всех предыдущих сотрудников, занимавших это кресло, ни один не может сравниться с Актоном в карьере, уникальной по интересу, разнообразию и пафосу». – Figgis, Laurence. Acton as a Professor 1906. Introduction: IX.
[21] См. Сидорова 2014 (а): 283-285.

тал Актона, Мейтленда и Крейтона крупнейшими историками Кембриджской школы: «Крейтон сделал себе имя, описывая критический период в истории папства, Мейтленд поместил английскую историю в европейский контекст, лорд Актон был преимущественно европейским историком»[22]. Дж.Н. Фиггис (J.N. Figgis, 1866–1919), называвший всех троих своими учителями, хотя был студентом Дж. Актона, отмечал, что «Крейтон, Мейтленд и Актон на самом деле работали над одной проблемой – развитием современного западного мышления и его отношением к источникам, из которых оно возникло»[23]. Такой европеизм не был типичным для англичан, которые, конечно, считали себя европейцами, но в большей степени были островитянами в прямом и переносном смыслах. С этой точки зрения понятно, что «во многих отношениях взгляды Актона были явно неанглийскими»[24].

Дж. Актон установил высокий стандарт требований к университетскому профессору, компетенция которого, по его мнению, включала три обязательных сферы деятельности – преподавание, организацию учебного процесса и научные исследования[25], но сам реализовался в основном в первой и второй областях, не оставив крупного научного наследия как историк. Его перу принадлежат 19 лекций, опубликованные посмертно. Возможно, свою роль сыграл фактор времени, ведь Дж. Актон приехал в Кембридж и стал работать в университете, когда ему исполнилось 60 лет.

Полностью соответствовал и неуклонно следовал предписаниям Дж. Актона кембриджский профессор Ф.У. Мейтленд, который снискал репутацию одного из самых известных университетских преподавателей, «абсолютного университетского профессора»[26], профессора, вся продуктивная жизнь которого была посвящена служению университету[27]. На протяжении 22 лет он превосходно читал многочисленные лекционные курсы, к которым тщательно готовился и уделял им много времени[28], готовил студентов к Tripos и сам был членом комиссий выпускных экзаменов, проводил специальные семинарские занятия по палеографии, средневековому письму (рукописям), чтению средневековых грамот и других видов документов, консультировал студентов, встречался с ними в университете, архивах, библиотеках и в неформальной обстановке (профессорские обеды, прогулки, беседы), активно участвовал в обсуждении насущных проблем Кембриджа, написал практически все свои фундаментальные труды в пору профессорства, в предисловиях которых непременно отмечал их значимость и пользу для студентов.

[22] Kitson Clark 1973: 548.
[23] Figgis 1913: 243.
[24] Evans 2009.
[25] Figgis, Laurence 1906. Introduction: XI, XVIII.
[26] Elton 1985: 34; Schuyler 1960: 16-17.
[27] Blaas 1978: 240-273.
[28] Ученики Мейтленда давали его лекциям и самому лектору высочайшие оценки. См.: Schuyler 1960: 4; Сидорова 2014 (а): 252-254.

Мейтленд был великолепным учителем, настоящим доном[29], у которого учились профессии, ремеслу историка несколько поколений. У него были «классические» и «неклассические» ученики, те, кто учился у Мейтленда в университете, и те, кто «пришел» к Мейтленду через его книги и осознание ценности его наследия и метода.

Несмотря на неформальный характер[30], школа Мейтленда соответствовала критериям, присущим школе как сообществу ученых, объединенных общим направлением научного поиска, общностью методологических позиций (отношение к истории как науке, принципы и методы исследования), близостью исторической тематики, наличием коммуникативных связей между учителем и учениками, но тяготела к формату «невидимого колледжа». Будучи междисциплинарной и находясь на стыке истории и права, школа Мейтленда, родоначальника и крупнейшего представителя критического направления в британской историографии, органично синтезировала несколько типов научных школ – научно-образовательную, исследовательскую и направленческую (школа как критическое направление в британской историографии).

Феномен научно-педагогической школы Ф.У. Мейтленда раскрывается в контексте его понимания сущности истории как «единой бесшовной ткани, паутины, сети» (seamless web)[31], сотканной из множества нитей. Проекция этой метафоры на систему «учитель – ученик» дает основание для определения школы Мейтленда как единого научного интеллектуального сообщества, объединяющегося сетью взаимосвязей и взаимовлияний на основе парадигмы сетевого обучения (множественность источников знания) по принципу горизонтальной, «децентрализованной» научно-образовательной деятельности и самообучения его членов. «Сеть Мейтленда» создавала эффект плюралистической когнитивной платформы становления ученого-исследователя, предоставляя дополнительные познавательные возможности при сохранении основополагающих позиций, восходящих к лидеру школы[32]. В силу этой специфики школа Мейтленда, лидерская по сути, в строгом смысле не являлась «школой одного учителя», при сохранении ее системообразующего ядра, консолидирующего учеников вокруг лидера по вертикали. К таким

[29] Английское слово "don" восходит к латинскому "dominus" – «господин» (lord) и связано с системой обучения студентов в университетах Оксфорда и Кембриджа периода Средневековья, когда они являлись религиозными учебными заведения римско-католической церкви. Доны были наставниками, учителями, лекторами, тьюторами, профессорами, друзьями/товарищами студентов. Н.Дж. Аннан, считавший донов «создателями интеллектуальной аристократии», посвятил специальный раздел V своей книги Мейтленду ("The Don as a Scholar – F.W. Maitland"). Annan 2000.

[30] Cameron 1961: 23.

[31] Maitland, Pollock 1898. Vol.1: 3.

[32] Спустя годы, американский социолог Р. Коллинз описал похожую модель неформального многоаспектного интеллектуального сообщества, объединяющего коммуникативную и содержательно-деятельностную составляющие с некоторыми элементами институциональных характеристик, вертикально-горизонтальной конфигурации. – Коллинз 2002: 32.

скрепам «сети Мейтленда» (Maitland's web) относятся: его научный авторитет; значение разработанных им методолого-методических принципов исследования в практической деятельности его учеников (метод критического анализа как модерный тип критического мышления); «научный космополитизм»[33] Мейтленда (европейский уровень образованности, менталитет, выходящий за рамки британского «островизма», обширные международные контакты, блестящая лингвистическая подготовка, стремление вывести историческую науку Англии на уровень европейских/немецких достижений, отсутствие расовых предрассудков, свойственных многим британским историкам[34]). Эти факторы предопределили интернациональный характер школы Мейтленда.

Сам Мейтленд прошел такую «сетевую», сложную школу профессионального становления, и многие его ученики повторили его опыт.

У Ф.У. Мейтленда было три учителя – его дед по отцовской линии С.Р. Мейтленд (S.R. Maitland, 1792–1866), Г. Сиджуик, (H. Sidgwick, 1838–1900) и Л. Стивен (L. Stephen, 1832–1904), и много научных школ, которые сформировали его как ученого. Своему деду, питомцу Кембриджа, барристеру, священнику, библиотекарю в лондонской резиденции архиепископа Кентерберийского, самобытному историку, Мейтленд был обязан формированием исторического мышления и осознанием того, что все институты прошлого могут быть поняты и объяснены только в историческом контексте[35]. Кембриджского профессора Г. Сиджуика, энциклопедически образованного философа, экономиста, историка, в лице которого Мейтленд нашел «учителя, не имевшего себе равных»[36], он называл «величайшим учителем», оказавшим революционное влияние на развитие его интеллекта[37]. Третьему учителю – Л. Стивену, доктору литературы (Doctor of Letters) Кембриджа и Оксфорда, лондонскому интеллектуалу, эрудиту, образцовому английскому джентльмену, историку, писателю, одному из членов-учредителей Британской академии наук, кавалеру ордена Бани Мейтленд посвятил свою последнюю книгу, мастерски написанную биографию учителя[38]. Сфера научного исследования и профессиональные навыки историка и ученого-юриста Мейтленда определились, выковались и совершенствовались под влиянием научных школ П.Г. Виноградова, У. Стаббса, «великих немцев» – Б.Г. Нибура, Л. фон Ранке, Х. Бруннера, О.Ф. фон Гирке, А. Мейцена, Ф.В.Э. Кейтгена, Ф.К. фон Савиньи, Р. Зома, Г.Л. фон Маурера, и Гарвардской школы права – Г. Адамса, М.М. Бигелоу, О.В. Холмса, Дж. Эймса, Дж. Тэйера[39].

[33] Burrow 1981: 109–111, 119–125, 138, 150, 162–163, 169, 172, 176–177.
[34] Расовый англосаксонизм нашел отражение в исследованиях британских историков имперского направления второй половины XIX в. Дж.Э. Фруда, Дж.Р. Сили, Ч.В. Дилка, особенно в работах Дж.Э. Фруда. – См. Sidorova 2024: 99-105.
[35] Schuyler 1952: 5.
[36] Fifoot 1971: 6.
[37] Hollond 1953: 7.
[38] Maitland 1906.
[39] Sidorova 2019: 61-64; Rabban 2009: 410-435; Сидорова 2014 (b): 239-141.

Многие ученики Мейтленда, подобно своему учителю, демонстрировали готовность черпать профессиональные исследовательские навыки одновременно или последовательно из нескольких источников, и пошли по его стопам. Наиболее последовательно такой путь прошла его любимая ученица М. Бейтсон (M. Bateson, 1865–1906), которую нередко считают его единственной и лучшей ученицей[40], самая известная женщина-ученый в Англии в области средневековой истории, «подлинная дочь Кембриджа» по словам Мейтленда[41]. Она прошла свою «немецкую школу» подготовки в баденском Institut Friedlaender прежде, чем начала заниматься исследовательской работой в Англии.

Решающую роль в становлении М. Бейтсон как исследователя английской средневековой истории сыграли два выдающихся современника – М. Крейтон и Ф.У. Мейтленд. Кембриджский профессор церковной истории, епископ Лондона М. Крейтон (M. Creighton, 1843–1901) вдохновил М. Бейтсон на изучение средневековой монастырской тематики, был ее первым наставником в науке и жизни, убеждая в необходимости сосредоточить внимание на карьере ученого и ограничить участие в общественных делах[42]. Изучением городской тематики средневековой Англии с позиций историко-правового подхода и в контексте бурговой теории, которой отдавал предпочтение Мейтленд, Бейтсон занялась под влиянием его «Книги Страшного суда и то, что вне ее», и ее исследования истории английских городов пролили свет на многие спорные вопросы[43]. От Мейтленда Бейтсон переняла интерес к работе в архивах, серьезно занималась поисковой работой и издательской деятельностью, обогатив арсенал английских источников по средневековой истории изданием серии публикаций, в подготовке к изданию которых и написании предисловий принимал участие ее учитель[44].

Иной путь ученичества выпал на судьбу Э. Кэм (Helen Maud Cam, 1885–1968), верной ученицы Мейтленда[45]. Ее академическая биография является ярким примером того, как работала «сеть Мейтленда». Э. Кэм – выпускница Ройял-Холлоуэй-колледжа (Royal Holloway College) Лондонского университета, прошла свою «американскую школу» (Брин-Мор колледж в Пенсильвании (Bryn-Mawr College, Гарвардский университет), «школу Виноградова» в колледже Всех Святых (All Souls College) Оксфордского университета, где П.Г. Виноградов, ставший для нее идеалом профессора, ученого, «профессиональным героем»[46], проводил свои знаменитые семинары. Э. Кэм стала титулованным ученым-медие-

[40] Савин 1907: 91.
[41] Maitland 1906: 736; Elton 1985: 101.
[42] Creigton 1904. Vol 1: 108-109.
[43] Poole 1906: 65.
[44] Bateson 1899-1905; Maitland, Bateson. 1901; Bateson 1903; Bateson 1904-1906. См. также: Сидорова 2021.
[45] Fifoot 1971: 18.
[46] Taylor, Weaver 2005: 261-262.

вистом, профессором Кембриджского и Гарвардского университетов, членом Британской Академии наук, Американской Академии искусств и наук, член-корреспондентом американской Академии медиевистики, первой женщиной профессором факультета искусств и наук в Гарварде, одной из 12-ти выдающихся женщин-ученых, получивших почетную степень частного женского гуманитарного Смит-колледжа (Smith College) Массачусетского университета в связи его 75-летием[47]. В Кембриджском университете Кэм начала преподавать в 1921 г., почти два десятилетия спустя после смерти Мейтленда, где продолжила исследование проблем местного управления и судебной системы Англии средневекового периода, работая «в традиции Мейтленда» (in the spirit of Maitland / in tradition of Maitland), который был «ее героем»[48]. К началу ее исследовательской работы труды Г. Бруннера (H. Brunner, 1840–1915), Ф.У. Мейтленда и П.М. Виолле (P.M. Viollet, 1840–1914) ею были уже изучены, а изданная в 1908 г. монография П.Г. Виноградова (1854–1925) «English Society in the Eleventh Century: Essays in English Mediaeval History» с посвящением памяти Мейтленду на первой странице (To the Memory of F.W. Maitland), была опубликована в 1908 г. и открывала новый этап в изучении английского Средневековья. Профессиональную поддержку в своей научной работе в Кембридже Элен Кэм нашла в лице Г.Т. Лэпсли (G.T. Lapsley, 1871–1949), американского историка-конституционалиста, который пришел в историю из юриспруденции под влиянием Ч. Гросса (Ch. Gross, 1857–1909), был профессором Гарвардского, Стенфордского и Пенсильванского университетов, затем в 1904 г. начал работать в кембриджском Тринити-колледже. Выбор Кэм пал на Лэпсли потому, что он был «ближайшим преемником Мейтленда» из всех ученых, работавших в ту пору в Кембридже[49]. Заслуга Г.Т. Лэпсли в новом издании сборника работ Мейтленда была отмечена известным оксфордским профессором английского права У.С. Холдсвортом (W.S. Holdsworth, 1871–1944)[50]. Таким образом, Кэм испытала влияние Ф.У. Мейтленда, У. Стаббса и П.Г. Виноградова.

Б.Х. Патнэм (B.H. Putnam, 1872–1960) – американский историк-медиевист, профессор Массачусетского и Колумбийского университетов, академическая карьера которой пересекалась с другими ученицами Ф.У. Мейтленда – Э. Кэм и Н. Нельсон (N. Neilson, 1873–1947) в женском Маунт-Холиок колледже (Mount Holyoke College) Массачусетского университета[51], занималась изучением истории английского правосудия в Средние века (историей мировых судей XIV в.), и в связи с этим – развитием законодательства в судебной практике. Она была превосходным знатоком источников и широко использовала судебные протоколы,

[47] Personal Papers of Helen Maud Cam.
[48] Cheney 1971: 303-304.
[49] Ibid. 1971: 304.
[50] Речь идет о сборнике: Selected Essays 1936; Holdsworth.
[51] Hastings, Kimball 1979: 157-158.

ассизы и другие документы Лондонского Государственного архива, считая их единственной надежной базой для исследования, даже если они противоречивы[52]. В частности, она доказала важность Закона о рабочих, предоставляющего мировым судьям и хранителям королевского мира право принимать решения по делам и тем самым закрепляющего их в качестве судей. Это изменение было санкционировано Вестминстерским статутом 1361 г.[53] Среди тем исследований Патнэм находились также проблемы истории уголовного права, правовая и административная история средневековой Англии. Они входили в сферу научных интересов Мейтленда, к трудам которого она обращалась и метод критического анализа которого использовала. Мейтленд назван Патнэм одним из крупнейших историков права Англии наряду с Э. Коком, У. Блэкстоуном, Дж.Ф. Стивеном, Дж. Маршаллом, Дж. Стори, О.В. Холмсом-младшим, Р. Паундом в ее известной книге «Ранние трактаты о практике мировых судей в XV и XVI вв.»[54], а его взгляды на процесс развития английского права в этой области подвергнуты тщательному анализу. Дж. Кэмерон считал Патнэм одной из ранних учениц Мейтленда, дополнившей своими работами его исследования по истории английского права в Средние века. Свою известную монографию «Фредерик Уильям Мейтленд и история английского права» он посвятил ее памяти[55].

Известный русский историк А.Н. Савин (1873–1923), специализировавшийся в области социально-экономических отношений в английской деревне XVI–XVII вв., ученик П.Г. Виноградова по Московскому университету, консультировался у Ф.У. Мейтленда в процессе подготовки магистерской и докторской диссертаций, когда находился в научных командировках в Англии, и проникся к нему глубоким уважением как к ученому, учителю и человеку[56].

Последователями метода Мейтленда также были английские историки конца XIX – первой половины XX в.: У. Бакленд (W.W. Buckland, 1859–1946), Дж.Н. Фиггис (J.N. Figgis, 1866 –1919), Р. Рейт (R.S. Rait, 1874–1936), Дж.М. Тревельян (G.M. Trevelyan, 1876–1962), Дж. Шотвелл (J.Th. Shotwell, 1874–1965), Г.А. Холлонд (H.A. Hollond, 1884–1974), Дж. Элтон (G.R. Elton, 1921–1994), А. Макфарлейн (A.D.J. Macfarlane, 1941-), которые не были его студентами, но считавшие себя его учениками[57].

К числу последователей школы Ф.У. Мейтленда, а, следовательно, его «отдаленных» учеников, правомерно отнести и представителей критического направления в англо-американской историографии XX века, которые использовали арсенал его исследовательских методов в изуче-

[52] Day 2005: 159.
[53] Hastings, Kimball 1979: 153.
[54] Putnam 1924.
[55] Cameron 1961.
[56] Савин 1907: 92-93.
[57] Сидорова 2014 (а): 253-255.

нии различных аспектов средневековой и конституционной истории Англии: Дж.Б. Адамс (G.B. Adams, 1851–1925), Дж.У. Балдуин (J.W. Baldwin, 1929–2015), А. Баллард (A. Ballard, 1867–1915), Н.С.Б. Грас (N.S.B. Gras, 1884–1956), Ф. Давенпорт (F.G. Davenport, 1870–1927), Э. Дженкс (E. Jenks, 1861–1939), Д. Дуглас (D.Ch. Douglas, 1898–1982), А.Е. Леветт (A.E. Levett, 1881–1932), Ч. Макилвейн (Ch.H. McIlwain, 1871–1968), У. МакКечни (W.S. McKechnie, 1863–1930), Н. Нельсон (N. Neilson, 1873–1947), Т.Ф.Т. Плакнетт (T.F.T Plucknett, 1897–1965), А. Поллард (A.F. Pollard, 1869–1948), Ф.М. Поуик (F.M. Powicke, 1879–1963), Дж. Сейлс (G.O. Sayles, 1901–1994), Ф. Стэнтон (F.M. Stenton, 1880–1967), Дж. Хаскинс (G.L. Haskins, 1915–1991), Б. Уилкинсон (B. Wilkinson, 1898–1981) и др.[58]

Продолжительность жизни научной школы, ее устойчивое развитие измеряются в значительной степени уровнем профессионализма учеников, достигших высоких результатов в науке и ставших университетскими профессорами, а также интенсивностью рецепции и практической реализации методов учителя. Но, как указывал Р.Дж. Уайт (R.J. White, 1905–1971), «методов учителя недостаточно, их следовало усвоить. А это означало, что преемником Мейтленда может стать только другой Мейтленд, и даже один Мейтленд в столетие – это, возможно, больше, чем мы вправе ожидать»[59]. Таким «другим Мейтлендом» в британской историографии, вторым после Ф.У. Мейтленда знатоком английской истории раннего Средневековья[60], принято считать профессора права Кембриджского университета (1976–1990) С.Ф.Ч. Милсома (S.F.Ch. Milsom, 1923–2016), подвергшего суровой критике историческое наследие Мейтленда и его статус историка. Милсом, глубоко освоивший метод Мейтленда, предпринял крестовый поход против канонизации Мейтленда-«мифа» и «сверхчеловека», его методов и исторической концепции, но эта «мейтлендиада» Милсома длиною в академическую жизнь, не увенчалась успехом[61]: научная состоятельность исследований, заслуги Ф.У. Мейтленда обрели подтверждение в Вестминстерском соборе, где 4 января 2001 г. в его честь была установлена напольная плита с надписью «Фредерик Уильям Мейтленд (1850–1906). Историк»[62]. Такая честь была оказана единственному историку Великобритании. Этот факт следует считать признанием заслуг Ф.У. Мейтленда на самом высоком уровне – академическом и национальном.

Можно предположить, что, возможно, Милсом был самым талантливым «опосредованным» учеником Мейтленда, который учился в Кембридже у двух профессоров права, учеников Мейтленда – У. Бакленда и Г.А. Холлонда (о первом Милсом оставил восторженные воспоминания,

[58] Там же: 518-520.
[59] White 1950-1951.
[60] Macfarlane 2002: 82.
[61] Dingle, Bates 2012.
[62] Jones 2001: 5.

о втором – более сдержанные)[63], и через них глубоко усвоил уроки школы Мейтленда, которые послужили основой критики научного наследия Мейтленда. В конечном итоге победу в крузаде С.Ф.Ч. Милсома одержал Ф.У. Мейтленд. «Я знаю, что Милсом в конце концов не может восторжествовать»[64], – такой итог многолетней заочной дискуссии подвел Дж. Элтон, Королевский профессор Новой истории Кембриджского университета, другой ученик Мейтленда. «Мейтлендиада» Милсома – лишь один пример сложности и вариативности многопоколенной связи между учителем и учениками, которые могут иметь неоднозначные проявления, лишь подчеркивающие значимость наследия учителя, уроки которого были усвоены и остаются востребованными спустя столетие. И в этом тоже состоит феномен научно-педагогической школы Мейтленда.

Школе Ф.У. Мейтленда более ста лет. Интерес к его наследию возрастает[65]. Из нескольких учеников выросло международное сообщество историков, осознающих значимость междисциплинарного подхода в реконструкции исторического прошлого, плодотворность использования юридических источников и метода критического анализа Мейтленда. По мнению профессора права Кардиффского университета Р. Стандберга: «Теперь мы все историки права»[66]. Есть импульс к возрождению историко-правового направления исследований прежде всего в медиевистике и предметно – в российской медиевистике, имеющей славные традиции в этой области. Фактически это направление в России развивается в последнее десятилетие, о чем свидетельствует публикация солидных монографий[67]. Символично, что книга о правовой повседневности английского средневекового манора посвящена автором А.Н. Савину, одному из учеников Ф.У. Мейтленда. Сетевая школа Мейтленда работает.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Annan N. The Dons: Mentors, Eccentrics and Geniuses. University of Chicago Press, 1999. 357 p.
Bateson M. (ed.). Records of the Borough of Leicester; being a Series of Extracts from the Archives of the Corporation of Leicester. London. 1899-1905. 3 Vols.
Bateson M. (ed.). The Cambridge Gild Records. Cambridge. 1903. Borough Customs / Ed. by M. Bateson. London, 1904-1906. Vol. I-II. (Selden Society; Vol. 17, 20).
Barton G.J. The UK Academic System: Hierarchy, Students, Grants, Fellowships and All That. Copyright. 2014. 20 p.
Bloch M. Feudal Society. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 499 p.
Blaas P. Continuity and Anachronism, Parliamentary and Constitutional Development in Whig Historiography and in the Anti-Whig Reaction between 1890–1930 // International Archive of History of Ideas. 1978. Vol. 91. P. 240–273.
Burrow J.W. A Liberal Descent: Victorian Historians and the English Past. Cambridge, 1981. 336 p.
Cam H.M. Maitland F.W. Selected Historical Essays. Chosen and Introduced by H. M. Cam. Boston: Beacon Press, 1962. 312 p.
Cameron J.R. Frederic William Maitland and the History of English Law. Norman University of Oklahoma Press, 1961. 214 p.
Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford: Oxford University Press, 1956. 366 p.

[63] Dingle, Bates 2012.
[64] Elton 1985: 48.
[65] Runciman 1997: XI.
[66] Sandberg 2018: 37.
[67] Винокурова 2021; 2024.

Dictionary of National Biography. Eds. Stephen L., Sidney L. 1891. L.: Smith, Elder & Co. Vol. 25.
Conversations with Emeritus Professor Stroud Francis Charles (Toby) Milsom. By Lesley Dingle and Daniel Bates. A Journey from Heretic to Giant in English Legal History // Legal Information Management. Vol. 12. Issue 4. December 2012. P. 307-316 // https://www.squire.law.cam.ac.uk/eminent-scholars-archive/professor-stroud-francis-charles-toby-milsom.
Elton G.R. Frederic William Maitland. London Weidenfeld, Nicolson, 1985. 118 p.
Encyclopædia Britannica: A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information: 33 v. / Ed. by H. Chisholm. Cambridge: The University Press, 1911. Vol. 17. 1034 p.
Evans R. Inaugural Lecture as Regius Professor of Modern History. 18 May 2009 // https://www.richardjevans.com/lectures/inaugural-lecture/.
Fifoot C. H. S. Pollock and Maitland. Being the thirty-first lecture on the David Murray Foundation in the University of Glasgow delivered on 28th October 1970. Glasgow. 1971. 30 p.
Figgis L. Acton as a Professor 1906 // Acton's Lectures on Modern History. Ed. J.N. Figgis, R.V. Laurence. London: Macmillan, 1906. 394 p.
Fisher H. A. L. Frederic William Maitland, Downing Professor of Laws of England. A Biographical Sketch. Cambridge. 1910. 179 p.
Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. London. New York. Toronto: Longmans Green, 1952. 547 p.
Hastings M., Kimball E.G. (Spring 1979). Two Distinguished Medievalists – Nellie Neilson and Bertha Putnam // The Journal of British Studies. 1979. 18 (2). P. 142–159.
Hay D. Annalists and Historians. Western Historiography from the Eighth to the Eighteenth Centuries. London: Methuen, 1977. 215 p.
Hexter J. H. On Historians: Reappraisals of Some of the Makers of Modern History. Harvard University Press, 1979. 310 p.
Hollond H.A. F.W. Maitland. A Memorial Address. Selden Society Annual Lecture. March. 1953. 23 p.
Jones N. F.W. Maitland. Memorial Unveiled in Westminster Abbey // Cambridge Law Link. September, 2001. Issue 2. P. 5.
Kitson Clark G. A Hundred Years of the Teaching 0f History at Cambridge. 1873–1973 // Historical Journal. 1873. XVI. P. 535-553.
Macfarlane A. The Making of the Modern World: Visions from the West and East. Palgrave. Macmillan. 2002. 336 p.
McLachlan J.O. The Origin and Early Development of the Cambridge Historical Tripos. Cambridge Historical Journal, 1947. 9(01). P. 78-105.
McFarlane K. B. Mount Maitland // New Statesman. 1965. Vol. LXIX, No. 1786. June 4. P. 882-883.
Maitland F.W., Sir Pollock F. The History of English Law before the Time of Edward I: 2 v. Cambridge: The University Press, 1895.
Maitland F. W. Roman Canon Law in the Church of England. Six Essays. The Ford Lectures 1897. London. 1898. 199 p.
Maitland F.W. The Life and Letters of Leslie Stephen / by Frederic William Maitland. Duckworth & Co., 1906. 509 p.
Maitland F.W. Miss Mary Bateson // Athenaeum. 1906. P. 736.
Maitland F.W. The Teaching of History // The Collected Papers of Frederic William Maitland. Ed. by H.A.L. Fisher. Cambridge: University Press. Vol. 3, 1911. P. 187-192.
Maitland F.W., Bateson M. (ed.). The Charters of the Borough of Cambridge. Cambridge. 1901. Introduction by F.W. Maitland. P. VII-XXXVII.
Pollock F. Frederic William Maitland // Law Quarterly Review. 1907. № 411. April. Vol. XXIII. P. 401-419.
Putnam B.H. Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. By B.H. Putnam. Oxford Studies in Social and Legal History. Oxford University Press, 1924. Vol. VII. 424 p.
Rabban D.M. From Maine to Maitland via America // Cambridge Law Journal. 2009. Vol. 68. No 2. July. P. 410-435.
Riordan M. University of Oxford. Materials for History? Publishing Records as a Historical Practice in Eighteenth and Nineteenth-Century England // History of Humanities, 2017. Vol. 2. № 1. P. 51-77.
Runciman D. Pluralism and the Personality of the State. Cambridge: C.U.P., 1997. 279 p.

Schuyler R.L. The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland // American Historical Review. 1952. Vol. LVII. № 2. January. P. 303-322.

Schuyler R.L. Frederic William Maitland Historian. Selections from his Writings. Cambridge. London. 1960. 270 p.

Sidorova T.A. The German Historical School in the British Historiography of the Critical Trend. The End of the XIX-th–the First Half of the XX-th Centuries // Global science. Development and novelty. Collection of scientific papers, on materials of the X International scientific-practical conference 25.12.2019. Munich. Ed. SPC "LJournal", 2019. 92 p. P.61-64.

Sidorova T.A. The English in British India in the Assessment of Imperial Historians of Great Britain of the XIX Century: Mission and Problems // International University Scientific Forum "Practice Oriented Science: UAE - Russia - India", Dubai, UAE, September 25. 2024. 204 p. P. 99-105.

Taylor E., Weaver G. Helen Cam (1885–1968): (ed.). Charting the Evolution of Medieval Institutions. Women Medievalists and the Academy. Chance J. The University of Wisconsin Press, 2005. Chapter 19. P. 261-262.

White R.J. F.W. Maitland: 1850-1950 // The Cambridge Journal. 1951. Vol. 4. October 1950–September 1951. P. 134-43. URL: https: // www.enotes.com/topics/frederic-william-maitland/ critical-essays/criticism.

Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. I. Oxford Malden, Mass: Blackwell Publishers. 1999. 600 p.

Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 481 с. [Vinokurova M.V. Obychai gorodov srednevekovoj Anglii. (Vinokurova M.V. Customs of the cities of medieval England). Moskva; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2021. 481 s.]

Винокурова М.В. Правовая повседневность английского средневекового манора. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 476 с. [Vinokurova M.V. Pravovaya povsednevnost' anglijskogo srednevekovogo manora (Everyday legal life of an English medieval manor). Moskva; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2024. 476 s.]

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. 1280 с. [Kollinz R. Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya (Sociology of Philosophies. Global Theory of Intellectual Change). Novosibirsk: Sibirskij Hronograf, 2002. 1280 s.].

Савин А. Н. Памяти Мэтланда // Русская мысль. Москва, 1907. Кн. 10. [Savin A. N. Pamyati Metlanda (In Memory of Maitland) // Russkaya mysl'. Moskva, 1907. Kn. 10].

Сидорова Т.А. Обучение истории в университетах Оксфорда и Кембриджа в оценке Ф.У. Мейтленда: историко-историографический аспект // Ученые записки РГСУ. М.: РГСУ. 2012. № 5 (105). С. 107-113. [Sidorova T.A. Obuchenie istorii v universitetah Oksforda i Kembridzha v ocenke F.U. Mejtlenda: istoriko-istoriograficheskij aspect (History Teaching at Oxford and Cambridge Universities assessed by F.W. Maitland: A Historical-Historiographical Aspect) // Uchenye zapiski RGSU. Moskva: RGSU. 2012. № 5 (105). S. 107-113].

Сидорова Т.А. (b) Американская школа права в научной деятельности Ф.У. Мейтленда // Пер-спективы развития науки и образования: Международная научно-практическая конференция. Тамбов. 2014. Часть 6. С. 139-141. [Sidorova T.A. Amerikanskaya shkola prava v nauchnoj deyatel'nosti F.U. Mejtlenda (The American School of Law in the Scholarly Work of F.W. Maitland) // Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: Mezh-dunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Tambov. 2014. Chast' 6. S. 139-141].

Сидорова Т.А. (a) Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX–первая половина XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. 696 с. [Sidorova T.A. Frederik Uil'yam Mejtlend i anglijskaya istoriografiya kriticheskogo napravleniya. Konec XIX–pervaya polovina XX vv. (Frederick William Maitland and English Critical Historiography. Late 19th – First Half of the 20th Century). Sankt-Peterburg: Aletejya, 2014. 696 s.].

Сидорова Т.А. Преподавание церковной истории в контексте становления исторического образования в британских университетах XVII–XIX вв. // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер.XXI – XXII междунар. науч.-практ. конф. № 12-13 (21). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 17-21 [Sidorova T.A. Prepodavanie cerkovnoj istorii v kontekste stanovleniya istoricheskogo obrazovaniya v britanskih universitetah XVII–XIX vv. (Teaching Church History in the Context of the

Development of Historical Education in British Universities in the 17–19th cc.) // Eksperimental'nye i teoreticheskie issledovaniya v sovremennoj nauke: sb. st. po mater. XXI–XXII mezhdunar. nauch.-prakt. konfer. № 12-13 (21). Novosibirsk: SibAK, 2018. S. 17-21].

Сидорова Т.А. Женщины-историки в научной школе Ф.У. Мейтленда: Мэри Бейтсон // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2021. № 1. С. 78-88. [Sidorova T.A. Zhenshchiny-istoriki v nauchnoj shkole F.U. Mejtlenda: Meri Bejtson (Women Historians in the F.W. Maitland School of Science: Mary Bateson) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki, 2021. № 1. S. 78-88].

***Сидорова Тамара Анатольевна**, доктор исторических наук, доцент, профессор, Сочинский институт (филиал) РУДН им. Патриса Лумумбы, tasidorova-05@mail.ru*

The "non-classical" leading scientific and pedagogical school in the practice of the University of Cambridge in the late 19th and early 20th centuries. F.W. Maitland's experience

The study is devoted to the phenomenon of the scientific and pedagogical school of F.W. Maitland, one of the greatest British historians of the 19th century, in the context of the Cambridge Historical School. The "non-classical" F.W. Maitland School is presented as an intellectual interdisciplinary community of professors, lecturers, tutors, and dons at Cambridge University, united by common methodological positions, proximity of scientific topics, and the presence of communicative links between teachers and students, which tended to the format of the "invisible college" as a traditional form of integration of British humanities scholars. It is shown that the Maitland School has synthesized several types of scientific schools – scientific and educational, research and trend. The article reveals the specifics of this school, which functioned on the basis of the paradigm of network learning, the "Maitland network", which created the effect of a pluralistic cognitive platform for the formation of a researcher while maintaining fundamental positions dating back to the leader of the school. The importance of the personal experience of F.W. Maitland's "apprenticeship", which served as an example for many of his students, is noted.

***Keywords:** F.W. Maitland, Cambridge historical school, paradigm of network learning, intellectual interdisciplinary community.*

***Tamara Sidorova,** Dr. Sc. (History), Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Sochi Institute (branch); tasidorova-05@mail.ru*

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

«ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА: ИЗ ОПЫТА СХОЛАРНЫХ ПРОЦЕССОВ в советской исторической науке первой половины XX века[1]

В центре внимания авторов находится процесс создания советского историко-научного сообщества, формировавшегося под воздействием двух основных тенденций. Одна из них была связана с восприятием опыта подготовки ученых-историков, сложившегося в диссертационной системе XIX – начала XX в. Вторая тенденция была вызвана процессами политико-идеологической трансформации и реформирования науки, активно осуществлявшимися в 1920-е гг. и приведшими к созданию советской диссертационной системы в 1934 г. Замысел статьи возник в связи с историографической ситуацией, связанной с необходимостью актуализировать опыт создания научных школ, возникших в процессе научной деятельности советских историков 1930–1950-х гг. Ставится задача выявления и изучения особенностей научных школ, лидерами которых выступили известные советские историки, принадлежавшие к одному поколению – М.Н. Тихомиров (1893–1965) и А.Л. Сидоров (1900–1966).

Ключевые слова: *советская историческая наука, научная школа, диссертационная культура, схоларные традиции, диссертации, Н.И. Покровский, А.И. Попов, М.Д. Присёлков, А.И. Андреев, М. Н. Тихомиров, А. Л. Сидоров, учитель, ученики.*

Проблематика изучения научных школ в пространстве современного историко-научного знания – значимая область для понимания функционирования науки как социального института. Важным сегментом схоларной проблематики является тема подготовки научных кадров, благодаря чему происходит приращение научного знания и обеспечивается его преемственность. Исследователи, чей круг научных интересов в той или иной мере сосредоточен на научных школах, стремятся уловить момент зарождения таких научных сообществ, определить их специфику, выявить наиболее значимые практики, способствовавшие консолидации ученых в сообщество схоларного типа.

Применительно к советской научной культуре, развивавшейся в период своего становления – 1920-е – середина 1950-х гг. – отнюдь не эволюционным путем, зачастую через разрыв сложившейся традиции, вопрос об основаниях научных школ (школообразующих практиках – по терминологии А.В. Свешникова) приобретает особую значимость.

Важное значение в оформлении научных школ советского времени имела подготовка и защита диссертаций. Формируемая диссертационная культура советских ученых опиралась на дореволюционные традиции присуждения ученых степеней, практики взаимодействия между учителем-наставником и учеником-соискателем, включавшие целый спектр формализованных и неформальных мероприятий (семинары, курирование научных командировок, научные доклады, посещение учителя «на

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00259 https://rscf.ru/project/25-18-00259/.

дому» и т.п.). Это определило рефлексию научного сообщества относительно схоларных традиций дореволюционной науки и попытки их воспроизводства в новой научной культуре, несмотря на неблагоприятные обстоятельства политико-идеологической природы.

В статье авторы рассматривают схоларные тенденции советской исторической науки сквозь призму диссертационной культуры в трех ракурсах: складывание первых научных тандемов «учитель-ученик» в период зарождения советской диссертационной системы; апелляция к учителям «из дореволюционного прошлого» на диссертационных диспутах 1930–1940-х гг.; определение специфики первых научных школ историков 1940–1950-х гг.

Феномен «научная школа» в восприятии представителей научного сообщества историков середины XX – начала XXI в.

Явные тенденции формирования проблематики изучения научных школ в советской историографии начинают складываться лишь с середины 1950-х гг. Как это ни покажется удивительным, но интересующая нас схоларная линия научных интересов первоначально акцентируется в библиографических указателях о диссертациях, защищенных с 1934 по 1954 г. Наиболее явственно интерес к феномену научных школ просматривается в указателях о диссертациях, защищенных в Московском университете, вышедших под редакцией известных представителей исторической науки и исторической библиографии – П.А. Зайончковского, Э.А. Нерсесовой и К.Р. Симона. В обстоятельном введении ко всему изданию, опубликованному в первом выпуске[2], были сформулированы оригинальные задачи авторского коллектива, интересные для понимания того, как разрабатывалась его структура и складывались представления об актуальной информации, позволяющей с максимальной полнотой раскрыть все стороны процесса защит диссертаций.

Создатели московского указателя при помощи библиографической информации решали задачу выявить не только авторов и тематику защищенных диссертаций, но и зафиксировать состав их научных руководителей. В позиции московских библиографов, несомненно, надо видеть проявление инновационности, если сравнивать московские указатели с иными подобными изданиями того времени[3]. Разработчики библиографического проекта подчеркнули возможность при таком подходе получить представление «о научных школах, под влиянием которых ведется в нём [в Московском университете] подготовка квалифицированных специалистов»[4]. Актуализация коммуникации «диссертант–научный руководитель» не случайна: создатели указателей были хорошо осведомлены о научных школах в дореволюционных университетах и стреми-

[2] См.: Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете… 1956.

[3] См.: Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А. А. Жданова… 1955.

[4] Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете… 1956: 7.

лись к возрождению давней традиции. При этом феномен научных школ был прочно сопряжен ими с опытом подготовки и защит диссертаций. Однако эти инновационные идеи не получили адекватной научной реакции в историографии своего времени. На это было немало причин, связанных с известной общественно-политической атмосферой в стране второй половины 1940-х – середине 1950-х гг.

Тема научных школ как явление истории науки и научной культуры заметно актуализируется в среде российских ученых лишь во второй половине 1970-х гг. Ставший знаменитым сборник статей «Школы в науке»[5], подготовленный советскими учеными и их коллегами из ГДР, можно считать маркером уже явно выраженного интереса советской научной общественности к схоларной проблематике. В 1977 г. научное сообщество СССР сфокусировало внимание на изучении процессов подготовки научных кадров, ориентируясь на возможности самоорганизации представителей научной среды и её структурирования в соответствии с научным вкладом её представителей. Формируется и впоследствии утверждается представление о школе как особой научной коммуникации лидера-учителя-наставника и его подопечных-учеников. Но потребовалось еще почти два десятилетия, чтобы первые попытки сосредоточить внимание на схоларных процессах в науке, укоренились, а диапазон вовлечения в данный исследовательский процесс расширился за счет ученых-гуманитариев, в частности – историков[6].

Сфера историко-историографического знания в гуманитаристике получит дополнительные импульсы на рубеже 1980–1990-х гг. благодаря и новым общественно-политическим настроениям, и укреплявшемуся интересу к изучению вклада в науку известных представителей исторического знания. В то же время общая ситуация в историографической практике рубежа XX–XXI вв. испытывает перемены: внимание к истории научного лидерства относительно отдельных ученых существенно расширяется в направлении многообразных историографических опытов в сфере истории научных школ. Одними из первых в этом научном поле выступили казанские и омские историографы, во многом определившие исследовательский канон в данной области знаний[7].

Освоение схоларной проблематики, первоначально разрабатывавшейся преимущественно на основе изучения научного опыта представителей дореволюционной исторической науки, в 1990-е гг. вызвало заметный всплеск интереса к истории русских научных школ и у зарубежных историков[8]. Значимыми фактами историографии начала XXI в. стали монографические и диссертационные исследования, посвященные изучению конкретных схоларных феноменов рубежа XIX–XX вв.[9]

[5] Школы в науке… 1977.

[6] Напомним, что основную часть авторов сборника «Школы в науке» составляли представители естественнонаучного знания.

[7] Мягков 1988, 2000; Корзун 2000.

[8] Эммонс 1990: 45–61; Бон 2005; Сандерс 2012: 161–192.

[9] Гришина 2010; Свешников 2010; Иванова 2010.

Обращение к проблематике истории научных школ XX в. во многом связано с исследовательской деятельностью Л.А. Сидоровой[10]. Не погружаясь в детали хорошо известных трудов историка, отметим статью, непосредственно посвященную проблеме формирования научных школ в советской историографии. Апеллируя к научным практикам этого времени, она подчеркнула примечательный для выдвинутой проблемы факт: «…ряд советских историков поколения “старой профессуры” …не создали собственной школы»[11].

Заметим одновременно, что исследования научных школ применительно к советской исторической науке имеют свои особенности в сравнении с опытом изучения схоларных процессов в дореволюционном сообществе историков. Существенная их часть была посвящена переходным явлениям – тому, как традиции организации дореволюционной науки продолжились в советском историко-научном пространстве. Показательным примером стала монография В.В. Тихонова о «московской исторической школе»[12], автор которой выстроил в параллельном режиме научные биографии видных историков Московского университета – А.И. Яковлева, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и С.В. Бахрушина, представив их частью схоларного сообщества, сформированного по институциональному принципу. Впрочем, попытку автора объединить разрозненные биографические факты проблематикой научной школы, подверг критике рецензент монографии А.В. Свешников. Он же заметил, что «изучение “схоларной проблематики” в настоящий момент находится в некой точке “бифуркации”, ожидая либо спада, либо прорыва, связанного с появлением работ, принципиально иначе рассматривающих феномен научных школ»[13]. Мы считаем важным подчеркнуть, что модели изучения научных школ, успешно апробированные на примере организации науки в XIX – начале XX в., не всегда применимы к сообществу советских ученых, что требует коррекции угла зрения на этот вопрос.

Научная школа как явление советской исторической науки (середина 1930-х – середина 1950-х гг.)

Понятие «научная школа» в советской исторической науке не раз пересматривалось и подвергалось критике (хорошо известны примеры обличения «школы Покровского», критика схоларного ракурса исследования историографии в учебнике Н.Л. Рубинштейна). По наблюдениям Н.В. Иллерицкой, «судьба “школы” Покровского во многом определила будущее советской исторической науки». «Могли ли в таких условиях сложиться какие бы то ни было научные школы?»[14], – задается вопросом исследовательница. В итоге историки сформулировали вывод о том, что полотно советской исторической науки в большей степени

[10] Сидорова 2008.
[11] Сидорова 2012: 15.
[12] Тихонов 2012.
[13] Свешников 2014: 352.
[14] Советская историография… 1996: 170.

наполнено яркими лидерами – Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина и др., нежели научными школами.

Не только политизация/идеологизация понятия «научная школа» («школа Покровского», историки «старой» школы и т.п.) привели к его размыванию/забвению. Сама организация советской науки не способствовала продолжению схоларных традиций. Так, в ходе подготовки аспиранта на общение с научным руководителем, в процессе которого обычно происходила передача ученикам исследовательской программы школы и складывались «школообразующие практики», отводилось мало времени. «Быстрейшая подготовка молодой научной смены», артикулированная в 1930-е гг.[15], привела к постановке на поток всего обучения в аспирантуре. Кроме того, первоначальные планы по подготовке ученых и вузовских преподавателей были ориентированы на получение универсального специалиста, одинаково ориентирующегося во всех периодах истории[16]. Конечно, изначально выбранный сценарий организации аспирантуры не способствовал складыванию отношений учитель–ученики и закреплению традиций неформального общения между ними.

Круг потенциальных научных руководителей был узок. С середины 1930-х и до 1954 г. включительно, по нашим данным, было защищено 6026 диссертаций по историческим дисциплинам[17], из них докторских исследований – 289 (ок. 4,8%). Такое соотношение остепенённых ученых, характерное для советского времени, с одной стороны, приводило к ситуации, когда руководителем диссертаций становился еще кандидат наук, либо же руководство приобретало формальный характер. Например, историк-китаевед Г.Б. Эренбург защитил кандидатскую диссертацию в 1945 г. и сразу организовал группу аспирантов. Под его руководством защитили кандидатские диссертации В.Н. Никифоров (1950), Л.А. Сикирянская (1951), А. Ахмеджанов (1952), М.Ф. Юрьев (1951). Аналогичные процессы наблюдаем в кругу историков-медиевистов. З.В. Удальцова, будучи кандидатом наук (1945), подготовила в 1954 г. кандидатскую защиту Г.Г. Литаврина. М.А. Барг, защитив в 1947 г. кандидатскую диссертацию, в 1951 г. уже стал руководителем диссертационного исследования К.Д. Авдеевой.

Часто руководителями аспирантов становились исследователи, получившие ученую степень доктора наук без защиты диссертации, а значит не имевшие собственного опыта подготовки диссертации соответствующего уровня и ее публичной презентации. Это, конечно, не обуславливало их неготовность к работе с научной молодежью, но определенно вносило специфику в ее содержание. В ряду таких научных руководителей можно назвать М.В. Нечкину, С.Д. Сказкина, Е.А. Косминского, А.М. Панкратову, Н.П. Грацианского, С.В. Бахрушина. Руко-

[15] Зайдель Г. 1934: 126.
[16] Скворцов 2021: 444–460.
[17] Гришина Н.В. Диссертации советских историков 1930-е – середина 1950-х гг. // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024624306, 14.10.2024.

водителей, которые сами прошли путь диссертанта, включавшего и сотрудничество с учителем, и организацию диспута, и, наконец, вживание в сложившуюся культуру присуждения ученых степеней, были единицы. Пожалуй, на этом поприще наиболее заметными оказались усилия О.А. Добиаш-Рождественской, В.И. Пичеты, Е.В. Тарле.

Если в дореволюционных реалиях профессору-руководителю удавалось объединить вокруг себя учеников, вышедших на диспут и получивших ученую степень, то в основном это происходило в рамках одной организации, что консолидировало ученых. Совмещение должностей, характерное для советской профессуры и доцентуры, приводило к размыванию усилий по руководству диссертациями – приходилось учитывать специфику учреждения, где осуществлялось научное руководство. Типичен пример медиевиста Московского университета С.Д. Сказкина, руководившего в Академии общественных наук при ЦК ВКПб диссертациями по более «актуальным» темам, касающимся развития социализма и революционных событий в европейских странах XIX и XX вв.[18]

Подчеркнем, что научное руководство даже несколькими диссертантами не означало складывания научной школы, формирование которой определяла совокупность факторов. Кроме того, сразу после реставрации института защит диссертаций в 1934 г. роль научного руководителя не была определена. В этой ситуации представители первых поколений ученых-историков зачастую не прошли школы ученичества, они нередко самостоятельно определяли темы исследования и находили наставников. Это особенно характерно для тех, кто входил в науку, получив высшее образование в дореволюционной России, а диссертации защищал уже в иных политических условиях и иной научной культуре.

Учителям-наставникам того времени при планировании завершающей презентации диссертаций предлагалось выполнить одновременно роль первых оппонентов диссертанта. В этих случаях явно заимствовался опыт организации диссертационных диспутов в дореволюционных университетах, вполне допускавший оппонирование защиты диссертанта его учителем. Характерны в этом отношении организации защит кандидатских и докторских диссертаций Н.И. Покровского (1938, 1939) и А.И. Попова (1945, 1948) в Ленинградском университете[19].

Роль учителя в первом случае выполнил известный арабист и востоковед академик И.Ю. Крачковский, относившийся к Покровскому и его научному начинанию с глубоким вниманием и уважением. Содержание исследования диссертанта, разделенного на две части в виде кандидатской и докторской диссертаций, предполагало использование источников, порожденных особенностями культуры и социально-освободительных движений представителей народов северо-восточного Кавказа первой половины XIX в. Автор диссертации, самостоятельно овладевший арабским языком в целях изучения источников по заданной

[18] Гришина 2024: 97; Груздинская, Метель 2022: 231–232.
[19] См. детальнее о их защитах: Алеврас 2024: 130–132.

проблеме, оттачивал свои знания при поддержке высококлассного лингвиста и знатока культуры кавказских народов.

Руководителем диссертации А.И. Попова стал другой известный лингвист-филолог – Д.И. Бубрих. Он тоже оппонировал защиты обеих диссертаций Попова, обращенных к изучению в историческом контексте проблем происхождения, истории, культуры и языковых особенностей финно-угров. Оппонирование Бубриха явилось результатом многолетнего наставничества, по сути, сотрудничества с высоко ценимым им учеником. Оба примера выражают лишь первые тенденции формирования практик наставничества в отношении диссертантов в советской диссертационной культуре. При этом и И.Ю. Крачковский, и Д.И. Бубрих осуществляли патронаж диссертантов, практически по своей инициативе, видя в соискателях талантливых ученых.

Несомненно, схоларные тенденции в советской науке приобретали сложную проекцию и траекторию. Обновленная советская научная система указанного периода, получив в наследство опыт предшественников, адаптировала его к задачам формирования науки своего времени. Ее носителями стали «фронтирные» поколения российских ученых, соприкоснувшиеся с дореволюционными традициями научных школ, но оказавшиеся на пике драматического перелома эпох.

Для историков, окончивших дореволюционные университеты, но защищавших диссертации в советской научной системе, характерны истории разработки докторских проектов М.Д. Присёлковым (1939) и А.И. Андреевым (1940)[20]. Оба историка сделали первые шаги в области научных исследований в стенах Санкт-Петербургского университета под началом виднейших ученых – А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского. В ходе обсуждения защищаемых ими докторских диссертаций возникла тема об их учителях. В первом случае её инициировал Присёлков, посвятив Шахматову вступительное слово и отметив его вклад в свое становление как историка-источниковеда. На защите тема Шахматова – учителя диссертанта доминировала и вызвала восторг студенческой аудитории, с большим почтением относившейся к Присёлкову. Атмосфера его защиты в стенах Ленинградского университета напоминала времена классических диссертационных диспутов в дореволюционное время, что отметил в своем неофициальном выступлении присутствовавший на защите Присёлкова петербургский историк С.А. Жебелёв. Его известная «Записка» об ученых степенях, созданная в 1935 г.[21], уже лежала в его столе, ожидая лучших времен.

В ходе защиты А.И. Андреева тему об его учителе, при этом в критическом ключе, инициировал его оппонент и глава Института истории АН СССР Б.Д. Греков. Отдав должное заслугам А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения, Греков отверг значение его методологии истории, заявив, что «его методологические труды уже забы-

[20] Подробнее об их защитах см.: Алеврас, Гришина 2022: С. 219.
[21] Жебелёв 2002: 146–194.

ты…»[22]. Это выступление известного историка можно считать немаловажным акцентом, наметившим некие границы между «дореволюционным прошлым» и «советским настоящим» как в области методологии историко-научного знания, так и в отношении складывания научных школ, воспринимаемых советской властью в те времена весьма настороженно как явления «буржуазной» природы.

Проблема научных школ начала приобретать идейно-политический оттенок. Дальнейшие тренды, нацеленные, как известно, на отстаивание единственно верной «марксистско-ленинской методологии» с акцентами на роль идей то М.Н. Покровского, то Н.Я. Марра, то И.В. Сталина, заложили весьма извилистую траекторию утверждения методологических основ советской исторического науки 1930–1950-х гг. В этой ситуации упоминания принадлежности ученого к той или иной школе зачастую становились аргументами в конкурентной борьбе между научными поколениями и представителями различных историографических культур за определение актуальной научной повестки. Конкуренция четко проявилась в середине 1940-х гг. в ходе и по итогам известного совещания историков в ЦК ВКПб, когда, с одной стороны, Е.В. Тарле писал о том, что «птенцы гнезда Покровского <…> опять ведут кипучую пропаганду»[23], а, с другой, А.М. Панкратова сетовала о пересмотре исторического нарратива, который готовят «бывшие ученики “школы” Ключевского»[24], гордящиеся принадлежностью к этому сообществу.

Веяния в науке 1930–1940-х гг., казалось бы, не способствовавшие зарождению и укоренению схоларных традиций, не привели к их полному свертыванию. По всей видимости, стремление окружить себя учениками, передать им собственную исследовательскую программу и методы научной работы являются частью целостной научной культуры и оказываются устойчивы к давлению неблагоприятных внешних обстоятельств. Так, в научной деятельности М.Д. Присёлкова и А.И. Андреева вполне просматриваются их устремления к формированию круга учеников. Это особенно заметно в деятельности Присёлкова как специалиста в области летописеведения. По мнению В.Г. Вовиной-Лебедевой[25], его научная школа выглядела как «сложное явление» и результат несовпадающих взглядов и идей ее представителей с позицией самого учителя. Автор, подчеркивая ее особенности, приходит к выводу, что «даже внутри “школы Присёлкова” и тем более вокруг нее, не существовало абсолютного единства среды, а имели место взаимно пересекающиеся и частично совпадающие среды…»[26]. Имея в виду в составе его школы, прежде всего – А.Н. Насонова, К.Н. Сербину, Я.С. Лурье, автор предлагает интересное обобщение относительно самой природы схоларных образований: «…школа – это не класс, который следует за своим настав-

[22] СПбФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 16.
[23] Историк и время… 2000: 301–302.
[24] Историк и время… 2000: 224.
[25] Вовина-Лебедева 2010: 409–452.
[26] Вовина-Лебедева 2010: 448.

ником. Иногда учитель выбирает учеников, но чаще, наоборот, ученик выбирает учителя и берет у него то, что ему самому более близко и что он способен взять»[27]. Это наблюдение вполне правомерно, когда речь идет об учениках, уже приобретших опыт научной деятельности и созревших для самостоятельных выводов, каковыми и являлись отмеченные последователи Присёлкова.

С личностью и деятельностью А.И. Андреева нередко связывают когорту его московских и ленинградских подопечных: В.Н. Автократова, О.М. Медушевскую, К.Н. Сербину, С.А. Фейгину, Р.Б. Мюллер. Однако схоларная линия Андреева, преимущественно ориентированная на разработку проблем археографии и источниковедения, не получила в историографии целостного воплощения. Специальных исследований, раскрывающих и аргументирующих процесс формирования научной школы вокруг фигуры Андреева, ещё не создано.

Схоларные тенденции 1950-х гг. научные школы М.Н. Тихомирова и А.Л. Сидорова

Советская историческая наука знает примеры весьма успешных научных школ, ориентированных как на разработку проблематики, корнями уходившую в дореволюционную практику (школа М.Н. Тихомирова), так и на инновационные для того времени сюжеты, ориентированные на обоснование особенностей и предпосылок Великой Октябрьской революции (школа А.Л. Сидорова).

Школа М.Н. Тихомирова на историческом факультете МГУ, сформировавшаяся из опыта его ученичества у С.В. Бахрушина[28], начала складываться в 1940-е, а ее расцвет пришелся на 1950-е гг. К этому времени в поле научного притяжения Тихомирова уже находилось более десятка выпускников факультета, защитивших под его руководством диссертации. Его ученики осознавали и вклад учителя в их становление, и собственную принадлежность к научной школе, сложившейся вокруг него. Характерны письма ему от бывшего аспиранта А.П. Пронштейна, который в 1953 г. признавался Тихомирову, что под его руководством прошёл «школу», позволившую ему обрести научную самостоятельность[29]. В 1970 г. В.А. Александров констатировал как неопровержимый факт биографии и несомненную заслугу Тихомирова «создание своей школы учеников»[30]. В 1970-е гг. А.А. Зимин, особо выделил среди историков Московского университета фигуру Тихомирова как создателя «целой школы историков». Он же посчитал необходимым «объяснить “феномен Тихомирова” хотя бы в первом его приближении»[31].

Тема научной школы как органичного элемента научной жизни ученых-историков, факты использования этого понятийного конструкта уже в 1950–1970-е гг., позволяют утверждать о готовности научной сре-

[27] Вовина-Лебедева 2010: 448.
[28] Вовина-Лебедева 2015: 206–217.
[29] Академик М. Н. Тихомиров 2022: 575.
[30] Александров 1970: 336.
[31] Зимин 2015: 156.

ды историков осуществлять свою деятельность в формате схоларных процессов, порождавших новые для советской науки инструменты организации деятельности ученых и трансляции научных знаний, настроенных на алгоритм взаимодействия различных поколенных культур.

Отмеченные историографические устремления учеников Тихомирова распознать в его «феномене» факт существования научной школы приобретают концептуальную устойчивость к 1990 г., когда любимая ученица Тихомирова Е.В. Чистякова представила специальную статью об учителе как создателе научной школы[32]. Её публикация, имевшая лаконичное, но вполне современное название, явилась «первой ласточкой» в пространстве изучения особенностей состояния советской исторической науки военного и послевоенного времени. В контексте схоларного замысла статьи автор впервые реконструировала поименный состав научной школы и численность учеников Тихомирова (33 человека), а также представила образ учителя в разных ракурсах: как человека с оригинальными личностными чертами, как ученого, внесшего существенный вклад в изучение истории русского средневековья, и как преподавателя, ставшего любимым учителем для большой когорты учеников 1940-х – 1960-х гг., память о котором они сумели сохранить.

Вторым примером служит сообщество, именуемое в историографии «школа А.Л. Сидорова»[33]. А.Л. Сидоров, будучи ярким представителем первого поколения историков-марксистов, прошел классический для них путь научного становления – Институт Красной профессуры, семинары М.Н. Покровского, участие в кампании критики учителя, демонстрация своей приверженности научному канону, закрепленному в конце 1930-х гг. Его научная концепция получила полное оформление в докторской диссертации (1943), посвященной экономике России 1914–1917 гг. Именно тенденции экономического развития страны на рубеже XIX–XX вв., повлиявшие на революционные процессы и военно-политические события, стали объединяющим началом для круга учеников Сидорова, который начал складываться во второй половине 1940-х гг. на историческом факультете МГУ и в Академии общественных наук при ЦК ВКПб. На интенсификацию коммуникативных связей между учителем и сообществом его учеников повлияли административные решения, в частности закрепление за Сидоровым в МГУ спецсеминара «Развитие империализма в России» (1947) и создание Научного совета АН СССР по проблемам предпосылок революции 1917 г. (1957). Историк стал обладателем институциональной власти[34], что позволило ему привлекать учеников и последователей к совместным проектам вокруг вопросов экономической и политической истории России начала XX века.

[32] Чистякова 1990: 352–367.
[33] Осадченко 2002: 200–218; Ланской 2016: 148–159.
[34] В этом аспекте биографии А.Л. Сидорова важно упомянуть его назначение после смерти Б.Д. Грекова в 1953 г. директором Института истории АН СССР.

Первые защиты диссертаций его учениками пришлись на середину – вторую половину 1940-х гг., когда кандидатами наук стали А.Я. Грунт, С.П. Ключарев, Н.И. Разумовская, С.М. Сидельников, Л.С. Гапоненко. Классический же состав школы в лице П.В. Волобуева, М.Я. Гефтера, А.Я. Авреха, К.Н. Тарновского, К.Ф. Шацилло, В.Я. Бовыкина и др. формируется в 1950-х гг. Один из наблюдательных современников определил общее число «остепененных» учеников А.Л. Сидорова 52 диссертантами, признав, что ученым была создана «лучшая в нашей науке историческая школа»[35].

Организаторские способности лидера в совокупности с инновационным восприятием истории империалистической России предопределили специфику концептуальных версий его учеников, представивших состояние национальной экономики на рубеже XIX–XX вв. в виде многоукладной системы[36].

По мнению современных исследователей, у сложившегося вокруг Сидорова «коллектива ученых выработалась собственная идентичность, выражавшаяся не только в специфике научных интересов и исследовательских подходов, но и в четко очерченном отношении к работам предшественников»[37]. Роль Сидорова как «талантливого педагога», прекрасного организатора науки, «крутого и решительного администратора» подчеркивали многие его ученики[38]. Однако, если в случае с М.Н. Тихомировым мы наблюдаем нарастание благожелательных коммеморативных настроений у его учеников и последователей, то по отношению к лидерству А.Л. Сидорова постепенно происходило усиление критических оценок. Так, «младший современник» П.Н. Зырянов отмечал избирательность Сидорова в отношении к ученикам. В то же время он подчеркнул важную характеристику круга учеников Сидорова, имея в виду участие многих из них в Великой Отечественной войне. Пришедшие в науку «в военных шинелях», они не только создали своего рода «историографию лейтенантов», но и проявили себя как консолидированное сообщество, продвигавшее собственную научную линию.

В середине 1950-х «“школа Сидорова”, действуя дружно и напористо, овладела Институтом истории, как большевики Зимним дворцом, и заняла в нем доминирующие позиции»[39]. Лидерство А.Л. Сидорова в послевоенном научном сообществе складывалось из сочетания классической академической культуры, педагогического мастерства и партийной ангажированности. Согласимся с идеями предшественников, что в этот период для достижения карьерного успеха были важны «атрибуты не только партийно-административной, но и научной значимости»[40], и добавим, что для запуска схоларного процесса немаловажное значение

[35] Зимин 2015: 245, 47.
[36] См.: Вопросы капиталистической России… 1972.
[37] Ланской 2016: 153.
[38] Тарновский 1967: 207–244; Волобуев 1993: 121–127; Зырянов 1995: 256–271.
[39] Зырянов 1995: 257–258.
[40] Тихонов 2017: 349.

имели также лидерские качества и педагогическое реноме тех, кого современники выбирали своими учителями.

Две научные школы – Тихомирова и Сидорова, несмотря на почти полное совпадение периодов их существования (1940–1960-е гг.) и активного функционирования, различались по ряду параметров. Специфику той и другой схоларной структуры/культуры следует искать в целеполаганиях лидеров, их различающихся личностных качествах и нравственных позициях, в выдвигаемых ими методологических принципах и особенностях приоритетной для каждого из них научной проблематики.

В пространстве советской науки между двумя сообществами и их лидерами складывались непростые, даже конфликтные, отношения. Наибольший накал они приобрели в конце 1940-х гг. на волне идеологических кампаний по борьбе с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом». В нападках на М.Н. Тихомирова, как автора раскритикованных с этих позиций учебников по истории СССР, участвовал А.Л. Сидоров, которого, по словам А.А. Зимина, «старик[41] ненавидел»[42]. Известно, что к «проработке» историка был причастен и ученик Сидорова А.Я. Грунт[43]. Тихомиров, обращаясь в своих воспоминаниях к факту известной его «проработки» с активным участием в этом Сидорова, подчеркнул своё «отвращение» к проработкам, спущенным «по команде» и позволяющим «грубым путем расправляться с наукой»[44].

Немаловажным аспектом для понимания различий двух школ на уровне сравнения нравственных позиций их лидеров, являются коммеморативные практики их учеников. Представители школы Тихомирова и при его жизни, и после смерти транслировали глубокую благодарность своему учителю, прочно вписав его имя в пантеон великих учителей. Историческая же память об А.Л. Сидорове как учителе не вызвала схожей реакции со стороны учеников и последователей его историко-научной концепции. В то же время научные идеи историка породили такое историографическое явление как «новое направление» в исторической науке, внёсшее, несмотря на его критику в 1960-е–1980-е гг., существенный вклад в изучение социально-экономических процессов в истории России рубежа XIX–XX вв. Феномен Сидорова продолжает привлекать внимание историографов[45], и, надо полагать, изучение этой неоднозначной фигуры ученого-историка еще не завершено.

Таким образом, формировавшаяся с 1930-х гг. советская диссертационная система и потребность создания научных школ, отчетливо осознаваемая уже в середине 1950-х гг., воспринимаются современниками как два неотъемлемых и взаимосвязанных элемента в подготовке про-

[41] По смысловому контексту – М. Н. Тихомиров.
[42] Зимин 2015: 160.
[43] Ковеля 2016: 81–82.
[44] Академик М. Н. Тихомиров… 2022: 227, 228.
[45] Груздинская, Стыкалин 2024.

фессиональных ученых. В советских университетах и иных научных институциях этого периода, несмотря на известный политико-идеологический климат в СССР, закладывались «живые» схоларные традиции, в рамках которых актуализировались не совпадавшие по ряду параметров научные опыты представителей советской исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб.: Нестор–История, 2022. 784 с. [Akademik M.N. Tihomirov: Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska s uchenikami. M.; SPb.: Nestor–Istoriya, 2022. 784 s.].

Алеврас Н.Н. Диссертант и оппоненты: модели защит диссертаций и опыт оппонирования (1930–1940-е годы) // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 124–135. [Alevras N.N. Dissertant i opponenty: modeli zashchit dissertacij i opyt opponirovaniya (1930–1940-e gody) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2024. № 1(64). S. 124–135].

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Историки из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М.Д. Присёлковым (1939) и А.И. Андреевым (1940) // Диалог со временем, 2022. Вып. 80. С. 205–221. [Alevras N.N., Grishina N.V. Istoriki iz dorevolyucionnogo proshlogo v sovetskoj dissertacionnoj sisteme: zashchity doktorskih dissertacij M.D. Prisyolkovym (1939) i A.I. Andreevym (1940) // Dialog so vremenem, 2022. Vyp. 80. S. 205–221].

Александров В.А. Принципы научно-исследовательской деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: «Наука», 1970. С. 325–336. [Aleksandrov V.A. Principy nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti M.N. Tihomirova // Arheograficheskij ezhegodnik za 1968 g. M.: «Nauka», 1970. S. 325–336].

Вовина-Лебедева В.Г. К истории больших школ: школа М.Д. Приселкова // Исторические записки. Вып. 13 (131) / сост. и отв. ред. А.В. Ананьич, 2010. С. 409–452. [Vovina-Lebedeva V.G. K istorii bol'shih shkol: shkola M.D. Priselkova // Istoricheskie zapiski. Vyp. 13 (131) / sost. i otv. red. A.V. Anan'ich, 2010. S. 409–452].

Вовина-Лебедева В.Г. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: к вопросу о школах в исследованиях Древней Руси // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 206–217. [Vovina-Lebedeva V.G. S.V. Bahrushin i M.N. Tihomirov: k voprosu o shkolah v issledovaniyah Drevnej Rusi // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 3. S. 206–217].

Волобуев П.В. А.Л. Сидоров как университетский профессор // Отечественная история. 1993. № 2. С. 121–127. [Volobuev P.V. A.L. Sidorov kak universitetskij professor // Otechestvennaya istoriya. 1993. № 2. S. 121–127].

Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. 376 с. [Voprosy` istorii kapitalisticheskoj Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk, 1972. 376 s.]

Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. 288 с. [Grishina N.V. «Shkola V.O. Klyuchevskogo» v istoricheskoj nauke i rossijskoj kul'ture. CHelyabinsk, 2010. 288 s.].

Гришина Н.В. Советские медиевисты 1930 х – первой половины 1950 х гг. и их диссертации: опыт анализа базы данных // Vox medii aevi. 2024. Vol. 1(10). С. 84–105. [Grishina N.V. Sovetskie medievisty 1930-h – pervoj poloviny 1950-h gg. i ih dissertacii: opyt analiza bazy dannyh // Vox medii aevi. 2024. Vol. 1(10). S. 84–105].

Груздинская В.С., Метель О.В. Академия общественных наук при ЦК КПСС и развитие советской историографии второй половины 1940–1950-х гг.: к постановке проблемы // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 222–235 [Gruzdinskaya V.S., Metel' O.V. Akademi-ya obshchestvennyh nauk pri CK KPSS i razvitie sovetskoj istoriografii vtoroj poloviny 1940–1950 gg.: k postanovke problemy // Dialog so vremenem. 2022. Vyp. 80. S. 222–235].

Груздинская В.С., Стыкалин А.С. Будапештская осень профессора А.Л. Сидорова: советский историк в водовороте венгерской революции 1956 года / научн. ред. М.В. Ковалев. Саратов: «Техно-Декор», 2024. 136 с. [Gruzdinskaya V.S., Stykalin A.S. Budapeshtskaya osen' professora A.L. Sidorova: sovetskij istorik v vodovorote vengerskoj revolyucii 1956 goda / nauchn. red. M.V. Kovalev. Saratov: «Tekhno-Dekor», 2024. 136 s.].

Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А.А. Жданова, 1934–1954 гг.: библиограф. указатель. Л., 1955. 254 с. [Dissertacii, zashchishchennye v Leningradskom Ordena Lenina Gosudarstvennom universitete imeni A.A. ZHdanova, 1934–1954 gg.: bibliograf. ukazatel'. L., 1955. 254 s.].

Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. Библиографический указатель. Выпуск первый. Факультеты Механико-математический, Физический, Химический. М.: Изд-во Московского университета, 1956. 256 с. [Doktorskie i kandidatskie dissertacii, zashchishchennye v Moskovskom gosudarstvennom universitete s 1934 po 1954 g. Bibliograficheskij ukazatel'. Vypusk pervyj. Fakul'tety Mekhaniko-matematicheskij, Fizicheskij, Himicheskij. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1956. 256 s.].

Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем (публикация текста и комментарии И.В. Тункиной) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / сост. А. А. Формозов. М., 2002. С. 146–194. [Zhebelyov S.A. Uchenye stepeni v ih proshlom, vozrozhdenie ih v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ih vyrozhdeniya v budushchem (publikaciya teksta i kommentarii I.V. Tunkinoj) // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. Vyp. III / sost. A.A. Formozov. M., 2002. S. 146–194].

Зайдель Г. Исторический факультет ЛГУ // Борьба классов. 1934. № 5–6. [Zajdel' G. Istoricheskij fakul'tet LGU // Bor'ba klassov. 1934. № 5–6].

Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с. [Zimin A.A. Hram nauki // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / Sost. A.L. Horoshkevich. M.: Akvarius, 2015. 440 s.].

Зырянов П.Н. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 1995. T. XIII. C. 256–271 [Zyryanov P.N. «Shkola Sidorova». Vospominaniya mladshego sovremennika // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 1995. T. XIII. S. 256–271].

Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2010. 382 с. [Ivanova T.N. Nauchnoe nasledie V.I. Ger'e i formirovanie nauki vseobshchej istorii v Rossii (30-e gg. XIX – nachalo XX veka). Cheboksary: Izd-vo Chuvash. Un-ta, 2010. 382 s.]

Историк и время, 20–50-е годы XX века: А.М. Панкратова / Отв. ред. акад. РАН Ю.С. Кукушкин. М.: Изд-во РУДН: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 2000. 360 с. [Istorik i vremya, 20–50-e gody NKH veka: A.M. Pankratova / Otv. red. akad. RAN YU. S. Kukushkin. M.: Izd-vo RUDN: Izd-vo ob-niya «Mosgorarhiv», 2000. 360 s.].

Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и борьба с «буржуазным объективизмом» // Новые исторические перспективы. 2016. № 1(2). С. 78–88. [Kovelya V.V. M.N. Tihomirov i bor'ba s «burzhuaznym ob"ektivizmom» // Novye istoricheskie perspektivy. 2016. № 1(2). S. 78–88].

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Монография. Екатеринбург–Омск, 2000. 226 с. [Korzun V.P. Obrazy istoricheskoj nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvennyh istoriograficheskih koncepcij). Monografiya. Ekaterinburg–Omsk, 2000. 226 s.].

Ланской Г.Н. Аркадий Лаврович Сидоров и его научная школа изучения экономической истории России // Исторический вестник. 2016. Т. 15. № 162. С. 148–159. [Lanskoj G.N. Arkadij Lavrovich Sidorov i ego nauchnaya shkola izucheniya ekonomicheskoj istorii Rossii // Istoricheskij vestnik. 2016. T. 15. № 162. S. 148–159].

Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические по-зиции / Науч. ред. Б.Г. Могильницкий. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 198 с. [Myagkov G.P. «Russkaya istoricheskaya shkola»: metodologicheskie i idejno-politicheskie pozicii / Nauch. red. B.G. Mogil'nickij. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1988. 198 s.].

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 295 с. [Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoj nauke: opyt «russkoj istoricheskoj shkoly». Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2000. 295 s.].

Осадченко Б.А. Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 200–218. [Osadchenko B.A. Formirovanie shkoly A.L.

Sidorova v izuchenii social'no-ekonomicheskoj istorii konca XIX – nachala XX vekov // Mir istorika. XX vek / Pod red. A.N. Saharova. M.: IRI RAN, 2002. S. 200–218].

Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / пер. с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С 161–192 [Sanders T. Tretij opponent: zashchi-ty dissertacij i obshchestvennyj profil' akademicheskoj istorii v Rossijskoj imperii / per. s angl. A.V. Antoshchenko // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom /otv. red. A.N. Dmitriev. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 2012. S 161–192].

Свешников А.В. Научная школа как шуба (Рец. на кн.: Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. М.; СПб., 2012) // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). С. 352–356. [Sveshnikov A.V. Nauchnaya shkola kak shuba (Rec. na kn.: Tihonov V.V. Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoj polovine XX veka. M.; SPb., 2012) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 5 (129). S. 352–356].

Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с. [Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva: monografiya. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 408 s.].

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М.: Ин-т российской истории РАН, 2008. 294 с. [Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: sintez tryoh pokolenij istorikov. M.: In-t rossijskoj istorii RAN, 2008. 294 s.].

Сидорова Л.А. Школы в советской исторической науке: традиции и особенности // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 3. С. 14–23. [Sidorova L.A. Shkoly v sovetskoj istoricheskoj nauke: tradicii i osobennosti // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2012. № 3. S. 14–23].

Скворцов А.М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // Научный диалог. 2021. № 12. С. 444–460. [Skvorcov A.M. Stanovlenie sovetskoj aspirantury po istorii v SSSR v 1930-e gody: zakonodatel'noe regulirovanie i praktika // Nauchnyj dialog. 2021. № 12. S. 444–460].

Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. 591 с. [Sovetskaya istoriografiya / Pod red. YU.N. Afanas'eva. M.: RGGU, 1996. 591 s.].

Тарновский К.Н. Путь ученого (о А.Л. Сидорове) // Исторические записки. 1967. Т. 80. С. 207–244. [Tarnovskij K.N. Put' uchenogo (o A.L. Sidorove) // Istoricheskie zapiski. 1967. T. 80. S. 207–244].

Тихонов В.В. "Политэкономия" академической карьеры в сталинскую эпоху дискуссия по политэкономии 1951 г., XIX съезд и историк А.Л. Сидоров // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 349. С. 340–351. [Tihonov V.V. "Politekonomiya" akademicheskoj kar'ery v stalinskuyu epohu diskussiya po politekonomii 1951 g., XIX s"ezd i istorik A.L. Sidorov // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 58. S. 349. S. 340–351].

Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 328 с. [Tihonov V.V. Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoj polovine XX veka. Nauchnoe tvorchestvo Yu.V. Got'e, S.B. Veselovskogo, A.I. Yakovleva i S.V. Bahrushina. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 328 s.].

Томас М. Бон. Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Милюков и Московская школа / пер. с нем. Дм. Торицина. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. 272 с. [Tomas M. Bon. Russkaya istoricheskaya nauka (1880–1905). Pavel Nikolaevich Milyukov i Moskovskaya shkola / per. s nem. Dm. Toricina. SPb: Olearius Press, 2005. 272 s.].

Чистякова Е.В. Школа М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского / Отв. ред. акад. Д.С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 352–367. [Chistyakova E.V. Shkola M.N. Tihomirova // Obshchestvennoe soznanie, knish-nost', literatura feodal'nogo perioda. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR Nikolaya Nikolaevicha Pokrovskogo / Otv. red. akad. D.S. Lihachev. Novosibirsk, 1990. S. 352–367].

Школы в науке: сборник статей / АН СССР, Институт истории естествознания и техники, АН ГДР, Институт теории, истории и организации науки; под ред. С.Р. Микулинского [и др.]. М.: Наука, 1977. 523 с. [Shkoly v nauke: sbornik statej / AN SSSR, Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki, AN GDR, Institut teorii, istorii i organizacii nauki; pod red. S.R. Mikulinskogo [i dr.]. M.: Nauka, 1977. 523 s.].

Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61. [Emmons T. Klyuchevskij i ego ucheniki // Voprosy istorii. 1990. № 10. S. 45–61].

***Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет; Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

***Гришина Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет*

"Dissertation culture" as a tool for forming a scientific community from the experience of scholarium processes in Soviet historical science in the first half of the 20th century

The authors focus on the process of creating the Soviet historical and scientific community, which was formed under the influence of two main trends. One of them was associated with the perception of the experience of training historians who developed in the dissertation system of the XIX – early XX c. The second trend was caused by the processes of political and ideological transformation and reform of science, which were actively carried out in the 1920s. and led to the creation of the Soviet dissertation system in 1934. The idea of the article arose in connection with the historiographic situation associated with the need to update the experience of creating schools that arose in the process of scientific activity of Soviet historians of the 1930s–1950s. The task is to identify and study the features of scientific schools, the leaders of which were famous Soviet historians who belonged to the same generation – M.N. Tikhomirov (1893–1965) and A.L. Sidorov (1900–1966).

***Keywords:** Soviet historical science, scientific school, dissertation culture, scholar traditions, N.I. Pokrovsky, A.I. Popov, M.D. Priselkov, A.I. Andreev, M.N. Tikhomirov, A.L. Sido-rov, teacher, students, dissertations.*

***Natalia N. Alevras**, Doctor of History, Professor the Department of History of Russia and Foreign Countries Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); vhist@mail.ru*

***Natalya V. Grishina**, PhD in History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology Chelyabinsk State University (Russia); natalyagrishina@mail.ru*

С.Б. Крих

КАК В СССР НЕ СЛОЖИЛАСЬ НАУЧНАЯ ШКОЛА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ: КАЗУС Н.М. НИКОЛЬСКОГО

В статье рассматривается проблема школы Н.М. Никольского – значимого русского и, особенно, советского историка религии и культуры древних ближневосточных обществ. Никольский прошёл большой жизненный путь, дал дорогу в науку разным исследователям, о нём сохранилась память, зафиксированная в том числе в виде мемориальных изданий. Тем не менее, говорить о существовании школы древней истории, в которой он был лидером, не предоставляется возможным, поскольку, по мнению автора статьи, отдельные схоларные практики, которые реализовывались вокруг деятельности Никольского, не сложились в систему – этому препятствовали как некоторые случайные обстоятельства, так и объективные условия сталинского периода.

Ключевые слова: *научная школа, Н.М. Никольский, советская историография древнего Ближнего Востока.*

(Анти)теоретическое предисловие

Историография научных школ (схоларные исследования) – тематика, которая так или иначе развивается на протяжении всего постсоветского периода и в которой особенно чётко выявилась тенденция к рассмотрению научной школы в антропологическом измерении, когда важным становится аспект личных взаимоотношений между учителем и учениками, а также практики, в которых они реализуются[1]. То, как развивалась тематика этих исследований, а именно: выявление заметных различий в способах описания научной школы, более пристальное рассмотрение отдельных аспектов её функционирования – убедительно показывает, что проблема заключается не в том, что ни один из исследователей по какой-либо случайности не может предложить общего решения вопроса и вывести список близких к безупречным параметров научной школы, а в том, что само это понятие подвержено постоянным флуктуациям, связанным как с разнообразием описываемых с его помощью примеров, так и с различием целей тех, кто эти примеры описывает. Другими словами, научному сообществу комфортнее постоянно искать определения для научной школы, чем однажды остановиться на каком-либо из уже предложенных, и это положение дел не нужно торопиться характеризовать как ненормальное. Ведь разнообразие предмета исследования и применяемых к нему инструментов познания в конце концов способно поставить перед нами вопрос о том, изучаем ли мы в действительности одно и то же, или же только одинаково называем на деле различные случаи и способы организации научных сообществ.

Полагаю, что ответ на этот вопрос пока ещё давать преждевременно, гораздо важнее пристально обсудить наиболее показательные частные случаи, которые и предоставят в распоряжение историографов полезное количество предварительных обобщений. Целью данной статьи

[1] Мягков 2000; Свешников 2016.

является исследование такого (на мой взгляд, показательного) казуса. Вначале я предложу некоторые основные параметры, которые зададут рамку научной школы применительно к условиям функционирования исторического знания в советский период, а после постараюсь объяснить, почему случай с Н.М. Никольским являет собой пример того, как научная школа не сформировалась.

Общие условия задачи предельные параметры научной школы в советском контексте

Прежде всего, следует очертить некоторые предельные границы, за которыми само понятие научной школы теряет какой-либо познавательный смысл. С одной стороны, очевидно, что просто факт постоянного общения между учеными двух разных поколений равно как и факт преподавания ряда дисциплин одним учёным своему студенту (будущему исследователю) не является достаточным основанием для того, чтобы говорить об этих практиках как о школообразующих. Если не использовать слово «ученик» в смысле «слушатель лекций», то следует признать, что должны работать такие факторы, как (1) преемственность идей и (2) методов работы. Если это будет поддержано факторами (3) коммуникации (позволяющей согласовывать позиции в условиях меняющихся знаний) и (4) институциональной базы (как площадки для постоянной деятельности в примерно общем направлении, будь то работа в одном исследовательском учреждении или научном журнале) и даст мультиплицирующий эффект в виде наличия целой группы связанных таким образом исследователей (в идеале, разных поколений), то мы можем говорить о научной школе. С другой стороны, сам по себе факт работы учёных в одном учреждении почти неизбежно означает и общение между ними, а потому может приводить и к некоему согласованию взглядов, но также является недостаточным мотивом для определения такого коллектива как научной школы. В будущем, возможно, стоило бы выделить разного рода сочетания основных факторов: например, сильного институционального начала и более слабой преемственности идей (или наоборот), что позволит говорить о разных типах научных школ, но представляется очевидным, что вообще без наличия указанных факторов существование научной школы будет эфемерным и недолгим.

Теперь нужно сказать о советских условиях для формирования научной школы – по меньшей мере, релевантных для исторической науки. В общем приближении следовало бы выделить два периода – сталинский (1930–1940-е гг.) и поздний (1950–1980-е гг.). Вероятно, со временем, при улучшении наших знаний, это деление с большой долей вероятности будет скорректировано, поскольку сталинский период получает (уже традиционно) много больше внимания, чем последующее время – но тому есть и объективные причины (основы советского сознания сложились именно тогда), и субъективные обстоятельства (отдалённость периода позволяет лучше видеть контекст).

Кроме того, напрашивающееся деление каждого периода на подпериоды является точно такой же проблемой современной истории науки, как и поиск определения научной школы, ведь коль скоро оно сильно зависит от того, с какой целью употребляется, то и здесь нахождение разных условных граней вовсе не означает, что одна из найденных граней делегитимирует другую. Для историографии древности, надо полагать, важной точкой будет 1933 год, в феврале которого Сталин произносит с трибуны слова о «революции рабов», а в июне В.В. Струве делает доклад о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Для исторической науки в целом важен 1934 год, когда было принято постановление правительства о преподавании истории в школах: именно в нём содержалась установка на рост фактического знания, за ним же последовало и решение о возвращении научных степеней, а далее и централизация исторической науки (на базе Академии Наук СССР). Также отдельным подпериодом можно считать время после поздних сталинских идеологических кампаний, т.е. первую половину 1950-х гг., когда постепенно исчезал эффект потрясений конца 1940-х гг. и (после смерти Сталина) возвышались голоса, стремящиеся к пересмотру ряда как бы устоявшихся мнений в советской исторической науке. Но деление на подпериоды менее всего следует использовать как объективный механизм анализа, поскольку исследуемые нами персоналии и институции не жили спланированно по тем вехам, которые мы расставляем сейчас, и если мы говорим о течении времени для них, то правильнее использовать максимально общее дробление на основные периоды, в котором не следует даже проводить между этими периодами строгой грани – ведь сталинский период исторической науки, безусловно, закончился, но не единомоментно в 1953 г., в 1956 г. или в каком-либо другом.

Сталинский период характеризовался значительной неустойчивостью научных позиций и общей структуры научных институций – хотя установка на централизацию стала отчётливо реализовываться уже во второй половине 1930-х гг.[2], но сами переформатирования продолжались даже после войны. В этот период само понятие научной школы для исторической сферы знания носило скорее отрицательный характер – играли роль и ассоциация со «школой Покровского», и общее представление о том, что любая активность, в которой есть элемент отделения от остальных, может обернуться обвинением в каком-либо «уклоне». Деятельность разного рода кружков, которая развернулась в 1920-е гг., была прервана, а её продолжение в 1930-е гг. не означало обычно для участников ничего хорошего[3]. Ситуация заметно осложнялась постоянными репрессиями и идеологическими кампаниями – они дестабилизировали состав научных коллективов, наносили ущерб и молодому поколению, препятствуя приходу в науку многих талантливых студентов, наконец – утверждали атмосферу нервозности, подозрительности, недоверия, ко-

[2] Груздинская, Клюев, Метель 2018: 44.
[3] Скворцов 2017.

торая прямо вредит выстраиванию отношений научной преемственности. Поэтому сознательное причисление в этот период себя к какой-либо школе было нереалистично, и сейчас можно говорить, видимо, лишь о существовании некоторых прототипов школ в сталинский период.

Второй период, безусловно, более спокойный как в смысле скорости, так и содержания изменений, был временем институциональной стабильности и, после всплеска дискуссий в 1960-х гг., застоя в плане решения методологических вопросов науки. Разнообразие точек зрения в этой сфере существовало, но было серьёзно ограничено единой идеолого-методологической рамкой, пересмотр опорных тезисов которой не допускался[4]. Это привело к тому, что элементы схоларных конструкций начинали формироваться преимущественно на основе институциональных подразделений – кафедр в вузах, секторов в научных институтах. Соответственно, многое (но далеко не всё) зависело от ресурсов этих подразделений и от их возможностей поддерживать постоянные связи с другими структурами. Здесь, конечно, приближаясь к нашей теме, следует помнить, что возможности для занятия историей древнего мира в Советском Союзе оставались сравнительно невелики, особенно за пределами нескольких крупных центров. Если на первый план в деле складывания научных школ выходит институциональный фактор, то его можно, с большими или меньшими оговорками, понимать и как фактор экономический – общие тенденции развития советской экономики и частные тенденции финансирования науки в указанный период были таковы, что также провоцировали замедление указанных процессов.

Казус Н.М. Никольского
наличие схоларных практик и отсутствие школы

Теперь, если обратиться к примеру Н.М. Никольского (1877–1959), следует пояснить, почему в принципе уместно задавать вопрос о формировании школы.

Во-первых, Никольский – безо всякого сомнения крупный учёный и выдающаяся личность, и в данном случае это не общие комплименты, а вполне проверяемые характеристики: большое количество научных работ, публикация их в ведущих изданиях страны (и немного за рубежом – в досталинский период), активная общественная деятельность – такого рода моменты всегда провоцируют складывание вокруг учёного группы интересующихся, последователей, единомышленников. Никольский обладал высокой работоспособностью: он начал свою научную деятельность ещё при царском режиме, но его серьёзно ограничивало то обстоятельство, что ввиду своих связей с левым движением он не допускался к преподаванию в университетах и работал в гимназиях. Фактически, до Первой мировой войны у самого Никольского вышла только одна книга по истории древнего Израиля, написанная в популярном изложении – очевидно, чтобы повысить её продажи[5]. Поэтому настоящие

[4] См. о реакции на попытки пересмотра: Крих 2012.
[5] Никольский 1911.

возможности для академической карьеры открываются для него после 40 лет, и 1920-е гг. стали временем нового начала пути самореализации в качестве учёного и лектора. Основные же свои работы Никольский публикует только после 50 лет: настоящий пик публикаций приходится на 1930-е гг. и отчасти продолжается после войны[6].

Во-вторых, Никольский с 1921 г. работает в Минске (покидая его лишь на время из-за оккупации), который стал столицей Белорусской ССР, причём как в Академии наук, так и в университете. Это давало учёному не только институциональную базу с некоторыми ресурсами (явно большими, чем если бы он уехал в какой-либо областной центр), но и ставило его в выгодное положение крупнейшего исследователя древности (прежде всего, древних религий) в советской республике.

Наконец, у Никольского были те идеи, которые нуждались в разработке и поддержке учениками и отличались от идей других исследователей. Так, он был одним из самых упрямых критиков В.В. Струве: даже признав в середине 1930-х рабовладельческий характер древневосточных обществ (и полностью отказавшись от их определения как феодальных), Никольский продолжал настаивать на том, что Струве недоучёл роль общины в восточной истории. В последнем пункте советская историография скорректировала свои позиции, союзниками Никольского выступили в большей мере московские (А.Б. Ранович, А.В. Мишулин) и отчасти ленинградские (А.И. Тюменев, И.М. Дьяконов) ученые, но у него не оказалось сильных учеников из Минска, которые смогли бы внести свой вклад в развитие его понимания восточной истории.

Причины этого, видимо, кроются в том, как сильно ударили «чистки» по минской интеллигенции[7]. Некоторых же притягивали более крупные научные центры. Так, И.М. Лурье (1903–1958), начинавший учиться у Никольского и сохранивший с ним дружеские отношения после переезда в Ленинград, тем не менее может считаться не столько учеником, сколько младшим коллегой своего минского научного руководителя. При этом он был самым заметным из тех учёных, которые, получив от Никольского начальный научный импульс, смогли (правда, далеко не полно) реализовать себя в сталинский период. И.М. Лурье работал в Эрмитаже, и, хотя какое-то время сохранял оппозиционность по отношению к ленинградскому светилу[8], тем не менее, коль скоро многие научные проекты, в которые вовлекались ленинградские востоковеды, в той или иной мере курировались Струве, то Лурье было важно взаимодействовать с последним больше, чем со своим давним учителем. Например, если обратиться к довоенной истории создания «восточного» тома планировавшейся «Всемирной истории», то организационная роль Никольского в ней была ничтожна, в отличие от роли Струве[9]. Кроме

[6] Например: Никольский 1938; Никольский 1948.
[7] Малюгин 2017: 107; Никольская 2013: 168.
[8] Несколько преувеличенная оценка: Большаков 2011: 9.
[9] Карпюк, Крих 2018: 1024.

того, Лурье не специализировался на вопросах библейской истории, а Никольский не имел отношения к египтологии, так что их профессиональные интересы пересекались только в самом общем смысле базовых вопросов древневосточной истории.

Можно утверждать, что Никольский и Лурье поддерживали достаточно интенсивное общение и в 1930 – 1940-е гг., а Лурье очевидно сохранил пиетет к учителю. По крайней мере, очерк о Никольском, созданный для «Вестника древней истории», рисует его научную деятельность в самых тёплых тонах. Среди причин, препятствовавших полноценной научной работе Никольского до революции, названы «трудные материальные условия, в которых он находился, и, в ещё большей степени, враждебное отношение к нему со стороны официальных научных кругов»[10], и велика вероятность, что первое обстоятельство было сообщено автору заметки самим Никольским. Сообщал Лурье читателям и названия работ, которые были подготовлены Никольским ещё до революции, но опубликованы только после смены политического режима[11]. В самих этих работах нет прямых указаний на время их написания[12], так что информацию эту Лурье, надо думать, почерпнул напрямую от Никольского и, скорее всего, не в те годы, когда был его студентом, а позднее – возможно, как раз при подготовке юбилейного очерка.

Заметны и другие следы подчёркнуто положительного отношения автора очерка к старшему коллеге. Так, переиздание за рубежом на немецком языке небольшой книги о псалмах[13] было названо им «целым событием, вызвавшим, с одной стороны, бешеный вой ортодоксов разных мастей, а с другой – заслуженное признание и одобрение честных учёных»[14], что, очевидно, несколько преувеличивало воздействие этой работы на мировую общественность[15]. В то же время взгляды Никольского на формационную принадлежность восточных обществ специально не характеризовались и не оценивались – иными словами, те моменты, которые могли быть неприятными юбиляру, обходились стороной[16].

Соответственно, если мы обратимся к ещё одному из перечисленных выше факторов: идейной преемственности, то здесь мы не сможем найти решения этого вопроса. Известно, что Никольский признал рабовладельческий характер древневосточных обществ в 1935 г., а Лурье

[10] Лурье 1940: 259.
[11] Лурье 1940: 260.
[12] Зная заранее о том, что статьи написаны до 1917 г., можно найти в них косвенные тому подтверждения: например, избегание Никольским марксистской терминологии при характеристике общественного строя древнего Израиля или следы дореволюционной орфографии, случайно воспроизведённой наборщиками: «древняго Израиля», хотя на той же странице есть и современное написание. Никольский 1922: 95.
[13] Nicolsky 1927.
[14] Лурье 1940: 261.
[15] Пример рецензии на эту работу показывает, что она была воспринята как полная интересных, хотя и не всегда достаточно обоснованных идей: Meinhold 1928.
[16] Нельзя, правда, исключать того, что какой-то пассаж на тему расхождений между Никольским и Струве был написан, но изъят редколлегией журнала.

оставался на скептических позициях, видимо, до конца 1930-х гг. (выражая их, правда, в очень незначительных замечаниях). Но поскольку наступила фаза сталинского периода, в которой подчёркивалось единообразие взглядов советских историков по всем существенным вопросам, то в настоящее время нельзя определить, были ли позиции Никольского и Лурье как-то согласованы. В любом случае, для науки важно не то, смогли ли Лурье и Никольский обсудить между собой произошедшие перемены (скорее всего, да), а то, насколько сходство или расхождение научных взглядов было зафиксировано в публикационном пространстве. Здесь же нас ждёт то самое молчание.

При этом нельзя утверждать, что Лурье оставался в дальнейшем бесспорным сторонником взглядов или подходов Никольского как их «раннесоветского» (досталинского) образца, так и модификаций этих взглядов до 1935 г. или после него. В трудах самого Лурье мы можем встретить отдалённые пересечения с идеями Никольского[17], а иногда – цитирование, которое показывает довольно хорошее знакомство с трудами старшего коллеги[18], но в общем не более того. Точно так же можно говорить и о том, что Лурье как минимум учитывал взгляды Струве – он сочувственно ссылается именно на исследования последнего[19], упоминает о консультациях с ним[20]. Резюмируя, можно сказать, что перед нами скорее идейная близость, чем преемственность.

Другой пример, в некотором роде обратный примеру Лурье – ученицы, максимально тесно связанной с учителем. Ранний этап научной деятельности Р.А. Никольской (1904–2004) был прерван после того, как оказался репрессирован её первый муж; на годы войны пришлась также защита кандидатской диссертации В.И. Шевченко (1906–1971), который при этом не вернулся в Минск после эвакуации[21]. Оба эти ученика Никольского написали немного работ. На мой взгляд, если мы говорим о научной школе как состоявшемся феномене, то сам факт преемственности во взглядах со стороны ученика может считаться скорее потенциалом образования школы, а не автоматически доказывает её существование; для второго нужно, чтобы ученики были научно активны.

Обратимся подробнее к примеру Никольской. Тема её диссертации была связана с изучением афинской демократии, причём тему эту, как писал Никольский, он сам предложил ей ещё до войны (АРАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 42. Л. 5), защищена же работа была в январе 1947 г.[22] Никольский помогал ей и как научный руководитель, и как муж (став таковым

[17] Например, когда он фиксирует, что «рабский труд не составлял в Египте универсальную основу хозяйства, как, скажем, это было в Греции или Риме». Лурье 1938b, 71.
[18] Лурье, Дьяконов 1950: 119, прим. 2. В данном случае для того, чтобы показать спорность взглядов В.И. Авдиева на древневосточную монархию, Лурье и Дьяконов ссылаются на недавно вышедшую статью Никольского о законе хеттского царя Телепину.
[19] Лурье 1938a: 221; Лурье 1946: 39, прим. 3; Лурье 1949b: 131.
[20] Лурье 1949a: 37, прим. 1.
[21] Евтухов 2015: 35–37.
[22] Диссертации по истории древнего мира 1948: 132.

ко времени защиты), и хотя здесь личное и профессиональное в отношениях оказываются практически неотделимы[23], а Никольскую можно и нужно понимать и как друга, и как жену, и как ученицу Никольского, но при этом сама тематика её диссертации (и связанных с ней статей) не позволяет включать её в число представителей его научной школы.

Правда, иногда ученики играют роль не столько в развитии идей основателя школы, сколько в поддержании традиции самого существования особого типа сообщества. Как известно, Никольская приложила заметные усилия для того, чтобы сохранить память об учителе и муже – речь здесь идёт не столько о написанных ею на исходе жизни мемуарах, сколько об издании сборника в его память, поддерживала она также выход биографической книжечки М.Б. Ботвинника и написала к ней предисловие. В статье Никольской о покойном муже как библеисте дана периодизация его творчества (касательно ветхозаветной критики) и краткий пересказ конкретных его работ по каждому из периодов (не будучи специалистом, Никольская дала не столько анализ, сколько изложение[24]). Симптоматично, что кроме ссылок на Ветхий Завет, в тексте статьи присутствуют ссылки только на Никольского или на те работы по библеистике, ссылки на которые можно было найти в текстах самого Николая Михайловича[25]. В статье нет рассмотрения позиций покойного исследователя с точки зрения современных научных достижений или акцента на том, что его дело продолжают и развивают следующие поколения.

Такого рода усилия, конечно, следует отнести к школообразующей практике, но уместно задаться вопросом – к какому кругу читателей были обращены мемориальные публикации? Для того, чтобы можно было говорить о мемориальной практике как школообразующей, необходимо, чтобы среди потенциальных потребителей мемориального продукта уже существовал круг тех, для кого принципиально важно видеть определённые оценки влияния основателя и первого лидера (или лидеров) школы на научный процесс. Если мы не можем опознать этого круга, то сам по себе акт воспоминания не выполнит функций, подпитывающих научную школу – хотя будет важен для учеников (не обязательно в смысле последователей). Круг этот в смысле постоянно функционирующего научного сообщества, насколько можно судить, в Минске (как единственном потенциальном центре школы Никольского) не сформировался. Поэтому Никольская, не имея возможности назвать имена тех, кто продолжал конкретно её покойного мужа, и была вынуждена апеллировать к общей значимости его штудий для советской историографии.

Наконец, существует ещё один вариант обнаружить «школу Никольского»: через преемственность между ним и Г.М. Лившицем (1909–

[23] Как пример: попытка (в итоге неудачная) опубликовать статью Р.А. Никольской в «Вестнике древней истории». Абрам Борисович Ранович 2018: 131, 132–135.
[24] Этому, конечно, не противоречит то, что в 1950-х гг. она могла быть научным руководителем студента по теме «Религия древних евреев». См. Корзун 2009: 169.
[25] Никольская 1970: 21.

1983), но он, по моему мнению, не проходит проверки по уже использованным ранее параметрам: главный же аргумент здесь в том, что частичное совпадение тематики исследования древних религий (по сути, советского варианта библеистики) не означает в данном случае наследования идей. Собственно, и совпадения оказываются далеко не полными: ведь Никольский интересовался преимущественно историей древнего Израиля до римского завоевания[26]. Лившиц же защитил кандидатскую диссертацию по заговору Катилины, впоследствии много писал о религии вообще: не только о Библии и раннем христианстве, но и об истории атеизма, о французских просветителях, о реформации.

Если от тематики переходить к позициям, то, как замечает современный автор, концепция античного христианства Лившица «значительно отличается» от взглядов Никольского, на работы которого он даже не ссылается в своей монографии о рукописях Мёртвого моря[27]. Конечно, делать выводы на основании одной монографии было бы слишком смело: например, в книге о классовой борьбе в римской Иудее ссылки на Никольского есть, но тут важно увидеть, что это за ссылки. В основном тексте книги Никольскому уделён небольшой абзац, в котором сказано, что его «труды в области библеистики составили ценный вклад в историческую науку»[28] и что у него есть работы по теме монографии Лившица; остальные упоминания в книге – это сноска с библиографией работ к указанному абзацу и те же работы, повторённые в списке литературы. О других историках, которые упоминаются как до (А.Б. Ранович, Н.А. Машкин) пассажа о Никольском, так и после него (А.Г. Бокщанин, О.В. Кудрявцев, Р.Ю. Виппер), сказано намного больше.

Неуместно говорить и об ученичестве: сборник научных работ, вышедший в Белорусском университете в 1977 г., открывали две статьи[29], посвящённые персоналиям: первую, посвящённую Никольскому, написал Ф.М. Нечай, а вторую (про В.М. Перцева) – Лившиц; соответственно, последний, видимо, и сам не воспринимал Никольского как учителя, память о котором он обязан поддерживать.

Третью же статью[30], про хеттологические штудии Никольского, написал Г.И. Довгяло (1935–2002) – востоковед-хеттолог, окончивший БГУ в 1957 г., когда Никольский уже почти не преподавал, защитивший кандидатскую диссертацию в Минске, но под руководством И.М. Дьяконова и уже в 1965 г.[31]. Если обратиться к монографии самого Довгяло, в ней он уважительно относится к наследию Никольского, но ссылается

[26] И.О. Евтухов собрал все работы Никольского по античному христианству и сопоставил исследования Никольского, Лившица, В.А. Федосика, что и позволяет ниже дать этот сюжет в кратком изложении. См. Евтухов 2021.
[27] Евтухов 2021: 27.
[28] Лившиц 1957: 43.
[29] Вопросы истории древнего мира и средних веков 1977: 5–18.
[30] Вопросы истории древнего мира и средних веков 1977:18–29.
[31] Довгяло 1965: 1.

только на его идеи о хеттах, а не на обобщающие работы – для этого используются ссылки на Дьяконова и Струве[32]. Это компромиссная позиция, как бы стирающая память о прежних дискуссиях, но её точно нельзя истолковывать как продолжение взглядов Никольского.

Что касается вопроса об этнографической и фольклорной линии в «школе Никольского», то я не обладаю достаточной квалификацией, чтобы судить об этом; данная работа касается лишь вопросов изучения древней истории[33].

Таким образом, я считаю уместным говорить о наличии преемственности между Никольским и рядом его учеников, о влиянии Никольского на взгляды коллег, но полагаю корректным зафиксировать отсутствие школы Никольского по древней истории или по истории религий. Сначала этому препятствовали внутренние обстоятельства становления советской науки и репрессии, позднее – война, затем – преклонный возраст самого учёного. Никольский повлиял на многих историков из представителей младших поколений, но каждое конкретное влияние оказывалось не похожим на другие: в одном случае совпадали взгляды, но различались локации «ученика» и «учителя» (случай И.М. Лурье), в другом пересекались темы, но расходились локация и воззрения (случай А.Б. Рановича), в третьем совпадали локация и взгляды, но совсем расходились темы научных работ (случай с Р.А. Никольской), в четвёртом – отчасти совпадали темы и локация, но не было ученичества и, соответственно, преемственности взглядов (случай с Г.М. Лившицем).

В качестве мыслительного эксперимента легко смоделировать несколько иной ход событий в Минске, при котором Р.А. Никольская относилась бы ко второму поколению школы Никольского, а Г.И. Довгяло – к третьему, но для этого нужна была тематическая связанность, вероятность которой тем выше, чем выше количество учеников. Поскольку пиковые для творчества Никольского 1930-е гг. пришлись на время опустошительных репрессий в Минске, которые затрагивали и коллег, и студентов, то сценарий этот даже не имел шансов быть реализованным.

Мы можем также представить себе и ситуацию переезда Никольского в Москву, что, возможно, позволило бы ему консолидировать вокруг себя единомышленников, поскольку он имел бы возможности более эффективно продвигать их карьеру в союзных академических учреждениях. На самом деле, такое предложение было, но поступило достаточно поздно (в 1946 г.)[34], когда учёный тесно был связан с белорусскими институциями, а состояние здоровья принципиально препятствовало активному продвижению карьеры при очередной смене локации.

Можно сделать вывод о том, что перед нами, в целом, именно классический советский опыт, по крайней мере, для времени первой половины существования советской науки: внешние обстоятельства пре-

[32] Довгяло 1968: 3, 6, 44.
[33] Фядосік 2011.
[34] Абрам Борисович Ранович 2018: 126–127.

пятствуют реализации полноценных возможностей учёного. Полагаю, проведение аналогий и более корректных обобщений на эту тему станет уместным лишь после дальнейших сравнительных исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост. А.И. Клюев, О.В. Метель. Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. 263 с. [Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy / Comp. A.I. Kliuev, O.V. Metel. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2018. 263 p.].

Большаков А.О. Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии // Культурно-антропологические исследования. Вып. 2. Новосибирск, 2011. С. 5–10. [Bol'shakov A.O. Leningradskii egiptologicheskii kruzhok: u istokov sovetskoi egiptologii // Kul'turno-antropologicheskie issledovaniia. Vyp. 2. Novosibirsk, 2011. P. 5–10.]

Ботвинник М.Б. Николай Михайлович Никольский. Минск, 1967. 150 с. [Botvinnik M.B. Nikolai Mikhailovich Nikol'skii. Minsk, 1967. 150 p.]

Вопросы истории древнего мира и средних веков / Ред. Нечай Ф.М., Лившиц Г.М. Минск, 1977. 132 с. [Voprosy istorii drevnego mira i srednikh vekov / Ed. Nechai F.M., Livshits G.M. Minsk, 1977. 132 p.]

Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: Издательский центр КАН, 2018. 171 с. [Gruzdinskaia V.S., Kliuev A.I., Metel' O.V. Ocherki istorii institutsional'noi struktury sovetskoi istoricheskoi nauki 1920–1930-kh gg. Omsk: Izdatel'skii tsentr KAN, 2018. 171 p.]

Диссертации по истории древнего мира, защищённые за время с 1940 по 1947 г. // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 130–134. [Dissertatsii po istorii drevnego mira, zashchishchennye za vremia s 1940 po 1947 g. // Vestnik drevnei istorii. 1948. No 2. P. 130–134.]

Довгяло Г.И. Возникновение царской власти у хеттов (На материале хеттских клинописных источников XVIII–XII вв. до н.э.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Минск, 1965. 26 с. [Dovgialo G.I. Vozniknovenie tsarskoi vlasti u khettov (Na materiale khettskikh klinopisnykh istochnikov XVIII–XII vv. do n.e.). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Minsk, 1965. 26 p.]

Довгяло Г.И. К истории возникновения государства (На материале хеттских клинописных законов). Минск, 1968. 160 с. [Dovgialo G.I. K istorii vozniknoveniia gosudarstva (Na materiale khettskikh klinopisnykh zakonov). Minsk, 1968. 160 p.]

Евтухов И.О. История античного христианства в исследованиях профессора В.А. Федосика // Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести = Beatitudo non est virtutis praemium sed ipsa virtus: материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 70-летнему юбилею проф. В.А. Федосика, Минск, 9 февр. 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 26–36. [Evtukhov I.O. Istoriia antichnogo khristianstva v issledovaniiakh professora V.A. Fedosika // Schast'e ne v nagrade za doblest', a v samoi doblesti = Beatitudo non est virtutis praemium sed ipsa virtus: materialy mezhdunar. nauch. kruglogo stola, posviashch. 70-letnemu iubileiu prof. V.A. Fedosika, Minsk, 9 fevr. 2021 g. Minsk: BGU, 2021. P. 26–36.]

Евтухов И.О. Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск, 2015. 223 с. [Evtukhov I.O. Kafedra istorii drevnego mira i srednikh vekov BGU. K 80-letiiu sozdaniia. Minsk, 2015. 223 p.]

Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. № 4. С. 1011–1031. [Karpiuk S.G., Krikh S.B. Rabota nad «Vsemirnoi istoriei» v dovoennyi period: poiski upravlencheskoi modeli // Vestnik drevnei istorii. 2018. No 4. P. 1011–1031.]

Корзун М.С. «Крестовый король» белорусской историографии // Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения. Минск: БГУ, 2009. С. 168–172. [Korzun M.S. «Krestovyi korol'» belorusskoi istoriografii // Giler Markovich Livshits. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia. Minsk: BGU, 2009. P. 168–172.]

Крих С.Б. Быть марксистом: крест советского историка // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 22: Доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції "Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття", 20–21 жовтня 2011 р., м. Київ. Київ, 2012. С. 153–176. [Krikh S.B. Byt' marksistom: krest sovetskogo istorika // Istoriografichni doslidzhennia v Ukraïni. Vipusk 22: Dopovidi ta materiali Mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï "Institut istoriï Ukraïni na

zlami epokh, u svitli traditsii ta peretvoren'. 75 rokiv institutsional'nogo buttia", 20–21 zhovtnia 2011 r., m. Kiïv. Kiïv, 2012. P. 153–176.]

Лившиц Г.М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск: Издательство Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, 1957. 438 с. [Livshits G.M. Klassovaia bor'ba v Iudee i vosstaniia protiv Rima. K probleme sotsial'no-ekonomicheskogo stroia rimskikh provintsii. Minsk: Izdatel'stvo Belgosuniversiteta imeni V.I. Lenina, 1957. 438 p.]

Лурье И.М. [Рец.:] И.Л. Снегирёв, Ю.П. Францов – Древний Египет. (Исторический очерк). Огиз, Л., 1938, 300 стр. // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 220–223. [Lur'e I.M. [Rev.:] I.L. Snegirev, Iu.P. Frantsov – Drevnii Egipet. (Istoricheskii ocherk). Ogiz, L., 1938, 300 str. // Vestnik drevnei istorii. 1938. No 3. P. 220–223]

Лурье И.М. К юбилею академика Николая Михайловича Никольского // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 259–262. [Lur'e I.M. K iubileiu akademika Nikolaia Mikhailovicha Nikol'skogo // Vestnik drevnei istorii. 1940. No 3–4. P. 259–262.]

Лурье И.М. Стоимость раба в древнем Египте // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 65–71. [Lur'e I.M. Stoimost' raba v drevnem Egipte // Vestnik drevnei istorii. 1938. No 4. P. 65–71.]

Лурье И.М. Храмовый суд в древнем Египте // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 32–39. [Lur'e I.M. Khramovyi sud v drevnem Egipte // Vestnik drevnei istorii. 1946. No 2. P. 32–39.]

Лурье И.М., Дьяконов И.М. [Рец.:] В.И. Авдиев. История древнего Востока. ОГИЗ, 1948, 588 стр., цена 13 руб. // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 116–133. [Lur'e I.M., D'iakonov I.M. [Rets.:] V.I. Avdiev. Istoriia drevnego Vostoka. OGIZ, 1948, 588 str., tsena 13 rub. // Vestnik drevnei istorii. 1950. No 1. P. 116–133.]

Лурье И. Эрмитажный папирус 1114 и социальные идеи, воплощённые в «ушебти»// Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 123–132. [Lur'e I. Ermitazhnyi papirus 1114 i sotsial'nye idei, voploshchennye v «ushebti»// Vestnik drevnei istorii. 1949. No 4. P. 123–132.]

Малюгин О.И. Николай Михайлович Никольский: организатор исторической науки в Беларуси // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск, 2017. С. 98–107. [Maliugin O.I. Nikolai Mikhailovich Nikol'skii: organizator istoricheskoi nauki v Belarusi // Intellektual'naia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919–1941). Minsk, 2017. P. 98–107.]

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт "русской исторической школы". Казань, 2000. 295 с. [Miagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt "russkoi istoricheskoi shkoly". Kazan', 2000. 295 p.]

Никольская Р. Воспоминания. Харьков, 2013. 304 с. [Nikol'skaia R. Vospominaniia. Khar'kov, 2013. 304 p.]

Никольская Р.А. Н.М. Никольский – основоположник научной критики Ветхого завета в русской и советской историографии // Вопросы истории древнего мира и средних веков. 1970. Вып. 1. С. 18–48. [Nikol'skaia R.A. N.M. Nikol'skii – osnovopolozhnik nauchnoi kritiki Vetkhogo zaveta v russkoi i sovetskoi istoriografii // Voprosy istorii drevnego mira i srednikh vekov. 1970. Iss. 1. P. 18–48.]

Никольский Н.М. Рецензии, отзывы, замечания на кандидатские диссертации М.Г. Кузнецовой, Л.А. Липина, Р.А. Никольской, докторскую диссертацию Гуторова. Автограф. Машинопись // АРАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 42. 19 л.

Никольский Н.М. Древний Израиль: популярные очерки по истории евреев в научном освещении. М., 1911. 324 с. [Nikol'skii N.M. Drevnii Izrail': populiarnye ocherki po istorii evreev v nauchnom osveshchenii. M., 1911. 324 p.]

Никольский Н.М. Феодальные отношения в древнем Израиле // Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1. С. 92–116. [Nikol'skii N.M. Feodal'nye otnosheniia v drevnem Izraile // Trudy Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta v Minske. 1922. № 1. S. 92–116.]

Никольский Н.М. Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды // Ранович А.Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937. С. III–LXXXIV. [Nikol'skii N.M. Nekotorye osnovnye problemy obshchei i religioznoi istorii Izrailia i Iudy // Ranovich A.B. Ocherk istorii drevneevreiskoi religii. Moscow, 1937. P. III–LXXXIV.]

Никольский Н.М. Община в древнем Двуречье // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 72–98. [Nikol'skii N.M. Obshchina v drevnem Dvurech'e // Vestnik drevnei istorii. 1938. No 4. P. 72–98.]

Никольский Н.М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье (К истории вавилонско-ассирийского общества в III–I тысяч. до н.э.). Минск, 1948. 160 с. [Nikol'skii N.M. Chastnoe zemlevladenie i zemlepol'zovanie v drevnem Dvurech'e (K istorii vavilonsko-assiriiskogo obshchestva v III–I tysiach. do n.e.). Minsk, 1948. 160 p.]

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016. 415 с. [Sveshnikov A.V. Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva. Moscow; Saint Petersburg, 2016. 415 p.]

Скворцов А.М. Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел Архива ФСБ) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. № 1. С. 210–223. [Skvortsov A.M. Razgrom «antichnogo kruzhka» v Leningrade (po materialam sledstvennykh del Arkhiva FSB) // Vestnik drevnei istorii. 2017. T. 77. No 1. P. 210–223.]

Фядосік В.А. Навуковая школа М.М. Нікольскага і перспектывы яе развіцця // Весник БДУ. Сер. 3. 2011. № 3. С. 7–12. [Fiadosik V.A. Navukovaia shkola M.M. Nikol'skaga i perspektyvy iae razviitstsia // Vesnik BDU. Ser. 3. 2011. No 3. 3. 7–12]

Meinhold J. [Rez.:] Nicolsky, Prof. Nicolaj: Spuren magischer Formeln in den Psalmen. Autoris. Uebersetzg. d. russischen Manuskriptes v. Georg Petzold. Giessen: A. Töpelmann 1927 (III, 99 S.) // Theologische Literaturzeitung. 1928. Nr. 4. S. 79–80.

Nicolsky N. Spuren magischer Formeln in den Psalmen. Giessen: Alfred Töpelmann, 1927. III + 99 S.

Крих Сергей Борисович, *доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru.*

How the scientific school of ancient history failed to work in the USSR the case of N.M. Nikol'sky

The author of the article examines the problem of the school of N.M. Nikolsky, a significant Russian and Soviet historian of religion and culture of ancient Near Eastern societies. Nikolsky had a long life, gave way to science for various researchers, and his memory has been preserved, including in the form of memorial publications. Nevertheless, we cannot speak of the existence of a school of ancient history in which he was a leader. According to the author of the article, the reason for this is that individual scholarly practices that were implemented around Nikolsky's activities did not develop into a system. This was hindered by both some random circumstances and the objective conditions of the Stalin period.

Keywords: *scientific school, N.M. Nikolsky, Soviet historiography of ancient Near East*

Sergey B. Krikh*, Dr. Sc. (History), Associated Professor, Professor, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; krikh@rambler.ru*

А.А. Кузнецов

ЯВЛЕНИЕ ВЕНЕЦИИ В ИСТОРИОЗНАНИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА/ГОРЬКОГО ОТ АНРИ ПИРЕННА К С.И. АРХАНГЕЛЬСКОМУ И Н.П. СОКОЛОВУ

Статья посвящена конкретной историографической проблеме – формированию в провинциальном советском вузе перспективной исследовательской проблемы генезиса Венецианской колониальной империи. В статье показано, что факторы формулирования этой проблемы были подготовлены трудами старшего коллеги Н.П. Соколова (1890–1979) – члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (1882–1958). Он, готовя русский перевод книги Анри Пиренна (1862–1935), развил его идеи относительно важной экономической и политической роли Венеции в истории Средних веков. С.И. Архангельский использовал источники венецианского происхождения в изучении истории Английской революции и Протектората Оливера Кромвеля. Собственный прямой интерес специалиста по истории Английской революции, отечественной исторической науки и Нижегородского края С.И. Архангельского к истории Венеции был органичен: он являлся следствием его нереализованной/частично реализованной возможности изучать историю Италии и потенциала, обусловленного научным руководством Р.Ю. Виппера, изучением исторического труда Макиавелли. Затронуты историографический и историко-антропологический аспекты формирования венецианской темы в историознании Нижнего Новгорода/Горького. На просопографическом соотнесении представлены наблюдения за алгоритмом выбора исследовательских тем в 1920–1950-е гг. историками, которые сформировались до 1917 г.

Ключевые слова: *Венеция, Византия, Анри Пиренн, С.И. Архангельский, Н.П. Соколов, Макиавелли, история Италии, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, Е.А. Косминский.*

10 декабря 1943 года Е.А. Косминский пишет в Горький коллеге, декану исторического факультета пединститута С.И. Архангельскому: «Образовалась еще группа по ист. Византии. Есть ли в Горьком люди, занимающиеся этими вопросами? Сообщите, пожалуйста»[1]. 6 января 1944 г. С.И. Архангельскому была отправлена открытка, косвенные данные и детали почерка которой позволяют атрибутировать отправителя – Е.А. Косминский; примечательны строки: «Очень прошу Вас поговорить с Н.П. Соколовым. Если его привлекает мысль примкнуть к работе Византийской группы Инст[итута] Ист[ории] АН, сделать доклад на Визант[ийскую] или смежную тему, дать статью; взять перевод первоисточника, то мы будем очень рады»[2]. На основании этих документов нами делался вывод о появлении важнейшего направления исследований Соколова и горьковской/нижегородской науки – складывание Венецианской колониальной империи (державы) до XIII в. включительно[3]. Архангельский, выполняя просьбу Косминского, подталкивал к изучению истории Византии Соколова, чьи предшествующие исследования и кандидатская диссертация были посвящены историко-философским взглядам Тюрго[4].

[1] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 17а.
[2] ЦАНО. Ф. Р-6299. Оп. 1. Д. 201. Л. 162.
[3] Григорьева, Кузнецов 2012: 172.
[4] Соколов 1963.

В 1985 г. монография Н.П. Соколова об образовании Венецианской колониальной империи издана на польском языке[5]. В его трудах принципиален аспект пересечения венецианских интересов в Восточном Средиземноморье и Чёрном море с притязаниями Византии[6]. Но откуда взялся *венецианский* ракурс на Византию в научном поиске Соколова?

До «венецианского периода» в его биографии были: выпускная работа Нежинского историко-филологического факультета, посвящённая историко-философским взглядам Тюрго (магистерская диссертация под руководством Н.И. Кареева, вероятно, писалась по той же теме); подготовка к магистерскому экзамену у Н.И. Кареева; служба референтом в Министерстве иностранных дел императорской России и Временного правительства; учительство в нижегородской уездной школе до 1926 г.; карьера до 1936 г. по хозяйственной линии Нижегородского (Горьковского) края; возвращение в школу в 1936 г.: арест 1938 г. и тюремная записка «О моём отношении к Советской власти за 20 лет её существования». В «Записке» Н.П. Соколова из его Следственного дела отразилось понимание им ценности империи[7], что позволяло понять, почему в качестве предмета диссертационного исследования фигурировала империя/держава. В 1942 г. состоялось возвращение Н.П. Соколова в высшее образование и в науку. В 1943 г. – защита в Казани кандидатской о взглядах Тюрго; в 1954 г. – защита докторской диссертации по образованию Венецианской колониальной державы. В 1963 г. вышла монография Н.П. Соколова по данной теме. Но почему Венеция? Византия, естественно, представляется империей, а вот её конкурента-контрагента в таком качестве мало кто рассматривал. Разгадка обнаруживается в научном творчестве старшего коллеги Н.П. Соколова – С.И. Архангельского. Именно он откликнулся на письмо Соколова лета 1942 г. с просьбой взять его на преподавательскую работу в Горьковский пединститут, а позднее отстоял право преподавания Соколовым средневековой истории перед лицом «зубастых» коллег по кафедре всеобщей истории[8], организовал обсуждение текста его кандидатской диссертации, задав квалифицированный и взыскующий тон мероприятия[9].

С.И. Архангельский оставил труды по российской истории, истории исторической науки, но значится в историографии изучением аграрного вопроса Английской революции, внешней политики Англии XVII в. К англоведческим исследованиям, принесшим ему известность, он пришёл чуть позже начала своих академических занятий историей, когда ему было уже за сорок лет – в 1920-е гг. До этого был перерыв с 1907 г. (окончание Московского университета). Вот там и началось его заинтересованное движение к итальянским сюжетам, кажущимся, на

[5] Sokolow 1985.

[6] Во-многом, через эту проблематику к историографическому феномену Н.П. Соколова подошла греческая коллега. См.: Ποζίδου 2019.

[7] Кузнецов 2022**б**.

[8] Григорьева, Кузнецов 2012: 169–171.

[9] Кузнецов, Селиванова 2023.

первый взгляд, случайными в научной биографии историка. Однако студент Архангельский занимался средневековой историей Италии под руководством Р.Ю. Виппера. Он целенаправленно изучал в университете итальянский язык у Е.Г. Брауна, чтобы заниматься Италией. Виппер высоко оценил выпускное сочинение Архангельского, посвящённое истории Флоренции XV в. и историческим взглядам Макиавелли, но отверг просьбы своего студента выступить руководителем для подготовки к сдаче магистерских экзаменов[10]. Архангельский вернулся в Нижний Новгород, преподавал в средних учебных заведениях русский язык, литературу и историю; с 1916 г. начал свой путь вузовского преподавателя по всеобщей истории. Но желание заниматься наукой никогда не оставляло его. И в 1911 г. по итогам своей университетской выпускной работы опубликовал статью по Флоренции и историческим взглядам Макиавелли в Журнале Министерства Народного Просвещения (ЖМНП)[11].

Опыт текстологии исторического труда Макиавелли и соотнесения его с социально-экономической историей Флоренции много дал для формирования историка С.И. Архангельского. Изучение истории Флоренции обусловило и перевод им «Истории Флоренции» Макиавелли (не дошёл), о чём свидетельствуют цитаты на русском языке из этой книги. Их оригинальный характер обнаруживается в сравнении с аналогичными фрагментами из первой русскоязычной публикации книги Макиавелли в 1973 г. (пер. Н.Я. Рыковой): "*Sogliono le provincie, il più delle volte, nel variare che le fanno, dall'ordine venire al disordine, e di nuovo di poi dal disordine all'ordine trapassare…*e così sempre da il bene si scende al male; e da il male si sele al bene. **Perché la virtù partorisce quiete la quiete ozio, l'ozio disordine, il disordine rovina, e similmente dalla rovina nasce l'ordine, dall'ordine virtù, da quista gloria e buene fortuna**". Студент, а затем и преподаватель нижегородских гимназий Архангельский так прочитал эти строки: «*Государства переходят от порядка к революции и от революции к порядку*. «Всегда добро родит зло, а зло родит добро». **Доблесть родит мир, мир – безделье, а безделье – беспорядок, бунт, а из разрушения рождается порядок, доблесть и т.д.**»[12]. В переводе Рыковой видим: «*все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку*… Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо **добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность – беспорядок, а беспорядок – погибель и – соответственно – новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие**»[13].

У Макиавелли и в переводе Н.Я. Рыковой нет «революции», которую С.И. Архангельский усилил словом «бунт». Переводческий произ-

[10] Кузнецов 2022**а**: 223.
[11] Архангельский 1911.
[12] Архангельский 1911: 34.
[13] Макьявелли Никол*о* 1973: 175.

вол Архангельского был навеян переживаниями студентом событий Первой русской революции 1905–1907 гг. И тут Архангельский оказался близок Макиавелли, методологию и целеполагание исторического поиска которого он реконструировал: «Маккиавелли… сообщает главный мотив своей работы; он привлекает историю осветить настоящее и уврачевать его раны»; «современность везде просвечивает в произведениях Маккиавелли»; «Маккиавелли смотрел на древний мир сквозь призму современности» [14]. Так Макиавелли предопределил и понимание Архангельским «ремесла историка»: через историю понимать, постигать своё время. Лишний раз подтверждается предположение, что, занимаясь историей, С.И. Архангельский стремился освоить феномен катаклизмов, которые довелось пережить России в XX веке[15].

Видимо, у Макиавелли Архангельский «научился» диалоговой и рефлексирующей историографии[16]: вести общение с историками прошлого, встраивать себя в ряды историографических традиций (С.В. Ешевский и К.Н. Бестужев-Рюмин; П.И. Мельников-Печерский, А.С. Гацискый, В.Г. Короленко; сконструированная им в 1941 г. традиция англоведения – М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский и Е.А. Косминский, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский[17]). Такую историографическую манеру Макиавелли, воспринятую Архангельским, детально представил его однокашник А.К. Дживелегов (1875–1952). Он в 1934 г. писал, что Макиавелли «… подходил к Ливию и Тациту, к Плутарху и Полибию совсем не так, как гуманисты. Их интерес кдревним был научный... Они не “беседовали с классиками”, не “спрашивали у них объяснений их действий”, и те не “отвечали им благосклонно”. Для Макиавелли классики только такой смысл и имели. Все, что в них было ему интересно, интересно было потому, что находило применение… в делах сегодняшнего дня. Античные историки и мыслители помогали ему понимать отношения, в которых жил он сам, которые затрагивали его, людей его группы, его родной город, родную его страну»[18]. Но так же выстраивал историографические исследования Архангельский. Дживелегов эти выводы сделал, исследуя политические трактаты Макиавелли, не обращаясь к «Истории Флоренции», содержащей историческую гносеологию флорентийца. Архангельский же так её реконструировал: Макиавелли взирал на античность и глазами своего настоящего, и через «линзы» Полибия и Ливия. Все советы для решения современных ему проблем у Макиавелли проистекают из конкретных случаев из прошлого, т.е. историк постигает своё настоящее, когда изучает историю. Макиавелли, усвоил у Полибия теорию круговорота истории. Архангельский, наложив на неё идею развития, пришёл к выводу

[14] Архангельский 1911: 31; 32.
[15] [Кузнецов] 2024:103–104.
[16] Кузнецов, Селиванова 2019:180–184.
[17] См. подробнее: [*Архангельский С.И.*] 2020: 168–14; Кузнецов 2023: 146–147.
[18] Дживилегов 1998: 224.

о волнах истории, волнообразном развитии человечества и отдельных его сообществ[19]. Так итальянские штудии повлияли на складывание научного мировоззрения С.И. Архангельского.

И, как написано выше, путь в науку у С.И. Архангельского начался лишь в 1920-е гг. Он, кроме прочего, был ознаменован переводом и изданием закона о таксах императора Диоклетиана, переводом в 1925 г. и усилиями по изданию книги Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли», замыслом книги об истории капитализма – в духе Эдуарда Мейера – от античности до Нового времени (после Великой Отечественной войны в воззрениях Архангельского этот «капитализм» будет заменен мелкотоварным производством[20]) и изучением истории революционной Англии XVII века.

Однако Италия никуда не «уходила» из научного творчества С.И. Архангельского, избранного в 1946 г. членом-корреспондентом АН СССР и ставшего деканом открывшегося историко-филологического факультета Горьковского университета. Об этом свидетельствуют материалы в его архивном фонде. Летом 1949 г. датируются выписки из итальянских хроник XIII в.[21] До 1950 г. г. была проведена работа с источниками по теме «Генуя и торговый капитал»[22]. Не увидела свет подготовленная в 1953 г. статья о восстании в Палермо в 1647 г., для которой собирались материалы[23]. Изучалась историография восстания в Неаполе[24]. Эта подготовительная работа по разработке проблемы синхронности революционных событий в Европе в середине XVII в. увенчалась лишь небольшой публикацией[25], и хотя в названии значится время Английской революции, всё же речь идёт об итальянских землях. В 1954 г. был написан отзыв на статью Е.А. Бортник об итальянских ересях XVIII века[26]. С.И. Архангельский рассчитывал расширить круг источников по восстаниям в Мессине и Палермо в 1647 г., если бы состоялась его поездка на конгресс историков в Рим в 1955 г. (его туда пригласили, но затем бесцеремонно исключили из списков делегации)[27]. В 1954 г. Архангельский дал проблемный отзыв на книгу В.И. Рутенбурга «Очерки из истории раннего капитализма в Италии». Рассуждая в отзыве о Флоренции, он вспомнил и о своей статье 1911 г. в ЖМНП[28].

Италия, как видно из представленных материалов, красной нитью проходит через научное творчество С.И. Архангельского. Косвенно в нём есть и Венеция – в изучении… революционной Англии и протекто-

[19] [Кузнецов] 2024: 102.
[20] [Кузнецов] 2024: 104–110.
[21] Архив РАН (далее АРАН). Ф. 1530. Оп. 1. Д. 331.
[22] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 332.
[23] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 337–340.
[24] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 336.
[25] Архангельский 1954.
[26] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 498.
[27] АРАН. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 21. Л. 1.
[28] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 242. Л. 2–4, 5–6.

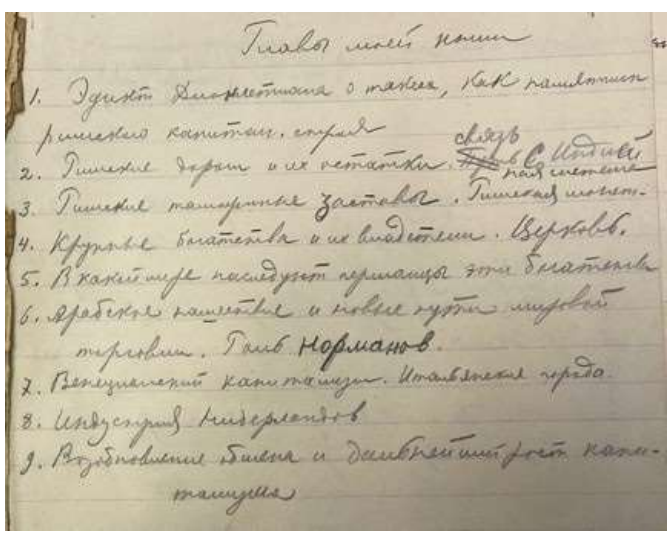
рата Оливера Кромвеля. С.И. Архангельский привлёк массив «свежих» источников: «К числу новых источников надо отнести и то издание, которое носит заголовок “Календарь государственных бумаг и рукописей, относящихся к английским делам, находящимся в архивах и коллекциях Венеции и в других библиотеках северной Италии”, именно тома с 25 до 32, в которых собраны документы за 40 и 50 гг. XVII века. Составители этих календарей включили в сборники донесения венецианских дипломатов об английских делах не только из Лондона, но и из других центров, как Париж, Мадрид, Вена, Гаага и т.д. Интересующие нас сборники выходили в свет с 1924 до 1931 года, и материал, в них помещенный, еще не вошел в должной мере в научный оборот. Мы хотим остановить внимание на донесениях венецианских дипломатов из Лондона, как на источнике, который проливает яркий свет на английскую революцию, отчасти подтверждая то, что уже было известно, отчасти дополняя известное, а отчасти открывая новые стороны революции»[29]. Изданный в 2013 г. нарратив Архангельского по внешней политике Оливера Кромвеля[30], среди прочих, базируется и на донесениях венецианских дипломатов (вот и пригодились занятия итальянским языком у Брауна!). Однако история Венеции вызывала у С.И. Архангельского и не всегда замечаемый историографией, но, всё же, прямой интерес.

История Венецианской державы являет себя в важном перспективном, но лишь фрагментарно реализованном, направлении научного поиска Архангельского. Вступая на стезю академических занятий историей в 1920-е гг., он поставил себе грандиозную задачу написания книги о развитии «капитализма» от античности через его упадок в Средние века к подъёму в Новое время (то, как С.И. Архангельский понимал «капитализм», он раскритиковал в 1941 г. на примере воззрений Анри Пиренна: «Пиренн приравнивает в сущности капитализм к крупной торговле... Отсюда расплывчатость в определении природы капитализма; сведение капитализма к надисторической категории… Отождествление капитализма и крупной торговли звучит… фальшиво[31]).

Был сделан план книги: 1) указ императора Диоклетиана о налогах; 2) дорожная сеть Римской империи и её связи с Индией; 3) таможня и денежная система Римской империи; 4) богатства античности; 5) изучение их наследования германским миром; 6) арабские завоевания и норманнские походы, перестроившие сеть торговых коммуникаций; 7) капитализм Венеции и других итальянских городов-государств; 8) «индустрия» Нидерландов; 9) возрождение торговли и последующий рост капитализма[32]. В пункте 7 Венеция – единственный из «итальянских городов», связанных с развитием капитализма. Венеция и Нидерланды (пункт 8) как два очага генезиса европейского «капитализма» взяты Ар-

[29] Архангельский 2012: 353–354.
[30] Архангельский 2013.
[31] Архангельский 2009: 15, 16.
[32] АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 7.

хангельским из переведённой им на русский язык в 1925 г. книги Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли». По сути, это был субперевод в том же году вышедшего в США английского перевода Ф.Д. Хэлси сведённых в нарратив лекций Анри Пиренна в заокеанских университетах в 1922 г.[33]. В этой книге Венеции и Фландрии, очагам «капитализма» в Средневековье, уделяется несколько страниц. В главе 4 «Оживление торговли» читаем (цит. по переизданию 2009 г.), что в XI в. торговое оживление Европы определялось Венецией и Фландрией, что само образование и развитие Венеции через рыболовство и добычу соли порождало «самые условия, среди которых жили венецианцы, вынуждали их к торговле», что Венеция, оставаясь в «орбите влияния Константинополя»[34], добилась торговых успехов, получила «высшие формы цивилизации, совершенной техники, деловой предприимчивости, политической и административной организации» от мира, отличного от Запада. «К концу XI века власть Венеции и её богатство сделались громадны. При доже Петре II Орсеоло она очистила Адриатику от славянских пиратов, подчинила Истрию и имела военные отряды в Царе, Веглии, Арбе, Трау, Спалато, Курцоле и Лагосте»[35]. Последовавшие военно-политическая борьба и экономическая конкуренция Венеции и Генуи вызвали рост промышленности Италии[36].


Глава моей книги
1. Эдикт Диоклетиана о ценах, как памятник римского капитализма, старый
2. Римские дороги и их остатки. связь с Италией
3. Римские монументальные здания. Римский монет.
4. Крупные богатства и их владельцы. Верховн.
5. В какой мере наследует германцам эти богатства
6. Арабские нашествия и новые пути мировой торговли. Гольф Норманнов.
7. Венецианский капитализм. Итальянские города
8. Индустрия Ренессанса
9. Возобновление блеска и деятельности торговых капиталов

Влияние книги Пиренна на воззрения Архангельского на историю Средних веков было сильным (разумеется, с учётом его эволюции как

[33] Маслов 2009: С. 171–172. В 2009 г. перевод С.И. Архангельским книги Анри Пиренна предположительно датировался второй половиной 1920-х гг. Сейчас установлено (письмо Н.И. Кареева), что перевод был сделан в 1925 г.
[34] Пиренн 2009: 59.
[35] Пиренн 2009: 60.
[36] Пиренн 2009: 58 – 66; 71 и др.

историка, адаптации идей Пиренна к положениям марксизма). Ряд концептов Анри Пиренна проявились в изданном первом (и единственном) томе лекций Архангельского по истории Средних веков[37] (этой книгой он восполнил отсутствие учебников по Средним векам для студентов исторических факультетов; второй том не вышел, поскольку к осени 1937 г. появился учебник по истории Средних веков в Московском университете). В лекциях Архангельский воспроизвёл важную идею Анри Пиренна: «Эпоха образования огромного Арабского халифата интересна еще в том отношении, что в связи с этим образованием изменилось направление мировой торговли. Арабские торговые пути… обходили Западную Европу, которая как раз именно в это время переживала стадию натурального хозяйства. Это была эпоха Каролингов и эпоха распада Европы на мелкие отдельные государства»[38]; «Города возникли, по Пиренну, как торговые центры, при чем экономический упадок Западной Европы Пиренн относил к VIII–IX веку, благодаря нашествию арабов»[39]. Тезис об арабо-исламском рубеже в периодизации европейской истории является важным достижением Анри Пиренна, и С.И. Архангельский ввёл его в оборот отечественной исторической науки изданием перевода (подобная мысль высказана Э.Д. Гриммом при чтении лекций в Казанском университете во второй половине 1890-х гг.[40]).

В лекции 15, посвященной производительным силам, Архангельский полторы страницы отвёл положениям Пиренна о средневековых городах и их роли в торговле[41]. Затем историк уже без упоминания Пиренна предложил его идеи: «Где же прежде всего возникают города?... два района выступают впереди других в этом отношении. Это Северная Италия и Фландрия. В Северной Италии… никогда не прекращалась с эпохи Рима городская жизнь. Таким связующим звеном между античностью и средневековьем является Венеция, та Венеция, которая была посредницей в торговле между Востоком и Западом и соперничала в этом отношении с Византией. Но и другие города Италии уже довольно рано выступают, как крупные… торговые центры… например, Генуя и Пиза уже в 1015–1016 гг… В 1100 году происходит битва между венецианцами и пизанцами около острова Родоса…Таким образом, это указывает на то, что начинается торговое соперничество между венецианцами и пизанцами…»[42]. У Пиренна, переведённого Архангельским, читаем: «IX столетие ставит нас лицом к лицу не только с усилением земледелия, но и с торговым оживлением; последнее получало импульс из двух центров: один лежал на юге, другой на севере: Венеция и Фландрия»; «В 1015–16 гг. была предпринята экспедиция Генуи вместе с Пизой против Сардинии»; «Но успехи Генуи и Пизы вызывали зависть Вене-

[37] Архангельский 1937.
[38] Архангельский 1937: 151.
[39] Архангельски*й* 1937: 169.
[40] Кузнецов, Селиванова 2019: 179.
[41] Архангельский 1937: 169–170.
[42] Архангельский 1937: 171–172.

ции… Весной 1100 года венецианская флотилия, встав вдали от Родоса, чтобы подождать флот, который Пиза послала в Иерусалим, напала и потопила безжалостно большое число кораблей»[43].

Но далее С.И. Архангельский распространяет венецианский материал Пиренна за счёт истории Венеции во время крестовых походов: «Северо-итальянские города вступали в движение [крестовые походы] осторожно… Пизанский флот достигал 120 кораблей. Венеция посылала 200 кораблей… Генуэзцы помогали и тем и другим вождям феодальных ополчений, если только они гарантировали Генуе коммерческие выгоды. Собственно такую же политику вели и венецианцы и пизанцы… Венеция приобрела Тир и Сидон… Она давала правителям Иерусалимского королевства деньги взаймы… Венеция получала кварталы в городах, в которых она могла держать склады товаров»[44].

В смысле скрытого цитирования Архангельским показателен следующий фрагмент: Венецию «основали беглецы, спасавшиеся от набегов» различных племён в V–VI вв.; она «представляла город, который был в зависимости от Византийской империи. Венеция была как бы ее западным форпостом… передатчицей товаров, которые шли на запад через Византию с востока. Роль торговой посредницы между Востоком и Западом Венеция сохранила и в позднейшее время и… оттеснила в этом отношении на второй план Византию. Венеция оказалась ее наиболее опасным конкурентом. Она добивается разложения Византии. Она захватывает в свои руки торговые связи Византии с Востоком»[45]. Это «перелицованный» фрагмент из книги Пиренна: «Венецию основали беглецы, спасавшиеся от гуннов, готов, лангобардов… Она оставалась… под господством Константинополя, составляя таким образом у конца Адриатики и подножия Альп изолированный форпост византийской культуры… Она снабжала продовольствием Константинополь с VIII века. Ее корабли везли туда продукты смежных стран…; оттуда везли обратно драгоценные ткани византийских мастерских и специи, которыми Азия снабжала Константинополь»[46]. При этом Архангельский, отталкиваясь от наблюдений Пиренна, развивает их и неявно ставит проблему перетекания политической мощи от Константинополя (Византии) к Венеции.

Архангельский в лекциях пошёл дальше Пиренна и разобрал мотивы Венеции в истории с переориентацией IV-ого крестового похода с Египта на Константинополь: «Византия… перед тем дважды нарушила венецианские привилегии в торговле, и венецианцы потерял на этом очень большие суммы денег и товаров. Венеция хотела вернуть эти потери и наказать Византию за ущерб, который она причинила»; «Всего больше выгод… получила Венеция. Ей стала принадлежать часть столицы, целый ряд островов Эгейского моря, так что дож Венеции мог с правом сказать, что он является повелителем трёх восьмых Греческой

[43] Пиренн 2009: 58; 61; 62.
[44] Архангельский 1937: 183.
[45] Архангельский 1937: 331.
[46] Пиренн 2009: 58–60.

империи. Самое главное для Венеции было то, что она владела проливами, которые вели из Эгейского моря в Черное»[47].

Подведём промежуточные итоги. Сформировавшийся в студенческие годы интерес Архангельского к средневековой истории Италии не исчез. Проявлялся он порой неожиданно, как, например, в использовании донесений венецианских послов для изучения революции в Англии. Готовившийся к «карьере» историка-итальяниста С.И. Архангельский из-за пассивности научного руководителя Р.Ю. Виппера после продолжительного перерыва, в зрелом возрасте всё-таки вернулся в историческую науку. Это возвращение сопрягалось с поиском своих проблемных тем и необходимостью заявить о себе. Для этого в 1925 г. был предпринят субперевод лекций Анри Пиренна. Концепция Пиренна в интерпретации Архангельского сошлась с унаследованным от Виппера интересом к константам исторического циклического (ставшего у Архангельского волновым – под влиянием «Истории Флоренции» Макиавелли) процесса (Эд. Мейер). У Мейера были взяты и константа капитализма в его торговой трактовке, и его волнообразное существование от античности через средневековый упадок к Новому времени. В связи с конструированием этой модели у Архангельского и родился план книги об истории капитализма, которая так и не была написана. Конкретному наполнению плана более чем на половину Архангельский обязан переведённой им книге Пиренна. Благодаря замыслу, отечественная историография получила перевод и публикацию эдикта императора Диоклетиана о таксах, высшая школа – первый учебный том курса по истории Средних веков. В проспект книги Архангельского из книги Пиренна попала Венеция как флагман развития «капитализма» в средневековых итальянских городах (во взаимосвязи с «капитализмом» в Нидерландах). Затем под влиянием Н.И. Кареева он обратился к аграрному законодательству Английской революции[48], но история Венеции не отпустила его, что выразилось в наращивании им тезисов Пиренна фактографией политической истории Венеции от города на лагунах до Венецианской державы. Это обнаруживается в тексте, относящемся не к академическому, но к учебно-методическому жанру – в курсе лекций 1937 г. Однако Архангельский вводил в свои лекции достижения новейшей историографии – советской и зарубежной, предлагал авторскую трактовку тех или иных сюжетов. Вот это и получилось с Венецией.

Из сборного «венецианского» нарратива Пиренна–Архангельского показательна уже приведённая цитата из текста первого: «К концу XI века власть Венеции и её богатство сделались громадны. При доже Петре II Орсеоло она очистила Адриатику от славянских пиратов, подчинила Истрию» – и не менее важен авторский тезис второго: «Всего больше выгод… получила Венеция. Ей стала принадлежать часть столицы, целый ряд островов Эгейского моря, так что дож Венеции мог с правом

[47] Архангельский 1937: 188; 190.
[48] Кузнецов 2023: 149–150.

сказать, что он является повелителем трёх восьмых Греческой империи. Самое главное для Венеции было то, что она владела проливами, которые вели из Эгейского моря в Чёрное». Эти две идеи актуализировались в (докторском) исследовании Н.П. Соколова: «В настоящей работе мы ставим своею задачей остановиться на первом из этих периодов, на вопросах образования Венецианской колониальной империи. Это будет время, падающее на конец X, XI, XII и начало XIII столетия. История образования Венецианской колониальной империи открывается знаменитым походом к истринским и далматинским берегам венецианского дожа Пьетро Орсеоло II, а заканчивается захватом Константинополя и ряда других территорий Византийской империи. Сведения о владениях Венеции в Далмации и Истрии до похода Пьетро Орсеоло крайне неопределенны и едва ли достоверны, – только этим походом была открыта первая страница колониальной истории Венеции. Иначе обстоит дело с заключительной датой периода. Здесь всего естественнее было бы назвать дату четвертого крестового похода, когда Венеция приобрела обширные территориальные владения и еще более обширные «права» на них. Однако в последующие за 1204 годы имели место события, которые внесли серьезные поправки в колониальные планы венецианских политиков, и относительная стабилизация колониальных приобретений пришла только к середине второго десятилетия XIII в.»[49].

В книге Н.П. Соколова не упомянуты Анри Пиренн, перевод С.И. Архангельским его книги о средневековых городах, лекционный курс С.И. Архангельского[50]. И лишь историографическая текстология позволяет установить Анри Пиренна и С.И. Архангельского как «соработников» Н.П. Соколова в формировании исследовательской темы докторской диссертации и последовавшей монографии. Такое обхождение Соколова с предшественниками стало следствием несовпадения жанров. В историографических главах он рассматривал исключительно академические труды по теме, «оттягощённые» справочным аппаратом и пр. Переведённый Архангельским перевод Хэлси лекций Пиренна ничего этого не имеет. Лекции Пиренна относятся к методическому наследию: не стесненный требованиями и процедурами исторической науки лектор позволял широкие обобщения, замечания и пр. То же самое, с оговорками, можно сказать и про лекционный курс Архангельского. Соколов, начавший преподавать с осени 1942 г. в горьковском пединституте, мог и не осознавать влияния текстов Пиренна и Архангельского в кристаллизации темы своей докторской диссертации.

Источники позволяют восстановить следующий ход событий. Лекции, прочитанные Анри Пиренном в 1922 г. в Америке, через три года были изданы там же на английском языке и переведены в СССР. Переводчик-историк сразу ввёл ряд идей Пиренна в собственное проблемное поле, пока ещё определённое «итальянским интересом» и созданное на

[49] *Соколов* 1963: 7–8.
[50] *Соколов* 1963: 51–143; 509–521.

подходах к истории Макиавелли, идеях Э. Мейера, Р.Ю. Виппера. Наметившиеся направления научного поиска были перекрыты начавшимися штудиями Архангельского по истории Английской революции. Тем не менее, направления большого проекта по истории «капитализма», наряду с реализованным пунктом об указе Диоклетиана, оказались прописанными им в лекционном курсе истории Средних веков. В конце 1943 года Е.А. Косминский интересуется у С.И. Архангельского о возможных кандидатурах для византийских штудий, тот называет Н.П. Соколова. И 6 января 1944 г. Косминский просит Архангельского поговорить с Соколовым, чтобы тот примкнул к «Византийской группе» Института истории АН СССР. Архангельский обсудил с Соколовым эти предложения. Тот, в свою очередь, указал на неразработанную тему образования Венецианской колониальной империи. Прийти к ней он мог под влиянием лекционного курса С.И. Архангельского и книги Анри Пиренна.

Тексты Анри Пиренна, С.И. Архангельского, Н.П. Соколова позволяют проследить кристаллизацию важной исторической проблемы, нашедшей своё решение в исследованиях последнего. Этот процесс имеет несколько аспектов. Во-первых, такая реконструкция лишний раз актуализирует антропологический фактор в формировании темы исследования. В данном случае сочетаются субъективные решения Хэлси (создание англоязычного нарратива из лекций Пиренна), Архангельского (его перевод книги Пиренна и включение его тезисов в курс лекций), Соколова (разработка и исследование проблемы, основанной на одном из тезисов) – с элементами случайности – желание Хэлси сделать книгу Пиренна из его лекций, попадание этой книги в поле зрения начинающего учёного Архангельского, подготовленного своим формированием к восприятию идей Пиренна, дерзновенные перевод её и многолетние усилия по изданию, просьба Соколова в 1942 г. об устройстве его на преподавательскую работу в пединститут и её удовлетворение Архангельским, поиск Институтом истории специалистов «под» только что открытую византийскую группу и отклик на неё Соколова.

Творческая реакция Н.П. Соколова показывает, как может быть сформирована исследовательская проблема. В данном случае она вызрела в развитии от наблюдений Пиренна к умозаключениям Архангельского и через их тексты окончательно кристаллизовалась у Соколова. В этом плане историческая наука оказывается близка к литературе и искусству, где высокохудожественные произведения возникают при условии плодотворного гумуса идей, мыслей, замечаний предшественников.

Венецианский казус исторической науки Нижнего Новгорода / Горького показателен в уяснении алгоритма определения научной темы, далёкого от схоларных практик. Н.П. Соколов, испытавший влияние Н.И. Кареева, был коллегой (не младшим и не учеником) С.И. Архангельского. Благодаря коллегиальной среде с её обсуждениями, вопросами и поиском ответов, Соколов и пришёл к венецианской теме. Его самостоятельность не была уникальной. Таким был и сам Архангельский,

сформировавший себя как историк под влиянием прочитанных исследований; лишь только Н.И. Кареев своими замечаниями отточил научный стиль С.И. Архангельского[51]. Последний же будет настойчиво писать в анкетах не про учителей, а про влияние тех или иных учёных на него. Думается, что нечто подобное могло быть и в отношении Соколова к Архангельскому. Самостоятельность выбора темы в разные годы жизни демонстрировал и общий знакомый двух историков – С.В. Фрязинов (Архангельский трудоустроил его в 1949 г. на историко-филологический факультет Горьковского университета[52]). Он, ученик А.Н. Савина, занимался и консервативной мыслью Запада XIX века, и римской историей, и Французской революцией, и исследованиями коммемораций в связи с Жанной д'Арк, и, в конце концов, с Великой Отечественной войны до конца жизни стал изучать средневековую Испанию[53].

С.И. Архангельского, Н.П. Соколова, С.В. Фрязинова объединяет то, что они высшее историческое образование получили в царской России, их мировоззрение сформировалось до 1917 г. В силу данных обстоятельств они оказывались на периферии магистральной советской историографии с её доходящим до вульгарности классовым подходом, эрозией субъективного фактора и предпочтениями социологическим схемам, демонстративной лояльности идеологии и политического запроса к истории. Оказавшись в тени, они разрабатывали те сюжеты, которые были относительно безопасными с точки зрения власти и идеологии (хотя Архангельскому досталось в 1949 г. и за перевод Пиренна, и за опубликованный лекционный курс[54]; а Соколова третировали в 1944 г. коллеги по кафедре всеобщей истории, требуя от Архангельского не давать ему вести «Историю Средних веков» и даже изгнать из института). Эта нижегородско-горьковская историографическая просопография позволяет выявить особенности формирования в советское время научно-образовательной среды крупного города, где до 1916 г. не было ни одного вуза, и как на этот процесс влияла мировая историческая мысль.

Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 1.
Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 21.
Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. Р-6299.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху Протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013 / Под ред. А.Н. Маслова, А.А, Кузнецова. Нижний Новгород: М-Принт, 2013. С. 91–117 [Arkhangel'skij S.I. Vneshnyaya politika Anglii v epohu Protektorata 1654–1659 (England's foreign policy during the Protectorate 1654–1659) // Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Vypusk 3–4. 2012–2013 / Pod red. A.N. Maslova, A.A, Kuznetsova. Nizhnij Novgorod: M-Print, 2013. P. 91–117.].

[51] Кузнецов 2023: 145–147.

[52] Учениками С.В. Фрязинова по Горьковскому университету считали себя братья-близнецы чл.-корр. АН СССР В.А. и академик РАН Г.А. Куманёвы (из личного интервью Г.А. Куманёва автору статьи).

[53] Воробьева, Кузнецов 2011.

[54] Кузнецов 2011.

Архангельский С.И. Донесения венецианских послов из Лондона за 1640–1660 годы, как источник по истории Английской революции // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 353–366 [Arkhangel'skij S.I. Doneseniya venecianskih poslov iz Londona za 1640–1660 gody, kak istochnik po istorii Anglijskoj revolyucii (Reports of Venetian ambassadors from London for the years 1640-1660, as a source for the history of the English Revolution) // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. P. 353–366].

Архангельский С.И. История Средних веков. Лекции, читанные в 1935–36 уч.году в Горьковском Педагогическом Институте. Том первый. На правах рукописи. Горький: Издание Горьковского Педагогического Института, 1937. 415 с. [Arkhangel'skij S.I. Istoriya Srednih vekov. Lekcii, chitannye v 1935–36 uch.godu v Gor'kovskom Pedagogicheskom Institute (History of the Middle Ages. Lectures delivered in 1935-36 academic year at the Gorky Pedagogical Institute.). Tom pervyj. Na pravah rukopisi. Gor'kij: Izdanie Gor'kovskogo Pedagogicheskogo Instituta, 1937. 415 p.].

Архангельский С.И. Народно-освободительное движение в юго-западной Европе в период Английской революции // Доклады и сообщения. Ин-та Истории АН СССР. М.,1954. Вып. 3. С. 91–110 [Arkhangel'skij S.I. Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie v yugo-zapadnoj Evrope v period Anglijskoj revolyucii (People's liberation movement in south-western Europe during the English Revolution) // Doklady i soobshcheniya. In-ta Istorii AN SSSR. M., 1954. Vyp. 3. P. 91–110].

Архангельский С.И. Предисловие к книге Анри Пиренна. Пиренн (1862–1935) // *Пиренн Анри.* Средневековые города и возрождение торговли. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. С. 10–20 [Arkhangel'skij S.I. Predislovie k knige Anri Pirenna. Pirenn (1862–1935) (Preface to Henri Pirenne's book. Pirenne (1862-1935)) // Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli. N.Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2009. P. 10–20].

[Архангельский С.И.] Роль русских историков в разработке истории Англии (Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана) / Социальная история Англии работах русских историков статья С.И. Архангельского для Исторического журнала // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 168 –214 [[Arkhangel'skij S.I.] Rol' russkih istorikov v razrabotke istorii Anglii (Nachata 7/VIII okonchena 16/VIII 1941 g. i togda zhe poslana) / Social'naya istoriya Anglii rabotah russkih istorikov stat'ya S.I. Arhangel'skogo dlya Istoricheskogo zhurnala (The Role of Russian Historians in the Development of the History of England (Started 7/VIII Finished 16/VIII 1941 and sent at the same time) / Social History of England in the Works of Russian Historians Article by S.I. Arkhangelsky for the «Historical journal»)// Zapad – Vostok. 2020. № 13. P. 168–214].

Архангельский С. Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XXXI. 1911. Январь. № 1. Отдел 2. С. 1–58 [Arkhangel'skij S. Social'naya istoriya Florencii i politicheskoe uchenie Makiavelli (The social history of Florence and the political theory of Machiavelli) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. CHast' XXXI. 1911. Yanvar'. № 1. Otdel 2. P. 1–58].

Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе. Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 36. С. 377–402 [Vorob'eva I.G., Kuznetsov A.A. Istorik Zapada v rossijskom provincial'nom vuze. Sergej Vasil'evich Fryazinov (1891–1971) (Historian of the West in a Russian provincial university. Sergey Vasilievich Fryazinov (1891-1971)) // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2011. Vyp. 36. S. 377–402].

Григорьева Е.А., Кузнецов А.А. Историк Николай Петрович Соколов (новые данные к биографии ученого) // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 165–180 *[Grigor'eva E.A., Kuznetsov A.A.* Istorik Nikolaj Petrovich Sokolov (novye dannye k biografii uchenogo) (Historian Nikolai Petrovich Sokolov (new data to the biography of the scientist)) // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 41. P. 165–180].

Дживилегов А.К. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. Кн. 2. М: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. 352 с. [Dzhivilegov A.K. Tvorcy ital'yanskogo Vozrozhdeniya (Creators of the Italian Renaissance): V 2 kn. Kn. 2. M: TERRA – Knizhnyj klub; Respublika, 1998. 352 p.]

Кузнецов А.А.*а* С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи: сборник статей и сообщений / Ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казанского университета,

2022 ***а***. С. 219–225 [Kuznetsov A.A. S.I. Arkhangel'skij o svoih uchitelyah v avtobiograficheskih dokumentah (S.I. Arkhangelsky about his teachers in autobiographical documents) // Mogushchestvo pamyati: vsemirnaya istoriya i ee issledovateli: sbornik statej i soobshchenij / Ed. by. L.P. Repina, G.P. Myagkov Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2022. P. 219–225].

[Кузнецов А.А.] Глава 4. «От порядка к революции и от революции к порядку»: модель направленных волн в истории в научном наследии С.И. Архангельского // Смена парадигм в историческом познании: новые вызовы, теоретические поиски, исследовательские практики: монография/ отв. ред. В.А. Белозерович, О.В. Воробьева. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024. С. 92–117 [[Kuznetsov A.A.] Glava 4. «Ot poryadka k revolyucii i ot revolyucii k poryadku»: model' napravlennyh voln v istorii v nauchnom nasledii S.I. Arkhangel'skogo ("From Order to Revolution and from Revolution to Order": the Model of Directional Waves in History (in the Scientifi c Heritage of S. I. Arkhangelsky)) // Smena paradigm v istoricheskom poznanii: novye vyzovy, teoreticheskie poiski, issledovatel'skie praktiki: monografiya/ Ed. by V.A. Belozerovich, O.V. Vorob'eva. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2024. P. 92–117].

Кузнецов А.А. Изобретая одну и скрывая другую научную «генеалогию»: член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский между профессором А.Н. Савиным и академиком Н.И. Кареевым // Архивный поиск: Сборник научных статей и публикаций /Гл. ред. С.А/ Лиманова. Вып. 6. М.: Архив РАН. 2023. С. 141–158 [Kuznetsov A.A. Izobretaya odnu i skryvaya druguyu nauchnuyu «genealogiyu»: chlen-korrespondent AN SSSR S. I. Arkhangel'skij mezhdu professorom A.N. Savinym i akademikom N. I. Kareevym (Inventing one and hiding another scientific «genealogy»: Corresponding Member of the Academy of Sciences USSR S. I. Arkhangelsky between Professor A. N. Savin and Academician N. I. Kareev) // Arhivnyj poisk: Sbornik nauchnyh statej i publikacij /Ed. by. S.A/ Limanova. Vyp. 6. M.: Arhiv RAN. 2023. P. 141–158].

Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо…»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2 / Под ред. Маслова А.Н., Кузнецова А.А. Н. Новгород: Пламя, 2011. С. 70–91 [Kuznetsov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo poryadka nalico…»: k istorii odnoj ideologicheskoj kampanii v g. Gor'kom ('The errors of the cosmopolitan order are evident...": to the history of one ideological campaign in the city of Gorky) // Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Vyp. 2 / Ed. by Maslov A.N., Kuznetsov A.A. N. Novgorod: Plamya, 2011. P. 70–91].

Кузнецов А.А.***б*** Тюремная записка 1938 г. будущего историка-медиевиста Н.П. Соколова // Средние века. 2022 ***б***. Т. 83. № 3. С. 198–227 [Kuznetsov A.A. Tyuremnaya zapiska 1938 g. budushchego istorika-medievista N.P. Sokolova (Prison note of 1938 by the future medievalist N.P. Sokolov) // Srednie veka. 2022. T. 83. № 3. P. 198–227].

Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 2–3. С. 170–187 [Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. «Vy byli i ostaetes' neutomimym rabotnikom nashej sovetskoj istoricheskoj nauki» (kommentarii k perepiske istorikov S.I. Arkhangel'skogo i I.N. Borozdina) ("You have always been and still remain an indefatigable servant of the soviet historical science" (commentaries on S.I. Arkhangel'skii and I.N. Borozdin's letters to each other)) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. T. 161. № 2–3. P. 170–187].

Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Два отзыва С.И. Архангельского о научной деятельности Н.П. Соколова (Two reviews by S.I. Arkhangelsky on the scholarly activity of Nikolai P. Sokolov) // Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности: Материалы международной научной конференции (XVII Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) / Под ред. А.Н. Маслова и А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 7–25 [Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. Dva otzyva S.I. Arhangel'skogo o nauchnoj deyatel'nosti N.P. Sokolova // Puti imperij: modeli, praktiki, diskursy nadnacional'nyh politij ot drevnosti do sovremennosti: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (XVII CHteniya pamyati professora Nikolaya Petrovicha Sokolova) / Ed. by A.N. Maslov, A.V. Makhlauk. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2023. P. 7–25.].

Макьявелли Николо. История Флоренции. Л.: Наука, 1973. 440 с.

Маслов А.Н. Смесь французского с … Переводы книги А. Пиренна о средневековых городах как историографическая и филологическая проблема // Пиренн Анри. Средневековые города и возрождение торговли. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. С. 169–190 [Maslov A.N. Smes' francuzskogo s … Perevody knigi A. Pirenna o srednevekovyh gorodah kak istoriograficheskaya i filologicheskaya problema (A mixture of French with ... Translations of A. Pirenne's book on medieval towns as a historiographical and philological problem) // Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2009. P. 169–190].

Пиренн Анри. Средневековые города и возрождение торговли. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. 191 с. [Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli (Medieval Cities. Their origins and Revival of Trade). N.Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2009. 191 p.].

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. 563 с. [Sokolov N.P. Obrazovanie Venecianskoj kolonial'noj imperii (Formation of the Venetian colonial empire). Saratov, 1963. 563 p.]

Ποζίδου Λίνα Μ. Νικολαϊ Πετροβιτσ Σοκολοβ (1890–1979) βιο-εργογραφικο σημειωμα Διακεκριμενοσ σοβετικοσ ερευνητησ των βενετο-βυζαντινων σχεσεων // Βυζαντινός Δόμος. 2019. Τομος 27. Σ.717–726

Sokolow Nikolaj. Narodziny Weneckiego Imperium Kolonialnego. Warszawa: Panstwowy Institut Wydawniszy , 1985. 447 s.

Кузнецов Андрей Александрович, *доктор исторических наук, профессор, кафедра культуры и психологии предпринимательства, Институт экономики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru*

The phenomenon of Venice in the historiography of Nizhny Novgorod/Gorky From Henri Pirenne to S.I. Arkhangelsky and N.P. Sokolov

The article is devoted to the formation in a provincial Soviet pedagogical institute of a promising research problem of the genesis of the Venetian colonial empire. This theme is linked to the major historian N.P. Sokolov. The article shows that the factors of formulating this problem were prepared by the works of N.P. Sokolov's senior colleague – corresponding member of the USSR Academy of Sciences S.I. Arkhangelsky. He, preparing the Russian translation of the book by the Belgian historian Henri Pirenne, developed his ideas about the important economic and political role of Venice in the history of the Middle Ages. S.I. Arkhangelsky used sources of Venetian origin in his study of the history of the English Revolution and Oliver Cromwell's Protectorate. S.I. Arkhangelsky, a specialist in the history of the English Revolution, Russian historical science and the Nizhny Novgorod region, was organically interested in the history of Venice. This interest was a consequence of his unrealised/partially realised potential to study the history of Italy and the potential, due to the scientific guidance of R.Y. Whipper, to study the historical work of Nicolò Machiavelli. The historiographical and historical-anthropological aspects of the formation of the Venetian theme in the historical knowledge of Nizhny Novgorod/Gorky are touched upon. The prosopographical correlation is used to present observations on the algorithm of choosing research topics in the 1920s-1950s by historians, which were formed before 1917.

Keywords: *Venice, Byzantium, Nizhny Novgorod/Gorky, Henri Pirenne, S.I. Arkhangelsky, N.P. Sokolov, Machiavelli, history of Italy, R.Yu. Vhipper, N.I. Kareev, E.A. Kosminsky.*

Andrey A. Kuznetsov*, Doctor of Science in History, Associate Professor, Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Institute of Economics, Lobatchevsky State University of Nizhni Novgorod; nalbuz@mail.ru*

Г.Г. Пиков

ЗА НАУКУ В СИБИРИ
ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ на гуманитарном факультете НГУ в 1960-1970-е гг.[1]

В статье в кратком виде рассматривается особый период в истории кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета – 60–70-е годы прошлого столетия. Это было время ее институционального оформления и становления. Во многих отношениях принципиально отличаясь от подобных учреждений в других вузах, кафедра олицетворяла собой достаточно эффективный инструмент изучения всеобщей истории и преподавания необходимых учебных курсов. Речь пойдет не о классической школе, которая может насчитывать ряд поколений исследователей, занимающихся одной проблематикой. В Сибири это далеко не всегда возможно в изучении всеобщей истории. Элементы этой «вертикальной модели», конечно, тоже присутствуют, но здесь скорее представлена модель «горизонтальная», когда налицо феноменальное содружество людей, работающих в общей сфере, хотя и над разными темами. В Новосибирском университете сложился коллектив в который входили действующие *ученые*, известные своими работами, по уровню не уступавшими исследованиям в научных учреждениях, и преподавали они на основе научной литературы и изданий источников. Особую роль в становления кафедры и развитии исследований по всеобщей истории в Новосибирске сыграли такие специалисты, как М.И. Рижский, Н. В. Ревякина. Благодаря этому в свой «золотой век» кафедра была полноценной и эффективной *научно-образовательной структурой* и потому добилась немалых успехов в науке и преподавании.

Ключевые слова: *Новосибирский университет, гуманитарный факультет, кафедра всеобщей истории, всеобщая история, кафедра как научно-педагогический институт*

Кафедра истории была основана в 1962 г. по инициативе академика А.П. Окладникова. В 1971 г. она была разделена на кафедру всеоб-щей истории и кафедру истории СССР, а в 1992 г. из состава кафедры выделилась кафедра археологии и этнографии. До 1982 г. кафедрой заведовал академик Алексей Павлович Окладников, потом академик Анатолий Пантелеевич Деревянко. По составу ныне кафедра небольшая, но обеспечивает преподавание на историческом отделении Гуманитарного факультета (ныне Гуманитарного института) ряда обязательных дисциплин по курсам: Всеобщая история, История Древнего Востока, История Античной Европы, История средних веков, Новая история, Новейшая история стран Европы и Америки, История мировой культуры.

Помимо основных курсов кафедра вела широкий набор курсов по различной исторической тематике и научную специализацию бакалавров, магистрантов и аспирантов. Научная работа на кафедре никогда не прекращалась, более того, была достаточно интенсивна. Продолжается она и сейчас. И все же, чтобы заострить внимание именно на своеобразном феномене кафедры всеобщей истории, неизбежно необходимо выделить некий «золотой век» в ее истории, названный впоследствии «за-

[1] Работа написана на основе ряда прежних статей на данную тему и представляет собой их дальнейшее творческое развитие. См. ГУМФАКиЯ 2022; Пиков 2013; 2014.

стойным». Это, действительно, был особый период в истории страны, что самым прямым образом отразилось на функционировании кафедры.

Речь пойдет не о классической школе, которая может насчитывать ряд поколений исследователей, занимающихся одной проблематикой. В Сибири это далеко не всегда возможно, ведь речь идет не о регионоведении, а об изучении всеобщей истории. Элементы этой «вертикальной модели» тоже присутствуют, но здесь скорее представлена модель «горизонтальная», когда налицо феноменальное содружество людей, работающих в общей сфере, хотя и занятых различными темами.

Здесь не может быть классических школ, ибо фактический материал по всеобщей, т.е. зарубежной, истории мало доступен для исследователей. Кроме того, в 60-70 гг. XX в. начинал сказываться такой фактор, как своеобразная «усталость» марксизма, который уже не мог в достаточной мере объяснять историю. В отечественной истории тематика была конкретная, не крупная, преимущественно регионоведческая, поэтому методологический поворот здесь стал намечаться в интересе к ранее фактически запрещенным темам, например, к истории Белого движения. Во всеобщей же истории уже во второй половине прошлого века наметился разнобой техник и методологий исследования, активизация инфильтрации в историческую науку теорий социологов и философов. Пусть эти техники часто и не долго жили, и критиковались конкретными историками, но некоторые их них смогли пустить корни в отечественную историографическую почву (например, теория вождеств).

Думаю, что не следует при определении понятия «школа» все сводить к единству проблематики. В Новосибирском университете сложился научно-педагогический коллектив в подлинном, изначальном смысле этого слова. В него входили действующие *ученые*, достаточно известные своими работами, которые не уступали исследованиям в НИИ, а преподавание велось на основе научной литературы и изданий источников. На кафедре сложилась атмосфера научного коллектива, существовала аура исследователя. Да и организовали кафедру не педагоги, а настоящие ученые – А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Исследования были индивидуальны, но все, так или иначе. в рамках именно всеобщей истории, осуществлялось тесное сотрудничество с научными институтами – Институт истории, филологии и философии Сибирского Отделения РАН, Институт Востоковедения РАН, Ленинградское Отделение Института Востоковедения АН и др. Преподаватели участвовали в научной жизни на уровне мировой науки. Соответственно, и уровень преподавания был выше, чем в других вузах, и не только Новосибирска. Эта традиция была заложена А.П. Окладниковым и продолжена его преемниками. Ученики учились у своих учителей, становясь учителями для новых поколений.

Кафедра собрала созвездие интересных людей и таких специалистов, имена которых были широко известны не только в городе или стране. В этом плане она отличалась от многих аналогичных кафедр

других вузов. Чего греха таить, на гуманитарных кафедрах преподаватели редко занимаются всеобщей историей в научном плане, ведь для этого надо знать иностранные языки, в т.ч. редкие, и иметь более или менее свободный доступ к источникам. В нашей стране подобные ресурсы в те времена были ограничены и недостаточны, и потому для такой работы требовались, как минимум, нестандартные энтузиазм и трудолюбие.

Почему же кафедра добилась таких успехов? Каковы предпосылки этого ее «золотого века»? Это стоит и необходимо изучать уже даже просто с точки зрения самого феномена: как под одной крышей собралось такое созвездие талантливых ученых и интересных людей?

Разумеется, этот феномен не ограничивается только одной кафедрой. Феноменальны и гуманитарный факультет в целом и, конечно же, Новосибирский университет. Здесь не нужно ради некоей вполне ложной скромности молчать, – это реальная научная проблема!

Обязательно надо отметить и то, что университет, факультет и конкретно кафедра добились огромных успехов за удивительно короткий срок – уже в 60-70-е годы. Какие-то причины этого уже рассматривались в публицистике. Например, здесь сыграл свою роль и метод «десанта» ученых в Новосибирск из других научных и педагогических центров. А. П. Окладников не случайно выбрал М.И. Рижского – он его хорошо знал, работал с ним в поле как археолог и высоко ценил его человеческие качества. На кафедру, действительно, были приглашены высококлассные специалисты и, что не менее важно, глубоко порядочные люди, искренне преданные своей науке. Стоит заметить, что всеобщей историей занимались штатные преподаватели, а не совместители. Для них наука вполне могла бы быть делом второстепенным, и никто бы им не поставил в упрек, если бы они занимались ею «в меру». Они же не ушли в «краеведение», как, возможно, поступили бы на их месте другие.

Сохранявшиеся активные связи с другими сибирскими, российскими и мировыми центрами, столичными сообществами ученых, с коллегами из других городов тоже сыграли немалую роль. НГУ хорошо поддерживали из центра, ведь он был экспериментальным вузом. И вообще в СССР была неплохая политика в области поддержки науки и образования. Очень важна и политика университетского руководства с акцентом на науке. Гуманитарии всегда ценились в городе. Их уже тогда с удовольствием брали на работу и без восточных языков. Эти ученые великолепно знали свое ремесло – мастерски владели различными историческими технологиями, языками, могли и источник высокопрофессионально перевести, и написать достойный научный труд вполне литературным языком. У них были свои учителя, прежде всего, московские ученые, и неудивительно, что и они, в свою очередь становились учителями для студентов. Заниматься всеобщей историей в Сибири, пусть и под руководством таких талантливых учителей, было непросто и на эту специализацию шли сильные студенты. Педагогика личного примера играла особо важную роль. В их педагогической деятельности могли

быть и огрехи с точки зрения формально-педагогической, зато каков результат в итоге! Сказывалась, думается, и специфика мышления этих людей – системность, проблемность, научная эрудированность. Очень важны такие их личные качества, как трудолюбие, научная активность, профессиональная и человеческая честность.

«Всеобщая история» – понятие емкое. В ее рамках можно заниматься и очень узкими, конкретно-историческими исследованиями, интересными, пожалуй, только узким же специалистам. Между тем, можно уверенно утверждать, – у членов кафедры всегда преобладал интерес к особо значимым, даже знаковым темам, имеющим не только научный, но и общественный интерес, я бы даже сказал, широкий общественный интерес. Можно легко заметить, что схвачены были одни из основных, узловых моментов истории, которые особенно в то время интересовали не только исследователей, но также широкий круг людей. Это, например, экзистенциальные библейские книги Экклезиаста, Иова, Даниила, библейские проблемы, интересовавшие Моисея Иосифовича Рижского; творчество довольно загадочного итальянского гуманиста Лоренцо Валлы, антропология итальянского Ренессанса, которой активно занималась Нина Викторовна Ревякина, европейская общественная мысль или университетское образование на современном этапе, признанным специалистом в истории которых заслуженно считается Лев Фадеевич Лисс. Даже Алексей Павлович Окладников, первый руководитель кафедры, хотя и был археологом по профессии и призванию, поднимал нестандартные темы происхождения искусства, специфики древней евразийской истории. Все они стали достаточно широко известны.

Работы А.П. Окладникова, М.И. Рижского, Н.В. Ревякиной получали и общественный резонанс – становились фактами культуры. Их обсуждали и обсуждают до сих пор, и весьма эмоционально, на них опираются, с ними спорят. И связано это со многим – и со спецификой тем, качеством работ, оригинальностью подходов. С их трудами, введенным в оборот научным материалом, идеями можно и нужно работать. И не случайно эти работы были и остаются популярны до сих пор. Думается, это связано, помимо, знаковости тем, и с калибром исследований, и неординарностью идей их авторов. Эти работы сразу же занимали заметное место в мировой науке, но в значительной мере не потеряли своего значения и в нынешнее нестандартное время.

Нет, это не была единая команда, выполнявшая определенную программу исследования. Если не считать ученых, связанных с археологией и соответственно работающих по научным программам (А.П. Окладников, А.П. Деревянко), все остальные члены кафедры были индивидуалистами и работали, что называется, на свой страх и риск.

Особую роль в становлении самой кафедры и развитии исторических исследований по всеобщей истории сыграли отдельные специалисты. Прежде всего, это известный советский «атеист» *Моисей (Михаил)*

Иосифович Рижский (30 октября 1911, местечко Воронеж Черниговской губернии — 19 августа 2000, Новосибирск). Он был не только широко известным в ученом мире специалистом по истории религии в целом и Библии в частности, но и крупнейшим преподавателем гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, оказавшим, без преувеличения, огромнейшее интеллектуальное и нравственное влияние на длинный ряд поколений студентов.

С 1965 г. Михаил Иосифович – бессменный преподаватель латыни и истории Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима в Новосибирском университете. Филологов он обучал премудростям латыни, вел то, что раньше называлось «Основами научного атеизма», а потом медленно становилось, хотя так и не стало «Историей религии». Впрочем, менялись только названия и мода на «подходы», он же всегда давал знания. Ученый регулярно проводил специальные семинары и спецкурсы по библеистике и истории религии («История Библии в России», «Римская поэзия I в. до н. э.»), готовил дипломников и аспирантов по таким предметам, как история мировых религий, история христианства и библеистика. На спецкурсы к нему ходили не только историки, потому что у Михаила Иосифовича был редкий дар рассказчика.

Михаил Осипович Рижский являлся не только крупным мировым исследователем Библии и истории религии, но и, по сути, одним из «отцов-основателей» гуманитарного факультета Новосибирского университета. Помимо преподавания и исследовательской работы, он стал зачинателем студенческих традиций на факультете, в частности, исполнения студенческого гимна *Gaudeamus* и вручения грамот на латинском языке на церемонии посвящения первокурсников. Именно Рижский подарил гумфаку традицию посвящения. Вначале был только капустник. В.С. Соболев, будучи в Чехословакии, познакомился с текстом грамоты почетного доктора исторических наук Пражского университета на латинском языке, Рижский переработал его, и с тех пор существует традиция: в торжественной обстановке исполняется старинный гимн студентов и профессоров (Михаил Иосифович пел вместе со всеми), произносится клятва на латинском языке и происходит «соприкосновение» «зеленых» первокурсников с наукой, в роли коей выступает толстая книга.

В течение двадцати лет М.И. Рижский исполнял обязанности заместителя заведующего кафедрой. Им была проделана огромная организационная работа по становлению исторической специальности в университете: разработке учебного плана специальности, программ ряда курсов, руководству работой молодых преподавателей. Своим мастерством педагога он охотно делился с молодыми, давая навыки построения современного вузовского курса.

Михаил Иосифович был не только прекрасным педагогом, но и выдающимся ученым, неутомимым исследователем и реконструктором библейского текста, одним из ведущих библеистов страны. В свое время ему предлагали «Историю переводов Библии в России» (Новосибирск,

1978) сделать докторской диссертацией, но он уже решил для себя, что главное – переводы. Именно в его занятиях библеистикой особенно ярко проявились его незаурядные исследовательские способности. Рижского как исследователя отличает целый ряд особенностей, скорее характерных для старого поколения исследователей, чем современного. Прежде всего, это огромная эрудиция в самых разных науках, без знакомства с которыми невозможно адекватное понимание такого сложнейшего текста, как Библия. Его книги и статьи, лекции и практические занятия свидетельствуют о глубоком знании филологических дисциплин и разных разделов исторической науки. В области теологии и религиоведения он, можно смело сказать, не уступал соответствующим специалистам. Все это позволило ему внести существенный вклад в ряд важных тем, создать труды, которые еще долго будут востребованы не только в научной среде. Даже занятия археологией не прошли для него даром. Он хорошо знал литературу о традиционных обществах, этнографический и археологический материал, а библейский текст родом все же именно из традиционного общества. В его научных трудах, как и в лекциях, можно обнаружить немало свидетельств компаративистского подхода к разным проблемам. Сам подход к Библии как синтетическому культурному тексту, впитавшему в себя и переработавшему различные культурные пласты крупнейших метарегионов (Средиземноморье, Ближний Восток, Средний Восток, Южная Азия) неизбежно заставлял проводить сравнительно-исторический и сравнительно–литературный анализ.

Эрудированность и начитанность М.И. Рижского были широко известны, как известен был и его вдумчивый и сложный подход к происходящему. Много информации он получал благодаря огромному интересу к языкам. Помимо основных древних языков (древнееврейского, латыни, древнегреческого), в своей работе он использовал и многие современные. Это позволяло ему создавать свои труды с учетом всех достижений науки. Отражалось знание языков и в его лекциях.

Сказались его широкая эрудиция (знание древних и современных языков, истории античности от Атлантиды до Индии), знание риторики, археологии (классической и сибирской). Можно видеть по его трудам, что он владел множеством исторических технологий, навыками филологического анализа, обладал системным знанием разных культур. Особо следует отметить и его интерес к системной идеологии, от иудаизма до марксизма, хотя он и брал последний лишь как метод. В этом плане творчество М.И. Рижского не вписывалось в формирующийся постмодернистский подход к гуманитарной науке, в котором преобладало стремление к индивидуалистическому восприятию проблем, к их эссеистскому описанию, а не анализу, отказу, по сути, от макроисторического подхода в принципе. Несмотря на свою широкую образованность, не был М.И. Рижский и эрудитом в общепринятом смысле, поскольку для

него важны были не только и не столько мнения отдельных исследователей, сколько опора на факты, строго рационалистический их анализ.

Поэтому он не пересказывает для читателей Библию и не критикует т.н. «буржуазных» исследователей, хотя и упоминает их мнения, не скрывая своего к ним отношения, а применяет качественно иной подход – он ставит особо значимые вопросы. Преподавание курсов и спецкурсов, связанных с Историей Древнего Мира и библеистикой, чтение лекций по линии общества «Знание» стали для него своеобразной лабораторией по проверке этих идей на слушателях самого разного уровня восприятия, образования, интересов. На его творчество огромное влияние оказали просветительские подходы и идеи. Любопытно, что он пытался через парадигму Просвещения понять парадигму библейскую. Жаль, конечно, что в итоге у него не получилось (или не захотелось?) выйти в этом плане на какой-то универсально-аналитический уровень.

Примеров применения в его работах положений гуманистов и просветителей можно привести немало:

- Исторический процесс зависит от человеческой природы. Движущая сила истории – социально-политическая борьба (Л. Бруни, Ф. Биондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини. Я. Вимпфелинг, Ж. Боден).
- Всеобщая история должна быть сравнительной (Вольтер).
- История есть непрерывный процесс (Ж. Кондорсе).
- Экономические факторы и классовая борьба играют особую роль (Сен-Симон).

Именно М.И. Рижский практически первым в нашей стране (а, может, и не только?!) поставил проблему *тщательного и независимого* от идеологии, в т.ч. коммунистической (поэтому долго не издавал свои труды), *внутреннего исследования Библии*. Эту задачу он ставил в своих статьях, явственно звучит она и в его книге «Что такое Библия» (Чита, 1960).

Именно М.И. Рижский первым, если не считать атеистически-полемической и предельно популяризованной «Книги о Библии» И.А. Крывелева (М., 1959), написал *сводный и независимый очерк* о Библии, подняв целый ряд важнейших вопросов.

Другой, несомненно, новаторской заслугой Рижского было начатое им полное и независимое *исследование истории переводов Библии*. Результатом этой работы, апробированной в статьях и докладах, а также (особо хочу это подчеркнуть!) в лекциях общих курсов и спецкурсах, стала его известная монография «История переводов Библии в России» (Новосибирск, 1978), заложившая, несомненно, блестящую основу для развития этого направления. Одним из положений концепции Рижского было положение о том, что библейско-христианская традиция является составной частью комплекса культуры обширного метарегиона, включающего в себя районы не только Средиземноморья, но и Ближнего и Среднего Востока. Это отразилось в параллельной его работе по переводу многочисленных и разнообразных источников с латинского. Многого он сделать не успел, но широко известны его переводы трактатов Цице-

рона. Эту книгу, вышедшую в 1985 г. в серии «Философские трактаты», отметили все крупные отечественные и зарубежные исследователи. Философские трактаты «О природе богов», «О дивинации» и «О судьбе» составляют полный цикл сочинений Цицерона, специально посвященных им критике типичных для античного мира суеверий. Публикация этого цикла на русском языке в одной книге предпринималась впервые. Все три трактата были даны в новом переводе, а книга снабжена вступительной статьей, примечаниями и указателями.

Рижский успел издать только два своих перевода библейских книг. Среди них, несомненно, выделяется монография «Книга Иова»[2], представляющая собой историко-филологический анализ вошедшей в библейский канон Книги Иова. Автор доказывает, что в ее основе лежит философская поэма анонимного древнего автора, чьи взгляды отличались удивительной для той эпохи широтой и религиозным свободомыслием. Позже поэма подверглась обработке: представители ортодоксально-богословской традиции внесли в первоначальный текст целый ряд изменений и привели его в соответствие с официальной догмой.

В монографии представлен светский научный перевод с еврейского оригинала на русский язык с подробным историко-лингвистическим комментарием одной из книг Ветхого завета. Были учтены не только многочисленные разночтения в различных версиях и рукописях Книги Иова, но и сделана попытка восстановить первоначальный смысл оригинала, искаженный позднее добавлениями и переделками.

Последняя работа М.И. Рижского – «Книга Экклезиаста. В поисках смысла жизни» (1995). Она была ему особенно дорога... — это своеобразное завещание подлинного ученого и педагога. Его перевод Книги Экклезиаста стал уже одним из классических.

На основе своих переводов М.И. Рижский подготовил и *несколько работ о библейском свободомыслии*. Особое место в его творчестве занимает цикл работ о *библейской теодицее* (богооправдании)[3].

В результате в его работах (правда, во фрагментарном виде – в статьях и монографиях) фактически заложены основы возможной истории древнееврейской культуры. Сейчас трудно сказать, видел ли он сам такую возможность. К тому же он настолько основательно к этому подходил, что считал необходимым предварительно проработать сам библейский текст, как основу основ. Однако общая концепция этой истории, хотя и не в «чистовом» варианте, у него чувствуется. Во многом она не была сформулирована им даже для самого себя и это видно из его работ, возможно, он и не надеялся успеть проделать такую работу. В чем-то он не понимал самого себя, что видно из его слов «большого ученого из меня не получилось». Но это – не самоуничижение, а подсознательное

[2] Рижский 1991.
[3] Рижский 1987; Рижский 1991; Рижский 1995.

понимание того, на какой тяжелый путь он вступил и как долго по нему надо идти. В общем, можно сказать, что он не успел, а не "не сумел".

Можно сделать вывод о том, что М.И. Рижский стал одним из пионеров современного религиоведения. Разумеется, особенности воспитания и образования, специфика существования в сложной социальной и идеологической ситуации не могли не отразиться на его взглядах. Здесь рассмотрен лишь один аспект творчества Рижского, связанный с «делом всей его жизни», как он сам говорил, а именно с библеистикой. Да, он особенно важен и заметен. Между тем, это не все, чем он занимался. Он – археолог, филолог, историк, библеист, атеист, преподаватель.

Особо заметную роль в истории кафедры сыграла известная исследовательница истории культуры и образования итальянского Возрождения, доктор исторических наук, профессор *Нина Викторовна Ревякина*.

В 1964 г. она приехала в новосибирский Академгородок, где до 1982 г. (18 лет!) проработала преподавателем гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, читала лекции по истории Средних веков, средневековой культуры, вела семинар по культуре Возрождения, преподавала латинский язык, читала спецкурсы. Столь обширная и многообразная работа объяснялась спецификой учебного процесса и недостатком профессиональных кадров, но в этом проявлялось и ее собственное стремление к комплексному подходу к историческим процессам и явлениям. Знаменитый спецсеминар Н.В. Ревякиной разрабатывал разнообразную проблематику, связанную с творчеством отдельных гуманистов и общетеоретическими вопросами. Особое внимание уделялось изучению зарубежной медиевистики. В Новосибирском университете у Н. В. Ревякиной появились первые ученики, первые книги, в т.ч. известная монография по антропологии итальянского Возрождения, пособия, статьи и переводы. Именно в Новосибирске Нина Викторовна окончательно сложилась как ученый, оформилась ее личная методология, сформировалась сфера научных интересов.

Уехав в Сибирь, она продолжила поддерживать активные связи с отечественными и зарубежными медиевистами, участвовала в разных проектах, находилась не только в курсе историографических событий, но и являлась их участницей. Существенно значима ее роль в создании такого знакового издания, как «Эстетика Ренессанса», в работе образованной в 1972 г. Комиссии по истории культуры Возрождения при Совете по истории мировой и отечественной культуры, которая сплотила вокруг себя творческие силы ученых из всех регионов страны – историков, искусствоведов, литературоведов, музыковедов, философов, историков науки. Эта Комиссия поставила своей задачей «осуществление комплексного подхода в решении коренных проблем истории западноевропейского Возрождения» во всем их многообразии и объединение усилий специалистов различных отраслей гуманитарного знания. Так формировалась существующая и поныне община специалистов в области изучения Ренессанса. Следует попутно отметить, что отечественное

ренессансоведение уже с 1970-х гг. развивалось с учетом методологии школы «Анналов», неокантианства, опиралось на достижения культурной антропологии, психологии истории, герменевтики и т.д. Эта особенность прослеживается и в трудах Н.В. Ревякиной.

Можно смело утверждать, что именно Н.В. Ревякина заложила основы для перспективного развития медиевистики в Новосибирском университете и в Сибири в целом. Новосибирск стал для нее второй родиной, она принимала активное участие не только в научной, но и в общественной его жизни. В 1968 г. Н.В. Ревякина стала одним из подписантов т.н. «письма 46-ти» в защиту А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой, А. Добровольского. С.Д. Сказкин, узнавший о неприятностях Ревякиной в связи с этими событиями, предложил ей вернуться в Москву и «обещал помочь с работой», но она посчитала такой отъезд бегством.

В 1979 г. в диссертационном совете при Ленинградском университете Н.В. Ревякиной с успехом была защищена докторская диссертация по всеобщей истории на тему «Человек в итальянском гуманизме XIV–XV вв.». В 1980 г. ей была присуждена научная степень доктора исторических наук. Основная сфера ее научных интересов – история итальянского Возрождения, культура и образование в Средние века и в эпоху Возрождения. Нина Викторовна отличается блестящей языковой подготовкой. Она великолепный переводчик, и именно мастерство тонкого перевода и точного анализа письменных источников в сочетании с общеисторической эрудицией позволили ей авторитетно судить о самых сложных вопросах медиевистики, хотя, разумеется, центр тяжести в научной и педагогической работе лежал все же в области истории культуры итальянского Возрождения.

Необходимо отметить сделанный ею в свое время вполне сознательный выбор исследовательского поля. Как неоднократно отмечала она в своих работах, «напряженный интерес к человеку» со стороны итальянских гуманистов «полезен нашему современнику», и их рассуждения о вечных проблемах человечества (о природе человека, о смысле его существования, о роли воспитания и самовоспитания как средств совершенствования жизни людей) стали, с ее точки зрения, истоками проблем сегодняшнего дня. Мысль, может быть, и спорная отчасти, ибо нововременная культура, в пределах которой мы так или иначе находимся до сих пор, «питалась» за счет не только культуры Возрождения, но и Реформации, национальных культур, средневековой и античной культур, однако, бесспорно, что именно гуманисты особенно основательно размышляли над этими проблемами и именно их социальные и педагогические рецепты создали необходимую базу для развития в дальнейшем гуманистической педагогики.

Методологическая позиция Нины Викторовны тоже самостоятельна. Как замечает она в одной из последних работ, вплоть до настоящего времени «в отечественной науке о Возрождении подчеркивалось по пре-

имуществу то, что отличало его от средневековья, и этим отличиям давалась односторонняя оценка – безусловно положительная». Ревякина прекрасно видит сложность и неординарность ренессансной культуры и, выступая против достаточно широко распространенной в последнее время критики гуманистической антропологии и сомнений в ее духовности, справедливо говорит о том, что задачей сегодняшнего дня является многогранное и объемное рассмотрение разных аспектов культуры Возрождения. Такой подход, безусловно, дает возможность лучше понять неоднозначную суть всех культурных процессов этой эпохи.

Н.В. Ревякина всегда уделяет особое внимание эпохе, в рамках которой существовал и развивался итальянский гуманизм. Может быть, и небольшими, но сочными мазками показывается специфика социальной, политической и хозяйственной жизни, особенности развития города, его психологического климата и менталитета горожан. Тем самым выделяется в качестве особо значимой проблема социальных предпосылок гуманистической антропологии и убедительно показывается влияние этих условий на появление мировоззренческих и духовных поисков и формирование новых моральных норм. Проблема человека – центральная для любой культуры, ибо именно регулирование отношений человека с физическим, историческим и социальным мирами и является первостепенной задачей любой культуры. В отношении культуры Возрождения сказанное особенно справедливо, ибо в условиях трансформации европейского общества из феодально-аграрного конгломерата народов и племен в индустриально-аграрное сообщество наций проблема человека становится исключительно острой и злободневной.

Из различных аспектов проблемы человека Н.В. Ревякина берет наиболее важный и существенный, а именно, как она сама пишет, понимание «абстрактного человека». Это действительно важно, ибо именно стремление понять человека и его природу вне какого-либо контекста, социального или национального, является признаком культурообразующего вопрошания. Тем самым снимается прежнее, в данном случае средневековое, понимание человека, его, так сказать, модель целиком и полностью. Это отличает итальянских гуманистов от мыслителей классического Средневековья, обсуждавших или даже подвергавших сомнению ту или иную характеристику человеческой натуры, скажем, возможности человеческого разума, «пасующего» перед богословскими проблемами (достаточно вспомнить теорию двойственной истины, особенно в интерпретации Фомы Аквинского). Итальянские гуманисты, обращаясь именно к человеческой «природе», фактически впервые в истории европейской цивилизации ставят проблему историчности того или иного типа человека, однако проблему эту видят амбивалентно, пытаясь отыскать также неизменные и неизменяемые характеристики первозданной человеческой «природы». В своих работах Н.В. Ревякина подробно рассматривает взгляды итальянских гуманистов на природу человека, на его место в системе мироздания и его назначение. Особое

внимание уделяется тем дихотомиям, которые ставят сами гуманисты: достоинство и жалкая участь, Бог – Человек, Мир – Человек, жизнь и смерть и др. Гуманистические воззрения всегда изучаются ею в связи с другими сферами мыслительной деятельности – наукой и натурфилософией, этическими взглядами, политическими и др.

Любопытен вклад Н.В. Ревякиной в разработку темы «итальянский гуманизм и средневековая культура». Она вводит в научный оборот обширный и малоизвестный материал об антропологических представлениях средневековых авторов, и в целом тех, кого можно назвать в определенном смысле предшественниками гуманистов: античных философов, отцов церкви, схоластов, в частности, представителей т.н. «шартрского гуманизма», Бернара Сильвестра. Особое внимание уделено антропологии Аврелия Августина.

Н.В. Ревякина ввела в научный оборот целый ряд текстов, ранее практически неизвестных специалистам, переведенных и прокомментированных ею самой (Колюччо Салютати, Пьер-Паоло Верджерио, Поджо Браччолини, Лоренцо Валла, Леонардо Бруни Аретино, Джаноццо Манетти, Марсилио Фичино и др.). Н.В. Ревякина обладает развитой способностью мгновенно реагировать на появление в мировой науке новых тенденций и идей, быть в курсе новейшей историографии, ощущать биение пульса мировой исторической науки. Но в то же время, не игнорируя работ других исследователей, она делает акцент на анализе или даже новом прочтении именно сочинений самих гуманистов. Ее оригинальный подход, связанный с концентрацией внимания на творчестве отдельных гуманистов, дает ей возможность по-своему раскрыть роль индивидуального начала в истории. Во многом благодаря именно такой широкой источниковой базе и, несомненно, широчайшей эрудиции автора в сфере общей проблематики истории Европы в целом и Италии, в частности, в соответствующий период она смогла детально реконструировать различные аспекты гуманистической антропологии[4].

Самостоятельных и больших научно-образовательных школ по направлению подготовки «Всеобщая история» на кафедре к настоящему времени так и не сложилось, и не могло сложиться в силу объективных причин (отдаленность от регионов изучения, пестрота специализации преподавателей и сотрудников), однако сложилась определенная преемственность в методологических подходах к всеобщей истории и сквозным историческим и историографическим проблемам.

Единственным исключением можно назвать работу Г.Г. Пикова и защитивших при его помощи диссертации в области европейской медиевистики А.Ф. Тузикова, С.В. Санникова, В.Л. Портных (кандидатская и докторская диссертации), С.О. Егорова и А.В. Журавлева.

Магистральной темой научных исследований на кафедре является тема «Политические и социокультурные трансформации в истории Евразии». В рамках нее кафедра ведет научную специализацию студен-

[4] Ревякина 1975; 1977.

тов и аспирантов по таким направлениям, как история и социология культуры, история духовной жизни Античности, Средних веков и Возрождения, религиоведение, политическая история Запада.

Приоритетными сферами научной деятельности кафедры всеобщей истории являются:

- изучение политической и социальной истории стран Европы и Америки;
- изучение культурно-исторических традиций региона;
- изучение истории культуры данных стран.

В рамках специальности студенты не получают углубленное представление о всеобщей истории и существенный стимул для освоения древних и современных европейских языков. В число требований к написанию курсовых и квалификационных работ входит обязательное использование источников и исследовательской литературы на изучаемом языке. Заниматься всеобщей историей, т.е. в данном случае историей Европы, за Уралом сложно, поэтому на специализацию идут, прежде всего, достаточно уверенные и сильные студенты. Работа ведется с использованием новейшей отечественной и зарубежной исследовательской и учебной литературы, анализируются важнейшие и актуальные темы. На практических занятиях ведется детальное обсуждение либо узловых тем соответствующих курсов, либо тем, актуальных в научном и учебном отношениях. Темы для магистерских диссертаций, обязательно связанные с исследованиями актуальных проблем евро-американского региона подбираются на материале оригинальных текстов на древних и современных западных языках, с учетом их научной значимости. На кафедре преподают действующие исследователи, известные специалисты в разных областях всеобщей истории.

В итоге можно сказать, что в свой «золотой век» кафедра была полноценной и эффективной *научно-образовательной структурой* и потому добилась немалых успехов в науке и преподавании.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

ГУМФАКиЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников. Сост.: С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Г.Г. Пиков. Новосибирск: ИД Манускрипт, 2022. 426 с. [GUMFAKiYa 60-70-h godov XX veka: vospominaniya nashih uchitelej i vypusknikov. (GUMFAKIYA in the 1960s and 1970s: Memories of our teachers and graduates). Sost.: S.A. Krasil'nikov, I.S. Kuznecov, G.G. Pikov. Novosibirsk: ID Manuskript, 2022. 426 s.]

Пиков Г. Г. Исследования по всеобщей истории на гуманитарном факультете НГУ. Статья 1 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 1. С. 92–99. [Issledovaniya po vseobshchej istorii na gumanitarnom fakul'tete NGU. (Research on general history at the Faculty of Humanities at NSU). Stat'ya 1 // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2013. T. 12, № 1. S. 92–99].

Пиков Г.Г. Исследования по всеобщей истории на гуманитарном факультете НГУ (Research on general history at the Faculty of Humanities at NSU). Статья 2 // Вестник Новосибирского государственного университета. - 2013. - Т. 12, вып. 8. - С. 5-11. [Issledovaniya po vseobshchej istorii na gumanitarnom fakul'tete NGU. (Research on general history at the Faculty of Humanities at NSU). Stat'ya 1 // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2013. T. 12, № 8. S. 5–11]

Пиков Г.Г. Исследования по всеобщей истории на гуманитарном факультете НГУ. Статья 3 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филоло-

гия. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 123-129. [Issledovaniya po vseobshchej istorii na gumanitarnom fakul'tete NGU. (Research on general history at the Faculty of Humanities at NSU). Stat'ya 3 // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2013. T. 12, № 1. S. 123–129]

Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV века – первой половины XV века: Учеб. пособие. Новосибирск, 1975. 173 с. [Ital'yanskoe Vozrozhdenie. Gumanizm vtoroj poloviny XIV veka – pervoj poloviny XV veka: Ucheb. posobie. (The Italian Renaissance. Humanism of the Second Half of the 14th Century and the First Half of the 15th Century: A Textbook). Novosibirsk, 1975. 173 s.]

Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV – первой половины XV в. М., 1977. 272 с. [Problemy cheloveka v ital'yanskom gumanizme vtoroj poloviny XIV – pervoj poloviny XV v. (Human Issues in Italian Humanism of the Second Half of the 14th and the First Half of the 15th Century). M., 1977. 272 s.]

Рижский М.И. Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987. 374 с. [Biblejckie proroki i biblejckie prorochectva (Biblical Prophets and Biblical Prophecies)].

Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста. Новосибирск: Наука. Сиб отделение, 1991. 248 с. [Kniga Iova: Iz ictorii biblejckogo tekcta.].

Рижский М.И. Библейские вольнодумцы. М., 1992. 236 с. [Biblejckie vol'nodumcy (Biblical Free Thinkers)].

Рижский М.И. Книга Экклезиаста. В поисках смысла жизни. Новосибирск, 1995. 225 с. [Kniga Ekkleziacta. V poickah smycla zhizni (The Book of Ecclesiastes. In Search of the Meaning of Life)].

Рижский М.И. Книга Экклезиаст. Из истории библейского текста. Учебное пособие. Новосибирск, 1995. 132 с. [Kniga Ekkleziact. Iz ictorii biblejckogo tekcta. Uchebnoe pocobie (Ecclesiastes. From the History of the Biblical Text. Educational Guide)].

Геннадий Геннадьевич Пиков, *доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий, Кафедра всеобщей истории, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, gennadij-pikov@yandex.ru*

For science in Siberia: from the history of general history research at the Humanities department of NSU in the 1960s –1970s

The article briefly examines a special period in the history of the Department of General History of Novosibirsk State University – the 60-70s of the last century. It was the time of the institutionalization and formation of this department. In many ways, fundamentally different from similar institutions in other universities, the department represented a fairly effective tool for studying universal history and teaching the necessary academic courses. This is not about a classical school, which may include a number of generations of researchers dealing with the same issue. In Siberia, this is not always possible, because we are not talking about regional studies, but about the study of general history. Of course, there are elements of this "vertical model," but in this case, it is more of a "horizontal" model, where there is a phenomenal community of people working in the same field, although they are studying different topics. The Novosibirsk University had a scientific and pedagogical team that included active scientists who were well-known for their work, which was on a par with research conducted in scientific institutions, and they taught based on scientific literature and source publications. Specialists played a significant role in the history of the department's development and the progress of historical research in general history in Novosibirsk, and their activities are briefly described (M.I. Rizhsky, N.V. Revyakina). As a result, during its "golden age," the department was a fully-fledged and effective scientific and educational institution, achieving significant success in research and teaching.

Keywords: *Novosibirsk University, Faculty of Humanities, Department of General History, General History, Department as a Research and Teaching Institute.*

Gennady Pikov*, Doctor of History, Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of Department of General History, Institute of Humanities, Novosibirsk State University, gennadij-pikov@yandex.ru*

К.А. Руденко

НАУЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ТАТАРСТАНЕ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В представленной статье на основе изучения деятельности ученых и созданных ими концепций, а также истории научных и учебных заведений в Казанской губернии, а затем в ТАССР и Республике Татарстан в XIX – начале XXI в. воссоздается общая картина возникновения и развития археологических научных школ. Автор исследует причины и предпосылки возникновения археологических школ в контексте развития научного знания в России. Формирование первой археологической школы в Казани связано с именем московского археолога А.П. Смирнова, заложившего основы казанской булгаристики. Вторая археологическая школа сложилась в 1960-х гг., под руководством казанского археолога А.Х. Халикова. Она была более многочисленной и охватывала весь круг проблем археологии региона. Казанская школа А.П. Смирнова организационно просуществовала до начала 1990-х гг., а основные его идеи развивались до начала XXI в. Концепция научной школы А.Х. Халикова подверглась ревизии в 1990–2000-х гг. Автор предполагает, что в XXI в. сохранится деление на две археологические школы в Казани, а развитие их будет идти в другом формате, как организационном, так и в концептуальном.

Ключевые слова: *научные школы, волжские булгары, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, Казанский государственный университет, Государственный музей ТАССР, Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан.*

Среднее Поволжье богато на археологические памятники разных эпох – от каменного века и до позднего средневековья. Еще два столетия назад на местах крупных средневековых городов, таких как Болгар и Биляр были видны руины каменных и кирпичных строений эпохи Волжской Болгарии и Золотой Орды. Впервые эти выразительные следы прошлого получили научное описание в ходе географических экспедиций Российской академии наук в XVIII в.[1] В начале XIX в. интерес к прошлому края и его древностям, распространился среди немногочисленных любителей старины и университетской профессуры в Казани, сохранявшийся на протяжении всего столетия.

Ситуация стала меняться после открытия в 1878 г. при Казанском Императорском университете Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ)[2]. Однако краеведный характер Общества не предполагал подготовку профессиональных археологов, а в самом университете археология не вызывала интереса ни среди большинства преподавателей, ни среди студентов[3]. Раскопки, организованные ОАИЭ на Болгарском городище в 1914–1916 гг., привели в археологию двух студентов – В.Ф. Смолина и М.Г. Худякова. Но только В.Ф. Смолин, ставший в 1920-х гг. профессором университета, значительно продвинулся в полевых археологических изысканиях, сумев собрать вокруг себя кружок

[1] Руденко 2014: 35-37.
[2] Сидорова 2014; Руденко 2019: 279.
[3] Руденко 2023а.

увлеченной студенческой молодежи, члены которого участвовали практически во всех проводимых им исследованиях. Но его отъезд из Казани в 1929 г., как и ранее М.Г. Худякова, свели на нет это начинание. Отсутствие профессиональных археологов в Казани в первой трети XX в. не позволило сложиться здесь научной археологической школе. Заменой ее стало активно развивавшееся в Татарии в 1920–1930-х гг. советское краеведение, в рамках которого началась археологическая деятельность Н.Ф. Калинина, переехавшего в Казань в 1921 г.[4]

Научную основу археологическим изысканиям в ТАССР заложили работы совместной экспедиции ГИМ и МО ГАИМК в 1933–1935, 1937 гг. на городище Сувар, а с 1938 г. при участии Центрального музея Татарии (ЦМТР) на Болгарском городище, проводившиеся под руководством археолога А.П. Смирнова. С конца 1930-х гг. ядро его экспедиции составили сотрудники ЦМТР А.М. Ефимова и О.С. Хованская; позже к ним присоединилась сотрудница ИЯЛИ З.А. Акчурина. С середины 1940-х гг. экспедиция в Болгарах стала базой формирования и развития научной школы булгаристики А.П. Смирнова в Казани. Она сложилась в 1950-х гг. из музейных археологов и студентов историко-филологического факультета КГУ, в первую очередь Т.А. Хлебниковой и Н.Д. Аксеновой.

Программным документом последователей и коллег А.П. Смирнова стала его монография «Волжские булгары»[5], где доказывалось, что волжские булгары были автохтонами восточноевропейских степей, потомками сарматских племен, пришедшими в VII–VIII вв. на новые места обитания и в дальнейшем смешавшиеся с местным финно-язычным населением, потомками городецких и прикамских (пьяноборских) племен. Научные интересы А.П. Смирнова выходили за рамки археологической медиевистики, хотя последняя была приоритетной. Не менее важными для него были темы, связанные с древностями I тыс. н.э., которые, как тогда казалось, брали начало в материалах раннего железного века – ананьинской культуры, продолжавшей традиции археологических культур эпохи бронзы и наследовавшей её пьяноборской культуры[6].

Охранные исследования, преимущественно в формате археологических разведок под руководством Н.Ф. Калинина во второй половине 1940-х гг., привели к появлению сначала университетской, а затем академической группы археологической молодежи, из которой вышел лидер будущей второй археологической школы в Казани – А.Х. Халиков[7]. До 1960 г. большую работу в ИЯЛИ КФАН СССР по организации и проведению полевых археологических работ в рамках своих научных интересов вел В.Ф. Генинг, аспирант Н.Ф. Калинина[8]. Под руководством А.Х. Халикова в 1959 – 1960 гг. были организованы спасательные работы в

[4] Руденко 2014: 72, 73, 361-363.
[5] Смирнов 1951.
[6] Смирнов 1952: 7-36.
[7] Зоря 2021; Хузин, Хамидуллин 2015: 5-7.
[8] Руденко 2024: 246.

зоне затопления Чебоксарской ГЭС в пределах Марийской АССР, а затем и Нижнекамской ГЭС. Это привело к расширению археологической группы в ИЯЛИ из числа аспирантов-археологов в лице П.Н. Старостина, Р.С. Габяшева, Р.Г. Фахрутдинова, Е.П. Казакова и М.Г. Косменко, научным руководителем которых был А.Х. Халиков. В 1961 г. из-за значительного объема текущих полевых исследований в ИЯЛИ был создан сектор археологии и этнографии (с 1986 г. – отдел археологии), куда вошли закончившие обучение аспиранты А.Х. Халикова. Первоочередными задачами археологов ИЯЛИ были охранные археологические работы в зоне затопления Куйбышевской и Чебоксарской ГЭС, включавшие выявление и описание разрушавшихся памятников, а также раскопки некоторых из них. Также сотрудники сектора занимались разведками территории ТАССР для завершения работ по составлению археологической карты республики. На это им потребовалось 30 лет[9]. Таким образом, в приоритете для формирующейся школы Халикова на раннем этапе были полевые исследования; общая концепция сложилась позже.

В 1960-х гг. определились основные черты двух археологических школ в Казани. Школа А.П. Смирнова была связана с булгарской тематикой, основывающейся сначала на раскопках Болгарского городища, а затем и других средневековых памятников в пределах Татарии, Чувашии и Ульяновской области. Ее проблемное исследовательское поле с начала 1960-х гг. расширилось за счет раскопок нижневолжских городищ эпохи Золотой Орды, начатых Поволжской археологической экспедицией (1955–1990), сначала под руководством А.П. Смирнова, а с 1973 г. – его ученика Г.А. Федорова-Давыдова, основателя золотоордынской археологической школы в СССР и России[10]. Основой существования и развития школы А.П. Смирнова неизменно была экспедиция в Болгарах. Организационно в 1950-х гг. это был Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции, а с 1961 г. и до 1991 г. – Болгарский отряд Поволжской археологической экспедиции ИА АН СССР[11]. Смирновская школа отличалась тесными коммуникационными связями между ее членами, доверительной атмосферой общения, последовательным развитием научной концепции лидера школы, а также преимущественно женским составом[12]. После смерти основателя и лидера школы А.П. Смирнова в 1974 г. она продолжала функционировать в том же формате. Его научные идеи развивали Т.А. Хлебникова, Н.Д. Аксенова, Н.А. Кокорина, И.Н. Васильева и др.[13] Количество защит диссертаций в казанской школе А.П. Смирнова были небольшим.

В 1990-х гг. с упразднением Болгарского отряда Поволжской экспедиции, после небольшого перерыва раскопки на городище перешли в

[9] Халиков 1989: 155, 152.
[10] Дворниченко, Егоров, Зеленеев 2002.
[11] Шарифуллин 2014: 61.
[12] Руденко 2023б: 213.
[13] Руденко 2014: 591, 592, 619, 634-635, № 6, 10, 15.

ведение отдела археологии ИИ АН РТ под руководством А.Х. Халикова (до 1994 г.), а с 1995 г. – к НЦАИ ИИ АН РТ. Раскопки на Болгарском городище были включены в планы НИР Института истории АН РТ. Это привело к изменению ядра школы А.П. Смирнова. Основные научные идеи по-прежнему развивались в Казани его ученицей Т.А. Хлебниковой, в Москве – Н.А. Кокориной, отчасти М.Д. Полубояриновой. В ряде моментов их поддерживал сотрудник БГИАМЗа археолог В.С. Баранов. В 2010 – 2019 гг. масштабные раскопки Болгарского городища осуществлялись Болгарским отрядом ИА РАН и экспедицией ИА АН РТ, финансировавшейся ИА РАН и фондом «Возрождение»[14]. Однако все эти исследования уже не могли обеспечить приток новых членов в ряды казанской школы булгаристики А.П. Смирнова, и, в сущности, ее существование перешло в область научных идей.

В 1990–2000-х гг. начался процесс трансформации концепций школ Смирнова и Халикова. Основные тезисы Смирнова по булгарской проблематике не потеряли актуальности в начале XXI в., в частности, предположение о возникновении Булгарского городища в конце IX – начале X в. или о сарматском компоненте в ранней Волжской Болгарии[15]. Бесспорно, устарели егосоциологические схемы, характерные для советской археологии середины XX в., по-иному видится и раннеболгарский этап, поскольку могильники этого времени при жизни Смирнова только начинали изучаться, а ранние поселения вовсе не были известны. В настоящее время этот период в археологии волжских булгар интерпретируется в другом ключе. То же можно сказать и об археологии булгарских селищ, раскопки которых в ТАССР стали проводиться с 1960-х гг.[16]

Школа А.Х. Халикова формировалась на базе аспирантуры и отдела археологии и этнографии ИЯЛИ. Развитие ее определялось текущими задачами археологических исследований на территории Татарии, прежде всего работами в зоне Куйбышевского водохранилища, а также строительства Чебоксарской и Нижнекамской ГЭС[17]. Ядро школы сложилось в ходе новостроечных государственных проектов на базе академического института, что хорошо видно по эволюции ее организационных форм[18]. Этот процесс завершился в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда масштабные охранные работы в зоне строительства мостового перехода через Каму стали осуществляться хоздоговорной экспедицией КГУ под руководством Халикова[19]. В 1960-х гг. исследовательские темы представителей его школы касались в основном добулгарского периода[20]. А.Х. Халиков зафиксировал свои научные позиции защитой докторской диссертации в 1966 г. по археологии эпохи камня и бронзы Волго-Камья

[14] Шарифуллин 2014: 69; Археологическое 2024: 16, 18.
[15] Старостин 1999; Руденко 2021.
[16] Руденко 2014: 173, 518-526.
[17] Халиков 1969а.
[18] Хузин, Ситдиков 2014: 13-21.
[19] Руденко 2014: 151,152.
[20] Хузин 2019: 10.

и публикацией обобщающего труда по каменному веку Среднего Поволжья[21]. С 1966 г. начинаются масштабные работы совместной экспедиции КГУ и ИЯЛИ КФАН СССР на Билярском городище[22]. ставшие продолжением исследований по булгарской тематике, начатые А.Х. Халиковым совместно с В.Ф. Генингом в конце 1950-х гг. раскопками Больше-Тарханского могильника второй половины VIII–IX вв. Благодаря этим раскопкам тематика школы Халикова охватила и Средневековье, что было закреплено защитами кандидатских диссертаций, научным руководителем которых выступал Халиков[23].

Научная концепция Халикова, сложившаяся во второй половине 1970-х гг., строилась в рамках культурно-исторического подхода, который предполагал принципы автохтонизма, хотя и не исключал идеи миграционизма[24]. По его мнению, население Волго-Камья формировалось с эпохи камня на местной основе, что продолжилось в бронзовом веке, на протяжении которого развивалась единая приказанская культура, переросшая в культуру раннего железного века – ананьинскую. Волжских булгар Халиков считал пришлым этносом, но имевшим корни в тюркских кочевых государствах Евразии первой половины I тыс. н.э., отразившихся в памятниках Писеральско-Андреевского типа[25]. Это предполагало не сарматскую (индо-иранскую), как у А.П. Смирнова, а тюркскую этническую основу населения Среднего Поволжья, жившего в Волжской Болгарии. Тюрко-язычные булгары, переселившиеся, как считал Халиков, в Волго-Камье во второй половине VIII в., лишь усилили там тюркский компонент. Ученый отрицал какое-либо взаимодействие булгар на раннем этапе с населением предшествующего времени, материальная культура которого была представлена памятниками именьковской культуры. Ее носители определялись А.Х. Халиковым и его учеником П.Н. Старостиным в 1960–1970-х гг. как смешанный тюрко-финский этнос с преобладанием тюркского компонента[26]. А.П. Смирнов считал его восточно-городецким, т.е. поволжско-финским. А.Х. Халиков считал первой столицей Волжской Булгарии домонгольского времени Билярское городище, что в корне противоречило концепции А.П. Смирнова, утверждавшего, что таковой был Болгар – Болгарское городище[27].

В 1970-х гг. пополнение рядов школы Халикова шло через аспирантуру ИЯЛИ. Предварительный отбор студентов происходил в университете, через археологический кружок, хотя в аспирантуру принимали и выпускников Казанского педагогического института, а также вузов соседних национальных республик[28]. Ядро казанской группы школы

[21] Халиков 1969.
[22] Исследования 1976.
[23] Руденко 2014: 591, 592, № 3, 8.
[24] Косменко 2009: 55; Руденко 2014: 496, 497.
[25] Кузьминых, Старостин, Хузин 1999: 11.
[26] Старостин 1967: 31.
[27] Халиков 1978: 57, 65; Руденко 2014: 505-508.
[28] Хузин, Хамидуллин 2015: 39-54.

Халикова в ИЯЛИ в 1960–1980-х гг. было немногочисленным[29], хотя количественно превышало смирновскую группу. Это П.Н. Старостин, занимавшийся именьковской культурой первой половины I тыс. н.э., М.Г. Косменко, изучивший стоянки верхнего палеолита – мезолита на Волге и Каме, Р.С. Габяшев, собиравший материал по эпохе неолита – энеолита; В.Н. Марков, специализировавшийся на раскопках поселений раннего железного века IX–V вв. до н.э. (ананьинской культуры), и с конца 1960-х гг. Ф.Ш. Хузин – исследователь Билярского городища. В 1980-х гг., после отъезда М.Г. Косменко из Казани в 1973 г., проблемой древностей эпохи верхнего палеолита и мезолита стала заниматься М.Ш. Галимова. К школе относится и Е.А. Халикова, супруга А.Х. Халикова, работавшая в КГУ в 1961–1977 гг., занимавшаяся мусульманизацией Волжской Булгарии по археологическим данным, а позже – проблемой средневековых венгров в Предуралье и на Средней Волге.

В 1960–1970-х гг. взгляды А.Х. Халикова по средневековой тематике разделял специалист по раннеболгарскому периоду Е.П. Казаков. С 1980-х гг., по мере открытия и исследования им памятников других эпох, стала формироваться его собственная концепция археологии Казанского Поволжья, получившая завершение в конце XX – начале XXI в.[30]

В 1980-х гг. в отделе археологии и этнографии ИЯЛИ работали Т.А. Хлебникова, ученица А.П. Смирнова, предложившая новый подход к изучению булгарской керамики, и Р.Г. Фахрутдинов, отстаивавший свою точку зрения на проблемы средневековой истории и археологии Волго-Камья, отличавшуюся от взглядов А.Х. Халикова, хотя изначально он следовал его концепции[31]. Выводы Фахрутдинова базировались на значительном материале его полевых разведочных исследований на территории ТАССР и Ульяновской области[32]. Взгляды А.Х. Халикова по средневековой археологии, его трактовка древностей средневековых угров / мадьяр, а также исследования общих вопросов этногенеза народов Поволжья и Предуралья вызвали острую научную полемику[33].

Халиковскую школу в 1970 – начале 1990-х гг. отличала продуманность структуры и четкая постановка направлений исследований, совпадавшая с плановыми работами отдела археологии ИЯЛИ. Помимо археологов, в ней были специалисты по палеоантрпологии (Р.М. Фаттахов, И.Р. Газимзянов) и палеозоологии (А.Г. Петренко, О.Г. Богаткина, Г.Ш. Асылгараева). Дополняли ее исследователи булгарской фортификации (А.М. Губайдуллин) и могильников Нового времени (Г.И. Дроздова) и др.

После смерти А.Х. Халикова в 1994 г. начался пересмотр многих положений его концепции со стороны его учеников, например, в области первобытной археологии, став развитием наметившейся еще при

[29] Халиков 1989: 172; Хузин, Хамидуллин 2015: 40-54.
[30] Казаков 1992; Казаков 2007; Руденко 2024: 267, 268.
[31] Фахрутдинов 1971.
[32] Фахрутдинов 1975.
[33] Халиков 2011.

жизни Альфреда Хасановича тенденции к критическому переосмыслению ее спорных моментов. Причины разрушения основополагающего стержня концепции школы связаны, с одной стороны, с происходившей в 1990-е годы деформацией методологических и методических постулатов археологии на постсоветском пространстве, а с другой стороны, человеческий фактор, где проявилось и личное соперничество, пусть уже в прошлом времени, и желание отменить идеи лидера, когда он уже не может ответить. Безусловно, сказалось появление новых археологических материалов, полученных в конце 1990 – начале 2000-х гг.

Во второй половине 1990-х было поставлено под сомнение существование приказанской культуры, обоснованной А.Х. Халиковым в самом начале его научной карьеры, в результате чего это понятие постепенно исчезло со страниц научных публикаций. Сначала приказанская культура была разделена на отдельные самостоятельные компоненты, которые были соотнесены с другими культурами Поволжья и Предуралья. Критические замечания в адрес этого научного понятия высказывались и ранее, однако несмотря на это сама приказанская культура как научная данность сохранялась в археологических штудиях[34].

Окончательный «демонтаж» части концепции А.Х. Халикова по эпохе бронзы Среднего Поволжья и последовавший за этим пересмотр основ понимания сущности и характера ананьинской культуры был сделан С.В. Кузьминых на рубеже XX–XXI вв. Аргументы по поводу древностей «бронзовой эпохи» были те же, что и в предшествующих его публикациях[35]. В его статьях конца 1990-х – начала 2000-х гг. утверждались идеи о корректировке или отмене хронологической схемы балановской культуры, обоснованной О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым, а также пересмотре сеймино-турбинского влияния на население Среднего Поволжья эпохи бронзы[36]. В начале XXI в. Кузьминых призвал к полному отказу от термина «приказанская культура», аргументируя это тем, что «фундамент халиковской концепции единой приказанской культуры фактически размыт. Однако перестройка этой концепции может надолго затянуться, если подходить к ней как к лоскутному одеялу, из которого можно вырывать то один, то другой клок»[37]. На этой платформе он критиковал другие исследования по этому периоду в Волго-Камье и Предуралье. Не принял Кузьминых интерпретацию и датировку материалов эпохи бронзы, предложенные казанским археологом Е.П. Казаковым[38].

Как следствие отказа от приказанской культуры, ее маклашеевский этап, относящийся к поздней бронзе, в работах С.В. Кузьминых обособился сначала в группу маклашеевских памятников, а затем в маклашеевскую культуру, тесно связанную с генезисом, собственно, ананьинской

[34] Кузьминых 2000: 19; Ашихмина 2014: 18.
[35] Кузьминых, Чижевский 2009: 31, 32.
[36] Кузьминых 2000: 16.
[37] Кузьминых 2000: 19.
[38] Кузьминых 2000: 17, 19.

культурно-исторической области. Начался пересмотр ключевых моментов генезиса, развития и финала ананьинской культуры[39], как и характеристики этой культуры, превратившейся сначала, на основе высказываний В.Ф. Генинга конца 1960-х, в ананьинскую культурно-историческую общность, а затем – в область (АКИО). С.В. Кузьминых, опровергая положения концепции А.Х. Халикова, утверждает, что ананьинская культурно-историческая область является «объединением археологических культур, не связанных общностью происхождения», а суть самого процесса заключается не в автохтонном его характере, а в миграционном[40].

Попытки разделить ананьинскую культуру предпринимались еще в 1970–1980-х гг., когда С.В. Кузьминых была выдвинутая идея существования самостоятельной акозинской культуры, а В.С. Патрушевым – ахмыловской[41]. Обе точки зрения сохранились и в настоящее время. В целом в последние десятилетия наблюдается тенденция выделять вместо территориальных вариантов ананьинской АКИО самостоятельные культуры ананьинской эпохи, иногда без особых на то оснований[42].

Благодаря исследованиям М.Ш. Галимовой, был существенно расширен круг материалов по верхнепалеолитическим и мезолитическим памятникам Среднего Поволжья, интерпретация которых во многом отличается от идей А.Х. Халикова[43]. Эта позиция тоже не нова – в начале 1970-х свою версию формирования мезолитических культур отстаивал М.Г. Косменко[44]. Впрочем, абсолютного отказа казанских палеолитчиков от концепции А.Х. Халикова в этой области археологии не произошло.

Меньшей критике в 1990–2000-х подверглась средневековая часть концепции А.Х. Халикова. Она касалась в основном интерпретации Билярского городища как первого булгарского города-гиганта, построенного в первой четверти X в. и прекратившего существование в 1236 г., а также интерпретации ряда архитектурных сооружений этого памятника, в частности, т.н. Караван-сарая. Консервации идеи «Великого города» – Билярского городища способствовало затухание в начале 2000-х на фоне популистских идей «татаризма-булгаризма» общественного интереса к булгарской тематике. Сторонниками халиковской концепции являются Ф.Ш. Хузин, А.М. Губайдуллин и З.Г. Шакиров. Тогда же на основе новых археологических исследований на Билярском II селище, проведенных Е.А. Беговатовым[45], сформировалась точка зрения, согласно которой Билярское городище возникло во второй половине – конце X в.

Темы золотоордынского Биляра (Билярское III селище) и «города Булымера-Торцка» (Торецкое поселение) раннеказанского времени, вы-

[39] Ашихмина 2014: 20.
[40] Кузьминых, Чижевский 2009: 33, рис. 7.
[41] Кузьминых, Чижевский 2009: 34; Патрушев 1984: 187; Патрушев 2011: 169.
[42] Патрушев 1984: 184-187.
[43] Галимова 2022: 111, 115.
[44] Косменко 2009: 55, 56.
[45] Беговатов 2006: 146.

двинутые А.Х. Халиковым[46], с начала XXI в. стала развивать С.И. Валиулина. Однако в ее представлении, последний – это «неизвестный ранее город – центр ремесла и международной торговли XV в.»[47]. В отличие от А.Х. Халикова, исследовательница утверждает, что Билярское городище – Билярское III селище (золотоордынский Биляр) – Торецкое поселение (позднеордынский – раннеказанский город) – это памятники, «последовательно сменяющие друг друга на протяжении нескольких столетий»[48].

Изменилась взгляды на время основания Казани: А.Х. Халиков был убежден, что город возник в XII в.[49], а по итогам раскопок под руководством Ф.Ш. Хузина и А.Г. Ситдикова, проводившихся в конце XX – начале XXI в., дата была удревлена до конца X – начала XI в.[50]

Основа концепции А.Х. Халикова – этногенез казанских татар, построенная на археологических материалах, во второй половине 1990-х – 2000-х гг. была подвергнута критике его учеником И.Л. Измайловым[51]. В конце XX в. она стала вытесняться «татарской» гипотезой этногенеза, продвигаемой Д.М. Исхаковым и И.Л. Измайловым в рамках квазиисториографической парадигмы «татаристов-булгаристов», а в начале XXI в. – концепцией Булгарской или Булгаро-татарской цивилизации, поддержанной Ф.Ш. Хузиным[52]. Еще в конце 1990-х гг. отмечалось, что гипотезу этногенеза казанских татар Халикова нельзя сводить только к «булгарской идее», она значительно шире и глубже[53]. Но в целом, значительная часть идей А.Х. Халикова, в т.ч. главная – об автохтонном и последовательном развитии археологических культур на территории Среднего Поволжьяс эпохи камня и до средневековья не получили продолжения.

Деструктивные тенденции в функционировании казанской научной школы А.Х. Халикова одной научной концепцией не ограничились. В на-чале XXI в. постепенно нарастал кризис университетского археологического образования при одновременном количественном росте в казанской археологии приглашенных археологов из Поволжского региона и в целом из РФ, компенсировавший недостаток местных специалистов. Перестала осуществляться, за редким исключением, передача научным руководителем своих материалов и идей ученикам. Тем не менее отдельные положения средневековой части концепции А.Х. Халикова продолжали развиваться, но с поправкой на новые внутриполитические реалии как в Татарстане, так и в целом в РФ. Это касается вопросов этногенеза и этнической истории казанских татар с приоритетом в области археологии Золотой Орды, включая нижневолжские памятники; проблемы формирования этнографических групп татар на территории РФ,

[46] Халиков 1984: 91, 92, 96.
[47] Валиулина 2018: 7.
[48] Валиулина 2022: 280.
[49] Халиков, Шавохин 1996: 306, 307.
[50] Хузин, Шарифуллин, Хлебникова и др. 1995: 22.
[51] Хузин, Хамидуллин 2015: 51, 52.
[52] Хузин 2013.
[53] Кузьминых, Старостин, Хузин 1999: 23.

например, касимовских татар и татар-мишарей, а также развития археологии городов с историческим прошлым, с акцентом на дату их основания[54]. Практически все эти исследовательские направления были реализованы и реализуются в настоящее время уже в ИА АН РТ.

Очевидно, что развитие казанских археологических школ и направлений в них в XXI в. будет идти по другому пути, чем в XX столетии. Концептуально они будут переходить в формат идей, как это произошло со школой А.П. Смирнова в 1990-х гг., а не реальных сообществ с научным лидером, со специализацией по тематическим направлениям, мало связанных с конкретной организацией или определенной структурой и, скорее всего, даже с территорией РТ и региона в целом. Изменится и концептуальный подход к археологическим штудиям, особенно в медиевистике, что наблюдается в последнее десятилетие. Не менее важным фактором становится расширение источников информации, благодаря сети Интернет и цифровым технологиям.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Археологическое изучение Болгарского городища. Казань, 2024. 564 с. [Arkheologicheskoe izuchenie Bolgarskogo gorodishcha (Archaeological study of the Bolgar hillfort). Kazan', 2024. 564 s.].

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Казань, 2014. 300 с. (Археология евразийских степей. Вып. 19) [Ashikhmina L.I. Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino culture in the Middle Kama region (based on ceramics and dwellings). Kazan', 2014. 300 s. [(Arkheologiia evraziiskikh stepei. Vyp. 19) (Archaeology of the Eurasian steppes. Issue 19)].

Беговатов Е.А. Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X – XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2006. С. 143-146 [Begovatov E.A. Torgovo-remeslennye tsentry Volzhskoi Bulgarii na rubezhe X – XI vv. (po materialam II Biliarskogo selishcha) (Trade and craft centers of the Volga Bulgaria at the turn of the 10th – 11th centuries (based on the materials of the II Bilyar settlement)) // Proizvodstvennye tsentry: istochniki, "dorogi', areal rasprostraneniia. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (Production centers: sources, "roads", area of distribution. Proceedings of the thematic scientific conference). SPb., 2006. S. 143-146].

Валиулина С.И. Комплекс позднесредневекового вооружения по материалам Торецкого городского поселения: учебное пособие. Казань: Казан. ун-т, 2018. 67 с. [Valiulina S.I. Kompleks pozdnesrednevekovogo vooruzheniia po materialam Toretskogo gorodskogo poseleniia: uchebnoe posobie (Complex of late medieval weapons based on materials of Toretsk urban settlement: study guide). Kazan': Kazan. un-t, 2018. 67 s.].

Валиулина С.И. Биляр и его округа // Археология Волго-Уралья. В 7-и т. Т. 6: Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АНРТ, 2022. С. 280-303 [Valiulina S.I. Biliar i ego okruga (Bilyar and its districts // Arkheologia Volgo-Ural'ia. V 7-i t. T.6: Srednie veka (vtoraia tret' XIII – pervaia polovina XV v.). Epokha Zolotoi Ordy (Ulusa Dzhuchi) / Otv. red. V.S. Baranov (Archaeology of the Volga-Ural region. In 7 volumes. Volume 6: Middle Ages (second third of the 13th – first half of the 15th century). The era of the Golden Horde (Ulus of Jochi) / Ed. V.S. Baranov.)). Kazan': ANRT, 2022. S. 280-303].

Галимова М.Ш. Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные // Археология Евразийских Степей. 2022. № 1. С. 106–120 [Galimova M.Sh. Paleolit Kazanskogo Povolzh'ia: istoriia izucheniia i novyedannye (Paleolithic of the Kazan Volga region: history of study and new data) // Arkheologiia Evraziiskikh Stepei. 2022. № 1. S. 106–120]. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.1.106.120.

[54] Хузин, Ситдиков 2014: 24, 25.

Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленеев Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М.: ГИМ, 2002. С. 71–79 (Труды ГИМ. № 135). [Dvornichenko V.V., Egorov V.L., Zeleneev Iu.A. Povolzhskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia: istoriia sozdaniia, organizatsiia I osnovnye rezul'taty issledovanii (Volga Region Archaeological Expedition: History of Creation, Organization, and Main Research Results) // Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga Region and Adjacent Territories in the Middle Ages). Moscow: GIM., 2002. S. 71–79 (Trudy GIM. № 135) (Proceedings of the State Historical Museum. No. 135)].

Зоря Р.С. Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов // Современные востоковедческие исследования: исторические науки. 2021. № (3)2. С. 270–281 [Zoria R.S. Razvitie arkheologicheskoi shkoly TASSR v poslevoennye gody: fondy kazanskikh arkhivov (Development of the archaeological school of the TASSR in the post-war years: funds of the Kazan archives) // Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniia: istoricheskienauki. 2021. №(3)2. S. 270–281].

Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. 264 с. [IssledovaniiaVelikogogoroda (Research of the Great City). Moscow: Nauka, 1976. 264 s].

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М.: Наука, 1992. 335 с. [Kazakov E.P. Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii. Etapy etnokul'turnoi istorii (The Culture of Early Volga Bulgaria. Stages of Ethnocultural History). Moscow: Nauka, 1992. 335 s.].

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с. [KazakovE.P. Volzhskiebolgary, ugryifinnyv IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9th-14th centuries: problems of interaction.). Kazan', 2007. 208 s.].

Косменко М.Г. Памяти А.Х. Халикова. Штрихи к портрету археолога и человека // Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения). Казань, 2009. С. 51-56 [Kosmenko M.G. PamiatiA.Kh. Khalikova. Shtrikhi k portretu arkheologa i cheloveka (In memory of A.Kh. Khalikov. Strokes to the portrait of an archaeologist and a man) // Al'fred Khasanovich Khalikov: uchenyi i uchitel' (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) (Alfred Khasanovich Khalikov: scientist and teacher (on the 80th anniversary of his birth)). Kazan', 2009. S. 51-56].

Кузьминых С.В. Проблемы бронзового века Среднего Поволжья и Приуралья в научном наследии А.П. Смирнова // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000. С. 17–21. (Труды ГИМ. Вып. 122) [Kuz'minykh S.V. Problemy bronzovogo veka Srednego Povolzh'ia i Priural'ia v nauchnom nasledii A.P. Smirnova (Problems of the Bronze Age of the Middle Volga and Ural Regions in the Scientific Heritage of A.P. Smirnov // Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia. Materialy nauchnoi konferentsii (The Scientific Heritage of A.P. Smirnov and Modern Problems of Archaeology of the Volga-Kama Region. Proceedings of the Scientific Conference.). Moscow, 2000. S. 17-21 (TrudyGIM. Vyp. 122) ((Proceedings of the State Historical Museum. Issue 122))].

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемахбронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70 – 90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков и др. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2001. С. 14-29 [Kuz'minykh S.V. O nekotorykh diskussionnykh problemakh bronzovogo veka Srednego Povolzh'ia (v sviazi s rabotami 70–90-kh gg. XX v.) (On some controversial issues of the Bronze Age of the Middle Volga region (in connection with the works of the 70-90s of the 20th century) // Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia. / Red. E.P. Kazakov i dr. (Questions of the ancient history of the Volga-Kama region / Ed. E.P. Kazakov et al.). Kazan': Izd-vo "Master Lain', 2001. S. 14-29].

Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: ИИ АН РТ, 1999. 60 с. [Kuz'minykh S.V., Starostin P.N., Khuzin F.Sh. Al'fred Khasanovich Khalikov. Ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti (Alfred Khasanovich Khalikov. Essay on life and scientific work). Kazan': II AN RT, 1999. 60 s.].

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009, С. 29-55 (Археология Евразийских степей. Вып. 8) [Kuz'minykh S.V., Chizhevskii A.A. Anan'inskii mir: vzgliad na sovremennoe sostoianie

problem (The Ananyino World: A Look at the Current State of the Problem) // U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of the Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of the Discovery of the Ananyino Burial Ground)). Elabuga, 2009, S. 29-55 (Arkheologiia Evraziiskikh stepei. Vyp. 8) ((Archaeology of the Eurasian Steppes. Issue 8))].

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984. 230 с. [Patrushev V.S. Mariiskii krai v VII – VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (Mari region in the 7th–6th centuries BC (Senior Akhmylovsky burial ground). Ioshkar-Ola, 1984. 230 s.].

Патрушев В.С. Мой учитель Альфред Хасанович Халиков: краткие воспоминания // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 164–170 (Археология евразийских степей. Вып. 11) [PatrushevV.S. Moi uchitel' Al'fred Khasanovich Khalikov: kratkie vospominaniia (My teacher Alfred Khasanovich Khalikov: brief memories) // Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii V Khalikovskie chteniia /(The Ural-Volga region in ancient times and the Middle Ages. Proceedings of the International Scientific Conference V Khalikov Readings). Kazan': OOO "Foliant', 2011. S. 164–170 (Arkheologiia evraziiskikh stepei. Vyp. 11) (Archaeology of the Eurasian steppes. Issue 11)].

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014. 768 с. [Rudenko K.A. Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (Kh – nachalo XIII v.) (History of archaeological study of Volga Bulgaria (10th – early 13th century)). Kazan', 2014. 768 s.].

Руденко К.А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. М.: ИА РАН, 2019. С. 277-304 [Rudenko K.A. Organizatsii i uchrezhdeniia arkheologicheskogo profilia v 1917 – nachale 1930-kh godov v Kazanskoi gubernii – TASSR (Organizations and institutions of archaeological profile in 1917 – early 1930s in Kazan province – TASSR // Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii. Vyp. V. (Essays on the history of domestic archeology. Issue V). Moscow, 2019. S. 277-304] DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5.277-304.

Руденко К.А. К вопросу о цикличности научных гипотез от XVII до XXI в. (на примере этногенеза волжских булгар) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2021. Вып. 75. С. 69–81 [Rudenko K.A. K voprosu o tsiklichnosti nauchnykh gipotez ot XVII do XXI v. (na primere etnogeneza volzhskikh bulgar) (On the issue of the cyclicality of scientific hypotheses from the 17th to the 21st century (using the example of the ethnogenesis of the Volga Bulgars)) // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii. 2021. Vyp. 75. S. 69-81] DOI: 10.21267/AQUILO.2021.75.75.032.

Руденко К.А. Формирование диссертационной культуры в сфере археологии в Казанской губернии и ТАССР в 10–40-х годах XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023а. Т. 165, кн. 1–2. С. 211–232 [Rudenko K.A. Formirovanie dissertatsionnoi kul'tury v sfere arkheologii v Kazanskoi gubernii i TASSRv 10–40-kh godakh XX veka (Formation of dissertation culture in the field of archeology in the Kazan province and the TASSR in the 10–40s of the 20th century) // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2023b. T. 165, kn. 1–2. S. 211–232]. DOI: 10.26907/2541- 7738.2023.1-2.211-232.

Руденко К.А. Особенности археологической школы булгаристики А.П. Смирнова // XVI Бадеровские чтения: сб. научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера. Пермь, 2023б. С. 209–216 [Rudenko K.A. Osobennosti arkheologicheskoi shkoly bulgaristiki A.P. Smirnova (Features of the archaeological school of Bulgar studies by A.P. Smirnov) // XVI Baderovskie chteniia: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu so dnia rozhdeniia O.N. Badera (XVI Bader Readings: a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of O.N. Bader)). Perm', 2023б. S. 209 – 216].

Руденко К.А. Археология Татарстана в научных трудах Е.П. Казакова. К 90-летию ученого // Теория и практика археологических исследований. 2024. № 36 (3). С. 241–282 [RudenkoK.A. Arkheologiia Tatarstana v nauchnykh trudakh E.P. Kazakova. K 90-letiiu uchenogo (Archaeology of Tatarstan in the scientific works of E.P. Kazakov. On the 90th an-

niversary of the scientist) // Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii. 2024. № 36 (3). S. 241–282] DOI:10.14258/tpai(2024)36(3).-15.

Сидорова И.Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Часть 1. Казань, 2014. 304 с. [Sidorova I.B. Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1931 gody). Chast' 1 (Scholarly Brotherhood: Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University (1878–1931). Part 1). Kazan', 2014. 304 s.].

Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. 277 с. (Труды ГИМ. Вып. XIX) [Smirnov A.P. Volzhskie bulgary (Volga Bulgars). Moscow, 1951. 277 s. (Trudy GIM. Vyp. XIX) (Proceedings of the State Historical Museum. Issue XIX)].

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. 276 с. (МИА. № 28) [Smirnov A.P. Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Crednego Povolzh'ia I Prikam'ia (Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions). Moscow, 1952. 276 s. (MIA. № 28)].

Смирнов А.П. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1953. № 50. С. 5–7 [Smirnov A.P. Itogi issledovanii v zone stroitel'stva Kuibyshevskoi GES (Results of research in the construction zone of the Kuibyshev hydroelectric power station) // Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniiakh Instituta istorii material'noi kul'tury. 1953. № 50. S. 5–7].

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. 100 с. (Свод археологических памятников. 1967. Вып. Д1–32) [Starostin P.N. Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Monuments of the Imenkovo culture). Moscow, 1967. 100 s. (Svod arkheologicheskikh pamiatnikov. 1967. Vyp. D1–32) (Collection of archaeological monuments. Issue D1–32))].

Старостин П.Н. О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. М., 1999. С. 99–101 [Starostin P.N. O rannem Bolgare (On early Bolgar) // Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problem arkheologii Volgo-Kam'ia. Tez. nauch. konf. (Scientific heritage of A.P. Smirnov and modern problems of archeology of the Volga-Kama region. Abstract of scientific conf.) Moscow, 1999. S. 99–101].

Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 175–201 [Fakhrutdinov R.G. O stepeni zaselennosti bulgarami territorii sovremennoi Chuvashii (On the degree of settlement of the territory of modern Chuvashia by the Bulgars) // Voprosy etnogeneza tiurko-iazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (Questions of the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region). Kazan', 1971. S. 175–201].

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975. 219 с. [Fakhrutdinov R.G. Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological monuments of the Volga-Kama Bulgaria and its territory). Kazan', 1975. 219 s.].

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. 396 с. [Khalikov A.Kh. Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region.). Moscow, 1969. 396 s.].

Халиков А.Х. Исследования казанских археологов на территории Татарии в 1961–1967 гг. // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969а. С. 3–15 [Khalikov A.Kh. Issledovaniia kazanskikh arkheologov na territorii Tatariiv 1961–1967 gg. (Research of Kazan archaeologists on the territory of Tatarstan in 1961–1967) // Ocherki istorii Povolzh'ia i Priural'ia (Essays on the history of the Volga and Ural regions). Kazan', 1969a. S. 3–15].

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. 160 с. [Khalikov A.Kh. Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ia I Priural'ia (Origin of the Tatars of the Volga region and the Urals). Kazan', 1978. 160 s.].

Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1984. С. 82-98 [Khalikov A.Kh. Mongol'skoe nashestvie i sud'ba Velikogo goroda (The Mongol Invasion and the Fate of the Great City) // Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia / Otv. red. A.Kh. Khalikov (Archaeological Monuments of the Lower Kama Region / Ed. A.Kh. Khalikov). Kazan': IIaLI, 1984. S. 82-98].

Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. С. 149–173 [Khalikov A.Kh. Arkheologiia v IIaLI KFAN SSSR (Archaeology in the

Institute of Historical and Cultural Studies of the KFAN USSR) // 50 let poiskov i otkrytii (50 years of searches and discoveries). Kazan', 1989. S. 149–173].

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2011. 336 с. [KhalikovA.Kh. Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Fundamentals of the ethnogenesis of the peoples of the Middle Volga and Ural regions). Kazan', 2011. 336 s].

Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами историков и современников / Сост. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань: «Фест», 1996. С. 298-350 [KhalikovA.Kh., Shavokhin L.S. Drevneishaia Kazan' (The most ancient Kazan //.) // Drevniaia Kazan' glazamiistorikov i sovremennikov / Sost. F.Sh. Khuzin, A.G. Sitdikov (Ancient Kazan through the eyes of historians and contemporaries / Comp. F.Sh. Khuzin, A.G. Sitdikov). Kazan': "Fest', 1996. S. 298-350].

Хузин Ф.Ш. Булгарская цивилизация на Волге и некоторые проблемы изучения ее ранних этапов // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. Казань: Отечество, 2013. С. 210–220 (Археология Евразийских степей. Вып. 17) [Khuzin F.Sh. Bulgarskaia tsivilizatsiia na Volge I nekotorye problemy izucheniia ee rannikh etapov (The Bulgar civilization on the Volga and some problems of studying its early stages) // Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi. Materialy II Mezhdunarodnogo Bolgarskogo foruma. (Medieval Eurasia: symbiosis of cities and steppe. Proceedings of the II International Bulgar Forum). Kazan': Otechestvo, 2013. S. 210–220) (Arkheologiia Evraziiskikh stepei. Vyp. 17) (Archaeology of the Eurasian steppes. Issue 17)].

Хузин Ф.Ш. К 90-летию со дня рождения А.Х. Халикова (1929–1994) // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 8-16 [Khuzin F.Sh. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.Kh. Khalikova (1929–1994) (On the 90th anniversary of the birth of A.Kh. Khalikov (1929–1994)) // Povolzhskaia arkheologiia. 2019. № 1. S. 8-16] DOI:10.24852/2019.2.28.8.16.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 154 с. [Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G. Drevniaia Kazan' (Ancient Kazan). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2005. 154 s].

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. 2014. №3(9). С. 6-40 [Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G. Kazanskaia arkheologicheskaia shkola: itogi i perspektivy razvitiia (Kazan Archaeological School: Results and Development Prospects) // Povolzhskaia arkheologiia. 2014. №3(9). S. 6-40].

Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков. Казань, 2015. 67 с. [KhuzinF.Sh., Khamidullin B.L. Al'fredKhalikov (Alfred Khalikov). Kazan', 2015. 67 s.].

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдиков А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань: АН РТ, 1995. 40 с. [Khuzin F.Sh., Sharifullin R.F., Khlebnikova T.A., Nabiullin N.G., Sitdikov A.G. Drevniaia Kazan': nekotorye itogi I perspektivy arkheologicheskikh issledovanii (Ancient Kazan: Some Results and Prospects of Archaeological Research). Kazan': ANRT, 1995. 40 s.].

Список сокращений

АКИО– Ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан
ИЯЛИ КФАН СССР - Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
МК РТ – Министерство культуры Республики Татарстан
МО ГАИМК – Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный Центр археологических исследований Академии наук Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
РТ – Республика Татарстан
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ФОН – Факультет Общественных наук

***Руденко Константин Александрович**, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры; murziha@mail.ru*

Scientific archaeological schools in Tatarstan: past, present and future

In this article, based on the study of the activities of scientists and the concepts they created, as well as the history of scientific and educational institutions in the Kazan province, and then in the TASSR and the Republic of Tatarstan in the 19th – early 21st centuries, a general picture of the emergence and development of archaeological scientific schools is recreated. The author examines the causes and prerequisites for the emergence of archaeological schools in the context of the development of scientific knowledge in Russia, primarily archaeological. The formation of the first archaeological school in Kazan is associated with the name of the Moscow archaeologist A.P. Smirnov, who laid the foundations of Kazan Bulgaristics. The second archaeological school was formed in the 1960s, under the leadership of the Kazan archaeologist A.Kh. It was larger and covered the entire range of problems of archaeology of the region. The Kazan school of A.P. Smirnov organizationally existed until the early 1990s, and its main ideas developed until the beginning of the 21st century. The concept of the scientific school of A.Kh. Khalikova was revised in the 1990s and 2000s. The author suggests that in the 21st century the division into two archaeological schools in Kazan will remain, and their development will proceed in a different format, both organizational and conceptual.

Keywords: *scientific schools, Volga Bulgars, A.P. Smirnov, A.Kh. Khalikov, E.P. Kazakov, Kazan State University, State Museum of the TASSR, Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*

Konstantin Rudenko, *Doctor of Historical Sciences, Professor of Kazan State Institute of Culture; murziha@mail.ru*

В.С. Русанова, А.А. Кутузова

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике» от лидерского типа научной школы к коммуникативному

В статье предпринята попытка проанализировать опыт научно-педагогической школы, организованной в начале 1980-х гг. В.П. Золотаревым в Сыктывкарском государственном университете и нашедшей институциональное выражение в учрежденной в конце 1990-х гг. межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике». В ходе исследования авторы пришли к выводу о том, что студенческая лаборатория способствовала зарождению и развитию «научной школы В.П. Золотарева по кареевистике».

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, В.П. Золотарев, Сыктывкарский государственный университет, научная школа.*

Вопрос роли научных школ в развитии научного знания не теряет своей актуальности. Исследователи по-прежнему предпринимают попытки определить дефиниции, схоларные характеристики научной школы. Отсутствует также единый подход к определению понятия «научная школа» среди специалистов по истории науки.

Среди многообразия исследований, посвященных отдельным научным школам в отечественной историографии, хотелось бы остановить внимание на вопросе становления и развития научной школы советского/российского ученого, доктора исторических наук, профессора Василия Павловича Золотарева (1935–2022). К сожалению, узкий круг источников, которыми сегодня располагают авторы статьи, затрудняет всестороннее изучение предложенной проблемы, однако не исключает такой опыт вовсе. Появившиеся в последние годы опубликованные материалы, полагаем, станут подспорьем в решении поставленной задачи.

В 2024 г. был издан коллективный труд «Памяти Учителя – Василия Павловича Золотарева»[1]. В объемной статье, подготовленной доктором исторических наук О.В. Золотаревым[2], раскрываются страницы жизни и научно-преподавательской деятельности Василия Павловича. На сегодняшний день это единственное наиболее полный очерк жизненного пути ученого. В качестве штрихов к нравственному портрету В.П. Золотарева выступают немногочисленные воспоминания его коллег и учеников, также составивших раздел упомянутой книги. Кроме того, авторами привлекались материалы текущего архива научно-исследовательской лаборатории, представленные отчетами о ее деятельности, информационными справками и иной делопроизводственной документацией.

Если еще в конце XX века в вопросе статуса «научной школы» исследователи высказывали мнение о том, что «школа в науке является неформальным, т.е. не имеющим юридического статуса объединением.

[1] Памяти Учителя – Василия Павловича Золотарева 2024: 458.
[2] Золотарев 2024:10–88.

Ее организация не планируется заранее и не регулируется административным регламентом»[3], то к 2024 г. ситуация изменилась. В ряде вузов России принимаются положения «О научных школах»[4], регламентирующие их деятельность. Все чаще понятия «научная школа» и «научная лаборатория» воспринимаются синонимично. И то, и другое приобретает институциональное содержание, а, следовательно, деятельность научной школы должна соответствовать современным требованиям. Ставится вопрос о вкладе научной школы в развитие науки, образования, культуры. Иными словами, возрастает не только научная, но и общественная значимость подобного рода объединений. Отечественный и зарубежный опыт функционирования научных лабораторий при исторических университетских кафедрах дает возможность определить, какие вопросы исторической науки находятся в фокусе внимания ведущих историков, а также «измерить» уровень исследований организованного сообщества ученых. Бегло бросим взгляд на некоторые из них.

К примеру, для сотрудников Департамента истории Стокгольмского университета в центре внимания стоит человек во всем многообразии его деятельности на протяжении всего исторического процесса, а также напрямую связанные с ним события, институты, смыслы, идеи и символы. История понимается не как простое описание фактов, а закономерный процесс. В своих исследованиях стокгольмские историки стремятся ответить на непростой вопрос: «как мы оказались там, где мы есть сегодня»? Выводя из такой постановки проблемы задачу историка — создать как можно более точный образ того, что было когда-то[5].

В свою очередь Институт исторических исследований Лондонского университета как национальный центр британской истории ставит такие задачи: отстаивать ценность и важность истории; развивать нынешнее и формировать следующее поколение историков; поддерживать взаимосвязи внутри исторического сообщества; содействовать проведению инновационных исторических исследований; вовлекать ученых и общественность в исторические исследования. Сотрудники института ориентированы на разработку наиболее значимых исследовательских проектов, поддержку дисциплинарных и междисциплинарных научных связей, разработку новых подходов и методов для решения, в том числе, социальных проблем, с которыми сталкивается современное британское общество, а также для обогащения культурного фундамента[6].

Развитие исторической науки в России тоже в немалой степени осуществляется за счет деятельности научных коллективов, объединенных в научные лаборатории или представляющих научные школы.

[3] Захарчук 2013: 33.

[4] Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»; Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»; Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»; и др.

[5] Department of History.

[6] Institute of Historical Research.

Так, созданная в 2015 г. Школа исторических наук на базе факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) объединила востребованных специалистов разных областей исторического знания, стимулируя развитие широких связей с ведущими российскими, европейскими и американскими центрами, научными организациями, музеями и архивами. При Школе действует научный семинар, в работе которого принимают участие как российские, так и зарубежные исследователи[7].

При историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова работают четыре научно-исследовательских лаборатории, каждая из которых выполняет практические задачи: осуществление взаимодействия с органами государственной власти по вопросам межнационального взаимодействия, изучение уникальных архивных источников (как отечественных, так и зарубежных), составление библиографических баз данных, проведение полевых исследований и апробация их результатов.

Как видим, в первой четверти XXI столетия научные лаборатории и научные школы приобретают схожие характеристики, такие как междисциплинарность, широкий спектр научных тем, нацеленность на постоянное и активное взаимодействие как внутри научного сообщества, так и с более широкой аудиторией, расширение методологического и методического аппарата профессионального историка.

Важно, что большая часть такого рода научных коллективов объединяется не только по общности исследуемой проблематики, общему теоретико-методологическому инструментарию – важную роль в работе научной лаборатории играет ее лидер. Потому, довольно распространенным явлением становится прекращение функционирования научной школы после смерти ее руководителя или ее реорганизация. В истории исторической науки можем встретить примеры и того, и другого процесса, да и на современном этапе ее развития подобные случаи нередки. 20 октября 2017 г. была закрыта «Лаборатория исторических исследований» как структурное подразделение НИУ ВШЭ. Она влилась в Школу исторических наук факультета гуманитарных наук. Не исключаем, что одной и причин закрытия лаборатории стала потеря ее руководителя профессора Л.С. Васильева в октябре 2016 г. Отчасти по той же причине сегодня остро стоит вопрос о судьбе студенческой научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике», действующей на базе СыктГУ им. Питирима Сорокина.

Межкафедральная научно-исследовательская лаборатория официально была учреждена в Сыктывкарском университете 16 декабря 1999 г. на Ученом Совете исторического факультета СыктГУ[8]. Толчком к ее организации послужила многолетняя плодотворная исследовательская работа доктора исторических наук, профессора В.П. Золотарева, связанная с поиском ценнейших источников биографического и историогра-

[7] Школа исторических наук НИУ ВШЭ.

[8] Краткий отчет … 2002: 1.; Золотарев 2009: 163.

фического содержания о Карееве как ученом. Успешная защита докторской диссертации «Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция» в марте 1992 г.[9] утвердила «кареевеведение как одно из известных в стране научных направлений истфака СыктГУ»[10] и создать почву для студенческой лаборатории. Как отметил О.В. Золотарев: «Активизации изучения кареевского наследия в Сыктывкарском университете в немалой степени способствовало привлечение к исследовательской работе студентов и аспирантов»[11]. Материалы, накопленные за годы работы над диссертациями (сначала кандидатской, затем докторской), позволили В.П. Золотареву определить направление исследований студентов, специализировавшихся по кафедре всеобщей истории[12], а затем по кафедре истории зарубежных стран в новое и новейшее время[13]. Последнюю Василий Павлович возглавлял на протяжении 14 лет с марта 1996 г. по июль 2010 г. В.П. Золотарев относил зарождение лаборатории к началу 1980-х гг., когда «сотрудники кафедры всеобщей истории начали плановое исследование научного наследия академика Н.И. Кареева (1850–1931) и его эпохи»[14].

Более четверти века существования лаборатории позволяет пунктирно наметить этапы ее работы. «***На первом этапе (1982–1992)*** работы лаборатории усилия преподавателей и части студентов (3-5 курсы), специализировавшиеся по кафедре, были сосредоточены на изучении жизни, научно-исследовательской и общественно-политической деятельности Н.И. Кареева. В этом ключе создавались курсовые и дипломные сочинения Л.В. Светловой (Кареев – профессор Высшей русской школы общественных наук в Париже), И.А. Ступаковой (Н.И. Кареев и марксизм) и др. ***На втором этапе (1992–1999)*** проблематика исследований студенческой лаборатории расширяется: изучается не только научное творчество Н.И. Кареева, но и его учеников. Студентка О.Н. Попова, написала дипломную работу о репрессированном и забытом ученике Кареева профессоре Я.М. Захере, С.Л. Клестова – о профессоре В.А. Бутенко с похожей судьбой, О.И. Зезегова – о советском историке В.В. Бирюковиче»[15]. ***С 16 декабря 1999 г. по 29 августа 2022 гг. определяется третий этап*** в развитии лаборатории, связанный с приобретением ею официального статуса «специальным решением Ученого Совета Сыктывкарского государственного университета»[16]. В это время, по мнению ее основателя, лаборатория «получает черты «научной школы» с весьма широким охватом исторической проблематики»[17]. ***С кончиной***

[9] Золотарев 1992: 32.
[10] Золотарев 2009: 164.
[11] Золотарев 2024: 70.
[12] Кафедра образована 1 сентября 1973 г.
[13] Кафедра образована 8 июля 1992 г.
[14] Краткий отчет…2002: 2.
[15] Краткий отчет…2002: 2.
[16] Там же.
[17] Там же.

бессменного руководителя лаборатории по настоящее время в работе лаборатории обозначился четвертый этап. Начала меняться структура лаборатории, расширился круг исследовательских задач, связанных с введением в научный оборот материалов университетского архива профессора В.П. Золотарева и нацеленных на сохранение его научного и методического наследия. Активно ведется работа по подготовке к переизданию части трудов первого руководителя лаборатории, которые составят один из томов серии «Труды исторического факультета Сыктывкарского государственного университета».

Отметим, что до 2022 г. сыктывкарская «школа кареевистики» вполне отвечала «лидерскому типу». Она во многом строилась на принципах присущих научной школе Н.И. Кареева, которую В.П. Золотарев также относил к «лидерской». Как отмечают специалисты, лидерские школы формировались в университетах. Деятельность подобного объединения носит более организованный и консолидированный характер и определяется, по сути, личностью руководителя школы. Б.М. Кедров считал: «*Научная школа — это тесно спаянный коллектив ученых старшего и младшего поколений, в рамках которого осуществляется "передача научного капитала" от основателя школы к его ученикам*»[18].

В последние же два года научная школа В.П. Золотарева приобретает черты школы «коммуникативного типа», где несколько специалистов работают по схожим научным темам и ориентированы на укрепление научных связей с другими научными центрами России и зарубежья. Более того, исследования строятся на едином теоретико-методологическом фундаменте, сформировавшемся в предшествующее время. Сегодня ставится вопрос о соотношении понятий «научная школа профессора В.П. Золотарева по кареевистике» и межкафедральная научно-исследовательская лаборатория «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике». Этот сложный вопрос имеет, как нам думается, отложенную актуальность. Единственный тезис, который возможно сформулировать утвердительно, заключается в следующем: «научная школа В.П. Золотарева» формировалась в условиях лаборатории, последняя же выступила ее институциональным воплощением.

Конечно, по прошествии более трех десятков лет сложно говорить о том, что в 2024 г. научно-исследовательская лаборатория «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике» ориентирована исключительно на студентов. Она «выросла» из этого статуса благодаря научной и организаторской деятельности ее руководителя.

За время работы лаборатории под руководством Василия Павловича было подготовлено значительное количество курсовых и дипломных работ[19], часть которых была доведена до диссертационных исследований. Перечислим их в хронологической последовательности: Клестова С.Л. «Историческая концепция В.А. Бутенко» (2000), Лыскова И.Е. «На-

[18] Кедров 1977: 309 –310.
[19] Ненахов 2021: 12.

учно-педагогическая деятельность Н.И. Кареева» (2001), Зезегова О.И. «Исторические взгляды В.В. Бирюковича» (2004), Афанасьева Ю.С. «Исторические взгляды А.М. Ону: 1865–1935» (2010), Филиппова Т.П. «Исторические взгляды Луи Адольфа Тьера (1793–1877)» (2011), Павлова Т.В. «Парижские секции времен Великой Французской революции конца XVIII века в освещении Н.И. Кареева» (2011), Кутузова А.А. «Исторические взгляды Я.М. Захера» (2022), Русанова В.С. «П.А. Сорокин как историк России 1917–1945 годов» (2022). В отчете о работе лаборатории за 2002 г. находим фамилии еще двух диссертантов, для которых В.П. Золотарев не являлся непосредственным научным руководителем, но относил их к активным членам своей научно-исследовательской лаборатории. В их числе «доцент кафедры истории древнего мира СыктГУ В.А. Филимонов (выходец из лаборатории), защитивший в 2002 г. в Казанском университете кандидатскую диссертацию “Н.И. Кареев как историк античности”… Доцент филологического факультета В.П. Ефименко весьма успешно изучающий литературоведческий аспект наследия Н.И. Кареева в контексте его времени»[20].

Таким образом, что основной круг вопросов напрямую связан с научным направлением лаборатории – изучение наследия Н. И. Кареева и его учеников. Одним из факторов выбора проблематики диссертационных исследований был круг научных интересов организатора лаборатории. Особенностью же упомянутых работ стало использование уникальных источников, большая часть которых собиралась диссертантами «по крупицам» в архивах нашей страны. Таким образом, лаборатория стала своего рода «кузницей» научных и научно-педагогических кадров.

По мере развития лаборатории ее исследовательское поле расширялось. Студенты-члены лаборатории разрабатывали вопросы из области теории и методологии истории, историографии, новистики, истории зарубежных стран в новейшее время. Отчеты о научно-исследовательской работе кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время содержат сведения о темах студенческих дипломных сочинений, осуществляемых под руководством В.П. Золотарева. Так, в отчете за 2006 г. читаем: «Проблемы истории Франции начала XIX в. в освещении Луи-Адольфа Тьера» (Вавилова Т. Н., Осипова О.Н.), «Высшее образование во Франции в последней трети XIX в. в освещении Л. Леже» (Вяткина О.Л.), «Жизнь и деятельность Г. Мабли в освещении В.И. Герье» (Долгина Е.В.), «Теоретико-методологические взгляды И.В. Лучицкого» (Левицкая К.В.), «Джон Мильтон – латинский секретарь Английской республики (1649–1653 гг.) (Парфенова Г.О.), «А. Допш об исторической науке в Германии за 50 лет (1876–1926 гг.)[21]. Фамилии этих же студентов встречаются и в перечне членов лаборатории.

Организация лаборатории в целом оказала положительное влияние на активизацию научной работы кафедры. В записке заведующего ка-

[20] Краткий отчет… 2002: 3.
[21] Отчет кафедры… 2006: 6.

федрой профессора В.П. Золотарева «О работе кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время СыктГУ со студентами-отличниками» от 16 марта 2000 г. Ученому секретарю сообщается: «Студентами-отличникам, как правило, рекомендуются совсем не исследованные (или мало исследованные) проблемы и вопросы для курсовых и дипломных сочинений. Они принимают самое активное участие в работе межкафедральной студенческой научной лаборатории по проблемам изучения и подготовке к изданию архивных трудов академика Н.И. Карева. К примеру, студенты 3-го курса (отличница Е. Карпова и не отличница Л. Семкина) готовят к изданию большую архивную рукопись исследования Н.И. Кареева “По большой дороге истории”. За первый семестр текущего учебного года они расшифровали и набрали на компьютере третью часть упомянутого труда Н.И. Кареева»[22]. В информационной справке за 2002 г. отмечается, что «проф. В.П. Золотарев совместно со своими дипломниками Е.В. Карповой и Л.А. Куплевич заканчивает подготовку объемной архивной рукописи Н.И. Кареева “По большой дороге истории”»[23]. Рукопись действительно увидит свет, но в 2020 году[24]. Ее путь к изданию окажется сложен.

Подготовка к изданию рукописи Кареева «По большой дороге истории» стала не первым опытом обработки и издания архивных материалов усилиями студентов под руководством профессора В.П. Золотарева. Чуть ранее, в 1998 году, «студенты и аспиранты В.А. Филимонов, И.Е. Лыскова, С.Л. Клестова, В.В. Кехояс <…> подготовили к изданию большую архивную рукопись Кареева «Французская революция в философии истории»[25]. В начале 2000-х гг. усилиями В.А. Филимонова была подготовлена «Библиография научных трудов академика Н.И. Кареева», издан-ная в 2008 г.[26] В 2006 г. студенткой С.С. Канашкиной под руководством профессора был подготовлен к изданию текст восьми писем Я.М. Захера к А.В. Адо[27].

Таким же путем в условиях работы лаборатории произошло погружение в исследовательскую работу в студенческие годы и авторов настоящей статьи. По предложению Василия Павловича В.С. Русановой был осуществлен постраничный просмотр 206 номеров правоэсеровской газеты «Воля народа», выходившей в Петрограде в 1917 г., с целью поиска газетных заметок одного из сотрудников редакционной коллегии, впоследствии крупного российско-американского социолога, историка социологии, социального мыслителя П.А. Сорокина, не вошедших в из-

[22] Записка заведующего кафедрой… 2000: 1.
[23] Информационная справка… о деятельности кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева». С. 1.
[24] Кареев 2020: 342.
[25] Краткий отчет… 2002: 3.
[26] Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869—2007).
[27] Восемь писем Я. М. Захера А. В. Адо 2006: 326–342.

дание 2000 года[28]. Итогом работы стал сборник, объединивший под своей обложкой 22 ранее не известные газетные статьи Питирима Сорокина за 1917 год[29]. Сегодня публицистические работы П.А. Сорокина за 1917–1918 гг. составляют один из томов собрания сочинений ученого[30].

А.А. Кутузова по рекомендации профессора В.П. Золотарева предприняла успешную попытку по устранению одного из «белых пятен» в биографии ученика Н.И. Кареева – советского историка Я.М. Захера, связанного с периодом его заключения в Краслаге. Из Красноярского архива УФСБ была получена копия 100-станичного уголовного дела Якова Михайловича, содержащего протоколы допросов, объяснительные записки, характеристики, стенограммы судебных заседаний, приговоры. Эти уникальные материалы стали источником дальнейшей исследовательской работы. На сегодняшний день частично документы этого архивного дела опубликованы в статьях[31], часть представлена в диссертационном исследовании А.А. Кутузовой.

Подобной формой работы со студентами Василий Павлович решал сразу несколько задач: 1) освоение студентами навыков исследовательской работы; 2) образовательная задача, выраженная в углубленном изучении источниковедческих вопросов и исторического контекста, в связи с работой над архивными документами; 3) воспитательная, представленная в менее явном виде, однако реализовавшаяся порой в большей степени, чем предыдущие и сказывающаяся во влиянии учителя на формирование образа мыслей, поведения, культуры научного общения, научного письма своего ученика. Здесь можно увидеть обращение сыктывкарского историка к концепции реформирования высшего образования В. фон Гумбольдта (1767–1835), одним из принципов которой стал лозунг «Forschung und Lehre» («исследовать и учить»). В своей записке Гумбольдт отмечал, что «науку невозможно действительно преподавать как науку без того, чтобы каждый раз вновь не осмысливать ее по-своему, и было бы непостижимо, если здесь, и даже часто, не совершались бы открытия. Кроме того, преподавание в университете не является настолько хлопотным делом, чтобы оно считалось перерывом во времени для исследований, а не, напротив, подспорьем к ним»[32]. Таким образом, Василий Павлович реализовывал один из главных принципов классического университетского образования, переформулировав принципы Гумбольдта следующим образом: «исследуя – учась, учась – исследуя».

В одном из отчетов о воспитательной работе кафедры находим слова В.П. Золотарева, подтверждающие изложенное выше: «…следует сказать об индивидуальной воспитательной работе сотрудников кафедры со студентами. <…> В этой, казалось бы, незаметной работе стиль,

[28] Сорокин 2000: 300.
[29] Сорокин 2016: 156.
[30] Сорокин 2024: 840.
[31] Золотарев, Кутузова 2020: 103–109.
[32] Гумбольдт 2011: 510–516.

образ жизни, качество ученого, педагога и человека передаются (даже вопреки сознанию преподавателя и студента) тому, с кем общается преподаватель. Воистину: ***каков учитель – таков и ученик***»[33].

Тот же тезис сохраняется и в более поздней документации. Так, в отчете о научно-исследовательской, педагогической и общественной работе В.П. Золотарева за пять лет (2011–2016) обнаруживаем следующую цитату: «*Не жалею времени на проведение индивидуальной воспитательной работы со студентами, магистрантами и аспирантами. Стараюсь воспитать в них чувство ответственности за учение в университете, обязательности и настоящей порядочности*»[34].

Индивидуальная работа со студентами находила воплощение в консультациях по написанию курсовых и дипломных сочинений, тезисов и докладов конференций, разработке крупных научных проектов в условиях научно-исследовательской лаборатории. Последняя же постепенно выходила за рамки студенческого научного центра, становясь пространством формирования личности ученого.

Такой принцип часто использовался профессором для привлечения, и, главное, увлечения студенческой молодежи наукой. Профессорская деятельность Василия Павловича облекалась в различные формы, однако работа со студенчеством сохраняла для него приоритетное значение. Кроме публикации архивных материалов усилиями коллектива лаборатории под непосредственным руководством ее лидера решалась задача подготовки качественных, актуальных научных исследований в жанре монографий и научных статей, нацеленных на приращение знания по истории исторической науки и не только, открытию новых фактов по ряду исследовательских проблем, выстраиванию взаимосвязей с признанными специалистами по новистике, историографии и другим научным направлениям.

«Василий Павлович не только сам продолжал вводить в научный оборот ранее не публиковавшиеся труды этого историка, но и воспитал целую плеяду молодых исследователей, занимавшихся изучением различных аспектов творчества самого Кареева и его учеников. За прошедшие десятилетия усилиями «команды» В.П. Золотарёва был накоплен большой фактический материал не только о самом Н.И. Карееве, …но и о целом ряде взращенных им, но не успевших получить столь же широкую известность представителей третьего поколения этой школы...», – так характеризует деятельность лаборатории доктор исторических наук, главный редактор журнала «Французский ежегодник» А.В. Чудинов[35].

Кратко скажем о некоторых достижениях лаборатории в этом направлении. В 2013 г. была издана монография С.Л. Егоровой «Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох»[36]. В 2015 г. вышла рецензия

[33] Краткий отчет… 2004: 4.
[34] Отчет д.и.н., профессора Василия Павловича Золотарева 2011–2016: 2.
[35] Чудинов 2024: 372.
[36] Егорова 2013: 138.

Ю.В. Дунаевой, в которой отмечалось высокое научное значение труда: «Книга С.Л. Егоровой – первое исследование жизни и научного наследия историка Вадима Аполлоновича Бутенко (1877–1931), специалиста по истории французского либерализма начала XIX в., одного из учеников “Петербургской школы историков” (“школы Н.И. Кареева”). Часть работ историка утеряна, часть не опубликована, поэтому С.Л. Егорова использует архивные материалы <…>, также привлекает воспоминания современников, научные работы»[37].

Важнейшим результатом работы лаборатории выступает последний инициированный В.П. Золотаревым проект – коллективная монография, посвященная вопросу влияния революционных событий 1917 г. в России на судьбы и научные взгляды историков «школы Н.И. Кареева»[38]. Безвременная кончина руководителя проекта, как справедливо заметил А.В. Чудинов в своей рецензии, лишь укрепила намерения «сотрудников» научно-исследовательской лаборатории, завершить начатое их наставником. «23 августа 2022 г. В.П. Золотарёв ушел из жизни. Начатое Учителем пришлось завершать его ученикам. И вот два года спустя благодаря их усилиям коллективный труд, посвященный научной школе Н.И. Кареева, все же увидел свет. <…> Говоря о Н.И. Карееве и об исследователях, вышедших из его семинара <…> мы, разумеется, вправе использовать определение “научная школа”. Собственно, это можно делать в любом случае, когда речь идет о крупном ученом и его учениках, занимающихся смежной проблематикой. Точно так же, к примеру, мы можем говорить и о “школе В.П. Золотарёва”», – заключает А.В. Чудинов[39].

20 марта 2023 г. состоялась презентация монографии и сборника, посвященного памяти Василия Павловича, на которой неоднократно подчеркивалось признание В.П. Золотарева как крупного ученого и педагога, отмечалась сплоченная работа коллектива научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике». Упоминание лаборатории встречается не только на страницах рецензий, научных статей, но и монографических исследований.

В 2018 г. вышла книга доктора исторических наук А.В. Гордона «Историки железного века». На ее страницах находим неоднократные упоминания лаборатории под руководством В.П. Золотарева, связанные с вкладом ее сотрудников в разработку вопроса жизни и наследия советского историка Якова Михайловича Захера. Приведем подтверждающую цитату: «Школу Кареева как филиацию école russe много лет изучают в Сыктывкаре под руководством Василия Павловича Золотарева, источниковедческим усилиям и перу которого историография обязана первым творческим портретом Захера»[40]. Также А.В. Гордон отмечает и усилия, направленные на раскрытие понятия и характерных черт науч-

[37] Дунаева 2015: 40.
[38] Великий Октябрь и судьбы историков научной школы Н. И. Кареева 2024: 172 с.
[39] Чудинов 2024: 372.
[40] Гордон 2018: 15.

ной школы Н.И. Кареева «как филиации école russe»[41]. Монографии и сборники, подготовленные членами лаборатории, обращают на себя внимание научного сообщества.

В завершении отметим, что благодаря изысканиям руководителя лаборатории за время ее существования были налажены научные связи со многими российскими образовательными и научно-исследовательскими центрами. В их числе Казанский федеральный университет, Институт научной информации по общественным наукам и Институт всеобщей истории Российской академии наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Санкт-Петербургский государственный университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского и Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева.

На сегодняшний день межкафедральная научно-исследовательская лаборатория «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике», созданная профессором В.П. Золотаревым является признанным центром «кареевистики» в России. Лаборатория представляет собой коллектив, объединяющий учеников Василия Павловича, ныне преподавателей Сыктывкарского государственного университета, студентов и магистрантов, избравших в качестве тем своих исследовательских работ анализ наследия академика Н.И. Кареева и его учеников, изучение проблем истории Западной Европы в Новое время, вопросов развития российской исторической науки, нацеленный на реализацию задач, сформулированных В.П. Золотаревым на заре работы лаборатории.

Итак, за время существования студенческой научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике», зародившейся в начале 1980-х гг., В.П. Золотаревым был выработан опыт вовлечения студенческой молодежи в научную среду. По мере развития лаборатория приобрела черты «научной школы лидерского типа». После утраты идейного, нравственного, научного лидера, коим на протяжении сорока лет (с 1982 г.) являлся Василий Павлович, лаборатория начала трансформироваться в сторону «коммуникативного типа научной школы», расширились ее задачи. Научно-исследовательская лаборатория способствовала подготовке научных и научно-педагогических кадров, ее признанный лидер – Василий Павлович Золотарев оставил заметный след в отечественной историографии, как ученый, стоявший у истоков российского кареевеведения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Великий Октябрь и судьбы историков научной школы Н.И. Кареева / рук. проекта, отв.ред. В.П. Золотарев. Сыктывкар.: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. 172 с. [Velikij Oktyabr' i sud'by istorikov nauchnoj shkoly N.I. Kareeva (The Great October and the fates of historians of the scientific school of N.I. Kareev) / ruk.proekta, otv.red. V.P. Zolotarev. Syktyvkar.: Izdatel'stvo SGU im. Pitirima Sorokina, 2024. 172 p.].

Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В.П. Золотарева и С.С Канашкиной // Мир историка: Историографический

[41] Гордон 2018: 113.

сборник. Омск.: Издательство ОмскГУ. Вып. 2., 2006. С. 326–342. [Vosem' pisem Ya.M. Zahera A.V. Ado. (Eight letters of J.M. Zacher to A.V. Ado) Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii V.P. Zolotareva i S.S Kanashkinoj // Mir istorika: Istoriograficheskij sbornik. Omsk.: Izdatel'stvo OmskGU. Vyp. 2., 2006. P. 326–342].

Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.[Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka (Historians of the Iron Age). – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 448 p.].

Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 510–516. [Gumbol'dt V. fon. O vnutrennej i vneshnej organizacii vysshih nauchnyh uchrezhdenij v Berline (About the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin)// Universitetskaya ideya v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX vekov: Antologiya / sost. A.Yu. Andreev, S.I. Posohov. M.: ROSSPEN, 2011. P. 510–516].

Дунаева Ю.В. Егорова С.Л. Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох. Сыктывкар: Сыктывк. гос. ун-т, 2013. – 138 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2015.01.005. С. 40–43. [Dunaeva Yu.V. Egorova S.L. Istorik V.A. Butenko. Portret na fone epoh.(Egorova S.L. Historian V.A. Butenko. Portrait against the background of eras.) Syktyvkar: Syktyvk. Gos. Un-t, 2013. – 138 s. // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya: Informacionno-analiticheskij zhurnal. 2015.01.005. Pp. 40–43].

Егорова С.Л. Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох. Сыктывкар: Сыктывк. Гос. Ун-т, 2013. 138 с [Egorova S. L. Istorik V. A. Butenko. Portret na fone epoh.(Historian V. A. Butenko. Portrait against the background of eras.). Syktyvkar: Syktyvk. Gos. Un-t, 2013. 138 p.].

Записка заведующего кафедрой профессора В.П. Золотарева «О работе кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время СыктГУ со студентами-отличниками» от 16 марта 2000 г. Ученому секретарю Сыктывкарского государственного университета Д.И. Пинаевскому // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева». С.1. [Zapiska zaveduyushchego kafedroj professora V.P. Zolotareva «O rabote kafedry istorii zarubezhnyh stran v novoe i novejshee vremya SyktGU so studentami-otlichnikami» ot 16 marta 2000 g. Uchenomu sekretaryu Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta D.I. Pinaevskomu (Note of the head of the department, professor V.P. Zolotarev, "On the work of the department of history of foreign countries in modern and contemporary times of Syktyvkar State University with excellent students" dated March 16, 2000 To the Scientific Secretary of Syktyvkar State University D.I. Pinaevsky) // Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N.I. Kareeva»].

Захарчук Т.В. Научные школы в библиографоведении: проблемы формирования и идентификации. СПб., 2013. 240 с. [Zaharchuk T.V. Nauchnye shkoly v bibliografovedenii: problemy formirovaniya i identifikacii (Scientific schools in bibliographic studies: problems of formation and identification.). SPb., 2013. 240 p.].

Золотарев В.П., Кутузова А.А. Профессор Я. М. Захер: 15 краслаговских лет (по архивным источникам) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (55). С. 103–109. [Zolotarev V. P., Kutuzova A.A. Professor Ya.M. Zaher: 15 krasslagovskih let (po arhivnym istochnikam) (Professor J.M. Zacher: 15 Krasslag years (based on archival sources)) // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2020. 3 (55). P. 103–109].

Золотарев В.П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция: авторф…дис.д-ра.ист.наук. Санкт-Петербург, 1992. 32 с. [Zolotarev V.P. Istoricheskaya koncepciya N.I. Kareeva: soderzhanie i evolyuciya (Historical concept of N.I. Kareev: content and evolution): avtorf…dis.d-ra.ist.nauk. Sankt-Peterburg, 1992. 32 p.].

Золотарев В.П. Научно-исследовательская лаборатория при кафедре – эффективное средство подготовки историков (из опыта работы) // Материалы Всероссийской научной конференции «Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Казань, 13–14 октября 2009 г. С. 163–165. URL: https://roii.ru/conf/2009/03.pdf. [Zolotarev V.P. Nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya pri kafedre – effektivnoe sredstvo podgotovki istorikov (iz opyta raboty) (Research laboratory at

the department – an effective means of training historians (from work experience))// Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Soobshchestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya. Kazan', 13-14 oktyabrya 2009 g. P. 163–165].

Золотарев О.В. «Университет для меня – все» // Памяти Учителя – Василия Павловича Золотарева / отв. ред. и сост. О.В. Золотарев. Сыктывкар.: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. С. 10–88. [Zolotarev O.V. «Universitet dlya menya – vse» ("The University is everything for me") // Pamyati Uchitelya – Vasiliya Pavlovicha Zolotareva / otv. red. i sost. O.V. Zolotarev. Syktyvkar.: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2024. P. 10–88].

Информационная справка о деятельности кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н. И. Кареева». С. 1. [Informacionnaya spravka o deyatel'nosti kafedry istorii zarubezhnyh stran v novoe i novejshee vremya (Information note on the activities of the Department of History of Foreign Countries in Modern and Contemporary Times) // Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N. I. Kareeva». P. 1].

Кареев Н.И. По большой дороге истории : монография / руководитель проекта, вступит. ст. и ответ. ред. В.П. Золотарев; подготовка текста и коммент. Е.В. Карпова [и др.]. М.: Инфра-М, 2020. 342 с. [Kareev N.I. Po bol'shoj doroge istorii (Along the high road of history): monografiya / rukovoditel' proekta, vstupit. st., i otvetst. red. V.P. Zolotarev ; podgotovka teksta i komment. E.V. Karpova [i dr.]. M.: Infra-M, 2020. 342 p.].

Кедров Б.М. Научная школа и ее руководитель // Школы в науке. М.: Наука, 1977. С. 300–310. [Kedrov B.M. Nauchnaya shkola i ee rukovoditel' (Scientific school and its director)// Shkoly v nauke. M.: Nauka, 1977. P. 300–310].

Краткий отчет о воспитательной работе кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время в 2003–2004 учебном году от 26 июня 2004 г. // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н. И. Кареева». 4 с.[Kratkij otchet o vospitatel'noj rabote kafedry istorii zarubezhnyh stran v novoe i novejshee vremya v 2003–2004 uchebnom godu ot 26 iyunya 2004 g.(A brief report on the educational work of the Department of History of Foreign Countries in Modern and Contemporary Times in the 2003–2004 academic year from June 26, 2004) // Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N. I. Kareeva». 4 p.].

Краткий отчет о работе межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа Н.И. Кареева по новистике» (по состоянию на 15 ноября 2002 г.) // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева». 3 с. [Kratkij otchet o rabote mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola N.I. Kareeva po novistike» (po sostoyaniyu na 15 noyabrya 2002 g.) (A brief report on the work of the interdepartmental research laboratory "Scientific school of N.I. Kareev on Novistics" (as of November 15 2002))// Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N.I. Kareeva». 3 p.].

Лаборатория истории диаспор и миграций // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://nicid-msu.ru/. [Laboratoriya istorii diaspor i migracij (Laboratory of the History of Diasporas and Migrations)// Istoricheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova].

Лаборатория истории культуры// Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://www.hist.msu.ru/departments/15121. [Laboratoriya istorii kul'tury (Laboratory of the History of Culture)// Istoricheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova].

Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://www.hist.msu.ru/departments/8823/laboratory. [Laboratoriya po izucheniyu stran Prichernomor'ya i Vizantii v srednie veka (Laboratory for the Study of the Black Sea Countries and Byzantium in the Middle Ages)// Istoricheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova].

Межкафедральная Археографическая лаборатория // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: https://archlab-msu.ru/?read=archlab_lab /(дата обращения: 28.12.2024). [Mezhkafedral'naya Arheo-

graficheskaya laboratoriya (Interdepartmental Archaeographic Laboratory)// Istoricheskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova].

Ненахов А.В. Василий Золотарев: «Самое главное я был нужен людям» // Знамя Октября. 2021. № 48. С. 12. [Nenahov A.V. Vasilij Zolotarev: «Samoe glavnoe ya byl nuzhen lyudyam» (Vasily Zolotarev: "The Most Important Thing Is That People Needed Me")// Znamya Oktyabrya. 2021. № 48. P. 12].

Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869–2007) Сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008.. [Nikolaj Ivanovich Kareev. Biobibliograficheskij ukazatel' (1869-2007) (Nikolay Ivanovich Kareev. Biographical Index (1869–2007)) Sost. V.A. Filimonov. Kazan', 2008] URL: https://vk.com/wall42655296_1780?ysclid=m5qnynnh2i897688347.

Отчет д.и.н., профессора Василия Павловича Золотарева о научно-исследовательской, педагогической и общественной работе за пять лет (20 мая 2011–20 мая 2016 г.). 3 с. // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева». [Otchet d.i.n., professora Vasiliya Pavlovicha Zolotareva o nauchno-issledovatel'skoj, pedagogicheskoj i obshchestvennoj rabote za pyat' let (20 maya 2011 - 20 maya 2016 g.) (Report by Doctor of Historical Sciences, Professor Vasily Pavlovich Zolotarev on his research, teaching and social work over five years (May 20, 2011 - May 20, 2016). // Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N. I. Kareeva». 3 p.].

Отчет кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время о научно-исследовательской работе за 2006 год // Текущий архив межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева». [Otchet kafedry istorii zarubezhnyh stran v novoe i novejshee vremya o nauchno-issledovatel'skoj rabote za 2006 god (Report of the Department of History of Foreign Countries in Modern and Contemporary Times on Research Work for 2006) // Tekushchij arhiv mezhkafedral'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Nauchnaya shkola akademika N.I. Kareeva»].

Памяти Учителя – Василия Павловича Золотарева / отв. ред. и сост. О.В. Золотарев. Сыктывкар.: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. 458 с. [Pamyati Uchitelya – Vasiliya Pavlovicha Zolotareva (In Memory of the Teacher – Vasily Pavlovich Zolotarev)/ otv. red. i sost. O.V. Zolotarev. Syktyvkar.: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2024. 458 p.].

Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет». URL: Pologenie_nsh_gagu.doc - Яндекс Документы (дата обращения 01.12.2024). [Polozhenie «O nauchnyh shkolah» FGBOU VO «Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet».(Regulations “On Scientific Schools” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Gorno-Altai State University”)].

Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». URL: Положение о научных школах ФГБОУ ВО МАГУ.pdf - Яндекс Документы [Polozhenie «O nauchnyh shkolah» FGBOU VO «Murmanskij arkticheskij gosudarstvennyj universitet».(Regulations “On Scientific Schools” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Murmansk Arctic State University”)].

Положение «О научных школах» ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». URL: П 04.121-2015_1.1.pdf - Яндекс Документы [Polozhenie «O nauchnyh shkolah» FGBOU VO «Yugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet». (Regulations “On Scientific Schools” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Southwestern State University”)].

Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300с. [Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika (Notes of a Sociologist. Sociological Journalism). SPb.: Aletejya, 2000. 300 p.].

Сорокин П.А. Неизвестные газетные статьи 1917 г. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент.: В.С. Русанова; рук. проекта и отв. ред.: В.П. Золотарев. М.: Издательство «Перо», 2016. 156 с. [Sorokin P.A. Neizvestnye gazetnye stat'i 1917 g. (Unknown Newspaper Articles of 1917) / Podgot. teksta, vstup. st. i komment.: V.S. Rusanova; ruk. proekta i otv. red.: V.P. Zolotarev. M.: Izdatel'stvo «Pero», 2016. 156 p.].

Сорокин П.А. Революционная публицистика: 1917-1918 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар.: ООО «Анбур», 2024. 840 с. [Sorokin P. A. Revolyucionnaya publicistika: 1917-1918 (Revolutionary journalism: 1917-1918) / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. V. Sapova. Syktyvkar.: OOO «Anbur», 2024. 840 p.].

Чудинов А.В. О закате «русской школы» историографии (Последний научный проект В.П. Золотарёва) // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 370–386. [Chudinov A.V. O zakate «russkoj shkoly» istoriografii (Poslednij nauchnyj proekt V.P. Zolotaryova) (On the Decline of the "Russian School" of Historiography (The Last Scientific Project of V.P. Zolotarev)) // Francuzskij ezhegodnik. 2024. T. 57. P. 370–386].

Школа исторических наук НИУ ВШЭ // Официальный сайт НИУ «Высшая школа экономики». URL: https://hist.hse.ru/about. [Shkola istoricheskih nauk NIU VShE (School of Historical Sciences of the National Research University Higher School of Economics)// Oficial'nyj sajt NIU «Vysshaya shkola ekonomiki»] Amsterdam School of Historical Studies. Annual Report 2022 URL: https://ash.uva.nl/.

Department of History // Stockholm University. URL: https://www.su.se/english/research/research-subjects/history.

Institute of Historical Research. URL: https://www.sas.ac.uk/about-us/institutes-centres/institute-historical-research.

Русанова Вера Сергеевна, *кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, vera.petrashun@yandex.ru.*

Кутузова Анастасия Александровна*, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории и методики преподавания общественно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, azzazell-x@mail.ru*

Research Laboratory "Scientific School of Academician N.I. Kareev in Novistics" from the leadership type of scientific school to the communicative one

The article attempts to analyze the experience of the scientific and pedagogical school organized in the early 1980s by V.P. Zolotarev at Syktyvkar State University. The school found institutional expression in the interdepartmental research laboratory "Academician N.I. Kareev's Scientific School of Novistics" established in the late 1990s. The authors came to the conclusion that the student laboratory contributed to the emergence and development of "V.P. Zolotarev's scientific school of Kareev studies".

Keywords: *N.I. Kareev, V.P. Zolotarev, Syktyvkar State University, scientific school.*

Vera S. Rusanova, *Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; vera.petrashun@yandex.ru*

Anastasiya A. Kutuzova, *Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; azzazell-x@mail.ru*

Т.Н. Иванова

НАСТАВНИЧЕСТВО И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Интерес к научному наставничеству в современной науке требует дополнительного анализа этой дефиниции и определение ее связи с важнейшим институтом воспроизводства кадров высшей квалификации – научными школами. Сегодня развивается схоларное направление, занимающееся изучением феномена научных школ в исторической науке. В статье анализируются достижения ученых в определении «научная школа»: выделение нескольких типологий этих сообществ / групп; основные признаки, по которым можно определить само существование той или иной школы; роль научных школ в становлении науки и движущие силы их развития / распада. В условиях цифровизации и технологизации образования и науки, активной интерференции научных школ, возникает необходимость изучить новые тенденции их развития. На примере научно-образовательной деятельности члена-корреспондента РАН Л.П. Репиной, профессора Г.П. Мягкова и профессора В.П. Корзун выделяются функции научного наставничества, признаки наставнической научной школы. Деятельность Общества интеллектуальной истории, рамки которого определяются научным авторитетом лидера, самосознанием ученых и их стремлением причислить себя к этому творческому союзу можно рассматривать как новый тип солидарного научного сообщества, объединяющего разные научные школы.

Ключевые слова: *научное наставничество, научные школы, Г.П. Мягков, Л.П. Репина, В.П. Корзун, Российское общество интеллектуальной истории.*

К числу ведущих тенденций современного образования как в России, так и за рубежом относится развитие института наставничества. В западных странах этот институт получил распространение в разных областях профессионального образования и совершенствования производства. Термины, используемые в английском языке для обозначения этого явления многообразны. Это, например, mentor / mentorship; coach / coaching и др., которые все чаще используются в бизнес-тренингах и курсах личностного роста и в России. «Коуч», «тьютор», «адвизор» и т.п. вытесняют в русском языке привычное слово наставник. На мой взгляд, механическое перенесение разработанных технологий коучинга на отечественную почву не всегда эффективно, особенно, если речь идет о научном наставничестве. Необходим дополнительный анализ этой дефиниции и определение ее связи с важнейшим институтом воспроизводства кадров высшей квалификации – научными школами.

Возросший на рубеже XX–XXI вв. интерес к изучению роли научных школ в развитии науки способствовал выделению особого схоларного направления в отечественной историографии. К достижениям этого направления можно отнести появление нескольких определений понятия «научная школа»; нескольких типологий этих сообществ / групп; выделение основных признаков, по которым можно определить само существование той или иной школы; выявление как роли научных школ в становлении науки, так и движущих сил их развития / распада.

Какими же чертами должна обладать научная школа, по мнению специалистов схоларной проблематики? Г.П. Мягков выделяет единство конкретно-исторической тематики, методики и методологии в качестве стержня существования научной школы. Наряду с такими критериями, как единство методологических установок, методических приемов и проблематики Г.П. Мягков особое внимание уделяет «феномену общения», механизму научных коммуникаций, выделяя как одну из форм научной школы «незримый колледж», который обладает, «ее коммуникативными и даже психологическими характеристиками»[1]. При этом «научные школы являются открытыми системами, им присущи разнообразие внутришкольных ориентаций и даже парадигм, что приводит к явлению интерференции, взаимопересечению границ научных школ»[2].

А.В. Свешников считает, что научная школа появляется и функционирует «в рамках каких-либо формальных структур», занимающихся профессиональной научной деятельностью, в рамках «общей для них академической дисциплины», у которой «есть устойчивый набор социальных ролей и социальных связей», когда есть ученые, считающие себя ее представителями, когда существует не только «сходство проблематики», но и набор школообразующих практик[3]. Н.В. Гришина фокусирует внимание на роль лидера школы, саморефлексии ученых по поводу своей принадлежности к данной школе, проявляющейся, в том числе, в общественно-политической деятельности, системе преподавания и воспитания[4]. Т.Н. Иванова обращает внимание на существование особого алгоритма, вырабатываемого лидером школы для подготовки молодых ученых, на роль неявного, личностного знания в процессе передачи навыков и умений[5]. Типология научных школ различается критериями дифференцирования, например, географией размещения, проблематикой, дисциплинарной принадлежностью, ролью лидера и т.д.[6]

Глубокий анализ феномена научных школ представлен в очерке В.П. Корзун и Г.П. Мягкова «Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий)»[7]. В конце статьи высказывается сожаление о том, что в основном, схоларная историография сосредоточена на XIX – начале XX века[8]. Действительно, возникает вопрос, насколько достигнутые выводы об основных признаках научной школы XIX–XX вв. применимы к современным тенденциям развития науки.

Современная наука развивается в условиях сложно организованных, разветвленных и многообразных научных коммуникаций. Интер-

[1] Мягков 2000: 124-125.
[2] Корзун, Мягков 2017: 386.
[3] Свешников 2010.
[4] Гришина 2010: 44-56.
[5] Иванова 2010: 34-35.
[6] Корзун, Мягков 2017: 382; Алеврас 2006, Зверева, Репина 2010.
[7] Корзун, Мягков 2017.
[8] Там же: 409.

нет-технологии сокращают расстояние, делают поток информации практически неиссякаемым, дают доступ к самым редким публикациям. Расширение границ знаний, междисциплинарные исследования, появление целого ряда новых научных обществ, увеличение количества научных конференций привели к размыванию жестких институциональных и территориальных рамок научной школы. Общение между учеными разных городов и стран становится более интенсивным и регулярным, но проходит часто в дистанционном формате. С другой стороны, широкое внедрение в историческом образовании понятий *стандартизация и цифровизация,* ведет к недооценке специфики исторической науки. В историческом образовании сегодня происходит переориентация на передачу, в первую очередь, не знаний и понимания исторических процессов, а информации и навыков по поиску этой информации, на формирование инструментальных компетенций выпускника. Учение М. Полани о важности личностного знания практически предано забвению.

В то же время квалиметрический подход к оценке функционирования научных школ приводит к административным указаниям о необходимости отчета о существующих в вузах школах. При этом «власть предержащие» не задумываются о сложных дискуссиях схоларной историографии. Как оценить научную школу, еще развивающуюся и эволюционирующую; классифицировать ныне живущего и творящего ученого, который, возможно, еще не раз поменяет проблематику своих научных интересов; чьи ученики, возможно, причислят себя к иным, еще только зарождающимся научным школам? Но административный разум дает нам точный критерий: если у ученого защитили диссертации определенное количество аспирантов, докторантов, соискателей, – значит, надо отчитаться: «научная школа существует».

Тем не менее, не секрет, что порою имя научного руководителя на обложке автореферата диссертации может не совпадать с тем именем, которое молодой ученый ассоциирует со словом «Учитель». Количество защищенных диссертаций не всегда является реальным показателем существования научной школы. К тому же, на мой взгляд, объективный исторический анализ научной школы требует повествования в прошедшем, а не в настоящем времени.

Научно-педагогические школы теперь сосуществуют в научно-образовательных учреждениях с солидарными группами в виде коллективов грантополучателей, членов научно-проблемных лабораторий, проектных групп, кластеров и т.п. Поэтому особую значимость имеет развитие института научного наставничества, но не формализованного, а возникающего в силу особых личностных и научных качеств лидера и самоидентификации ученых, тяготеющих к неким солидарным группам.

В статье, посвященной юбилею моего учителя, казанского профессора Г.П. Мягкова, я дала характеристику его научно-педагогической школы[9]. В ней указывается, что научная школа Г.П. Мягкова в ее клас-

[9] Иванова 2022: 32-47.

сическом понимании – это институализированное сообщество молодых ученых, связанное общностью методологии и конкретно-исторической проблематики. Для нее характерны явно выраженные черты школы лидерского типа[10]. Это школа, в которой господствует методика личностного знания, когда ученики воспринимают навыки исследовательской работы, непосредственно наблюдая за творчеством учителя, подражая ему и включаясь с ним в совместную деятельность. Этот авторитет учителя создает и внутришкольные коммуникации, стремления учеников общаться не только с лидером, но и между собой. Сотрудничество учителя и учеников продолжается и после защиты диссертаций. И это, очевидно, принцип работы ученого – учитывать интересы учеников, предлагать им, уже состоявшимся ученым, научные проекты, работа над которыми приводила к зримым результатам[11].

Однако следует отметить, что Г.П. Мягков в своей наставнической деятельности никогда не ограничивался кругом тех учеников, которые защищали диссертации под его руководством. Эта деятельность выходит далеко за пределы казанских вузов. Так, являясь председателем Казанского отделения РОИИ, Г.П. Мягков стал инициатором открытия региональных отделений в Ижевске, Чебоксарах и Йошкар-Оле. При его, не обеспеченном никакой административной позицией, активном участии и непосредственном патронаже на базе кафедр, возглавляемых единомышленниками Е.А. Чиглинцевым А.А. Сальниковой, Р.А. Набиевым, О.В. Синицыным, были проведены порядка двадцати конференций всероссийского или международного масштаба. Одним из составителей и ответственных редакторов материалов этих конференций непременно был Г.П. Мягков. Это были настоящие форумы единомышленников, способствовавшие тому, что научные коммуникации специалистов по определенным проблемам скреплялись возникающим личным общением. Пожалуй, наиболее плодотворные идеи рождались здесь не во время официальных выступлений на пленарных и секционных заседаниях, а в ходе дискуссий, круглых столов и кулуарных обсуждений. Конференции, в организации которых Г.П. Мягков принимал участие, заранее получали особый знак качества, а его авторитет как координатора научных коммуникаций был признан далеко за пределами Казани.

Другим центром научных коммуникаций историков России стали «Ученые записки Казанского университета». И в этом также несомненная заслуга Г.П. Мягкова, ведущего с 2005 г. работу научного редактора раздела «История» гуманитарной серии журнала.

Следует отметить и роль оппонирования диссертаций в развитии сети научных коммуникаций. Подготовку отзыва на диссертационное исследование можно сравнить с написанием серьезной научной статьи. Г.П. Мягков всегда подходил к этому очень ответственно и вдумчиво.

[10] Там же: 39.

[11] Мягков, Филимонов 2009; Мягков, Филимонов 2013; Мягков, Хамматов 2007; Мягков, Федорова 2008; Иванова, Мягков 2013; Идеи и люди… 2014 и др.

Так, он оппонировал диссертационные исследования, связанные с историей научных школ, места и роли того или иного историка (диссертации Л.С. Моисеенковой, О.М. Мельниковой, Т.А. Сидоровой, Н.В. Гришиной, А.В. Свешникова, В.Н. Ерохина, И.Г. Шишкина, Ф.Н. Ахмадиева, А.В. Якуба, А.М. Скворцова, А.Н. Зарубина, О.И. Зезеговой, О.В. Богомазовой, Д.Ю. Круглова, А.А. Зориной, Ф.В. Николаи и др.), был автором внешних отзывов на многие диссертации. Причем, как правило, между диссертантом и оппонентом складывались тесные научные связи, переходящие в научное сотрудничество.

Важное значение имеет редакторская деятельность Г.П. Мягкова в журналах и научных сборниках, а также официальное рецензирование монографий коллег. Это монографии Н.В. Гришиной, А.В. Антощенко, С.Б. Криха и О.В Метель, О.Б. Леонтьевой и др. В ходе этой деятельности Г.П. Мягков вольно или невольно становился центром разветвленной системы научных коммуникаций. Помимо связей между учеными, которые можно проследить по формальным документам (научное руководство, оппонирование, подготовка отзывов на авторефераты, рецензирование монографий и т.д.) существуют и особые, неформальные связи. Здесь Герман Пантелеймонович выступает как консультант, наставник, эксперт; как старший товарищ, к мнению которого прислушиваются и чьё лидерство не оспаривается.

Возвращаясь к вопросу об интерференции научных школ, возможности вхождения ученого одновременно в несколько научных сообществ, выскажу предположение, что круг ученых, с гордостью причисляющих себя к ученикам Г.П. Мягкова не ограничивается списком его аспирантов. Его стремление поделиться знаниями и опытом с молодыми учеными, помочь им в их научной карьере, бескорыстное желание опекать будущие таланты можно назвать словом *наставничество*.

На мой взгляд, порою применяемые как синонимы слова «учитель» и «наставник» имеют несколько различающиеся значения. *Учитель* передает знания, умения и навыки своим ученикам. *Наставник* вдохновляет, направляет и побуждает человека к достижению его целей. Наставник может выполнять учительские функции, но он более вдохновитель и помощник, чем просто передатчик знаний. Научное наставничество – это процесс неформальной, почти сакральной передачи личностных знаний, когда обучение происходит ненавязчиво, на личном примере, с целью психологически и морально помочь человеку духовно расти. К сожалению, не каждый учитель – наставник. Но каждый наставник – это Учитель с большой буквы.

Деятельность Г.П. Мягкова по развитию системы научных коммуникаций, опеки молодых ученых, помощи и консультирования всех страждущих, позволяет говорить о его *наставнической научной школе*. Чертами наставнической научной школы можно считать ее неформальные рамки, выходящие за пределы институциональных и территориальных границ, ее более широкое, в сравнении с научно-образовательными

школами проблемное поле и многообразие типов научного взаимодействия, не ограничивающееся числом ученых, защитивших диссертации под руководством лидера. Ее рамки определяются скорее научным авторитетом лидера, самосознанием ученых и их стремлением причислить себя к этому творческому сообществу.

Таких наставников в современной науке немало. Говоря о наставничестве в исторической науке, необходимо, прежде всего, рассказать о деятельности члена-корреспондента РАН, президента Российского общества интеллектуальной истории Л.П. Репиной. Она – известный ученый с мировым именем, автор более 400 научных трудов в области медиевистики, теории и методологии истории, интеллектуальной истории. Её деятельность связана с Институтом всеобщей истории РАН, Институтом филологии и истории РГГУ и рядом других вузов. «В ИФИ РГГУ – по мнению А.В. Корчинского и Н.И. Недашковской, – сложилась особая научная школа под руководством Л.П. Репиной – школа теории и истории гуманитарного знания»[12]. Л.П. Репина как заместитель председателя диссертационного совета причастна к становлению десятков молодых ученых. При этом она не только является научным руководителем диссертаций, но и постоянно выступает в качестве оппонента кандидатских и докторских диссертаций ученых из разных городов страны.

Особо следует сказать о десятках научных проектов под её руководством, поддержанных в разные годы Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом, Российским научным фондом и др. К участию в этих проектах Лорина Петровна привлекает ученых из разных вузов и научных учреждений РФ, тем самым способствуя приобщению к высокой науке нового поколения историков. Благодаря этому был издан ряд фундаментальных монографий и коллективных научных трудов.

Однако основным детищем наставнической деятельности Лорины Петровны является Российское общество интеллектуальной истории, действующее с 1999 года. Изучение роли РОИИ в прорывном развитии исторической науки в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. особенно важно. Говоря о значительном влиянии РОИИ на региональную науку, необходимо подчеркнуть, что ключевой фигурой в этом процессе распространения передовых тенденций развития исторической науки является его президент Л.П. Репина. Основным достижением я считаю создание вокруг общества «виртуального сообщества» российских ученых из различных уголков страны, не ограниченного формальным членством, но включенного в широкую сеть межличностных и межгрупповых научных коммуникаций, причем важную роль в этом процессе играет журнал «Диалог со временем».

Наставническая деятельность Л.П. Репиной стала вдохновляющим началом для целого ряда российских ученых, которые были поддержаны с её стороны помощью в организации конференций, создании новых

[12] История идей и интеллектуальной культуры РГГУ 2016.

проектов, консультациях, публикациях, оппонировании диссертаций. Нельзя не согласиться с тем, что Л.П. Репина «становится лидером новой исторической науки и ее “лицом” во все усложняющемся поле междисциплинарности и новой исторической эпистемологии»[13]. Как было отмечено В.П. Корзун, Л.П. Репина обустроила территорию «большого Диалога в пространстве различных университетских центров страны в направлении интеллектуальной истории, где разрушались сложившиеся иерархии между столичной и провинциальной наукой»[14]. По мнению О.М. Мельниковой, «Организационный талант Л.П. Репиной позволил сегодня активно взаимодействовать историкам в широком национальном пространстве, находя единомышленников в разных регионах страны и в разных предметных сферах исторической науки[15].

На мой взгляд, ныне РОИИ представляет собой особую социальную общность, солидарную сетевую структуру, которая сложилась естественным путем в процессе достижения ее членами своих научных целей. Этому обществу удалось построить особое коммуникативное поле исследователей интеллектуальной истории и его системообразующим ядром является наставническая научная школа Л.П. Репиной.

Также, по моему мнению, уверенно можно говорить о наставнической школе известного историка профессора В.П. Корзун. Она возникла как лидерская Омская историографическая школа[16]. Под руководством В.П. Корзун защищены 16 докторских и кандидатских диссертаций[17]. Однако, как и в выше приведённых примерах, число ученых, считающих своим учителем Валентину Павловну, значительно больше и выходит за институциональные рамки Омской школы. Так, профессор Удмуртского университета О.М. Мельникова пишет: «Я испытываю большое желание быть в числе лучших учеников в её незримом колледже»[18]. Научные связи В.П. Корзун помимо омского региона охватывают Москву (Институт всеобщей истории РАН, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН и др.), Казань, Челябинск, Саратов, Самара, Ростов-на-Дону, Петрозаводск, Чебоксары и т.д.

В.П. Корзун не только член Объединённого диссертационного совета ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, ОмГПУ и НГПУ, но и активно содействует развитию диссертационной культуры в нашей стране. Она является оппонентом и автором отзывов ведущей организации десятка диссертаций и рецензентом ряда авторитетных научных изданий.

Валентина Павловна – организатор и неизменный участник научных конференций и форумов историков России. Её блестящие доклады на пленарных заседаниях этих мероприятий можно сравнить с деятельностью сеятеля, способствующего укоренению семян новых идей исто-

[13] Шабунина и др. 2022: 154–161.
[14] Корзун и др. 2022: 279.
[15] Мельникова 2017. С. 471.
[16] Якуб, Бычков: 2018.
[17] Якуб, Бычков 2018: Леонтьева, Мягков, Репина 2023: 5.
[18] Мельникова 2024: 157.

рического проблемного поля не только среди участников, но и через их посредничество на широком поле всей российской науки.

Созданный В.П. Корзун периодический сборник «Мир историка», по мнению авторов одной из юбилейных статей, «стал не просто площадкой интеллектуального взаимодействия учёных, связанных общими интересами, но пространством научной рефлексии»[19].

В.П. Корзун являлась руководителем более 16 грантовых исследований, при осуществлении которых были созданы солидарные группы, объединяющие как маститых, так и молодых учёных. Её фундаментальные работы по схоларной проблематике оказали большое воздействие на формирование современной теории функционирования научных школ и их классификацию. В одной из своих работ В.П. Корзун выделяет четыре подхода к изучению научных школ: институциональный, антропологический, культурологической и коммуникативный[20]. Воспользуемся этой классификацией, чтобы определить общие черты анализируемых нами наставнических школ.

Институциональный подход позволяет увидеть, что наставнические школы, образуясь на базе определённых учебных и научных учреждений, затем выходят за пределы не только этих организаций, но и регионов. Более того, в современной науке особое значение приобретает деятельность новых институций, одним из примеров которых является Российское общество интеллектуальной истории. Именно существование подобных научных обществ способствует возможностям для наставнических школ расширять географические рамки своего воздействия на широкий круг учёных, формируя некую общность «неформальных» учеников, адептов и последователей наставника. Более того подобные общества сами могут считаться наставническими школами.

Второй подход – *антропологический* – я бы поставила на первое место, ибо именно личность Учителя и Наставника способствует возможности выработки новой исследовательской стратегии и распространению новых научных идей. При этом можно говорить об особой харизматической составляющей лидера наставнической школы, в которой не строгие организационные рамки, а безусловный научный авторитет главы школы её формирует. Это способствует самоидентификации членов сообщества, никак не принуждаемых к этому нормами институций.

Культурологический подход позволяет исследовать формирование в рамках наставнической школы не только определённых научных концепций и методик, но и особой научной субкультуры в рамках интеллектуального поля школы.

Коммуникативный подход в функционировании наставнической школы, не связанной формальными связями, имеет особое значение. Именно он и создаёт сложную социокультурную структуру наставнической школы, объединяющую всех учёных, причисляющих себе к ней.

[19] Леонтьева, Мягков, Репина 2023: 17.
[20] Корзун 2012:100-105.

Это формирует и исследовательские практики, и особые нормы и этические традиции, консолидирующие сообщество вокруг своего лидера. Количество наставнических школ в современной науке, конечно, не ограничивается приведенными здесь примерами.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящий момент наряду с традиционными научно-образовательными школами в исторической науке функционируют наставнические научные школы, которые не имеют четких институциональных и территориальных рамок. Важное значение здесь имеют лидерские качества наставника подобной общности. Он должен обладать научным авторитетом, определяемым признанным вкладом в развитие науки; личной харизмой, организаторскими способностями к консолидации людей с высокой степенью тяготения к объединению для выполнения какой-либо «миссии». Именно такое неформальное наставничество в современных условиях дает возможность взаимодействия и интерференции отдельных традиционных научных школ. На мой взгляд, расширение классификации научных школ путем выделения новой дефиниции *наставнической школы* позволяет увидеть современные тенденции развития науки и позволит противопоставить её бюрократическим стремлениям ограничить понятие научной школы только формальным научным руководством.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник с.татей / [редкол.: Н.Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 117-135 [Alevras N.N. Problema liderstva v nauchnom soobshhestve istorikov XIX – nachala XX veka (The Problem of Leadership in the Scientific Community of Historians in the 19th – Early 20th Century) // Istorik v menjajushhemsja prostranstve rossijskoj kultury: sbornik statej / [redkol.: N.N. Alevras (gl. red.) i dr.]. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2006. P. 117-135].

Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с. [Grishina N.V. «Shkola V.O. Kljuchevskogo» v istoricheskoj nauke i rossijskoj kulture («V.O. Klyuchevsky's School» in Historical Science and Russian Culture). Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2010. 288 p.].

Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. 2001. Вып. 6. С. 364-370. [Zvereva G.I., Repina L.P. Nauchnye shkoly v istoricheskom kontekste: novaja kniga o «russkoj istoricheskoj shkole» (Scientific Schools in Historical Context: A New Book on the «Russian Historical School») // Dialog so vremenem. 2001 Vyp. 6. 2001. P. 364-370].

Иванова Т.Н. Анализ дискуссий о научной школе В.И. Герье в современной историографии // Вестник Чувашского университета. 2010. Сер. «Гуманитарные науки». № 4. С. 31-37 [Ivanova T.N. Analiz diskussij o nauchnoj shkole V.I. Ger'e v sovremennoj istoriografii (Analysis of discussions about the scientific school of V.I. Guerrier in modern historiography) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2010. Ser. «Gumanitarnye nauki». № 4. P. 31-37].

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 165-185 [Ivanova T.N., Mjagkov G.P. Shkola V.I. Ger'e: osnovnye cherty i mesto v nauchnom prostranstve Rossii (School of V.I. Guerrier: main features and place in the scientific space of Russia) // Dialog so vremenem. 2013. № 44. P. 165-185].

Иванова Т.Н. Наставничество и научная школа Г.П. Мягкова // Историки об историках: к юбилею профессора Г.П. Мягкова / Под ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской. М.: Аквилон, 2022. С. 32-47 [Ivanova T.N. Nastavnichestvo i nauchnaya shkola G.P. Myagkova (Mentoring and scientific school of G.P. Myagkov) // Istoriki ob istorikakh: k yubileyu professora G.P. Myagkova / pod. red. L.P. Repinoi, N.I. Nedashkovskoi. Moscow: Akvilon, 2022. P. 32-47].

Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон. 2014. 848 с. [Idei i ljudi: intellektual'naja kultura Evropy v novoe vremja (Ideas and People: Intellectual Culture of Europe in Modern Times) / Pod red. L.P. Repinoj. Moscow: Akvilon. 2014. 848 p.].

История идей и интеллектуальной культуры РГГУ // Сообщества в социальной сети Вконтакте. 01.07.2016. URL: https://vk.com/wall-123549653_19 [Istoriya idei i intellektual'noi kul'tury RGGU (The history of ideas and intellectual culture of the RGGU) // Soobshchestva v sotsial'noi seti Vkontakte. 01.07.2016. URL: https://vk.com/wall-123549653_19].

Корзун В.П., Мягков Г.П., Рыженко В.Г., Якуб А.В. Конструируя новое историографическое пространство: к юбилею Лорины Петровны Репиной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 270-283 [Korzun V.P., Myagkov G.P., Ryzhenko V.G., Yakub A.V. Konstruiruya novoe istoriograficheskoe prostranstvo: k yubileyu Loriny Petrovny Repinoi (Constructing a New Historiographic Space: On the Anniversary of Lorina Petrovna Repina) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2022. T. 9, № 4 (36). P. 270-283].

Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364-409 [Korzun V.P., Mjagkov G.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoj nauke (opyt istoriograficheskogo osmyslenija poslednih desjatiletij) (Scientific schools in Russian historical science (experience of historiographic understanding of the last decades)) // Professija – istorik (k jubileju L.P. Repinoj / otv. red. O.V. Vorob'eva. Moscow: Akvilon, 2017. P. 364-409].

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №16 (270). История. Вып. 51. С. 99-109 [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisaniya (iz lektsionnogo opyta) (Korzun V.P. Scientific Communities of Russian Historians: Practices of Anthropological Description (from the experience of lectures)) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №16 (270). Istoriya. Vyp. 51. P. 99-109].

Леонтьева О.Б., Мягков Г.П., Репина Л.П. Историческая симфония профессора В.П. Корзун // Диалог со временем. 2023. Вып. 84. С. 5-25 [Leont'eva O.B., Myagkov G.P., Repina L.P. Istoricheskaya simfoniya professora V.P. Korzun (Professor V.P. Korzun's Historical Symphony) // Dialog so vremenem. 2023. Vyp. 84. P. 5-25].

Мельникова О.М. Пространство РОИИ и профессиональная социализация историка // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017 С. 464-471 [Mel'nikova O.M. Prostranstvo ROII i professional'naya sotsializatsiya istorika // Professiya – istorik (k yubileyu L.P. Repinoi) (The ROII space and the professional socialization of a historian) / Otv. red. O.V. Vorob'eva. Moscow: Akvilon, 2017 P. 464-471].

Мельникова О.М. Ученичество у В.П. Корзун: заметки историка археологии к юбилею // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т.11. №1 (41). С. 157-162 [Mel'nikova O.M. Uchenichestvo u V.P. Korzun: zametki istorika arkheologii k yubileyu (Melnikova O.M. Apprenticeship with V.P. Korzun: Notes of an Archaeology Historian on the Anniversary) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie naukI». 2024. T.11. №1 (41). P. 157-162].

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт “русской исторической школы”. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2000. 298 с. [Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoj nauke: opyt “russkoj istoricheskoj shkoly” (The scientific community in historical science: the experience of the “Russian historical school”). Kazan: Izd. Kazan. un-ta, 2000. 298 p.].

Мягков Г.П., Федорова Н.Г. Как сделаться историком? Гимназические годы в воспоминаниях Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. С. 75-82 [Mjagkov G.P., Fedorova N.G. Kak sdelat'sja istorikom? Gimnazicheskie gody v vospominanijah N.I. Kareeva i M.M. Kovalevskogo (How to become a historian? Grammar school years in the memoirs of N.I. Kareev and M.M. Kovalevsky) // Istorik i ego delo: sudby uchenyh i nauchnyh shkol. Izhevsk: Izd-vo UdGU, 2008. P. 75-82].

Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 164-173 [Mjagkov G.P., Filimonov V.A. Kazanskie uchenye v kommunikativnom prostranstve N.I. Kareeva (Kazan scientists in

the communicative space N.I. Kareeva) // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 151. Serija Gumanitarnye nauki. Kn. 2, ch. 1. Kazan, 2009. P. 164-173].

Мягков Г.П., Филимонов В.А. Проблема монархической власти и её организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Часть 3. С. 161-167 [Mjagkov G.P., Filimonov V.A. Problema monarhicheskoj vlasti i ejo organizacii v drevnih obshhestvah v politiko-istoricheskom diskurse N.I. Kareeva (The problem of monarchical power and its organization in ancient societies in the political and historical discourse of N.I. Kareev) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 4. Chast. 3. P. 161-167].

Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 259-289 [Mjagkov G.P., Hammatov Sh.S. N.P. Gracianskij: put' v nauku (N.P. Gratsiansky: the path to science) // Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik. Vyp. 3. Omsk: Izd-vo OmGU, 2007. P. 259-289].

Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 33-36 [Sveshnikov A.V. Peterburgskaja shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshhestva (The St. Petersburg School of Medievalists of the Early 20th Century. An Attempt at Anthropological Analysis of the Scientific Community). Omsk: izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. P. 33-36].

Шабунина А.К., Высокова В.В., Стогова А.В., Горелов М.М., Васильева С.А., Эрлихсон И.М. К юбилею Лорины Петровны Репиной // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 154-161 [Shabunina A.K., Vysokova V.V., Stogova A.V., Gorelov M.M., Vasil'eva S.A., Erlikhson I.M. K yubileyu Loriny Petrovny Repinoi (For the anniversary of Lorina Petrovna Repina) // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. 2022. № 3 (76). S. 154-161].

Якуб А.В., Бычков С.П. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 7–8 [Yakub A.V., Bychkov S.P. Valentina Pavlovna Korzun – osnovatel'nica Omskoj istoriograficheskoj shkoly. K yubileyu // Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2018. № 4 (20). S. 7–8].

***Иванова Татьяна Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»; tivanovan@mail.ru*

Mentoring and functioning of scientific schools in modern historical science

The interest in scientific mentoring in modern science requires an additional analysis of this definition and the definition of its connection with the most important institution for the reproduction of highly qualified personnel – scientific schools. In modern historiography, a scholarly trend is developing, which is engaged in the study of the phenomenon of scientific schools in the development of historical knowledge. The article analyzes the achievements of scientists in defining a «scientific school»; identifying several typologies of these communities/groups; defining the main features by which the very existence of a particular school can be determined; identification of both the role of scientific schools in the formation of science and the driving forces of their development/disintegration. However, in modern conditions of digitalization and technologization of education and science, active interference of scientific schools, it is necessary to study new trends in the development of scientific communities. On the example of scientific and educational activities of the member of the cor. RAS L.P. Repina, professors G.P. Myagkov and V.P. Korzun identify the functions of scientific mentoring and the signs of a mentoring scientific school. The activity of the Russian Society of Intellectual History in this regard can be considered as a new type of solidary scientific community uniting various scientific schools. Its framework is very informal and is determined by the scientific authority of the leader, the self-awareness of scientists and their desire to identify themselves as part of this creative community.

***Key words**: Scientific mentoring, scientific schools, G.P. Myagkov, L.P. Repina, V.P. Korzun, Russian Society of Intellectual History.*

***Tatyana N. Ivanova,** Dr. Sc. (History), Professor, Departament of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; tivanovan@mail.ru.*

Л.Н. Чернова

ЗАВЕЩАНИЕ КАК АВТОБИОГРАФИЯ: СЛУЧАЙ ДЖОНА КАРПЕНТЕРА, ГОРОДСКОГО КЛЕРКА ЛОНДОНА XV ВЕКА

В статье рассматриваются возможности изучения завещания городского клерка Лондона XV в. Джона Карпентера как его автобиографии. Автор раскрывает потенциал этого источника для реконструкции жизни, семьи, дружеских и деловых связей этого горожанина, его отношения к религии и церкви, интеллектуального облика и участия в благотворительности. Показано, что завещание Карпентера позволяет говорить о нем как о человеке религиозном, заботящемся о своей репутации доброго христианина. Вместе с тем, Джон Карпентер, получивший хорошее по тем временам образование, предстает как городской интеллектуал, посвятивший себя муниципальной службе и весьма успешный на этом поприще, много сделавший для своего родного города в качестве щедрого благотворителя, тесно контактировавший с людьми, заинтересованными в развитии образования и благополучии Лондона. С именем Карпентера, обладавшего богатой коллекцией книг, связано создание первой публичной библиотеки Гилдхолла и основание существующей поныне городской школы.

Ключевые слова: *Лондон XV века, городской клерк, завещание, автобиография, религиозность, благотворительность, семейные ценности, круг общения.*

Средневековая эпоха оставила крайне мало источников личного происхождения, которые позволили бы воссоздать судьбы, жизненные принципы и интеллектуальный облик людей того времени, особенно «простых», не относящихся к аристократической элите. Поэтому иногда единственными сохранившимися письменными свидетельствами об этих индивидуумах могут служить завещания. На это обстоятельство обратили внимание некоторые исследователи, в частности, Р.Э. Вуд, изучивший в контексте жизни и смерти судьбы мужчин и женщин Лондона и Бари-Сент-Эдмундса конца XIV – начала XV в.[1], и К.М. Бэррон, реконструировавшая долгую жизнь Томаса Солтера (ум. в 1558 г. в возрасте 80 лет), лондонского солеторговца и приходского священника[2], благодаря его обширному и весьма подробному завещанию[3]. Наше внимание привлекло также довольно объемное завещание Джона Карпентера – одной из знаковых фигур в истории позднесредневекового Лондона. Это был известный не только в столичном социуме городской клерк, автор знаменитой “Liber Albus” Лондона, одной из первых книг по английскому общему праву, член парламента от столицы (1437 и 1439 гг.), основатель первой «публичной библиотеки» в Гилдхолле и лондонской школы для мальчиков (была известна как «Дети Карпентера»), которая существует и поныне и хранит память о своем основателе.

Данное завещание (в переводе со староанглийского языка) было опубликовано секретарем школы Т. Брюером в 1856 г. в качестве одного

[1] Wood 2012.
[2] Barron 2017 (2): 213–264.
[3] Barron 2017 (2): 239–258.

из приложений в его исключительно комплементарной книге о Джоне Карпентере[4]. Оригинал этого акта последней воли хранится в соборе св. Павла среди регистров суда епископа Лондонского и касается только движимого имущества. Распоряжения относительно земель и прочей недвижимости, в соответствии с распространенной в то время практикой, составляли предмет отдельного завещания, о котором упоминает сам Карпентер (*«another will made of my lands and tenements»*[5], *«the other will made of my lands and tenements»*[6]), но которое до сих пор не удалось обнаружить. Тем не менее, имеющееся в нашем распоряжении завещание содержит ценную информацию по многим вопросам и дает интереснейший взгляд на множество подробностей личного характера, которые невозможно почерпнуть ни из какого другого источника.

Завещание Карпентера датировано 8 марта 1441 г. и подтверждено в суде Хастинга (*Court of Husting*) 12 мая 1442 г. Принимая во внимание, что на должность городского клерка он был избран 20 апреля 1417 г., в возрасте около 45 лет[7], можем предположить, что родился Джон около 1372 г., а умер, возможно, в апреле 1442 г., на 70-м году.

Вся жизнь Карпентера прошла в Лондоне. Судя по завещанию, он был прихожанином церкви св. Петра в Корнхилле, на что прямо указывает: «церковь св. Петра в Корнхилле, где я являюсь прихожанином» (*«the church of St. Peter of Cornhill, where I am a parishioner»*)[8]. Жил он (и, скорее всего, умер) в доме, фактически подаренном ему городом: 23 февраля 1431 г. муниципальные власти предоставили Карпентеру и его жене дом в приходе св. Петра в Корнхилле в аренду на 80 лет на условии внесения ежегодной символической (в виде одной красной розы) платы в течение первых 30 лет, а в оставшийся срок – ежегодной ренты в 20 шиллингов. В завещании, составленном 10 лет спустя, читаем об этом следующее: «Я, вышеупомянутый Джон Карпентер, обладаю недвижимостью сроком на семьдесят лет, согласно распоряжению мэра и муниципалитета вышеупомянутого города [Лондона], как это в полной мере отражено в различных договорах, заключенных между нами»[9]. Этот дом Джон описывает как «мой новый дом», с прилегающим садом, пристройками, подвалами, погребами и другими разнообразными строениями[10]. Очевидно, что это была довольно внушительная резиденция, подобающая человеку высокого общественного положения. Т. Брюер сообщает, что в суде Хастинга было зарегистрировано множество актов о передаче имущества, свидетельствующие о том, что Карпентер постоянно приобретал новую собственность[11]. В завещании, как упоминалось

[4] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 131–144.
[5] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 134.
[6] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 142.
[7] Brewer 1856: 11.
[8] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 132.
[9] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 135.
[10] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 134.
[11] Brewer 1856: 56.

выше, есть ссылки на другой акт последней воли Карпентера, которые доказывают, что он оставил значительную недвижимость. Кроме того, перечисленные в нем посуда и прочая утварь, как и многочисленные денежные дарения, ясно указывают на то, что Джон обладал весьма внушительными средствами. В средневековом стиле смирения и самобичевания он пишет о «моих серебряных сосудах», которые «очень часто служили мне для неразумной и суетной славы мира сего»[12], о «моих отделанных мехом платьях» и других роскошных одеяниях и сетует на то, что «много раз злоупотреблял излишними … и бесполезными нарядами»[13]. Все эти факты позволяют утверждать, что Карпентер был обладателем значительного состояния, жил в комфорте и даже роскоши.

По-видимому, Джон Карпентер, чье становление и вся последующая деятельность проходили в атмосфере востребованности образования как важнейшего инструмента личностного роста и реализации социальных амбиций, особенно в Лондоне[14], изначально был предназначен для карьеры на юридическом поприще, что предполагало свободное владение не только латынью, но английским и французским языками, а также правовыми знаниями. Вероятно, начальное образование он получил в ближайшей к его дому школе св. Антония, которая была неотъемлемой частью целого комплекса, включавшего в себя церковь, госпиталь и школу. Право Карпентер изучал, скорее всего, в одном из Судебных иннов Лондона[15], а свои общественные занятия начал в качестве простого клерка – помощника клерка городского (*Common Clerk*). Надо сказать, что профессионально подготовленные клерки представляли важный элемент в городском социуме Англии, их количество, как богатство и социальное влияние, постоянно возрастали на протяжении второй половины XIII–XV вв.[16] В магистрате Лондона уже в конце XIII в. были клерки мэрии, клерки чемберлена (*Chamberlain*, городской казначей[17]), клерки шерифов, клерки каждого их 24-х олдерменов, а также клерки городских судов[18], а на вершине находился городской клерк, располагавший собственным штатом простых клерков. Common Clerk относился к числу высших официалов лондонской корпорации, его обязанности носили в значительной степени юридический характер: после рикордера (*Recorder of London*, высший судебный чиновник[19]) он выступал главным должностным лицом в местных судах («Хастинг» и «Суд мэра»), обладавших обширной юрисдикцией и практикой. Все судебные разбирательства и их протоколы находились непосредственно в ведении городского клерка и под контролем подчиненных ему лиц. Очевидно,

[12] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 134.
[13] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 134.
[14] Чернова 2024, вып. VIII: 176.
[15] Brewer 1856: 9.
[16] O'Brien 1999: 240.
[17] Чернова 2015: 55.
[18] O'Brien 1999: 243.
[19] Чернова 2015: 55.

Карпентер хорошо зарекомендовал себя и в 1417 г. был избран преемником городского клерка Джона Марчаунта, занимавшего эту должность предположительно с 1399 г.[20] и ушедшего в отставку по состоянию здоровья. За службу Карпентеру ежегодно полагались «вознаграждения и мантии, а также другие предметы повседневного спроса и доходы, каким-либо образом относящиеся к указанной должности…» (Folio cxciv b. Feodum decem libr' concess' Joh'i Marchaunt ad terminum vite)[21].

По отношению к своему предшественнику, под руководством которого Карпентер трудился несколько лет и набирался опыта, он проявил заботу и благородство, отказавшись в его пользу от части служебного вознаграждения в размере 10 фунтов (Folio cxciv b. Feodum decem libr' concess' Joh'i Marchaunt ad terminum vite)[22]. Кроме того, «по сердечному и усердному ходатайству Джона Карпентера» за Марчаунтом пожизненно сохранялся особняк, располагавшийся напротив центрального входа в Гилдхолл, «в котором он проживает» (Folio cxciv b. Feodum decem libr' concess' Joh'i Marchaunt ad terminum vite)[23]. Трогательная забота о своем предшественнике и наставнике, вынужденном уйти со службы из-за проблем со здоровьем, как нельзя лучше характеризует Джона Карпентера – человека гуманного, благодарного, ответственного и переживающего за судьбы других. Именно Карпентера Марчаунт назначил главным своим душеприказчиком по завещанию от 18 июля 1421 г.[24]

Основой деятельности Карпентера как городского клерка была сфера документальной культуры. От имени мэра, олдерменов и общины горожан он подписывал прокламации и судебные протоколы, за ведение которых нес полную ответственность (один из них он подписал своей фамилией «Carpenter» (Folio ccxii. March 1417–18: Proclamacio sup 'judicio billor')[25], и это единственный случай такого рода), имел доступ к финансовым отчетам города. Интерес Карпентера к городским обычаям проявился в составлении им в самом начале карьеры, в 1419 или 1421 г., «Liber Albus» («Белой книги»), получившей свое название из-за белого переплета. Э. Эпплфорд предполагает, что она была создана в подражание «Liber Horn», написанной одним из самых амбициозных предшественников Карпентера, городским чемберленом начала XIV в. Эндрю Хорном[26]. «Liber Albus» представляет собой обширный свод, являющийся исчерпывающей на тот момент попыткой систематизировать все сохранившиеся архивные материалы Лондона, с перекрестными ссылками, и зафиксировать обычаи города, связанные с распределением властных полномочий и передачей власти в магистрате города, а также подробно описать историю возникновения и обязанности избираемых

[20] O'Brien 1999: 242.
[21] Calendars of Letter-Books… Letter-Book I (1400–1422) 1909: 179–180.
[22] Ibid.: 179.
[23] Ibidem.
[24] Calendar of Wills… 1890: 431.
[25] Calendars of Letter-Books … Letter-Book I (1400–1422) 1909: 196–197.
[26] Appleford 2008: 292–293.

мэров и других должностных лиц, входящих во властную иерархию[27]. По мнению Д. О'Брайен, «Liber Albus» – это «наиболее тщательно продуманная и упорядоченная коллекция городских обычаев и законов Лондона»[28]. Ш. Линденбаум считает, что Карпентер составил «Liber Albus», чтобы повысить самосознание лондонской олигархии, неотъемлемой частью которой он был, укрепить ее представление о себе как о «едином авторитетном организме»[29]. Столь амбициозный замысел Карпентера очень хорошо сопрягается с его юридической практикой: он отстаивал интересы отдельных горожан и города в целом, особенно в отношениях с церковью. Так, он несколько раз оспаривал церковные законы об убежище на том основании, что практика укрывательства преступников в церквах нарушает общественный порядок. А в 1431 г. добился от парламента разрешения отобрать земли, оставленные сэром Джоном Палтни, бывшим мэром Лондона, у настоятеля и священников колледжа Тела Христова из-за невыполнения ими обязательства выплачивать 4 марки в год на помощь заключенным Ньюгейта[30]. Карпентер оставался городским клерком до 1438 г. (его преемником стал Ричард Барнет[31]), но и после ухода с этого поста с ним продолжали консультироваться по вопросам обычаев Лондона: в 1440 г. от имени городской корпорации он был награжден 20 марками за эти услуги[32].

Как человек своего времени, Карпентер был глубоко религиозен и в полном соответствии с традиционной моделью поведения стремился зарекомендовать себя добропорядочным христианином и благодетелем, о чем недвусмысленно свидетельствует его завещание. Препоручив свою душу Богу и всей небесной канцелярии и «смиренно испросив прощения за прегрешения» («*humbly ask pardon for my transgressions*»), он отдал распоряжение похоронить его «мерзкое тело» («*my vile corpse*») перед входом к «главному алтарю церкви св. Петра в Корнхилле»[33], и дал подробные указания относительно организации его похорон, совершаемых религиозных обрядов и выплат присутствующим представителям духовенства и бедным людям. В своей последней воле Джон выразил желание, чтобы его похороны были скромными… без какой-либо роскоши и прочей мирской помпезности»[34].

Затем, в рамках существовавших традиций, следуют остальные завещательные распоряжения. Значительная их часть касается религиозных учреждений, священнослужителей («… я смиренно молю … настоятелей монастырей и других священников, моих самых дорогих отцов, чтобы они соблаговолили сердечно и по-особому поминать меня в своих

[27] Kellaway 1978: 67–84.
[28] O'Brien 1999: 115.
[29] Lindenbaum 1999: 295.
[30] Appleford 2008: 291.
[31] O'Brien 1999: 242.
[32] Appleford 2008: 291.
[33] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 132.
[34] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 132.

благочестивых молитвах так долго, как это им будет угодно»[35]), а также бедных, больных и узников тюрем. Можно сказать, что Карпентер оставил своеобразный каталог госпитальных учреждений и тюрем Лондона первой половины XV в. Каждому бедному брату и сестре госпиталя св. Марии на Крипплгейт, а также каждой бедной сестре в госпиталях св. Марии за Бишопсгейт, св. Варфоломея в Смитфилде, св. Екатерины около Тауэра и св. Томаса в Саутуорке он завещал по 12 пенсов; 40 шиллингов душеприказчики должны были распределить среди бедных прокаженных в Холборне, Локсе и Хэкни и бедных душевнобольных в Бетлеме, а 100 шиллингов – на еду или деньги «для бедных заключенных Ньюгейта, Ладгейта, Флита, Маршалси и тюрьмы Суда Королевской скамьи, а также Вестминстерской тюрьмы»[36]. Остаток всего имущества, не оговоренного в завещании, после уплаты долгов, если таковые обнаружатся, Карпентер оставил своим душеприказчикам, чтобы они распорядились им «в целях благочестия и милосердия, как сочтут наиболее угодным Богу и полезным для спасения моей души»[37].

Немаловажная деталь, которая проливает некоторый свет на жизненные обстоятельства Карпентера, заключается в том, что с ним постоянно проживал священник («*chaplain dwelling with me*») Уильям Тейлор[38]. Кроме того, у Джона были все необходимые предметы культа для отправления религиозных обрядов непосредственно в его доме. В завещании упоминаются большой миссал (*missal* – молитвенник, содержащий все, что должно ежедневно произноситься во время службы); серебряная с позолотой чаша, предназначавшаяся для потира (сосуда для христианского богослужения, используемого при освящении причастного вина и принятии Святого Причастия); паксарий (*paxarium* – изображение Святого Духа, страстей Господних и т.д., по сути, это священная эмблема, нарисованная или выбитая на куске дерева или металла; в данном случае она, вероятно, служила крышкой для чаши, используемой во время мессы); фиалы (*phials* – сосуды, в которых вино и вода подавались к алтарю перед освящением); казула или риза[39].

Карпентер был связан с госпиталем св. Антония на Треднидл-стрит и картезианским монастырем Чартерхаус в Шине, являлся братом монастыря того же ордена в Лондоне, а также членом братства 60-ти лондонских священников: «… я завещаю настоятелю и монастырю Чартерхауса в Шине 40 шиллингов. Также я завещаю настоятелю и монастырю Чартерхаус близ Лондона, недостойным братом которого я являюсь, 40 шиллингов; и братству 60-ти священников Лондона, братом которого я также являюсь, 40 шиллингов»[40]. Может показаться странным, что человек, не дававший монашеских обетов, был братом монастыря, а миря-

[35] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 133–134.
[36] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 138–139.
[37] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 142–143.
[38] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 139.
[39] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 133–134.
[40] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 137.

нин – членом братства священников. Но примеры подобного рода не так редки. Благотворители часто вступали в братство монастыря, что давало им право без отречения от мира участвовать во всех молитвенных службах братьев и посещать мессы после их смерти. Привилегия предоставлялась в виде официального документа, написанного на пергаменте, часто богато иллюстрированного и скрепленного печатью братства[41].

Очевидно, важную роль в жизни Джона Карпентера играла семья. В завещании он несколько раз упоминает родителей, не называя их имен, сообщает, что похоронены они в церкви св. Мартина Аутвича, и оставляет посмертные дарения на помин их душ. Все предметы культа, имевшиеся в его доме, Карпентер завещал церкви св. Мартина «во славу Господа и Святого Мартина, и чтобы моя душа, а также души моих родителей более сердечно поминались во время богослужений…»[42]. Т. Брюер пишет, что отца Джона звали Ричард Карпентер, скорее всего, он был горожанином Лондона и занимался каким-то ремеслом и торговлей. Имя матери – Кристина. У Джона Карпентера были, как минимум, два брата, которых он упоминает в своем завещании: старший, тоже Джон (родился ок. 1362 г.), и средний, Роберт (род. ок. 1368 г. в Лондоне и, возможно, был пивоваром)[43]. Именно их городской клерк назначил наблюдателями и помощниками в исполнении своей последней воли.

Джон был женат на некой Кэтрин, которая, по-видимому, родилась в Лондоне, но ни ее фамилии, ни даты их вступления в брак мы, к сожалению, не знаем. Можно лишь предполагать, что супругов связывали очень теплые отношения. Своей жене Джон завещал (сверх земли и рент) 100 марок наличными и 50 марок, в которые оценивались его лучшие золотые и серебряные украшения, а также посуду вместе с остальной кухонной утварью и столовыми приборами, находившимися в его доме в Лондоне. Также он передал ей сам дом сроком на 20 лет (затем, на оставшийся срок, – настоятелю и церковным старостам церкви св. Петра в Корнхилле для соблюдения религиозных обрядов, оказания помощи бедным и ремонта церкви)[44]. Немаловажно, что он назначил Кэтрин одним их своих душеприказчиков (наряду с Дэвидом Файвианом, Уильямом Чедвортом и мастером Джоном Карпентером из госпиталя св. Антония)[45] и оставил средства церкви св. Мартина на помин ее души[46]. Кэтрин умерла в 1458 г., пережив своего мужа на 16 лет: ее последнее из двух завещаний датировано 31 марта 1457 г.[47]

У Карпентера не было собственных детей, но все же он, очевидно, получал немалое удовольствие от того, что его окружал семейный круг. В завещании не обделены вниманием не только его братья, но и несколь-

[41] Brewer 1856: 59.
[42] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 133.
[43] Brewer 1856: 3.
[44] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 134–135.
[45] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 144.
[46] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 135.
[47] Calendar of Wills… 1890: 536–537.

ко племянников и племянниц. Так, брату Роберту он оставил «на память и для контроля за исполнением моего настоящего завещания один из тех двух серебряных с позолотой кубков с крышкой … весом в 25 унций»[48], а брату Джону передал «таким же образом… другой из кубков, такого же веса»[49]. Ричарду, сыну Роберта, были завещаны 100 шиллингов «для увеличения его состояния, когда он достигнет совершеннолетия и обретет благоразумие»[50]. Такая же сумма отписана другому племяннику – Джону, сыну брата Джона. Дочерям Роберта, Джоан и Кэтрин, Карпентер оставил в качестве приданого денежные средства, 100 шиллингов и 10 марок соответственно, по солонке и 12 серебряных ложечек, а также по чаше с крышкой. Дочери брата Джона, Марджери, также были завещаны 100 шиллингов, чаша с крышкой, солонка и 12 серебряных ложек[51].

Кроме того, у Джона Карпентера было немалое количество клерков (не менее 7 человек), слуг (не менее 10 человек) и людей, находившихся на его попечении. Он называет имена многих из них и оставляет им наследство, а некоторым, старым и немощным, завещает пожизненную ренту. Среди упомянутых в завещании клерков – Джон Кроутон, Джон Браун, Ричард де Лафелд и Ричард Ловелл, Роберт Блаунт. В числе получателей денежных средств (по 2,5 марки) Карпентер называет также Николаса Мейсона и Джона Элиса, «моих клерков». Агнес Пейдж, «моей старой служанке, сверх ее жалованья», он завещал 40 шиллингов. Маргарет Элис, «для ее продвижения по службе, когда она достигнет совершеннолетия или выйдет замуж», – 5 марок. «Маленькому Кристоферу, который был со мной с колыбели, когда он достигнет совершеннолетия, если у него к тому времени будет хороший характер», – также «5 марок на его продвижение по службе». Показательно, что «продвижение по службе» в Лондоне XV в. было возможно независимо от гендерной принадлежности. Слугам Джону Рейнолду завещано 20 шиллингов, Джону Полису – 13 шиллингов и 4 пенса «и одно из моих платьев по выбору моей жены»; Джону Колопу – 20 шиллингов, Агнес Вертесанс – 10 шиллингов, Джоан Джерард – 10 шиллингов и Роберту Умфри – 20 шиллингов, «сверх ежегодной ренты, которую я назначил ему для поддержания его жизни». Отдельного внимания завещателя удостоился Ричард Грей. Джон Карпентер распорядился, чтобы его жена «из моего имущества содержала бедного и немощного Ричарда Грея, пока он желает оставаться с ней; в противном случае, чтобы этот Ричард получал из моего имущества средства к существованию, пока он жив, от моей вышеупомянутой жены: 6 пенсов в неделю или ежегодную ренту, которую я назначил ему пожизненно в другом моем завещании, по выбору моей жены»[52]. Такая забота о людях, служивших ему и находившихся на его попечении, индивидуальный подход к ним при назначении

[48] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 136.
[49] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 136.
[50] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 136–137.
[51] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 137.
[52] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 140–141.

дарений характеризует Карпентера как человека ответственного, внимательного, справедливого, совестливого, добропорядочного христианина.

Важным ключом к пониманию характера, моральных принципов и интеллектуальных запросов Джона Карпентера является его круг общения, его деловые партнеры и друзья. Те, с кем он поддерживал дружеские отношения, занимали видное место среди ученых, интеллектуалов своего времени, активно способствовали распространению знаний, основанию новых школ в Лондоне и за его пределами. Среди них мы обнаруживаем нескольких весьма уважаемых и даже знаковых для того времени персон.

1. «Преподобный друг» и тезка Джона Карпентера-клерка епископ Вустерский Джон Карпентер, доктор теологии и ректор Ориел-колледжа в Оксфорде, с 1433 г. настоятель госпиталя св. Антония в Лондоне[53]. Он учредил стипендию для студентов Оксфорда, где сам получил образование, отметился другими щедрыми пожертвованиями на развитие образования. В 1441 г. епископ Вустерский разработал проект по присоединению к госпиталю св. Антония близлежащей церкви св. Бенета (Бенедикта) Финка (Финча, благотворителя XIII в., на средства которого была восстановлена эта церковь) и использованию полученного таким образом дохода для оплаты труда (16 марок в год) учителя, который до того бесплатно преподавал грамматику в школе при госпитале и поблизости от него «всем мальчикам или другим [людям], которые хотели учиться и стать учителями»[54]. С самого начала Карпентер, по-видимому, предполагал, что при новой грамматической школе должна быть и певческая школа: клирик Джон Бенет получал годовое жалованье в размере 8 марок и 4 ярда ткани за обучение мальчиков пению.

2. Сэр Джон Нил, еще один священнослужитель, настоятель церкви св. Марии Коулчерч и госпиталя св. Фомы Акрского в Чипсайде. Он был одним из клириков (трое других: настоятель церкви Всех Святых Уильям Личфилд, настоятель церкви св. Андрея в Холборне Джилберт Уортингтон, и горячий сторонник образования и покровитель учителей Джон Кут, настоятель церкви св. Петра в Корнхилле[55]), которые уже после смерти Карпентера, в 1447 г., подали в парламент петицию, в которой указывали на нехватку грамматических школ и подготовленных учителей в Лондоне[56] и просили разрешения (оно им было предоставлено) основать школы и назначить знающих учителей в своих приходах.

3. Мастер Уильям Бингхэм, настоятель церкви св. Иоанна Крестителя в Лондоне, известный пропагандист науки и образования. С его именем связано создание «Божьего дома» в Кембридже, в котором 24 юноши могли постоянно проживать и обучаться под руководством ученого священника, а затем направляться в разные части Англии, туда, где пришли в упадок грамматические школы. В итоге «Божий дом» был объединен с колледжем Христа в Кембридже. С проектом Уильяма Бин-

[53] Emden 1957: 360–361.
[54] Barron 2017 (1): 455.
[55] Чернова 2024, вып. VIII: 183.
[56] Educational Charters and Documents 1911: 419–420.

гхэма по созданию колледжа для подготовки магистров грамматики в Кембридже оказалась связана целая группа настоятелей церквей Лондона – выпускников Кембриджа. Это уже упоминавшиеся Уильям Личфилд, Джилберт Уортингтон и Джон Кут[57].

4. Мастер Уильям Личфилд, настоятель церкви Всех Святых в Роупери, соратник Уильяма Бингхэма в вопросе открытия новых грамматических школ в Лондоне и в королевстве, в целом.

5. Доктор Реджинальд Пекок, в то время мастер Уайтингтонского колледжа св. Михаила, друг и один из душеприказчиков Карпентера. Это был ученый со славой «единственного великого английского богослова XV века»[58]. Главный труд Пекока – трактат «Отповедь тем, кто без меры поносит духовенство» (ок. 1455 г.); среди других его сочинений – «Книга, или Правила христианской религии», «Донат» (или «Введение в главные истины христианской веры в форме диалога между отцом и сыном») и «Последователи Доната»[59]. В 1457 г. Пекока обвинили в поддержке догматов лоллардов. Только публичное отречение от своих убеждений ему удалось избежать казни.

Список людей, с которыми был связан Карпентер, можно расширить за счет тех, кто занимал высокие посты в Лондоне и получил известность благодаря своей благотворительности и заботе об образовании. Прежде всего, это знаменитый сэр Ричард Уайтингтон, богатый торговец шелковыми и бархатными тканями (мерсер), трижды мэр Лондона и крупный кредитор короны. После его смерти в 1423 г. Джон Карпентер в роли главного исполнителя последней воли почившего[60] контролировал завершение усилий по реализации трех благотворительных проектов Уайтингтона, финансируемых из его средств: созданию колледжа для священников при церкви св. Михаила, богадельни и библиотеки Гилдхолла, которая должна была служить интеллектуальным ресурсом для низших слоев лондонского духовенства и членов гильдий[61].

Среди тех, кто входил в дружеский круг Джона Карпентера, также были: сэр Уильям Севеноук, бакалейщик, олдермен, мэр 1418–1419 гг.[62], выделивший средства для основания в его родном городе Севеноук свободной (бесплатной) грамматической школы, управлять которой должны были викарий и церковные старосты[63]; сэр Роберт Чайчел, бакалейщик, мэр в 1411 и 1422 гг., брат Генри Чайчела, архиепископа Кентерберийского[64], сэр Джон Рейнуэл, торговец рыбой, олдермен, шериф, мэр в 1427 г.[65], сэр Джон Уэллс, бакалейщик, олдермен, шериф, мэр 1431 г., построивший часовню святых Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова

[57] Чернова 2024, вып. VIII: 183.
[58] Pecock, Reginald 1911: 33.
[59] Чернова 2024, Т. 24, вып. 4: 478.
[60] Calendar of Wills… 1890: 432.
[61] Appleford 2008: 291.
[62] The Aldermen of the City of London… 1913: 4.
[63] Calendar of Wills… 1890: 484.
[64] Calendar of Wills… 1890: 491–492.
[65] The Aldermen of the City of London… 1913: 5.

в церкви св. Антония и оставивший разнообразные пожертвования, в т.ч. по 20 фунтов на ремонт акведука и водовода и Лондонского моста[66], тоже щедрые благотворители – сэр Уильям Эстфелд, мерсер, олдермен, шериф, мэр в 1429 и 1437 гг.[67], сэр Стивен Браун, бакалейщик, олдермен, шериф, мэр в 1438 и 1448 гг.[68], Роберт Лардж, мерсер, олдермен, шериф, мэр 1439 г.[69], у которого, в частности, обучался Уильям Кэкстон.

Все эти люди, с которыми имел обыкновение общаться Джон Карпентер, отличались социальной активностью, заботой о благополучии Лондона, распространении образования, расширении сети грамматических школ, а многие из них были непосредственно связаны с интеллектуальными занятиями, проявляли большой интерес к книгам. И Карпентер, судя по его завещанию, разделял эти устремления и вкусы. Не случайно он позаботился о благополучии колледжа св. Михаила на Риоле, оставив по завещанию сэру Реджинальду Пекоку, мастеру колледжа, 20 шилл.; «и каждому священнику этого колледжа – по 3 шилл. и 4 пенса; и каждому другому священнику, не являющемуся членом колледжа, но служащему в той же церкви или колледже, – по 2 шилл.; и каждому клерку в том же колледже или церкви – 20 пенсов»[70]. Городской клерк оставил деньги и для того, чтобы не имевший бенефиция оксфордский или кембриджский ученый прибыл в Лондон проповедовать в соборе св. Павла[71], а также основал школу для мальчиков в Лондоне.

Об интересе Джона Карпентера к интеллектуальной сфере свидетельствует и собранная им коллекция книг – коллекция, которая в эпоху, когда книги являлись редкостью, а книгопечатание неизвестно (все книги были в рукописном виде: Кэкстон открыл свою типографию в Вестминстере только в конце века, в 1476 г.), была очень ценным приобретением. К.М. Бэррон охарактеризовала частную библиотеку Карпентера как «одну из самых обширных… в Лондоне XV века»[72].

Список принадлежащих Джону Карпентеру книг, которые упоминаются в его завещании, насчитывает 26 наименований. Книги в основном классические и богословские, но также дидактические трактаты и сочинения гуманистов, и они раскрывают для нас Карпентера как человека образованного, благочестивого и библиофила. В его библиотеке были сочинения: св. Проспера Аквитанского, жившего в 403–463 гг. секретаря папы Льва Великого («О созерцательной жизни»[73]), Алана Лилльского («Антиклаудиан», «Плач Природы»), Ансельма Кентерберийского («О размышлениях и молитвах Святого Ансельма»[74]), кардинала Лота-

[66] Calendar of Wills… 1890: 499–500.
[67] Calendar of Wills… 1890: 509–511.
[68] Calendar of Wills… 1890: 553–554.
[69] The Aldermen of the City of London… 1913: 7.
[70] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 138.
[71] Calendar of Plea and Memoranda Rolls … A.D. 1458–1482 1961: 129–130.
[72] Barron 2004: 306.
[73] Упоминается Петраркой как своего рода школьный учебник.
[74] Речь идет о «Прослогионе» – теологическом трактате Ансельма Кентерберийского, написанном им в 1077 г., в котором он взывает к Богу, сетует на грехопадение Адама

рио, будущего папы римского Иннокентия III («О презрении к миру»), английского богослова, получившего степень доктора богословия в Оксфорде, Роджера Даймока («Против двенадцати заблуждений ереси лоллардов» / «*Adversus duodecim errors et hæreses Lollardorum*»), Винсента из Бове («Королевское зерцало»), Петрарки («О средствах против превратностей судьбы»), Ричарда де Бери, епископа Даремского, канцлера и казначея Эдуарда III («О любви к книгам», ок. 1343 г.), Сенеки, Аристотеля («Тайны Аристотеля» и «Сокровенные тайны Аристотеля», своего рода краткое изложение философии Аристотеля, которое, возможно, Аристотель составил в преклонном возрасте и адресовал своему ученику Александру Македонскому), а также «Притчи царя Соломона», «Краткая Библия», «Книга Екклесиаста», «Теология» («Моя книга на французском языке, содержащая «Десять заповедей», «Двенадцать символов веры», «Семь божественных добродетелей» и многое другое»), «Трактат о правилах письма», несколько книг о политике (в т.ч. на французском языке) и войнах, об общем праве Англии и обычаях Лондона.

Как видим, тематика книг из библиотеки Джона Карпентера весьма обширна и раскрывает его разноплановые интеллектуальные запросы.

Иногда завещание позволяет проследить историю комплектования библиотеки. Сочинения Аристотеля и трактат Иннокентия III, достались Карпентеру от его предшественника по должности Джона Марчаунта («*my master Marchaunt gave to me*»[75]). Некую книгу по архитектуре Карпентеру подарил его друг Уильям Клив, священнослужитель, королевский капеллан и искусный архитектор, отвечавший за выполнение строительных работ в королевских дворцах Элтем, Шин, Вестминстер и в Тауэре[76] («*book on architecture which master William Cleve gave to me*»[77]), «Краткую Библию» – богатый лондонский бакалейщик, основавший колледж для секулярных священников на месте дома своего отца в Садбери, графство Саффолк, и завещавший на его содержание доходы от части лондонской недвижимости[78], деловой партнер Уильяма Севеноука Джон Садбери[79]. Книгу Роджера Даймока «Против двенадцати заблуждений ереси лоллардов» Карпентеру передал Джон Уилок[80], входивший в его ближайшее окружение[81], а «Теология» ранее принадлежала сэру Томасу

и дает определение Бога (*Deus*) как «нечто, более чего нельзя ничего помыслить» или «предел всех вещей». В конце первой главы он ставит проблему соотношения веры и разума и тут же отвечает: «верую, чтобы разуметь» (*credo, ut intelligam*). Далее, во второй главе, идет изложение «онтологического аргумента» бытия Бога, согласно которому из самой идеи Бога следует его объективное существование, ибо она «не может иметь бытие в одном только разуме». В 14-й главе Ансельм перечисляет следующие имена Бога: Жизнь (*Vita*), Свет (*Luce*), Премудрость (*Sapientia*).

[75] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 138.
[76] Brewer 1856: 61.
[77] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 137.
[78] Calendar of Wills… 1890: 439–440.
[79] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 139.
[80] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 139.
[81] Harry 2019: 119–120.

Пикворту[82], рыцарю, лейтенанту Кале («*Thomae Pykworth* Locumtenentis Villae Calesii»: Super Attemptatis Reformandis. A.D. 1405)[83].

Интересно посмотреть, каким образом распорядился своей коллекцией книг Джон Карпентер. Как память о себе («*as a memorial of me*») он завещал мастеру Джону Карпентеру, настоятелю госпиталя св. Антония, книгу по архитектуре; сэру Джону Нилу, настоятелю госпиталя св. Томаса – «Тайны Аристотеля» и трактат Иннокентия III «О презрении к миру»[84]; мастеру Уильяму Бингхэму – книгу Роджера Даймока «Против двенадцати заблуждений ереси лоллардов»; сэру Дэвиду Файвиану, настоятелю церкви св. Бенета Финка, «в память о том, что он заботится о моей душе», завещатель оставил «Краткую Библию»[85]. Священнику Уильяму Тейлору, который проживал в доме Карпентера, «на память обо мне», была завещана книга «О размышлениях и молитвах Святого Ансельма», «чтобы он мог перед своей смертью подарить ее какому-нибудь набожному человеку, который помолился бы за наши души»[86]. Таким образом, значительная часть книг из коллекции Джона Карпентера была завещана его друзьям из числа духовенства.

Одному из душеприказчиков, Уильяму Чедворту, наряду с 5 марками он оставил «маленькую книжицу под названием «О созерцательной жизни» св. Проспера Аквитанского…»[87]. Еще одну группу получателей книг из библиотеки Карпентера составили трудившиеся с ним клерки. Роберту Лэнгфорду он завещал «мою книгу под названием «Королевское зерцало» («*Speculum morale regium*») Винсента де Бове, написанную для бывшего короля Франции», Джону Кроутону – «мою маленькую книжицу «Плач Природы» Алана Лилльского («*Alanus de planctu*»)». Ричарду Мордауну – «еще одну мою книжицу «Антиклаудиан» Алана Лилльского («*Alanus de Anticlaudiano*»)». Джону Брауну – «мою книгу на французском языке «Теология», содержащую в начале десять заповедей, двенадцать символов веры, семь теологических добродетелей, а в конце – сочинение о войнах и военных сражениях». Ричарду де ла Фелду – «всю книгу, содержащую трактат «О любви к книгам» Ричарда Даремского, поэму Овидия, «Плач природы» Алана Лилльского и трактат о правилах письма». Ричарду Ловеллу – «небольшую книгу о политике на французском языке». Николасу Мейсону и Джону Элису – «5 моих книжечек «о деяниях, морали и повелениях»[88]. Особенно Карпентер выделил Роберта Блаунта, которому не только отписал несколько книг («Притчи царя Соломона», «Книгу Екклесиаста», «О средствах против превратностей судьбы» («*De remediis utriusque fortunes*») Петрарки, трактат Сенеки «О четырех главных добродетелях» («*De quatuor virtutibus cardinalibus*»),

[82] Will (No. 2) a of John Carpenter. P. 140.
[83] Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica… 1727: 391.
[84] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 138.
[85] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 139.
[86] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 139.
[87] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 140.
[88] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 140–141.

«Пророческие изречения», переведенные с греческого на латинский язык Педро Альфонсо («*Sententise diversorum propbetarmn», translated from Greek into Latin by master Peter de Alphense*»), и «Сокровенные тайны Аристотеля» («*Secretum secretorum Aristotelis*»)), но и распорядился, чтобы он «мог в течение всей своей жизни, если пожелает, пользоваться всеми моими маленькими книжицами или справочниками, с актами и записями по общему праву королевства и обычаям города Лондона (имеются в виду юридические книги с формулярами и прецедентами. – *Л.Ч.*), а после его смерти они должны остаться в Гилдхолле Лондона для пользы тамошних клерков»[89]. Так что Джон Карпентер показал себя как патриот города и городской власти, к которой он сам принадлежал и для эффективного функционирования которой немало сделал.

Не осталась без внимания завещателя и библиотека Гилдхолла, к созданию которой он имело непосредственное отношение. «Если среди моего имущества будут найдены какие-либо достойные или редкие книги («*any good or rare books*»), которые… могут оказаться полезными для библиотеки в Гилдхолле, для пользы тамошних учеников и тех, кто читает лекции… то я завещаю, чтобы мои душеприказчики передали эти книги в библиотеку и приковали их цепями так, чтобы посетители и ученики могли быстро получить к ним доступ и молились за мою душу»[90]. Таким образом, Карпентер не только успешно реализовал библиотечный проект Ричарда Уайтингтона, но и позаботился о его дальнейшем развитии, вновь продемонстрировав свою заинтересованность в совершенствовании интеллектуальной сферы своего родного города.

Таким образом, изучение завещания городского клерка Лондона Джона Карпентера как его автобиографии предоставляет определенные возможности для реконструкции его жизни, семейного круга, дружеских и деловых связей, его отношения к религии и церкви, интеллектуального облика и участия в благотворительности. Завещание Карпентера позволяет говорить о нем как о человеке, заботящемся о своей репутации доброго христианина. Отсюда и следование традиционной структуре завещания, в котором прежде всего содержатся подробные распоряжения относительно похорон и поминальных служб, на проведение которых отписаны значительные средства, упомянуты дарения многочисленным церковным учреждениям (приходским церквам и монастырям), госпиталям и тюрьмам. Важное место в системе ценностей Карпентера занимала семья, его жена, братья, племянники и племянницы, которым отписаны соответствующие дарения. При этом супруга назначена одним из душеприказчиков, а братьям доверена миссия контролировать исполнение его последней воли. Не забывает Карпентер и своих почивших к тому времени родителей, завещая средства на помин их душ. Вместе с тем Карпентер предстает как яркий представитель городских интеллектуалов XV века. Получивший хорошее по тем временам образование, он

[89] Will (No. 2) a of John Carpenter… 1856: 141.
[90] Will (No. 2) a of John Carpenter. P. 143–144.

посвятил себя муниципальной службе, не только выполняя повседневные обязанности, но и расширив и усложнив свои полномочия, войдя в историю не просто городским клерком, но «секретарем города». Карпентер составил «Liber Albus» для того, чтобы обеспечить эффективность функционирования столичного магистрата и усилить ощущение единства и сплоченности городской олигархии, частью которой был сам. Он многое сделал для своего города в качестве щедрого филантропа и сумел реализовать благотворительные проекты мэра Ричарда Уайтингтона, нацеленные на создание общественной библиотеки и колледжа. Распространение знаний и образования в Лондоне вообще стало особой заботой Карпентера, обладавшего богатой коллекцией как классических и богословских книг, так и дидактических трактатов и сочинений гуманистов (Петрарка) и основавшего городскую школу. Его друзья, весь круг общения принадлежали к интеллектуальной среде, включая в себя людей, заинтересованных в развитии образования и заботившихся о благополучии Лондона. И город в лице властей не остался в долгу, обеспечив своему «секретарю» достойные, даже роскошные условия и возможности для жизни, почет и уважение, и сохранив память о нем, как того желал сам Джон Карпентер.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Appleford A. The Dance of Death in London: John Carpenter, John Lydgate, and the Daunce of Poulys // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2008. 38.2. P. 285–314.

Barron C.M. London in the Middle Ages: Government and People, 1200–1500. Oxford: Oxford University Press, 2004. 496 p.

Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London // Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017 (1). P. 449–479.

Barron C.M. The Will as Autobiography: The Case of Thomas Salter, Priest, Died November 1558 // Medieval London. Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin and J. T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017 (2). P. 213–264.

Brewer T. Memoir of the life and times of John Carpenter, proton Clerk of London in the reigns of Henry V. and Henry VI. and founder of the City of London School: with an appendix of documents, and particulars of benefactions to the School. L.: Print. by Arthur Taylor, 1856. 228 p.

Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, A.D. 1458–1482 / ed. by P. E. Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. 238 p.

Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London A.D. 1258 – A.D. 1688: in 2 pts. / ed. by R. R. Sharpe. London: John C. Francis, 1890. Pt. 2. 996 p.

Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices: in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I (1400–1422) / ed. by R. R. Sharpe. London: His Majesty's Stationery Office, 1909. 408 p.

Educational Charters and Documents 598–1909 / ed. by A. F. Leach. Cambridge : Cambridge University Press, 1911. 582 p.

Emden A.B. A Biographical Register of the University of Oxford to AD 1500: in 3 vols. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 360–361.

Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ, et alios quosvis imperatores, reges, … ab anno 1101, ad nostra usque tempora, habita aut tractata; … In lucem missa de mandato nuperæ Reginæ: in 20 t. / Accurante Thoma Rymer. Londini: Per J. Tonson, 1727. T. 8. 799 p.

Harry D. Constructing a Civic Community in Late Medieval London: The Common Profit, Charity and Commemoration. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2019. 227 p.

Kellaway W. John Carpenter's Liber Albus // Guildhall Studies in London History. 1978. 3. P. 67–84.

Lindenbaum S. London Texts and Literate Practice // Cambridge History of Medieval English Literature / ed. by D. Wallace. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 284–309.
O'Brien D.J.S. «The Veray Registre of All Trouthe»: The Content, Function. and Character of the Civic Registers of London and York c.1274 – c.1482. A Thesis Submitted for the Qualification of D.Phil. York: University of York, 1999. 368 p.
Pecock Reginald // Encyclopædia Britannica: in 29 vols. / ed. H. Chisholm. 11th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 21. P. 33.
The Aldermen of the City of London: in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London: Eden Fisher and Company, 1913. Vol. 2. 374 p.
Will (No. 2) a of John Carpenter: From the Registry of the Commissary Court of London // Brewer T. Memoir of the life and times of John Carpenter, proton Clerk of London in the reigns of Henry V. and Henry VI. and founder of the City of London School: with an appendix of documents, and particulars of benefactions to the School. London: Printed by Arthur Taylor, 1856. P. 131–144.
Wood R. A. Life and Death: A Study of the Wills and Testaments of Men and Women in London and Bury St. Edmunds in the late Fourteenth and early Fifteenth Centuries. Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of London Royal Holloway. London: University of London, 2012. 303 p.
Чернова Л.Н. Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 473–482 [Chernova L.N. Intellektual`noe prostranstvo pozdnesrednevekovogo Londona (Intellectual landscape of Late Medieval London) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2024. T. 24, vy`p. 4. S. 473–482].
Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI вв.: иерархия статусов и власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 49–56. [Chernova L. N. Pravyashhaya e`lita Londona XIV–XVI vv.: ierarxiya statusov i vlasti (The London Ruling Elite of the 14th–16th Centuries: the Hierarchy of Statuses and Power) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2015. T. 15, vy`p. 3. S. 49–56].
Чернова Л. Н. Развитие образования в Лондоне XIV–XVI веков и городские официалы // Британские исследования / ред. С. Н. Гаврилов. М.: Аквилон, 2024. Вып. VIII. – С. 170–199. [Chernova L. N. Razvitie obrazovaniya v Londone XIV–XVI vekov i gorodskie oficialy` (Expansion of Education in 14th–16th Century London and City Officials) // Britanskie issledovaniya / red. S. N. Gavrilov. M.: Akvilon, 2024. Vy`p. VIII. S. 170–199].

***Чернова Лариса Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, larisachernova@mail.ru*

The Will as Autobiography
the case of John Carpenter, Common Clerk of 15th Century London

The article examines the possibilities of studying the will of the 15th Century London Common Clerk John Carpenter as his autobiography. The author reveals the potential of this source for reconstructing the life, family, friendships and business ties of this citizen, his attitude to religion and the church, his intellectual appearance and participation in charity. It is shown that Carpenter's will allows us to speak of him as a religious man who cares about his reputation as a good Christian. At the same time, John Carpenter, who received a good education for his time, appears as an urban intellectual who devoted himself to municipal service and was quite successful in this field, who did a lot for his hometown as a generous philanthropist, and who was in close contact with people interested in the expansion of education and the well-being of London. The name of Carpenter, who had a rich collection of books, is associated with the creation of the first Guildhall public library, and the foundation of the city school that still exists today.

***Keywords:** XV century London, common clerk, will, autobiography, religiosity, charity, family values, social circle, intelligent queries.*

***Larisa N. Chernova,** Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History, Saratov State University, larisachernova@mail.ru*

Д.В. Шмелев, Л.М. Шмелева

ФРАНЦУЗСКИЕ ВСТРЕЧИ Е.А. ИЗВОЛЬСКОЙ СТРАНИЦЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

В статье анализируется французский период жизни и творчества Елены Александровны Извольской, русской аристократки, писательницы и журналистки, участницы католического движения по византийскому обряду среди русских эмигрантов. История ее встреч с французским католическим сообществом межвоенного периода, обстоятельства перехода в католицизм или отношение к интеллектуальным спорам вписывается в более широкую проблему взаимного влияния русской религиозной эмиграции и французских католических интеллектуалов. Одним из важных аспектов сотрудничества проступает движение «постреволюционеров», возникшее в нонконформистской среде и испытавшее сильное влияние персонализма. Статья основана на французских воспоминаниях Елены Извольской, ее статьях во французских журналах, личных заметках и переписке с окружением, а также биографических сведениях, приводимых в статьях российских и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: *Елена Извольская, Франция, католицизм, Жак Маритен, Эммануэль Мунье, Николай Бердяев, постреволюционеры, русская эмиграция.*

Французский католический мир межвоенной эпохи был динамичен в политическом плане, и в нем были представлены мнения разного толка. Одним из факторов влияния стала русская религиозная эмиграция, которая также была неоднородной. Их взаимодействие можно проследить в философской, политической, культурной и интеллектуальной областях. Личные встречи и дискуссии, публикации в прессе, благотворительность и многое другое, в которых принимали участие русские эмигранты и французские католики, имели определенное воздействие на французскую интеллектуальную атмосферу межвоенного периода.

Елена Александровна Извольская (1896–1975) – дочь царского дипломата и министра А.П. Извольского, оказалась во Франции вместе с отцом накануне Первой мировой войны. История встречи и контактов Е.А. Извольской с католиками является примером сложного русско-французского взаимодействия по актуальным проблемам того времени.

Изучение биографии и деятельности Извольской, ее сочинений долгое время оставалось на втором плане как во Франции, так и в России. Обширный пласт ее мемуарного, журналистского и публицистического наследия периода пребывания во Франции оказался по непонятным причинам мало востребован исследователями. Практически нет упоминаний о ней в биографиях Н.А. Бердяева, с которым она активно сотрудничала, – ее имя лишь дважды встречается в книге, написанной О.В. Волкогоновой[1], а в другой, подготовленной Н.К. Дмитриевой и А.П. Моисеевой были в виде приложения опубликованы три письма ее Бердяеву, написанные в более позднее время[2]. Кроме того, отрывки из

[1] Волкогонова 2010.

[2] Дмитриева, Моисеева 1993: 267-270. Письма были перепечатаны из «Нового журнала» (Нью-Йорк, 1969. № 5)

ее писем А.Ф. Керенскому цитирует в своей статье О.Г. Леонтьева[3]. Во Франции сложилась похожая ситуация. Достаточно привести тот факт, что ее французские воспоминания – «Свет в сумерках» – были изданы с комментариями историка Флориана Мишеля в Париже только в 2021 году (первое издание на английском языке увидело свет в Нью-Йорке в 1942 году)[4]. Отдельные периоды жизни Извольской представлены в публикациях Ф. Мишеля, Ю.А. Маричик-Сьоли и К. Фолетти[5].

Данная статья посвящена французскому периоду жизни и деятельности Е.А. Извольской в контексте ее отношений с французскими католиками. Акцент сделан на публикациях самой Извольской, ее сотрудничестве с Ж. Маритеном и Э. Мунье, публикациях в журнале «Эспри», ее анализе ситуации, в которой оказались интеллектуалы-католики тех лет. Освещение данных проблем поможет пролить свет как на историю русской религиозной эмиграции во Франции, так и на специфику дискурса интеллектуалов-католиков в межвоенный период.

Е.А. Извольская родилась в 1896 г. в семье дипломата А.П. Извольского и графини М.К. Толь, дочери российского посланника в Копенгагене К. Толя. Она была племянницей бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, протоиерея П. Извольского. Получила домашнее образование и провела детство в Италии, Германии, Японии, Дании и Петербурге – по местам службы отца-дипломата. Вращение в высшем свете дало ей первые впечатления о сложных отношениях в правящих кругах Российской империи накануне войны и революции. В 1914 г. она стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны, но позднее уехала в Париж к отцу, назначенному послом[6]. После начала Первой мировой войны поселилась со своей семьей на юго-западе Франции. В своих воспоминаниях она почти не упоминает об этом периоде жизни. Интерес представляет разве что ее встреча под влиянием отца с философом Анри Бергсоном. По ее словам, для него «Бергсон был потрясающим откровением, побудив обратиться к мистикам. Однако отец тогда не разрешил ей посещать его лекции. Поэтому, когда она встретилась с ним позже, то «чувствовала себя очень потрясенной»[7].

Известия о революции в России принесли потрясение для семьи Извольских. Александр Петрович впал в депрессию и вскоре умер. После смерти отца в 1919 года Елена вместе с матерью оказалась в бедственном положении, и вынуждена была зарабатывать литературным трудом, что у нее неплохо получалось благодаря прекрасному знанию французского, английского и немецкого языков[8]. Межвоенный период стал временем начала ее литературной карьеры и периодом внутренних

[3] Леонтьева 2009: 16-18.
[4] Iswolsky 1942; Iswolsky 2021.
[5] Michel 2012: 167-192; Маричик-Сьоли 2024: 220-222; Maritchik-Sioly 2019; Foletti 2018: 53-64.
[6] Foletti 2018: 54.
[7] Iswolsky 1942: 76.
[8] Foletti 2018: 54.

духовных поисков, сопряженных с сотрудничеством в качестве корреспондента по русским вопросам в ведущих журналах того времени, таких как «Revue de Paris», «Revue de Deux Mondes» и «Revue de France», а также в русской эмигрантской прессе (например, в журнале «Новый град»). С 1925 по 1930 год она переводила произведения русских писателей и сотрудничала с журналом «Nouvelle Revue Française».

В 1920-е гг. она вращается в кругах русской эмиграции. В частности, ее знакомство с Анной Кашиной-Евреиновой, женой режиссера и драматурга, теоретика и историка театра Н.Н. Евреинова, дало результат в виде совместного романа «Красная молодость Инны» (La Jeunesse rouge d'Inna). Роман, не лишенный литературных достоинств, представлял образ эмансипированной советской девушки, похожей на персонажей литературного творчества А.М. Коллонтай. Героиня – шестнадцатилетняя Инна – из аристократической семьи, но приняла коммунистическую идеологию и мораль. Пройдя через голод, холод, унижение абортом и формальный брак, чтобы получить протекцию и найти работу, она все же отказывается покидать Россию, уехать из страны вместе со своим супругом. Она возвращается к своему любовнику, обещавшему измениться и отречься от своего низменного прошлого[9]. «Наша Инна, – пишет Извольская Кашиной, – должна сказать нечто новое, ни любовных сцен, ни томных умилений, в ее жизни нет и не будет, и не может быть». По ее словам, героиня, «динамична, активна, беспокойна, как беспокойна современная жизнь». В другом письме она аргументирует: «Видите ли, для Франции все романы любви (…) давно исписаны, пересказаны и (…) их не удивишь. Современные авторы давно ушли от этой литературы и описывают всякие извращения, *raffinements*, психологические и патологические компликации и т.д. Изобразить любовь двух здоровых людей – влюбленность девочки, первая любовь, белые ночи, сирень и т.д. – это положительно ни к чему!»[10]

Анна Кашина вспоминает о тех днях сотрудничества с Извольской: «Январь 1927 г. я пробыла в По у моей подруги Елены Извольской, где мы переделали и закончили наш роман «La Jeunesse rouge d'Inna», вышедший весною этого же года сначала в «Revue de France», а затем отдельной книжкой в «Editions de France». Еще в декабре 1926 года, во время моего визита в «Editions de France», я познакомилась там с Пьером Одиа, бывшим тогда «чтецом» в этом издательстве и забраковавшим наш роман в его первой редакции». Извольской удалось позже пристроить роман в журнал «Revue de France», благодаря ее знакомству и сотрудничеству с Марселем Прево, бывшим его редактором[11]. Напечатанный в журнале, затем роман вышел отдельным изданием.

Извольская пытается понять причины крушения монархии и описать последние дни империи. В соавторстве с известным французским

[9] Foletti 2018: 54-55.
[10] Маричик-Сьоли 2024: 220, 221-222.
[11] Iswolsky 1928. См.: Кашина-Евреинова 1964: 50-51.

писателем русского происхождения Жозефом Кесселем она пишет роман «Слепые короли» («Les Rois aveugles»)[12], в котором содержится критика царской политики и неспособности прогрессивной аристократии провести необходимые изменения, остановить войну и снизить неравенство между богатыми и бедными. Трагедия России представлена через двойной кризис – кризис беспомощного царского режима и разрушительный кризис большевистского режима. По словам К. Фолетти, это вызвало критику романа у сторонников монархии, но также и тех, кто симпатизировал революции или рассматривал ее как трагедию[13].

В воспоминаниях о французском периоде жизни она также много пишет о влиянии, которое на нее тогда оказали сочинения Шарля Пеги («в произведениях Пеги мы находим ответы на все жгучие вопросы, которые нас волновали»; «мы постоянно обращались к нему за утешением и наставлением»), Ж. Ривьера, М. Пруста и А. Жида («они заставили нас взглянуть в лицо проблемам нашего дня»), П. Клоделя («интеллектуальная и духовная сила, которая исходила от него»), Л. Блуа и других[14].

В 1923 г., во время уединения в бенедиктинском аббатстве Святой Схоластики (Sainte Scholastique), Извольская перешла в католицизм. Но этому предшествовали глубокие духовные искания. «Прожив много лет во Франции, – пишет она, – я, конечно, была знакома с Католической церковью. Но она не привлекала меня однозначно». Но и в русском православии она уже не находила ясного ответа на религиозные проблемы, особенно перед лицом бедствий мировой войны. Возникла своего рода «завеса» между ней и Богом. Война и знакомство с сочинениями Шарля Пеги стали «первым глубоким католическим влиянием в моей жизни». Таким образом, непосредственное соприкосновение с католичеством дало ей догматическую, мыслительную и культурную основу, чего не могли дать «годы абстрактного изучения». Пребывая в монастыре Святой Схоластики, Извольская «постепенно открывала для себя сокровища католической культуры», познакомилась с аскетическим и мистическим богословием, папскими энцикликами, социальными проблемами, религиозным искусством. Две проблемы, которые привлекли ее особенное внимание – союз церквей и католическое социальное движение, основанное на идеях папской энциклики «Rerum Novarum»[15]. Некоторые русские эмигранты расценили этот «глубоко личный шаг» как предательство. Но Извольская не видела большой дилеммы между католицизмом и православием, поддерживая идею объединения церквей[16].

В 1931 году Елена Извольская вместе с матерью уехала в Нагасаки, где вышла замуж за барона Р.Р. Унгерн-Штернберга, бывшего временного поверенного России в Португалии. Брак оказался несчастливым и

[12] Iswolsky, Kessel 1925.
[13] Foletti 2018: 55. По мнению Извольской, «чувство личной обиды» мешало объективному восприятию действительности многими русскими эмигрантами. Iswolsky 1942: 8.
[14] Iswolsky 1942: 40-41.
[15] Iswolsky 1942: 15, 26-27, 33-34.
[16] Foletti 2018: 58.

продлился он менее двух лет. В конце 1932 года Извольская вернулась в Париж.

Знакомство с Н.А. Бердяевым и Ж. Маритеном. С Бердяевым Извольская познакомилась еще в конце 1920-х гг., но тесные отношения сложились после ее возвращения во Францию. Для нее Бердяев был «идеологом православного возрождения», испытавшим сильное влияние В.С. Соловьева и западных религиозных и теологических течений. «Бердяев обладал особым даром, – пишет она, – он не переставал развивать свои философские идеи. Величайшее общественное или политическое событие и самое незначительное событие повседневной жизни давали ему пищу для размышлений. Его беседы не были тем, что обычно называют “разговором”, он как будто говорил вслух сам с собой, как будто его мысли текли перед нашими глазами подобно медленному нескончаемому потоку»[17]. К сожалению, Бердяев в своей автобиографии ничего об Извольской не пишет, а его жена Л.Ю. Бердяева в поздних дневниковых записях лишь иногда вскользь упоминает о ее посещениях их дома[18]. Между тем, Извольская, действительно, определенный период активно сотрудничала с Бердяевым, переведя на французский язык его книги «Константин Леонтьев» и «Судьба человека в современном мире», участвуя в воскресных собраниях в его доме в Кламаре. Она также отметит отсутствие явного взаимопонимания между Бердяевым и русскими эмигрантами, обвинявшими его в нонконформизме, искажении православного учения, подозревавших его в коммунизме. Молодежь, по ее словам, его игнорировала[19]. Тем не менее, в воспоминаниях она воздаст ему дань уважения: «Мне кажется, что в Бердяеве было что-то пророческое. Он был не просто философом, блестящим собеседником; его страстная привязанность к свободе и уважение к человеку, его благородный гнев, пробуждаемый всеми формами тирании, его преданность истине часто выражались в словах высочайшего вдохновения»[20].

Между тем интеллектуальное сообщество, в которое погрузилась Извольская, жило по своим законам. Как она сама заметит, «это был чрезвычайно требовательный мир, и нужно было много работать, чтобы следовать его стандартам», но в то же время «он был открыт для начинающих, щедрым и отзывчивым», это был «мир чистой литературы и чистого искусства»[21]. Она отмечает важность своего знакомства с Шарлем дю Бо, «великим ученым, глубоким лектором и плодовитым писателем» с его «страстью к дебатам» и суровой критике, который ввел ее в круг парижских католических интеллектуалов[22].

Примерно к этому же периоду относится начало ее дружбы с «другом и учителем» Жаком Маритеном, посетить которого ей настоятельно

[17]Iswolsky 1942: 94.
[18]Бердяев 2015; Бердяева 1996.
[19]Iswolsky 1942: 95-96.
[20]Iswolsky 1942: 103.
[21]Iswolsky 1942: 43-44.
[22]Iswolsky 1942: 46.

рекомендовал дю Бо. Она впоследствии напишет о притягательности Маритена, «своего рода излучении», исходящем от него. «Он никогда не заставлял следовать за собой, не навязывал свои взгляды ни одной группе или клану. Его действия не были основаны на пропаганде. Когда он стремился убедить, он даже не повышал свой голос до тона обычного оратора. В частных беседах он никогда не был категоричным, скорее слишком сдержанным. Однако, как писал один из его друзей, «он мог перевернуть душу человека за несколько секунд», причем не аргументами, а белым пламенем милосердия»[23]. И добавит: «У Маритена я нашла тех самых людей, которые способны создать конструктивную систему, и у них хватило бы веры и мужества, чтобы применить ее на практике»[24].

Участвуя в интерконфессиональных встречах, она была свидетелем споров между Бердяевым и Маритеном. «Это был поединок двух мыслителей исключительно спекулятивной силы и эрудиции. Однако Маритен был слишком строгим томистом, а Бердяев – слишком большим представителем восточного мистицизма, чтобы прийти к согласию». Но они понимали друг друга в области социальных проблем: «Они разделяли одну и ту же христианскую гуманистическую концепцию, и здесь между ними практически не существовало разногласий»[25].

Жак Маритен в своих заметках упоминает о контактах с представителями русской эмиграции из круга друзей Извольской, которых он называет «post-révolutionnaires». «Недавно я познакомился с очень интересной группой русской молодежи, чья позиция сходна с позицией “Эспри” и которая издает два периодических издания, одно из которых называется “Завтра”, а другое “Affirmations” (это “Завтра” публикуется на русском языке и не имеет ничего общего с другим “Завтра”, публикуемом на французском языке другой группой русских). Эти молодые люди очень хотели бы поделиться своим журналом с “Эспри”. Я был бы признателен, если бы Вы согласились на этот обмен и отправили им “Эспри” вместе с полной коллекцией выпусков, изданных на данный момент. Я рассчитываю, что в ближайшее время вы встретитесь у меня дома с этими молодыми людьми»[26], – писал он Мунье 29 ноября 1933 г. В личных заметках Маритен оставит такую запись: «Рая [Раиса Маритен. – *Д.Ш.*] принимала Извольскую, которая рассказывает ей о молодых русских из “Завтра”» (10 ноября); «Вечером визит г-жи Извольской со своими друзьями-постреволюционерами, князем Ширинским и его женой. Симпатично. Интересное движение» (20 ноября)[27].

Как следует из писем Маритена и Мунье, встреча состоялась 17 декабря того же года, и русские «постреволюционеры» получили экземпляры журнала «Эспри», что стало началом активного сотрудничества[28].

[23] Iswolsky 1942: 73.
[24] Iswolsky 1942: 84.
[25] Iswolsky 1942: 86.
[26] Письмо Маритена Мунье от 29 ноября 1933 года // Maritain, Mounier 2016.
[27] Maritain 1965.
[28] Письмо Маритена Мунье от 9 декабря 1933 года // Maritain, Mounier 2016.

Мунье опубликует в феврале 1934 г. в журнале заметку Г. Ширинского под названием «Русское постреволюционное движение»[29]. Он отметит, что это движение «очень близко идеям, дорогим «Эспри». Это была социальная, антикапиталистическая и антикоммунистическая организация на основе христианской морали, поставившая целью «выйти из русской революции» и осуществить синтез в форме свободного и социального христианства. В письме Маритену он писал: «Встреча с Ширинским мне кажется очень важной, и я вам премного за нее благодарен»[30].

Извольская так опишет встречу с «постреволюционерами»: «Мне посчастливилось встретить в Париже группу непредубежденных русских, которые несмотря на свою твердую оппозицию коммунизму, были свободны от чувства личной обиды. Мы с большим интересом следили за событиями в Советском Союзе, всегда стараясь проводить четкую грань между преступлениями и ошибками большевистских правителей и духом русского народа, который пытается заявить о себе. Мы опрашивали всех, кто приезжал из России, и тщательно анализировали полученную информацию. Также мы внимательно изучали советскую прессу, радио и книги. В различных рецензиях, опубликованных в Париже на нашем языке, мы комментировали и анализировали все, что происходит в СССР, регулярно собираясь для обсуждения этих проблем»[31].

Сотрудничество «постреволюционеров» с «Эспри» благодаря организаторскому таланту Мунье придало им дополнительный импульс. «Они были учениками Бердяева и особенно интересовались современной Россией. Они, как и я, верили, что несмотря на коммунизм, Россия все еще продолжает свою внутреннюю и духовную эволюцию в соответствии с ее глубочайшими национальными, историческими и религиозными традициями, что в конце концов освободит ее от марксизма. Постреволюционеры приняли русскую революцию в той мере, в какой она была свершившимся фактом, вехой в истории России. Мы знали, что прилив и отлив никогда не повернутся вспять; революцию нельзя игнорировать, но ее нужно было превзойти преодолеть в соответствии с идеями подлинного русского гуманизма»[32]. По просьбе Мунье «постреволюционеры» предоставили информацию о Советской России и четверых «экспертов», которые должны были писать в «Эспри». Одним из них стала Извольская. Первоначально они так и подписывали свои статьи «Четверо» («Quatre»), но постепенно осталась только одна Извольская, которая вскоре стала публиковаться под своим именем[33].

Сотрудничество с «Эспри». Как отмечалось ранее, при посредничестве Маритена в 1934 г. Извольская познакомилась с Эмманюэлем Мунье и пять лет сотрудничала с журналом «Эспри» в качестве «специалиста по русским делам». Позднее она заметит: «великий вклад Мунье

[29] Schirinsky 1934: 892-898.
[30] Письмо Мунье Маритену от 28 декабря 1933 года // Maritain, Mounier 2016.
[31] Iswolsky 1942: 9.
[32] Iswolsky 1942: 105.
[33] Iswolsky 1942: 106.

заключался в том, что персонализм должен быть выражен не только в абстрактном учении, но и в самой жизни», т.е. привести к внутреннему изменению человека и в конечном итоге к преобразованию мира[34]. Однако она сожалела, что движение «Эспри» так и не вышло за рамки «небольшой элиты», оставшись слишком «академичным» и ограниченным преимущественно университетской средой. По ее мнению, «Эспри» в пропаганде своих идей упустил т.н. средние слои, которые в наибольшей мере оказались подверженными влиянию коммунизма и нацизма[35].

В период с 1935 по 1939 годы Извольская опубликовала в «Эспри» статьи на разнообразные темы, касавшиеся гендерных проблем, крестьянства или религиозной жизни в СССР. Представленные материалы условно можно разбить на несколько тематических групп.

Первая группа касается религиозной политики советской власти, которая, например, нашла отражение в статье Е.А. Извольской «Религиозное движение в СССР». Отправным моментом стало опровержение тезиса, что «пропаганда безбожников» нанесла «смертельный удар по религиозной жизни России», что вылилось в падении посещаемости церквей, лишение молодежи представлений о вере и вообще «самых элементарных христианских представлений», повсеместные преследова-ния священников. Но Извольская пишет также о послаблениях в отношении антирелигиозной кампании, внесенных принятием новой советской конституции и нового закона о выборах и, что не менее важно, изменением отношения партии и правительству к духовенству и верующим (возвращение духовенству гражданских прав и в общественную сферу). По ее мнению, объяснение этой перемены простое: марксистская диалектика предполагала, что церковь связана с капиталистическим строем и с его упразднением исчезнет и духовенство, а раз буржуазия и церковь побеждены в России, то они не могут уже представлять опасность.

Но что получилось на деле? Извольская приводит свидетельство анонимного агронома, бывшего члена партии и противника коллективизации, бежавшего из СССР, о том, что 45% советского населения сохранили веру, что каждый из советских граждан, несмотря на запрет, может ознакомиться с христианским учением. Советские граждане по-прежнему вступают в церковный брак, крестят детей, читают молитвы по усопшим, посещают богослужения. Извольская делает вывод, что теперь христианские собрания представляются «убежищем от террора», где люди «могут встречаться и свободно и доверительно разговаривать», что бедность и исчезновение пышности православного обряда стало напоминанием о ранних христианских общинах, что значительно возросла теперь роль простого священника, особенно в сельской местности, где «духовенство все чаще разделяет повседневную и трудовую жизнь своих прихожан». В статье приводится также свидетельство иностранца, вернувшегося из поездки в СССР в марте 1937 года. В его глазах, советский

[34] Iswolsky 1942: 111-112.
[35] Iswolsky 1942: 115.

священник – типичный представитель интеллигенции, читающий книги и газеты, интересующийся повседневной жизнью. «Он скорее похож на католического приходского священника или протестантского пастора, он поочередно врач, агроном, садовод». Причем, по его мнению, он часто работает вместе с руководителями местной партийной организации. По мнению Извольской, это «новый тип священника», поп без церкви («ходячий поп»), который, однако, начинает вызывать подозрения у советского руководства. Не случайно попытка священников участвовать в выборах 12 декабря 1936 года превратилась в «плебисцитарную комедию», атмосферу негласных запретов, полицейского террора, арестов и высылок, обвинения в шпионаже и безнравственности[36].

Вторая группа публикаций Е.А. Извольской в «Эспри» затрагивала проблему русской общинной традиции. Характерными ее чертами она называет стремление к «социальной правде», братство, солидарность и гуманизм, заимствованные из Евангелия, которые воплотились в социальной структуре и функциях общины и «мире». В отличие от Запада, отмеченного римскими правовыми традициями и идей стабильной и фиксированной собственности, в России «развивалось совершенно иное правосознание, коллективный смысл, духовная солидарность, отсутствие эгоцентризма в общественных отношениях». Славянофилы, народники, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров были горячими защитниками «общинной мистики». Извольская последовательно рассматривает структуру общины, принципы социальных отношений внутри нее, формы самоуправления, налогообложения и систему «солидарного залога», артели как свободные объединения рабочих и ремесленников. Она отмечает, что в годы революции общину постигла «трагическая участь», хотя первые аграрные законы 1917 г. и были в духе народников, но контроль партии и государства в дальнейшем вступил в противоречие с общинным принципом автономного сообщества. Смертельный удар по общине был нанесен коллективизацией и депортациями, а также антирелигиозной политикой. Колхозы приобрели характер кооперативов, где только земля и орудия труда были общими, а крестьянин сохранил личную свободу. Заявленная цель такой политики – превратить колхозы в полноценные и обезличенные коммуны с разрушением семейной и духовной жизни и отменой частной собственности. Это вызвало крестьянское сопротивление, социальный и религиозный мир были разрушены. Но Сталин вернулся к смешанной социалистической форме, сочетающей интересы личности и общества. Крестьянин получил те самые привилегии, которые ему когда-то предоставляла община и которые он «вырвал у красных диктаторов». Крестьяне, принявшие колхозы, пытались построить «социализм с Богом». Имела место «христианизация колхозов», «прорвавшая мрак материализма».

Каковы перспективы сложившейся ситуации? По мнению Извольской, необходимо признать, что старая форма советской аграрной эко-

[36] Iswolsky 1938: 552-560.

номики нежизнеспособна. Коллективизация выполнила полезную функцию модернизации и интенсификации земледелия, создания сельской инфраструктуры, объединив колхозные земли в «мощную экономическую единицу». В перспективе необходимо создание новой и модернизированной формы хозяйства – «обхоза» (общинной экономики). Члены «обхоза» владели бы коллективной и неделимой землей, стабильной общинной собственностью (пахота, пастбища, леса и т.п.), которые использовались бы совместно с помощью коллективных орудий труда, индивидуальным жильем, огородом или садом, загоном и др. Речь шла о сохранении важных элементов частной жизни крестьян, чтобы дать возможность человеку и семье свободно развиваться. Поощрялись бы все формы современной общественной жизни, урбанизация сельской местности, организация совместной работы, создание центров, общих домов для молодежи, «ударных бригад» и т.д. Планирование такой политики должно быть возложено на центральный орган, составленный из делегатов от «обхоза». Местные органы, составленные из «старейшин», займутся распределением «справедливого налога»[37]. По сути, речь шла о воссоздании низовой формы автономных сообществ, свободных от прямого государственного контроля.

Третья группа публикаций Е.А. Извольской в «Эспри» связана с анализом положения женщин в СССР. Прежде всего, она опровергает утверждение о советской эмансипации женщин, поскольку, по ее словам, сами советские руководители признали, что гражданская, экономическая и сексуальная свобода не обеспечили женщине необходимого равноправия. Наоборот, вследствие такой политики в СССР случился «глубокий кризис в система брака и семьи», кризис «коммунистической теории любви» и коммунистической этики. Советское руководство сделало выводы, озаботившись укреплением семьи и пересмотрев семейный кодекс (усложнение процедуры развода, разграничение прав и обязанностей сторон, внимание детям). Теперь советская женщина попрежнему равна мужчине, но не освобождена от материнства, возложенного на нее природой. Извольская пишет о социальной роли женщины в советском обществе, которая остается важной и не замыкается в «узком кругу семейного эгоизма». Современные советские женщины организуют социальную жизнь промышленных центров, где работают их мужья, берут под опеку рабочие дома, ясли, школы, больницы, участвуют в женском общественном движении, вовлекаясь таким образом в общественную жизнь и не отрываясь от дома, что дает возможность «привнести в социальную сферу плоды своего практического опыта хорошей домохозяйки и хорошей матери». Главное в этом деле, по мнению Извольской, избежать бюрократизации этого спонтанного движения, принуждения со стороны государства и конфликта между частной и социальной сферами[38].

[37] Iswolsky 1935: 581-602.
[38] Iswolsky 1936: 431-434.

Помимо сотрудничества с командой «Эспри» в те годы Извольская активно взаимодействовала с разного рода христианскими трудовыми и социальными течениями, анализировала их опыт, осознавая опасность, которую несут конкурирующие на этой почве тоталитарные движения. В воспоминаниях она подчеркнет: «Везде духовные ценности подвергались нападкам, а в умах людей царила смута. Устоявшиеся моральные принципы рассыпались в прах, столкнувшись с реализмом»[39]. А в одной из статей тех лет отметит, что «мы присутствуем при глубочайшем политическом и экономическом кризисе, но живем под угрозой духовного крушения человечества». Тоталитарные режимы стремятся заменить органическую духовную культуру своей собственной «мистикой», новым, наспех созданным «суррогатом». Но вопреки им это привело к религиозной реакции и подъему, «новому общественному духу», в том числе в католицизме. Публикация папских энциклик, влияние организаций «католического действия», труды Жака Маритена обозначили «пути и методы духовно-социального перерождения человечества», изучение социальных вопросов, критические исследования марксизма и русского коммунизма, а также фашизма[40]. Усилия в этом направлении проявляются, например, в соседстве христианских гуманитарных организаций с коммунистической «красной помощью», строительство церквей в «красных зонах»: «В рождественскую ночь бывший коммунист, недавно посвященный в священники, служил обедню в одном из самых воинствующих красных поселков парижского предместья». По словам Извольской, «ряса уже не пугает и не отталкивает рабочих так, как лет десять-пятнадцать тому назад». Нужно подойти к коммунисту не как к врагу, а как брату[41]. В этом, по ее мнению, и состоит долг христианина, активно участвующего в переустройстве мира и «утверждении социальной правды», оставаясь глубоко верующим и независимым перед лицом современных проблем[42].

Описывая настроения французской интеллигенции накануне Второй мировой войны, Извольская пишет о ее духовной устремленности и социальной динамике, но некоторой схематичности, отвлеченности, оторванности от реальной жизни. Мюнхен выступает как эпилог ее межвоенного пути, своего рода «горнило», когда проявились ее «раздвоенность», «расщепленность чувств и мыслей», внутренние расколы[43]. Канун войны в восприятии Извольской остался тревожным временем. «Мы устали от скептицизма, – пишет она, – (…) Наши умы были задушены хаотичными идеями и извращенными представлениями»[44]. Какой-то период она сотрудничает с левокатолической газетой «Temps présent», выступает на собраниях читателей с лекциями о ситуации в

[39] Iswolsky 1942: 184-185.
[40] Извольская 1938: С. 404-405.
[41] Извольская 1938: 406-409.
[42] Извольская 1936: 120-127.
[43] Извольская 1939: 114-124.
[44] Iswolsky 1942: 134.

СССР, отмечая сильное духовное сопротивление, которое русский народ оказывает большевизму, тесно общается с представителями русской религиозной эмиграции, православными и католиками. «Когда объявление войны стало свершившимся фактом, мы оцепенели от эмоций. Париж был напряжен и молчалив. Казалось, что самая глубокая струна его людей была задета, но эха не было»[45], – отметит она.

После разгрома и капитуляции Франции в мае-июне 1940 года Извольская уезжает в свободную зону, на юг Франции, в Пиренеи, в ставшие ей близкими места, где она когда-то приняла католичество. Описывая настроения среди французов, она отмечает «чувство самого горького разочарования» от катастрофы и бессилия политиков[46]. В режиме Петена она видит временное явление. По ее словам, режим, возникший в результате катастрофы, исчезнет подобно фантасмагории, как только Франция «освободится от нацистского ига»[47].

В июне 1941 года Извольская вместе с матерью вынуждена была при содействии А.Ф. Керенского переехать в США, выбрав свободу, а не «присутствие»: «Я осознавала, что оставаться в стране, подчиненной нацистскому правлению, хотя в свободной зоне это ощущалось лишь косвенно, означало отказ от всякой подлинной деятельности как писателя»[48]. Во время войны она работала во французском бюро «Голоса Америки» вместе с Дени де Ружемоном, Андре Бретоном и Клодом Леви-Строссом, преподавала в Фордемском университете и сотрудничала с русским центром при нем. В 1944 г. она стала одной из основательниц католической экуменической общины в США, выступая за объединение христиан Востока и Запада и поддерживая издание журнала «The Third Hour». Подружившись с Дороти Дэй, она присоединилась к социально-христианскому движению *Catholic Worker*. Некоторое время работала в представительствах ООН, стремясь послужить на благо мира, а в 1960-х основала экуменический центр Святого Бенедикта-Святого Сергия (Saint Benoît-Saint Serge). В 1974 г. поселилась неподалеку от мужского бенедиктинского монастыря Our Lady of the Resurrection в Колд Спринг, где основала Центр русской культуры. Елена Александровна Извольская, будучи настоятельницей бенедиктинского аббатства Regina Laudis, умерла в 1975 г. в Нью-Йорке под именем сестры Ольги.

Участие Е.А. Извольской во франко-российском диалоге межвоенного периода представляется важным. Определенно, что она не всегда была на первых ролях и на острие споров и дискуссий. Каких-то явных свидетельств ее выступлений на межконфессиональных встречах, собраниях «друзей Эспри» или представителей русских и французских интеллектуальных кругов обнаружить на данный момент не удалось, хотя в своих воспоминаниях и журналистских обзорах она оставила интерес-

[45] Iswolsky 1942: 203.
[46] Iswolsky 1942: 220-222.
[47] Iswolsky 1942: 231.
[48] Iswolsky 1942: 233.

ные и яркие зарисовки об их участниках (Н.А. Бердяеве, Ж. Маритене, Э. Мунье, С. Фюме, Ш. дю Бо). Однако ее связующая роль в организации встреч и контактов несомненна. При ее непосредственном участии сформировалась специфичная среда французских католиков-томистов, персоналистов и представителей русской религиозной эмиграции. Извольская способствовала организации встреч Бердяева и Маритена, с которыми она была хорошо знакома, активно поддерживала идеи персонализма, пережила короткий опыт группы «постреволюционеров» с их попыткой проанализировать положение в Советской России и предсказать возможное дальнейшее развитие ситуации.

Не менее важной представляется ее роль в продвижении идей католицизма и экуменизма (последнее больше относится к американскому периоду ее жизни) в среде русской эмиграции, что способствовало взаимному проникновению религиозных культур и поддержанию дискуссий, начатых В.С. Соловьевым и его последователями, несмотря даже на то, что католицизм в римском или восточном варианте оказался отвергнутым массой русской эмиграции, оставшейся в лоне православия.

Присутствие и роль Елены Александровны Извольской во французском интеллектуальном пространстве межвоенной эпохи делают ее ценным свидетелем и участником русско-французского диалога.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, 2015 [Berdyaev N.A. Samopoznanie: Opyt filosofskoj avtobiografii (Self-knowledge: The Experience of Philosophical Autobiography). St. Petersburg: Azbuka, 2015].

Бердяева Л.Ю. Из дневника. 1939–1945 // Встречи с прошлым. Вып. 9. М.: РГАЛИ, Рус. книга, 1996. С. 322-366. [Berdyaeva L.Yu. Iz dnevnika. 1939–1945 (From the diary. 1939-1945) // Vstrechi s proshlym. Vyp. 9. M.: RGALI, Rus. kniga, 1996. P. 322-366].

Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010 [Volkogonova O.D. Berdjaev. M.: Molodaja gvardija, 2010].

Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). М.: Высшая школа, 1993 [Dmitrieva N.K., MoiseevaA.P. Filosof svobodnogo dukha (Nikolai Berdyaev: zhizn' I tvorchestvo) (The Philosopher of the freespirit (Nikolai Berdyaev: life and work)). M.: Vysshaya shkola, 1993].

Извольская Е.А. Католическое социальное движение // Новый град. 1938. № LXVII. С. 401-410. [Izvol'skaya E.A. Katolicheskoe sotsial'noe dvizhenie (Catholic social movement) // Novyigrad. 1938. № LXVII. P. 401-410.].

Извольская Е.А. Духовный путь французской интеллигенции // Новый град. 1936. № 11. С. 120-127. [Izvol'skaya E.A. Dukhovnyi put' frantsuzskoi intelligentsia (The spiritual path of the French intelligentsia) // Novyi grad. 1936. № 11. P. 120-127.].

Извольская Е.А. Французская интеллигенция после Мюнхена // Новый град. 1939. № 14. С. 114-124. [Izvol'skaya E.A. Frantsuzskaya intelligentsiya posle Myunkhena (The French intelligentsia after Munich) // Novyi grad. 1939. № 14. P. 114-124.].

Кашина-Евреинова А. Н.Н. Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964 [Kashina-Evreinova A. N.N. Evreinov v mirovom teatre XX veka (N.N. Evreinov in the world theater of the XX century.). Parizh, 1964].

Леонтьева О.Г. Русские эмигранты о событиях 1917-1945 годов в Европе и России (из писем Н.И. Берберовой, Е.А. Извольской и Е.Д. Кусковой к А.Ф. Керенскому) // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2009. Вып. 1. С. 3-19. [Leont'eva O.G. Russkie emigrant o sobytiyakh 1917-1945 godov v Evrope I Rossii (iz pisem N.I. Berberovoi, E.A. Izvol'skoi I E.D. Kuskovoi k A.F. Kerenskomu) (Russian emigrants on the events of 1917-1945 in Europe and Russia (from the letters of N.I. Berberova, E.A. Izvolskaya and E.D. Kuskova to A.F. Kerensky) // Vestnik TvGU. Ser. Istoriya. 2009. Vyp. 1. P. 3-19].

Маричик-Сьоли Ю.А. «Очень по-русски, скажут французы… Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике // Литературный факт. 2024. №1(31). С. 217-241. [Marichik-S'oli Yu.A. «Ochen' po-russki, skazhut frantsuzy… Ochen' po-frantsuzski, skazhut russkie»: metamorfozy romana «Telo» E. Bakuninoi vo frantsuzskoi i russkoi literaturnoi kritike ("Very Russian, the French will say... Very French, the Russians will say": the metamorphoses of the novel "The Body" by E. Bakunina in French and Russian literary criticism) // Literaturnyi fakt. 2024. №1(31). P. 217-241.].

Foletti K. L'émigration russe, une ouverture intellectuelle: Hélène Iswolsky et la «force des faible» // Revue russe. 2018. №51. P. 53-64.

Iswolsky H. Light Before Dusk: A Russian Catholic in France, 1923–1941. New-York, 1942.

Iswolsky H. Au temps de la lumière. P.: Salvator, 2021.

Iswolsky H. La tradition communautaire russe // Esprit. 1935. Janvier. P. 581-602.

Iswolsky H. La femme en U.R.S.S. // Esprit. 1936. Juin. P. 431-434.

Iswolsky H. Le mouvement religieux russe // Esprit. 1938. Juillet. P. 552-560.

Iswolsky H., Kachina A. La Jeunesse rouge d'Inna. P.: Ed. de France, 1928.

Iswolsky H., Kessel J. Les Rois aveugles. P.: Les Ed. de France, 1925.

Jacques Maritain, Emmanuel Mounier. Correspondance 1929–1949. P.: Desclée de Brouwer, 2016.

Maritchik-Sioly Y. «La Jeunesse rouge d'Inna». Un roman «de choc» à l'adresse des Français // Regards croisés sur le mémoire de la Révolution russe en exile (1917–2017). Lyon: Université Jean Moulin Lyon 3, 2019. P. 243-256.

Michel F. Jacques Maritain et Hélène Iswolsly: les enjeux politiques d'une amitié franco-russe // Nova et Vetera. 2012. №87(2). P. 167-192.

Maritain J. Carnet de notes. P.: Desclée de Brouwer, 1965.

Schirinsky G. Le mouvement post-révolutionnaire russe // Esprit. №17. 1934. Février. P. 892-898.

***Шмелев Дмитрий Викторович**, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru*

***Шмелева Людмила Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет; procella@rambler.ru*

French meetings of E.A. Iswolsky: pages of intellectual biography

The article analyzes the French period of the life and work of Helen Iswolsky, a Russian aristocrat, writer and journalist, participant in the Catholic movement according to the Byzantine rite among Russian emigrants. The story of her meetings with the French Catholic community of the interwar period, the circumstances of her conversion to Catholicism and her attitude to intellectual debates fit into a broader problem of the mutual influence of Russian religious emigration and French Catholic intellectuals. One of the important aspects of cooperation is the movement of "post-revolutionaries" that arose in the non-conformist environment and experienced a strong influence of personalism. The article is based on the French memoirs of Helen Iswolsky, her articles in French journals, personal notes and correspondence of her circle, as well as biographical information provided in articles by Russian and foreign researchers.

***Keywords:** Helen Iswolsky, France, Catholicism, Jacques Maritain, Emmanuel Mounier, Nikolai Berdyaev, post-revolutionaries, Russian emigration.*

***Shmelev Dmitry**, Doctor of Science (History), professor, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru*

***Shmeleva Ludmila**, PhD in History, Associate Professor, Kazan Federal University; procella@rambler.ru*

А.Б. Герштейн

«МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ»: АТРИБУТЫ АНТИХРИСТА И ИХ ФУНКЦИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА ФАЛЬШИВОГО ИМПЕРАТОРА В ХРОНИКАХ XIII–XIV ВВ.

В статье доказывается, что героем-прототипом для я образа лжеправителя в хрониках XIII – середины XIV в. послужил Антихрист, главный персонаж античной и средневековой эсхатологии. При конструировании словесного портрета фальшивого императора Фридриха II Штауфена, действовавшего в 1280-х гг., хронисты переносили в своё повествование из сочинений экзегетов некоторые характерные «приметы» Антихриста, чтобы создать из обманщика, назвавшегося чужим именем, образ выдающегося подражателя и человека неправедного. В статье анализируется работа историографов с такими приметами Антихриста как способность творить чудеса, стать лже-Мессией для иудеев, прервать привычный ход времён и навязать свой порядок.

Ключевые слова: *лжеправитель, самозванчество, Антихрист, средневековое историописание, хроники XIII–XIV вв., картина мира, Средние века, апокалиптика.*

Феномен монархического самозванчества имел место в разных культурах, европейских и азиатских, в Древнем мире, Античности, Средневековье, вплоть до современности. Это явление затрагивало все сферы жизни общества: социально-экономическую, политическую, сферу коллективных представлений и ожиданий, мир идей и повседневных коммуникаций. От изучения социально-политических аспектов деятельности самозванцев и мотивов разных групп населения принимать его сторону[1] мировая историография в последние десятилетия перешла к изучению особенностей восприятия фигуры монархического самозванца в контексте общей картины мира средневековых интеллектуалов, знакомых с образами Священного Писания и сочинениями Отцов Церкви[2]. Технологиям же конструирования образа лжеправителя средневековыми авторами, их писательскому ремеслу уделяется заметно меньше внимания[3]. В этой статье я постараюсь реконструировать процесс создания словесного портрета псевдоимператора Фридриха II, действовавшего на Нижнем Рейне в 1284–85 гг.

В своём недавнем исследовании[4] я предприняла попытку реконструировать особенности историописания германских хронистов конца XIII – середины XIV в., в частности – как составители текстов конструировали образ фальшивого Фридриха II Штауфена (годы жизни настоящего правителя 1194–1250). Мною была выдвинута гипотеза, что прототипом для описания лжеправителя послужил главный герой античной и

[1] Скрынников 1990; Meyer 1868; Kluger 1979: 98–102; Schwinges 1987: 177–202.
[2] Успенский 1982; Ингерфлом 2021; Антонов 2019.
[3] Можно отметить по этой специальной теме работы: Oberweis 2006: 143–156 и частично Möhring 2000.
[4] Герштейн 2025.

средневековой апокалиптики — Антихрист. В упомянутой работе анализу подверглись: 1) переработка хронистами XIII – середины XIV вв. отдельных элементов жизнеописания Христа при создании словесного портрета лжеправителя; 2) признак «убедительных речей» и 3) примета «щедрости» Антихриста – неотъемлемые элементы образа протагониста средневековой экзегетики. Здесь я продолжу доказывать справедливость этой гипотезы, сосредоточившись на анализе работы средневековых историографов с такими атрибутами Антихриста, как творение (ложных) чудес, лже-Мессия иудеев, прерывание привычного хода времён и попытка навязывания своего порядка. Заимствования из апокалиптических сочинений в средневековом нарративе о светском правителе не случайны, но являются характерной чертой историописания этой эпохи в целом. Отрывки из сочинений экзегетов копировали, комментировали, переосмысляли хронисты, которые в подавляющем большинстве были монахами. Однако представления церковных писателей не только переходили из сочинения в сочинение в исключительно церковном дискурсе — они распространялись и в среде мирян посредством проповедей. Странствующий проповедник Бертольд Регенсбургский (ок. 1210–1272) – яркий пример трансляции знаний богословов в светских кругах.

Таким образом, представления об Антихристе, сформулированные средневековыми экзегетами, имели широкое хождение не только среди носителей книжной культуры Средневековья. Они влияли на представления мирян, определяя их восприятие современных событий и явлений, поведение, характер общественно-политических взаимоотношений на уровне горизонтальных и вертикальных социальных связей.

Творение (ложных) чудес

Порой даже хроники с весьма краткими упоминаниями о фальшивом Фридрихе, отмечали, что он – чародей: «1285 г. Некий чернокнижник, который утверждал прилюдно, что он — император Фридрих, сожжён в присутствии короля Рудольфа в Вецларе»[5]; «Год 1284. Некий чародей (допустимый перевод «заклинатель» — *А.Г.*) притворялся императором Фридрихом. И многие земли Германии ввёл в заблуждение, что он — император. После того, как его плутни были разоблачены, король Рудольф сжёг его на костре»[6]. Называние лжеправителя чародеем (или заклинателем) недвусмысленно намекало на умения самозванца, которыми, как считалось в Средние века, обладал далеко не каждый человек[7].

[5] "A.D.1285. Quidam nigromanticus, qui se Fridricum imperatorem esse publice affirmabat in Wepfelern in presencia regis Rudolfi est combustus". Annales Halesbrunnenses Majores // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 45.

[6] "Anno Domini 1284. Quidam fascinator se Fridericum imperatorem simulans, magnam partem Almanie in errorem duxit. Tandem compertis prestigiis suis, per dominum Rudolfum regem Romanorum crematur". Annales S. Nicolai Patavienses et notae Wolfelmi. Continuatio Claustr. VI // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 61; см. также: Continuatio VI: Cronica minor Auctore minorita // Ibid. P. 213; Martini Continuatio Brabanta // Ibid. P. 263.

[7] Я избегаю здесь фразы "сверхъестественные способности", ибо для людей Средневековья чудеса, магический дар отдельных людей считался органичной частью мира

Этот признак – творение чудес – совпадает с одной из примет Антихриста (по представлениям церковных авторов). Так, аббат Адсо из Монтье-ан-Дера (X в.) в «Послании королеве Герберге[8] о происхождении и времени пришествия Антихриста» (“Epistola ad Gerbergam reginam de ortu et tempore Antichristi”, иное название – “Libellus de Antichristi”, «Книжица об Антихристе») – популярном сочинении средневековой экзегетики, на которое в дальнейшем опирались многие церковные авторы – описывал следующие «приметы» Антихриста: его «будут окружать волхвы, чародеи, прорицатели и заклинатели, которые, по дьявольскому наущению, взрастят его и обучат в совершенстве, как творить беззаконие, обман и нечестие; злые духи будут проводниками его, неразлучными спутниками и вечной свитой»[9]. Сопоставляя образ действия человека, назвавшегося императором Фридрихом II, с приведёнными выше представлениями об Антихристе, неудивительно, что средневековые авторы находили схожие черты поведения у этих двух героев. Фальшивый правитель обманывал[10], против права посягал на статус[11]; в хронике Элленхарда Страсбургского (ум. 1304) он охарактеризован как «нечестивый»[12], а его приближённые помогали вводить в заблуждение людей[13].

Сохранились и более пространные описания деятельности самозванца; в некоторых раскрывалось, в чём же состояли его «сверхспособности». Замечу, что описанные хронистами «чудеса» были не исцелением больных[14], или благом, дарованным всему обществу, (небывалый урожай или победа в битве, например), а исключительно «чудесами», приносящими пользу самому главному герою: «[Год]1284. В этом году некий старец, обманщик, пришёл в город Нойс, что на Рейне, и объявил, что он – император Фридрих, который почти что 36[15] лет назад оставил этот свет. К нему стали съезжаться много *знатных людей, и ко всем,*

земного. См., например: *Caesarius von Heisterbach.* Dialogus Miraculorum; Dialog über die Wunder / hg. von N. Nösges, H. Schneider. Turnhout, 2009. 5 Bde.

[8] Жена короля Франции Людовика IV и сестра Германского императора Оттона I.

[9] “Habebit autem Antichristus magos, maleficos, divinos et incantatores, qui eum, diabolo inspirante, nutrient et docebunt in omni iniquitate, falsitate et nefaria arte et maligni spiritus erunt duces eius, socii semper et comites indivisi”. Adso Dervensis. De ortu et tempore Antichristi: necnon et tractatus qui ab eo dependunt / hg. von D. Verhelst // Corpus Christianorum: Continuatio Mediaevalis. Turnhout, 1976. Bd. 45. S. 24.

[10] Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum / ed. F. Schneider // MGH SS rer. Germ. in usum scolarum. Hannover, Leipzig, 1909. T. 36. Lib. 1. P. 245; Monachi Fürstenfeldensis Chronica de Gestis Principum / ed. G. Leidinger // MGH SS rer. Germ. in usum scolarum. Hannover, Leipzig, 1918. T. 19. P. 42; Chronik des Jakob Twinger von Königshofen // Die Chroniken der oberrheinischen Städte. Straßburg / hg. von K. Hegel. Leipzig, 1870. Bd. 1. S. 450; Strassburgische Chronik von Fritsche Closener / hg. von A. Schott, A.W. Strobel. Stuttgart, 1843. Bd. 1. S. 31–32; Chronicon Imperatorem et Pontificum Bavaricum // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 225.

[11] Annales Maurimonasterienses / ed. Ph. Jaffe // MGH SS. Hannover, 1861. T. 17. P. 182.

[12] Ellenhardi Agrentiensis Chronicon // MGH SS. Hannover, 1861. T. 17. P. 126.

[13] Strassburgische Chronik von Fritsche Closener... S. 31.

[14] Ср. с феноменом королей-чудотворцев, описанным М. Блоком в: Блок 1998.

[15] На самом деле — 34 года: император Фридрих II Штауфен скончался в 1250 г.

благодаря знанию чёрной магии (курсив мой. – *А.Г.)*, он обращался по имени. И многие прибывали к нему из разных краёв, и он радушно принимал их, оказывал им милость, угощая яствами и напитками, и не только этим, но и беседуя с ними, участвуя в их делах, а также одаряя их»[16].

Ещё один источник, «Хроника Генриха, архиепископа Трирского», содержит похожее указание на удивительные способности самозванца: «Многие же думали, что он *при помощи магического искусства* (*курсив мой. – А.Г.*) вычислил тех, кто некогда занимали должность при императоре Фридрихе и служили ему явно или тайно, и по привычке подчинялись письмам, узнав его подпись. Вот почему многие склонялись на его сторону и почитали его как короля»[17].

В обоих отрывках повествуется о вполне обычных повседневных практиках двора правителя. В первом описывается сцена заседания курии императора, где ему подсказывали, что за человек приближается к нему. Частые войны, болезни, опала и прочие факторы могли влиять на то, что перед государем появлялось новые лица, и без подсказки придворных было не обойтись. Также и в окружении самозванца были люди, знакомые с порядком приёмов в императорской курии. Для фальшивого правителя они исполняли прежнюю, привычную работу настолько же умело, что и ранее для настоящего государя.

Во втором отрывке речь идёт о том, что у обманщика были и помощники, знакомые с работой канцелярии императора Фридриха II. Либо у них было подлинное письмо, которое использовалось как образец, либо/и они сами работали ранее в императорской канцелярии, т.е. сами же были среди писцов или составителей текстов[18] посланий Штауфена. Разумеется, Фридрих II не собственноручно выводил строки послания, для этого существовал штат писцов. Текст в конце скреплялся императорской печатью, и помощники подражателя конца XIII в. сумели сделать печать, очень похожую на оригинальную печать Фридриха II[19]. Поэтому адресаты посланий имели веские причины задуматься, а не вправду ли сам император отправил такое послание[20].

---

[16] “Eodem anno quidam senex trufator veniens circa Renum in civitatem que vocatur Nus dixit se esse imperatorem Fridericum, qui pene transactis XXXVI annis ex hac luce migravit; ad quem multi nobiles confluebant, quos omnes *per nigromanciam* propriis nominibus suscipiebat. Multi eciam ex variis provinciis illuc advenientes ab eo benigne suscepti sunt et honeste in cibo et in potu tractati, nec solum his, sed et verbis et factis et variis donariis”. Chronica S. Petri Erfordenses Mod. // MGH SS rer. Germ. Hannover; Leipzig, 1899. T. 42. P. 289.

[17] “Nam opinio fuit multorum, ut *per artem magicam* cognosceret illa que militibus quondam sub Friderico imperatore militantibus clam vel palam acciderant, et hec suis litteris inserere consuevit, cognito intersigno”. Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 462.

[18] О том, как была устроена работа императорской канцелярии Фридриха II, как распределялись функции между писцами, диктующими текст, собственно составителями послания, скрепляющими печатью послания, о формуляре см.: Steinen 1923.

[19] См.: Gesta Henrici... P. 462.

[20] Meyer 1868: 28. Подделывать грамоты, в частности, светских сеньоров и королей, было явлением довольно распространённым. Так, только около половины дошедших до наших дней грамот раннего Средневековья признаётся современными архивистами

Могли ли хронисты просто указать на роль помощников при описании подобных повседневных придворных практик, не приписывая псевдоправителю при этом ars magica? Мы убедимся в положительном ответе на этот вопрос, если обратимся к повествованию о другом фальшивом Фридрихе II, действовавшем в 1261–1262 гг. в Сицилийском королевстве Мессинский хронист Бартоломео ди Неокастро (ум. 1293) в «Истории Сицилии» описывал деятельность обманщиков так: «Какие-то люди, по замыслу Бартоломео ди Милето и его нотария Филиппо ди Катания, обманным путём выдавали у горы Этна какого-то бедняка за умершего императора, который почил уже 12 лет как»[21]. Это свидетельство было составлено в конце XIII в. – мы имеем возможность сравнить источники, составленные в одно время. Бартоломео ди Неокастро был городским судьёй Мессины, юристом, т.е. человеком светским, в отличие от остальных авторов хроник, которые анализируются в этой статье. Сицилиец не прибегал к образным сравнениям и не использовал приписываемые Антихристу свойства для характеристики самозванца и действий его свиты: он прямо указал ремесло такого помощника и даже его имя. Более того, хронист к тому же назвал одно из лиц, заинтересованных в ослаблении власти правившего тогда Сицилийским королевством сына Фридриха II Манфреда (1232–1266) и выдвижении антикороля.

Как видно из приведённой цитаты, для светского автора оказывалось возможным дать чёткое, не украшенное метафорами, объяснение технологии обмана сицилийского фальшивого Фридриха. Однако трирский и эрфуртский монахи-хронисты сознательно ввели в своё повествование «магический элемент», описывая деятельность псевдо-Штауфена. Почему для них оказывалось очень важно приписать самозванцу эту необычную способность в описании, в общем-то, вполне рядовой сцены? Дело в том, что историографам-монахам. такой элемент был необходим для создания образа подражателя, подделки легитимного господина. И он был взят из комплекса представлений об идеальной фигуре имитатора – Антихриста из средневековой апокалиптики.

Чудеса занимали центральное место среди способностей Антихриста в сочинениях церковных писателей начиная с Античности и служили важнейшей его приметой. Ещё в V в. Августин («О граде Божьем»,

---

подлинными (См. об этом: Herde 1989: 246). Из грамот Карла Великого, которые находятся сегодня в распоряжении учёных, фальшивок насчитывается примерно 40% (См.: Hägermann 1988: 435). Эпоха Штауфенов, XII–XIII вв., считается временем расцвета производства поддельных грамот. Выявлены даже центры производства подделок. (См.: Alles gefälscht? Verdächtige Urkunden aus der Stauferzeit 2003: 9.) Нередки были случаи, когда печать аккуратно отделяли от подлинного документа и потом скрепляли ею же (более или менее умело) поддельный. См. об этом в иллюстрированном издании: Alles gefälscht? Verdächtige Urkunden aus der Stauferzeit 2003: 7–57.

[21] „Quidam, fraudulenter procedentes, defunctum imperatorem, qui dormiebat jam annis duodecim, ex ingenio Bartholomaei de Mileto et cujusdam notarii Philippi de Catania, apud montem Aetnae, in persona cujusdam pauperis simularunt...“. Bartholomaei de Neocastro Historia Sicula / a cura di G. Paladino. Bologna, 1921–1922. P. 6.

XX, 19), комментируя отрывок из Послания апостола Павла к Фессалоникийцам, относил сказанное к Антихристу: «“… пришествие его, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением…”[22] Никто не сомневается, что апостол говорил это об антихристе… “И тогда откроется беззаконник”[23]. Никто не сомневается, что под этим именем разумеется антихрист… самым чудесным, хотя и лживым образом будет действовать антихрист. Часто спрашивают: потому ли эти знамения и чудеса называются ложными, что он будет обольщать смертные чувства призраками, так что будет казаться делающим то, чего не делает?».

Средневековые экзегеты неоднократно комментировали этот стих из Послания апостола Павла, оставляя открытым вопрос о характере «чудес», которые способен будет творить Антихрист на земле. Но сила этих ложных чудес понималась как могущественная, ибо в христианской литературе существовала многовековая традиция описания антагониста Иисуса, дерзавшего подражать его самому большому чуду – Воскрешению[24]. В первой трети VIII в. Беда Достопочтенный трактовал известный стих Откровения 13:12[25] «Cujus curata est plaga mortis» («Он исцелился от смертельной раны») в своём «Толковании на Апокалипсис» применительно к образу Антихриста следующим образом: «Сие означает, что он притворился, что победил смерть, исцелившись. Ибо так говорится в Писании: не умер он, а как будто умер»[26]. К XI в. описание того, что будет творить Антихрист, в толкованиях на Апокалипсис ещё более сблизилось с топосом Воскрешения Христова: «Антихрист притворится мёртвым и, скрывшись три дня, появится и скажет, что воскрес»[27]. Эта

[22] 2 Фес. 2: 9–10.

[23] 2 Фес. 2: 8.

[24] Ср., например, рассказ о Симоне Волхве, ещё одном антагонисте в позднеантичном христианском историописании. Согласно апокрифическому сочинению «Деяния святых апостолов Петра и Павла» (II–III вв.), он тоже говорил о себе, что воскреснет на третий день: «Симон сказал: “Если думаешь, добрый царь, что я волхв, прикажи меня обезглавить в темном месте и, если в третий день не воскресну, считай меня волхвом, если же воскресну, считай меня сыном Божьим”. И приказал царь в темном месте его обезглавить. Симон же своим волхвовским искусством сделал так, что вместо него обезглавили барана. На время же, пока не был обезглавлен баран в темном месте, имел он облик Симона. Обезглавивший его, заметив это и вынеся голову на свет, обнаружил, что она баранья, но царю сообщить не смел, чтобы тот не истязал его. Приказал он, чтобы это было втайне, потому и Симон сказал: “В третий день воскресну”. После того как забрал он баранью голову и тушу, осталась загустевшая кровь. И в третий день появился он перед Нероном, говоря ему: “Найди кровь мою, пролившуюся, когда я был обезглавлен и, как говорил, в третий день воскрес”». Деяния святых апостолов Петра и Павла / подг. текста, перевод и комм. Е.Г. Водолазкина // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 2003. Т. 12: XVI век.

[25] «Одна голова зверя рассечена насмерть, но смертельная рана зажила. В беспамятстве вся земля пошла за зверем».

[26] “Id est, quae se simulavit mortem resurgendo vicisse. Hunc enim Scriptura non occisum, sed velut occisum, dixerat”. PL 93, col. 171.

[27] См. следующее примечание.

же примета Антихриста, являющаяся пародией на Воскрешение, присутствовала и во многих других сочинениях средневековых экзегетов[28].

Мотив воскрешения переосмыслялся и органично вплетался в повествование о лже-Фридрихе. Так, в английском продолжении XIV в. хроники Мартина Опавского отрефлексировано долгое отсутствие правителя в своих землях, и потом его внезапное появление: «Его считали антихристом, потому что полагали ранее, что он мёртв. Этот человек подтверждал наглядными свидетельствами, что он – император, рассказывая, как всё это время он находился в паломничестве, каясь [в своих грехах] по совету отца отцов [папы римского]»[29]. Это единственный текст, где лже-Фридрих II прямо назван Антихристом. И по этой примете искусного подражателя Христа с ложной сутью тоже можно видеть, как образ Антихриста из Откровения Иоанна выступает прототипом для создания словесного портрета самозванца, как хронист делал акцент на его лукавой, нелегитимной подражательской сущности.

В такой аллюзии заключено ещё и осмысление людьми XIII века «разрыва времён», прерывание привычного хода вещей, вызванного, в данном случае, пресечением правящего рода Штауфенов. С одной сто-

[28] Ср., например, в сочинении Адсо из Монтье-ан-Дера (X в.) «О происхождении и времени пришествия Антихриста»: «Но они [многие знамения и чудесные деяния Антихриста] будут ложью и противны истине, ибо он введёт людей в заблуждение магическим искусством и иллюзиями, как и Симон Волхв обвел вокруг пальца того, кто подумал, что он умер, а на самом деле вместо себя зарезал овна» (“Sed mendacia erunt et a veritate aliena, quia per magicam artem et fantasiam deludet homines, sicut et Simon Magus delusit illum, qui, putans eum occidere, arietem decollavit pro eo”). Adso Dervensis. De ortu et tempore Antichristi... S. 45. Фраза о псевдочуде Симона Волхва — вставка в текст Адсо следующих десятилетий (см.: там же). Это весьма характерно, т.к. иллюстрирует представления X–XI вв. о том, на чудеса какого рода может быть способен Антихрист. См. также у Ансельма Ланского (XI в.): «Как будто умер. Антихрист притворится мёртвым и, скрывшись на три дня, появится и скажет, что воскрес. И он исцелился от смертельной раны. С помощью магического искусства он поднимется в воздух, демоны понесут его, и так он исцелился от смертельной раны — потому его прежде считали мертвым, а после будут считать живым». (“Quasi occisum. Simulabit se Antichristus mortuum, et per triduum latens post apparebit, dicens se suscitatum. Et plaga mortis ejus curata est. Arte magica ascendet in aera, ferentibus eum daemonibus, et sic curabitur plaga mortis ejus, quia prius mortuus credebatur, post vivens reputabitur”). Anselmus Laudunensis Apocalypsis B. Joannis (cap. XIII, vers. 3; PL 114, col. 733); у Ришара Сен-Викторского (ум. 1173): „Et vidi unum de capitibus, id est de principibus suis, scilicet Antichristum, tanquam occisum in mortem, et plaga mortis eius curata est, quia Antichristus simulatorie, ut magis decapiat finget se mortuum, et resuscitatimi, quemadmodum Christum“. Цит. по: Emmerson 1981: 31; у Гуго Сен-Шерского (ок. 1200—1263): „Et datum est ei os [Apc. 13:1] etc. Hic agitur de efficacia simulationis quam habebit Antichristus in se ipso : quia ex eo, quod videbit quod credetur resurrexisse, orietur in eo magna presumptio, et ex presumptione aperta blasphemia“ (Postilla ‘Aser pinguis’ in Apocalypsi, 83, cap.13. Postilla Hugonis de Sancto Charo / ed. N. Pezzana. Venise, 1703. Vol. 7. (RB- 3769) и др. церковных авторов.

[29] “Hunc dicencium antichristum, pro eo quod ante mortuus putabatur. Ille vero se fuisse imperatorem argumento visibili comprobavit, narrans, quomodo per supradicta tempora iacuisset in habitu peregrino agens penitenciam per consilium patris patrum”. Continuati Chronica Martini Oppaviensis Imperatorem Anglica // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24: 252.

роны, псевдоимператор этой династии как будто снова появился, чтобы восстановить прежние, «справедливые» времена[30], «возобновить династическое время», метафорически говоря, «вправить времени сустав»[31], стремясь как бы продолжить период, когда он сам сидел на престоле Германской империи. И для успеха его роли самозванца было жизненно важным представить убедительный ответ на неизбежный вопрос, почему же он не показывался так давно. С другой стороны, в восприятии хронистов лже-Фридрих как раз выступал в качестве того, кто естественный порядок времён нарушал. Он пытался вернуть себе трон в правление избранного ещё 11 лет назад легитимного короля Рудольфа I Габсбурга; он рассылал письма с приказами и даже выступал судьёй в имущественном споре[32]. В связи с этим стоит снова обратиться к словам Бертольда Регенсбургского, который, опираясь в данном случае на Иеронима, отмечал и такую примету Антихриста: «Он даже возмечтает отменить у них времена и закон [Дан 7:25]. Толкование: И настолько возгордится, что попытается переменить законы и обряды, как и времена, *т. е. сменяющиеся периоды, или установит [свои] порядок и течение времён*[33] (курсив мой. – *А.Г.)*»[34]. Снова можно видеть, как тактика действий лже-Штауфена и Антихриста весьма схожи, ибо первые конструируются из лекал моделей поведения второго.

Мотив «воскрешения» оказался довольно устойчив в средневековой историографической традиции при создании биографии фальшивого императора. Так, даже после костра и попыток Рудольфа стереть всякую память об этом обманщике вариации темы «считался мёртвым, но оказался жив» можно видеть в повествованиях о судьбе псевдо-Фридриха II: «После его сожжения появился другой [человек], который заявлял, что вышел из пепла [вецларского] костра, воскреснув на третий

[30] Ибо, по словам самого псевдо-Фридриха, вполне соотносящимися с представлениями общества по этому вопросу, управлять империей его поставили свыше. См.: “Cum Creator omnium et dominus ante mundi constitucionem multis temporibus ex gestatis sue providencia nos ad hoc preelegerit, ut, ipso cooperante, mundus per nos gubernetur et regatur…” // Gesta Henrici... P. 462.

[31] Гуревич 2003: 228, 236.

[32] Известен случай, когда псевдоимператор грамотой подтвердил истёкшие привилегии аббатисы Эссенского монастыря, Берты фон Арнсберг. В земельном споре двух сеньоров, аббатства и архиепископа Кёльнского, который претендовал на фогтство над спорными землями, лже-Фридрих принял сторону аббатисы. Самозванец, таким образом, выступил как верховная власть в споре местных сеньоров. Позже, когда обманщик был развенчан, пойман и казнён, архиепископом Кёльнским был инициирован процесс против аббатисы, и она была вынуждена оправдываться за свой союз с «императором Фридрихом». См.: Redlich 1903: 535; Meyer 1868: 70.

[33] Выделенная курсивом фраза – цитата Бертольда Регенсбургского из «Толкования на Книгу пророка Даниила» Иеронима Стридонского. См.: URL: https://glosse.irht.cnrs.fr/php/editions_chapitre.php?id=hug&numLivre=38&chapitre=38_7

[34] “Dan. VII: [25]:, et putabit, quod possit mutare tempora et leges'. Glosa: in tantam elatus superbiam, ut leges et cerimonias mutare conetur tempora, id est temporalia, vel ordine**t** (у Иеронима в этом месте “m”, у Бертольда – “t”. – *А.Г.*) cursum temporum. ad presumptionem etiam ejus pertinet, quod non putabit se a Deo puniendum”. // Die Überlieferung der Werke Bertholds von Regensburg / hg. von A.E. Schönbach. Wien, 1905. Teil. 1. S. 19.

день»[35]. В таком свидетельстве можно видеть и акцент на мошеннических, ложных чудесах уже копии подражателя, на попытке продлить «правильное», штауфенское время… Но также здесь подразумевались и нужда народа в вечно живущем правителе, которая переплеталась с коллективными ожиданиями возвращающегося правителя[36].

Лже-Мессия иудеев

Ещё Ипполит Римский (ум. 236) в сочинении «О Христе и Антихристе», гл. 54 говорил о том, что последний «призовет к себе весь народ [иудейский] изо всех стран, где он рассеян, говоря, что они его, как его собственные чада, обещая им возвратить их землю и восстановить их царство и храм, так что они поклонятся ему как богу...»[37].

Это, безусловно, инверсия положения христианской богословской мысли, что иудеи не признали мессию в Христе, а насчет Антихриста, напротив, обманутся, приняв его как своего Спасителя. В последующие века в сочинениях средневековых экзегетов неоднократно повторяется мысль об Антихристе как о лже-Мессии иудеев[38].

Если знать о такой традиции представлений об Антихристе в античной и средневековой богословской мысли, то описание «особых» отношений лже-Фридриха и иудейской общины Рейна от хрониста середины XIV в. Йохана фон Виктринга воспринимается далеко не столь буквально, как кажется на первый взгляд: «Некоторые противники Рудольфа *признали власть [того самозванца]*, и в частности – иудеи, которые предоставили ему неограниченное денежное содержание, и, по такой опрометчивости, охотно приютили его, *словно бы тот собирался переправиться через море и возвратить им их страну* (здесь и выше курсив мой. – *А.Г.)*»[39].

---

[35] «Quo combusto, alter quidam comparens dixit, se ex combustionibus et cineribus dicti combusti fuisse se post triduum resussitatum“. Annales Blandienses // MGH SS. Hannover, 1844. T. 5. P. 33.

[36] См. об этом: Möhring 2000: 217–268.

[37] См.: PG 10, col. 773–774.

[38] См., напр., у Адсо из Монтье-ан-Дера: «Он будет говорить иудеям: „Я Христос, обещанный вам, пришедший спасти вас, собрать и защитить вас, рассеянных“. Тогда к нему будут стекаться все иудеи, полагая, что принимают Бога, но принимают дьявола». (“… dicens Iudeis: ‘Ego sum Christus vobis repromissus, qui ad salutem vestram veni, ut vos, qui dispersi estis, congregem et defendam’. Tunc confluent ad eum omnes Iudei, estimantes Deum suscipere, sed suscipient diabolum”). Adso Dervensis. De ortu et tempore Antichristi... S. 27; у Бертольда Регенсбургского: «Антихрист ... скажет иудеям: „Я Христос, обещанный вам в Законе“... Иудеи, которые отказались принять Христа, примут Антихриста как своего Мессию и уверуют в него... Когда Антихрист придёт в Иерусалим, он обрежет себя, и тогда потянутся к нему все иудеи, и восстановят разрушенный римлянами храм, а он воссядет в нем и будет говорить, что он Бог». (“... dicens Juseis: ‘ego sum Christus in lege vobis promissus…’ Judei autem, qui nonuerunt recipere Christum, recipient Antichristum tamquam Messiam suum et credent in eum… cum venerit Antichristus Jerosolimam, circumcidet se, et tunc confluent ad eum omnes Judei et reedificabunt templum a Romanis destructum, sedebitque ibi dicens se esse Deum”). // Die Überlieferung der Werke Bertholds von Regensburg... S. 9.

[39] “Quod Rudolfo quidam a suis emulis *asserunt procuratum* et *precipue a Iudeis*, qui ei infinitas pecunias offerebant et eum in hac temeritate, *quasi transiturus esset mare et reg-*

Следует признать, что автор этих строк, аббат цистерцианского монастыря в Каринтии (ныне – Южная Австрия), весьма искусно преобразовал приметы Антихриста (по Ипполиту Римскому и др.) в своём описании действий фальшивого Штауфена и его взаимоотношений с поверившими в него, в данном случае – с иудейской общиной. Во-первых, хронист указывал на то, что иудеи приняли этого «Фридриха» как настоящего правителя (первая фраза в цитате выше, выделенная курсивом). Такое представление об этом самозванце было а распространено в традиции конца XIII – первой половины XIV в.: за псевдо-Фридрихом закрепилось прозвище «царь иудейский»[40]. На уровне повествовательном такое описание говорит нам о всесторонней поддержке иудейской общины Рейна обманщика. Но если рассматривать подобное указание хрониста как литературный приём, адаптацию приметы Антихриста в процессе создания образа лжеправителя в своём повествовании, то по этим строкам источника становится сложно опередить, насколько масштабной была поддержка ашкеназа этого самозванца в действительности.

Во-вторых, в тексте присутствует на первый взгляд неожиданное, если не знать контекста, упоминание, что этот якобы Фридрих, христианский (!) император, намерен отправиться в Святую землю и восстановить для иудеев *их* страну (вторая фраза цитаты, выделенная курсивом).

У иудейской общины с германскими императорами с XI в. складывались особые отношения, основанные первоначально на взаимной выгоде. До XI в. это религиозное меньшинство Германии жило без правовых ограничений и запретов на какие-либо профессии[41]. В ряде грамот правителей XI–XIII вв. постепенно закреплялось положение главы империи как единственного защитника по отношению сначала к нескольким еврейским общинам, а позже – ко всем иудеям страны. Ашкеназ поначалу даже искал этого покровительства (особенно на фоне еврейских погромов после объявления крестового похода в 1096 г.[42]), платил за эту защиту. В правление последних Штауфенов (ср. привилегии Фридриха Барбароссы иудейской общине Вормса в 1157 г.[43], общине Регенсбурга – в 1182 г.[44]; Фридриха II – всем иудеям Германии в 1236 г.[45]) отношения ашкеназа и императора по принципу «плата за защиту» перестали быть периодически обновляемым договором (подразумевающим добрую волю обеих сторон). В немецкой историографии идёт дискуссия о

num eorum eis redditurus, misere confovebant". Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historicarum... P. 245.

[40] Voß 2011: 157; Chehab 1988: 21.

[41] Patschovsky 1993: 336; Kisch 1978: 51.

[42] MGH. Die Urkunden der Deutschen Könige und Kaiser. o. O., 1941–1978. Bd.6 (2): Die Urkunden Heinrichs IV / bearb. von D. von Gladiss, A. Gawlik. S. 543–547 (#411).

[43] MGH. Die Urkunden der Deutschen Könige und Kaiser. Hannover, 1975. Bd. 10 (1): Die Urkunden Friedrichs I. (1152-1158) / bearb. von H. Appelt. S. 284-286 (#166).

[44] MGH. Die Urkunden der Deutschen Könige und Kaiser. Hannover, 1990. Bd. 10 (4): Die Urkunden Friedrichs I. (1181-1190) / bearb. von H. Appelt. S. 43-44 (#833).

[45] MGH. Const. S. 274-276 (#204).

том, в какой мере ужесточавшаяся регламентация финансовых податей иудеев в имперскую казну означала потерю ими статуса свободных людей и законодательно закрепляла их зависимое от императора положение, а также – до какой степени юридическая теория соотносилась с правоприменением[46]. Во время правления короля Рудольфа I Габсбурга вопрос о свободе/несвободе евреев Рейна встал особенно остро.

В 1270–1280-х гг. иудейская община Германии испытывала сильные притеснения. В рейнской области в XIII в. периодически случались погромы, инспирированные «кровавыми наветами» – несмотря на то, что король Рудольф и архиепископ Майнца в 1275 и 1286 гг. выпускали указы (созвучные буллам 1247 г. папы Иннокентия IV «Si diligenter»[47], «Divinia iustitia»[48] и «Lacrimabilem iudeorum»[49], а также Григория X «Universis Christi fidelibus» (1274)[50]) о недопустимости подобных вспышек насилия на почве религиозной нетерпимости и необходимости судебного разбирательства в каждом конкретном случае с привлечением свидетелей с христианской и еврейской сторон, внесудебные расправы над иноверцами стали в тот период частым явлением[51]. В 1286 г. король Рудольф I, повторяя грамоту Фридриха II, определил статус иудеев как «слуг королевской казны», *servi camerae regis* (*нем. Kammerknechtschaft*)[52]. С одной стороны, это гарантировало общине покровительство непосредственно и только короля, защиту всего, чем те обладали, с другой же – оставляло довольно широкий простор действий для государя. Налоги для иудеев стали выше[53].

Упомянутые неблагоприятные обстоятельства способствовали формированию в иудейской интеллектуальной среде идеи о необходимости возвращения на Восток, в Иерусалим. Так, авторитетный учитель рабби Меир бен Барух из Роттенбурга (1210–1293) призывал ашкеназ оставить Европу и отправиться жить в землю прежнего иудейского царства. Он сам вместе со своей семьёй и приверженцами отправился в такое путешествие, и многие последовали его примеру. В Ломбардии его схватили солдаты короля; он был заключён под стражу и отправлен в замок Энзисхайм[54]. Иудейская община предложила Рудольфу баснословно высокий выкуп в 23 000 марок (марка весила ок. 250 гр. чистого серебра, т. обр., выкуп составлял около 5,7 тонн серебра) за освобождение их духовного лидера и за наказание организаторов кровавых наве-

[46] См.: Willoweit 1988: 7189; Schiffmann 1931: 39-58; Wolf 1966: 774–783; Patschovsky 1993: 331–371; Patschovsky 1996: 193–218; Kisch 1978; Battenberg 2011: 1562–1563; Battenberg 1987: 545–599.
[47] Simonsohn 1988: 190–191 (#181).
[48] Simonsohn 1988: 191–192 (#182).
[49] Simonsohn 1988:197–198 (#188).
[50] Simonsohn 1998: 245–246 (#237).
[51] Подробнее об этом см.: Baron 1965: 152–155.
[52] Sapir-Abulafia 2014: 56.
[53] Sapir-Abulafia 2014: 37–61; Ср.: Martin 1976: 160ff.
[54] Ныне – южн. Германия, между Тюбингеном и Констанцем.

тов в Обервезле и Боппарде. Габсбург деньги принял и гарантировал защиту жизни и имущества этих двух общин, но рабби Меир так и умер в заключении, т. к. запретил выкупать себя, сославшись на закон Мишны «не выкупают заложников за непомерный выкуп, чтобы это не привело к ещё большим несчастьям» (Гитин 4:6). Эта попытка ашкеназа в 1286 г. буквально выйти из-под обременительного покровительства германского короля окончилась неудачно и продемонстрировала, каким образом понимал границу правоприменения закреплённого законодательно положения иудеев как *servi camere nostre* Рудольф[55].

Такая сложная для еврейской диаспоры обстановка в германских землях способствовала усиленному поиску фигуры Спасителя, защитника и помощника в переселении в землю предков. В современных исследованиях средневекового европейского еврейства[56] показано, что проживание иудейской общины германских земель по соседству с христианами и в Средневековье, и в раннее Новое время приводило к взаимному влиянию идей и представлений разных культур, в том числе и в сфере религиозной философии[57]. В этом ключе стоит рассматривать приведённые выше строки хроники Йохана фон Виктринга, который описывал надежды иудейской общины Рейна на спасение от притеснений в категориях эсхатологических ожиданий христиан того времени от «императора последних времён Фридриха»[58].

Разумеется, анализируя рассказ хрониста о тесных связях лже-Фридриха и иудейской общины, следует помнить и о модели поведения настоящего Штауфенского императора. В 1228–29 г. он действительно отправился в крестовый поход в Святую землю и сумел добиться успеха не оружием, а дипломатией. По договору с египетским султаном Маликом-аль-Камилем христианские, иудейские и мусульманские паломники могли беспрепятственно входить в город. Такой союз с иноверцем, хотя и вызвал недовольство высших иерархов католической церкви[59], тем не менее, принёс в обществе Фридриху славу освободителя Иерусалима и правителя, послужившего делу Креста. Следовательно, представления об ожидании от якобы настоящего императора, что он мог бы снова отправиться за море и выступить как освободитель, только на этот раз — для иудеев, вполне встраиваются в те образы памяти о Фридрихе II, которые были живы и спустя полвека после возвращения Иерусалима самим Штауфенским императором в руки христиан.

Также и сами по себе взаимовыгодные отношения фальшивого Фридриха II с иудейской общиной вписывались в политическую линию

[55] Patschovsky 1993: 344f.

[56] См., например: Peoples of the Apocalypse 2016; Intricate Interfaith Networks in the Middle Ages 2016.

[57] См. также о переплетении идей мессианских ожиданий иудеев и христиан: Rohrbacher 1986: 21f.

[58] Ср.: Voß 2006: 157.

[59] См, напр., письмо патриарха Иерусалимского Герольда папе римскому Григорию IX в: HD. T. 3. P. 102–112.

его прототипа, императора-защитника иудеев. В 1236 г., после расследования обвинений в ритуальных убийствах и последовавших за этим погромов, германский правитель, которому было очень важно соответствовать собственному образу императора как rigor justitie, выдал „universi Alemannie servi camere nostre“ (всем (!) [иудеям] Германии) привилегию, о которой те – в поисках защиты – его просили[60]. Возобновляя и дополняя привилегии своего деда, Фридрих II Штауфен впервые сформулировал термин *servi camere nostre* (слуги нашей казны) для этой социальной группы в грамоте германского императора. Взяв иудеев страны под свою защиту, император отныне мог ограничить любого (любых) из них в свободе перемещения, а их собственность конфисковать в имперскую казну.

Итак, я постаралась показать, что характеристика псевдо-Фридриха от Йохана фон Виктринга вобрала в себя несколько важных смысловых паттернов. Нельзя не отметить тонкость и сложность конструирования подобного образа лжеправителя австрийским хронистом, поскольку ему удалось соединить в таких строках характеристику социально-политического контекста 1270–1280-х гг., приметы Антихриста, взятые из сочинений средневековой экзегетики, а также выстроить аллюзию на имевшие место действия настоящего императора Фридриха II. И последние, судя по их актуализации в первой половине XIV в., были настолько яркими и запоминающимися, что оставались в памяти последующих поколений и «работали» на образ его подражателя, укрепляя до определённой степени аутентичность самозванца.

Аллюзии на Антихриста или «сравнения» с Антихристом в рассказах о лжеправителях давно неудивительны для исследователей монархического самозванчества на Западе и Востоке Европы в Средние Века и раннее Новое время[61]. Но в каждой конкретной ситуации необходимо уточнять, какого рода это сравнения и аллюзии. Проведённое исследование показывает, что в случае с псевдоимператором Фридрихом II мы имеем дело с литературным приёмом, элементом писательского ремесла германских авторов конца XIII – середины XIV в. Как известно, особенностью средневекового историописания в целом было стремление возвести повествование о настоящем к примерам из прошлого; именно аналогии с авторитетными текстами, библейскими персонажами и ситуациями словно бы придавали авторитет словам средневековых хронистов о текущих делах. В данном случае прототипом для авторов конца XIII – середины XIV вв., очень хорошо знавших тексты Священного Писания, при создании словесного портрета лже-Фридриха послужил хорошо знакомый им образ Антихриста, идеальный тип подражателя, обманщика и квинтэссенция неправедного по своей сути персонажа, поскольку хронистам нужно было описать выдающийся обман, очень талантливого и успешного подражателя. Отдельные элементы, т.е. приметы Антихри-

[60] Текст см.: MGH. Const. S. 274–276 (#204). См. также: Sapir-Abulafia 2014: 51.
[61] См., например, недавнюю работу: Антонов 2019: 93–100.

ста, вычленялись из сочинений средневековой экзегетики и, переработанные в соответствии с историческими реалиями XIII в., встраивались в повествование о фальшивом императоре Фридрихе II. Без этих заимствований образ самозваного императора не воспринимался авторами средневековых текстов как полный, а реальность 1280-х гг. – как доподлинно описанная.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

HD – Historia diplomatica Friderici Secundi, sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius Imperatoris et filiorum ejus. Accedunt epistolae Paparum et documenta varia. Collegit, ad fidem chartarum et codicum recensuit, juxta seriem annorum disposuit et notis illustravit / ed. J.-L.-A. Huillard-Breholles. Parisiis, 1852–1861. 7 t.

MGH. Const. – MGH. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198–1272) / ed. L. Weiland. Hannover, 1896. T. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Антонов Д.И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. 318 с. [Antonov D.I. Tsari I samozvantsi: borba idej v Rossii Smutnogo vremeni. (Tsars and Impostors: The Fight of Ideas in Russia of the Times of Troubles) M., 2019. 318 s.].

Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998. 712 с. [Blok M. Koroli-chudotvortsy. M., 1998. 712 s.].

Герштейн А.Б. Антихрист как модель для конструирования образа лжеправителя в хрониках XIII-XIV вв. // ЭНОЖ «История». 2025. Т. 16. Вып. 2 (148). [Gerstein A.B. Antichrist kak model dlya konstruirovanija odraza lzhepravitelja v chronikah XIII-XIV vv. (Antichrist as a Model for Constructing the Image of a False Ruler in the Chronicles of the 13th-14th centuries) // Elektronnij nauchno-obrazovatelnij jurnal "Istorja". 2025. T. 16. Vip. 2 (148). URL: https://history.jes.su/s207987840034319-9-1/].

Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 221-241. [Gurevitch A.Ya. "Vremja vivikchnulos": poruganie umershego pravitelja ("The Time is out of Joint": Desecration of a Dead Sovereign) // Odissej. Chelovek v istorii. 2003. M., 2003. S. 221-241].

Ингерфлом К. Аз есмь царь. История самозванства в России / пер. с франц. П. Каштанова. М., 2021. 448 с. [Ingerflom K. Az esm tsar. Istorija samozvanstva v Rossii. (I'm a king. The History of Imposture in Russia) / per. s franz. P. Kashtanova. M., 2021. 448 s.].

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. М., 1990. 240 с. [Skrynnikov R.G. Samozvanzy v Rossii v nachane XVII v. (Impostors in Russia at the beginning of the XVIIth century) M., 1990. 240 s.].

Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201-235. [Uspenskij B.A. Tsar i samozvanez: samozvanchestvo v Rossii kak kulturno-istoricheskij fenomen. (Tsar and Impostor: Imposture in Russia as a Cultural and Historical Phenomenon) // Khudozestvennij yazyk srednevekovja. M., 1982. S. 201-235].

Alles gefälscht? Verdächtige Urkunden aus der Stauferzeit / bearb. von P. Rückert. // Archivale des Monats März 2003 im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Stuttgart, 2003. 71 s.

Baron S. A Social and Religious History of the Jews. New York, 1965. Vol. 9: Late Middle Ages and Era of European Expansion (1200-1650). 350 p.

Battenberg F. Des Kaisers Kammerknechte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 245/3. S. 545-599.

Battenberg F. Kammerknechtschaft // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. 2011. Sp. 1562-1563.

Chehab C. Neusser Juden: Spuren ihrer Geschichte: Ausstellung des Stadtarchivs Neuss im Clemens-Sels-Museum, 1. Juni bis 18. September 1988. Neuss, 1988. 75 s.

Emmerson R. Antichrist in the Middle Ages: A Study of Medieval Apocalypticism, Art, and Literature. Seattle, 1981. 366 p.

Hägermann D. Die Urkundenfälschungen auf Karl den Großen. Eine Übersicht // Fälschungen im Mittelalter. Hannover, 1988. Bd. 3. S. 433–444.

Herde P. Fälschungen // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1989. Bd. 4. Sp. 246–249.

Intricate Interfaith Networks in the Middle Ages / ed. E. Shoham-Steiner. Turnhout, 2016. 352 p.

Kisch G. Forschungen zur Rechts- und Sozialgeschichte der Juden in Deutschland während des Mittelalters. Sigmaringen, 1978. 336 s.

Kluger H. Ein falscher Friedrich in Köln – Tile Kolup // Geschichte in Köln. 1979. Vol. 6. No. 1. S. 98-102.
Martin T.M. Die Städtepolitik Rudolfs von Habsburg. Göttingen, 1976. 268 p.
Meyer V. Tile Kolup, der falsche Friedrich, und die Wiederkunft eines achten Friedrich, Kaisers der Deutschen: eine historische Studie. Wetzlar, 1868. 106 s.
Möhring H. Der Weltkaiser der Endzeit. Entstehung, Wandel und Wirkung einer tausendjährigen Weissagung. Stuttgart, 2000. 526 s.
Oberweis M. *De falsitate convictus et heresi igne meruit concremari*. Überlegungen zur Hinrichtung Dietrich Holzschuhs im Jahre 1285 // Inszenierungen des Todes. Hinrichtung, Martyrium, Schändung / hg. von L.-M. Günther, M. Oberweis. B., 2006. S. 143-156.
Patschovsky A. Das Rechtsverhältnis der Juden zum deutschen König (9. – 14. Jahrhundert). Ein europäischer Vergleich // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1993. Germ. Abt. 110. S. 331-371.
Patschovsky A. The Relationship between the Jews of Germany and the King (11th-14th centuries). A European Comparison // England and Germany in the High Middle Ages / eds. A. Haverkamp, H. Vollrath. Oxford, 1996. P. 193–218.
Peoples of the Apocalypse: Eschatological Beliefs and Political Scenarios / ed. R. Voß, F. Schmieder, W. Brandes. Berlin; Boston, 2016. 374 p.
Redlich O. Rudolf von Habsburg. Das Deutsche Reich nach dem Untergange des alten Kaisertums. Innsbruck, 1903. 834 s.
Rohrbacher St. Juden in Neuss. Neuss, 1986. 324 s.
Sapir-Abulafia A. Christian-Jewish Relations 1000-1300: Jews in the Service of Medieval Christendom. London, 2014. 252 p.
Schiffmann S. Heinrichs IV. Verhalten zu den Juden zur Zeit des ersten Kreuzzuges // Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland. 1931. Bd. 3. S. 39-58.
Schwinges R.C. Verfassung und Kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // Mentalitäten im Mittelalter / hg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 177-202.
Simonsohn Sh. The Apostolic See and the Jews: Documents: 492–1404. Toronto, 1988. 549 p.
Steinen W. von den. Staatsbriefe Kaiser Friedrichs des Zweiten. Breslau, 1923. 104 s.
Voß R. Umstrittene Erlöser. Politik, Ideologie und jüdisch-christlicher Messianismus in Deutschland, 1500–1600. Göttingen, 2011. 272 s.
Willoweit D. Vom Königsschutz zur Kammerknechtschaft. Anmerkungen zum Rechtsstatus der Juden im Hochmittelalter // Geschichte und Kultur des Judentums. Eine Vorlesungsreihe an der Julius-Maximilians-Universität Würzburg / hg. von K. Müller, K. Wittstadt. Würzburg, 1988. S. 71-89.
Wolf G. Kaiser Friedrich II. und die Juden. Ein Beispiel für den Einfluß der Juden auf die mittelalterliche Geistesgeschichte // Stupor Mundi. Zur Geschichte Friedrichs II. von Hohenstaufen / hg. von G. Wolf. Darmstadt, 1966. S. 774-783.

Геритейн Анна Борисовна, *кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; gershtein@igh.ru*

«A Model Kit»: the attributes of Antichrist and their functions in constructing of the image of a false emperor in the chronicles of the 13th–14th centuries

The article puts forward and proves the hypothesis that it was Antichrist, the main character of ancient and medieval eschatology, who served as a prototype for creating the image of the false ruler in chronicles of 13th – middle 14th c. Constructing of a portrait of the false emperor Frederick II Staufen, acting in the 1280s., the medieval chroniclers transferred some characteristic «signs» of the Antichrist by the exegetes into their narratives – to create the image of a copycat, an unjust man. The study analyzes the work of medieval historians with such signs of the Antichrist as the ability to perform miracles, becoming the false Messiah of the Jews, interrupting the usual course of times and daring to impose their own order.

Keywords: *false ruler, monarchic impostor, Antichrist, medieval historiography, chronicles of the 13th–14th centuries, worldview of medieval writers, Middle Ages, apocalyptic.*

Anna Gerstein, *Ph.D. in History, research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; gershtein@igh.ru*

А.В. Стогова

ДОБРОДЕТЕЛЬ НАБЛЮДАТЕЛЯ: ЗАРОЖДЕНИЕ ДИСКУРСА О ДНЕВНИКАХ В АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ранние английские личные дневники, созданные до 1660-х гг., долгое время не попадали в фокус внимания исследователей, поскольку не соответствовали, сложившемуся в XIX–XX вв. представлению о дневнике как отражению бытования индивидуального Я в мире. Они преимущественно были посвящены разным делам, новостям, описаниям увиденного и т.п. Существенную помощь в понимании их специфики может оказать изучение зарождавшегося с конца XVI века дискурса о личных дневниках, предпринятое в данной статье. Анализ первых пособий, касавшихся путевых и благочестивых дневников, демонстрирует значительное сходство советов по ведению дневниковых записей: акцент на дисциплине, полезном наблюдении и получении опыта. Дневник мыслился как практика, связанная не с самоописанием или самовыражением человека, а с процессом его (само)воспитания. Она преподносилась не как литературная работа по построению вербальных описаний, а как способ формирования правильного образа жизни. Набор коннотаций, выстраиваемый авторами подобных пособий, свидетельствует о включенности дискурса о дневниках в развивавшуюся интеллектуальную культуру эмпиризма, в рамках которой складывались и трансформировались такие понятия как «наблюдение» и «опыт».

Ключевые слова: *Новое время, Англия, личный дневник, путевой дневник, благочестивый дневник, эмпиризм, наблюдение, опыт, благочестие, деловая культура.*

Изучение личных дневников как феномена Нового времени началось в 1970-е годы, в период бурного развития исследований культуры. Появление такого типа текстов стало вызывать интерес как ознаменование зарождения современной культуры и в первую очередь — развития индивидуализма, формирования «современного субъекта». Однако изучение истории личных дневников через такое их понимание, сложившееся по сути дела лишь в XIX–XX вв., когда потребность в ведении дневника связывалась с выражением индивидуального «внутреннего Я», отражением его бытия в мире, или даже с его созданием, формулированием посредством письма, привело к парадоксальным результатам. Когда в 1950 г. Уильям Меттьюз опубликовал библиографию английских дневников, она начиналась с текста неизвестного члена свиты королевского секретаря Томаса Бэкингтона, освещающего подробности переговоров о браке Генриха VI с дочерью графа Арманьяка в 1442 г., опубликованного в 1828 г. Но исследователи, начавшие изучать историю личных дневников, стали отсчитывать ее от ставшего знаменитым дневника Сэмюэля Пипса, созданного более чем два столетия спустя[1]. Все предшествовавшие тексты превратились в предысторию жанра, поскольку не укладывались в идею дневника как хронику бытия индивидуального Я. Либо внимание автора было преимущественно направлено не на самого себя, а на происходящее вокруг, либо Я, появляющееся в тексте, не казалось исследователям обладавшим той мерой индивидуальности, кото-

[1] См.: Dobbs 1974; Fothergill 1974; Mallon 1984; Blythe 1989.

рая характеризует модерного субъекта. Такое отношение можно увидеть и у автора библиографии. Хотя Меттьюз включил в нее все дневники, написанные от первого лица и не как официальный документ, ни один из ранних примеров он не характеризует как личный дневник, называя их «публичными» (т.е. связанными с выполнениями служебных обязанностей), «семейными», «дипломатическими», «военными», «социальными» (фиксирующими детали встреч, бесед, участие в придворных или иных мероприятиях), «религиозными», «путевыми» и т.п.

В последние десятилетия появились исследования, где личные дневники XV–XVIII вв. рассматриваются вне границ, определяющих жанр, которые сложились позднее на основе оппозиций не свойственных этому периоду. В первую очередь – противопоставления частного и публичного, внутреннего мира и публичного образа, художественного текста и делового документа. Изучение специфики этих дневников, в большей степени принимающее во внимание историко-культурные особенности периода, нежели границы жанра, только начинается. Существенной частью такого историко-культурного, а не литературного изучения ранних дневников должен стать и анализ формирования дискурса о них. Первые появившиеся в публичном пространстве наставления о том, как и зачем вести дневник касались двух их видов – дневников путешественников и т.н. благочестивых дневников верующих. До сих пор они изучались в рамках двух исследовательских традиций: изучения культуры путешествий, в частности – травелогов[2], и религиозной культуры[3]. Хотя на пособия в последнее время все больше внимания обращают при изучении личных дневников[4], они еще не рассматривались в сопоставлении, как элементы нарождающегося дискурса о дневниках.

Юстин Штагль, изучавший путевые дневники в контексте записок путешественников и культуры любопытства раннего Нового времени, отмечал, что такие заметки и советы о том, как их составлять существовали и в Средневековье. Однако подобные наставления давались частным и устным образом, тогда как начиная с Возрождения они стали публичными и письменными, что свидетельствует о том, что в путевых дневниках – не просто некоторых записях во время поездки, но их систематическом, упорядоченном ведении – начали видеть нечто большее, нежели подспорье для индивидуальных, как правило сугубо практических нужд человека[5]. Штагль акцентировал проблематику, которая является ключевой для зарождения как практики ведения личных дневников, так и дискурса о ней, поскольку среди разных типов текстов в рамках развивавшейся культуры эго-документов и ведения заметок, дневники отличала в первую очередь систематичность записей. Появившиеся наставления, в которых предписывалось их ведение, подчеркивают

[2] См., например: Ord 2008; Stagl 2012; Jones 2019; Netzloff 2020.
[3] См., например: Webster 1996; Findlay 2002; Cambers 2007; Daniel 2015.
[4] См., например: Smyth 2010; Nandi 2021.
[5] Stagl 2012: 52.

пользу именно регулярных заметок. И хотя подобные назидательные сочинения выявляют только те аспекты, которые имеют публичную значимость, а потому вовсе не обязательно важны для каждого автора дневника, тем не менее их анализ позволяет выявить набор значений и практик, в контексте которых ведение дневников получало распространение.

Эти наставления, распространявшиеся в Англии с конца XVI в. сначала в виде рукописных копий или проповедей (в случае с благочестивыми дневниками), а вскоре – в виде печатных изданий, позволяют выявить, в чем виделась, или, по крайней мере, как преподносилась в публичном дискурсе ценность личного дневника. К этому времени журнал как форма ведения записей уже получил большое распространение среди купцов и ремесленников, а также в разных органах управления для сбора информации, полезной для развития дела, и отчетности. С 1507 г. журнал заседаний вела палата лордов Английского парламента, с 1547 г. – палата общин. С конца XVI в. становились все более распространенными судовые журналы на флоте. Когда в 1600 г. была учреждена Британская Ост-индская компания, было решено, что судовые журналы должны вести сразу четыре человека – капитан, рулевой, помощник рулевого и казначей. Они сдавались в центральный офис и на их основе создавались заметки, которые выдавали капитанам судов, следующих в том же направлении[6]. Позднее Лондонское королевское общество, основанное в 1660 г., стало поощрять участников морских экспедиций вести журналы и сохранять информацию, которая способствовала бы научному изучению мира. Члены Общества занимались выработкой норм научного наблюдения и фиксации полученных сведений и опубликовали целый ряд инструкций о том, как вести и оформлять отчеты о путешествиях, чтобы они служили не только частным целям или удовлетворению любопытства читателей, но приносили пользу и позволяли развивать знание о далеких землях и культурах[7].

Распространение советов и инструкций для путешественников, в которых речь шла о необходимости вести именно дневниковые заметки, было связано с осознанием публичной ценности сведений, которые могут собирать и предоставлять отправляющиеся в дальние земли люди. С конца XVI – начала XVII в., когда Англия начинает вести активную колониальную политику, развивается посольская дипломатия и в целом изменяется система политических отношений в Старом свете, получение подробной, точной и своевременной информации приобретало все большее политическое значение. Это побуждало к переосмыслению значимости наблюдения и составляющих его практик, а также наблюдательности как человеческому качеству. Как отмечал Марк Нецлоф, совершенно не случайно первые известные английские наставления для путешественников, ходившие в списках и имевшие большую популярность в конце XVI в., были написаны государственными секретарями

[6] Blair, Stallybrass 2010: 146.
[7] Pearl 2012: 71-83.

Елизаветы I — сэром Фрэнсисом Уолсингемом и Уильямом Сесилом, бароном Бёрли, которые по своей должности исполняли обязанности главы секретной службы[8]. Френсис Бэкон, занимавший пост лорда-канцлера при Якове I и ратовавший за развитие научного знания как одной из ключевых составляющих политики процветания страны, также придавал большое значение регулярному и точному ведению заметок, с подробным описанием топографических особенностей, флоры и фауны, образа жизни людей, системах социальных и властных отношений, на основе которых возможно делать полезные выводы.

В Англии именно в среде политической элиты, круга людей, связанных с государственными интересами, активно развивались идеи о воспитательной и образовательной пользе путешествий. Путешествие молодого человека (как знатного, так и нет) со второй половины XVI в. все чаще преподносилось как подготовка к службе на благо короне в том или ином качестве[9]. В этих наставлениях и начинает формироваться дискурс о дневниках как необходимой составляющей не только путешествия, но и в целом правильного образа жизни, к которому оно должно было подготовить, и в его основе лежал именно опыт наблюдения.

Описания путешествий XVI – начала XVII в. отличала риторика удивительного, унаследованная от средневековья, внимание к разнообразию, необычности и великолепию. Такого рода любопытство внимательного к окружающему миру путника во многом отсылало к чувственному, суетному, себялюбивому удовольствию. Как отмечал Дэвид Джонс, существовали опасения, что и сами путешествия, и их описания делаются ради развлечения и потакания страстям. Целью наставлений было отвлечь путешественника от удивительного и экзотического, великолепного или знаменитого к более продуктивному и потенциально полезному наблюдению[10]. Граф Эссекс в своем наставлении для молодого графа Рутленда о путешествиях, написанном в конце XVI в. и ходившем по рукам в списках, пока оно не было опубликовано в 1633 г., отмечал, что его польза заключается не в том, чтобы набраться невероятных впечатлений, а в возможности приобрести новые знания: «Смысл наблюдения заключается в том, чтобы отметить согласованность причин, следствий, советов и успехов с пропорцией и подобием между природой и природой, фортуной и фортуной, действием и действием, состоянием и состоянием, временем прошедшим и временем нынешним»[11].

Подобные советы призывали путешественника не просто к наблюдательности и выявлению связей между явлениями и событиями, но и к оценке увиденного и услышанного не с позиции праздного любопытства или нравственной критики, а с точки зрения прагматических, в особенности – государственных интересов. Этот навык был одним из клю-

[8] Netzloff 2020: 43.
[9] Williamson 2016: 544.
[10] Jones 2019: 103.
[11] Essex 1633: 64-65.

чевых элементов того, что поездка в другие страны могла дать джентльмену, особенно молодому. Джон Ивлин, еще один автор наставления, написанном уже в середине XVII в., прямо противопоставлял две возможные цели путешествия – публичную, т.е. стремление послужить своей стране, и приватную, персональную, т.е. удовольствие. Во втором случае, по его мнению, человек всего лишь покупал довольно дорогой ценой «скромный опыт и репутацию, чтобы иметь возможность хвастаться, что приобрел их за границей»[12]. Ивлин отмечал, во многом опираясь на Бэкона, что молодой человек, «должен путешествовать разумно и, подобно философу, старательно (на протяжении всего своего паломничества) обращать внимание на те вещи, которые могут наилучшим образом послужить к пользе и достатку его собственной страны по его возвращении».[13]Мелани Орд, исследовательница культуры путешествий, отмечала, как меняется в этой связи представление о взгляде путешественника — появляется оппозиция между тем, кто глазеет (gazing) и тем, кто вглядывается (looking upon), основой которой было понимание того, на что и зачем направлен взгляд[14].

Дневник, ведение которого большинство авторов наставлений путешественникам считало необходимым, в силу регулярности записей как нельзя лучше соответствовал идее осмысленного, целенаправленного наблюдения. Его отличие от иных записок путешественников заключается не только в возможности сохранить максимально подробную и свежую информацию для дальнейшего изучения. Дневник рассматривался не столько как способ фиксации опыта, сколько как условие его получения, его ведение было необходимым элементом наблюдения, и, соответственно, частью правильного времяпрепровождения в поездке, в силу чего эта практика преподносилась как один из ключевых элементов в первую очередь образовательных путешествий молодых дворян.

Уильям Сесил, в одном из писем с советами о путешествиях, которые также были известны в рукописных копиях, рассуждения «о вещах, которые следует принимать во внимание в путешествии» в 1571 г. начал следующим образом: «Во-первых, во-вторых и в последних, следует продолжать жить в страхе Божьем, ежедневно служа ему молитвами. А для вашего путешествия необходимо, чтобы вы вменили себе в обязанность вести отчет обо всей поездке, чтобы по возвращении, хотя вы и не обязаны отчитываться ни перед кем другим, вы могли сделать это перед самим собой, смогли получить удовлетворение от того, что взамен потраченного времени и денег приобрели то, что делает вас более достойным человеком, чем вы были перед отъездом. И для этой цели стоит сделать из бумаги книжицу, в которую вы могли бы ежедневно или по меньшей мере раз в неделю заносить все, что случается с вами во всяком месте, где вы получите ценные наблюдения и воспоминания. Не жалей-

[12] [Evelyn] 1652: [n.p.]
[13] Ibid: [n.p.]
[14] Ord 2008: 93.

те записывать многое в свою памятную книгу несмотря на то, что будете думать, что в том нет необходимости, воображая, что никогда этого не забудете. Я на собственном опыте убедился, что это не так»[15]. Далее Сесил подробно перечислил то, на что следует обращать внимание и сохранять в таком дневнике – от устройства крепостей и состояния вооружения в гарнизонах до античных памятников, рациона питания монарха или обращения местных дворян со своими женами.

Наставления для путешественников имели целью не только поощрять внимательное наблюдение, но и строго его регламентировать. Коль скоро любопытство преимущественно ассоциировалось с удовольствием, а путешествия – с соблазнами и опасностями, в первую очередь авторы советов подчеркивали, что наблюдать надо за тем, что имеет ценность как полезное (как для себя, так и для других) знание о мире, а не за тем, что может поразить воображение потенциального слушателя или читателя. Как отмечал Юстин Штагль, «методичный самоконтроль путешественника» имел целью нейтрализовывать аргументы противников путешествий[16]. Необходимость регулярно, на ежедневной основе описывать словами свой опыт, была не следствием наблюдения, а его составляющей: она должна была побудить путешественника к постоянному всматриванию и предоставляла возможность для осмысления увиденного и пережитого в процессе письма. Это требовало усилий – постоянного внимания к окружающему миру, дисциплины, мысленного дистанцирования для того, чтобы оценить полученные наблюдения, и было одним из ключевых способов сделать путешествие полезным. Получившийся в итоге текст к тому же становился подробнейшим отчетом перед самим собой – сохранял на будущее полезную информацию, позволял извлекать новый опыт при перечитывании и демонстрировать самому себе правильность или ошибочность своего поведения.

Первые наставления интересны тем, что они вовсе не ограничены проблематикой путешествия. Оно в значительной мере представляло собой обстоятельства, в которых ведение дневника является наиболее полезным как ввиду предоставляемых возможностей, так и с оглядкой на многочисленные соблазны. Еще одно наставление Уильяма Сесила касательно путешествия в его письме сыну Томасу Сесилу, будущему графу Эксетеру, написанное в 1561 г., почти полностью посвящено способам поддержания благочестия в поездке – неоднократным молитвам в течение дня и ежевечерним покаяниям: «Кроме того, ты должен перед сном каждую ночь на коленях благоговейно и набожно просить прощения за свои проступки, перечисляя их с точностью и подробностью за каждый час дня и насколько хватит твоей памяти. И не только вспоминать о них, но и изучать, по какому случаю ты в них впал, сокрушаться о них, отвращаться от них, давать зарок избежать этих случаев на следующий день, умолять Всемогущего Бога направлять тебя в следующий

[15] Cecil 1994: 295.
[16] Stagl 2012: 73.

день Его Святым Духом, чтобы ты не впадал в подобное»[17]. Лишь последние два абзаца побуждают следовать указаниям наставника и вести дневник. Слова Сесила почти идентичны приведенным выше, тем, что он написал десять лет спустя другому молодому путнику – о необходимости вести регулярные и подробные записи, описывая все, что случилось за день и не полагаться на память[18]. И хотя взятые сами по себе их легко интерпретировать в свете сохранения воспоминаний на будущее, контекст в котором они появляются, свидетельствует о том, что в первую очередь дневник служил способом наблюдения: не только за окружающим миром, но в равной степени за самим собой – контроля за своим поведением посредством регулярного ведения записей и их последующего перечитывания, извлечения уроков из совершенных поступков и пользы из собранной информации.

Показательно, что это наставление Сесила, включавшее ведение дневника в число обязанностей молодого благочестивого путешественника, было написано до того, как в Англии распространилась практика ведения духовных дневников. Один из исследователей культуры религиозного письма Эндрю Кэмберс отмечал, что они появились в Англии в 1580-х гг. и вскоре стали считаться ключевой составляющей пуританского практического благочестия[19]. Ассоциация таких текстов с радикальным протестантизмом в значительной мере связана с тем, что в Англии именно в этой среде формируется дискурс о дневниках как необходимой практике поддержания благочестия. Само появление этой практики связано с изменением религиозной культуры в раннее Новое время. Очень схожие идеи касательно практического благочестия адаптировались под разные учения и сообщества. Одной из его составляющих было регулярное «самообследование», предшествовавшее исповеди – самовопрошание и отчет обо всем сделанном за день – о своих усилиях и неудачах на пути к благочестивой жизни, равно как и обо всех милостях Божьих, подобное тому, что описывал Сесил. Эти практики изначально преимущественно были устными. К примеру, Игнатий Лойола, который сформулировал в «Духовных упражнениях» (1548 г.) принципы и правила нового католического благочестия, включая самовопрошание совести, не упоминал о необходимости вести духовный дневник, хотя сам делал подобные записи[20], хотя один из его сохранившихся

[17] Cecil 1962: 5.

[18] «Я хотел бы, чтобы ты вел тетрадь наподобие журнала, занося в нее каждый вечер ты проделал за этот день, и все мимолетные происшествия этого дня путешествия. И помни, что хотя многие вещи, достойные того, чтобы о них помнить, могут показаться тебе настолько свежими, что ты сочтешь излишним заносить их в свою тетрадь, все же не доверяй их своей памяти, а записывай их так, чтобы по возвращении ты мог видеть, как в календаре, все свои дела и передвижения». Ibid.: 6.

[19] Cambers 2007: 798.

[20] Идеи иезуитов были хорошо известны в Англии конца XVI – XVII в. Роберт Саутуэлл опубликовал на английском языке руководство по ведению благочестивой жизни, в 1620-х оно было переиздано в протестантской редакции. Southwell [1596-7?]. Благодарю Анну Юрьевну Серегину за консультацию по этому вопросу.

дневников был создан в 1544–1545 гг. В британской культуре первый известный религиозный дневник относится к 1564–1565 гг. и принадлежит проктору Кафедрального собора в Дублине сэру Питеру Льюису. Появление этого дневника связано с католической традицией, он относится к периоду, когда англиканское богослужение только устанавливалось в Ирландии. Но вот следующий сохранившийся благочестивый дневник уже датируется 1580-ми гг., его вел проповедник Ричард Роджерс, имевший радикальные протестантские взгляды. Позднее, в 1603 г., он опубликовал, ставшее очень известным наставление по благочестию «Семь трактатов», которое преподносил как протестантскую альтернативу католическим сочинениям. Как отмечал Роберт Дэниэл, многие протестантские богословы конца XVI – начала XVII вв. призывали вести «книгу совести» (book of conscience) не в метафорическом, а в самом прямом смысле: текст, который следовало не только написать, но и читать[21]. Она подразумевала внимание как к персональным поступкам и мыслям, так и к поведению сообщества, как к слабостям и прегрешениям, так и к постоянным свидетельствам божественной любви.

В силу того, что впоследствии публичный дискурс о дневниках в Англии развивался в работах радикальных протестантов, именно Роджерса считают основателем традиции, интерпретируемой как «пуританская». Такое мнение бытует до сих пор[22], хотя Том Уэбстер в середине 1990-х гг. обратил внимание на то, что Роджерс дает подробную инструкцию, касательно того, как «непрестанно пристально следить за своими сердцами, словами и делами»,[23] но нигде не упоминает о необходимости или желательности ведения дневника[24]. Впрочем, он проводил параллели между поведением благочестивого христианина и купца или ремесленника, составляющего финансовую отчетность[25]: «Ибо если даже люди, занимающиеся большими делами, не только записывают свои приобретения и расходы, но и совещаются между собой, чтобы не забыть о них (и притом этот труд они считают необходимым в отношении вещей бренных), то еще более необходимо поступать так в отношении счетов наших душ, то есть ежедневно смотреть, что мы приобретаем или теряем, чтобы тем самым обеспечить себе самую надежную безопасность, и наилучшим образом подготовиться, чтобы, когда придет время отчитываться, сделать это с большей легкостью»[26].

Советы о том, что практиковать благочестие следует при помощи ведения ежедневных записей, появляются в английских печатных пособиях позднее, в середине XVII в. В наставлениях ведение благочестивого дневника связывалось с идеей дисциплины и самонаблюдения – по-

[21] Daniel 2015: 249-250.
[22] См., например: Nandi 2021: 38-40.
[23] Rogers 1610: 338. Первое издание вышло в 1603 г.
[24] Webster 1996: 38.
[25] Про связь между изменениями в религиозной культуре и развитием практик финансовой отчетности см.: Aho 2005.
[26] Rogers 1610: 533.

стоянного анализа своих поступков, слабостей и прегрешений, а также милостей божьих. Дневник с датированными записями представлял собой отчет не только о жизни, но и о соблюдении этих практик, поскольку сама последовательность записей служила свидетельством того, насколько регулярно они делались. В этих наставлениях наиболее явственно акцентируется одна из особенностей ежедневных записей: само существование дневника принуждает продолжать его ведение, а значит соблюдать то, что должно в нем описываться.

Как и советы путешественникам, наставления о ведении благочестивых дневников до того, как были выпущены печатные пособия, распространялись иным способом – в данном случае через проповеди. Сохранилось свидетельство об одной из них. В 1644 г. Джон Бидл, проповедник, в течение жизни все больше склонявшийся к нонконформизму и идеям пресвитерианства, прочел проповедь, в которой было представлено первое известное развернутое обоснование и инструкция по ведению благочестивого дневника. Один из его слушателей в своей автобиографии довольно подробно пересказал ее основные тезисы: «В следующее воскресенье 21 июля мр. Бидл из Бэнстона проповедовал в Лизе. Он основывался на тексте Чисел 33:1 “Вот станы сынов Израилевых и т.д.”,[27] настаивая на следующем. Что каждый христианин должен во славу Божию вести учет своих действий и похождений, полных опасностей и случайностей. Ибо, как сказано во втором стихе[28], такое повеление было дано Моисею самим Богом, чтобы потомки помнили все, что Господь делал и продолжает делать для избавления этого народа. И так каждый человек, пусть даже самого низкого происхождения, сможет увидеть руку Божественной Благости, заботящуюся о нем, во многих событиях жизни. Он может быть, как регистром для его собственной памяти, так и примером благодарности для тех, кто будет это читать или слушать. И тогда они будут размышлять о себе и тоже собирать подобную коллекцию Божьей милости к ним; некоторые больше, некоторые меньше, в соответствии с тем, как Богу угодно распределять свои благословения»[29]. Позднее Бидл опубликовал расширенную версию этой проповеди под названием «Журнал, или дневник благодарного христианина» (1656).

Показательны слова, с которыми автор предисловия к книге Бидла, Джон Фуллер обращается к читателю: «У нас есть государственные журналы, отражающие ход дел национальной важности. Торговцы ведут свои книги учета продаж. Купцы – свои книги счетов. У юристов есть книги председателей суда. У естествоиспытателей – журналы экспериментов. Некоторые настороженные мужья ведут дневник ежедневных расходов.

[27] «Вот станы сынов Израилевых, которые вышли из земли Египетской по ополчениям своим, под начальством Моисея и Аарона» (Числа 33:1). Цитаты здесь и далее приведены в синодальном переводе. Автор цитирует текст по англиканской версии Библии Якова I.

[28] «Моисей, по повелению Господню, описал путешествие их по станам их, и вот станы путешествия их» (Числа 33:2).

[29] Wilson 1779: Vol. II. 475.

Путешественники ведут журнал обо всем том, что они видели и что случилось с ними в пути. Христианин, который хочет точности, имеет еще больше нужды и может получить гораздо больше пользы, ведя такой дневник».[30] В них вновь заметно влияние на практику ведения дневников развивавшейся деловой культуры, а Джон Бидл, будучи сыном клерка, прекрасно знал принципы ведения бухгалтерии и был известен безупречным учетом в своем приходе[31]. Идея ведения именно ежедневных записей связывалась с существовавшими формами отчетности как способа правильного ведения дел, позволяющего оценить проделанную работу. Высказывались даже идеи о том, что Бог также ведет дневник, учитывая все, что может иметь значение. Как писал в 1657 г. один из проповедников, Томас Бейкер, «в этом дневнике или ежедневнике [Бога] вы непременно найдете собрание всевозможных дел, как больших, так и малых; не только дела ваших рук и слова из ваших уст, но и даже самые секретные и потаенные мысли ваших сердец»[32].

Современные исследователи все чаще отмечают, что сто́ит интерпретировать благочестивый дневник в «пуританской» протестантской культуре как способ, позволявший каждый день убеждать себя в неиссякаемой божественной милости. Эта достигалось за счет того, что постоянные записи позволяли увидеть, с одной стороны, стабильность собственных усилий, а с другой – неизменность и постоянство внимания и любви Бога. Как отмечал Э. Кэмберс, «духовные дневники являются примером поиска следов избранничества, который лежал в основе этого направления кальвинизма, они показывают, как люди проверяют свое духовное состояние и пытаются разглядеть знаки избранничества в рутине повседневной жизни»[33]. Эти знаки давали надежду на спасение и одновременно подчеркивали милосердие Бога. Другой исследователь, Р. Дэниэл, обращал внимание на то, что тексты, которые исследователи называют пуританскими или благочестивыми дневниками, сами авторы и проповедники часто именовали «книгой совести» или «книгой памяти» (book of remembrance), а также использовали различные именования, использовавшиеся тогда в практиках ведения деловых бухгалтерских книг, связанных с учетом, например, «поденная книга» (day-book). По мнению исследователя, это отражает двоякое видение ими самой практики ведения дневника, поскольку они «расценивали написание “книг совести” как документирования того, как Бог трудится над их жизнями, а собственные жизни — как отчет о своей работе на Божье дело».[34]

Бидл вменял в обязанность своей пастве и читателям вести журнал, который служил бы отчетом о проживаемой жизни и одновременно работой «благодарного христианина» по сохранению памяти о милосердии

[30] Beadle 1656: [n.p.]. Sig. B1r.
[31] Murray 1996: XXVI-XXVII.
[32] Baker 1657: 74.
[33] Cambers 2007: 798.
[34] Daniel 2015: 258.

Бога, подобно тому, как государственные анналы сохраняют в истории действия государей. Эта обязанность любого христианина должна была предотвратить грех забывчивости и неблагодарности и состояла из трех частей, которые превращали ведение дневника в особый образ жизни. В первую очередь оно требовало постоянного бдительного наблюдения, основанного на нескольких правилах: 1. Трудиться верой, чтобы видеть и наблюдать Бога во всем, что вам дается и продолжает даваться. Хотя Бога и нельзя увидеть глазами, он виден во всем, что он сделал, также как человека можно увидеть в результатах его труда – во вспаханной земле, ладно сколоченном заборе и ухоженном скоте, так и Бог виден во всем «в каждой травинке, каждой капле дождя»[35]; 2. Трудиться верой, чтобы видеть и наблюдать в Боге все эти блага, «все создания можно увидеть в Создателе, как все звезды — в Солнце»;[36] 3. «В-третьих, хорошо изучите посредников, способы и средства, с помощью которых нам передаются все блага. Полезно знать, как мы получаем то, что имеем»[37]. Бидл подробнейшим образом описывает, как именно необходимо наблюдать за божественной мудростью и милостью, еще более скрупулезно, чем авторы советов молодым путешественникам, он объясняет, что должен увидеть в событиях своей жизни христианин, а не только то, на что он должен смотреть, и какие выводы следует извлечь из этого наблюдения. Что сближало предлагаемую Бидлом дневниковую религиозную форму самовопрошания с прочими видами поденных записей, и отличало от медитаций и других духовных упражнений, так это внимание не к духовному переживанию Бога, а к практическому повседневному опыту. Наблюдать следовало за всем происходящим вокруг, но главным образом – за своей собственной жизнью и ее мельчайшими характеристиками: своевременностью событий и удачностью решений, любыми составляющими комфорта, неожиданными дарами и радостями, добрыми предзнаменованиями, поступками, словами, мыслями и эмоциями, чтобы обнаружить присутствие Бога и его неустанную заботу.

Вторая составляющая практики заключалась в написании дневника. У Бидла оно является неотъемлемой частью наблюдения: именно обозревая случившееся в процессе написания, человек обнаруживает в нем следы божественного провидения, формулирует выводы и извлекает уроки из случившегося. Но в то же время написание имело особую задачу — коммеморативную, позволяя вспоминать и сохранять в памяти и в записях свидетельства благодати. С написанным текстом связана третья составляющая — то, что Бидл называл «практикованием дневника»: перечитывание прочитанного, размышление о своей жизни и новое проживание любви и благодарности к Богу.

Все это мыслилось как выполнение обязанностей христианина, которое требовало приобретения определенного опыта. Второй автор, зна-

[35] Beadle 1656: 67.
[36] Ibid: 70.
[37] Ibid: 74.

чимой для становления дискурса о благочестивых дневниках работы, Исаак Эмброуз, опубликовавший в 1650 г. книгу «Медиа: средние вещи, по отношению к первым и последним вещам», дает обобщающее определение понятия «опыт», которое является одним из ключевых в его рассуждениях, как «знания и обнаружения чего-то, что не очевидно само по себе, но проявляется в каких-то событиях или эффектах»[38]. Именно в силу неочевидности знания, для его получения и требуется собирать наблюдения: «Отмечать выбивающиеся из ряда вещи. Обозревать всякие начинания и важные события, рассматривать их всеми способами и со всех сторон, чтобы они могли помочь нам в будущем»[39]. Это и есть один из «медиа» или «средних вещей», которые Эмброуз определяет как метод, способ выполнения обязанностей христианина. Все эти обязанности так или иначе связываются им с «бдительностью» (watchfulness) и необходимостью самоотречения (self-denial).

Эмброуз в большей мере, нежели Бидл, акцентирует важность наблюдения за самим собой (в первом издании использовалось слово self-examination, в последующих – self-trial, «само-дознание»). Но и у него сбор наблюдений подразумевал понимание не только того, что случается с человеком, но и как это происходит. Целый раздел своего труда он посвящает свидетельствам божественной милости, которые необходимо было собирать и сохранять. Сбор свидетельств также подчинялся целому ряду правил. Следовало делать это в правильное время с точки зрения душевного спокойствия и ясности мысли («ибо когда плотный туман окутывает нам и черные тучи закрывают нас, мы не можем хорошо судить ни о себе, ни о том, что нас касается»[40]) и надлежащим образом. Эмброуз говорит о визуальном наблюдении, особой разновидностью которого был взгляд внутрь, позволяющий и в своих мыслях и эмоциях также находить знаки божественной милости.

Как и Бидл, Эмброуз интерпретировал наблюдение и как постоянное пристальное всматривание, и как осмысление его результатов, для чего важно было выразить их в словах. И опыт как неочевидные знания, и свидетельства – как знаки, имеющие значение, «которые, с Божьей помощью, можно извлечь из дневника»[41], обретались, по мнению автора, благодаря написанию и последующему прочтению. Он отмечал, что помимо ежедневного самовопрошания, позволяющего увидеть текущее положение дел – оценить проступки и неудачи в выполнении обязанностей христианина и зафиксировать все свидетельства божественного милосердия, тоже требовавшего проговаривания, человеку необходимо соотносить полученные наблюдения с тем, что он замечал ранее – месяц или год назад, «чтобы мы могли увидеть, сколько мы извлекли пользы

[38] Оно охватывает естественный и сверхъестественный опыт. Ambrose 1650: 86.
[39] Ibidem.
[40] Ibid: 117-118.
[41] Ibid: 70.

или насколько изменились к худшему за этот промежуток времени»[42]. Именно для этого необходим журнал, в котором фиксируется опыт соблюдения благочестия, и при анализе которого можно, подобно купцу, высчитывать душевные доходы и убытки. Эмброуз посвятил целый раздел демонстрации того, как осуществлять наблюдение за собственной жизнью, приведя отрывки из собственного дневника[43].

Наблюдение и формулирование его результатов в тексте не отражали, а формировали благочестивый опыт христианина, но на этом польза от ведения дневника не заканчивалась. Эмброуз отмечал, что полученный опыт можно еще улучшить, если сопоставлять его с чужим. Одним из способов было прочтение чужих дневников. Другим – наблюдение не только за собой, но и за окружающими. Одна из групп приводимых им примеров дневниковых записей связана с демонстрацией возможности получения опыта от наблюдения за поведением других людей. Ее отличает не только содержание, но и форма записей. Поскольку Божественное провидение не работает для всех одинаковым образом, подобное обогащение собственного опыта требовало дополнительных усилий. Все обнаруженные свидетельства следовало делить на категории: суждения о грешниках, божественная любовь к святым людям, наказания или несчастья, постигшие меня и других и т.д. В каждой из этих рубрик зафиксированный в дневнике опыт следовало, подобно тому, как это делалось в деловых книгах, соотнести с иного типа информацией из Библии, записанной в разные столбцы: отрывком, в котором говорится о подобном прегрешении или проявлении благочестия, и цитатой, подходящей для выражения своего отношения к увиденному, или молитвы. Впрочем, и собственный опыт следовало анализировать подобным образом. Такая работа с получаемой в ходе наблюдения информацией, делала наиболее очевидным, каким образом само ведение дневника, а не только его перечитывание должно было помочь человеку извлекать пользу:

Опыты	Тексты	Необходимый Божий промысел, о коем следует молиться в данном случае
«Х.М. (как говорят) выпил в общей сложности 18 кружек эля, сразу от этого заболел и вскоре умер. Другие также пострадали схожим образом, но ужаснее всего была смерть Р.Х.	*Исайя 5:11,14.* Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; За то преисподняя расширилась и без меры раскрыла	*Рим 13:13.* Как днём, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти. *Эфес 15:18.* И не упивайтесь вином, от которого бывает

[42] Ibid: 69-70.

[43] В первом издании были представлены записи от первого лица за годы, непосредственно предшествовавшие публикации – 1641-1649, события которых еще не потеряли актуальности. Но во втором издании 1652 г. состав записей был существенно изменен, оставшиеся и добавленные были отредактированы таким образом, чтобы сделать описание более безличным, не ведущимся от первого лица.

	пасть свою.	распутство; но исполняйтесь Духом»[44].
«Сегодня некто услышал новость о смерти его матушки и, оставшись теперь без ее ежедневных молитв и слез, он не мог не скорбеть из-за ее потери.	Псалом 34:14[45]. Я хо-дил скорбный, с поникшею головою, как бы оплакивающий мать.	4 Царств 2:12.[46] и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его»[47].

Такое постоянное наблюдение, трактовавшееся как работа над собой, позволяло приобретать уверенность, выявляя то, что могло остаться незамеченным или подзабыться и казаться недостоверным, но и оно мыслилось лишь как подспорье в поддержании веры. Еще один известнейший богослов и политик Ричард Бакстер в рассуждении о пользе самопознания, изданном в 1662 году, упоминает практику ведения дневника как полезную, хотя, по его мнению и не избавляющую полностью от опасности усомниться в милости Божьей: «Как ясно сердце может воспринимать все это [свои благие побуждения и движение к Богу – *А.С.*] и записывать, но вскоре, перестав ощущать это и выпустив из поля зрения, обнаружить себя во тьме и смятении, и, возможно, убедить себя совершенно в противоположном! И когда люди читают в своем дневнике или книге сердечных счетов, что в такой-то день после наблюдения они нашли такое-то и такое-то доказательство, и такое-то в другой день, и сразу много в третий, то теперь они могут усомниться, не было ли все это обманом, потому что это кажется противоречащим, тому что они видят и чувствуют сейчас!».[48] Его слова, однако, лишь подчеркивали необходимость постоянных самонаблюдений для правильной оценки повседневного опыта. Дневник как посредник в этой практике, помогал и осуществлять их, фокусируя внимание на важных деталях, и сохранять результату для будущего прочтения и анализа.

Эти рассуждения демонстрируют связь практики ведения личных дневников, по крайней мере в дискурсе о ней, с развивавшейся культурой деловой документации. Она оказала влияние и на развитие эмпиризма, которое также имеет отношение к дискурсу не только о путевых, но и благочестивых дневниках. Элизабет Финдли обратила внимание на то, что Бидл и Эмброуз используют понятия «наблюдения» (observation), «опыт» (и experience, и experiment) и «свидетельство» (evidence)[49]. Это не случайно – зарождение практики ведения личных дневников и дискурса о ней, как и их особенности теснейшим образом связаны с транс-

[44] Ambrose 1650: 99 (06.06.1648).
[45] В оригинале – Псалом 35, согласно англиканской Библии (Psalm 35:14).
[46] В оригинале – 2-я Книга царств, согласно англиканской Библии (2 Kings 2:12).
[47] Ambrose 1650: 102 (24.01.1641).
[48] Baxter 1662: 304-305.
[49] Findlay 2002: 113.

формацией значений этих понятий. Идея наблюдения была одним из самых заметных новшеств конца XVI–XVII вв., под ним стали понимать пристальное, тщательное или кропотливое внимание к чему-либо[50]. Как показывает Джанна Помата, это понятие отсутствовало в научном языке до второй трети XVI в. Лишь в период между 1530–1570 гг. начался и заметно ускорился в течение XVII века сдвиг в значении слова *observatio* от соблюдения к наблюдению, хотя на протяжении своей истории слова, связанные с наблюдением, сохраняют свое прескриптивное значение, а практики наблюдения – связь с идеей соблюдения определенных норм[51]. Зародившись в рамках медицины и астрономии эти практики распространились в другие, самые разнообразные сферы прикладного знания, все больше сближаясь с понятием опыта, понимавшегося как накопленное знание. Как отмечала Лоррейн Дэстон, наблюдение подразумевало соотнесение того, что ты видишь, с тем, что известно, или с тем, как должно быть, поэтому часто чтение, наблюдение и письмо были частью одной практики, целью которой было обретение опыта[52].

Хотя тезис о формировании в XVII в. единого дискурса о личных дневниках можно считать довольно спорным, рассуждения о разных формах дневниковых практик объединял единый набор понятий. Ввиду отчетливой связи идеи путешествия в существовавших наставлениях со службой государству, основным преимуществом, которое подчеркивалось в этих текстах, был непосредственный контакт, прямое наблюдение очевидца и, порой, участника событий, способность передать наиболее точные сведения[53], благочестивый дневник также позволял автору, наблюдая за собственной жизнью, создать точный и детальный отчет о том, как действует Божественное провидение. Они могли трактоваться различным образом, но интеллектуальные традиции, в рамках которых создавались эти трактовки, отнюдь не развивались изолированно. Сесил, к примеру, был хорошо знаком с религиозными наставлениями, предписывавшими постоянное самонаблюдение, а Эмброуз, объясняя пользу практики такого наблюдения, ссылался работу «О достоинстве и приумножении наук» Фрэнсиса Бэкона[54], который, в свою очередь для обоснования полезности развития эмпирического знания не раз обращался к примерам из Библии. Распространение самой идеи поденных записей и в особенности публичного дискурса о них тесным образом связано с трансформацией идей и практик эмпиризма в английской интеллектуальной культуре раннего Нового времени. Эта проблематика, на которую нас выводит анализ зарождающего дискурса о личных дневниках, позволяет с иного ракурса взглянуть на развитие культуры личных дневников. Анна Вежбицкая отмечала, что сближение понятий

[50] Salter 2010: 59.
[51] Pomata 2011: 47.
[52] Daston 2004: 444.
[53] Williamson 2016: 545.
[54] Ambrose 1650: [n.p.] (To the Reader).

«опыт» и «наблюдение» способствовало развитию самонаблюдения и изменению семантики понятия опыта – «"опыт" становится личным опытом и рассматривается как "нечто, что произошло со мной" и как источник знаний, который может быть ограниченным, но, тем не менее, надежным»[55]. Описываемая ею трансформация соотносится с изменениями в культуре личных дневников, которые долгое время интерпретировали как ее зарождение и связывали с развитием интроспекции. Анализ ранних наставлений о личных дневниках позволяет сформулировать иную трактовку этого процесса, которая заслуживает дальнейшего изучения – как движения от понимания дневника как инструмента накопления опыта, который формировал особый образ жизни и в силу этого позволял преобразовывать себя и свое поведение, к интерпретации ведения дневника в контексте самопознания, формирования и утверждения собственного Я в пространстве текста, а не за его пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Aho J. A. Confession and Bookkeeping: The Religious, Moral, and Rhetorical Roots of Modern Accounting. Albany: State University of Ney York Press, 2005.

Ambrose I. Media: The Middle Things, in Reference to the First and Last Things […]. L.: Printed by John Field, 1650 [i.e. 1649].

Baker T. The unspotted high-court of justice erected and discovered in three sermons preached in London and other places. S.l.: Printed for the author, 1657.

Baxter R. The Mischiefs of Self-Ignorance and the Benefits of Self-Acquaintance […]. L.: Printed by R. White, 1662.

Beadle J. The Journal or Diary of a Thankful Christian Presented in Some Meditations upon Numb. 33:2. L.: Printed by E. Cotes, 1656.

Blair A., Stallybrass P. Mediating Information, 1450-1800 // This Is Enlightenment / eds. C. Siskin, W. Warner. Chicago; L. University of Chicago Press, 2010. P. 139-163.

Blythe R. The Pleasures of Diaries: Four Centuries of Private Writing. N.Y. Pantheon Books, 1989.

Cambers A. Reading, the Godly, and Self-Writing in England, circa 1580-1720 // Journal of British Studies. 2007. Vol. 46. № 4. P. 796-825.

Cecil W. A Memorial for Thomas Cecil (1561) // Advice to a Son. Precepts of Lord Burghley, Sir Walter Raleigh and Francis Osborne / ed. by L. B. Wright. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1962. P. 1-6.

Cecil W. Memorial of instructions by William Cecil to the Earl of Rutland. Thyngs to be considered in your travayle // Warneke S. Images of the Educational Traveller in Early Modern England. Leiden; N. Y.; Köln: Brill, 1994. P. 295-298.

Daniel R.W. 'Have a little book in thy Conscience, and write therein': Writing the Puritan Conscience, 1600–1650 // Sin and Salvation in Reformation England / ed. by J. Willis. L.; N. Y.: Ashgate Publishing; Routledge, 2015. P. 245-258.

Daston L. Taking Note(s) // Isis. 2004. Vol. 95. № 3. P. 443-448.

Dobbs B. Dear Diary: Some Studies in Self-interest. Hamilton; L: Elm Tree Books, 1974

Essex R.D. The Late E. of E. his aduice to the E. of R. in his trauels // Essex R.D. Profitable Instructions Describing what Speciall Obseruations Are to Be Taken by Trauellers in All Nations, States and Countries; Pleasant and Profitable. L.: Printed [by John Beale?], 1633. P. 27-73.

[Evelyn J.] The State of France, as it stood in the IXth yeer of this present Monarch, Lewis XIIII. L.: T.M., 1652

Findlay E. Ralph Thoresby the Diarist: The Late Seventeenth-Century Pious Diary and its Demise // The Seventeenth Century. 2002. Vol. 17. № 1. P. 108-130.

Fothergill R.A. Private Chronicles; a Study of English Diaries. L.; N.Y.; Toronto: Oxford University Press, 1974.

Jones D.M. From Wonder to Curiosity in Early Modern Travel Writing. PhD thesis. University of Liverpool, 2019.

[55]Wierzbicka 2010: 49.

Mallon T. A Book of One's Own: People and Their Diaries. N. Y.: Ticknor & Fields, 1984
Murray G.F. Introduction // Beadle J. A Critical Edition of John Beadle's a Journall or Diary of a Thankfull Christian / ed. by G. F. Murray. Abingdon; N. Y.: Routledge, 1996. P. IX-LXXI.
Nandi M. Reading the Early Modern English Diary. Cham: Springer International Publ., 2021.
Netzloff M. Agents beyond the State: The Writings of English Travelers, Soldiers, and Diplomats in Early Modern Europe. Oxford: Oxford University Press, 2020.
Ord M. Travel and Experience in Early Modern English Literature. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 93.
Pearl J.H. Geography and authority in the Royal Society's instructions for travelers // Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569-1750 / ed. J.A. Hayden. Farnham; Burlington: Ashgate, 2012. P. 71-83.
Pomata G. Observation Rising: Birth of an Epistemic Genre, 1500–1650 // Histories of Scientific Observation / ed. by L. Daston, E. Lunbeck. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2011. P. 45-80.
Rogers R. Seven Treatises: containing Directions, out of Scripture, leading to true Happiness. L.: [s.n.], 1610.
Salter A. Early Modern Empiricism and the Discourse of the Senses // The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science / ed. by C.T. Wolfe, O. Gal. L.; N. Y.: Springer Netherlands, 2010. P. 574.
Smyth A. Autobiography in Early Modern England. Cambridge: C.U.P., 2010.
Southwell R. A Short Rule of Good Life. To Direct the Devout Christian in a Regular and Orderly Course. [L., 1596-7?]
Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550-1800. L.; N.Y.: Routledge, 2012.
Webster T. Writing to Redundancy: Approaches to Spiritual Journals and Early Modern Spirituality // The Historical Journal. 1996. Vol. 39. № 1. P. 33-56.
Wierzbicka A. Experience, Evidence, and Sense: The Hidden Cultural Legacy of English. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2010.
Williamson E. 'Fishing after News' and the Ars Apodemica: The Intelligencing Role of the Educational Traveller in the Late Sixteenth Century // News Networks in Early Modern Europe / ed. by J. Raymond, N. Mox-ham. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 542-562.
Wilson A. The Life of Arthur Wilson, the Historian // Desiderata Curiosa: or a Collection of Divers Scarce and Curious Pieces relating Chiefly to Matters of English History / ed. Francis Peck. L: Printed for Thomas Evans in the Strand, 1779. Vol. II. P. 460-483.

***Стогова Анна Вячеславовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, anna100gova@yandex.ru*

The Virtue of the Observer
The Birth of Diary Discourse in Early Modern England

Early English private diaries created before the 1660s have long been overlooked by researchers because they did not conform to the 19th-20th century notion of the diary as a reflection of the individual self's existence in the world; they were mainly devoted to miscellaneous affairs, news, descriptions of what was seen, etc. The study of the discourse on private diaries, which emerged from the late 16th century onwards, can help to understand their specificity. An analysis of the earliest manuals on travel and pious diaries shows significant similarities in the advice on diary keeping: an emphasis on discipline, useful observation and experience. The diary was thought of as a practice concerned not with the self-description or self-expression of the individual, but with his or her formation. It was presented not as a literary creation connected with the construction of verbal descriptions, but as a way of building a correct way of life. The set of connotations constructed by the authors of such manuals testifies to the inclusion of the discourse on diaries in the developing intellectual culture of empiricism, within the framework of which such concepts as 'observation' and 'experience' were formed and transformed.

***Keywords:** early modern period, England, private diary, travel diary, pious diary, empiricism, observation, experience, piety, business culture, accounting.*

***Stogova Anna Vyacheslavovna**, PhD (historical sciences), senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, anna100gova@yandex.ru*

К.А. Созинова

«ЖЕНЫ, БУДЬТЕ В ПОВИНОВЕНИИ СВОИМ МУЖЬЯМ» КОНЦЕПТ OBEDIENCE В АНГЛИЙСКИХ ПРОПОВЕДЯХ НОВОБРАЧНЫМ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА[1]

Эпоха Реформации стала временем переосмысления природы брачного завета в Англии. Распространение книгопечатания позволило в беспрецедентном ранее масштабе воздействовать на паству, утверждая новые идеалы брака. В статье показано, как через проповеди новобрачным в Англии закрепляется «доктрина женского подчинения» в браке, а также какое значение в этот период приобретает ключевой концепт *obedience*, который структурировал не только социальную, но и политическую, и религиозную сферы жизни общества. Существовала полемика между проповедниками о содержании мужских и женских обязанностей в браке, но все они сходились в том, что женщине следует проявлять послушание и повиновение в отношении своего супруга. Автор делает вывод, что пуританская доктрина брака не стала новым словом в конструировании брачно-семейных отношений в первой половине XVII в., тем не менее, пуританские авторы смогли создать особый «словарь» для описания брака, к которому обращались все последующие авторы.

Ключевые слова: *пуритане, подчинение, послушание, брачные обязанности, проповеди новобрачным, Уильям Гуж, Джон Спринт, Бенджамин Эйкригг.*

Во второй половине XVI в. в Англии происходит ряд изменений в осмыслении брачного союза. Распространение книгопечатания способствовало активной циркуляции нарративов, направленных на утверждение ограничительной идеологии, закрепляющей мужские и женские обязанности в браке. В проповедях новобрачным и в трактатах, регламентирующих домашнее поведение, утверждается идеология, ориентированная на четкое определение социальных ролей супругов и подчиненного положения женщины в браке. Несмотря на то, что корпус сохранившихся брачных проповедей, относящихся к указанному периоду, является ограниченным, его появление было непосредственно связано с переосмыслением брачного обряда в протестантской традиции после Реформации. Понятие *obedience* (повиновение, послушание) стало ключевым концептом в английской политической, религиозной и социальной мысли эпохи Перемен. Церковь призывала к повиновению своих верующих, король – подданных, а муж – свою жену.

Довольно долго в британской историографии существовало представление о том, что протестантизм принес обновление средневековой брачной доктрины. Однако сегодня мы можем проследить ее глубокую преемственность дореформационному учению. Как отмечает Л. Поллок, Англия раннего Нового времени «представляла собой общество, структурированное не только понятиями иерархии и ранга, но и гендера. По-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488П «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»)

добно тому, как каждый человек знал свой статус в обществе, он также осознавал желательные качества, которые должны были проявлять мужчины и женщины. Мужчины должны были командовать, проявляя рассудительность и власть, а женщины должны были подчиняться, проявляя смирение и почтительность»[2]. Однако историкам давно знаком парадокс раннего Нового времени: женщины, которые в теории должны были проявлять скромность, послушание и покорность, на практике оказывались успешными управляющими поместьями, эффективными организаторами народных протестов, активными участниками торговых предприятий, а также лидерами религиозного инакомыслия[3]. Л. Поллок обращает внимание на то, что в этот период в супружеских отношениях «вырисовывается картина, свидетельствующая о существовании в частном порядке сильной теоретической приверженности доктрине мужского авторитета и публичного женского подчинения»[4].

Можно выделить несколько точек зрения на зарождение нового идеала семейной жизни в Англии раннего Нового времени. Одни исследователи полагают, что пуританская доктрина брака действительно стала новым словом в конструировании брачно-семейных отношений по сравнению с дореформационным учением, другие полагают, что она не привнесла значительных изменений в существовавшую ранее патриархальную теорию, поощрявшую авторитет мужей и отцов. Третья точка зрения, хоть и допускает существенную преемственность идеалов, подчеркивает важные различия между дореформационным и протестантским учением о браке.

Часть исследователей, опираясь на проповеди и трактаты пуритан о браке и семье, утверждает, что в этот период зародился новый идеал семейной жизни. Впервые брак должен был быть основан на взаимном уважении и любви, а партнеры разделяли более равную ответственность за духовное и мирское благополучие своей семьи. Считалось, что эти идеалы представляют собой совершенно иной и более возвышенный взгляд на семейную жизнь по сравнению с тем, который был представлен в дореформационных или ранних протестантских взглядах на брак.

Эта теория подверглась постоянным нападкам со стороны более поздних исследователей социальной истории. К. Дэвис полагает, что «идеальная структура семьи, описанная пуританскими авторами, не существовала даже среди пуританских семей, в то время как записи церковного суда и народные обычаи демонстрируют, по-видимому, незыблемую неизменность основных взглядов на брак и семейную жизнь на протяжении веков. Но представление о том, что эти тексты описывают новый идеал семейных отношений, независимо от того, практиковался он или нет, осталось более укоренившимся»[5].

[2] Pollock 1989: 231.
[3] Pollock 1989: 231.
[4] Pollock 1989: 231–232.
[5] Davies 1977: 563.

Ведущий британский историк П. Коллинсон придерживался точки зрения, что доктрина раннего протестантизма в отношении брака и семейных обязанностей в целом не являлась чем-то совершенно новым. Реформация, «скрепила домашний патриархат», но протестантизм, по его мнению, «углубил эмоциональную составляющую семейной жизни». В книгах о поведении он видит противоречие между «акцентом на патриархате, доходящим до своего рода благожелательного деспотизма», и отношением к женам и детям, «которое поощряло привязанность и уважение к их личной автономии»[6].

Э. Флетчер считает, что английские авторы книг о поведении, сами принадлежавшие к первому поколению женатых пасторов, считали своей задачей заново смоделировать патриархальную семью для этого нового мира. В пуританских кругах, где они вращались, постоянно велись разговоры о благочестивом домашнем хозяйстве. Их постулат заключался в том, что семья может существовать только в условиях иерархии. Ее основными чертами должны были быть – абсолютный авторитет главы-мужчины, подчинение женщин и дисциплина в воспитании детей[7].

К. Дэвис пишет: «…большинство трудов, будь то дореформационные, протестантские или пуританские, были посвящены практически одним и тем же вопросам: цели и назначению брака, идеальной форме семейной жизни (часто трактуемой как характеристики идеальной жены) и практическим советам по достижению этого идеала. Их цель – практическое благочестие, все они опираются на общие библейские источники, в частности, на послания Апостола Павла из Нового Завета, и все они выражают общепринятый взгляд на то, что они считали нормальным и естественным в человеческих отношениях. Ни один из авторов не предлагает ничего поразительно неожиданного в отношениях между мужьями и женами, родителями и детьми или хозяевами и слугами»[8].

В центре внимания всех авторов проповедей и трактатов о семейной жизни XVII в. были отношения между мужем и женой, в которых жена неизменно подчинялась мужу. Такие ранние пуританские авторы как Генри Смит (ок.1560 – ок.1591), Уильям Гуж (1575–1653), Уильям Уэйтли (1583–1639), Джон Дод (ок.1549–1645), Роберт Кливер (ум. 1613) в своих трудах положили начало закреплению патриархальной теории.

Д. Кресси полагает, что идеал товарищеского брака, основанного на «взаимном обществе, помощи и утешении», не был изобретением пуритан и был заложен еще в первом молитвеннике. Однако пуритане начали активно продвигать этот идеал в своих трудах[9]. Можно сказать, что пуритане, благодаря публикации своих брачных проповедей, помогли создать особый «словарь» для описания брака, которым пользовались последующие поколения англичан.

[6] См.: Fletcher 1994: 161.
[7] Fletcher 1994: 162–163.
[8] Davies 1977: 564–565.
[9] Cressy 1999: 297.

Современный исследователь Р. Холбрук обратился к анализу английских брачных проповедей раннего Нового времени и выявил, что несмотря на консенсус большинства проповедников относительно основных доктрин брака, индивидуальные различия в подходе, тематике и расставляемых в ходе проповеди акцентов, внесли значительное разнообразие в тексты проповедей и обсуждаемые в них проблемы жизни в браке. Исследование опирается на 40 брачных проповедей[10], среди которых Р. Холбрук выделяет четыре группы проповедников, оставивших свои проповеди о браке. Между 1580-ми гг. и гражданскими войнами среди свадебных проповедников он отмечает, как выдающихся конформистов, так и известных пуритан. К первым он относит священнослужителей, пользовавшихся благосклонностью Якова I: Роберта Эббота, Джона Кинга, Энтони Макси и Роберта Уилкинсона. Самым известным из этих проповедников был Джон Донн, автор трех сохранившихся свадебных проповедей. Среди пуританских авторов он выделяет Генри Смита и Уильяма Уэйтли, чьи свадебные проповеди, значительно расширенные в опубликованном виде, стали известными и часто переиздаваемыми трудами по руководству в вопросах брака. К этой же группе он относит Уильяма Кромптона, Томаса Гатейкера и Томаса Тейлора.

К наиболее известным авторам проповедей, напечатанных после 1650 г., Холбрук относит: Натаниэлья Харди, Ричарда Меггота и Уильяма Секера. Однако, он называет всего несколько имен священнослужителей официальной церкви, опубликовавших свадебные проповеди между 1660 и 1750 гг., т.к. они не были известными проповедниками. Среди нонконформистских проповедников он выделяет: Бенджамина Эйкригга, Уильяма Харриса, Томаса Мэнтона и Джона Шаттлвуда.

Холбрук придерживается умеренной позиции, говоря о том, что несмотря на преемственность дореформационным обычаям, протестантская брачная проповедь привнесла изменения в понимание брачного союза. По его мнению, протестантские реформаторы XVI в. унаследовали и развили идеал брака, который сочетал в себе авторитет мужа с любовью и близким товариществом. Они также сделали Писание основой своего учения в степени, не имеющей себе равных в средневековых руководствах, привнесли в свои советы мирянам уроки собственного опыта брака, теперь открытого для духовенства через отмену обязательного священнического безбрачия. Они рассматривали проблемы брака более подробно, чем предыдущие поколения проповедников[11].

Исходной точкой для изменений в эпоху Реформации, Р. Холбрук видит деятельность Томаса Кранмера, который в новой службе переосмыслил и дополнил материалы, взятые из дореформационного брачного обряда, опирающегося на сарумский обряд (*англ.* Sarum rite)[12]. За-

[10] Houlbrooke 2023: 225.
[11] Houlbrooke 2023: 227–228.
[12] Католический богослужебный обряд, практиковавшийся в Средние века в Солсберийском кафедральном соборе.

метным дополнением к обряду стало предварительное напоминание священником о происхождении, природе и целях святого брака. Это было почетное состояние, установленное Богом в раю, и означало мистический союз между Христом и его церковью. Брак был предписан по трем причинам: для деторождения, как средство от греха и для взаимного общения супругов, помощи и утешения в процветании и невзгодах[13].

В молитвеннике 1549 г. упоминается, что «сочетающиеся браком (в тот же день своей свадьбы) должны принять Святое Причастие»[14]. Согласно Холбруку, все три первых молитвенника (1549, 1552 и 1559 гг.) действительно предусматривали, что проповедь, разъясняющая обязанности мужа и жены, обычно включалась в службу причастия сразу после заключения брака. Однако существует мало свидетельств, насколько широко были распространены брачные причастия на практике[15]. Если проповеди не было, священнослужитель должен был читать предписанные отрывки из посланий апостолов Петра и Павла, излагающие самые важные обязанности мужей и жен[16]. Обязанности мужа были на первом месте. Св. Павел заповедовал им любить своих жен, как Христос возлюбил церковь. а жены должны были подчиняться мужьям во всем, что и стало лейтмотивом всех брачных проповедей на долгие годы вперед.

Официальным руководством по браку в Англии раннего Нового времени была «Проповедь о состоянии супружества» (An Homily of the State of Matrimony, 1563), вошедшая в одно из переизданий «Первой книги проповедей», опубликованной в правление Эдуарда VI. Подготовкой издания занимался Т. Кранмер, первое издание увидело свет в июле 1547 г. Книга вышла под следующим названием: «Некоторые проповеди, или гомилии, предписанные Его Величеством для провозглашения и чтения всеми священниками, викариями или приходскими священниками каждое воскресенье в их церквях, где они имеют приход»[17]. Она была напечатана королевским печатником Ричардом Графтоном и начиналась с предисловия, написанного от имени короля, в котором всем священнослужителям, ответственным за души прихожан, было приказано читать ее им[18]. «Проповедь о состоянии супружества» вошла во второй том гомилий. В ней разъясняется начало брака и цели его установления:

> «Он установлен Богом с целью, чтобы мужчина и женщина жили законно в постоянном дружеском общении, приносить плоды и избегать блуда: посредством чего добрая совесть может быть предписана обеим сторонам в обуздании порочных наклонностей плоти в пределах честности; ибо Бог

[13] The Book of Common Prayer 2011: 64.
[14] The Book of Common Prayer 2011: 71.
[15] Houlbrooke 2023: 225.
[16] Ibidem.
[17] Certayne sermons, or homelies appoynted by the kynges Maiestie, to be declared and redde, by all persones, vicars, or curates, euery Sondaye in their churches, where they haue cure. Anno 1547. [Imprinted at London : The laste daie of Iulii, in the first yere of the reigne of our souereigne lord Kyng Edvvard the. VI: by Rychard Grafton printer to his moste royall Maiestie, In the yere of our Lorde. M. D. XLVII [1547]].
[18] The Two Books of Homilies…1859: viii.

строго запретил всякий блуд и нечистоту и время от времени давал тяжкие наказания за эту непомерную похоть, как провозглашали все века истории. Более того, также установлено, чтобы Церковь Божия и Его Царство могли посредством такого образа жизни сохраняться и расширяться не только тем, что Бог дает детей по своему благословению, но и тем, что они воспитываются благочестивыми родителями в познании Слова Божьего; чтобы таким образом «знание Бога и истинная религия» могли передаваться через неразрывную передачу от одного к другому, чтобы в конечном итоге многие могли наслаждаться этим вечным бессмертием»[19].

При описании женских обязанностей в браке в «Проповеди» ключевыми понятиями становятся подчинение – *subjection* и повиновение или послушание – *obedience*. Подчинение жены мужу – это не просто обычай, а богоустановленная иерархия. Это понятие стало краеугольным камнем гендерных отношений того времени. В «Проповеди» мы четко видим закрепление принципа мужской власти и женского подчинения, «ибо женщина – существо слабое»[20]:

«Теперь, что касается обязанностей жены. Что ей делать? Будет ли она злоупотреблять кротостью и человеколюбием своего мужа и по своему желанию менять природу вещей? Конечно, нет; ибо это противно заповеди Божией. Ибо так проповедует Святой Петр: Вы, жены, будьте в повиновении своим мужьям. Повиноваться – это другое дело, чем контролировать или приказывать; что они, однако, могут делать со своими детьми и своей семьей; но что касается их мужей, то им они должны повиноваться, и перестать приказывать, и оказывать подчинение. Ибо это, несомненно, приведет к согласию, когда жена готова к повелениям своего мужа, когда она будет подчиняться его воле, когда она будет стараться сама искать его довольства и доставлять ему удовольствие, когда она будет избегать всего, что может оскорбить его»[21].

Советы, содержащиеся в свадебных проповедях этого времени, основывались на фундаментальном предположении о превосходстве мужа, которое подкреплялось частым сравнением пары, с одной стороны, и Христа и его Церкви, с другой. Главными обязанностями жены были почтение и послушание, а также любовь. Любя своего мужа, жена в то же время должна была почитать, уважать и слушаться его. Проповедники чаще всего использовали понятия *obedience* и *subjection*, чтобы обозначить женское подчинение. Выполнение женой своих обязанностей должно было подкрепляться внутренним убеждением в ее неполноценности. Роль женщины в рождении и воспитании детей была решающей. Их рождение было важнейшим средством обновления и продолжения Церкви и общества. Жена могла давать советы своему мужу или даже напоминать ему о пренебрегаемых обязанностях. Однако она была обязана подчиняться ему во всем, что не противоречило слову Божьему, и даже мириться с жестоким обращением.

Описание общих и особенных обязанностей мужа и жены оставалось излюбленной частью проповедей на протяжении всего периода.

[19] The Two Books of Homilies…1859: 500.
[20] The Two Books of Homilies…1859: 503.
[21] The Two Books of Homilies…1859: 504.

Тем не менее, некоторые проповедники сосредоточивались в первую очередь на качествах и обязанностях жены. К примеру, все три сохранившиеся брачные проповеди известного пуританского богослова Томаса Гатейкера (1574–1654) посвящены главным образом женским обязанностям в браке, тогда как мужским отводится скромное место.

Важное значение в трактовке пуританами брачной доктрины также имеет трактат Уильяма Гужа «О домашних обязанностях» (1622), в котором автор подробно рассматривает обязанности мужа и жены в браке. Во введении к своему трактату Гуж объясняет, что семья – это основа «общего блага» для государства (*англ.* Commonwealth), которое может быть достигнуто только через гармонию и порядок в доме:

> «О, если бы главу семьи и отдельных ее членов можно было убедить каждого добросовестно исполнять свои собственные обязанности, какое сладостное общество и счастливая гармония воцарились бы в домах! Какими превосходными семинариями стали бы семьи для Церкви и Государства! Необходимо, чтобы добрый порядок был сначала установлен в семьях, ибо как они возникли раньше других сообществ, так они и несколько более необходимы; и хорошие члены семьи, вероятно, станут хорошими членами Церкви и Государства»[22].

Гуж не обходит стороной дискуссию вокруг главной женской обязанности – подчинения (он использует термин *subjection*). В начале трактата Гуж делает оговорку, что традиционно в брачных проповедях в первую очередь уделяется внимание женским обязанностям, тогда как он хочет продемонстрировать, что и муж в браке имеет не меньше обязанностей, которые всеми подразумеваются, но редко озвучиваются:

> «Он должен сделать ее [жену] соправителем в семье наряду с собой, и предоставить управление многими делами ее усмотрению, и со всем почтением и кротким уважением относиться к ней. Одним словом, я так излагаю обязанности мужа, что если он мудр и добросовестен в их соблюдении, то у его жены не может быть законного повода жаловаться на ее подчинение. То, что делает иго жены тяжким, есть злоупотребление мужем своей властью... Это справедливое замечание я был вынужден внести, чтобы меня никогда не судили (как некоторые меня порицали) как женоненавистника. Теперь, чтобы во всех тех случаях, где ярмо жены может показаться особенно обременительным, я мог бы облегчить им страдания, я сделал ссылку на полях против каждой главы об обязанностях мужей, ответственных за эти обязанности, и отметил эту ссылку этим знаком*, чтобы к ней было легче обратиться»[23].

Гуж пытается выступить честным арбитром в семейных тяжбах, не принимая ни одну из сторон, он отмечает, что «провел параллели и сопоставил в одном отношении обязанности мужа и жены, как они соответствуют друг другу, и подобным же образом противоположные заблуждения, со ссылкой на отдельные разделы, где они рассматриваются, чтобы, с одной стороны, можно было увидеть, что если оба они будут добросовестны и внимательны к исполнению своих обязанностей, супружеское иго будет одинаково лежать на их шеях, так что жена не бу-

[22] Gouge 1622: Unnumbered.
[23] Ibidem.

дет стеснена им больше, чем муж, но это будет подобно духовному игу Христа, легкому и удобному; и чтобы, с другой стороны, могло быть очевидно, что мужья обычно так же часто не выполняют свои обязанности, как и жены – свои»[24]. Тем не менее, задача Гужа непредвзято изложить обязанности в браке видится сложно выполнимой. Если в одной главе он говорит о равных обязанностях мужа и жены, то в другой в ответе на вопрос о причинах, по которым обязанности жен рассматриваются в первую очередь, он говорит, что «жены были первыми, кому было предписано подчинение [subjection]: до того, как в мире появились дети или слуги, ей было сказано: "Твое желание будет подчинено [subject] мужу твоему"»[25]. Рассуждая об апостольском порядке, определяющем обязанности мужей и жен, Гуж традиционно упоминает о том, что «муж и жена были первой парой, когда-либо существовавшей в мире»:

> «Во-вторых, чаще всего муж и жена являются главными в семье […]. Поэтому наиболее уместно, чтобы они прежде всего знали свои обязанности и научились исполнять их, чтобы быть примером для всех остальных. Если они не выполняют свои обязанности друг по отношению к другу, они дают повод всем остальным под их началом быть небрежными и нерадивыми к своим. Если муж груб со своей женой и презирает ее, он дает повод детям и слугам также презирать ее и быть непослушными ей, более того, быть грубыми и жестокими друг с другом, особенно со своими подчиненными. Пусть жена будет неверна своему мужу, пусть она ворует и обкрадывает его, дети и слуги вскоре наберутся смелости, или, скорее, дерзости, следуя ее примеру, прежде всего, чтобы украсть что-нибудь у отца и господина»[26].

По мнению, Э. Флетчера, несмотря на большой объем (более 500 страниц), популярность работе Гужа обеспечила беспроигрышная тактика избегания избыточных библейских цитат, его книга была хорошо структурирована, с оглавлением, указателем и перекрестными ссылками. Работа была переиздана в 1626 и 1634 гг., текст также был включен в «Труды» Гужа, которые издавались еще четырежды[27].

Во многом брачные проповеди и трактаты пуританских богословов несмотря на то, что закрепляли патриархат, на первое место выдвигали идею товарищества в браке, а его основной целью выступало не только деторождение, но и избавление от одиночества, потому что брак – это первое в мире общество. Но после Гражданской войны, когда авторитет пуритан начинает ослабевать, как в религиозной, так и светской интеллектуальной традиции происходит смещение акцентов с дружеского союза в сторону закрепления подчиненного положения женщины в браке.

Самой скандальной брачной проповедью стала проповедь Джона Спринта (ум. 1712), произнесенная на свадьбе 11 мая 1699 года в Шерборне, Дорсетшир (впервые опубликована в 1700 г.). Спринт был известным нонконформистским пастором, который перешел в англиканство.

[24] Ibidem.
[25] Gouge 1622: 25.
[26] Gouge 1622: 20–21.
[27] Fletcher 1994: 165.

В своей проповеди он использовал первое послание к Коринфянам 7:34: «незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу»[28], чтобы доказать доктрину подчиненного положения женщины в браке. Спринт полагал, что это является справедливым, когда женщина, созданная для удобства и выгоды мужчины, но вскоре ставшая средством его гибели, должна активно стремиться угождать ему и утешать его. Необходимость публикации проповеди он аргументировал тем, что она была «настолько неудачно представлена миру некоторыми злобными женщинами»[29], что он был вынужден напечатать ее. В начале проповеди он использует традиционный прием вопросов и ответов, который особенно активно использовал в своей работе У. Гуж, чтобы разъяснить своим читателям непонятные места в своем трактате или почему он обратил больше внимания на одни моменты в ущерб другим. Поэтому отвечая на вымышленный вопрос о том, почему он для проповеди выбрал 34 стих, а не предшествующий ему 33, где говорится об обязанностях мужей, он аргументировал выбор стиха тем, что женщины менее способны учиться, чем мужчины, и нуждаются в большей помощи в трудном уроке: «женщины обладают более слабыми способностями к обучению, чем мужчины, и потому, когда им предстоит трудный и тяжелый урок, и их способности к его усвоению слабы, им нужна большая помощь и содействие; поэтому нам следует не только рассказать им об их обязанностях совместно с мужьями, но и учить их отдельно»[30].

Таким образом, вся проповедь была посвящена обязанностям жены и ее первоочередным добродетелям – подчинению и послушанию (*subjection* и *obedience*). Спринт открыто заявлял, что «долг женщины тяжелее и труднее, чем долг мужчины. Предписания управления и руководства более приятны и приносят большее облегчение, чем предписания подчинения и послушания. Вы, женщины, признаете, что мужчины могут достаточно быстро научиться командовать и управлять, что им как мужьям и следует делать; но очень редко можно встретить женщин, которые так же быстро учатся подчиняться и повиноваться, что им как женам и следует делать»[31].

Рассматривая вопрос о том, как замужние женщины могут угодить своим мужьям, Спринт указывает на три вещи, которые они должны исполнять: любить, почитать, повиноваться[32]. Спринт настаивает, что жена «обязана повиноваться, каким бы ненужным или неуместным она это ни считала»[33]. По его мнению, эта обязанность только на первый взгляд может показаться сложно выполнимой, но в сочетании с двумя предшествующими обязанностями – любовью и почитанием, она станет

[28] 1-е послание Коринфянам 7:34. URL: https://bible.by/verse/53/7/34/.
[29] Sprint 1737: 2.
[30] Sprint 1737: 4.
[31] Sprint 1737: 3–4.
[32] Sprint 1737: 10.
[33] Sprint 1737: 14.

легкой и приятной[34]. Спринт провозглашает: «замужние женщины, пусть это будет вашим девизом, и пусть он будет выткан золотыми нитями, а именно: ЛЮБОВЬ, ЧЕСТЬ и ПОДЧИНЕНИЕ»[35].

Уже в 1700 г. в ответ на проповедь Спринта анонимно вышел трактат «Защитница женщин, или Призыв к справедливой свободе слабого пола, и в особенности замужних женщин. Размышления над грубой и неискренней речью, произнесенной мистером Джоном Спринтом на свадьбе 11 мая в Шерберне, графство Дорсетшир, 1699 года»[36]. Автором его была леди Мэри Чадли (1656–1710) – поэтесса, принадлежавшая к интеллектуальному кругу, в который входили Мэри Эстелл, леди Мэри Уортли Монтегю и другие известные английские интеллектуалки эпохи. Желая подчеркнуть свою авторитетность как антагониста Спринта во введении, она пишет:

> «Я не буду хвастаться, что немного понимаю греческий и латынь […], поскольку предприняла некоторые попытки проникнуть в более основательные области знаний, немного попутешествовала по свету и попыталась понять людей и их нравы. Познакомившись с итальянскими и испанскими нравами, я торжественно признаюсь, что никогда не наблюдала ни в Италии, ни в самой Испании столь отвратительного рабства, в котором нас пытается убедить этот автор [Джон Спринт].
>
> Что касается тех из вас, кто уже находится в Доме Рабства и обнаружил, что все Прелести Невинности, Доброго Юмора и Абсолютной Благоразумности не в силах завоевать Улыбку ваших новых Господ и Хозяев, то я думаю, будет очень хорошо, если вы сможете, как он вам советует, подчинить Желания ваших Сердец Их Воле и Удовольствию и вообразить себя счастливыми посреди всего этого»[37].

Возможно, Леди Чадли и оставила бы без внимания данную проповедь Спринта, если бы она за короткое время не приобрела широкую популярность, а «некоторые люди были настолько очарованы ею, что считали нужным дразнить ею каждую встреченную бедную женщину»[38]. После чего у нее «зародилась мысль взяться за оружие и натравить на него всю женскую силу. Но, поразмыслив, я решила избавить их от хлопот и вступить в единоборство с этим великим Голиафом, этим человеком с великой славой»[39]. Леди Чадли полагала, что крайнее тщеславие толкнуло Спринта на публикацию своей проповеди, потому что только в его воображении она могла принести хоть малейшую пользу, как произнесенная с кафедры, так и опубликованная. Поскольку сам Спринт во введении отметил, что ее публикация вызвана тем, что некие злонамеренные женщины исказили слова произнесенной им проповеди, леди Чадли посчитала это ловким предлогом для последующего переиздания проповеди с дополнениями: «если этот достопочтенный джентль-

[34] Sprint 1737: 14.
[35] Sprint 1737: 15.
[36] The female advocate… 1700.
[37] The female advocate… 1700: VI.
[38] The female advocate… 1700: 2.
[39] The female advocate… 1700: 2.

мен будет настолько огорчен, что на Рождество обнаружит, что какие-то злобные женщины были столь злы и богохульны, что поместили его превосходное рассуждение на дно пирогов с рубленым мясом, то он может тогда поведать миру, что они нашли коварный способ затмить славу столь грозного автора; и поэтому по этой и многим другим причинам, побудившим его к этому, он решает переиздать его, и нетрудно предсказать, с каким успехом»[40]. Леди Чадли была весьма прозорлива, действительно, проповедь переиздавали еще несколько раз в начале XVIII века.

Леди Чадли выступала против доктрины женского подчинения (*англ.* Doctrine of Passive Obedience and Non-resistance), которую проповедовал Спринт[41], а также его угроз Страшным судом женам, которые не будут слепо подчиняться и выражать почтительность перед своими мужьями. Она смело выражает свое негодование: «[его] заключение дерзновеннее всего: он не довольствуется тем, что заставляет их нести крест и претерпевать гонения в этой жизни, но говорит им, что все это будет преследовать их на Суде. Но, по милости Божьей, он должен сначала убедить нас в том, что его слова – *Jure Divino*, прежде чем он сможет запугать кого-либо из нас чистилищем за то, что мы не желаем претерпевать Ад на Земле, пока живем здесь»[42].

Другой работой, косвенно критикующей проповедь Джона Спринта, стала проповедь Бенджамина Эйкригга. Брак дочери Джона Спринта Мэри в 1715 г. стал поводом для публикации проповеди, совершенно отличной от той, которую напечатал ее отец в 1700 г. Как отмечает, Р. Холбрук, Бенджамин Эйкригг, диссентерский священник в приходе Шептон-Маллет (Сомерсет), подготовил проповедь по ее просьбе, выбрав именно тот стих, который ее отец пропустил или намеренно проигнорировал – 1-е Послание к Коринфянам 7:33: «а женатый заботится о мирском, как угодить жене»[43]. В отличие от Спринта, Эйкригг заявил, что долг всех мужей – стараться любым способом угодить своим женам:

> «Я должен доказать, что мужья обязаны угождать своим женам. Апостол Павел признает эту обязанность и навязывает ее нам; и использование им этого в качестве аргумента, чтобы отговорить и удержать людей от брака, в настоящее время подразумевает, что, если мужчина не проявляет должной и необходимой заботы о том, чтобы угодить жене, ему не следует жениться. Апостол рассуждает так: «Если вы молоды и готовы вступить в брак, и хотите последовать моему совету, не вступайте в это состояние [брак – К.С.] сейчас, потому что вы «неизбежно будете заняты многими делами, которые могут слишком сильно отвлечь вас от единственно необходимого, а именно от полной преданности Богу и от того, чтобы ваши сердца были отданы исключительно Ему. В то время как если вы женитесь, вы должны будете быть заняты многими делами, чтобы в конечном счете угодить жене, и тогда вас охватит такая забота, которая может так глубоко поглотить ваши мысли, что вовлечет вас в те трудности, с кото-

[40] The female advocate… 1700: 5.
[41] The female advocate… 1700: 6.
[42] The female advocate… 1700: 8.
[43] 1-е послание Коринфянам 7:33. URL: https://bible.by/verse/53/7/33/

рыми вам в противном случае не пришлось бы сталкиваться; поэтому отложите мысли о заключении брака, оставив слишком много хлопот во плоти». Таким образом, слова моего текста – это не только слова совета, но и повеления: «Воля Господа заключается в том, чтобы мы учились угождать своим женам, и мы не Его слуги, если не поступаем достойно Господа во всем угождении» (Кол. 1:10). Но тот, кто не стремится угодить своей жене, не угождает Господу»[44].

Эйкригг также отмечает, что «мужья должны учиться радовать своих жен, потому что таким образом это будет способствовать их взаимному счастью, и все дела в семье будут выполняться совместно и легко, приятно и быстро». Он полагает, что обязанность угождать, в первую очередь, Апостолом навязывается мужу, «который, будучи господином и царем в семье, должен оказывать большое влияние собственным примером, способствуя всякому доброму делу». «Мужчина, который признан способным знать больше всех, должен делать больше всех; сильные должны сносить немощи слабых и показывать им пример»[45]. Несмотря на то, что проповедь Эйкригга стоит особняком в ряду других брачных проповедей эпохи, тем не менее, он также не избегает понятия женского подчинения и послушания своему супругу и господину, однако выводит это подчинение из других оснований. Говоря о подчинении, Эйкригг использует термин *subjection*. Если муж, будет радовать свою жену, тогда и бремя подчинения будет для нее не таким тяжелым:

«Поскольку жена должна довериться благоразумию своего мужа, которому она должна подчиняться во всем, то можно разумно ожидать, что мягкость его правления вызовет у нее готовность к повиновению; и если он докажет, что является служителем Бога для ее блага, и докажет своими действиями, что он стремится к ее счастью как к своему собственному, он может справедливо надеяться, что все будет сделано прилично и в порядке, и что не будет им приказано, но будет немедленно выполнено. Услужливый нрав в нем породит покорный нрав в ней, и, если он позаботится о том, чтобы ходить в своем доме с безупречным сердцем, как это делал Давид, он сможет рассеивать зло своим взором и видеть каждого члена семьи в подчинении»[46].

В среднем опубликованная брачная проповедь составляла около 40 страниц, что свидетельствует о том, что она очень редко произносилась на свадьбе в полном объеме. Д. Кресси подчеркивает, что «браки были не только священными, но и торжественными событиями. Прихожане, по-видимому, вкладывали гораздо больше энергии в культурные и социальные аспекты свадьбы, нежели в религиозные. В то время как церковная церемония совершалась за считанные минуты, брачные гуляния могли длиться часами и даже днями. Даже самые строгие религиозные авторы допускали некоторое светское ликование на свадьбах, не забывая при этом критиковать праздничные излишества»[47]. Оправданием этого

[44] Aycrigg 1715: 12.
[45] Aycrigg 1715: 16.
[46] Aycrigg 1715: 17.
[47] Cressy 1999: 350.

служило Первое чудо в Кане, описанное в Евангелии от Иоанна, когда сам Христос превратил воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской.

Как отмечает Р. Холбрук «нетерпеливое ожидание традиционного праздничного пира со стороны многих гостей на свадьбе, вероятно, препятствовало их готовности выслушать длинную проповедь»[48]. Ссылаясь на Первое чудо в Кане, пуританский священник Уильям Брэдшоу подчеркивал, что Христос не был врагом «честной радости и восторга на таких встречах и торжествах, как эта [свадебный пир – *К.С.*]»[49]. Тем не менее, он осудил совершенно неподобающее празднование на брачных пирах, слишком распространенное в Англии в то время, со «смехом и издевательствами… зверскими и богохульными песнями, сонетами, джиггами, сочиненными каким-то адским духом»[50]. Пуританские проповедники часто осуждали чрезмерные расходы, пьянство, непристойности и языческие, с их точки зрения, суеверия, связанные со свадьбами.

Д. Кресси анализирует этот конфликт между народной культурой и религиозными реформами. Пуританские проповедники настаивали, чтобы свадьба была в первую очередь серьезным, торжественным религиозным обетом перед Богом, а не поводом для пира. После церемонии допускалась скромная трапеза в кругу ближайших родственников и друзей, с благочестивыми беседами, чтением Писания и пением псалмов вместо песен и танцев. Также они пропагандировали отказ от публичных и шумных ритуалов в пользу более частного и сдержанного празднования, но критика брачных пиров пуританами имела весьма ограниченный успех. Даже в пуританских общинах люди часто тайком соблюдали старые обычаи. Этот конфликт между народной культурой и религиозным реформаторством является примером напряженности, характерной для всей елизаветинской и раннестюартовской эпохи.

Пуритане боролись не просто с весельем, а с глубоко укорененной системой верований и социальных практик, которые для большинства людей были неотъемлемой частью перехода к супружеской жизни[51]. Поэтому даже в период максимального расцвета пуританства, проповеди новобрачным имели весьма ограниченную популярность, которая практически сошла на нет в эпоху Реставрации, т.к. противоречила ее духу. Неприсягнувший священник Джон Форд из Садбери в своем трактате «Два рассуждения о необходимости и достоинстве института брака» (1735) заявил, что тема брака «в разговорах часто трактуется в нелепой манере; брак, по-видимому, в значительной степени недооценен многими молодыми людьми, в наше время, стремительно несущимися к либертинизму и деизму; установление, данное по откровению свыше, презирается, а брак рассматривается как ограничение свободы и досто-

[48] Houlbrooke R. Wedding Sermons in Early Modern England // Studies in Church Histiry. 2023. Vol. 59. P. 242.
[49] William Bradshaw, A Mariage Feast, separately paginated in Gataker, Two Mariage Sermons, at E2r–E3v, 3–6, 13–15.
[50] Цит. по: Houlbrooke 2023: 242.
[51] Cressy 1997: 350–376.

инства мужчины и т.д.»[52]. Во введении он заверяет читателей, что он старался «остерегаться всего непристойного и смехотворного, не желая вызвать смех или улыбку»[53]. По мнению Р. Холбрука, такая «чувствительность к возможности показаться смешным могла бы удержать многих менее решительных проповедников от обсуждения темы брака»[54].

Таким образом, обсуждение вопросов брака и семейных отношений из религиозной плоскости постепенно переходит в светскую. В XVIII в. все чаще рассуждения о браке и обязанностях жены публикуются на страницах «Спектейтора», «Рэмблера», «Фемэйл спектейтора» и др. периодических изданий. Также они находят свое место на страницах первых английских романов – Сэмюэла Ричардсона и Элизы Хейвуд. Обсуждение брачно-семейных отношений теперь уже более не является прерогативой служителей Церкви Англии, но сформированный в конце XVI – начале XVII века дискурс, связанный с подчиненным положением женщины в браке и восприятием ее как слабого сосуда, надолго станет мейнстримом у британских интеллектуалов.

Анализ проповедей новобрачным и трактатов о браке позволяет нам реконструировать объемную картину трансформации восприятия целей и задач брачного союза, а также переосмысления места и роли женщины в нем в постреформационный период. Несмотря на то, что авторы опирались на ограниченный корпус религиозных источников и апеллировали к сходным библейским сюжетам, их индивидуальные интерпретации и личный опыт обуславливали существенные различия в расстановке смысловых акцентов в проповедях. Сравнительный анализ проповедей новобрачным Дж. Спринта и Б. Эйкригга демонстрирует поразительный контраст в интерпретации брачных обязанностей.

Центральное место во всех брачных проповедях занимала тема супружеских обязанностей, при обсуждении которых особый акцент делался на обязанностях жены. Последовательно утверждалась доктрина подчиненного положения женщины в браке, необходимость ее повиновения супругу. Авторы чаще всего обращались к концепту *obedience,* чтобы очертить круг женских обязанностей в браке, часто в связке с ним они использовали *subjection*, что выстраивало их в синонимический ряд. Семья являлась микрокосмом государства, и соблюдение иерархии было важным структурирующим элементом английского общества, обеспечивая легитимность власти. Остается дискуссионным вопрос, в какой степени подобные нарративы закрепляли уже существовавшие социальные практики, а в какой – конструировали новую, желаемую реальность. Неоднозначность этого процесса подтверждается наличием критических трактатов, создававшихся женщинами в ответ на одиозные тексты авторитарных проповедников, что свидетельствует о наличии полемики вокруг предписываемых гендерных ролей в этот период.

[52] Ford 1735: Preface.
[53] Ford 1735: Preface.
[54] Houlbrooke 2023: 242–243.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Aycrigg B. The Bridegroom's Counseller, and Bride's Comforter. L.: printed for M. Lawrence, 1715. 44 p.

Cressy D. Birth, Marriage, and Death. Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford: Oxford University Press, 1999. 658 p.

Davies K. M. The Sacred Condition of Equality: How Original Were Puritan Doctrines of Marriage? // Social History. 1977. Vol. 2. № 5. P. 563–580.

Fletcher A. The Protestant idea of marriage in early modern England / Religion, Culture and Society in Early Modern Britain. Essays in Honour of Patrick Collinson. Cambridge: C.U.P., 1994. P. 161–181.

Ford J. Two Discourses concerning the Necessity and Dignity of the Institution of Marriage. L.: Primed for R. Ford, 1735. 34 p.

Gouge W. Of domesticall duties eight treatises. I. An exposition of that part of Scripture out of which domesticall duties are raised. ... VIII. Duties of masters. L.: Printed by Iohn Haviland for William Bladen,1622. 693 p.

Houlbrooke R. Wedding Sermons in Early Modern England // Studies in Church History. 2023. Vol. 59. P. 222–243. DOI: 10.1017/stc.2023.10

Pollock L.‘Teach her to live under obedience’: the making of women in the upper ranks of early modern England // Continuity and Change. 1989. № 4. P. 231–258.

Sprint J. The Bride-Woman’s Counseller: Being a Sermon Preached at a Wedding, May the 11th, 1699, at Sherbourn in Dorsetshire. London: Printed for G. Conyers, 1737. 16 p.

The Book of Common Prayer: The Texts of 1549, 1559, and 1662 / Ed. by B. Cummings. Oxford: Oxford University Press, 2011. 820 p.

The female advocate; or, A plea for the just liberty of the tender sex, and particularly of married women. Being reflections on a late rude and disingenuous discourse, delivered by Mr. John Sprint, in a sermon at a wedding, May 11th, at Sherburn in Dorsetshire, 1699. London: Printed for Andrew Bell at the Cross-Keys and Bible in Cornhil, near Stockmarket, 1700. 55 p.

The Two Books of Homilies Appointed to be read in Churches / Ed. by J. Griffiths. Oxford: At the University Press, 1859. 630 p.

Созинова Ксения Андреевна, *кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; k.a.sozinova@urfu.ru*

“Ye wives, be ve in subiection to obev vour own husbands”: The concept of obedience in English wedding sermons of the 17th and Early 18th Centuries

The Reformation era was a pivotal time for rethinking the nature of the marriage covenant in England. The spread of printing made it possible to influence the flock through the printed word on an unprecedented scale, promoting new ideals of marriage through wedding sermons. This article examines how the “doctrine of female passive obedience” within marriage was reinforced through wedding sermons in England, and explores the significance acquired during this period by the key concept of *obedience*, which structured not only the social but also the political and religious spheres of life. The author demonstrates that while there was some debate among preachers regarding the specific duties of husbands and wives in marriage, they all agreed that a woman should show obedience and submission to her spouse. The author concludes that although the Puritan marriage doctrine did not represent a novel approach to constructing marital and family relations in the first half of the 17th century, Puritan authors nevertheless managed to create a distinct “vocabulary” for describing marriage, which was subsequently adopted by all later writers.

Keywords: *puritans, subjection, obedience, marriage duties, wedding sermons, William Gouge, John Sprint, Benjamin Aycrigg.*

Sozinova Ksenia Andreevna*, Candidate of science in history, Associate professor of the Chair of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; k.a.sozinova@urfu.ru*

Н.А. Власов

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСПРИЯТИИ БИСМАРКА И ОЦЕНКЕ ГЕРМАНСКОЙ ПРЕССЫ 1880-Х ГОДОВ БЫЛ ЛИ «ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР» ЗНАТОКОМ РОССИИ?

В исторических трудах и в публицистике нередко встречается утверждение о том, что благодаря своему опыту пребывания на дипломатическом посту в Петербурге Отто фон Бисмарк обладал качественно лучшим знанием и пониманием России по сравнению со своими соотечественниками. Целью статьи является проверка данной гипотезы путем сравнения системы представлений о Российской империи у Бисмарка и в германской качественной прессе 1880-х гг. В качестве источников использовались высказывания «железного канцлера» и материалы трех наиболее авторитетных ежедневных газет рассматриваемого периода. В результате исследования были сделаны два ключевых вывода. Во-первых, в газетах различной политической направленности существовал единый образ Российской империи. Во-вторых, характерные черты этого образа практически полностью совпадали с представлениями Бисмарка о России. Таким образом, гипотеза об особом знании и понимании России «железным канцлером» в ходе исследования не подтвердилась.

Ключевые слова: *Отто фон Бисмарк, образ России, германская пресса, национальные стереотипы.*

Одним из самых известных в России эпизодов биографии Отто фон Бисмарка является его пребывание на должности прусского посланника в Петербурге в 1859–1862 гг. Этому периоду жизни «железного канцлера» посвящен целый ряд специальных исследований[1]. Историки сходятся в том, что «петербургская деятельность О. Бисмарка бесспорно сыграла важную роль в формировании дальнейшего политического курса начинающего дипломата»[2]. Помимо прочего, будущий глава прусского правительства обзавелся важными связями в российских правящих кругах и достаточно близко познакомился со страной, которой предстояло играть весьма существенную роль в его политических комбинациях.

Насколько серьезное влияние личный опыт оказал на его представления о России? «Понял ли Бисмарк страну, встретившую его в марте 1859 г. вьюгой и морозами, ответить, конечно, трудно», – осторожно высказывается по данному вопросу В.С. Дударев[3]. Считается, что непосредственное знакомство с российскими реалиями сыграло значительную роль в формировании взглядов Бисмарка. «Образ России складывался у Бисмарка как из собственных впечатлений, так и на основе бытовавших в Германии представлений и стереотипов», – пишет А.С. Медяков[4].

На интуитивном уровне этот тезис воспринимается как нечто очевидное: действительно, личный опыт длительного пребывания в другом государстве делает человека в глазах окружающих своего рода экспертом по этой стране. Далеко не случайно в отечественной публицистике

[1] Дударев 2013, Иваняков 2008.
[2] Иваняков 2008: 219.
[3] Дударев 2013: 251.
[4] Медяков 2015: 75.

широко распространено представление о Бисмарке как уникальном знатоке российских реалий: «Мало кто из западных политиков так хорошо знал Россию, как знаменитый пруссак»[5]. Любопытно, что аналогичного мнения придерживался о себе и сам Бисмарк. В 1868 г. он писал прусскому послу в Петербурге: публика «видит Россию не такой, какова она есть, а так, как ее изображают в прессе. Известно, что эта картина производит на свет не всегда верные представления и суждения»[6]. Так же оценивали «российские компетенции» Бисмарка и его современники по обе стороны границы. К примеру, в феврале 1888 г. одна из германских газет писала о «примечательном знании» канцлером «русской сущности и русских особенностей»[7]. «Бисмарк слишком хорошо знает Россию», – писал в это же время Н.М. Баранов К.П. Победоносцеву[8].

Однако действительно ли Бисмарк знал и понимал Россию существенно лучше своих соотечественников? Отличались ли его «верные» представления от тех, которые существовали в германском обществе и транслировались прессой? В поисках ответа мы должны сравнить взгляды «железного канцлера» на Россию с тем образом восточного соседа, который существовал в германском обществе. Система представлений Бисмарка о Российской империи на сегодняшний день достаточно хорошо изучена[9]. Также было выявлено далеко идущее совпадение его взглядов со взглядами других представителей германской военной и дипломатической элиты[10]. В то же время образ России в германском обществе последней четверти XIX в. остается малоизученным, имеющиеся работы носят преимущественно обзорный характер[11]. Ежедневные газеты, игравшие огромную роль при формировании общественного мнения, в рамках данной темы до сих пор не введены в научный оборот. Именно они составляют – наряду с многочисленными высказываниями Бисмарка – источниковую базу представленного исследования.

Нами были выбраны три ежедневные газеты, относившиеся к категории качественной прессы (т.е. рассчитанные на образованного читателя и предоставлявшие подробную информацию и аналитику): «Кёльнская газета» (Kölnische Zeitung), «Национальная газета» (National-Zeitung) и «Фосская газета» (Vossische Zeitung). Первая из них выступала с умеренно либеральных позиций и поддерживала правительственный курс, вторая была близка к национал-либералам, третья придерживалась леволиберальной направленности. Выбор данных изданий обусловлен тем, что они не только относились к числу наиболее влиятельных, но не име-

[5] Романов 2006.
[6] Bismarck 1930: 375.
[7] Russen und Franzosen… 1888.
[8] К.П. Победоносцев… 1923: 927.
[9] Власов 2021, Медяков 2015, Liszkowsky 2000.
[10] Власов 2023.
[11] Kopelew 2000.

ли «нишевого» характера, находя своих читателей среди людей с самыми различными политическими убеждениями.

Ключевым методом исследования является качественный контент-анализ. С его помощью были выявлены закономерности и повторяющиеся смысловые конструкции в публикациях о России, появившихся на страницах указанных газет в 1880-е гг. Именно анализ этих многократно повторяющихся в прессе стереотипных черт образа России и находится в основе представленного исследования.

В качестве хронологических рамок исследования выбран период с 1880 по 1890 гг., критически важный для российско-германских отношений. На протяжении этого периода они ощутимо ухудшались, и результатом стал переход к стратегическому противостоянию Петербурга и Берлина. Существенную долю ответственности за это нес Бисмарк, которого и современники, и потомки нередко рассматривали как сторонника дружбы с Россией. «Это настоящее несчастье, – писал в дневнике шеф Большого генерального штаба граф Вальдерзее, – что отец и сын Бисмарки испытывают такую склонность к России»[12]. В реальности именно «железный канцлер» внес в 1880-е гг. весьма существенный вклад в постепенное ухудшение российско-германских отношений.

Взгляды Бисмарка на Россию подробно изложены нами в ряде публикаций, включая посвященную этой теме монографию[13]. Они представляли собой достаточно стройную и стабильную систему. В ее основе находились представления о врожденном национальном характере славян, якобы неспособных к упорному созидательному труду и успешному государственному строительству; превращение России в великую державу «железный канцлер» объяснял действиями административной и военной элиты, состоявшей из этнических немцев. Поэтому он рассматривал подъем национализма и вытеснение немцев с руководящих постов как явления, гибельные для самой Российской империи и неизбежно ведущие к глубокому кризису. Особенностями русского национального характера Бисмарк объяснял и низкое качество управленческого аппарата – чиновники некомпетентны и коррумпированы, внутри страны царят произвол и самодурство. Российский император, по мнению «железного канцлера», при формальной полноте власти вынужден считаться с интересами могущественных элитных группировок, желающих перемен. В 1860-е гг. речь шла в первую очередь о либерально-конституционных переменах, с 1870-х гг. на первый план выдвинулись националисты и панслависты. Нигилисты, дестабилизировавшие ситуацию в России, также якобы имели покровителей в рядах российской элиты. И нигилисты, и панслависты в глазах Бисмарка стремились к кардинальным переменам, были готовы пожертвовать интересами страны и династии ради реализации своих утопических идей.

[12] Waldersee 1922: 13.
[13] Власов 2021.

Все это, по мнению германского канцлера, вело к глубокому внутреннему кризису, который, в свою очередь, создавал серьезную угрозу для соседей России. Бисмарк полагал, что панслависты считают Германию и Австро-Венгрию главными преградами на пути реализации своих планов; в российском обществе широко распространена ненависть к немцам, основанная на зависти; беспощадная русификация остзейских губерний лишила страну критически важной «кузницы» управленческих кадров. Царь в этой ситуации мог начать войну либо для того, чтобы направить вовне нарастающую внутри страны напряженность, либо под давлением могущественных панславистских группировок; война могла стать и результатом российской революции. Именно поэтому Бисмарк считал Российскую империю опасным и непредсказуемым соседом, с которым нет смысла заключать какие-либо далеко идущие соглашения – их ценность в любом случае невелика.

Насколько этот образ России совпадал с представлениями, которые транслировались в 1880-е гг. германскими газетами? В первую очередь отметим, что в ходе исследования не было найдено существенных различий между отдельными органами печати в трактовке российской проблематики. Леволиберальная и оппозиционная «Фосская газета» высказывалась о Российской империи чуть резче, чем два более умеренных издания, однако это касалось лишь тональности, но не содержательных аспектов публикаций. В общем и целом, мы можем говорить о существовании в германской качественной прессе рассматриваемого периода единого образа России с характерными для него особенностями.

В статье речь пойдет о базовых, долгосрочных характеристиках этого образа, не зависевших от текущих событий: представлениях о месте России в мире, характере ее государственного устройства и общества, долгосрочных тенденциях внутренней и внешней политики. Такого рода представления не только во многом определяют интерпретацию поступающей новой информации, но и весьма устойчивы к изменениям: как показало проведенное нами ранее исследование, фундаментальные представления Бисмарка о России мало менялись с течением времени[14].

Фундаментальный характер носил в первую очередь вопрос о том, какое место Российская империя занимает в мире: является ли она частью Европы или находится за ее пределами? В германской прессе можно встретить различные точки зрения. Иногда Россия причислялась к европейским державам, порой ее характеризовали как «азиатское», «варварское» государство. Однако наиболее распространенным было описание Российской империи как некого пограничья между Европой и Азией, «цивилизацией» и «варварством». В течение1880-х гг. в этом вопросе наблюдалась некоторая эволюция: если в начале десятилетия Россия нередко изображалась как «запаздывающее» государство, идущее по европейскому пути с отставанием от передовых держав, то позднее, после крушения надежд на продолжение реформ, ее «полуазиат-

[14] Власов 2021: 245–253.

ский» характер все чаще выступал в качестве неотъемлемой, базовой черты. «Кёльнская газета» писала в марте 1880 г. по случаю 25-летнего юбилея правления Александра II: «При императоре Николае Россия еще была по-настоящему азиатским государством, сегодня же к ней нельзя в полном смысле применить подобную характеристику»[15]. «Фосская газета» называла «полуазиатскими» российские государственные структуры[16], а для характеристики режима использовала словосочетание «полуварварский деспотизм»[17]. В ней же в 1883 г. утверждалось: реформ в России требует та часть общества, которой удалось подняться над уровнем варварства[18]. «Национальная газета» писала в июне 1888 г., что в России европеизированное образованное общество существует параллельно с совершенно «азиатскими» народными массами[19].

Термин «азиатский» употреблялся во второй половине 1880-х гг. для обозначения тех тенденций в развитии Российской империи, которые негативно оценивались немецкими наблюдателями: «азиатская» нелюбовь к Западу, «азиатская» внешняя политика и т.д. «Азиатская сторона русских торжествует победу», – писала «Национальная газета» летом 1887 г., комментируя новые меры по русификации остзейских губерний[20]. Однако «полуазиатский» характер Российской империи, по мнению германских публицистов, имел и свои положительные стороны – там, где речь шла о взаимодействии с азиатскими народами. Уступая по своему культурному уровню народам Западной Европы, Россия выполняла важную культурную миссию в Азии и могла в силу своей специфики приобщать азиатов к цивилизации успешнее, чем это делали «полноценные» европейцы. В статье «У ворот Герата», опубликованной летом 1887 г.. «Фосская газета» писала:

> «Можно только радоваться успехам, расширяющим сферу русского влияния в Азии. Ведь русские, которые в случае их вторжения в культурные страны Европы принесут с собой варварство и одичание, по отношению к диким племенам Азии становятся носителями культуры и нравственности. (…) Вступая в контакт с иноверческими дикими народностями, какими к примеру были туркмены, русский солдат – с его выдержкой, скромностью, простым образом жизни и безусловным послушанием – оказывает на них удивительно благоприятное влияние»[21].

Сопоставляя эти цитаты с высказываниями Бисмарка, можно обнаружить практически полное смысловое совпадение. Не причисляя русских полностью к «варварам», «железный канцлер» не ставил их и на одну ступень «цивилизации» с остальной Европой. В 1868 г. в одной из бесед он охарактеризовал Россию как «менее цивилизованную державу»

---

[15] Das Regierungsjubiläum… 1880.
[16] Die Reise… 1888.
[17] Die Bulgaren… 1886.
[18] Der Brief des Zaren… 1883.
[19] Rußlands innere… 1888.
[20] Der Ukas… 1887.
[21] Vor den Toren…, 1887.

в сравнении с «более цивилизованными»[22]. В другой беседе Бисмарк назвал русских «полуварварской глупой нацией»[23]. Он считал, что по степени развития империя Романовых находилась где-то между Европой и варварской Азией. «Ее полем для деятельности является Азия. Там она представляет культурный прогресс», – говорил Бисмарк в 1877 г.[24]

Описывая политическую систему Российской империи, германские газеты рисовали образ государства, раздираемого противоречиями: сильная самодержавная власть на поверку, оказывалась зависимой от неформальных, но влиятельных группировок, реакционная внутренняя политика была не в состоянии разрешить стоявшие перед страной проблемы, эффективность государственного аппарата была низкой из-за некомпетентности и коррупции должностных лиц. Самодержавие, с одной стороны, отжило свое, с другой – так и не выполнило своей исторической функции, не создало в России стабильного правового государства и просвещенного среднего класса. Именно поэтому любой конституционный или парламентский эксперимент будет якобы иметь непредсказуемые последствия: российское общество попросту не созрело для перехода на этот уровень.

Особенно активно перспективы серьезных перемен в России обсуждались в начале 1880-х гг., когда многим казалось, что страна стоит на пороге новых больших реформ. Германская пресса описывала кризис самодержавия, разразившийся в этот период. «Во всех кругах присутствует ощущение, что дальше так продолжаться просто не может», – публиковала «Национальная газета» в апреле 1881 г. письмо своего корреспондента из Петербурга[25]. «Повсеместно ожидания грядущего одержали верх над нравственным возмущением, – писала «Кёльнская газета» вскоре после убийства Александра II. – Что-то новое, великое должно случиться, но что и когда?»[26]. Германские публицисты сходились в том, что дальнейшие либеральные преобразования желательны и возможны, более того, являются единственным способом избежать больших потрясений, но провести их будет непросто. К числу основных препятствий на пути успешных реформ газеты относили отсутствие уважения к закону, некомпетентность и коррупцию российских чиновников, легкомысленность и безответственность образованной части общества[27].

Большое разочарование вызвали в связи с этим первые шаги Александра III на пути к укреплению самодержавного режима. Реакционная политика не решит ключевых проблем страны; она отсрочит взрыв, но сделает его более мощным и разрушительным, – писала «Кёльнская газета» после публикации Высочайшего манифеста от 29 апреля[28]. Внут-

[22] Bismarck 1924: 273.
[23] Bismarck 1926: 328.
[24] Bismarck 1926: 239.
[25] Rußland und Polen 1881.
[26] Rußland 1881.
[27] Die Lage in Rußland 1881.
[28] Deutschland 1881.

ренняя необходимость рано или поздно приведет Россию к переменам вне зависимости от желаний самодержца, вторила ей «Национальная газета», подводя итоги первого года правления нового императора[29]. «Одна реформа за другой признается необходимой и откладывается в сторону как невозможная, правительственный механизм работает с каждым днем все медленнее и хуже, законодательство и администрация буксуют, беззаконие, произвол, взятки, насилие, насмешки над правом, обеднение и одичание народа, распад всякого порядка», – такими широкими мазками рисовал в феврале 1882 г. внутрироссийскую ситуацию корреспондент «Кёльнской газеты»[30].

Коронация Александра III в 1883 г. похоронила надежды на скорые перемены и одновременно знаменовала конец своеобразного «переходного периода». Германская пресса в целом негативно оценивала реакционный курс, однако в то же время приветствовала сам факт стабилизации обстановки в России; казалось, острый кризис начала 1880-х гг. остался позади[31]. В то же время достигнутая стабильность выглядела с точки зрения немецких публицистов весьма относительной: ключевые проблемы не были решены и постепенно усугублялись, в российских верхах и обществе продолжались брожение и внутренняя борьба.

Для характеристики российской государственной системы в германской прессе часто применялось понятие «деспотизм». В то же время власть самодержца считалась далеко не абсолютной. «Российское самодержавие само по себе является ложью», – писала «Национальная газета»: царь находится в плену бюрократических интриг, вынужден считаться с влиятельными общественными течениями; его распоряжения игнорируются, его воля не выполняется[32]. «Благодаря принципу самодержавия, – писала в 1889 г. «Фосская газета», – сегодня самый могущественный человек мира является одновременно самым немощным, ведь тот самый монарх, который может одним словом заставить заговорить тысячи стволов и потрясти весь земной шар, дрожит, заслышав шорох бумаги или скрип половицы»[33]. В качестве ключевой проблемы Российской империи, источника многих ее бедствий регулярно изображался бюрократический аппарат. На страницах немецкой прессы он представал самостоятельной, не подвластной никому разрушительной силой. «Все едины в том, что главная беда России – коррупция и ненадежность чиновников сверху донизу, от командующего великого князя до последнего привратника», – писала летом 1882 г. «Национальная газета»[34]. Российская бюрократия, заявляла «Фосская газета» в 1886 г., «пополняется элементами, далекими от всякого интеллектуального развития, выдрессированными для определенных прикладных задач, в то время как

[29] Der Zar… 1882.
[30] Graf Ignatiew… 1882.
[31] Der Inhalt… 1883.
[32] Rußland… 1890.
[33] Deutschland und Rußland 1889.
[34] Der Abgang… 1882.

все, кто в молодости демонстрировал самостоятельность духа, выброшены в объятия нигилизма»[35]. Перспективы российского государства, соответственно, расценивались немецкой прессой очень мрачно. Весьма вероятными считались масштабные революционные потрясения с непредсказуемым исходом: «большая французская революция с ее ужасами покажется детской игрой. Необузданные страсти русского народа приведут к внутренней борьбе с жуткими последствиями»[36].

Аналогичные оценки состояния российского государства мы встречаем в текстах Бисмарка. Перспективу реформ в России канцлер оценивал несколько более скептически, чем либеральная пресса, но его отношение к самодержавию было аналогичным. «Никто не знает, кто же там, собственно, правит, – заявил Бисмарк в одной из бесед в октябре 1880 г. – Все согласны только в том, что дальше так продолжаться не может, но никто не знает, что должно появиться взамен»[37]. «Абсолютная монархия, на мой взгляд, еще должна сослужить русским службу – провести необходимые хирургические операции быстро и твердо, – писал канцлер германскому кронпринцу полгода спустя. – Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи»[38]. Однако перемены, на взгляд Бисмарка, были необходимы, и он весьма мрачно смотрел в будущее самодержавной системы: «Революции и как следствие российская республика могут случиться очень скоро, если для этого представится возможность»[39].

«Железный канцлер» был полностью согласен со своими соотечественниками в оценках российского бюрократического аппарата, о котором, вероятно, не сказал за всю свою жизнь ни единого доброго слова. Еще будучи прусским посланником в Петербурге, Бисмарк писал в Берлин: «Самая тяжкая болезнь Российской империи есть армия плохо оплачиваемых и неспособных чиновников»[40]. «России не хватает честных, умных и энергичных людей, которые могли бы внести правильные предложения, а затем и осуществить их на практике», – отмечал он в 1881 г.[41] Писал Бисмарк и о своеволии чиновников, сетуя в 1883 г. на «нехватку дисциплины, которую император терпит, и которая поэтому проявляется в действиях русских дипломатов и политических генералов не только в Болгарии. Это – российская особенность, появившаяся еще до нынешнего царствования»[42].

---

[35] Der russische Despotismus 1886.
[36] Der Panslawismus… 1887.
[37] Bismarck 1926: 383.
[38] Bismarck 2008: 681.
[39] Bismarck 1926: 559.
[40] Bismarck 1925: 152.
[41] Bismarck 2008: 681.
[42] Bismarck 2010: 590.

Общественные настроения в России 1880-х гг. германская пресса описывала как всеобщее глухое недовольство и рост национализма. Последний выступал в первую очередь в образе панславизма. Могущественная панславистская партия оказывалась в изображении германской прессы ключевым актором, способным бросить вызов даже самодержцу, навязывать ему свою волю или проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. Слово «панславизм» использовалось германскими публицистами в качестве ярлыка, которым они обозначали широкий спектр разнородных явлений: антизападные настроения в прессе и обществе, реакционную внутреннюю политику, русификацию национальных окраин, внешнюю политику на Балканах… К числу «вожаков панславистов» немецкая пресса относила самых разных деятелей: Н.П. Игнатьева и М.Д. Скобелева, К.П. Победоносцева и И.С. Аксакова. Но ключевой фигурой являлся, безусловно, М.Н. Катков. Редактору «Московских ведомостей» приписывали огромное влияние и даже власть над императором[43]. Статьи Каткова важнее официальных правительственных заявлений, – утверждала «Национальная газета»[44]. Катков якобы один способен мобилизовать общественное мнение, разжигает в народе антигерманские настроения, добивается желаемых ему решений во внутренней и внешней политике. Его власть основана не в последнюю очередь на том, что за ним стоит могущественная партия, объединяющая многих представителей элиты и образованного общества – панслависты[45].

Российский панславизм изображался плодом стремления российского общества и элиты к переменам в сочетании с подъемом национализма и шовинизма. Несмотря на свой внешне консервативный характер, писали газеты, панславизм представляет угрозу для правящей династии, поскольку готов пожертвовать ею ради осуществления своих планов. Эти планы рисовались как утопические: панслависты, писала «Национальная газета», имеют абсурдные представления об окружающем мире, не в состоянии внятно сформулировать собственную концепцию, а любая попытка практической реализации их идей заканчивается громким провалом[46]. Их якобы объединяет ненависть к Германии на международной арене и к немцам внутри страны; первую они считают главной преградой на пути своих завоевательных планов, вторых – чуждым элементом в русском народном организме[47].

Влияние панславистов в государстве оценивалось очень высоко. Общеизвестным фактом в германской прессе считалось, что Александр II начал в 1877 г. войну против Османской империи под давлением панславистов[48]. Ситуация якобы не изменилась и при следующем императоре. Панславизм в России настолько силен, писала «Национальная га-

[43] Die Enthüllungen… 1887.
[44] Die Beziehungen… 1887.
[45] Rußland 1887.
[46] Der Zustand… 1882.
[47] Russische Verhältnisse 1887.
[48] Die Bürgschaften… 1882.

зета» в сентябре 1886 г., что даже самодержец вынужден с ним считаться и не может проводить политику, идущую вразрез с ним[49]. Панславистам также приписывалось практически монопольное влияние на прессу и общественное мнение, якобы «зараженное» антизападными и шовинистическими идеями[50].

Парадокс с точки зрения германской печати заключался в том, что панслависты, будучи на словах единственными истинными патриотами России, в действительно являются злейшими ее врагами, ведя страну по гибельному для нее пути[51]. «Те, кто непрерывно вещает о величии и славе России, являются на деле самыми ожесточенными и опасными противниками ее развития и прогресса», – писали германские публицисты[52].

Совершенно аналогичные оценки феномену российского панславизма давал и Бисмарк. Он также полагал, что именно панслависты вынудили Александра II начать войну с Турцией[53]. В 1886 г. канцлер утверждал, что уже не знает, кто в России «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков»[54], а год спустя назвал московского публициста «чем-то вроде параллельного правительства»[55]. Бисмарк говорил о большом влиянии панславистов на императора[56] и на российское общество[57]. Как и германские публицисты, канцлер считал деятельность панславистов не только опасной для европейского мира, но и в конечном счете губительной для самой России[58].

В начале 1880-х гг. германская пресса по понятным причинам уделяла большое внимание деятельности народовольцев, которых называла «нигилистами». Либеральные издания относились к «террористам» негативно и осуждали покушения на представителей российской элиты. В то же время газеты подчеркивали, что у нигилизма есть объективная причина: широко распространенное в обществе недовольство и невозможность добиться изменений легальным путем. Проводилась четкая грань между западными социалистами и российскими нигилистами: социальная база нигилистов – не рабочий люд, а образованные средние и высшие слои. Чтобы справиться с этой угрозой, писала в 1880 г. «Национальная газета», нужно провести реформу образования и дать обществу возможность участвовать в управлении страной[59].

Во второй половине 1880-х гг. активность народовольцев несколько снизилась, но тема не исчезла со страниц немецких газет. В октябре 1887 г. «Кёльнская газета» писала: нигилизм возник из-за внутренних

[49] Zur Entwicklung… 1886.
[50] Der Ukas… 1887.
[51] Der russische Diktator 1880.
[52] Russische Verstimmungen 1886.
[53] Bismarck 1933: 906
[54] Bismarck 2018: 322.
[55] Bismarck 2018: 371.
[56] Die Große Politik… 1922: 266.
[57] Bismarck 1926: 328.
[58] Bismarck 2018: 16.
[59] Die Nihilisten… 1880.

болезней государства и не может быть побежден, пока не решены ключевые проблемы. К числу последних относились экономический спад, обнищание населения, бесправие людей перед лицом бюрократии[60]. «Фосская газета» считала главной причиной нигилизма правительственную политику: в частности, драконовские меры в отношении гимназий и университетов способны лишь толкнуть молодежь в объятия революционных организаций[61]. Неустаревающей темой являлась связь панславистов и нигилистов: являясь формальными противниками, они якобы фактически действовали как союзники, в равной степени подрывая устои российского государства[62]. «Славофилия уже сама стала нигилизмом», – писала «Кёльнская газета» в 1888 г.[63]

В этом вопросе заметны некоторые расхождения между взглядами Бисмарка и германской прессы. «Железный канцлер» тоже считал социальной базой «революционной партии» образованные и зажиточные слои российского общества[64]. Однако в качестве ключевой причины роста числа нигилистов Бисмарк называл слишком большое число образованных молодых людей, которые, окончив гимназии и университеты, не находят себе достойного места в жизни: «Избыток образования приводит в России к ненависти и заговорам. Там готовят к высокой карьере в десять раз больше молодых людей, чем имеется вакансий на государственной службе или возможностей зарабатывать себе в сфере свободных профессий хотя бы скромный доход»[65]. Соответственно, в качестве «лекарства» канцлер рекомендовал не развивать, а, наоборот, сокращать образовательную систему и ужесточать законы.

Большое внимание германские газеты уделяли ситуации в остзейских губерниях, где как раз в 1880-е гг. царское правительство проводило последовательную политику русификации и ликвидации региональной автономии. Количество публикаций, посвященных этой проблеме, неуклонно нарастало на протяжении всего десятилетия. Можно отметить полное единодушие германских газет в оценке проводившейся Петербургом политики: она изображалась как бессмысленное насилие, продиктованное национальной ненавистью и направленное против более высокой культуры, слепое разрушение, приводящее к многочисленным человеческим трагедиям и имеющее в конечном счете негативные последствия для самой России. При этом полностью отсутствовала мысль о необходимости или желательности какого-либо вмешательства в процесс с германской стороны; подразумевалось, что Германия может в данном случае играть лишь роль молчаливого наблюдателя.

---

[60] Der Panslawismus… 1887.
[61] Tolstoi gestorben 1889.
[62] Nihilisten… 1880.
[63] Rußland seit… 1888.
[64] Bismarck 1929: 446-449.
[65] Bismarck 2001: 30.

В 1882 г. «Кёльнская газета» писала в передовой статье: остзейские губернии «стоят империи меньше, чем любая другая провинция, и в то же время являются самыми упорядоченными, зажиточными, верными, нравственно и экономически здоровыми из всех»; однако их немецкий характер «не дает панславистам и чиновникам в России спать спокойно»[66]. В итоге на протяжении последних лет российская бюрократия якобы планомерно разрушает остзейские губернии. Политика русификации, в первую очередь назначение российских чиновников, покончит «не только с правом и справедливостью, немецким духом и порядком, но и с культурой; жизненный нерв этих земель будет убит; для остзейских провинций речь идет о жизни и смерти»[67].

Именно в таком ключе рассматривались все меры, принимавшиеся российским правительством в 1880-е гг. в сфере администрации, судебной системы, образования и церковной жизни остзейских губерний. При этом подчеркивалось, что политика русификации будет иметь губительные последствия для самой России, поскольку лишит императора самых верных и компетентных его подданных, уничтожит одну из главных опор династии. «Такие близорукие действия нисколько не соответствуют истинным интересам Российской империи, – писала «Национальная газета» в марте 1886 г. – Лифляндия, Эстляндия и Курляндия до сих пор поставляли ей множество прекрасных офицеров, чиновников, врачей, аптекарей, представителей практических профессий и т.д., которые благодаря своему организационному таланту, неустанному прилежанию, упорству и неподкупности исключительно удачным образом дополняли русскую нацию»[68].

Иногда ситуация в остзейских губерниях становилась для германской прессы поводом поразмышлять о положении всех этнических немцев в России. Хорошим примером подобного рода размышлений является большая статья, опубликованная в «Кёльнской газете» в ноябре 1887 г. В ней говорилось, что русские по своему характеру неспособны к размеренному упорному труду, поэтому для решения всех важных задач вынуждены привлекать этнических немцев; даже сейчас, несмотря на политику русификации, они не в состоянии без них обойтись. Русские стараются покупать колбасу только у немецких мясников, а лекарства – только у немецких аптекарей; выражение «немецкая работа» считается высшей похвалой. И, несмотря на все это, немцы в России оказываются окружены не уважением, а завистью и ненавистью[69]. Этот образ был стереотипным и находил свое отражение во множестве других публикаций германской прессы.

Идентичных взглядов придерживался и Бисмарк. «Ненависть к немцам, – говорил канцлер в 1880 г., – есть лишь следствие зависти. И

[66] Die Zustände… 1882.
[67] Rußlands Ostseeprovinzen 1882.
[68] Der Krieg… 1886.
[69] Die Russen… 1887.

при этом русские едят только немецкий хлеб и немецкие колбасы, принимают лекарства только из немецких аптек»[70]. «Способность славян управлять своим государством без участия немцев была ограниченной еще со времен Рюрика, такой же она осталась и после освобождения от власти монголов, – писал Бисмарк кронпринцу в 1881 г. – Требования, которые предъявляет к России существование в европейской системе, сделали немецких (или просто иностранных) государственных деятелей, законодателей и генералов еще более необходимыми для нее»[71].

Что касается остзейской проблемы, то Бисмарк глубоко сочувствовал местным дворянам, среди которых было немало его друзей. Он был уверен в том, что политикой русификации император наносит ущерб в первую очередь своим собственным интересам. «Для нас не станет проблемой, если русские оттолкнут от себя балтийских немцев. Это касается не только последних, но и немцев в России вообще. Они все лишь усиливают Россию: балтийцы в администрации и армии, немцы в сельском хозяйстве и промышленности, – писал Бисмарк в 1885 г. – Я, как и прежде, убежден в том, что нам будет только выгодно, если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной»[72].

Наконец, необходимо остановиться на такой актуальной для германской прессы проблеме, как внешняя политика России. Здесь на первый план выходили два мотива: исконное стремление русских к территориальному расширению и возрастающее влияние панславизма на российскую дипломатию. Особо оговаривая, что «Завещание Петра Великого» как таковое является фальшивкой, германские газеты заявляли о его содержательном соответствии истинной российской политике[73]. Россия «на протяжении жизни многих поколений занималась неумеренным расширением и насильственной экспансией», – писала в 1880 г. «Фосская газета»[74]. Временами германская пресса даже подозревала российскую элиту и общество в стремлении к мировому господству, важным шагом на пути к которому станет захват Проливов[75].

Большое внимание уделялось российской политике на Балканах, в особенности в контексте Болгарского кризиса второй половины 1880-х гг. Германская пресса писала о том, что русские сами стали виновниками ухудшения отношений с Болгарией, обращаясь со своими друзьями как с вассалами и требуя от них полного подчинения[76]. Конечной целью российской политики в регионе называлось господство на Балканах с

[70] Bismarck 1926: 389.
[71] Bismarck 2008: 681.
[72] Bismarck 2011: 773.
[73] Der Toast… 1887.
[74] Allgemeiner Friede 1880: 2.
[75] Russische Preßstimmen 1887.
[76] Die Bulgaren… 1886.

целью проложить путь к Константинополю[77]. Действия России в болгарском вопросе порой обозначались как угроза миру в Европе[78].

Ключевым вопросом, однако, являлось для прессы будущее российско-германских отношений. Здесь оценки и прогнозы были в основном весьма мрачными. Считалось, что война с Германией является неотъемлемой частью программы панславистов, оказывавших все большее влияние на внешнюю политику. «Нет никаких оснований сомневаться в миролюбивых помыслах царя, – писала «Национальная газета», – однако панславистская агитация действует помимо и даже против воли царя»[79]. Здесь мы также встречаем весьма распространенную конструкцию: лично Александр III миролюбив и заслуживает полного доверия, но сможет ли он противостоять могущественной панславистской группировке, включающей в себя высокопоставленных дипломатов и военных? Российская внешняя политика постоянно рисовалась как совершенно непредсказуемая и опасная[80].

В период «военной тревоги» 1886–1888 гг. на страницах германской прессы стали регулярно появляться публикации о переброске российских войск к западной границе империи и связанной с этим угрозой вооруженного конфликта. Лейтмотив большинства статей заключался в том, что непосредственной опасности российского нападения не существует, однако в Петербурге неустанно готовятся к войне и развяжут ее при благоприятных обстоятельствах[81].

Общая оценка развития российско-германских отношений также оставалась в 1880-е гг. сугубо негативной. Прежняя дружба объявлялась навеки утраченной, причем вина за это возлагалась на Петербург, где якобы не готовы общаться с Берлином на равных. «Между Германией и Россией стоит массив ненависти и злости, который, похоже, не устранить никаким государственным искусством, никакой мастерской речью, никакими остроумными доводами», – писала «Кёльнская газета» в феврале 1888 г.[82] Германская пресса указывала на якобы широко распространившуюся в российском обществе ненависть к немцам и Германии, что не позволяет надеяться на восстановление хороших отношений даже при наличии доброй воли политического руководства[83]. В общем, германская пресса рисовала перед читателями образ опасного, непредсказуемого и агрессивного соседа, пылающего ненавистью к немцам.

Аналогичных взглядов придерживался Бисмарк. Он постоянно характеризовал российскую внешнюю политику 1880-х как панславистскую, агрессивную и непредсказуемую[84]. «Россия – единственная держа-

[77] Die Entwickelung… 1887.
[78] Berlin… 1888.
[79] Vor einigen… 1890.
[80] Die Militär-Vorlage… 1886.
[81] Friedensliebe… 1888.
[82] Die letzten… 1888.
[83] Friedensaussichten 1890.
[84] Bismarck 2008: 507.

ва, от которой следует ожидать нарушения мира», – писал он в 1883 г.[85] Он также говорил и писал о миролюбии Александра III, но сомневался, что этого фактора будет достаточно для предотвращения конфликта. В 1887 г. он писал: «Наши отношения с Россией построены исключительно на фигуре императора Александра, другого дна у сосуда нет»[86]. Бисмарк неустанно говорил о необходимости поддерживать мир с Россией, но в то же время считал, что эти односторонние усилия могут не привести к желаемому результату. «Опасаюсь, что мое мнение по поводу излечимости болезни было ошибочным, и что все наши попытки добиться от России признания и ответа на наши шаги ей навстречу не имеют шансов на успех», – писал он послу в Петербурге Швейницу в феврале 1887 г.[87] Канцлер также обвинял русских в стремлении обращаться с Германией как с вассальным государством и заявлял о необходимости проявлять твердость в отношениях с восточной соседкой. Его представления полностью совпадали с тем, что транслировала в этот период германская пресса: Россия является непредсказуемым, ненадежным, опасным соседом.

В заключение остается лишь констатировать очевидный вывод: система представлений о России у О. фон Бисмарка в главных своих чертах ничем не отличалась от той, которая находила свое отражение на страницах германской – в том числе оппозиционной – прессы. Образ Российской империи у «железного канцлера» был, по существу, таким же, как и у среднестатистического образованного немца, читавшего качественную прессу. Особое знание и понимание России и русских, которым якобы обладал Бисмарк, следует отнести к разряду мифов.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. Том 1. Novum regnum. Полутом 2. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 707 с.

Романов П. Россия и Бисмарк. Дружба насмерть // РИА «Новости». 19.09.2006. URL: https://ria.ru/20060919/54038079.html.

Allgemeiner Friede // Vossische Zeitung. 1880. № 92, Morgen-Ausgabe. S. 1-2.

Berlin, 16. Januar // Vossische Zeitung. 1888. № 26, Abend-Ausgabe. S. 5.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 3. Politische Schriften: März 1859 bis September 1862. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1925. 409 S.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 6a. Politische Schriften: 1867 bis 1869. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1930. 565 S.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 7. Gespräche: Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. 528 S.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 8. Gespräche. Bis zur Entlassung Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926. 724 S.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 12. Reden. 1878 bis 1885. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1929. 624 S.

Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 14/II. Briefe 1862-1898. Berlin, 1933. 1082 S.

Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 827 S.

Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 5. Schriften 1882-1883. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 678 S.

[85] Bismarck 2010: 621.

[86] Die Große Politik… 1922: 265.

[87] Bismarck 2018: 381.

Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. 855 S.
Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 7. Schriften 1888-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018. 681 S.
Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 8. Teil B. 1890-1898. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 323 S.
Das Regierungsjubiläum Kaiser Alexanders // Kölnische Zeitung. 1880. № 61, Zweites Blatt. S. 1.
Der Abgang des Grafen Ignatiew // National-Zeitung. 1882. № 274. S. 1.
Der Brief des Zaren… // Vossische Zeitung. 1883. № 246, Abend-Ausgabe. S. 1.
Der Inhalt des russischen Krönungsmanifestes… // National-Zeitung. 1883. № 245. S. 1-2.
Der Krieg gegen das deutsche Schulwesen in den deutschen Ostseeprovinzen Rußlands // National-Zeitung. 1886. № 183. S. 1.
Der Panslawismus, der Nihilismus und die Selbstherrschaft des Zaren // Kölnische Zeitung. 1887. № 286, Erstes Blatt. S. 1.
Der russische Despotismus // Vossische Zeitung. 1886. № 527, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Der russische Diktator // Vossische Zeitung. 1880. № 84, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Der Toast des Großfürsten // Vossische Zeitung. 1887. № 470, Abend-Ausgabe. S. 1.
Der Ukas gegen die Deutschen // National-Zeitung. 1887. № 312. S. 1.
Der Zar in Petersburg // National-Zeitung. 1882. № 123. S. 1.
Der Zustand in Rußland // National-Zeitung. 1882. № 85. S. 1.
Deutschland // Kölnische Zeitung. 1881. № 132, Zweites Blatt. S. 1.
Deutschland und Rußland // Vossische Zeitung. 1889. № 401, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Die Beziehungen zwischen Deutschland und Rußland… // National-Zeitung. 1887. № 346. S. 1.
Die Bulgaren und die russische Herrschaft // Vossische Zeitung. 1886. № 431, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Die Bürgschaften für den Frieden // National-Zeitung. 1882. № 173. S. 1.
Die Enthüllungen über Gortschakow's Orientpolitik // National-Zeitung. 1887. № 241. S. 1.
Die Entwickelung der bulgarischen Frage // Vossische Zeitung. 1887. №371, Morgen-Ausgabe. S.1.
Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Bd. 5. Neue Verwickelungen im Osten. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. 350 S.
Die Lage in Rußland // National-Zeitung. 1881. № 194. S. 1.
Die letzten Zusammenhänge… // Kölnische Zeitung. 1888. № 38, Zweites Blatt. S. 1.
Die Militär-Vorlage in der Kommission // National-Zeitung. 1886. № 690. S. 1.
Die Nihilisten in Rußland // National-Zeitung. 1880. № 91. S. 1.
Die Reise des Kaisers nach Rußland // Vossische Zeitung. 1888. № 312, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Die Russen und die Deutschen // Kölnische Zeitung. 1887. № 318, Erstes Blatt. S. 1.
Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen // Kölnische Zeitung. 1882. № 34, Erstes Blatt. S. 1.
Friedensaussichten // National-Zeitung. 1890. № 285. S. 1.
Friedensliebe und Geldbedürfnis // Vossische Zeitung. 1888. № 531, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede // Kölnische Zeitung. 1882. № 38, Drittes Blatt. S. 1.
Nihilisten und Panslawisten // National-Zeitung. 1880. № 95. S. 1.
Russen und Franzosen gegenüber der Rede des Reichskanzlers // National-Zeitung. 1888. №87. S. 1.
Russische Preßstimmen // National-Zeitung. 1887. № 123. S. 1.
Russische Verhältnisse // Kölnische Zeitung. 1887. № 98. S. 1.
Russische Verstimmungen // National-Zeitung. 1886. № 477. S. 1.
Rußland // Kölnische Zeitung. 1881. № 97, Erstes Blatt. S. 2.
Rußland // Vossische Zeitung. 1887. № 155, Morgen-Ausgabe. S. 3.
Rußland in der Beleuchtung des Panitza-Prozesses // National-Zeitung. 1890. № 308. S. 1.
Rußland seit dem Jahre 1881 // Kölnische Zeitung. 1888. № 139, Zweites Blatt. S. 1.
Rußland und Polen // National-Zeitung. 1881. № 159. S. 3.
Rußlands innere Entwickelung // National-Zeitung. 1888. № 318. S. 1.
Rußlands Ostseeprovinzen // Kölnische Zeitung. 1882. № 164, Zweites Blatt. S. 1.
Tolstoi gestorben // Vossische Zeitung. 1889. № 214, Abend-Ausgabe. S. 1.
Vor den Toren von Herat // Vossische Zeitung. 1887. № 355, Morgen-Ausgabe. S. 1.
Vor einigen Tagen… // National-Zeitung. 1890. № 95. S. 1.
Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 2. 1888-1900. Stuttgart-Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. 456 S.
Zur Entwicklung der bulgarischen Frage // National-Zeitung. 1886. № 545. S. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870-1880-х гг. // Диалог со временем. 2023. Вып. 84. С. 297-307. [Vlasov N.A. Obraz rossijskogo panslavizma u germanskoj voenno-politicheskoj elity 1870-1880-h gg. (The Image of Russian Pan-Slavism in German Military-Political Leadership of 1870s and 1880s) // Dialog so vremenem. 2023. Vyp. 84. S. 297-307].

Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 286 с. [Vlasov N.A. Rossija glazami Bismarka. (Russia Through Bismarck's Eyes). SPb.: Evrazija, 2021. 286 s.].

Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка, 1859-1862: дипломатическая ссылка или политический успех? СПб.: Алетейя, 2013. 303 с. [Dudarev V.S. Peterburgskaja missija Otto von Bismarcka, 1859-1862: diplomaticheskaja ssylka ili politicheskij uspeh? (Otto von Bismarck's Petersburg Mission, 1859-1862: Diplomatic Exile or Political Success?). SPb.: Aleteija, 2013. 303 s.]. Saint-Petersburg: Aleteija, 2013. 303 p.

Иваняков Р.И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859-1862 гг.). Псков: Псковский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. 220 с. [Ivanjakov R.I. Bismarck v Peterburge: politicheskaja dejatelnost O. Bismarcka v period prebyvanija na postu poslannika v Sankt-Peterburge (1859-1862). (Bismarck in Petersburg: Political Activities of O. Bismarck during his Mission as Envoy to St. Petersburg (1859-1862). Pskov: Pskovskij juridicheskij institut Federalnoj sluzhby ispolnenija nakazanij, 2008. 220 s.].

Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. №6. С. 63-84. [Medyakov A.S. "Nash Bismarck"? Rossiya v politike i vzglyadakh "zheleznogo kantslera" Germanii ("Our Bismarck"? Russia in Thought and Policy of the German "Iron Chancellor") // Rossiiskaya istoriya. 2015. № 6. S. 63-84].

Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 11-109.

Liszkowski U. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr – Bismarcks Rußlandbild / Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 111-145.

Власов Николай Анатольевич, *кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории международных отношений; n.vlasov@spbu.ru*

The Image of Russian Empire in Bismarck's Views and Assessments of the German Press in the 1880s: was the Iron Chancellor an expert on Russia?

Both in historical works and in journalism, it is often stated that due to his diplomatic experience in St. Petersburg, O. von Bismarck possessed a qualitatively better knowledge and understanding of Russia than his compatriots. The purpose of the article is to test this hypothesis by comparing the system of Bismarck's beliefs about the Russian Empire with those from the German high-quality press of the 1880s. The sources of this research are statements of the "Iron Chancellor" and articles from three most reputable daily German newspapers. As a result of the study, two key conclusions were drawn. Firstly, there was a single image of the Russian Empire in newspapers of various political orientations. Secondly, the characteristic features of this image almost completely coincided with Bismarck's beliefs about Russia. Thus, the hypothesis about the special knowledge and understanding of Russia by the "Iron Chancellor" is found to be wrong.

Keywords: *Russian-German relations, Otto von Bismarck, image of Russia, German press, national stereotypes.*

Vlasov Nikolay Anatolievich, *Candidate of science in history, Associate professor Saint-Petersburg State University, Chair of Theory and History of International Relations; n.vlasov@spbu.ru*

Ю.А. Жердева

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

В статье предпринята попытка посмотреть на эмоциональный опыт участников Первой мировой войны на Русском фронте через призму концепций эмоциональных сообществ (Б. Розенвейн) и темпоральных режимов (Ф. Артог). Показано, что Первая мировая война привела к темпоральному сдвигу в восприятии времени сначала на фронте, а затем, через проницаемые границы фронта и тыла, внутри воюющих обществ. Этот темпоральный сдвиг характеризовался смещением характерного для модерна прогрессистского взгляда, разрушил видение будущего у тех, кто оказался непосредственно внутри военного ландшафта с его постоянными витальными угрозами, и заменил проекцию будущего переживанием имманентного настоящего и ожидаемого прошлого. Участники войны перестали воспринимать время как непрерывный поток, со страхом переживали его дискретность, раздробленность на промежутки между атаками и затишьем, искали эмоциональное убежище в воспоминаниях о прошлом, которое стало для них одновременно ожидаемым будущим. Такая сложная картина темпоральных переживаний, демонстрируемая эго-документами участников войны, позволяет предположить, что Первая мировая войны была первым «разломом времени» в XX в., актуализировавшим презентизм и пассеизм одновременно, и указывает на многотемпоральность Великой войны.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Русский фронт, эмоциональное сообщество, темпоральный поворот, время, эго-документы, многотемпоральность.*

С начала XXI в. «время» стало настолько важным понятием для гуманитарных и социальных наук, что еще несколько лет назад был провозглашен «темпоральный поворот» в историографии и сформировался круг исследователей, с именами которых его связывают (Райнхарт Козеллек, Франсуа Артог, Стивен Керн). При этом уже замечено, что чаще всего время рассматривается в контексте других историографических подходов: исследований памяти, становления общества модерна, социальной и культурной истории[2]. Ключевым понятием исследований времени является «темпоральный режим» (temporal regime), под которым обычно понимается определенное упорядочение времени и связанного с ним опыта. «Режимность» обозначает здесь властные иерархии и навязывание политическим, социальным и культурным институтам порядка отношений со временем. Предложенная Ф. Артогом типология «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм) как «эвристических инструментов» историка, предполагает взгляд на них как на «различные способы артикуляции прошлого, настоящего и будущего»[3]. И хотя критика этого подхода усилилась и весьма убедительно выска-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24–28–01430 «Война и темпоральный режим модерна: исследование витального опыта настоящего в восприятии комбатантов и нонкомбатантов Первой мировой войны», https://rscf.ru/project/24-28-01430/)

[2] Power and Time… 2020: 5.

[3] Репина 2018: 52–53.

зываются сомнения в гомогенности темпоральных режимов[4], само понятие остается в центре исследовательской оптики.

Пожалуй, наибольшего консенсуса удалось достичь в понимании того, что темпоральные режимы претерпевают изменения под влиянием значительных исторических сдвигов. Одним из них, несомненно, была Первая мировая война 1914–1918 гг., которая изменила восприятие времени сначала у комбатантов, а вскоре, через проницаемые границы между фронтом и тылом, и у тех, кто находился далеко за пределами театра военных действий[5]. Война опрокинула время в «вечное настоящее», обратила прошлое в будущее (надежды на возвращение прошлого, мирного, времени заменили у комбатантов конструирование образа будущего), и тем самым породила новый «микрорежим историчности», как выразился французский историк Никола Бопре[6].

Этот мировой конфликт является в определенном смысле испытательным полигоном для формирования в современной историографии «культурной истории войны», для которой Великая война (The Great War), в первую очередь, «эпоха всеобщей скорби»[7]. «В мире, исполненном скорби, ожили иные, более древние языки – религиозный, романтический и классический, дабы предложить тем, чья жизнь, семья и надежда были разбиты или искорежены, хоть какую-то приемлемую трактовку жестокого мира, в котором они жили», – так Джей Уинтер формулирует новый взгляд на войну, позволяющий видеть в ней не только последовательность событий или совокупность переживаемых ощущений, но и дискурсивную среду[8].

«Языкам», с помощью которых участники войны пытались описать свой фронтовой опыт, посвящена данная статья. Нас интересует как именно время ощущается теми, кто на фронте столкнулся с ситуацией слома привычной картины мира и был вынужден эмоционально перестраиваться, перекодировать свое отношение к реальности, чтобы приспособиться к вызовам неопределенности фронтовой жизни.

Одной из наиболее эффективных практик преодоления этой неопределенности было письмо – создание автотекстов (писем и дневников). По словам Ю.М. Лотмана, «если письменная культура ориентирована на прошлое, то устная культура – на будущее», из-за чего существенное место в ней занимают предсказания, гадания и пророчества[9]. Письмо является практикой упорядочения времени: оно фиксирует прошлое, которое присваивается пишущим в определенной интерпретации и становится для следующих поколений читателей «свернутой мнемонической программой». Хотя значение письменной культуры для комбатантов Первой мировой войны было чрезвычайно велико, стоит

[4] См. об этом: Николаи 2022: 419–424.
[5] Об этом см.: Power and Time… 2020; Beaupré 2021; 2023; Wright 2023; etc.
[6] Beaupré 2021: 276.
[7] Уинтер 2023: 198.
[8] Фассел 2015: 19.
[9] Лотман 1992: 104.

учитывать разные практики обращения к ней офицерского и солдатского состава армии: определяющим здесь оказывается сам факт владения комбатантами практиками письма, уровень их грамотности.

При всей сложности работы со статистическими сведениями о демографических процессах в Российской империи, можно достаточно уверенно говорить о том, что грамотность солдат, выходцев из крестьянской среды, в русской императорской армии в целом была не очень высокой. С одной стороны, она разнилась в зависимости от региона империи, в столичных и западных губерниях была выше, в Поволжье и особенно в Сибири ниже, и в среднем составляла около 40%; с другой стороны, уровень грамотности в армии сильно зависел от возраста мобилизованных – молодежь 20-22 лет была гораздо грамотнее (до 67%) призывников старших возрастов[10]. Учитывая в целом не очень большой процент солдат, умевших читать и писать, можно говорить о том, что сфера устной коммуникации, т.е. характерные для традиционных обществ практики «устного чтения», были распространены среди солдат гораздо больше, чем практики письма, в отличие, например, от поголовно грамотного офицерства или медицинского персонала (врачей и сестер милосердия), читавших и писавших на фронте постоянно. Можно предположить, что формы обращения к *прошлому* у «пишущих» офицеров были более разнообразны, чем у «говорящих» солдат, и наоборот: солдаты чаще конструировали *будущее* в своих коммуникациях, основываясь на слухах, предсказаниях, «заговорных молитвах» (вспомним хотя бы эсхатологические ожидания, которые В.Б. Аксенов справедливо связывает с архаическими схемами крестьянского мышления[11]). Однако эти особенности указывают не на отличия темпоральных переживаний на фронте, а лишь на сложную их конфигурацию, позволяя в целом рассматривать комбатантов как сообщество с более-менее гомогенными темпоральными ощущениями.

Используя концептуальный аппарат Барбары Розенвейн, мы рассматриваем комбатантов как «эмоциональное сообщество», ориентируясь на то, что, во-первых, оно было относительно стабильным во времени (Первая мировая война, длившаяся более четырех лет, являлась константой в повседневной жизни комбатантов), а, во-вторых, оно опиралось на определенный набор эмоций, разделяемых попавшими на фронт независимо от их профессионального опыта или социального происхождения. Розенвейн подчеркивает, что эмоциональные сообщества не обязательно «эмоциональные», члены их не всегда должны выражать какие-то эмоции по отношению друг к другу, но они всегда разделяют важные нормы, касающиеся эмоций, которые они ценят или обесценивают, а также способов их выражения[12]. Соответственно, отсутствие прямой коммуникации между разными группами комбатантов не является фактором отсутствия у них разделяемых переживаний времени.

[10] Рашин 1956: 294, 304.
[11] Аксенов 2020: 312–313.
[12] Rosenwein 2016: 5.

В фокусе исследования – анализ темпоральных ощущений на фронте. Категория времени является инструментом, который объединяет оптику анализа явлений культурных и физических. В период Первой мировой войны комбатанты, находясь на фронте, были физически включены в практики «проживания» войны. С одной стороны, время для них бесконечно растягивалось, особенно в фазах позиционной войны, при которой месяцами не происходило заметных событий, солдаты были буквально «замурованы» в окопах и вынуждены «убивать время», придумывая себе развлечения. С другой – время в восприятии комбатантов спрессовывалось, схлопывалось до состояния разделения на «до» и «после» фронта, маркировало «прошедшее» и «будущее», утрамбовывая «настоящее» до точки, момента, краткого присутствия, в котором нужно выжить, чтобы продолжить прерванную «обычную жизнь» после войны. Такое многогранное и противоречивое переживание времени «свидетелями» войны хорошо заметно при изучении эго-документов, особенно дневников и писем. В первой части статьи мы рассмотрим концептуальные рамки исследования эмоциональных реакций на смену темпорального режима войны, во второй – проанализируем их на материале конкретных эго-документов.

Основными источниками данного исследования являются автодокументальные тексты – дневники, письма и мемуары участников Первой мировой войны на Русском фронте: неопубликованные дневники и любовные письма Юлии Буторовой, дневники Иосифа Ильина, Василия Кравкова, Андрея Снесарева, письма Фридриха Краузе, воспоминания Татьяны Варнек, Николая Буторова и переведенные на русский язык воспоминания Флоренс Фармборо[13]. Эти тексты объединяет отчетливая артикуляция темпоральных переживаний, поскольку далеко не каждый эго-документ содержит многослойную рефлексию о времени, что и обусловило их выбор. Хорошо известно, что жанровое разнообразие эго-документов гораздо сложнее, чем традиционная классификация их на дневники, письма и воспоминания. Мы полагаем, что практики письма комбатантов Первой мировой войны можно считать наследием «долгого XIX века» и применять к ним характеристики автобиографического письма этого периода, что позволит нам усложнить классификацию источников и выделить четыре формы бытования фронтового дневника[14]: собственно дневник (И.С. Ильин, В.П. Кравков, А.Е. Снесарев, первая и третья части дневника Ю.В. Буторовой), эпистолярный дневник или дневник в письмах (вторая часть дневника Ю.В. Буторовой), дневник в письме (Ф. Краузе) и дневник, встроенный в мемуары (Ф. Фармборо).

Кроме того, для автодокументальных жанров характерны собственные формы взаимодействия со временем. Так, дневник – это повествование хроникальной формы, «отслеживающее развитие своего

[13] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2–5; Буторов 2009; Краузе 2013; Варнек 2014; Кравков 2014; Снесарев 2014; Фармборо 2014; Ильин 2016.
[14] См.: Егоров 2003: 8.

автобиографического “я” во времени»[15]. Тождество автора, повествователя и главного героя в дневнике, которое отметил Филипп Лежён[16], ставит исследователя дневникового письма в двоякое положение: с одной стороны, требует доверия к излагаемому как к исповедальному тексту, с другой стороны, заставляет учитывать, что ни от одного текста нельзя ожидать безусловной искренности хотя бы потому, что повествование всегда выстраивается по законам текстовой реальности. Соответственно, обращаясь к фронтовым дневникам, историк анализирует, в первую очередь, те модели реакций и поведения, которые автор дневника помимо своего намерения демонстрирует, и старается учитывать особенности автобиографического письма эпохи. Поэтому такое значение для культурной истории войны, понимания эмоциональных реакций ее участников, имеют мемуарно-автобиографические тексты.

Наибольший интерес для исследования темпоральных переживаний на войне представляют дневники и письма, которые артикулируют рефлексию о «времени» в повседневных практиках комбатантов, в то время как мемуары демонстрируют долговременный след переживаний и дают возможность сопоставить их остроту. В дневнике фиксируется, в первую очередь, проживание «настоящего», поэтому о «прошлом» комбатанты пишут гораздо реже, а рефлексии о «будущем» в этих текстах практически нет. В то время как в письмах, особенно это заметно на материалах Русского фронта, где цензура активно вымарывала любое описание текущих событий, которое комбатанты продолжали включать в свои тексты, «прошлое» оставалось единственным разрешенным «эмоциональным убежищем»: солдаты «перекодировали» ностальгические воспоминания о мирном прошлом в образ желаемого будущего. Впрочем, как отмечает А.Б. Асташов, военная цензура считала «тоску по дому», содержавшуюся в большинстве солдатским писем, «интимной перепиской»[17], и не видела в темпоральных переживаниях солдат угрозы обращения этих эмоций в социальное действие.

Правомерно ли выделять «военные»/«фронтовые» дневники (в данном случае мы рассматриваем эти понятия как синонимы) как тексты, которые были созданы непосредственно на войне/фронте, в особую категорию эго-документов. Мы исходим из того, что это возможно, опираясь на мнение тех историков, которые полагают, что уже «в начале XX в. возник образец военного письма»[18] (И.М. Савельева) с «устойчивой повторяемостью тем, сюжетов, стилистических и структурных приемов»[19] (С. Ушакин, А. Голубев). Как отмечают эти исследователи, «военная переписка – с фронта, из плена, тыла или эвакуации – становится своеобразным механизмом и актом перевода с военного языка на мирный»[20].

[15] Паперно 2021: 19.
[16] Lejeune 1975: 25-26.
[17] Асташов 2014: 176.
[18] Эго-документы… 2021: 32.
[19] XX век: Письма войны… 2016: 14.
[20] Там же.

Именно это позволяет нам видеть в самом акте «военного письма» механизм темпоральной кодировки: адресант (автор) во время письма совершает когнитивный переход из того военного «настоящего», в котором он пребывает на фронте, в «прошлое будущее», которое связано в его восприятии с мирной жизнью вместе с адресатом (получателем) письма.

Вместе с тем в работе с «военным письмом» до сих пор остается актуальным вопрос о том, насколько к нему применим гендерный анализ, особенно если речь идет об изучении эмоциональных маркеров? С одной стороны, в историографии уже сложилась вполне устойчивая традиция использования гендерного анализа для работы с эго-документами, выделения специфики «женского письма», при чем не только литературного, но и автобиографического. Большинство исследователей, филологов и историков, сходятся в том, что женским текстам в целом присуща большая «эмоциональная насыщенность»[21] (Н.Л. Пушкарева) и свойство служить «своеобразным дисплеем женской субъективности»[22] (А.В. Белова). Следуя этому подходу, говорится о том, что если мужчины в своих автодокументальных высказываниях о войне рационализируют военный опыт, то женщины пропускают переживаемые события через эмоциональное состояние (О.Р. Демидова)[23].

Однако чувствительность к эмоциональному опыту, как показывают исследования женских автотекстов первой половины XIX в., проистекала, в первую очередь, из социальных конвенций, а не гендерной идентификации. Как отмечает И.Л. Савкина, практики женского письма в начале XX в., как и столетием ранее, оставались во многом зависимы от «патриархатного культурного канона», ограничивавшего, круг тем, о которых уместно было писать женщине, любовно-чувственным репертуаром[24]. Вместе с тем, в женском письме заметно стремление отвоевать себе право на выражение другой социальной роли – быть значимым голосом в патриархатном обществе. Однако выражение этого права, по мнению Дж. Бакли, более заметно в автобиографической беллетристике, чем в дневниках или мемуарах[25].

Дневники сестер милосердия позволяют показать этот сдвиг в интонациях «женского письма»: социальная значимость сестринского дела на войне, если судить по автодокументальным текстам Ю.В. Буторовой, Ф. Фармборо, Х.Д. Семиной, Т.А. Варнек, укрепляла субъектность их авторов и повышала роль гендерной идентификации. К примеру, в первой части дневника Буторовой заметно отчетливое противостояние (внутренний диалог) с маскулинизированной российской военной и политической культурой: автор детально и страстно описывает свои споры со «значимыми» мужчинами (В.А. Маклаковым, А.И. Гучковым, Н.В. Родзянко, Б.Е. Иваницким, П.В. Вогаком и др.), свое несо-

[21] Пушкарева 2000: 63.
[22] Белова 2013: 54.
[23] Демидова 2013: 7.
[24] Савкина 2023: 12.
[25] Buckley 1984: IX.

гласие с их политической, нравственной или административной позицией, но при этом довольно часто подчеркивает свою способность оказывать влияние на те или иные фронтовые ситуации через знакомства, родственные связи с другими «значимыми» мужчинами.

С другой стороны, устная история, позволившая расширить круг мемориальных источников военного опыта женщин на материале в первую очередь Второй мировой войны, показывает, что гендерный анализ не всегда к этому опыту применим, поскольку как женщины, так и мужчины, могут действовать, руководствуясь соображениями, не связанными с гендером (Б. Эпштейн)[26]. Учитывая подвижность гендерных ролей, ставшую особенностью Первой мировой войны, можно говорить о том, что гендер в этом историческом контексте «располагался гораздо ниже уровня сознательной идентификации»[27] (Б. Эйхорн), иными словами, индивидуальные стратегии поведения больше подчинялись личностным пристрастиям, чем гендерным ролям. Градации чувствительности и сентиментальности могут быть присущи не только «женским», но и «мужским текстам», в которых эмоционализация повествования усиливается в описании определенного набора ситуаций, чаще всего связанных с темпоральными переживаниями: воспоминания о прошлом, о доме, религиозные переживания, сезонная или ролевая меланхолия, наблюдения ритуалов смерти. Таковы дневники В.П. Кравкова, И.С. Ильина, А.Е. Снесарева, записки В.В. Арамилева (И.А. Зырянова) и ряд других.

Вероятно, стоит исходить из того, что фронтовой быт, вырывавший и комбатантов, и нонкомбатантов (сестер милосердия и медицинский персонал в целом) из привычной мирной жизни и помещавший их в «беллигеративный ландшафт», для которого были характерны «мерцающие» границы между опасным и безопасным, становился условием для таких переживаний, интенсивность которых определялась не столько гендером, сколько особенностями личности, социальными и культурными. Именно в этом смысле можно применять к тем, кто переживал войну на фронте, понятие эмоционального сообщества. Концепция «эмоциональных сообществ» позволяет рассматривать людей с фронтовым опытом как группу с «устойчивыми эмоциональными связями»[28], и указать на формирование более крепких связей на период войны между комбатантами, чем между родственниками.

Важно подчеркнуть понимание социального характера эмоций как отправной точки современной историографии[29]. Считается, что эмоции как социальное явление обуславливаются устойчивым набором предписываемых обществом «шаблонов» или «матриц», подчиненных социальным, гендерным и другим ролям личности. Соответственно, вопрос о том, как интерпретировать эмоциональные маркеры в женских и мужских военных эго-документах отнюдь не праздный. Следует отме-

[26] Гендерные истории… 2002: 261.
[27] Там же: 272.
[28] Плампер 2018: 115.
[29] См. подробнее: Плампер 2018.

тить, что в истории эмоций сформировались разные понятия для описания коллективных эмоций: «эмоциональный режим», «эмоциональная навигация», «эмоциональное убежище», «эмотивы», «эмоциональные сообщества», «эмоциональный репертуар», «эмоциональный сценарий», «эмоциональные шаблоны» и др.[30]

Мы будем обращаться к понятию «эмотива» (У. Редди) как речевого акта, с которым историк может работать в эго-документах, учитывая при этом, что сам речевой акт – это лишь трансляция некоего эмоционального состояния, которое пишущий может на самом деле не испытывать, а просто черпать его описание из набора «эмоциональных шаблонов», формируемых культурой (например, литературой или театром). Важно и то, что раз выражение эмоций детерминировано культурой, то и сам акт выражения эмоций является одновременно их переживанием, то есть выражая в тексте эмоции, почерпнутые из «эмоциональных шаблонов», пишущий одновременно учится их переживать. И если исходить из того, что «чувствующий субъект не существует априори», а «возникает в процессе делания эмоции» (М. Шеер)[31], то сама практика письма на войне являлась не только отражением, но и конструированием тех эмоций, которые мы находим в военных дневниках и письмах.

Наконец, эмоциональные матрицы, как показал А.Л. Зорин, у многих людей могут не только плохо согласовываться друг с другом, но даже быть взаимоисключающими, поскольку «разные эмоциональные сообщества, к которым принадлежит человек, часто диктуют ему совсем не схожие правила чувствования, в которых ему приходится ориентироваться»[32]. Это означает, что переживания будут гораздо более «индивидуализированными», если эмоциональный репертуар личности более разнообразный и конфликтный, что наблюдается в исследованных нами текстах. Насколько разнообразным был эмоциональный репертуар темпоральных переживаний, какими эмотивами выражался и какими способами «кодировался» в тексте мы разберем дальше.

Подчеркнем еще раз, что темпоральные переживания в эго-документах артикулируются во вполне определенных контекстах и всегда связаны с интенсивной эмоционализацией текста: они проявляются в момент начала повествования, в описаниях «одомашненного» быта на фронте, религиозных ритуалов и состояний ландшафта, в воспоминаниях о доме и прошлом, рассуждениях о жизни и смерти, войне и мире. Соответственно, различаются контексты обращения к прошлому, настоящему и будущему. «Настоящее» как источник рефлексивного переживания описывается дихотомично: как время, сжавшееся до точки, или как время, растянувшееся до бесконечности. «Прошлое» тоже описывается между двумя полюсами: как утраченное в момент начала войны (попадания на фронт) и одновременно как сохраняемое и оберегаемое воспоминание о доме и мирной жизни. «Будущее» в этих текстах прояв-

[30] Reddy 2001: 124-130; Rosenwein 2002: 842, 845; Плампер 2018: 111-115, 418-424.
[31] Цит. по: Плампер 2018: 439.
[32] Зорин 2016: 36.

ляется реже всего и чаще как «заплатка» в разрыве между прошлым и настоящим, как возвращение того, что было утрачено с началом войны, а не проектирование грядущих перемен. Сокращение горизонта ожидания до следующей атаки, которая «разбомбит наши внутренности», выражаясь словами одного из британских «окопных поэтов» Айвора Гарни[33], являлось наиболее общим переживанием будущего на войне.

Попробуем разобраться с эмотивами, которыми авторы эго-документов выражают свое восприятие времени. Прежде всего стоит назвать переживание темпорального «разрыва» – разделение времени на «до» и «после». В воспоминаниях служившего в Красном Кресте Н.В. Буторова (1884–1970) именно первые дни на фронте эмоционально окрашены сильнее всего: «Мельчайшие подробности, самые ничтожные штрихи первых месяцев жизни в районе военных действий врезались в память с такою отчётливостью, что до сих пор случайные встречи, выражения лиц, пройденные места, оттенки освещения восстанавливаются с фотографической точностью» (записано в середине 1920-х гг.[34] В дневниковых текстах эта демаркационная линия имеет более личную окраску как расставание с семьей. К примеру, мобилизованный врач Ф.О. Краузе (1887–1873) в своих письмах невесте, озаглавленных им как «письма-дневники» и действительно очень детально и ежедневно воспроизводивших события и эмоции, первым делом маркирует прошлое и настоящее разлукой с адресатом текста: «Вот прошёл первый день без тебя» или «Господи, как хочется, чтобы ты была здесь со мной»[35]. В дневнике сестры милосердия Ю.В. Буторовой (1885–1946) адресатом таких эмоций выступает мать: «Мама́ – единственный крючочек в жизни»[36].

Воспоминания о проведенных вместе днях, даже о событиях совсем недавнего довоенного прошлого (например, о совместной поездке в Финляндию прямо накануне войны) Краузе описывает словами «сказка», «сон», подчеркивая при этом и дистанцию восприятия – «давно, давно»[37]. И если в дневнике врача «сказка» – это метафора чего-то ненастоящего, призрачного, далекого и прекрасного, то в высказываниях солдат – ненормативного, потустороннего и жуткого. Если верить воспоминаниям С. Федорченко, крестьяне, воспринимали как сказку именно войну, а не довоенное время, маркируя сказочное на войне следующим образом: это «и разбойники-то, и сироты замученные, и воскресших сколько, и мертвые стоят – чего только нету. Чистая сказка, да только больно уж страшная»[38]. Впрочем, в перечислении «сюжетов» здесь заметно влияние скорее песенного фольклора, чем сказочного.

Меняется и ощущение ритма времени: он описывается как прерывистый, скачкообразный, принципиально иной, чем в мирной жизни.

[33] Цит. по: Beaupré 2021: 257.
[34] Буторов 2009.
[35] Краузе 2013: 7, 12.
[36] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 37 об.
[37] Краузе 2013: 12.
[38] Цит. по: Аксенов 2020: 313.

Именно так описывает течение времени генерал А.Е. Снесарев (1965–1937), проезжая в феврале 1917 г. мимо разоренных мест, хорошо ему знакомых по прежним позициям: «Все прошлое промелькнуло мимо, коротким ожогом, как выпуклое, хотя прошло уже более полгода; немного для мирного времени, но для военного – целая пропасть времени»[39]. Эта интенсивность течения времени, ощущение его скорости, отличавшейся от размеренного биологического ритма смены дня и ночи, описывается комбатантами как характерная черта войны.

Важным оказывался также суточный ритм. Интенсивность темпоральных переживаний, судя по дневникам, усиливалась вечером – в минуты отдыха и одиночества, когда ослабевала социальная коммуникация и заканчивалась работа. Именно в это время вспоминалось утраченное единство с семьей и близкими, описываемое словами «одиночество» и «тоска». Сестра милосердия Ю.В. Буторова пишет, что чувство одиночества и оторванности от дома обостряется как раз в ситуации «пауз» фронтовой жизни: «в минуты отдыха, в минуты, когда наступает конец работы и мы возвращаемся одни, чувство полного своего одиночества так едко и глубоко западает в душу»[40]. Генерал А.Е. Снесарев в длинном пассаже, посвященном красотам Карпат и описанию прогулки с любованием на реку Прут и водопад, записывает в дневнике: «Вечером в сумерки хожу и мечтаю… где моя женка, и почему ее нет здесь?..»[41].

Эстетическое любование ландшафтом довольно часто соединяется в текстах с воспоминаниями о доме и близких, в чем нетрудно заметить влияние романтической литературы XIX в., служившей авторам эмоциональным шаблоном. Можно согласиться с А.С. Лихачевой, которая видит в эстетизации военного ландшафта в эго-документах «конструирование идиллического характера воображаемо родной местности»[42], однако нам важно подчеркнуть темпоральную окраску этих переживаний: они маркируют временной разрыв между фронтом и домом. Переживание темпорального сдвига во время привалов на переходе или прогулок по лесу зафиксировала, к примеру, сестра милосердия Ф. Фармборо (1887–1978) в опубликованных воспоминаниях, написанных по материалам фронтового дневника, который она, вероятно, дополнила эмоционально окрашенными и литературно отполированными комментариями: «Мы пили чай, слышался искренний смех. Не верилось, что идет война. Ничего не напоминало о ней сейчас, это был просто весёлый пикник на свежем воздухе»[43]. Несомненно, такой темпоральный сдвиг обладал терапевтическим эффектом, помогал принять «настоящее».

В момент сильного эмоционального переживания описание настоящего как «тоски» и «одиночества» в текстах усиливается. К примеру, в переполненных эмотивами «письмах» к оставившему ее возлюбленному

[39] Снесарев 2014: 328.
[40] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
[41] Снесарев 2014: 90.
[42] Человек против окружающей среды… 2024: 207; см. также: Лихачева 2024: 17.
[43] Фармборо 2014: 120.

(они представляют собой отдельную тетрадь дневника и не были отправлены адресату), Буторова часто обращается к прошлому, ко времени, проведенному вместе, которое она описывает как «полное счастье», «радость будущего» и «прелесть настоящего», и противопоставляет этому нынешнее свое состояние, называя его «горем» и «болью»[44]. Эмоционализация описания времени оказывается в данном случае частью более сильного чувственного опыта – романтического переживания, которое по литературной традиции XIX в. кодируется образами утраченного счастья в прошлом. При этом интенсивность этих переживаний в форме эпистолярного дневника настолько сильна и отличается от всех остальных доступных нам текстов, как женских, так и мужских, что заставляет видеть в них ту самую практику «обучения» эмоциям через их выражение, о которой пишет М. Шеер[45]. Чем больше, многословнее и детальнее Буторова выражает в тексте свои эмоции по поводу расставания с возлюбленным, тем больше она повышает градус их влияния, приведший за несколько месяцев не только к увлечению морфием, но и к тяжелой болезни, чуть не закончившейся трагедией.

Одно из наиболее сильных темпоральных переживаний в дневниках – беспокойство о безопасности родных при наблюдении сцен разорения усадеб, напоминавших о доме. Этот сдвиг в ощущении времени, прорыв «прошлого» артикулируется весьма эмоционально. Ю.В. Буторова записала: «Невольно глядя на это разорение, вспомнилось наше Вязовое. Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, кот[орые] для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни»[46]. Подобные сцены с активацией памяти нередки и в мужских дневниках – заведующего транспортом И.С. Ильина (1885–1981) или корпусного врача В.П. Кравкова (1859-1920), исключительно интересных насыщенностью эмоционально окрашенных высказываний. «Увидел какую-то книжку на полу, поднял, оказывается, французский роман. Я взял его в руку и, не глядя, задумался. Вспомнились Селищи, семь лет, проведенные там», – пишет Ильин[47]. Особенно эмоционально это переживание выразил Кравков, текст которого в целом весьма рационализированный и ироничный: «Не могу, положительно, удержаться от слез при виде окружающей картины разрушения и расхищения; в шкафу сегодня нашел брошенные детские игрушки, ученические тетрадки, семейные фотографич[еские] карточки; жили, очевидно, здесь люди мирно, тихо, растили своих деток – и вот, все перековырнулось. Так грустно, так грустно, что, право, можно сойти с ума»[48].

Особняком в этом смысле стоят мемуары с их «отложенным» во времени эмоциональным переживанием. Сестра милосердия Т.А. Вар-

[44] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; 10 об.; 40 об.; 42 и др.
[45] Плампер 2018: 436-439.
[46] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.
[47] Ильин: 2016: 82.
[48] Кравков 2014: 85.

нек (1894–1990), самая юная из рассматриваемых авторов, записавшая свои мемуары гораздо позднее, в 1970-х гг., уже не вспоминает об этих эмоциональных параллелях разоренного имения со своим домом, но оставляет яркую картину разрушения собственного родового гнезда «большевиками»[49]. Столь же эмоционально и детализировано Варнек передала только встречу с императором Николаем II во Львове в апреле 1915 г., вкладывая в ее описание и свои политические убеждения, монархические взгляды, и ретроспективное переживание гибели царя[50].

Чаще всего темпоральные переживания в эго-документах кодируются на языке романтизированных описаний природы, литературных текстов и религиозных ритуалов. И если в образах ландшафта художественная литература оказывается эмоциональным шаблоном априори, независимо от авторской воли, то в прямых и часто поэтических цитатах она отражает конкретные намерения адресантов. Таким образом, источниками эмоциональных шаблонов для авторов рассматриваемых эго-документов являлись литература и религиозные ритуалы.

Например, «тоска по родине» и «усиленная потребность в домашнем уюте» в дневнике В.П. Кравкова связана с переживанием осенней меланхолии и описанием «преотвратительной дождливой погоды» [51]. И эта связь между ностальгическим переживанием и состоянием природы встречается довольно часто: «Выпал снег, тоскливо потянуло на родину из этого омута вандализма, душа так и рвется в мир красоты, света, взаимной любви»[52]. При этом спусковым механизмом для ностальгии могли быть также звуки или ароматы, как в воспоминаниях Ф. Фармборо: «Повсеместно цвели ландыши, и их нежный аромат вызывал ностальгические воспоминания о моем саду в далеком Бэкингемшире»[53].

Еще отчетливее литературные и религиозные матрицы проявлялись в цитатах, которые содержатся в дневниках. В.П. Кравков, описывая «грусть», которую он испытывал накануне Рождества из-за того, что находился «вдали от родины, разлученный с своими близкими», цитирует А.С. Пушкина: «Сердце в будущем живет – настоящее уныло...»[54]. Пушкинскими же строками И.С. Ильин пишет о «молчаливых деревьях» как свидетелях его печальных воспоминаний о юности, правда уже после революции 1917 г.[55]

Религиозные переживания оказываются триггером воспоминаний о прошлом и передаются не только через увиденное, но и через услышанное. Для Ю.В. Буторовой эмоциональным зарядом стало пение полкового священника, которое так ее впечатлило, что она тут же «мысленно унеслась домой, и как-то вся жизнь этого года прошла перед <…> гла-

[49] Варнек 2014: 77.
[50] Варнек 2014: 28.
[51] Кравков 2014: 47.
[52] Кравков 2014: 85.
[53] Фармборо 2014: 46.
[54] Кравков: 106.
[55] Ильин 2016: 295.

зами»[56]. В дневнике В.П. Кравкова таким триггером оказывается колокольный звон, пробуждающий «всегда радостные воспоминания детства, родины и думы о тщете всего земного»[57].

***

Выводы, к которым мы пришли, изучая эмоциональный диапазон темпоральных переживаний участников войны по эго-документам, позволяют говорить о том, что война создавала разрыв между прошлым и будущим, который переживался комбатантами драматически. Стремление преодолеть этот разрыв, т.е. вернуть целостность течению времени, восстановить связь между прошлым и будущим – базовый элемент эмоционального переживания времени на войне. Это длящееся «настоящее», без начала и конца, с заданными войной новыми временными ритмами, которые отмерялись однообразно сменяющими друг друга днями и ночами в случае позиционной войны или специфическими фронтовыми действиями в случае маневренной, как видно из их автодокументальных текстов, – то, что вызывало у комбатантов особенно острое чувство тоски и безысходности. В то же время интенсивность переживания «настоящего», как единственной и последней экзистенциальной ценности, усиливалась непосредственно в боевом ландшафте – на линии огня или во время боев – и ослабевала при перемещении в более безопасное место, особенно во время отпуска домой.

«Одержимость прошлым» (в терминологии А. Ассман), стала одним из самых заметных сдвигов в восприятии времени в годы войны, как у тех, кто находился непосредственно на линии фронта, так и у тех, кто служил на некотором отдалении от нее. «Обостренный историзм» периода войн и революций, можно считать одним источников автобиографического письма на войне, «субъективный импульс» – другим. «Обретение себя», конструирование идентичности в форме автобиографического письма, занимает важное место во фронтовых дневниках: дневник позволяет автору «пересобрать» себя, заново сконструировать ценность своей личности, своей жизни в условиях лиминальной ее фазы – постоянной угрозы для физического существования, которая ощущается любым комбатантом.

Эмоциональный отклик обусловливался, как можно видеть в текстах, не гендером на войне, а диапазоном эмоциональных реакций, который сформировался до войны: чтение, семейное воспитание, социальное окружение. Эмоционализация темпоральных переживаний связана с описанием в эго-документах определенных ситуаций: воспоминаний (о прошлом в целом, о семье и доме), религиозного опыта, сезонной или любовной меланхолии, наблюдения ритуалов смерти. Вслед за Дж. Уинтером, можно рассматривать выражение горя и скорби в эго-документах участников войны как терапевтическую практику, помогавшую участникам войны оставить в прошлом пережитый опыт.

[56] СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.
[57] Кравков 2014: 64, 366.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 63 (Дневник Ю.В. Буторовой). Оп. 1. Д. 2–5. [Syzranskii filial Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Samarskoi oblasti (SF TsGASO) (Syzran branch of the Central State Archive of the Samara Region (SF TsGASO). F. 63 (Dnevnik Yu.V. Butorovoi) (The Diary of Yu.V. Butorova). Op. 1. D. 2–5].

Буторов Н.В. Прожитое. 1905–1920. М.: Викмо–М, 2009. 144 с. [Butorov N.V. Prozhitoe (Lived). 1905–1920. Moscow: Vikmo–M, 2009. 144 p.].

Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия // Доброволицы: сб. воспоминаний. М.: Русский путь, 2014. С. 7–172. [Varnek T. Vospominaniya sestry miloserdiya (Memories of a Sister of Mercy) // Dobrovolitsy: sb.k vospominanii. Moscow: Russkii put', 2014. P. 7–172.].

Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подгот. В.П. Жобер. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с. [Il'in I.S. Skitaniya russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina (Wanderings of a Russian officer: the Diary of Joseph Ilyin). 1914–1920 / ed. by V. Jobert. Moscow: Knizhnitsa: Russkii put', 2016. 480 p.].

Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача (1914–1917 гг.). М.: Вече, 2014. 414 с. [Kravkov V.P. Velikaya voina bez retushi: zapiski korpusnogo vracha (The Great War without Retouching: Notes of a Corps Doctor) (1914–1917). Moscow: Veche, 2014. 414 p.].

Краузе Ф. Письма с Первой мировой. СПб.: Нестор-История, 2013. 332 с. [Krauze F. Pis'ma s Pervoi mirovoi (Letters from the First World War). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. 332 p.].

Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М.: Кучково поле, 2014. 672 с. [Snesarev A.E. Dnevnik (The Diary): 1916–1917. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. 672 p.].

Фармборо Ф. Первая мировая война. Дневники с фронта / пер. В.В. Кузнецова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 397 с. [Farmborough F. Pervaya mirovaya voina. Dnevniki s fronta (World War I. The Diaries from the Front) / transl. by V.V. Kuznetsov. Moscow: OLMA Media Grupp, 2014. 397 p.].

XX век: Письма войны / отв. ред. С. Ушакин, А. Голубев. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с. [XX vek: Pis'ma voiny (Twentieth Century: Letters of War) / ed. by S. Oushakine, A. Golubev. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. 840 p.].

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с. [Aksenov V.B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (Rumours, Images, Emotions. Mass Moods of Russians in in World War I and the Revolution) (1914–1918). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020. 992 p.].

Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с. [Astashov A.B. Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost' (Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity). Moscow: Novyi Khronograf, 2014. 740 p.].

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / ответ. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67. [Belova A.V. Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskii i metodologicheskii aspekty (Women's Everyday Life as a Subject of the History of Everyday Life: Historiographical and Methodological Aspects) // Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii: sb. st. / ed. by N.L. Pushkareva. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. P. 25–67.].

Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Мн.: ЕГУ, 2002. 416 с. [Gendernye istorii Vostochnoi Evropy (Gender Histories of Eastern Europe) /ed. by E. Gapova, A. Usmanova, A. Peto. Mn.: EGU, 2002. 416 p.].

Демидова О.Р. Жизнь как «История изнутри» // «Претерпевший до конца спасён будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / сост. О.Р. Демидова. СПб.: Изд. Европейского ун-та в СПб, 2013. С. 5–15. [Demidova O.R. Zhizn' kak «Istoriya iznutri» (Life as ‘The Inside Story’) // «Preterpevshii do kontsa spasen budet»: zhenskie ispovedal'nye teksty o revolyutsii i grazhdanskoi voine v Rossii / ed. by O.R. Demidova. Saint Petersburg: The European University at Saint Petersburg Publ., 2013. P. 5–15.].

Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX в. История и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2003. 280 с. [Egorov O.G. Russkii literaturnyi dnevnik XIX v. Istoriya i teoriya

zhanra (Russian Literary Diary of the XIX Century. History and theory of the genre). Moscow: Flinta; Nauka, 2003. 280 p.].

Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с. [Zorin A.L. Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX v. (The Appearance of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Centuries.) Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. 568 p.].

Лихачева А.С. Военизированные ландшафты Галиции в нарративах российских участников Первой мировой войны (1914-1917). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2024. 24 с. [Likhacheva A.S. Voenizirovannye landshafty Galitsii v narrativakh rossiiskikh uchastnikov Pervoi mirovoi voiny (Militarised Landscapes of Galicia in the Narratives of Russian Participants of the First World War) (1914-1917). Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2024. 24 p.].

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 102–109. [Lotman Yu.M. Neskol'ko myslei o tipologii kul'tur (Some Thoughts on the Typology of Cultures) // Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i v 3-kh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin: «Aleksandra», 1992. P. 102–109.].

Николаи Ф.В. Темпоральные режимы после 1700 года и (не)прошедшее будущее в концепции Г. Янсена // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 419–424. [Nikolai F.V. Temporal'nye rezhimy posle 1700 goda i (ne)proshedshee budushchee v kontseptsii G. Yansena (Regimes of Temporality after 1700 and Futures Past in Historical Theory of Harry Jansen) // Dialog so vremenem. 2022. Vyp. 80. P. 419–424.].

Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с. [Paperno I. Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniya (The Soviet Era in Memoirs, Diaries, Dreams. Reading Experience). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2021. 320 p.].

Плампер Я. История эмоций / пер. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с. [Plamper J. Istoriya emotsii (A History of Emotions) / transl. by K. Levinson. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 568 p.].

Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69. [Pushkareva N.L. U istokov zhenskoi avtobiografii v Rossii (At the Origins of Women's Autobiography in Russia) // Filologicheskie nauki. 2000. № 3. P. 62-69.].

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки / под ред. С.Г. Струмилина. М.: Гос. статист. изд-во, 1956. 352 с. [Rashin A.G. Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki (Population of Russia for 100 years (1811-1913). Statistical sketches) / ed. by S.G. Strumilin. Moscow: Gos. statist. izd-vo, 1956. 352 p.].

Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 48-58. [Repina L.P. Effekty «nepostizhimogo uskoreniya», ili Fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniya (Effects of “Incomprehensible Acceleration”, or Phenomenon of Presentism in the History of Historical Consciousness) // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 65. P. 48-58.].

Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с. [Savkina I. Puti, pereput'ya i tupiki russkoi zhenskoi literatury (Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Female Literature). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2023. 472 p.].

Уинтер Дж. Места памяти, места скорби. Первая мировая война в культурной истории Европы / пер. А. Глебовской, науч. ред. Б.И. Колоницкий. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. 392 с. [Winter J. Mesta pamyati, mesta skorbi. Pervaya mirovaya voina v kul'turnoi istorii Evropy (Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European Cultural History) / transl. by A. Glebovskaya, ed. by B.I. Kolonitskii. Saint Petersburg: The European University at Saint Petersburg Publ., 2023. 392 p.].

Фассел П. Великая война и современная память / пер. А. Глебовской. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 470 с. [Fussell P. Velikaya voina i sovremennaya pamyat' (The Great War and Modern Memory) / transl. by A. Glebovskaya. Saint Petersburg: The European University at Saint Petersburg Publ., 2015. 470 p.].

Человек против окружающей среды: Ландшафты Великой войны в Восточной Европе: коллективная монография / Я.А. Голубинов, Ю.А. Жердева, А.С. Лихачева, О.С. Нагорная (рук-ль автор. кол-ва). СПб.: Изд-во Европейского ун-та Санкт-Петербурге, 2024. 396 с. [Chelovek protiv okruzhayushchei sredy: Landshafty Velikoi voiny v Vos-

tochnoi Evrope (Human versus Environment: Landscapes of the Great War in Eastern Europe): kollektivnaya monografiya / Ya.A. Golubinov, Yu.A. Zherdeva, A.S. Likhacheva, O.S. Nagornaya (ruk-l' avtor. kol-va). Saint Petersburg: The European University at Saint Petersburg Publ., 2024. 396 p.].

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с. [Ego-dokumenty: Rossiya pervoi poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh (Ego-documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Cross-source Dialogues): [kollektivnaya monografiya] /ed. by M.A. Litovskaya, N.V. Surzhikova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021. 408 p.].

Beaupré N. En Temps de Guerre. 1914–1918. Paris: PUF, 2023. 380 p.

Beaupré N. «Time and the Soldier»: Experiences of Time in the Great War // Time on a Human Scale: Experiencing the Present in Europe, 1860-1930 / ed. by. J. Wright & A. Fryxell. L.: British Academy, 2021. P. 257-276.

Buckley J.H. The Turning Key: Autobiography and the Subjective Impulse since 1800. Cambridge, 1984. 191 p.

Lejeune P. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 357 p.

Power and Time. Temporalities in Conflict and the Making of History / ed. by D. Edelstein, S. Geroulanos & N. Wheatley. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 427 p.

Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Famework for the History of Emotions. Cambridge, U.K.; N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

Rosenwein B.H. Generation of Feelings. A History of Emotions, 600-1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 368 p.

Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 3. P. 821–845.

Wright J. Time, Power and War: The Politics of Modern Experience // Histoire Politique [Online]. 2023. № 51. URL: http://journals.openedition.org/histoirepolitique/15515 (дата обращения: 20.11.2024).

***Жердева Юлия Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, zherdeva.yua@ssau.ru*

Emotional Markers of Temporal Experiences in Ego-Documents of the First World War

The article attempts to approach the study of the emotional experience of the First World War combatants on the Russian Front from the position of the concepts of emotional community (B. Rosenwein) and temporal regimes (F. Hartog). The author argues that the First World War 1914-1918 led to a temporal shift in the perception of time, first at the front and then, across the permeable front and rear boundaries, within the civil societies. That temporal shift was characterized by a displacement of the progressivist outlook characteristic of modernity, shattered the vision of the future for those who found themselves directly inside the war landscape with its constant vitality threats, and replaced the projection of the future with the experience of an immanent present and an anticipated past. The participants in the war ceased to perceive time as a continuous flow, fearfully experienced its discreteness, its fragmentation into intervals between attacks and lulls, and sought emotional refuge in memories of the past, which became for them at the same time an anticipated future. Such a complex picture of temporal experiences, demonstrated by the ego-documents of the war participants, suggests that the First World War was the first 'time rift' in the 20th century, which actualized presentism and passeism simultaneously, and points to the pluritemporalities of the Great War.

***Keywords:** World War I, Russian Front, emotional community, temporal turn, time, ego-documents, pluritemporalities.*

***Zherdeva Yulia Aleksandrovna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, International Relations and Documentation Science, Samara National Research University, member of the Russian Society for Intellectual History, zherdeva.yua@ssau.ru.*

И.В. Нарский, Н.В. Нарская

«БЕРЕЗЫ В КАДКАХ»: МАРКЕР РОССИЙСКО-СОВЕТСКОЙ (ЭМИГРАНТСКОЙ) НОСТАЛЬГИИ

Статья посвящена ностальгии по Родине, воплотившейся в советско-российской тоске по родным березам. Чем объяснить актуальность любви к родине-березе в поздней РСФСР? В чем она проявлялась, как конструировалась? Чтобы ответить на эти вопросы, в тексте поочередно очерчиваются исторический контекст и типологии ностальгии, а также различные ее ипостаси в позднесоветское время – от тоски по родине в советском кино о разведчиках и других советских героях вдали от Родины до выражений любви к березам в эмигрантском ресторанном шансоне. Авторы приходят к выводу, что ностальгия по русским березкам была частью советского дискурса о березах. В ней сочетались романтика службы Родине вдали от нее и советское конструирование «западного взгляда». Эмигрантская тоска по Родине питалась из российской культуры различных пластов, связанных с разными волнами эмиграции. Образ березки как символ далекой Родины поддерживал идею о вечной и неизбежной тоске по дому как особенности русского «национального характера» и советского патриотизма, что, в свою очередь, служило подтверждением русскому происхождению березы и укрепляло культ «русского дерева».
Ключевые слова: *ностальгия, СССР, патриотизм, береза, эмиграция.*

В книге о советских 1960-х П.Л. Вайль и А.А. Генис* немало места посвятили повороту этносов советского общества к заботе о национальных идентичностях. Основные причины этого явления авторы увидели в разочаровании в цели, которая должна была обеспечивать единство «советского народа» – в построении коммунизма, и в проникновении в оттепельный Советский Союз непривычных артефактов западной культуры[1]. Эти процессы совпали – такова главная гипотеза исследования[2], часть которого представлена в данной статье – с интенсивным становлением и распространением «русской березки» как национального символа России. В 1950–1980-е гг. дискурсы, участвовавшие в наделении березы символическим национальным смыслом в советско-российском обществе, заполонили массовую культуру. Их важным смысловым компонентом была ностальгия по любимой Родине.

Чем объяснить актуальность любви к родине-березе в поздней РСФСР? В чем она проявлялась? Как конструировалась? Чтобы ответить на эти вопросы, мы вначале коснемся вопроса о сути, историческом контексте и типологии ностальгии. Затем речь пойдет о различных ее ипостасях: о тоске по родине в советском кино о разведчиках и других советских героях вдали от Родины, о конструировании эмигрантской тоски, ее внесоветских корнях, ее инструментализации в рамках советского патриотизма и эмигрантском шансоне.

* Включен Минюстом РФ в Реестр иностранных агентов.

[1] Вайль, Генис 1998: 232–237.

[2] Нарский, Нарская 2025.

Ностальгия ностальгии рознь: немного теории

«Ностальгия – это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство»[3]. Так С.Ю. Бойм определила суть культурного феномена, с XIX в. периодически накрывающего те общества, которые прощались с традиционными, домодерными, аграрными порядками и двигались по пути модерного, индустриального, городского развития. Ностальгия лежит в основе таких относительно молодых конструктов как нация и места памяти. Она усиливается в кризисных ситуациях и образует эмоциональный фон политизации или эскапизма. Ностальгия может использовать одни и те же элементы прошлого для принципиально разных интеллектуальных процедур прославляющего или критического свойства с совершенно разными результатами – сотворением мифов или их разоблачением.

Другими словами, ностальгия ностальгии рознь. По мнению Бойм, один тип ностальгии нацелен на восстановление или возобновление «мифического коллективного дома». «Ностальгия этого типа утопична и тотальна, связана с символическим / метафорическим и внеисторичной „перестройкой действительности“». В основе другого типа ностальгии – «переживание невозможности тотальной реконструкции прошлого»[4] представителями социальных групп, оказавшихся на социальной обочине и осознающих невозможность возвращения в прошедший «золотой век». Волны ностальгии первого типа в XIX в. породили национализм, изобретение псевдонациональных архитектурных стилей, «исконной», «подлинной» национальной одежды. В дореволюционной России этот тип ностальгии пришелся на последние десятилетия существования империи и породил моду на коллекционирование древнерусской (московской) старины, пряничную псевдорусскую архитектуру и открытие матрешки и самовара как «подлинно русских» артефактов[5].

В XX в. ностальгия широко распространилась в 60–70-е гг. Причины коренились в чувстве усталости от потерь в ходе «эпохи катастроф» (Э. Хобсбаум) 1914–1945 гг. Горечь невосполнимых утрат была типична для населения послевоенного СССР вопреки оптимистическим прогнозам и барабанной дроби официальных отчетов. Ностальгия первого типа в позднесоветском обществе выливалась в гордость за славное прошлое, в т.ч. с помощью изобретенных пространств памятных мест. Масштабными проектами 1960–1970-х гг. были музеи деревянного зодчества под открытым небом, Золотое кольцо древнерусских городов в Центральной России, звериный стиль Пермской области и другие переоткрытия древней национальной родословной[6].

---

[3] Бойм 1999.

[4] Там же.

[5] О развитии национализма в поздней Российской империи см.: Каппелер 2000; Миллер 2006; Вишленкова 2011.

[6] См.: Оборин, Чагин 1988; Голубев 2022, 120–167; Болтунова, Егорова 2022. Мы признательны Е.М. Болтуновой, Г.С. Егоровой, М.В. Ромашовой за информацию об изобретении прошлого и мест памяти в СССР 1960-х гг.

Массовая повседневная ностальгия второго типа, замешанная на понимании необратимых потерь, распространилась среди российских горожан в первом-втором поколениях, утративших малую сельскую родину в круговерти экспериментов, разоривших деревню. Их представителями чувствовали себя писатели-«деревенщики»[7]. Анализируя экранизации произведений авторов деревенской прозы, составлявшие до четверти всех фильмов на сельскую тему, Л.Н. Мазур задается вопросом о природе фильмов о возвращении героя из города в деревню и не находит однозначного ответа: «Скорее всего, в этом сюжете[8] слились воедино и идеологический заказ, и внутренние сомнения „новых“ горожан, придав кинематографическим текстам достоверность и мифологичность»[9].

Рефлексивную тоску по утраченному родному дому нетрудно перевести в модус тотальной ностальгии, пытающейся превратить прошлое в «вечно живое пространство настоящего»[10], которое необходимо – и якобы возможно – вернуть. Динамику творчества некоторых авторов деревенской прозы можно описать как смену настроений от ностальгии второго типа к первому. Не только писатели-«деревенщики», но и многие советские поэты фронтового поколения, рефлексировали по поводу собственной ностальгии о крестьянском прошлом и репрезентировали ее. Один из них, Н.Е. Палькин, так артикулировал свою ностальгию по малой родине: «Вы знаете, что за болезнь тоска по Родине? Не по той родине, когда она за тридевять земель, а ты на чужбине, а по этой, так называемой малой родине, которая в двух шагах… рядом, и тем не менее ты о ней не можешь не тосковать»[11].

Наряду с ностальгией по прошлому, связанной с проблемами перемещения по временной шкале, в массовой культуре позднесоветского общества культивировалась тоска по родине, о которой упомянул Палькин – тоска по лежащей «за тридевять земель» стране, отделенной не временем, а труднопреодолимым пространством.

Шпионские страсти

В советском международном аэропорту царит возбуждение. Толпа встречающих с цветами и журналистов с фото- и кинокамерами наготове спешит к трапу только что приземлившегося лайнера. В динамиках звучит бравурная маршевая музыка. По трапу спускается группа мужчин, одетые в одинаковые плащи, костюмы и белые рубашки с галстуками. Их обнимают и целуют родные и близкие. Последним на опустевшем трапе появляется одетый в таком же стиле, никем не замеченный мужчина. Это Константин Ладейников в исполнении Д.Ю. Баниониса, советский разведчик, главный герой художественного фильма «Мертвый сезон» (1968). В первом советском фильме о разведке в годы холодной войны Ладейников разоблачает нацистского военного пре-

[7] См.: Партэ 2004; Разувалова 2015.
[8] О возвращении в деревню горожанина в первом поколении.
[9] Мазур 2014: 16–17.
[10] Бойм 1999.
[11] Маштакова 2017.

ступника, со времен Второй мировой войны разрабатывавшего новое химическое оружие, а теперь готового передать его для массового производства в ФРГ. Как сообщалось в анонсе, фильм основан на реальных событиях, материал для сценария предоставил КГБ.

Ладейников возвращается в СССР после трех лет тюрьмы и тщетных уговоров начать работу на спецслужбу одной из западных стран. На аэродроме он пробирается сквозь толпу возбужденных встречающих, в то время как в громкоговорителе раздается торжественный голос диктора: «Мы приветствуем наших героев, отстоявших в трудных условиях спортивную честь нашей страны!» Близ выхода с аэродрома его у черной служебной «Чайки» приветствует группа коллег. В следующем кадре «Чайка» едет по шоссе через живописную березовую рощу, словно бы сошедшую с картины И.И. Левитана. Затем зритель видит Ладейникова среди коллег в салоне автомобиля. Он односложно отвечает на вопросы товарищей по работе, что-то коротко комментирует, скромно улыбается. А за окном мелькают белые стволы берез[12].

Ностальгия рождалась не только исчезновением малой (деревенской) родины, но и недоступностью большой. Ее могли испытывать советские люди ограниченного круга профессий, работавшие за границей. И наиболее почитаемым трудом за рубежом была служба разведчика. Почти одновременно с двухсерийным детективом «Мертвый сезон» на экран вышли еще два сериала о советских разведчиках. Первый из них, четырехсерийный «Щит и меч» (1967), рассказывает о советском разведчике в нацистской Германии. Герой второго фильма, двухсерийного психологического детектива «Ошибка резидента» (1968) – сын эмигранта, профессиональный разведчик Михаил Тульев (актер Г.С. Жжёнов), перевербованный службой контрразведки КГБ в первой половине 1960-х гг.

Тремя годами позже зрители увидели остросюжетный фильм «Мировой парень» (1971). В нем инженер Минского автозавода Виктор Логинов (в этой роли снялся Н.В. Олялин) в одной из арабских стран с честью выдерживает испытание коварными интригами капиталистических конкурентов и полными риска автогонками по опасным горным дорогам. Примечательно, что во всех трех фильмах звучат песни, в которых тоска по родине репрезентируется с отсылкой к березовой теме.

Поиски песни для фильма «Щит и меч» были мучительными. В конце концов, Басов нашел то, что искал – идущую от сердца, искреннюю песню о тоске по далекому дому в сборнике стихов М.Л. Матусовского. Нужную, проникновенную интонацию песне придал легендарный певец Марк Бернес. В результате в четырех сериях фильма «Щит и меч» песня «С чего начинается Родина?» звучит пять раз. В 1968 г., когда картина стала лидером проката, ее услышало почти семьдесят миллионов кинозрителей. Песня полюбилась и сохраняет популярность по сей день. В ней есть строки, отсылающие к русской народной песне «Во поле березка

[12] «Мертвый сезон» 1968 // Кинопоиск, https://yandex.ru/video/preview/4315879999585332591, 2:06:53 – 2:10:05.

стояла»: «С чего начинается Родина? / С заветной скамьи у ворот, / С той самой березки, что во поле, / Под ветром склоняясь, растет»[13].

Фильм «Щит и меч» был снят в 1967 г., но показан зрителям в августе–сентябре 1968. Премьера была приурочена в 50-летию Службы внешней разведки КГБ СССР. И в этом фильме звучит песня, ставшая невероятно популярной в позднем СССР. Она начинается словами: «Я в весеннем лесу пил березовый сок, / С ненаглядной певуньей в стогу ночевал... / Что имел – потерял, что любил – не сберег, / Был я смел и удачлив, а счастья не знал»[14]. Песня была написана Е.Д. Аграновичем на заказ для другого фильма в 1954 г., но не одобрена заказчиком. Сразу после выхода «Ошибки резидента» в прокат через четверть века после исходной задумки Аграновича написать песню о «перемещенных лицах», вернувшихся из немецкого плена или мытарств по всему свету после бегства из него, ее запела вся страна, приписав, правда, ее авторство другому лицу.

Фильм «Мировой парень» роднит с предыдущими наличие песни, выражающей тоску по Родине главного героя. По содержанию она могла бы подойти разведчику или пограничнику, несущему службу вдали от родного дома: «Священную память храня обо всем, / Мы помним холмы и проселки родные. / Мы трудную службу сегодня несем / Вдали от России, вдали от России. / Где эти туманы родной стороны / И ветки берез, что над заводью гнутся? / Туда мы с тобой непременно должны, / Однажды вернуться, однажды вернуться»[15].

Песню «Березовый сок» фронтовиков Баснера и Матусовского, по замыслу авторов, должен был петь Бернес. В связи с его смертью для фильма ее исполнил популярный в те годы белорусский ансамбль «Песняры». В следующем году песня стала хитом фестиваля «Песня 1972».

Забегая вперед, отметим: песню в качестве эмигрантской исполнял певец и музыкант М.А. Гулько. В текст он внес небольшое исправление, заменив во фразе «Мы трудную службу сегодня несем / Вдали от России» «службу» на «долю» и «ношу». И правильно сделал. Иначе у него могли бы возникнуть проблемы с ФБР США.

Эмигрантская ностальгия по-советски

– Велел перенести сюда, настроил на Москву и не выключаю круглые сутки. У меня дочь и внук в Париже. Что с ними – не знаю… Теперь только появилась надежда… что будут спасены.

– Кто бы мог подумать, что спасение придет оттуда? Сергей Васильевич, а ведь я ехал специально, чтобы поздравить Вас.

– Не с чем. Всеми забыт, никому не нужен. Старик Стейнвей вспомнил. Прислал в подарок новый рояль… Белый… Господь бог всегда посылает штаны тому, у кого уже нет зада.

– Что бы там ни было, мы остаемся сыновьями России. Пусть непутевыми, но сыновьями.

– Посадил под окном березку – засохла[16].

[13] Матусовский 1968: 21.
[14] Агранович 1954.
[15] Матусовский 1971.
[16] «Поэма о крыльях» 1978, https://www.youtube.com/watch?v=zZ5EYbY5wno.2:11:50 – 2:15:44.

Этот разговор происходит в советском художественном фильме «Поэма о крыльях» (1979) между умирающим в эмиграции композитором С.В. Рахманиновым, роль которого исполняет Олег Ефремов, и авиаконструктором И.И. Сикорским в исполнении Юрия Яковлева. В действительности такой диалог состояться не мог: в фильме Сикорский приезжает поздравить прикованного болезнью к постели Рахманинова с юбилеем, и их встреча происходит при включенном радиоприемнике, по которому сначала сообщается о победе советских войск под Сталинградом, а затем из Большого зала Московской консерватории транслируется Второй концерт Рахманинова в честь его 70-летия. Но Сталинградская битва закончилась за два месяца до дня рождения композитора, а сам он до юбилея не дожил трех дней. Кроме того, Рахманинов, тоскуя по России, окружил себя русскими людьми и предметами и действительно посадил три березы, которые трудно приживались, доставляли хлопоты, но не засохли. Однако происходило это не в США, где умер Рахманинов, а в Швейцарии, где он на берегу Фирвальдштетского озера построил виллу «Сенар», и жил там с семьей в летние сезоны в 1930-е гг. Но в фильме возможно все. Зритель видит меж пальм высокую погибшую березу перед виллой в Беверли Хиллз, похожей на виллу «Сенар» в кантоне Люцерн, символизирующую (мнимое) бесплодие и гибель в изгнании великого русского композитора, которого помнит только великодушная Родина.

Дискурс об эмигрантской тоске по оставленной Родине был важной составляющей позднесоветской массовой культуры и российской идентичности. Он становился актуальным благодаря интенсификации контактов с Западом в ходе подготовки и проведения в Москве Международного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. и развитию советского зарубежного туризма с середины 1950-х гг. Предметом гордости советских граждан стали наметившиеся в те же годы успехи советской космической программы и превращение СССР в одну из ведущих спортивных держав. Изумление зарубежных современников очевидными успехами Советского Союза придало особую актуальность настройке советско-российской оптики восприятия себя через воображаемый «западный взгляд»[17]. Предполагалось, что иностранцы находятся в плену устаревших предрассудков об отсталости страны Советов и ее населения. Однако при встрече с реальными достижениями СССР и культурным уровнем ее жителей зарубежные граждане якобы должны были испытывать сильные эмоции от восторга до ненависти, от любви до страха – только не равнодушие. Такова была официальная версия того, как Запад в целом и каждый его представитель в отдельности воспринимает СССР и его граждан. Версия, которой многие советские граждане, никогда не бывавшие за рубежом и не общавшиеся с интуристами, были склонны верить.

Однако такое представление об эмоциональном режиме восприятия СССР Западом осложнялось обрывками информации о притягательной и одновременно пугающей заграничной жизни, которые достигали

[17] См.: Юрчак 2016: 311–403; Голубев 2018: 219–254.

советских людей, несмотря на железный занавес. Особенно в неловкой ситуации оказывались советские туристы за рубежом, обнаруживавшие, что, во-первых, советская пропаганда лжет о «загнивании Запада», а во-вторых – что матрица для поведения советского гражданина или советской гражданки содержит непримиримые противоречия: «Он или она должны были одновременно демонстрировать открытость и готовность к диалогу и в то же время тщательно фильтровать и оценивать свои впечатления, быть готовыми не поверить в успехи „капстран“ и на „буржуев смотреть свысока“, если вспомнить выражение Маяковского»[18]. Владимир Высоцкий в 1973 г. точно сформулировал императив советского отношения к зарубежному гостеприимству принимающей стороны: «От подарков их сурово отвернись: / Мол, у самих добра такого завались!»[19].

В ситуации, когда советскому человеку под воображаемым или реальным «взглядом иностранца» приходилось балансировать между чувствами гордости и стыда, между стратегиями интернациональной открытости и ксенофобского высокомерия, комплексами имперского величия и собственной неполноценности, воображенная советскими СМИ и отдельными гражданами эмигрантская ностальгия могла сыграть роль спасительного якоря. На фоне тоски одинокого отщепенца по Родине, возвращение на которую невозможно, статус советского гражданина, неразрывно связанного со своей страной и своим народом, живущего полнокровной жизнью под защитой могущественного государства, мог казаться и репрезентировался вовне как большая удача и даже счастье.

Это счастье должно было ощущаться тем интенсивнее, чем дальше от родного края находился советский русский и чем пронзительнее сам он испытывал тоску по отчему дому, якобы свойственную всем русским соотечественникам, временно или навсегда оказавшимся на чужбине. Поэтому советские работники за рубежом, туристы в капстраны, СМИ и деятели культуры охотно репрезентировали собственную или наблюдаемую ностальгию вдали от Родины. Не случайно в одном из первых программных произведений авторов деревенской прозы, романе Ф.А. Абрамова «Братья и сестры» (1958), возникает сюжет о русской тоске по березке: «Куда, на какую чужбину ни закинь судьба русского человека, хоть в самые теплые заморские края, где и зимы не бывает, а все холодно и неуютно на душе без тебя, береза…»[20].

Образ березки в качестве все более общепринятого в 1950–1980-е годы символа России оказался очень удобным. Подобно тому, как в стихах П.А. Вяземского и М.А. Волошина сердце лирического героя начинало быстрее биться при неожиданной встрече с березкой в Германии или Испании[21], советские поэты также с волнением описывали встречу с «русской красавицей» за пределами России. Д.И. Блынский в 1954 г.

[18] Кукулин 201: 217.
[19] Высоцкий 2018: 503.
[20] Абрамов 1982: 73.
[21] См.: Вяземский П.А. Береза 1982: 314; Волошин М. Березка 2008: 147.

был поражен, например, встречей с березкой в Швеции: «Ей стоять бы у нас над речушкою узкой, / В хороводе подруг на крутом берегу, / Потому что березы / Не нашей, / Не русской / Я представить никак не могу»[22].

«Над Канадой небо сине, / меж берез дожди косые. / Хоть похоже на Россию, / только все же не Россия»[23], – написал в апреле 1963 г. геофизик и один из патриархов советской авторской песни А.М. Городницкий, будучи в составе океанологической экспедиции на паруснике «Крузенштерн» у берегов Канады. Поводом для стихотворных строк стала встреча с березами на канадском берегу: «На заснеженном холмистом берегу стояли столь милые нашим стосковавшимся глазам березовые рощи, сменявшиеся сосняком. Пейзаж настолько напоминал родное Подмосковье, что у всех защемило сердце»[24]. Если в прозаической записи зрителей поразило сходство канадского пейзажа с подмосковным, то поэтические строки настаивают на исключительности российского неба, дождей и берез. В 1970 г. герой повести писателя-фронтовика и почвенника С.И. Шуртакова воспринимает березку в Крыму как «привет из милой нашему сердцу России»[25]. Тремя годами позже поэт и журналист В.П. Кузнецов в цикле стихов «Воспоминание об Америке» опубликовал стихотворение «Березы», в котором противопоставил беспочвенности современного искусства в зарубежной картинной галерее безыскусность берез, даже если они произрастают вдали от России: «Я был готов уже поверить / в кружки и линии всерьез, / когда в распахнутые двери / увидел белизну берез. / Стройны, высоки, безыскусны / и с родинками на коре, / как вызов новому искусству / они стояли во дворе. / Они стояли вертикально, / как в русском поле, на меже. / И мир опять обрел реальность, / и стало легче на душе...»[26]. В стихотворении известного поэта-песенника Н.К. Доризо 1974 г. герой не знает, как доказать русское происхождение березы норвежцу: «Вдруг в скалистых окрестностях Осло – березка! / Я ее россиянкой считал, / Потому что впервые в России / В раннем детстве ее увидал / А норвежец, запомнивший детство свое, / Скандинавкой считает ее. / Он с ней рос в этом домике у полустанка… / Как его убедить, / Что она россиянка?»[27]

В 1970-е гг. поэт Михаил Зайцев создал целую балладу, в которой сошлись все советские клише об эмигрантской березке: «О сколько о березах говорили! / А я хочу поведать об одной / Березе в Риме, да, березе в Риме, / О русской – с эмигрантскою судьбой. / Она стоит у самого фасада / Неонно-голубого кабаре. / И по ночам подпившие с досадой / Сигары гасят на ее коре. / Ей душно здесь! Ей хочется в Россию! / В деревню у Онежского, домой, / Где зимы – как полотна расписные / И где девчата пляшут под гармонь. / Ей не забыть, березке белоликой, / Когда проездом

[22] Блынский 1957: 56.
[23] Городницкий 1963.
[24] Городницкий 1993: 181.
[25] Шуртаков 1979: 510.
[26] Кузнецов 1973: 42–43.
[27] Доризо 1983: 348.

через Петроград / Во время революции великой / Ее увез помещик-эмигрант. / И здесь, в чужом краю, среди камелий / Привил ее. Все поливал водой. / Подкармливал. Окучивал… Лелеял / С угрюмою мужицкой добротой. / Хозяин умер. Годы подкосили. / Осталась одинешенька-одна. / И наклоняет в сторону России, / Все ниже, ниже голову она…»[28]

В 1984 г. 33-летний советский офицер С. Кононов, служивший в Анголе, записал в своем дневнике «Лубангский вальс», в котором Родина также ассоциируется с березами: «И не уснуть мне спокойно / От памяти той не уйти. / Мы снова наполним обоймы, / Чтобы не сбиться в пути. / Чтобы увидеть не в мыслях / Русских берез хоровод, / Пореже смотри, брат, на числа / И думай о тех, кто нас ждет»[29].

Образ березки в качестве объекта ностальгии вдали от Родины эксплуатировался СМИ до конца существования СССР (и после его распада). В годы перестройки береза стала символом Родины для русских вне зависимости от мест их проживания – для всего «русского мира». Так, автор статьи о русском православном кладбище Сен-Женевьев-дю-Буа с симптоматичным заголовком «Русские березы под Парижем» завершил свой репортаж в «Правде» 1988 г. программными словами: ««Тихо шелестят березы над русским кладбищем. Покачивает ветер колокола на звоннице. Пахнет сырой землей, ладаном, Россией. У всех нас она одна»[30].

Правда, иногда раздавались и критические голоса в адрес иррациональной тоски по березкам и стереотипных опасений туристов по поводу якобы неусыпного и пристрастного внимания к ним местного населения. Так, 28-летний журналист Г.А. Елин зафиксировал свое отношение к ностальгии по русским березкам, оказавшись в ситуации, когда к нему коллега обратилась за советом, стоит ли уезжать из СССР: «Я в таких случаях, не желая разводить сопли про русские березки и ностальгию, теряюсь и могу только поддакивать – наше житие, отгороженное от всего мира, уродливо по сути»[31]. Упомянутый выше военнослужащий в Анголе Кононов в 1984 г. неодобрение к показной ностальгии выразил почти в тех же выражениях. Характеризуя нового товарища по службе, военного летчика, он писал: «Славик мужик спокойный. Алкоголь хорошо держит, сопли про „родину и березки“ не распускает, как некоторые наши, что по ночам надрывно ревут под гитару: „Журавли, журавли, ах как хочется плакать“»[32].

Писатель-сатирик Э.Г. Графов за несколько месяцев до роспуска Советского Союза описал случаи неблаговидного поведения советских граждан за рубежом. Подводя черту под перечнем «подвигов» соотечественников в поездках за границу, фельетонист упомянул и березу в перечне предметов гордости своих героев: «Мы ведь долго ездили за границу, чтобы там нами гордились. Им ведь больше нечем было гордить-

[28] Зайцев 1970.
[29] Кононов 1984.
[30] Большаков 1988: 7.
[31] Елин Г. А. 22.04.
[32] Кононов С. Из ангольского дневника…

ся. А тут я приезжаю – с передовыми надоями, со скоростными плавками, и горы у меня самые высокие, и реки у меня самые широкие, и березы у меня единственные на всей планете. И все смотрят на меня, конечно, с восхищением... И были мы в том искренне уверены»[33].

В те годы порой казалось, что привычное балансирование между самодовольством и неуверенностью в отношении к заграница может стать объектом критической саморефлексии и постепенно демонтироваться. Что российско-советские граждане смогут посмотреть на себя не глазами воображаемого иностранца, а выработать собственный, независимый и свободный от привычных стереотипов взгляд на свою жизнь, на время и место своего обитания.

Корни эмигрантской ностальгии

Конечно, представления об эмигрантской ностальгии по Родине и по березкам как ее символу не были беспочвенной фантазией деятелей культуры и рядовых жителей СССР. Беглецы из революционной России покидали свою страну спешно, часто почти с пустыми руками. Но они уносили с собой то, что отнять у них было невозможно – память и опыт, плоды социализации в Российской империи. В последние десятилетия ее существования на волне роста русской национальной идентичности береза оказалась одним из объектов внимания массовой культуры. Художники стали выбирать в качестве сюжетов крестьянский труд, быт и праздники в антураже березовых рощ[34]. Стали появляться публикации с литературными произведениями, посвященными березам. Так, в 1894 г. отдельной брошюрой был опубликован пространный рассказ Н. Селезнева «Белая береза», который выдержал в дореволюционной России шесть изданий и был оценен Л.Н. Толстым как «недурной», или «посредственный»[35]. Между 1895 и 1915 гг. в издательстве И.Д. Сытина девять раз выходил песенник «Ах ты, береза!» объемом в три десятка страниц[36].

В самой России в годы гражданской войны литераторы, не симпатизировавшие советской власти, могли излить свою ностальгию по старой России через обращение к березе. С.А. Есенин в этом был не одинок. Так, его ровесник, российско-советский поэт В.А. Рождественский якобы в 1920 г. написал стихотворение «Береза», которое по стилистике гораздо больше подходит на роль предшественника советских стихов о «белоствольных красавицах» 1960–1970-х гг., чем «Родина» М.Ю. Лермонтова или даже «Белая береза» Есенина: «…Наряд ее легкий чудесен, / Нет дерева сердцу милей, / И много задумчивых песен / Поется в народе о ней. / Он делит с ней радость и слезы, / И так ее дни хороши, / Что кажется – в шуме березы / Есть что-то от русской души»[37].

Так что в эмиграции первой волны ностальгия могла в качестве якоря памяти использовать и березу. Вот и Рахманинов на своей швей-

[33] Графов 1991: 8.
[34] См.: картины П.А. Суходольского, Н.П. Богданова-Бельского, М.В. Боскина и др.
[35] См.: Селезнев 1894; Толстой 1956: 206–208, 278.
[36] Ах ты, береза! 1895, 1900, 1902, 1903, 1905, 1906, 1909, 1911, 1915.
[37] Рождественский 1965: 15.

царской вилле «Сенар», подобно А.П. Чехову в его ялтинском саду, настойчиво высаживал березки и заботливо ухаживал за ними.

Почитание березы поддерживалось и благодаря религиозности многих эмигрантов первой волны. Так, историк П.Е. Ковалевский оставил запись о праздновании в 1943 г. православной Троицы близ Парижа под немецкой оккупацией: «Завтракал у Игнатьевых. Троица в Клиши прошла удивительно: масса народа, церковь заставлена березами, на полу трава, сооружена новая икона-кивот храмового праздника. Всем дан обед, нищие накормлены и даже бедные французы-соседи»[38].

Эмигранты второй волны, ушедшие с территории СССР с отступавшими войсками гитлеровской Германии и ее союзников, могли тосковать по березкам, например, обращаясь к образам, созданным Есениным, которого в 1940-е гг. не мешали публиковать оккупационные власти. В 1950–1960-е, тоска эмигрантов обеих волн по «русским березкам» могла подпитываться советской культурной политикой, прежде всего через гастрольную деятельность женского ансамбля танца «Березка», пользовавшегося в те годы бешеной популярностью за рубежом. Третья волна эмиграции – еврейская, в 1960–1980-х гг. – могла быть носителем любви к березам, которая расцвела на фоне ностальгического поворота советского общества. Ярким примером дискурса о березе в эмигрантской культуре третьей волны представляется творчество М.А. Гулько.

Михаил Гулько: ресторанная ностальгия

Михаил Гулько получил в Москве образование горного инженера и работал по специальности в Донбассе и на Дальнем Востоке. Параллельно любительски, а затем профессионально он выступал как музыкант и певец в ресторанах и на концертах. В 1980 г. он эмигрировал в США, посвятив последующие десятилетия концертной деятельности певца и музыканта. С 1981 г. он выпустил более двадцати альбомов и сборников песен[39]. С 1990-х Гулько ежегодно гастролировал в бывших союзных республиках. Березовый мотив нередко повторяется в творчестве Гулько. Его первый альбом «Синее небо России» назван по одноименной песне на музыку М.М. Звездинского, в припеве которой звучат есенинские строки: «Ой ты, синее небо России, / Ухожу очарован тобой, / А березки, как девки босые, / На прощанье мне машут листвой»[40].

В одном из интервью, когда речь зашла о бурных эмоциональных реакциях русских слушателей и слушательниц (и самих исполнителей) на его творчество, Гулько сослался именно на эту песню:

> – Михаил Шуфутинский вспоминал, что, записывая ваш альбом «Синее небо России», в котором он делал аранжировки, вы с ним и сами всплакнули – так вас проняло...
>
> – Режиссер-американец не мог понять, что с нами происходит, – мы долго пытались на ломаном английском объяснить ему, что означают

[38] Ковалевский 2014: 315.
[39] О жизни и деятельности М.А. Гулько см.: Гулько 2009; Чеброва 2008.
[40] Синее небо России 1981.

слова: «А березки, как девки босые, на прощанье мне машут рукой». Ну непонятно американцу, как деревья могут жестикулировать...[41]

В песне «Синее небо России», как и в песне В.Г. Трепетцова «Белая береза» (1960) в том же альбоме, используется традиционная образность, восходящая к фольклорным истокам – образ женщины и объект несчастной любви («За рекой над лесом рос кудрявый клен, / В белую березу был тот клен влюблен»)[42].

В репертуаре Михаила Гулько есть песни необычного для советской культуры содержания. Во-первых, это песни, в которых образ березы вплетен в лагерную тематику. Такова песня «Березы на зоне» из альбома 1984 г. «Сожженные мосты». Гулько, вопреки слухам, не имел собственного тюремного опыта, но, начиная с 1990-х гг., часто выступал с концертами в местах лишения свободы. В песне «Березы на зоне» деревья выступают символом несчастной доли, отдушины в невыносимой жизни, местом памяти о родном крае: «Я помню березы на зоне – / Вы были и в этом краю. / А вечером в лагерном звоне / Вы жизнь украшали мою. / Мне грезились ночью березы, / Мне снились родные края. / Мне виделись матери слезы, / Больная старушка моя»[43].

Уже после распада СССР, в 1996 г., вышел альбом «Заграница». Песня Гулько из этого альбома «Березы в кадках» посвящена эмигрантской ностальгии по далекой, недоступной Родине. У этого образа был прообраз, созданный в 1962 г. А.А. Вознесенским. В его стихотворении «В эмигрантском ресторане» есть такие строчки: «Ресторанчик „Русский мишенька“. / Говорили: не ходи. / В кадушке, будто нищенка, / Березка в бигуди…»[44] Лейтмотивом песни Гулько является широко распространенное среди россиян, никогда не бывавших за границей, убеждение, что березы за границей расти не могут иначе как в искусственно созданной среде: «Жить на чужбине не сладко / И нету печальней судьбы, / Чем видеть березы в кадках / Вдали от родной стороны. / Да, жить на чужбине не сладко, / Я шел бы по шпалам домой, / Чтоб видеть березы не в кадках, / А в роще у вас под Москвой»[45].

Последние строки «Берез в кадках» цитируют популярную в 1960-х гг. песню Д.Ф. Тухманова и М.И. Ножкина «Последняя электричка» (1966): «Опять от меня сбежала / Последняя электричка, / И я по шпалам, опять по шпалам / Иду домой по привычке»[46]. Скорее всего, образы березки, вросшей в сердце каждого русского, который за границей сам живет неестественной жизнью, как береза в кадке, тоже являются цитатой, вторя советскому дискурсу о «русской березке» 1950–1980-х гг. Михаил Гулько набирался опыта исполнителя городского романса именно в те годы, когда песни о березах звучали из каждой радиоточки

[41] Чеброва Т. 2008.
[42] Белая береза 1981.
[43] Гулько М. Березы на зоне 1984.
[44] Вознесенский 1962: 44.
[45] Гулько М. Березы в кадках 1986.
[46] Тухманов Д.Ф. 1975.

от Бреста до Камчатки, а нетрезвые посетители ресторанов учились ронять слезу над репертуаром на стихи Сергея Есенина.

Как бы то ни было, частью советского дискурса о березах была ностальгия по Родине и русским березкам. Этот дискурс был многосоставным явлением. В нем сочетались романтика службы Родине вдали от нее и советское конструирование «западного взгляда», под неусыпным прицелом которого якобы непрестанно находятся советские граждане в своей стране и за рубежом. Эмигрантская тоска по Родине питалась из российской культуры различных пластов, связанных с разными волнами эмиграции. Образ березки как символ покинутой по той или иной причине Родины создавал флер вечной и неизбежной тоски по дому как особенности русского «национального характера» и советского патриотизма. Это, в свою очередь, служило подтверждением русского происхождения березы и укрепляло культ «русского дерева».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Абрамов Ф. Братья и сестры. Л.: Сов. писатель, 1982. 807 с. [Abramov F. Brat'ia i sestry (Brothers and sisters). Ltningrad: Sov. pisatel', 1982. 807 p.]

Агранович Е. Я в весеннем лесу пил березовый сок (1954) // Культура.РФ [Agranovich E. Ya v vesennem lesu pil berezovyi sok (I was in the spring woods drinking birch sap) // Kul'tura.RF], https://www.culture.ru/poems/25843/ya-v-vesennem-lesu-pil-berezovyi-sok.

Ах ты, береза! Новый (полн.) песенник. М.: б.и., 1895. 30 с. [Akh ty, bereza! Novyi (poln.) pesennik (Ah you, birch tree! New (full) songbook). Moscow, 1895. 30 p.]

Белая береза (1981) // Гуру песен, [Belaya bereza (White birch) // Guru pesen], https://pesni.guru/text/шансон-михаил-гулько-белая-береза

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // Новое лит. обозрение. 1999. № 5 [Boim S. Konets nostal'gii? Iskusstvo i kul'turnaya pamyat' kontsa veka: Sluchai Il'i Kabakova (The end of nostalgia? Art and Cultural Memory at the End of the Century: The Case of Ilya Kabakov) // Novoe lit. obozrenie. 1999. № 5], https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html

Блынский Д. На том берегу. Ч. 3: Береза // Блынский Д. Сердцу милый край. Орел: Орловская правда, 1957. С. 56. [Blynskii D. Na tom beregu. Ch. 3: Bereza (On the other side of the river. Part. 3: Birch) // Blynskii D. Serdtsu milyi krai. Orel: Orlovskaya pravda, 1957. P. 56].

Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с. [Boltunova Ye.M., Yegorova G.S. Territoriya i istoriya: pozdnesovetskiye prouekty "Goroda-geroi" i "Zolotoye kol'tso" (Territory and History: Late Soviet Hero-Cities and Golden Ring Projects) Moscow: Kuchkovo pole. 400 p.]

Большаков В. Русские березы под Парижем // Правда. 1988. 11 июля. С. 7. [Bol'shakov V. Russkie berezy pod Parizhem (Russian birch trees near Paris) // Pravda. 11.07.1988. P. 7].

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: НЛО, 1998. 368 с.

Вознесенский А. В эмигрантском ресторане // Вознесенский А. Треугольная груша. 40 лирических отступлений из поэмы. М.: Сов. писатель, 1962. С. 44. [Voznesenskii A. V emigrantskom restorane (In an expatriate restaurant) // Voznesenskii A. Treugol'naya grusha. 40 lircheskikh otstuplenii iz poemy. Moscow: Sov. Pisatel', 1962. P. 44].

Волошин М. Березка // Волошин М. Дневники. 1891-1932. / Волошин М. Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2008. Т. 7. Кн. 2. С. 147. [Voloshin M. Berezka (Birch) // Voloshin M. Dnevniki. 1891-1932 / Voloshin M. Sobranie sochinenii. Moscow: Ellis Lak, 2008. V. 7. B. 2. P. 147].

Высоцкий В. Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме (// Высоцкий В.С. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М.: Слово, 2018. С. 503. [Vysotskii V. Instruktsiya pered poezdkoi za rubezh, ili Polchasa v mestkome Instructions before traveling abroad, or Half an hour in the local committee) // Vysotskii V. S. Sobr. soch. V. 1. Moscow: Slovo, 2018. P. 503.

Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение, или «увидеть русского дано не каждому». М.: Новое лит. обозрение, 2011. 381 с. [Vishlenkova E.A. Vizual'noe narodovedenie, ili

„uvidet‘ russkogo dano ne kazhdomu“ (Visual People Studies, or „not everyone can see a Russian“.. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2011. 381 p.]

Вяземский П.А. Береза // Вяземский П.А. Сочинения в 2-х т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1982. С. 314. [Vyazemskii P.A. Bereza (Birch) // Vyazemskii P.A. Sochineniya v 2-kh t. T. 1: Stikhotvoreniya. M.: Khudozh. lit., 1982. S. 314].

Городницкий А. Над Канадой небо сине // Официальный сайт Александра Городницкого [Gorodnitskii A. Nad Kanadoi nebo sine (Canada's sky is blue) // Ofitsial‘nyi sait Aleksandra Gorodnitskogo], https://gorodnitsky.com/songs/над-канадой/.

Городницкий А.М. След в океане. 2 изд. Петрозаводск: Карелия, 1993. С. 181. [Gorodnitskii A.M. Sled v okeane (Footprints in the ocean). 2nd ed.. Petrozavodsk: Kareliya, 1993. P. 181].

Голубев А. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985). / под ред. А. Пинского. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219 – 254. [Golubev A. Zapadnyi nablyudatel’ i zapadnyi vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoi sub”ektivnosti (The Western observer and the Western gaze in the affective management of Soviet subjectivity) // Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub”ektivnost’ (1953-1985). / ed. by A. Pinskii. S. Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2018. P. 219 – 254].

Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2022. 326 с. [Golubev A. Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma (The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia). Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2022. 326 p.].

20 строк. Березовый сок (1971). Матусовский Михаил // Стихи.ру [20 strok. Berezovyi sok (20 lines. Birch sap). Matusovskii Mikhail // Stikhi.ru], https://stihi.ru/2012/08/10/6204.

Графов Э. В Люксембург через забор: Фельетон // Советская культура. 1991. 13 июля. С. 8. [Grafov E. V Lyuksemburg cherez zabor: Fel’eton (Luxembourg Over the Fence: A feuilleton) // Sovetskaya kul’tura. 13.07.1991. P. 8].

Гулько М. Березы на зоне (1984) // Гуру песен [Gul’ko M. Berezy na zone (Birch trees in the zone) // Guru pesen], https://pesni.guru/text/михаил-гулько-березы-на-зоне.

Гулько М. Березы в кадках (1986) // Гуру песен [Gul’ko M. Berezy v kadkakh (Birch trees in tubs) // Guru pesen], https://pesni.guru/text/михаил-гулько-березки-в-кадках.

Гулько М. Судьба эмигранта. Н. Новгород: Деком, 2009. 162 с. [Gul’ko M. Sud’ba emigranta (The fate of the emigrant). N. Novgorod: Dekom, 2009. 162 p.

Долматовский Е.А. Рассказы о твоих песнях. М.: Дет. лит., 1973. 351 с. [Dolmatovskii E.A. Rasskazy o tvoikh pesnyakh (Stories about your songs). Moscow: Det. lit., 1973. 351 p.].

Доризо Н. Вдруг в скалистых окрестностях Осло – березка!.. // Доризо Н.К. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1983. С. 348. [Dorizo N. Vdrug v skalistykh okrestnostyakh Oslo – berezka!.. (Suddenly there's a birch tree in the rocky neighbourhood of Oslo...!) // Dorizo N.K. Sobr. soch. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit., 1983. P. 348].

Дьяченко В. Сила достоверности // Искусство кино. 1969. № 3. С. 34 – 44. [D‘yachenko V. Sila dostovernosti (The power of credibility) // Iskusstvo kino. 1969. № 3. S. 34 – 44].

Елин Г.А. Дневник, запись за 22.04.1980 // Прожито (Diary, entry for 22.04.1980) // Prozhito https://corpus.prozhito.org/notes?diaryTypes=1&keywords=%5B"сопли+про+русские берёзки"%5D

Зайцев М. Баллада о березе (1970) // Литмир: Электронная библиотека [Zaitsev M. Ballada o bereze (The Ballad of the Birch) // Litmir: Elektronnaya biblioteka] https://litmir.club/br/?b=675107&p=3.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с. [Kappeler A. Rossiya – mnogonatsional’naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad (Russia is a multinational empire. Emergence, history, disintegration). Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 342 p.].

Ковалевский П.Е. Пасхальный свет на улице Дарю: дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937-1948 годов. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014. 701 с. [Kovalevskii P.E. Paskhal’nyi svet na ulitse Daryu: dnevniki Petra Evgrafovicha Kovalevskogo 1937-1948 godov (Easter light on Daryu Street: diaries of Pyotr Evgrafovich Kovalevsky 1937-1948). N. Novgorod: Khristianskaya biblioteka, 2014. 701 p.].

Кононов С. Из ангольского дневника. Тетрадь №1 (1984) // Союз ветеранов Анголы [Kononov S. Iz angol'skogo dnevnika. Tetrad’ № 1 (From the Angolan Diary. Notebook № 1): https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kononovtetrad1.

Кузнецов В.П. Березы // Кузнецов В.П. Середина лета: книга стихов. М.: Сов. писатель, 1973. С. 42–43. [Kuznetsov V.P. Berezy (Birch) // Kuznetsov V.P. Seredina leta: kniga stikhov. Moscow: Sov. pisatel', 1973. P. 42–43].

Кукулин И. Набор очков для изумленного взгляда: конкурирующие образы «советского человека за границей» в литературе оттепели // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985). / под ред. А. Пинского. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018. С. 179–218. [Kukulin I. Nabor ochkov dlya izumlennogo vzglyada: konkuriruyushchie obrazy «sovetskogo cheloveka za granitsei» v literature ottepeli // Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953-1985). / ed. by A. Pinskii. S. Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2018. P. 179–218].

Мазур Л.Н. «Деревенское кино» 1950–1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи // Культорологический журнал. 2014. № 1/15. [Mazur L.N. «Derevenskoe kino» 1950–1980 gg. kak istoriko-kul'turnyi fenomen sovetskoi epokhi („Village cinema" of the 1950s-1980s as a historical and cultural phenomenon of the Soviet era) // Kul'torologicheskii zhurnal. 2014. № 1 (15)], http://cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18.

Матусовский М., музыка В. Баснера. С чего начинается Родина? // Советский экран. 1968. № 15. С. 21. [Matusovskii M., muzyka V. Basnera. S chego nachinaetsya Rodina? (Where does the motherland begin?) // Sovetskii ekran. 1968. № 15. P. 21].

Маштакова Л.В. Певец родного края Николай Егорович Палькин // Мультиурок, 14.06.2017 [Mashtakova L.V. Pevets rodnogo kraya Nikolai Egorovich Pal'kin (Singer of his native land Nikolai Egorovich Palkin) // Mul'tiurok, 14.06.2017] ,https://multiurok.ru/files/pieviets-rodnogho-kraia.html.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 316 с. [Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya (The Romanov Empire and nationalism: essays in the methodology of historical research). Moscow: NLO, 2006. 316 p.].

Нарский И., Нарская Н. Русская березка: Очерки культурной истории одного национального символа. М.: НЛО, 2025. 600 с.. [Narskii I., Narskaya N. Russkaya berezka: Ocherki kul'turnoi istorii odnogo natsional'nogo simvola (The Russian birch": Essays on the cultural history of one national symbol). Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2025. 600 p.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 178 с. [Oborin V.A., Chagin G.N. Chudskie drevnosti Rifeya: Permskii zverinyi stil' (Chud antiquities of the Riphean: Permian animal style). Perm': Kn. izd-vo, 1988. 178 p.].

Партэ К. Русская деревенская проза: Светлое прошлое. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 204 с. [Parte K. Russkaya derevenskaya proza: Svetloe proshloe (Russian Village Prose: The Bright Past). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. 204 p.].

Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 612 с. [Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov (Rustic Prose Authors: Literature and Conservative Ideology in the 1970s). Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2015. 612 p.].

Рождественский В. Береза // Рождественский В. Избранное. М., Л.: Худож. лит., 1965. С. 15. [Rozhdestvenskii V. Bereza (Birch) // Rozhdestvenskii V. Izbrannoe. Moscow, Leningrad: Khudozh. lit., 1965. S. 15].

Селезнев Н. Белая береза. М.: тип. И. Ермакова, 1894. 54 с. [Seleznev N. Belaya bereza (White birch). Moscow: tip. I. Ermakova, 1894. 54 p.].

Синее небо России (1981) // Гуру песен [Sinee nebo Rossii (The blue sky of Russia) // Guru pesen], https://pesni.guru/text/гулько-михаил-синее-небо-россии.

Толстой Л.Н. И.И. Горбунову-Посадову. 24.10.1910 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Том 82. М.: Худож. лит, 1956. 336 с. [Tolstoi L.N. I.I. Gorbunovu-Posadovu (L.N. Tolstoy to I.I. Gorbunov-Posadov). 24.10.1910 // Tolstoi L.N. Poln. sobr. soch. Vol. 82. Moscow: Khudozh. lit, 1956. P. 206 – 208].

Тухманов Д. Ф. Песни. Для пения (соло, дуэт) в сопровождении фортепиано (баяна, гитары) и для фортепиано, гитары с надписанным текстом. М.: Музыка, 1975. 157 с. [Tukhmanov D. F. Pesni. Dlya peniya (solo, duet) v soprovozhdenii fortepiano (bayana, gitary) i dlya fortepiano, gitary s nadpisannym tekstom (Songs. For singing (solo, duet) accompanied by piano (accordion, guitar) and for piano, guitar with inscribed text). M.: Muzyka, 1975. 157 p].

Чеброва Т. Через годы, через расстоянья // Бульвар Гордона. № 37 (177). 2008. 16 сент. [Chebrova T. Cherez gody, cherez rasstoyan'ya (Across the years, across the distances) // Bul'var Gordona. № 37 (177). 16.09.2008], https://mischa-gulcko.narod.ru/index/0-8.

Шуртаков С.И. Возвратная любовь // Шуртаков С.И. Избранное. М.: Худож. лит., 1979. С. 510. [Shurtakov S.I. Vozvratnaya lyubov' (Returned love) // Shurtakov S.I. Izbrannoe. Moscow: Khudozh. lit., 1979. P. 510].

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. 2-е изд. М.: НЛО, 2016. 661 с. [Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie (Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation). 2nd ed. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2016. 661 p.].

***Нарский Игорь Владимирович**, профессор, доктор исторических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, inarsky@mail.ru*
***Нарская Наталья Васильевна**, доцент, кандидат социологических наук, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, bredihina_natalya@mail.ru*

„Birches in tubs": a hallmark of Russian emigrant nostalgia

The article is dedicated to nostalgia for the homeland, which is embodied in the Soviet Russian longing for native birch trees. What explains the significance of the love of the birch tree homeland in the late RSFSR? How did it manifest itself, how was it constructed? The authors conclude that nostalgia for the homeland and Russian birch trees was part of the Soviet discourse on birch trees. It combined the romanticism of serving the fatherland while being far away from it with the Soviet construction of the "Western gaze". The emigrants' longing for their homeland drew on the Russian culture of various social classes, which were associated with different waves of emigration. The image of the birch tree as a symbol of the distant homeland supported the idea of eternal and unavoidable homesickness as a characteristic of the Russian "national character" and Soviet patriotism. This in turn served to confirm the birch's Russian origins and strengthen the cult of the "Russian tree".

***Keywords:** Nostalgia, USSR, patriotism, birch, emigration.*

***Igor V. Narskii**, Professor, Perm State University, inarsky@mail.ru*
***Natalya V. Narskaya**, Lecturer, Department of the Air Force Military Training and Research Centre Air Force "Air Force Academy' in Chelyabinsk", bredihina_natalya@mail.ru*

В.Н. Смирнов

ЛИБЕРАЛИЗМ И СЛАВЯНСТВО. РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность»*

Статья-рецензия посвящена книге «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность», в которой концепции Данилевского всесторонне рассматриваются в контексте интеллектуальной истории, говорится о возможном влиянии на теорию культурно-исторических типов идей В.И. Ламанского, поднимается тема «всечеловеческого» в творчестве Ф.М. Достоевского и Н.Я. Данилевского. Одна из глав посвящена вопросу интеллектуальной связи К.Н. Леонтьева и Н.Я. Данилевского. Представлена интерпретация идей Н.Я. Данилевского Н.И. Кареевым. Исследован черновик трактата «Россия и Европа», хранящийся в РНБ. Второй раздел, посвященный посмертному влиянию Данилевского, открывается исследованием о евразийстве. Представлен взгляд П. Сорокина на идеи Данилевского и опубликован перевод текста самого Сорокина. В заключение делается вывод о значении наследия Данилевского в русской мысли. Наконец, в качестве послесловия речь идет о прошлом и будущем имения Данилевского Мшатка. Авторами был дан всесторонний обзор идей Н.Я. Данилевского через сближения и споры вокруг его главного труда «Россия и Европа». Во введении говорилось о необходимости разобрать идеи Данилевского без сложившихся стереотипов, и нужно признать, что эта задача авторам книги удалась.
Ключевые слова: *Н.Я. Данилевский, либерализм, славянофильство, цивилизационный подход, культурно-исторический тип.*

В 2022 году в Институте философии РАН был проведен круглый стол под названием «Творческое наследие Н. Я. Данилевского: история и современность», посвященный двухсотлетию русского мыслителя, чьи идеи подают поводы к дискуссии и по сей день. В своих докладах участники обратились к интеллектуальной истории круга собеседников Н. Я. Данилевского и его последователей[1]. По итогам круглого стола было решено издать книгу, которая увидела свет в 2024 году.

Книга «Творческое наследие Н. Я. Данилевского: история и современность» являет собой не сборник хвалебных речей по случаю двухсотлетия выдающегося философа, а попытку осмыслить его наследие с вниманием и подлинным интересом. Каждый автор этой книги внес свой вклад в воссоздание того интеллектуального ландшафта, который составлял мир Данилевского и который он оставил после себя. Первая часть книги посвящена его современникам, тем, кому посчастливилось быть его собеседником при жизни, выразить свое согласие или несогласие с его концепциями, а также в этой части уделяется внимание подробностям работы самого Данилевского над книгой «Россия и Европа». Во второй части речь идет уже непосредственно о его идейном наследии и возможном влиянии на последующие направления русской мысли.

*Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-00696 (Санкт-Петербургский государственный университет), https://rscf.ru/project/25-28-00696/

[1] См. материалы круглого стола: Бажов и др. 2022: 101–150.

Главным достоинством книги можно считать ту объемную и сложную картину, которую она дает, опровергая тем самым ходячие мнения относительно мировоззрения Данилевского и прежде всего его главного труда «Россия и Европа». Книга открывается предисловием редактора В.В. Сидорина, где прямо указывается, что взгляды Данилевского не соответствуют тем стереотипам, которые вокруг него сложились. Данилевский не выступает сторонником изоляционизма, он ценит диалог культур и преемственность; он не является реакционером или ультраконсерватором, а многократно постулирует свою либеральную политическую программу; наконец, он не является сторонником безудержного экспансионизма, его концепция предполагает установление баланса между цивилизациями. Эти замечания задают тон книге.

Во введении А.В. Смирнов указывает на то, что сегодня культурно-цивилизационные концепции Данилевского звучат как никогда современно в условиях кризиса европейского универсалистского проекта. Особо отмечается, что фундаментом этого проекта была рациональность. Признавая множественность цивилизаций, мы неизбежно должны признать и множественность разумов. Это же, по мнению автора, является необходимой предпосылкой категории «всечеловеческого». Далее А.В. Смирнов утверждает, что, по мнению Данилевского, тот тип рациональности, который выработала Россия, задает всечеловеческую направленность ее культуры. С нашей точки зрения, здесь можно углядеть новую тенденцию к универсализму, но уже на русских, а не на романо-германских началах. Если для старших славянофилов универсальное и национальное сопрягались в универсальной истине русского православия, то для мыслителей второй половины XIX века именно всемирная отзывчивость русской культуры заняла это место[2].

А.В. Малинов, разбирая связь идей Данилевского с идеями В.И. Ламанского – историка и слависта, относящегося к позднему славянофильству, отмечает, что оба эти мыслителя, в отличие от ранних славянофилов, не придавали религии решающего значения, для них религия была важна с точки зрения формирования культурно-исторического типа[3]. Однако в традиционно славянофильском духе Ламанский, как и Данилевский, утверждал, что народ составляет суть государства, которое в свою очередь должно служить народу, а не наоборот[4]. Преемственность идей Данилевского по отношению к старшим или «московским» славянофилам – вопрос дискуссионный, но очевидна его близость к идеям петербургских славянофилов, прежде всего Ламанского. В частности, противостояние романо-германского и греко-славянского мира уже обозначалось в работах Ламанского. Кроме того, Ламанский использовал понятие всемирно-исторический вид, которое не нашло у не-

[2] О противоречии конфессиональной концепции Ивана Аксакова как представителя старшего славянофильства и «племенной» концепции Данилевского см.: Сидорин 2024: 86–90.
[3] Малинов 2024: 37.
[4] Там же: 28.

го дальнейшей разработки, но оно соответствует понятию культурно-исторический тип у Данилевского. А.В. Малинов указывает еще на один важный момент: Ламанский в отличие от Данилевского был лучше знаком с реальным положением дел в славянском мире и не питал тех иллюзий в отношении славян, которые были у Данилевского.

Критический взгляд на славянство отчасти перекликается с воззрениями Константина Леонтьева, которого обычно ставят в один ряд с Данилевским и однозначно объявляют его последователем[5]. Между тем их интеллектуальные взаимоотношения несколько сложнее, чем принято считать, на что указывает О.Л. Фетисенко в своей главе под названием «Константин Леонтьев за чтением Данилевского». Леонтьев принимает теорию культурно-исторических типов, но считает, что Данилевский проглядел византийский тип, чему и была посвящена книга «Византизм и славянство»[6]. Леонтьев куда менее оптимистичен в отношении не только славянства, но и перспектив России на исторической арене. Кроме того, он точно не был панславистом, и «византизм» ему был куда дороже «славянства». И все же Леонтьев был последователем и единомышленником Данилевского, ценя его за то, что он первым поставил своеобразие культуры как цель[7].

Другим однозначным единомышленником Данилевского принято считать Ф.М. Достоевского. Всем известно его восторженное высказывание о книге «Россия и Европа», но идеи Достоевского во многих отношениях ближе к Леонтьеву в той части, где он противоречит Данилевскому. Достоевский, как и Леонтьев, ценил идею самобытности культуры, но главную задачу России он видел в торжестве истины православия. Политический реализм и сугубо политическое торжество славянства без идеи православия как причины и цели всего этого движения Достоевский не принимал и относился к идеям Данилевского порой весьма критично[8]. Как указывает К.В. Ворожихина, Достоевский мыслил в русле христианской историософии, которая предполагает наличие именно единой мировой истории, а не истории локальных культур.

А.А. Тесля как раз посвятил свою главу книги интерпретации Данилевского Кареевым, который рассматривал «Россию и Европу» в контексте характерных для того времени споров о мировой истории[9]. Если Гегель по мысли Кареева уничтожал перегородки между самобытными культурами ради концепции всеобщего исторического движения, то Данилевский наоборот – разделил и изолировал культуры там, где в действительности их судьбы пересекаются. Тесля указывает, что Кареев видел основную ошибку Данилевского в смещении акцента на историческую последовательность с синхронного сосуществования; таким образом,

[5] И.Т. Тяпин утверждает, что некоторые идеи Шпенглера представляют собой синтез концепций Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. См. подробно: Тяпин 2023: 53.
[6] Фетисенко 2024: 67.
[7] Там же: 61.
[8] Ворожихина 2024: 49–50.
[9] Тесля 2024: 74–82.

те исторические типы, которые не были изолированы, выстраиваются в последовательность, формируя частные варианты всеобщей истории[10].

Данилевский колебался относительно своего второго закона культурно-исторических типов о том, что «начала цивилизации не передаются». Если цивилизации Данилевского «не имеют окон», то и всемирно-исторический процесс невозможен. Однако Данилевский смягчил конечную формулировку этого закона: первоначально он писал, что цивилизации существуют для себя и не передаются другим народам, но в итоге принял формулу, что именно «*начала* цивилизации не передаются»[11].

Здесь впору обратиться к вопросу о преемственности евразийства по отношению к идеям Данилевского, благо второй раздел, посвященный идейному наследию, открывается как раз этой темой. К.Б. Ермишина и цитируемые авторы исходят из того, что Данилевский относится к славянофилам, и изрядная доля рассуждений строится вокруг вопроса о преемстве евразийцев славянофилам. Это представляется не совсем корректным, поскольку, как было показано другими авторами настоящей книги, между позициями славянофилов и Данилевского есть существенная разница. Один из авторов говорит о разных типах идентификации у славянофилов и евразийцев: родственно-культурный и географически-культурный соответственно[12]. Здесь, очевидно, упускается конфессиональный аспект, который у старших славянофилов был главным. Впрочем, этот аспект упоминается далее в связи с разным пониманием соборности у Хомякова и евразийцев. К.Б. Ермишина выбирает тот подход к исследованию вопроса о соотношении идей евразийцев и славянофилов, который предполагает, что евразийство было неоднородно, и следует рассматривать каждого евразийца в отдельности[13]. Этот подход представляется верным, но нужно отметить, что славянофильство как явление еще более неоднородно и поэтому, необходимо говорить о каждом славянофильском мыслителе также в отдельности. Учитывая, что речь идет про Данилевского и что принадлежность его к славянофилам весьма неоднозначна, целокупное славянофильство представляется в этих рассуждениях лишней сущностью. Однако само по себе рассмотрение вопроса об отношении евразийцев к славянофильству ценно. Автор демонстрирует три вида отношений к славянофилам и Данилевскому у евразийцев: признание идейного наследия у Савицкого, критическое переосмысление у Флоровского и критика у Трубецкого. Особо ценным в главе про евразийцев представляется рассмотрение влияния на евразийцев книги Данилевского «Дарвинизм», которая обычно заслоняется его главной работой «Россия и Европа»[14].

---

[10] О методологических вопросах философии истории Н.И. Кареева в отношении к культурно-историческим типам Данилевского; см. также: выступление Е.Н. Мотовниковой: Пружинин 2017: 26–31. См. также: Малинов 2023: 143–146.
[11] Сидорин 2024: 85.
[12] Ермишина 2024: 96.
[13] Там же: 99.
[14] Там же: 114–117.

Следующие две главы книги посвящены тому, как концепцию Данилевского оценивал Питирим Сорокин. В первой В.В. Сапов освещает взгляды Сорокина на философию истории Данилевского, где он предстает предшественником Шпенглера[15]. Другая глава представляет собой перевод В.В. Саповым текста Сорокина, где он пересказывает и комментирует концепцию Данилевского, которая, по его мнению, близка взглядам советского правительства[16].

В качестве заключения С.И. Бажов еще раз излагает концепцию Данилевского, с комментарием о достижениях и неудачах, а также об актуальности его идей сегодня. Кроме того, Бажов освещает политические воззрения Данилевского, разбирая как консервативные, так и либеральные его стороны[17]. На этом следует остановиться подробнее.

Либерализм неоднократно декларируется в «России и Европе», и на либеральные воззрения Данилевского прямо и косвенно указывают авторы книги. Речь не про ранний фурьеризм времен кружка петрашевцев, а именно про последовательный либерализм, близкий к либеральному славянофильству Ламанского, о котором писал А.В. Малинов. Оба мыслителя исходили к тому же из классического славянофильского представления о подчиненной роли государства по отношению к народу. Помимо органической метафоры Данилевский также использует характерную для русской мысли метафору «личности народа»[18]. В этом отношении он уже сходится с Ф.М. Достоевским[19].

Константин Леонтьев, с одной стороны, противопоставлял Данилевского «новому», «либеральному» славянофильству, но, с другой, позже сам указывал на его бессознательный либерализм[20]. Свой труд «Византизм и славянство», указывает О.Л. Фетисенко, Леонтьев посвятил исправлению либеральных ошибок Данилевского. С.И. Бажов подчеркивает, что, вопреки суждениям Леонтьева, либерализм Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского был вовсе не случаен, ведь в центре творчества Достоевского была человеческая личность (добавим также, что и личность народная). Стало быть, по мнению С.И. Бажова, Достоевский сочетал в своем мировоззрении православную традицию и идею личности, а Данилевский – идею православия и новоевропейскую науку. В политическом отношении это означает сочетание либерализма и консерватизма[21]. Нам также видится, что либерализм Данилевского был сознателен, во-первых, поскольку панславизм – явление революционное, национально-демократическое, нарушающее легитимистские устои; во-вторых, народная личность, с его точки зрения, конечно, требует политического представительства. Наконец, сам Данилевский писал о необходи-

[15]Сапов 2024: 120–133
[16]Сорокин 2024: 134–158.
[17]Бажов 2024: 159–196.
[18]Данилевский 2011: 267.
[19]Ворожихина 2024: 57.
[20]Фетисенко 2024: 63, 67.
[21] Бажов 2–24: 179–180.

мости одновременно национальной и либеральной политики при решении Восточного вопроса в интересах славянства[22].

Во многих отношениях взгляды Данилевского сходны с либеральными идеями Николая Тургенева – приговоренного к смерти декабриста. Как и Данилевский, он высшей степени отрицательно относится к политике «Священного союза» – «союза царей против народов». Впрочем, если для Тургенева реакционная политика российских властей и стала причиной того неприязненного отношения, которое Европа питает к России, то для Данилевского это уже вопрос более фундаментальный. В год выхода «России и Европы» вышла также статья Тургенева «О нравственном отношении России к Европе», где он говорит о необходимости представительского порядка, который послужит решению польского вопроса и свободному объединению славян (которые услышат не только голос дипломатии, но и голос самого русского народа). Тургенев особо подчеркивает роль русского языка, который, с его точки зрения, благодаря свободе прессы и успехам русской литературы станет главным языком коммуникации славян. В этом отношении Тургенев сходится также и с Ламанским. Главное расхождение с Данилевским у Тургенева состоит в том, что он верит в перемену отношения Европы к России при установлении представительского порядка.

Завершает книгу «Творческое наследие Н.Я. Данилевского» статья О.Н. Данилевской и Т.В. Гонсиоровской об истории имения Данилевского Мшатка[23] и о том, какие титанические усилия предпринимаются для его сохранения. Хочется верить, что не только интеллектуальный ландшафт наследия Данилевского будет сохраняться и воссоздаваться, но и буквально воплощенный им в Мшатке «философский парк» и «сад цивилизаций» не сгинет под пеплом истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бажов С.И. О месте идейного наследия Н.Я. Данилевского в истории русской философской мысли // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 159–196. [Bazhov S.I. O meste ideinogo nasledіya N.Ya. Danilevskogo v istorii russkoi filosofskoi mysli (On the place of ideological heritage N.Ya. Danilevsky in history of Russian philosophy) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / otv. red. V. V. Sidorin. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. P. 159–196].

Бажов С.И., Бердникова А.Ю., Ворожихина К.В., Данилевская О.Н., Ермишина К.Б., Малинов А.В., Сидорин В.В., Смирнов А.В., Тесля А.А., Фетисенко О.Л. К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. Материалы круглого стола // Философский полилог. 2022 (2), С. 101–150. [Bazhov S.I., Berdnikova A.Yu., Vorozhikhina K.V., Danilevskaya ON., Ermishina K.B., Malinov A.V., Sidorin V.V., Smirnov A.V., Teslya A.A., Fetisenko O.L. K 200-letiyu N.Ya. Danilevskogo. Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. Materialy kruglogo stola (On the 200th Anniversary of N.Ya. Danilevsky. The Creative Heritage of N. Ya. Danilevsky: History and Modernity. Materials of the Round Table) // Filosofskii polilog. 2022 (2), P. 101–150].

[22] Данилевский 2011: 387.

[23] Данилевская, Гонсиоровская 2024: 197–206. См. также опубликованные О.Н. Данилевской письма Н.Я. Данилевского живописцу И.П. Кёлеру, которые он писал из Мшатки, ставшей местом притяжения для многих выдающихся людей: Данилевская 2024: 80–124.

Данилевская О.Н. «Любезныйидорогойдруг…»: письма Н.Я. Данилевского И.П. Кёлеру // Философский полилог. 2024 (1–2), С. 80–124. [Danilevskaya O.N. «Lyubeznyi i dorogoi drug…»: pis'ma N.Ya. Danilevskogo I.P. Keleru ("Dear friend...": letters from N.Ya. Danilevskogo to I.P. Köhler) // Filosofskiipolilog. 2024 (1–2), P. 80–124].

Данилевская О.Н., Гонсиоровская Т.В. Имение Н.Я. Данилевского Мшатка: прошлое и будущее // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб., 2024. С. 197–206. [Danilevskaya O.N., Gonsiorovskaya T.V. Imenie N.Ya. Danilevskogo Mshatka: proshloe i budushchee (The estate of N.Ya. Danilevsky Mshatka: past and future) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / otv. red. V.V. Sidorin. M.; SPb., 2024. P. 197–206].

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с. [Danilevskii N.Ya. Rossiya I Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu (Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman world). M.: Institutrusskoitsivilizatsii, Blagoslovenie, 2011. 816 p.].

Ермишина К.Б. Н.Я. Данилевский и евразийство: преемственность идей или борьба концепций? // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 95–119. [Ermishina K.B. N.Ya. Danilevskii i evraziistvo: preemstvennost' idei ili bor'ba kontseptsii? (Danilevsky and Eurasianism: continuity of ideas or struggle of concepts?) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. M.; SPb., 2024. P. 95–119.].

Малинов А.В. Из истории петербургского славянофильства: Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб., 2024. С. 19–47. [Malinov A.V. Iz istorii peterburgskogo slavyanofil'stva: N.Ya. Danilevskii i V.I. Lamanskii (From the history of St. Petersburg Slavophilism: N.Ya. Danilevsky and V.I. Lamansky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / Ed. by V. V. Sidorin. M.; SPb, 2024. P. 19–47].

Малинов А.В., Долгова Е.А. Научная работа в области исторических повторений (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 133–146. [Malinov A.V., Dolgova E.A. Nauchnaya rabota v oblasti istoricheskikh povtorenii (po materialam rukopisi N.I. Kareeva “Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk”) (Scientific work in the field of historical repetitions (based on the manuscript of N.I. Kareev "General Methodology of the Humanities")) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 83. P. 133–146].

Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостов К.В. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Мат-лы конф. – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 26–61. [Pruzhinin B.I., Benderskii I.I., Vorob'eva O.V., Dolgova E.A., Malinov A.V., Mikeshina L.A., Motovnikova E.N., Ol'khov P.A., Khvostov K.V. Filosofsko-metodologicheskie-proekty russkikh istorikov i sovremennye problem metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu B.I. Ger'e. Mat-ly konf. – “kruglogo stola” (Philosophical and methodological projects of Russian historians and modern problems of the methodology of historical knowledge. On the 180th anniversary of V.I. Gerye. Proceedings of the conference – "round table") // Voprosy filosofii. 2017. № 9. P. 26–61].

Сапов В.В. Питирим Сорокин о Н.Я. Данилевском // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 120–133. [Sapov V.V. Pitirim Sorokin o N.Ya. Danilevskom (Pitirim Sorokin about N.Ya. Danilevsky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / otv. red. V.V. Sidorin. M.; SPb., 2024. P. 120–133].

Сидорин В.В. К творческой истории «России и Европы» Н.Я. Данилевского // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб., 2024. С. 83–91. [SidorinV.V. K tvorcheskoi istorii “Rossii I Evropy” N.Ya. Danilevskogo (On the creative history of "Russia and Europe" by N.Ya. Danilevsky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. M.; SPb., 2024. P. 83–91].

Сорокин П. Николай Данилевский // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб., 2024. С. 134–158. [Sorokin P. Nikolai

Danilevskii (Nikolay Danilevsky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / Ed. by V.V. Sidorin. M.; SPb., 2024. P. 134–158].

Тесля А.А. Н.И. Кареев как интерпретатор Н.Я. Данилевского // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 74–82. [Teslya A. A. N.I. Kareev kak interpretator N.Ya. Danilevskogo (N.I. Kareev as an interpreter of N.Ya. Danilevsky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. M.; SPb., 2024. P. 74–82].

Тяпин И.Н. Учение Н.Я. Данилевского как источник западноевропейской философии истории // Философский полилог. 2023 (1), С. 51–57. [Tyapin I.N. Uchenie N.Ya. Danilevskogo kak istochnik zapadnoevropeiskoi filosofii istorii (The teachings of N. Ya. Danilevsky as a source of Western European philosophy of history) // Filosofskii polilog. 2023 (1), P. 51–57].

Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев за чтением Данилевского // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2024. С. 59–73 [Fetisenko O.L. Konstantin Leont'ev za chteniem Danilevskogo (Konstantin Leontiev reading Danilevsky) // Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost' / otv. red. V.V. Sidorin. M.; SPb., 2024. P. 59–73].

***Смирнов Владимир Николаевич**, кандидат философских наук, научный сотрудник СПбГУ, pustota94@yandex.ru*

Liberalism and Slavism. Reflection on the Book “The Creative Legacy of N. Ya. Danilevsky: History and Modernity”

Review article devoted to the book “Creative legacy N. Ya. Danilevsky: history and modernity”, in which concept N.Ya. Danilevsky's universality is considered in the context of intellectual history. A.V. Malinov writes about the possible influence of ideas V.I. Lamanskiy on the theory of cultural-historical types. K.V. Vorozhihina brings up the theme of “all human beings” in the work of F.M. Dostoevsky and N.Ya. Danilevsky O.L. Fetisenko dedicated her chapter to the question of intellectual connection between K.N. Leontiev and N.Ya. Danilevsky. A.A. Teslya writes about the interpretation of the ideas of Danilevsky by N.I. Kareev. V.V. Sidorin examines the draft of the treatise “Russia and Europe”, which is kept in the Russian National Library. The second section, devoted to the postmortem influence of Danilevsky, opens with the study of K.B. Ermishine about Eurasianism. V.V. Sapov writes about Danilevsky's ideas from the point of view of P. Sorokin. S. I Bazhov, instead of a conclusion, writes about the significance that Danilevsky’s legacy has in Russian thought. Finally, O.N. Danilevskaya and T.V. Gonsiorovskaya write about the past and future of the estate of Danilevsky Mshatka. The authors of the book gave a comprehensive overview of Danilevsky's ideas through approximations and disputes around his main work “Russia and Europe”. In the introduction, A.V. Smirnov spoke about the need to analyze Danilevsky’s ideas without established stereotypes, and it must be acknowledged that the authors of the book succeeded in this task.

***Keywords:** N.Ya. Danilevsky, liberalism, slavophilism, civilization approach, cultural-historical type.*

***Vladimir Smirnov**, PhD (Philosophy), scientific employee of SPbGU, pustota94@yandex.ru*

Е.В. Волков

ВЕТЕРАНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ И СТАТУС

Статья посвящена вышедшей в 2023 г. в РФ книге немецкого историка М. Эделе «Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991», в которой в рамках социальной истории исследованы разные аспекты ветеранского движения. Главное внимание уделено структуре, основным идеям и выводам монографии, а также вкладу д-ра Эделе в изучение весьма актуальной для многих стран темы, связанной с политикой в отношении бывших комбатантов и их адаптацией в обществе. Трактовки и выводы немецкого историка о месте и статусе ветеранов войны в позднем советском обществе коррелируются с личным опытом автора рецензии как наблюдателя.

Ключевые слова: *СССР, Вторая мировая война, ветераны, ветераны-инвалиды, бывшие военнопленные, ветеранская общественность, Советский комитет ветеранов войны, Всесоюзная организация ветеранов войны и труда.*

Согласно концепции «лирической историографии»[1], необходимо сказать, что интерес к советским ветеранам Второй мировой войны и рецензируемой книге у автора этих строк, видимо, обусловлен несколькими событиями, которые имели место в далекие 1970-е гг., еще в подростковом возрасте. В связи с какой-то очередной кампанией, связанной с созданием школьного музея, поиском пионерами ветеранов и приглашением их в школу для того, чтобы они поделились своими воспоминаниями о войне и сделали ценные наставления и советы учащимся, мне удалось найти и поговорить с двумя людьми из этой когорты. Первой оказалась постоянно улыбающаяся и всегда оптимистично настроенная пожилая седовласая женщина, которая носила довольно яркие наряды. Она жила одна. Ее квартира выглядела вполне приличной, обставленной мебелью, но заваленной разным барахлом и неубранной. По ее словам, во время войны она служила медсестрой. Однажды во время артиллерийского обстрела получила контузию, которая на всю оставшуюся жизнь сказалась на ее состоянии. Женщина плохо слышала (ей приходилось все время переспрашивать собеседника) и громко говорила, порой невпопад. Несмотря на это, она стала частым гостем в нашей школе и всегда рассказывала «правильную» историю войны, неизменно покидая очередную встречу со школьниками с букетом цветов в руках.

Другой ветеран, высокий и хмурый мужчина преклонных лет, жил вместе со своей пожилой супругой в однокомнатной квартирке в пятиэтажке. Он, служивший на фронте в пехоте, наотрез отказался прийти в школу, видимо, не желая бередить свои воспоминания о войне, но предоставил для школьного музея свою старую армейскую шинель. Сделал

[1] Данная концепция предполагает саморефлексию историков и включение в свои работы анализ факторов, связанных с личным жизненным опытом, повлиявших на тематику и проблематику их трудов, на пути достижения целей и задач исследований. Нарский 2012.

он это не без сожаления, поскольку до сих пор иногда, по его словам, одевал шинель в холодное время года. Меня тогда поразила очень чистая, но скромная, я бы даже сказал бедная обстановка, в которой жили двое стариков. В общем, две встречи – два мира, два разных отношения к войне и послевоенной жизни.

Мои впечатления того времени связаны и с художественными фильмами. Прежде всего, это кинокартина «Белорусский вокзал» (реж. А. Смирнов, 1971), где ветераны-десантники (четверо мужчин и одна женщина в исполнении актеров А. Глазырина, А. Папанова, В. Сафонова, Е. Леонова, Н. Ургант) показаны людьми со своими жизненными проблемами, но настоящими личностями, приверженцами фронтового братства и кодекса чести. Встреча их происходит по печальному поводу – на похоронах своего боевого товарища, высокопоставленного военного. Они, люди еще не пенсионного возраста, но последствия прошедшей войны сказываются, и некоторые ветераны «покидают строй». Не погрешу против истины, если скажу, что песня Б. Окуджавы «Десятый наш десантный батальон», прозвучавшая в фильме, впоследствии стала своеобразным гимном ветеранов, встречавшихся в День Победы 9 мая в разных городах и селах Советского Союза.

Второй фильм – драматическая комедия «Мимино» (реж. Г. Данелия, 1977), где есть эпизод, который демонстрирует влияние Комитета советских ветеранов войны в СССР. Когда герой фильма летчик гражданской авиации Валико Мизандари по прозвищу «Мимино» (актер В. Кикабидзе) случайно встречает в московском аэропорту ветерана Волохова (актер Е. Леонов), ошибочно в нем узнает сына своего погибшего боевого соратника и помогает через Комитет ветеранов и одного из его руководителей (актер Н. Граббе) устроить Мимино в большую авиацию на международные рейсы. Несомненно, эти два фильма вполне реалистично демонстрируют и подчеркивают высокий социальный и моральный статус ветеранов войны в позднем советском обществе.

Таким образом книга о советских ветеранах привлекла мое внимание. Ее автор –Марк Эделе (Mark Edele), специалист по истории СССР[2]. Он получил историческое образование в Германии и США, ныне является профессором Мельбурнского университета. Его работа о советских ветеранах Второй мировой войны позднесталинского времени была защищена в качестве докторской диссертации в 2004 г. в Чикагском университете[3], а затем с дополнениями и значительными изменениями, охватывающими весь советский послевоенный период, появилась как монография в 2008 г. в издательстве Оксфордского университета[4]. И лишь недавно, в 2023 г. «Новое литературное обозрение» выпустило версию его книги на русском языке[5]. О своей карьере как исследователя

[2] К примеру: Edele 1999; 2002; 2007; 2017; 2021.
[3] Edele 2004.
[4] Edele 2008. Еще до выхода в свет монографии на английском языке Эделе опубликовал ряд статей по проблематике своего исследования. Edele 2006 (a); 2006 (b).
[5] Эделе 2023.

советской эпохи Эделе, в связи с выходом его книги в России, опубликовал статью автобиографического характера[6].

Эделе работал в архивах Москвы (ГАРФ, РГАНИ, РГАЭ, РГАСПИ, ЦМАМ), Нижнего Новгорода (ГАПАНО), Воронежа (ЦДНИВО), Екатеринбурга (ЦДООСО), а также в столичных библиотеках России (РГБ и ГПИБ). Он изучил законодательные акты, делопроизводственную документацию, периодическую печать, эго-документы в виде мемуаров и писем, художественную литературуы. При этом, история ветеранов была бы представлена более полно и репрезентативно, если бы помимо письменных широко использовались и визуальные источники (к примеру, фотографии, игровые и документальные фильмы). Согласно свидетельству самого автора, во время работы над монографией, в Воронеже он встречался с ветеранами, которые делились своими воспоминаниями. Однако устные источники в работе также никак не представлены.

Главная цель работы, как заявляет автор, состоит в том, чтобы на основе выявленных фактов, их систематизации и анализа, показать, как ветераны войны в советском обществе обрели социальную и политическую силу. При этом Эделе, видимо, намеренно использует относительно советского государства определение «авторитарное», а не «тоталитарное», справедливо полагая, что полного контроля властей над обществом в СССР никогда не было.

Структурно книга состоит из трех частей, восьми глав с введением и послесловием. Первая часть «Реинтеграция», посвященная демобилизации ветеранов и возвращению их домой, интеграции в гражданскую жизнь, включает следующие разделы. Во-первых, «Введение», где говорится о последствиях Второй мировой войны для СССР. Общее количество советских ветеранов, по словам автора, составляло от 20 до 25 млн. человек (12–15% населения), которые различались по гендерным (женщины – ок. 2–3%) и этническим признакам. Эделе выделяет три возрастных когорты ветеранов: «фронтовое поколение» 1923–1927 гг. р.; среднее поколение 1905–1922 гг. р.; «дважды ветераны» 1904 г. и более ранних лет рождения. Он отмечает, что в странах-союзниках СССР после Второй мировой войны ветераны требовали признания и значимой социальной поддержки. Сам термин «ветеран» (лат. veteranus), известный еще из истории античного Рима, получил широкое распространение с середины 1930-х гг., когда в западных странах образовались и действовали сообщества участников Первой мировой войны. Глава первая «Эпопея возвращения» раскрывает масштабы и специфику демобилизации в СССР после окончания войны, проблемы, вызванные этим процессом. В главе второй «Добро пожаловать в нормальную жизнь» подчеркивается, что материальная помощь ветеранам со стороны государства оказалась мизерной несмотря на то, что бывшие участники войны считали, что они заслужили иного отношения. Глава третья «Возвращение на гражданку» показывает разные сферы, через которые происходи-

[6] Эделе 2024.

ла интеграция ветеранов в нормальную жизнь (семья, родственники, однополчане). Эделе приводит и факты репрессий относительно ветеранов в позднесталинском СССР. В книге проанализированы разные социальные сферы, где ветераны устраивали свою новую жизнь на гражданке: высшие учебные заведения, трудоустройство (популярные профессии – кухонный работник, продавец, водитель), «теневая экономика», церковь и другие религиозные общины, медицинские учреждения для инвалидов. Большие трудности, прежде всего морального характера, испытывали многие женщины-ветераны из-за негативного отношения к ним как к «шлюхам» и «походно-полевым женам».

Вторая часть «Победители и жертвы» содержит описание и анализ разных социальных групп ветеранов. Глава четвертая «Отличная профессия» включает характеристику разных категорий инвалидов войны, которых, по мнению автора, насчитывалось от 10 до 19% (более 2,6 млн. чел.) общего количества всех ветеранов. Статус инвалида-войны на законодательном уровне появился в СССР в 1940 г. и предполагал некоторые меры в качестве социальной поддержки, но полноценная система льгот для таких людей была создана лишь в 1980-е гг., и совершенствовалась в дальнейшем. Однако в первые послевоенные годы социальная поддержка инвалидов не отличалась большими масштабами. В условиях, когда власти стремились заставить многих инвалидов, за исключением нетрудоспособных, официально устраиваться на работу, многие из них, ограниченные в выборе профессии, испытывали большие материальные трудности. Глава пятая «Пожизненно меченные» повествует о военнопленных, освобожденных в период войны (свыше 3 млн. чел.), и политике властей, отличающейся социальной стигматизацией в их отношении. Только в 1956 г. эти люди на официальном уровне были амнистированы. Полная их реабилитация произошла лишь в 1995 г., уже в постсоветской России. Глава шестая «Слава победителям!» содержит анализ разных вариантов успешной карьеры ветеранов на партийной и руководящей работе, в вузах, в качестве представителей художественной интеллигенции. Но при этом, автор делает вывод, что советская элита по своему социальному составу после войны сильно не изменилась, в ней бывшие участники войны, как и ранее, не преобладали.

Третья часть книги «Советское ветеранское движение» включает две главы и послесловие. Глава седьмая «Борьба за организацию» раскрывает процесс становления и развития ветеранского движения, превращения его из «сообщества военнослужащих» в статусную группу советского общества. Глава восьмая «Сообщество заслуживающих» показывает, как устанавливались и менялись со временем разные льготы и привилегии для ветеранов. Эделе приходит к выводу, что несмотря на противодействие государства, ветеранам войны удалось добиться высокого статуса в обществе, предполагавшего целый набор мер социальной поддержки. Ветеранское движение, возникшее в 1945–1948 гг., первоначально было сильно ограничено властями. Но в период «оттепели»,

в 1956 г. происходит официальная институализация ветеранского движения, что выразилось в создании Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), задуманного властями как орган пропаганды на международной арене. Но ветераны видели в нем инструмент для их социальной поддержки и обеспечения высокого статуса в обществе. Они по собственной инициативе создавали региональные группы ветеранов и массово обращались с просьбами, жалобами и предложениями в СКВВ. Благодаря давлению ветеранов «снизу», власти вынуждены были пойти им навстречу. В итоге, в 1978 г. ветераны войны в СССР на законодательном уровне получили статус особой группы со своими правами и привилегиями. В период «перестройки», была создана общая Всесоюзная организация ветеранов войны и труда (1986), что несколько изменило структуру ветеранского движения, но при этом их особый социальный статус сохранился. Данное объединение на законодательном уровне стало общественной организацией, и некоторые его представители получили удостоверения народных депутатов. Автор книги определяет три группы участников ветеранского движения. Во-первых, это руководители и другие функционеры, как правило, из кадровых военных, коммунисты. Во-вторых, активисты, официально не состоявшие в организации, но привлекавшиеся для разных мероприятий. Эта группа по численности в несколько раз превосходила функционеров. В-третьих, «ветеранская общественность», еще более многочисленная группа, участвующая в движении от случая к случаю. Количественный состав таких групп зависел от трех процессов: степени распространения ветеранских организаций; институализации культа Великой Отечественной войны; сокращения ветеранских поколений из-за смертности. При этом автор книги справедливо отмечает, что подавляющее большинство бывших комбатантов не являлись членами ветеранских организаций и не принимали активного участия в их деятельности.

Таким образом, монография представляет собой комплексное исследование о советских ветеранах Второй мировой войны, предлагая вполне убедительную схему исследования этой проблематики в рамках социальной истории. Работа отличается большим количеством статистического материала, поданного прямо в тексте или в виде таблиц. Многие расчеты автор на основе разного рода источников сделал сам.

Марк Эделе несколько раз прибегает к такому приему, с помощью которого демонстрирует конкретные жизненные траектории ветеранов, опираясь на их мемуарные тексты и, основе сравнительного метода, выявляя в них типичное и особенное. Безусловно, такой антропологически ориентированный прием эффективно работает на реализацию задач исследования. Описывая группы ветеранов, Эделе вполне обоснованно использует концепт «воображаемое сообщество», введенный в научный оборот британским историком Б. Андерсоном, в связи с объяснением истоков национализма в разных странах[7].

[7] Anderson 2006.

Стоит заметить, что внимание автора книги приковано преимущественно к ветеранам и их организациям в РСФСР, по некоторым национальным регионам, таким как Украина, Белоруссия, Латвия, Казахстан в книге имеются лишь отрывочные сведения. По ряду республик и автономных областей информация вообще не представлена. Об этом «русоцентризме», как определенном недостатке, говорит и сам автор в предисловии к настоящему изданию своей монографии на русском языке. Но, с другой стороны, из этого следует, что работа Эделе является важной фундаментальной основой для дальнейших исследований о советских ветеранах на региональном уровне.

Итак, можно резюмировать, что этот труд о советских ветеранах войны, актуален и представляет новые знания об этом народном движении в СССР, предлагая схему изучения бывших участников войны как особой социальной группы. Конечно, было бы неплохо, если бы автор книги изучил и такие аспекты, как деятельность ветеранов по формированию официального дискурса о Великой Отечественной войне, их культурные практики, связанные с конструированием памяти о войне. Но это, видимо, уже другая история…

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Нарский И.В. Антропологизация авторства: приглашение к «лирической историографии» // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 56–70. [Narskij I.V. Antropologizaciya avtorstva: priglashenie k «liricheskoj istoriografii» (The anthropologization of authorship: an invitation to “lyric historiography”) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 3 (115). P. 56–70.]

Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991 / пер с англ. Е. Иванушкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с. [Edele M. Sovetskie veterany Vtoroj mirovoj vojny. Narodnoe dvizhenie v avtoritarnom gosudarstve, 1941–1991 (Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991) / per s angl. E. Ivanushkinoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 480 p.]

Эделе М. «Советские ветераны Второй мировой войны»: двадцать лет спустя // Неприкосновенный запас. 2024. № 3 (155). С. 60–82. [Edele M. «Sovetskie veterany Vtoroj mirovoj vojny»: dvadcat let spustya (“Soviet veterans of the Second World War”: twenty years later) // Neprikosnovennyj zapas. 2024. № 3 (155). P. 60–82.]

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [1983]. London-New York: Verso, 2006. 240 p.

Edele M. Paper Soldiers: The World of the Soldier Hero According to Soviet Wartime Posters // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1999. Bd. 47. № 1. S. 89–108.

Edele M. Strange Young Men in Stalin’s Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. Bd. 50. # 1. S. 37–61.

Edele M. “A Generation of Victors?” Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956. 3 vols. Ph.D. diss. University of Chicago, 2004.

Edele M. More than just Stalinists: The Political Sentiments of Victors 1945–1953 // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. J. Fürst. London – New York: Routledge, 2006 (a). P. 167–191.

Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review. 2006 (b). Vol. 65. # 1. P. 111–137.

Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. # 2. P. 349–373.

Edele M. Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford University Press. 2008. 334 p.

Edele M. Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford: Oxford University Press, 2017. 205 p.

Edele M. Stalinism at War: The Soviet Union in World War II. London etc.: Bloomsbury Academic, 2021. 272 p.

***Волков Евгений Владимирович**, д.и.н., доцент, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); volkovev@susu.ru*

Veterans of the Second World War in the USSR struggle for recognition and status

The article reviews the book of German historian M. Edele "Soviet Veterans of World War II. Popular Movement in an Authoritarian State, 1941–1991", which examines different aspects of the veterans' movement within the framework of social history. The main focus is on the structure, main ideas and conclusions of the monograph, as well as Dr. Edele's contribution to the study of a very relevant topic for many countries, related to the policy towards ex-combatants and their adaptation in society. The Cerman historian's interpretations and conclusions about the place and status of war veterans in late Soviet society correlate with the author's personal experience as an observer.

***Keywords:** USSR, World War II, veterans, disabled veterans, former prisoners of war, veteran community, Soviet Committee of War Veterans, All-Union Organization of War and Labor Veterans.*

***Evgeny V. Volkov**, Dr. Sc. (History), assisting professor, the South Ural State University (Chelyabinsk); volkovev@susu.ru*

Т.В. Зверева

ФРАНЦИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (рец. на книгу М. Арзаканян «История современной Франции)

В своей новой книге Марина Арзаканян предлагает последовательное изложение ключевых этапов развития Франции. Значительная часть исследования посвящена XIX–XX вв. – периоду формирования современной французской политической системы, характеризующемуся высокой степенью сложности и драматизма. Освещаются также события начала XXI в., вплоть до избрания Э. Макрона президентом Французской республики, с выявлением причинно-следственных связей, обусловивших основные кризисы и последующие трансформации.

Ключевые слова: *Франция, история, этапы эволюции, тенденции развития, политическая система, французская культура.*

Видный российский историк-франковед Марина Арзаканян известна широкому кругу читателей, прежде всего, своими блестящими биографиями де Голля и его ближайших сподвижников. Однако сфера ее профессиональных интересов не ограничивается этим жанром. На сегодняшний день из-под пера Арзаканян вышел ряд высоко востребованных учебников по истории Франции. В текущем году автор порадовала читателей новым трудом, в котором последовательно представлены основные вехи развития страны. Автору удалось решить сложную задачу, уложив в одном сравнительно небольшом томе всю богатейшую французскую историю, не «высушивая» ее и не скатываясь к схематичному перечислению событий. Во введении речь идет о ранних этапах французской истории, выделены наиболее значимые события, явления и факты, освещено правление основных королевских династий, специфика французского абсолютизма, а также крах монархической системы. Бóльшая же часть книги посвящена XIX–XX вв. – сложному и во многом драматичному периоду формирования современной французской политической системы. Отражены и события начала XXI в. вплоть до избрания президентом Французской республики Э. Макрона. Особенностью рецензируемого издания стало значительное внимание к процессу развития французской культуры в разные периоды истории.

На примере Франции читатель получает возможность погрузиться в исторический процесс, попытаться его осмыслить, почувствовать само дыхание времени, оценить всю сложность и неоднозначность эволюции общества, когда очевидный прогресс по одним направлениям нередко сопровождался частичным откатом назад – по другим. Чтение книги Арзаканян – прекрасный повод поразмышлять о высокой цене, которую человечество платит за то, чтобы общество становилось более гуманным, а система управления государством все больше и больше соответствовала материальным и духовным потребностям всех граждан.

Автор не могла пройти мимо Французской революции XVIII века, споры об оценках которой не утихают как во Франции, так и за ее пре-

делами. К этому сюжету обращались многие крупнейшие мыслители, и это не случайно. Как подчеркивают современные историки Д. Бовыкин и А. Чудинов, «устойчивая востребованность опыта Французской революции в последующие два века не должна удивлять: из ее колыбели вышло все современное западное общество. Да и остальной мир в той или иной степени до сих пор продолжает испытывать ее влияние»[1]. Арзаканян показывает как двойственный характер, так и значение этого поистине эпохального события с точки зрения всей последующей французской истории. С одной стороны, революция заложила основы современной политической, экономической, социальной, административной систем страны. Многое из того, что в дальнейшем получило во Франции свое развитие, во время Революции было сделано впервые. С другой стороны, после утверждения Конституции 1793 г. установилась якобинская диктатура, и в результате развязанного террора только по официальным данным было казнено без суда и следствия 40 тыс. человек. Гильотина стала «кровавым символом революции» (29). Якобинская диктатура обернулась столь кровавыми преступлениями, что дискуссии о высокой цене политического прогресса продолжаются и сегодня.

Не менее противоречивой была эпоха Наполеона – время больших завоевательных кампаний, унесших жизни многих французов и отката назад реформ. Из-за своей экспансионистской политики страна столкнулась с демографическими проблемами. После поражения Наполеона Франция должна была выплатить контрибуцию в размере 700 млн. франков, и до 1818 г. там находились оккупационные войска. «Империя погибла от войны», – признают современные французские историки, имея в виду оглушительное поражение французской армии в России[2]. Что касается внутренней политики, то, придя к власти, Наполеон быстро свернул политические реформы, несмотря на то, что в юности увлекался идеями Просвещения и во время Революции разделял взгляды якобинцев. Полностью перечеркнуть итоги революции он не сумел и, скорее всего, не имел таких намерений. Император дорожил разработанным под его руководством и принятым в 1807 г. Гражданским кодексом, на склоне дней считая его своим главным достижением. Кодекс закрепил важные нововведения, незыблемость частной собственности, открыв возможности для дальнейшего экономического и политического развития страны. В книге показано огромное значение эпохи Французской революции, Консульства и Империи: «на протяжении следующих шестидесяти лет страна, в которой менялись режимы и происходили новые революции, каким-то образом постоянно пыталась возвратиться к тому или иному политическому критерию конца XVIII – начала XIX в. и постепенно воплощала их в жизнь, пока не пришла к окончательному установлению республиканского строя» (33).

[1] Бовыкин, Чудинов 2024; 7.
[2] Histoire de France 2005;395.

XIX век стал драматическим периодом: сквозь восстания с их кровавым хаосом и жестокие репрессии властей страна прорывалась к утверждению заложенного во время Французской революции нового общественного устройства. Уже в 1814 г. после установления режима Реставрации власть короля была ограничена Конституционной хартией. Создан двухпалатный парламент, принят закон о парламентском контроле над государственным бюджетом, а также закон о свободе печати. Однако из-за имущественного и возрастного цензов парламент носил во многом декоративный характер, а в 1815–1817 гг. под давлением ультрароялистов в стране вновь проливается кровь – развернут «белый террор», и по политическим мотивам арестованы почти 70 тыс. чел. (35).

Реакционная политика пришедшего в 1824 г. на французский трон ультрароялиста Карла X стала для него губительной, вызвав революционный взрыв 1830 г. и приведя к власти Луи-Филиппа. После этого поправки в Конституцию еще больше ограничили полномочия короля. Устанавливается режим Парламентской монархии, а Луи-Филипп становится «буржуазным королем» (36). Принимаются социальные законы при одновременном жестком подавлении восстаний лионских ткачей. В 1834 г. запрещены политические общества, но бурно развивающаяся пресса становится рупором оппозиции и распространителем социалистических и коммунистических идей. Быстро растет экономика, и это развитие основано уже на промышленном перевороте. При этом внешняя политика Франции сохраняет традиционный, консервативный, имперский характер: страна обращается к колониальным захватам в Африке и в Атлантическом океане (38). Следующий этап – революция 1848 г. и создание Второй Республики – стал одним из самых противоречивых в развитии политической системы Франции. После выборов в Учредительное собрание, проведенных в отличие от прошлых лет на основе всеобщего избирательного права, принимается новая конституция – важный шаг на пути к закреплению идеи разделения властей. Но уже в декабре 1848 г. президентом избран бонапартист Луи-Наполеон. Три года спустя, опираясь на поддержку монархистов всех мастей и не скрывая своих авторитарных амбиций, он совершает государственный переворот. Законодательное собрание распущено, а деятели оппозиции иммигрировали или подвергнуты аресту. Опираясь на итоги двух референдумов, Луи-Наполеон сначала продлевает до 10 лет свой президентский срок, а в декабре 1852 г. объявляет себя императором под именем Наполеона III (42). До сих пор воспоминания об этих событиях заставляют французских законодателей, даже в наши дни опасающихся соскальзывания страны к бонапартизму, проявлять особую осторожность при использовании такой формы как всеобщий референдум, особенно по всем вопросам пересмотра конституции. В соответствии со статьей 89, он может быть объявлен только совместно президентом, премьер-министром и депутатами парламента, но не единолично президентом[3].

[3] La Constitution de la Ve République 1958

Как можно оценить возвращение Франции в середине XIX в. к авторитарной форме государственного устройства? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, однако очевидно, что почти двадцатилетний период правления Наполеона III не стал, в отличие от того, что можно было бы ожидать, полным отказом от всех предыдущих политических, экономических и социальных завоеваний. Здесь мы опять сталкиваемся с причудливым, извилистым и не совсем последовательным процессом, когда реакция в одних сферах общественной жизни сопровождается прогрессом на других направлениях. Подобно потоку воды творческая энергия людей устремляется туда, где сохраняются хотя бы минимальные возможности для развития. С одной стороны, Конституция 1852 г. наделяла императора огромными полномочиями, и до 1860 г. большинство демократических достижений прошлых лет было, как будто, сведено на «нет». С другой стороны, Вторая империя – период бурного экономического роста, благоустройства городов, расцвета науки и культуры. В середине XIX в. процесс политической эмансипации нации, импульс которому был дан Французской революцией, было уже крайне сложно повернуть вспять. С 1860 г. режим, все еще сохраняя авторитарный характер, тем не менее, вынужден был пойти на политические и социальные реформы (46-47). Одновременно во Франции нарастают националистические настроения, что, впрочем, было свойственно всем странам так называемого «европейского концерта» XIX в. В этой атмосфере неизбежным стало соскальзывание Франции к войне с Пруссией, умело спровоцированной Бисмарком (48). После унизительного поражения во Франции вновь меняется режим и на этот раз окончательно устанавливается республиканская форма правления.

В начале XX в. развитие событий опять подталкивает страну к новым испытаниям. Автор убедительно рисует клубок противоречий, в который были завязаны отношения между великими державами накануне Первой мировой войны. Как отмечено в книге, «каждая из них следовала своим интересам» (85). Как выяснилось потом, это были отнюдь не долгосрочные, стратегические расчеты, а, скорее, тактические, привычные соображения, основанные на ожиданиях политическими элитами сиюминутной выгоды. Накануне 1914 г. мало кто догадывался о том, какими разрушительными последствиями для всех участников войны она обернется. Националистические настроения нарастали в Европе повсеместно, но главной движущей силой конфликта стала недавно объединившаяся и стремившаяся к самоутверждению Германия. Могла ли Франция в этих условиях пойти другим путем и остаться в стороне от мирового военного столкновения? Очевидно, что такая возможность существовала. Смогла же Швейцария сохранить нейтралитет в обеих мировых войнах XX в. и тем самым преумножить свое национальное богатство, избежав большой крови и разорения. Однако для Франции начала XX в. вероятность реализации такого сценария была минимальной. Во-первых, воинственный настрой всех великих держав и особенно

стран Четверного союза неуклонно подталкивал Европу к вооруженному столкновению. Большинство европейских лидеров, принимавших в тот период судьбоносные решения, рассчитывали, что военная кампания будет быстрой и малозатратной. Предстоящее столкновение представлялось европейским элитам «легкой прогулкой», которая должна была стать подтверждением политического влияния того или иного государства, чем-то средним между очередными военными маневрами и дебатами в парламенте. В этих условиях сползание мира к войне становилось практически неминуемым. Во-вторых, такие же настроения господствовали во Франции, причем точка зрения самой французской политической элиты отличалась особой агрессивностью по отношению к Германии, во многом совпадая с настроем общественного мнения. Слишком сильны были воспоминания о «славном» имперском прошлом и особенно о недавнем позорном поражении Франции во франко-прусской войне. Политические силы, продвигавшие компромиссные внешнеполитические решения, были немногочисленны и не консолидированы, а их глава был физически уничтожен. Как подчеркнуто в книге, «против реваншизма выступала только часть социалистов, но их лидер Жан Жорес из-за его пацифистских убеждений был убит в Париже 31 июля 1914 г. националистом Раулем Вилленом» (86). Иначе говоря, в это время условия для реализации т.н. «швейцарского» (компромиссного) сценария не созрели ни в самой Франции, ни за ее пределами. Страна вышла победительницей в Первой мировой войне, но за этот триумф была заплачена самая высокая среди европейских держав цена. (90-91). Травмы Первой мировой войны во многом предопределили развитие Франции в XX в., а капитуляция 1940 г. стала прямой антитезой националистическому милитаристскому угару конца XIX – начала XX в. Наконец, Первая мировая – своеобразный пролог Второй мировой войны, другого тяжелейшего испытания для всех европейских стран, включая Францию.

Новая книга Арзаканян воссоздает сложную мозаику политической, социально-экономической, культурной жизни Франциистраны в исторической ретроспективе. Факты и события, приведенные в работе, тщательно выверены и уточнены с помощью источников и литературы. Их изложение позволяет выявить причинно-следственные связи, определяющие развитие исторического процесса. Читатель видит, как события предшествующей эпохи готовят почву для последующих перемен. Автор «оживляет» повествование, увлекая читателя в мир, населенный конкретными людьми, чья воля и участие в событиях оказывают влияние на ход истории. Книга оснащена мощным научным аппаратом.

Рецензируемое издание не просто представляет собой очерк истории Франции, но, по сути, является высококачественным учебным пособием, содержащим богатейший, четко продуманный и систематизированный справочно-аналитический материал. Книга незаменима для всех, кто изучает французскую и в целом европейскую политику, историю, культуру или просто интересуется современной Францией.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М.: Высшая школа, 1990. 240 с. [Arzakanyan M.TS. De Goll' i gollisty na puti k vlasti. (De Gaulle and the Gaulists on the way to power). M.:Vysshaya shkola, 1990. 240 s.].

Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа, 2003.157 с. [Arzakanyan M.TS. Politicheskaya istoriya Frantsii KHKH veka. (The political History of France in the twentieth century). M.: Vysshaya shkola, 2003. 157 s.].

Арзаканян М.Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2017. 304 с. [Arzakanyan M.TS. De Goll'. (De Gaulle). M.: Molodaya gvardiya, 2017. 304 s.].

Арзаканян М.Ц. Сподвижники де Голля. М.: Молодая гвардия, 2024. 255 с. [Arzakanyan M. Spodvizhniki de Gollya. (De Gaulle's companions). M.: Molodaya gvardiya, 2024. 255 s.].

Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. Дрофа, 2005. - 474 с. [Arzakanyan M.C., Revyakin A.V., Uvarov P.YU. Istoriya Francii. Drofa, 2005. - 474 s.].

Арзаканян М.Ц. История современной Франции. М.: Аквилон, 2025. – 296 с. [Arzakanyan M.C. Istoriya sovremennoj Francii. M.: Akvilon, 2025. – 296 s.].

Бовыкин Д.Ю. Французская революция /Дмитрий Бовыкин, Александр Чудинов. М.: Альпина нон-фикш: Постнаука, 2024. 468 с. [Bovykin D.YU. Francuzskaya revolyuciya/Dmitrij Bovykin, Aleksandr CHudinov. M.: Al'pina non-fiksh: Postnauka, 2024. 468 s.].

La Constitution de la Ve République. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. Texte intégral en vigueur à jour de la révision constitutionnelle du 23 juillet 2008. https://www.legreci.fr/la-constitution-de-la-ve-republique/.

Histoire de France. Larousse 2005. 645 p.

***Зверева Татьяна Вадимовна**, доктор политических наук, профессор, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Институт актуальных международных проблем, Дипломатическая академия МИД России;* tatyanazvereva@yandex.ru

France between the past and the future (review of Marina Arzakanyan's book “History of Modern France”)

In her new book the prominent Russian historian Marina Arzakanyan coherently presents all key stages in the development of France. The author has managed to present the French history in a relatively small volume, while maintaining its depth and avoiding reductionism. The book focuses on the most significant events, phenomena, and facts. An important portion of the study is dedicated to the 19–20 cc., a period of significant complexity and drama in the process of the modern French political system formation. The book also covers the events of the early 21st c., before the election of Emmanuel Macron as President of the French Republic, and identifies the causes and consequences of the main crises and subsequent transformations. A distinctive feature of the book is its detailed examination of the development of French culture at various historical stages. The book gives to the reader the opportunity to plunge in the French historical context, to see its complexity and contradictions. This publication goes beyond a simple historical essay, serving as a high-quality educational resource with carefully selected and organized reference and analytical material. It is an indispensable book for anyone interested in French and European politics, history, and culture, as well as for those seeking a deeper understanding of contemporary France.

***Keywords:** France, history, stages of evolution, development trends, political system, French culture.*

***Zvereva Tatyana Vadimovna**, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics, Faculty of World Economy and International Affairs; Chief Researcher, Institute of the Contemporary International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Russia, tatyanazvereva@yandex.ru.*

CONTENTS

Intellectual History Today

Olga Vlasova
Problematization of modernity humanities in “dialogue with time” and themselves…. 5
Pavel Riazanov, Maria Loshkareva
Cardinal Bessarion versus George of Trebizond
Plato's Accusations from Charges of Immorality…….. 17
Alexander Zhuravlev
Bossuet as the critic of Hobbes: the foundations of conservative tradition…… 33
Maksim Gorbunov
Herbert Hart's Research Program: Pro et Contra……... 48
Aleksey Antoshin
The intellectual climate and moral-psychological atmosphere
in the Russian émigré community of Morocco in the late 1940s – 1950s……. 64
Artem Klyuev, Olga Metel
The Questions of Methodology of Historical Research
in the works of Vladimir M. Lavrovsky……... 78
Ilya Filimonov
In search of reality: theoretical and methodological foundations
of counterfactual propositions of historical science by Robert Fogel…… 94
Igor Kryuchkov, Artyom Peretyatko, Nikolai Trapsh,
"...Under no circumstances should one allow a lie ... in no case should one be afraid
of the truth ... not a shadow of bias, not a shadow of malice".
Jubilee reflections on Nikolai Alexandrovich Mininkov……... 108

Scientific and pedagogical schools in the practices of the past and present

Lorina Repina
The problem of identification of research schools
in the transdisciplinary space of contemporary science……. 122
Tatyana Zhukovskaya, Ksenia Kazakova
The first degrees, their status and the procedure of awarding
in the first half of the 19th century (on materials of St. Petersburg University)…….. 131
Aleksandr Antoshchenko
Scientific Schools of Moscow University
in the Anniversary Memoirs of its Emigrated Graduates…….. 148
Nadezhda Nedashkovskaya, German Myagkov
Scholar practices of Kazan Slavic studies of 1850s: the case of V.I. Grigorovich……. 162
Natalia Rostislavleva
German historical knowledge of the 19th-20th centuries
types of communication and attributes of scholarism…….. 180
Tamara Sidorova
The “non-classical” leading scientific and pedagogical school in the practice of
the University of Cambridge in the late 19th and early 20th centuries.
F.W. Maitland's experience…….. 195
Natalia Alevras, Natalya Grishina
"Dissertation culture" as a tool for forming a scientific community
from the experience of scholarium processes in Soviet historical science
in the first half of the 20th century…… 211
Sergey Krikh
How the scientific school of ancient history failed to work in the USSR
the case of N.M. Nikol'sky……... 227

Andrey Kuznetsov
The phenomenon of Venice in the historiography of Nizhny Novgorod/Gorky
From Henri Pirenne to S.I. Arkhangelsky and N.P. Sokolov……... 240
Gennady Pikov
For science in Siberia: from the history of general history research
at the Humanities department of NSU in the 1960s –1970s…….. 256
Konstantin Rudenko
Scientific archaeological schools in Tatarstan: past, present and future……... 270
Vera Rusanova, Anastasiya Kutuzova
Research Laboratory "Scientific School of Academician N.I. Kareev in Novistics"
from the leadership type of scientific school to the communicative one…… 285
Tatyana Ivanova
Mentoring and functioning of scientific schools in modern historical science……... 300

History and Personality

Larisa Chernova
The Will as Autobiography
the case of John Carpenter, Common Clerk of 15th Century London…… 311
Dmitry Shmelev, Ludmila Shmeleva
French meetings of E.A. Iswolsky: pages of intellectual biography…….. 327

In the Space of Cultural History

Anna Gerstein
«A Model Kit»: the attributes of Antichrist and their functions in constructing
of the image of a false emperor in the chronicles of the 13th–14th centuries……... 341
Anna Stogova
The Virtue of the Observer: The Birth of Diary Discourse in Early Modern England... 356
Ksenia Sozinova
"Ye wives, be ye in subjection to obey your own husbands": The concept of
obedience in English wedding sermons of the 17th and Early 18th Centuries……. 373
Nikolay Vlasov
The Image of Russian Empire in Bismarck's Views and Assessments of
the German Press in the 1880s: was the Iron Chancellor an expert on Russia?..... 388
Yulia Zherdeva
Emotional Markers of Temporal Experiences
in Ego-Documents of the First World War……. 405
Igor V. Narskii, Natalya V. Narskaya
„Birches in tubs": a hallmark of Russian emigrant nostalgia…… 421

Reading Club

Vladimir Smirnov
Liberalism and Slavism. Reflection on the Book
"The Creative Legacy of N. Ya. Danilevsky: History and Modernity"……. 437
Evgeny V. Volkov
Veterans of the Second World War in the USSR struggle for recognition and status… 445
Tatyana Zvereva
France between the past and the future
(review of Marina Arzakanyan's book "History of Modern France")……... 452

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная история сегодня

О.А. Власова
Проблематизация современности гуманитарии в «диалоге со временем» и собой 5

П.А. Рязанов, М.Е. Лошкарева
Кардинал Виссарион против Георгия Трапезундского
защита Платона от обвинений в безнравственности……... 17

А.В. Журавлев
Боссюэ как критик Гоббса
к становлению традиции консервативной политической мысли……..... 33

М.Д. Горбунов
*И*сследовательская программа Герберта Харта: pro et contra…….. 48

А.В. Антошин
Интеллектуальный климат и морально-психологическая атмосфера
русском эмигрантском сообществе Марокко конца 1940-х –1950-х гг…….. 64

А.И. Клюев, О.В. Метель
Проблемы методологии исторических исследований
в трудах Владимира Михайловича Лавровского……. 78

И.Н. Филимонов
В поисках реальности: теоретико-методологические основания
контрфактического моделирования исторических процессов
в трудах Роберта Фогеля……... 94

И.В. Крючков, А.Ю. Перетятько, Н.А. Трапи
«…Ни под каким видом не допускать лжи… ни в коем случае не бояться правды
…не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы».
Юбилейные размышления о Николае Александровиче Мининкове……..... 108

Научно-педагогические школы в практиках прошлого и настоящего

122-130 Л.П. Репина
Проблема идентификации научных школ
в трансдисциплинарном пространстве современной науки…… 122

Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова
Первые ученые степени, их статус и процедура обретения
в первой половине XIX в. (по материалам Петербургского университета)……... 131

А.В. Антощенко
Научные школы Московского университета
в юбилейных воспоминаниях выпускников-эмигрантов…… 148

Н.И. Недашковская, Г.П. Мягков
Схоларные практики Казанского славяноведения 1850-х гг.
казус В.И. Григоровича……. 162

Н.В. Ростиславлева
Немецкое историческое знание XIX–XX вв.
типы коммуникации и атрибуты схоларности……. 180

Т.А. Сидорова
«Неклассическая» лидерская научно-педагогическая школа
в академической практике Кембриджского университета
конца XIX – начала XX вв.: опыт Ф.У. Мейтленда……. 195

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина
«Диссертационная культура» как инструмент
формирования научного сообщества: из опыта схоларных процессов
в советской исторической науке первой половины XX века……..... 211

С.Б. Крих
Как в СССР не сложилась научная школа древней истории
казус Н.М. Никольского…… 227
А.А. Кузнецов
Явление Венеции в историознании Нижнего Новгорода/Горького
от Анри Пиренна к С.И. Архангельскому и Н.П. Соколову……... 240
Г.Г. Пиков
За науку в Сибири. Из истории исследований по всеобщей истории
на гуманитарном факультете НГУ в 60–70 гг. XX в……..... 256
К.А. Руденко
Научные археологические школы в Татарстане: прошлое, настоящее и будущее... 270
В.С. Русанова, А.А. Кутузова
Научно-исследовательская лаборатория «Научная школа академика Н.И. Кареева
по новистике»: от лидерского типа научной школы к коммуникативному…….. 285
Т.Н. Иванова
Наставничество и функционирование научных школ
в современной исторической науке…….. 300

История и личность

Л.Н. Чернова
Завещание как автобиография
случай Джона Карпентера, городского клерка Лондона XV века…….. 311
Д.В. Шмелев, Л.М. Шмелева
Французские встречи Е.А. Извольской: страницы интеллектуальной биографии 327

В пространстве культурной истории

А.Б. Герштейн
«Модель для сборки»: атрибуты Антихриста и их функции
в конструировании образа фальшивого императора в хрониках XIII–XIV вв….. 341
А.В. Стогова
Добродетель наблюдателя
зарождение дискурса о дневниках в Англии раннего Нового времени……. 356
К.А. Созинова
«Жены, будьте в повиновении своим мужьям»: концепт obedience
в английских проповедях новобрачным XVII – начала XVIII века……..... 373
Н.А. Власов
Образ Российской империи в восприятии Бисмарка и оценке
германской прессы 1880-х годов: был ли «железный канцлер» знатоком России? 388
Ю.А. Жердева
Эмоциональные маркеры темпоральных переживаний
в эго-документах Первой мировой войны……... 405
И.В. Нарский, Н.В. Нарский
«Березы в кадках»: маркер российско-советской (эмигрантской) ностальгии….. 421

Читая книги…

В.Н. Смирнов
Либерализм и славянство. размышление над книгой
«Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность……... 437
Е.В. Волков
Ветераны Второй мировой войны в СССР: борьба за признание и статус…… 445
Т.В. Зверева
Франция между прошлым и будущим
(рец. на книгу М. Арзаканян «История современной Франции»)…….. 452